

Джон Норман Добыча Гора

Table of Contents

Глава 1 Я — Зия
Глава 2 Я буду продана
Глава 3 Меня продали
Глава 4 Адрасте
Глава 5 Нас выводят из дома Анесидема
Глава 6 Происшествие на улице
Глава 7 Одноногий с пришвартованного корабля
Глава 8 В море
Глава 9 Порт-Кар
Глава 10 Я подаю пагу
Глава 11 Встреча со старым знакомым
Глава 12 Капюшон
Глава 13 Интервью
Глава 14 Обмен любезностями с Адрасте
Глава 15 Случай на набережной
Глава 16 Очень странный разговор
Глава 17 Ворота Дельты
Глава 18 Однажды ночью в Золотой Цепи
Глава 19 Шеренга
Глава 20 Сообщение
Глава 21 Мост
Глава 22 Комната где-то в Порт-Каре
Глава 23 Пробуждение в незнакомом месте
Глава 24 Малый рынок Аль-ка
Глава 25 В жилище одноногого
Глава 26 На болотах
Глава 27 На Канале Морского Слина
Глава 28 Что произошло после случая на канале
Глава 29 Шхера Ларса
Глава 30 Красно-жёлтое строение
Глава 31 Как Бруно из Торкадино завершил этот день
Глава 32 Что произошло в апартаментах Бруно из Торкадино в его отсутствие
Глава 33 Страшная ночь на болотах
Глава 34 Снова в Золотой Цепи
Глава 35 Флориан
Глава 36 Холдинг, в котором я ношу свой ошейник

[Глава 37 Я доказываю свою полезность для хозяев](#)

[Глава 38 Лишение свободы Дорны Гордой](#)

[Глава 39 Панель для наблюдения](#)

[Глава 40 Банкет](#)

[Глава 41 События в холдинге Боска из Порт-Кара](#)

[Глава 42 Большая лодка отчаливает](#)

[Глава 43 Трудности по дороге в Шхеру Ларса](#)

[Глава 44 Как Талена использовала нож Серемидия](#)

[Глава 45 События в Шхере Ларса](#)

[Глава 46 Отвлекающие факторы](#)

[Глава 47 Талена теперь в безопасности на Косе](#)

Добыча Гора

(Хроники Гора - 35)

ДжонНорман

Молодая женщина из небедной семьи, из высших слоёв общества, умная и образованная, модная и поразительно красивая, но эгоистичная и надменная, презирующая мужчин, считающая их всех управляемыми слабаками и эксплуатирующая их, на одном из приёмов встречает таинственного, тревожно привлекательного мужчину, который не просто не поддаётся на её уловки, но, кажется, обладает иммунитетом к её очарованию, да ещё и, похоже, относится к ней, её неудовольствию и негодованию, с хорошо скрываемым, но заметным презрением.

Позже её жизнь претерпевает неожиданное, драматичное и радикальное изменение. Похищенная и вместе с другими, словно груз, словно домашний скот, переправленная на красивый, зелёный, свежий, полный опасностей мир, именуемый Гор, она находит, что отныне она — всего лишь товар, животное, рабыня. Ей выжигают клеймо и надевают ошейник. Её одежда, если таковая имеется, её еда, какой бы она не была, теперь зависит от прихоти других. Она узнаёт, что обращаться к свободному мужчине или свободной женщине, она обязана становиться на колени и говорить «Господин» или «Госпожа», что она должна стремиться понравиться им, повиноваться немедленно и без колебаний, и, что немаловажно, красиво, во всех вещах и в любом отношении, целовать плоть и надеяться, что её не станут использовать на ней. Позже на Горе ей предстоит снова повстречать того таинственного мужчину, с которого она познакомилась на том памятном приеме, только теперь, она непритязательная рабыня, заклеимённая, одетая в ошейник и тряпку, вынуждена стоять перед ним на коленях и всячески угождать.

Джон Норман

Добыча Гора

John Norman
QUARRY OF GOR

Copyright © 2019 by John Norman

© Андрэ Ранкахов, перевод на русский язык, 2023

Переведено специально для группы «Джон Норман»

Глава 1

Я — Зия

Я

— Зия.

На моей шее лёгкий металлический ошейник.

Он плотно окружает её.

Он заперт на ней.

Я не могу снять его.

Так пожелали хозяева.

Кроме того, моё бедро отмечено курсивным кефом.

Так пожелали хозяева.

Я — рабская девка, одна из многих на планете Горе.

Мы не имеем значения. Мы — предметы потребления, товар, имущество. Мы принадлежим.

Этот мир, насколько я понимаю, находится в той же планетарной системе, что и моя прежняя планета, называемая «Терра» или «Земля». Соответственно, у этой планеты общее с Землёй светило. Мы называем его Солнце или Sun, здесь его называют Тор-ту-Гор, Свет над Домашним Камнем. Гореанские мужчины, имеющие доступ ко Второму Знанию, упоминая о моей прежней планете, обычно называют её «рабский мир», по-видимому, потому что оттуда часто доставляют женщин вроде меня, оказывающихся на их рынках. Местные жители, ограниченные Первым Знанием, полагают, что «Земля» — это отдалённый регион их планеты, варварские земли. В города мы обычно попадаем пешком, раздетыми догола и скованными в караваны, подгоняемые плетями и ремнями нетерпеливых надсмотрщиков и презрительными насмешками горожан, или в рабских фургонах, опять же голыми, с кандалами на лодыжках, которые нанизаны на центральный стержень, закреплённый в кузове фургона параллельно бортам. Таким образом, корабли, посредством которых нас доставили сюда, не попадают на глаза большинства гореан. Фактически, я и сама никогда не видела такого корабля, как и, я подозреваю, большинство других, перевезённых сюда девушек. Обычно нас тем или иным способом приводят в бессознательное состояние на Земле, как, например меня, а затем мы просыпаемся уже на Горе. Вскоре всем нам становится ясно, что мы оказались на другой планете. Различия в силе тяжести,

хотя и незначительные, трудно не заметить, даже в тот момент, когда мы впервые приходим в себя, хотя нам свойственно отрицать это различие, иногда впадая в истерику. Впрочем, очень скоро мы перестаём замечать этот нюанс, обращая на него внимания не больше, чем мы обращали бы на гравитацию нашей прежней планеты. Другим заметным отличием является наличие здесь трёх естественных спутников: Белой Луны, Жёлтой и самой маленькой, именуемой, по некоторым непонятным мне причинам, Тюремной Луной. А ещё воздух этой планеты просто невероятно чистый, свежий и бодрящий. На Земле я даже не представляла, насколько воздух, которым у меня не было никакого иного выбора, кроме как им дышать, там загрязнённый и отравленный. Еда здесь также свежа, питательна и часто восхитительно вкусна, даже когда нам приходится есть её как животные, прямо из мисок, поставленных на пол, не то что без приборов, но даже без рук, пользоваться которыми нам могут запретить. Такие вещи помогают нам помнить, что мы — рабыни, хотя, уж можете мне поверить, опасность того, что мы могли бы забыть об этом исчезающе мала. Это столь же очевидно для нас, как ошейники на наших шеях, отметины на наших бёдрах, крошечные, мало что скрывающие предметы одежды, которыми нам разрешают прикрыть наготу, когда нам вообще разрешают одеться. Гор — невероятно красивый и естественный мир, мир природы, такой, какой, возможно, когда-то была Земля. На самом деле, гореане любят красоту, свет и цвет. Их дома, ярко раскрашенные от фундамента до крыши, тому яркий пример. Даже рабыни, когда они одеты, поскольку особой нужды в этом нет, ведь фактически, мы — животные, обычно одеты в яркие, привлекательные туники или что-нибудь ещё более откровенное. Говоря о туниках, я, конечно, имею в виду туники, подходящие для рабынь, разработанные так, чтобы скрыть минимум нашего очарования, которое, несомненно, в первую очередь привлекает к нам внимание покупателей. Флора Гора во многом такая же, как на моей прежней планете, но также есть и немало отличий. Встречаются другие виды деревьев, цветов, овощей и так далее. А вот что касается фауны, животных, птиц и насекомых, тут различий гораздо больше. То же самое касается и культуры, так что на то, чтобы понять, что ты находишься в другом, совершенно отличающемся мире, не требуется много времени. Возможно, первым, что приходится здесь изучить, это то, что ты более не свободна, что ты — рабыня, только это и ничего кроме этого. Нам быстро выжгли клейма и снабдили ошейниками. Теперь мы не могли использовать наши тела для своей пользы, торговать собой, ради перспектив и повышения своего статуса. Теперь, мы принадлежали другим, и это они, наши владельцы, использовали нас, ради получения прибыли, перспектив и повышения статуса. Мы больше не были лишены идентичности. Наша идентичность теперь была ясна. Мы — рабыни. Теперь мы знаем, как себя вести, как действовать и как говорить. Мы должны

вести себя, действовать и говорить, когда нам разрешают говорить, как те, кто мы теперь, рабыни. Мы больше не бесполезны. У рабыни есть её применение. Мы больше не бесцельны, теперь у нас есть цель, и эта цель — служить и ублажать наших владельцев.

Предметы одежды, в тех местностях, с которыми я успела познакомиться, напоминают одежду свойственную для греко-римской цивилизации Земли. Я не видела, ни огнестрельного оружия, ни продвинутых технологий, хотя знаю, что такие вещи или вещи подобные им, должны где-то существовать. Ведь, никто не пересекает моря пустоты, разделяющие планеты на деревянных кораблях. Насколько я была в состоянии определить, на этой планете в основном распространён один язык, гореанский, который обычно называют просто «язык», как будто не может существовать никаких других наречий. Само собой разумеется, мы обязаны изучить его настолько быстро и хорошо, насколько это возможно. Нам не приходится ждать от свободных людей по отношению к нам снисходительности или терпения. Мы — рабыни. Мы быстро учимся бояться хлыста и плети. Тот, кто не говорит по-гореански с рождения, обычно считается варваром, таким образом, к различию между варваром и не варваром обычно подходят с точки зрения языка. Безусловно, гореане получившие Второе Знание, то есть более образованные и информированные, имеющие представление, например, о том, что Земля и Гор — планеты, вращающиеся вокруг общего светила, склонны относиться к Земле как к варварской планете. Кто, как не варвары способны на то, чтобы портить свою еду, травить атмосферу, загрязнять свои же реки, озера и моря, и толпой грабить и уродовать прекрасный, невинный мир, их собственный мир? Неужели у них нет никакого понимания, никакой любви? Неужели они совсем не чувствуют вины, не понимают позорности такого поведения? Есть ли у них Домашний Камень? Для чего ещё хорош такой мир, если не для того, чтобы извлекать из него рабынь, дабы те служили тем, кто выше их? Многие, главным образом свободные женщины, полагают, что таким как мы нет места на Горе, что нас нужно оставить на Земле, владеть жалкое существование в нашей собственной нищете. Но другие, скажем, торговцы, склонны с этим мнением не соглашаться. Мы привлекательны, нас в изобилии, нас легко получить и на нас имеется хороший спрос. Так что ничего удивительного, что нас ловят, держат в клетках и поставляют на рынки. Лично я подозреваю, что мотивы гореанских свободных женщин, возражающих против нашего ввоза на Гор, как груз, как товар, как домашних животных, лежат не столько в плоскости вопросов уместности, сколько имеют отношение к личной враждебности и даже ревности. А вот гореанские мужчины находят нас привлекательными. Что странного в том, что едва одетое, находящееся в собственности животное, чью шею окружает ошейник, сексуальное и красивое, волнующее и полное потребностей, в животе которого мужчины своим

желанием и волей разожгли рабские огни, эти же мужчины могли бы не найти, пусть и незаслуженно, интересным для себя? Чего ещё мог бы пожелать мужчина, за исключением социальных или экономических преимуществ, чего ещё, к раздражению и страданию, скромной свободной женщины, они могли бы жаждать и искать, как не того, чтобы по щелчку его пальцев рабыня спешила к его ногам, чтобы покрыть их поцелуями и умолять его, позволить ей доставить ему удовольствие, да ещё и всеми доступными рабыне способами? Разве что того, чтобы одна из этих высоких, презрительных, высокомерных свободных женщин, скрытых под непрозрачными вуалями и многочисленными слоями тяжёлыми одежд, оказалась перед ним, раздетой, заклеймённой, заключённой в ошейник и брошенной к его ногам рабыней. Насколько катастрофически кардинальным должен быть такой переход для гореанской свободной женщины, учитывая тот высокий статус и тот страх, в котором она обычно пребывает, от того, что она может, например, в случае войны, попасть в неволю! Я подозреваю, что столь мучительный и драматический, каким он может показаться нам вначале, переход от свободы к рабству для нас, привезённых с Земли, будет не столь труден, как для свободных гореанок, поскольку на Земле свободны почти все, а когда все свободны, свобода теряет цену, к ней относятся без интереса или пиетета. Фактически, в некотором смысле, там нет никого, кто был бы действительно свободен или несвободен. Возможно, лучше сказать, что там, где нет рабства, свобода не является чем-то особенным и важным, и, конечно, не рассматривается как нечто монументальное.

Я привлекательна. В противном случае никому не пришло бы в голову привозить меня сюда. Иначе я не носила бы клеймо и ошейник. Тем не менее, как и большинство других девушек, меня нельзя назвать дорогим товаром. Многие из нас относительно дешёвы. Большинство мужчин, даже бедняков, могут позволить себе приобрести рабыню. Я предположила бы, что и Вы могли купить меня, если бы вам этого захотелось. И конечно, таких как я много, так что выбирать есть из чего. Что интересно, даже очень красивая девушка моего прежнего мира, та, чья красота могла бы открыть ей дорогу к богатству и положению в обществе, на этой планете, может принадлежать небогатому мужчине. Пусть тогда она, босая, в своём ошейнике и едва прикрыв наготу тряпкой, подумает над этим, не отрываясь от порученной ей работы. На этой планете в красавицах недостатка нет. Соответственно, они дешёвы. В действительности, немало гореанок по рождению оказываются в рабстве, будучи похищены, захвачены в набегах, взяты как добыча во время войны и так далее. Женщин врага обычно не рассматривают иначе как рабынь, просто на которых ещё не надет ошейник. Они — завидный трофей. Фактически, многие из гореанских мужских думают так обо всех женщинах, то есть, как о рабынях, просто часть из них уже порабощена, а другие, юридически

остающиеся свободными, ещё не были заключены в ошейники, которым они принадлежат.

На то, чтобы осознать тот факт, что мы — животные и товар, нам не требуется много времени. Мы, как уже было отмечено, отмечены клеймом и носим ошейники. Для кого ещё это подходяще, как не для животных? Нас пасут, держат в клетках и приковывают цепями. Мы раздеты и выставлены напоказ. Нас покупают и продают.

На моей родной планете, что интересно, я давно подозревала, что была рождена рабыней. Почему нельзя допустить это, по крайней мере, теперь? Как рабыне, мне не разрешено лгать. Это свободная женщина может обманывать, для рабыни это непозволительная роскошь. Это — одно из многих различий между свободной женщиной и рабыней. Рабыню за ложь ждёт суровое наказание. Да, я часто подозревала, что была прирождённой рабыней. В моих снах и фантазиях, я носила много ошейников, служила многим рабовладельцам. Естественно, я не знаю, имеет ли это место с другими женщинами. Я могу говорить только за себя. Как я боролась с этими подозрениями, снами и фантазиями, с этим настойчивым шёпотом, неустанно убеждавшим меня в том, что я была рабыней, что я родилась рабыней! Означало ли это, что я должна быть бесправным имуществом? Неужели я сама жаждала принадлежать, быть собственностью некоего рабовладельца? Следовало ли из этого, что я жаждала любить и служить, отдавать себя всю без остатка и быть уязвимой, беспомощной, принадлежащей, чтобы служить бесправно, беспомощно и самоотверженно, не имея никакого иного выбора? Как это страшно, как ужасно! Какое это унижение, какое несчастье! Это было противоположно всему, что мне преподавали. Это шло вразрез со всеми правилами и предписаниями, которые я не имела права подвергать сомнению, это противоречило всей лжи и искусственности, в которые я должна была верить, или делать вид, что верю, не критикуя и не сомневаясь. Что делать, еслирываешься между правилами, социально обязательными, агрессивными и поддерживаемыми всей мощью репрессивного аппарата и правдой, между формулами и сердцем, между словами и кровью.

Как бы то ни было, это оказалось во мне.

Возможно, это есть и в вас, желаете вы того или нет.

Не я издаю для вас законы, так не издавайте и вы законы для меня.

О, я пыталась бороться с такими мыслями, снами и фантазиями, бороться с ошейником! Я делала всё, что могла, что по моему мнению я должна была делать. Я пыталась быть верной тем программам, которые закладывали в меня, начиная с самого моего детства, с тех самых времён, когда моё невинное сознание как губка впитывало всё, что исподволь управляло мною, о чём я догадалась гораздо позднее и осознала, чем это было и что попыталось со мной сделать, что это

попыталось сделать из меня. Булавки и гвозди лжи пытаются приколоть нас к доскам других. Ты дрожишь, ты борешься, эта борьба рвёт твою плоть и крылья, но шанс убежать есть.

Каждый сам пытается найти себя. Себя, а не ту картинку или тот образ себя, который на него накладывают другие. Не того, кем ему говорят быть, а истинного себя, своё подлинное я.

А потом меня привезли на Гор, где я очнулась уже рабыней, полностью в соответствии с местными законами, не больше чем живым товаром, домашним животным, чьим-то имуществом.

Попробуйте подумать о себе, как об имуществе, если сможете. А ведь это — то, чем я теперь являюсь, и то чем вы тоже запросто можете стать. Меня, несомненно, заметили, понаблюдали, присмотрелись, без моего ведома исследовали, оценили и выбрали, а затем устроили моё приобретение. Возможно, вас тоже заметили, возможно, за вами прямо сейчас, без вашего ведома ведут наблюдение, вас исследуют, оценивают, присматриваются. Не стоит ли вам больше внимания уделить своему поведению, своей осанке, наклону головы, линиям тела, изяществу движений? Не стоит ли начинать демонстрировать себя с лучшей своей стороны? Не стоит ли вам попытаться быть более красивой и привлекательной, как приличествует той, к кому присматриваются с точки зрения ошейника? Уверена, многие захотят выглядеть достойными этого. Уверена, Вы тоже хотите создать благоприятное впечатление у покупателей, рабовладельцев. Подумают ли они, окидывая вас оценивающим взглядом: «Эта — симпатичная, она могла бы преуспеть на сцене торгов. Я думаю, что мы могли бы заработать на ней немного монет»? Возможно, вам уже присвоен номер в списке и подготовлено место в трюме. Возможно, на Горе для вас уже выкован ошейник, один из сотен, с нетерпением ожидающий именно вашу шею в каком-нибудь работорговом доме, и он непременно дожждётся своего часа. В противном случае один из представителей касты кузнецов легко сможет предоставить это прекрасное, лёгкое, идентифицирующее устройство, чей размер идеально подходит к вашему горлу. Многие работорговцы уверены, что женщину следует считать рабыней с того самого момента, как о ней было принято решение, как её имя было внесено в их списки. В этом смысле, Вы, день за днём живя своей прежней жизнью, ни о чём таком не подозревая, ни о чём не задумываясь, ходя за покупками, сплетничая с подругами за обедом, флиртуя со знакомыми мужчинами и так далее, Вы уже, сами того не ведая, можете быть рабыней. Как Вы думаете, как ваши знакомые, ваши мужчины, ваши друзья, стали бы относиться к вам, узнай они, что Вы — рабыня? Что они подумали бы о вас, как они смотрели бы на вас? Пожалели бы они вас и посочувствовали? Или сделали бы с вами то, что испытывали желание сделать, хотели бы сделать, имели бы право это делать и должны были сделать?

Например, удалить лживые претензии одежды с вашего тела и заставить вас прижаться губами к их ботинкам? Конечно, я знала, пусть понимание моё было довольно поверхностным, вербальным и умозрительным, о радикальном сексуальном диморфизме разновидности гомо сапиенсов. Как я могла игнорировать или отвергать этот факт в течение стольких лет? Могло ли это остаться без последствий? Могло ли это ничего не означать? Рискну предположить, что нет. Фундаментальное различие полов в человеческой биологии нельзя и невозможно игнорировать.

Само собой, тем мужчинам, которые обрабатывали меня и всех остальных, не было никакого дела до моих размышлений и смятённых чувств, до мучивших меня вопросов, моих тревог и страхов. Интересуются ли фермеры внутренним миром, мыслями и мечтами, желаниями и потребностями тех животных, что населяют их скотные дворы? Нас держали голыми, как животных, которым мы были. Нам запретили говорить. А когда та или иная из нас пытались возразить или заговорить, её пороли, и тогда остальные надолго замолкали. Нас выстроили в колонны и сковали нам руки за спиной наручниками. Потом нас одну за другой по очереди подводили к стойке, на которой зажимали левое бедро и выжигали клейма. Процесс шёл быстро, деловито и как-то буднично, словно на конвейере. Когда раскалённое железо коснулось моего бедра, я закричала от невыносимой боли, но бить меня за это не стали. После этого нам всем надели ошейники работоргового дома. Получившаяся отметина была небольшой и по-своему изящной. Позже я узнала, что это был курсивный кеф, обычное клеймо. «Кеф» — первая буква в слове «кейджера», которое является наиболее распространенным гореанским обозначением для рабыни. На ошейнике, как мне позже сообщили, были выгравированы название дома и номер. Первыми гореанскими словами, которые меня заставили произнести, были: «Ла кейджера». Чуть позже я узнала, что это означало: «Я — рабыня». Лишь после того, как все мы были заклеимены и снабжены ошейниками, с нас сняли наручники, но затем сразу построили в шеренгу перед длинной, висевшей на высоте талии цепью. Мужчины, двигаясь вдоль шеренги, принялись скрещивать наши запястья вокруг цепи и связывать их, так же быстро и деловито, как они нас клеймили. Затем заработала лебёдка, и эта цепь пошла вверх, поднимая наши связанные запястья высоко над нашими головами, и вскоре мы вынуждены были встать на цыпочки. Наши тела вытянулись, пятки поднялись над полом. Лишь кончики пальцев наших ног могли коснуться пола. Наши груди поднялись вслед за руками. Наши прелести были хорошо выставлены напоказ. Мы хорошо знали о металле, окружавшем наши шеи. Трудно забыть, как клацнул закрывшийся замок, этот негромкий, резкий, окончательный звук. Наши тела были вытянуты, напряжены, растянуты. Надо ли говорить, что мы были совершенно беспомощны.

Двое мужчин, одетые в туники, отступили в сторону, и к нам приблизился третий, крепкий короткостриженный товарищ, одетый в сложные, сине-жёлтые одежды. В руке он держал плетё. Он прошёл взад и вперёд вдоль нашей линии, скользя по нам оценивающим взглядом, а затем остановился примерно в центре, в нескольких футах перед нами.

Он продолжал сверлить нас своим тяжёлым пристальным взглядом.

Я испугалась, что мы ему не понравились.

Но что мы могли поделать, беспомощные и нагие.

Внезапно он, с очевидным раздражением, взмахнул плетью, и резкий громкий хлопок разорвал повисшую тишину.

Я и некоторые другие девушки вскрикнули от страха. Испуг пробежал по шеренге вытянутых тел, передаваясь дрожью на цепь над нашими головами. Разумеется, он не собирался нас бить. Он не должен был этого делать! Мы не могли бы выставить даже лоскутка шёлка между нашими телами и обжигающим шипением этого гибкого, тёмного, сверкающего, внушающего страх орудия боли!

Наконец, мужчина смотал ремни плети, и наше напряжение спало.

Он выглядел раздражённым и рассерженным. На его хмуром лице застыла недовольная гримаса.

«Как такое могло быть?» — задавалась я вопросом.

Я была уверена, что он должен был радоваться. Какой мужчина не радовался бы иметь таких красавиц, какими были мы? Кому не доставило бы удовольствия, видеть нас, таких красивых перед собой, растянутых и выставленных напоказ, беспомощных и обнажённых?

Какому настоящему мужчине не хотелось бы владеть нами, видеть нас в таком виде?

Но на нас, как не удивительно, несмотря на наше очевидное здоровье, молодость и красоту, смотрели с пренебрежением.

— Какая жалкая партия, — проворчал он на английском языке. — Я ещё ни разу не видел настолько печальной демонстрации растянутого, висящего, никчёмного мяса. Наши поставщики совсем ослепли? Они там что, выбирали товар с перепоею? Да я в лавке мясника видел куски мяса, которые выглядели лучше! Мы заказывали красоток, а они доставили нам свиней и отбросы.

Мы дико, с непониманием, посмотрели друг на дружку. Лично я никогда не видела столько красавиц, сколько их было собрано в столь небольшом помещении. Уж не безумен ли он был? Конечно, эти женщины были одними из самых красивых, которых я когда-либо видела! Каждая из них была по-своему, своим собственным способом, исключительно прекрасна. Все они принадлежали к тому типу женщин, о которых мужчины мечтают, типу женщин, которых мужчины страстно добиваются, чья красота могла открывать двери и сглаживать пути. Это был тот

тип женщин, которые привыкли использовать мужчин в своих целях, тот тип женщин, которым мужчины спешили понравиться. Могло ли быть так, что этот тип красоты, столь редкий на Земле, был на этой планете распространённым и привычным настолько, что его здесь едва замечали? Конечно, нет!

— Вас всех следует порубить на куски и накормить ими слинов, — прорычал мужчина. — Это — всё, для чего вы годитесь.

Я понятия не имела, кем могли бы быть эти слины.

— Неужели это лучшее, что может дать ваш жалкий мир с его миллионами аборигенов? — продолжал сокрушаться мужчина. — Впрочем, чего ещё можно было бы ожидать от такого жалкого мира, как ваша Терра? Хорошо если там смогут произвести на свет хотя бы одну женщину, на которую можно было бы взглянуть дважды! Пожалуй, это — самая отвратительная партия, которую я когда-либо видел. Бросьте их уграм, скормите уртам, бросьте в кусты-пиявки!

И он вручил свою плеть одному из сопровождавших его мужчин и, что-то недовольно ворча под нос, покинул помещение.

Тот молодой человек, которому на вид было чуть больше двадцати, и в руках которого теперь была плеть, занял свое место перед нашей шеренгой. Сначала он повернулся к своему товарищу и сказал что-то, чего я не поняла, и лишь после этого встал лицом к нам.

— Как Вы можете подозревать, мои голые двуногие домашние животные, — заговорил он, переходя на английский, как это делал его предшественник, — ваша жизнь поменялась. Да, она изменилась, кардинально и в лучшую сторону. На вашей планете вы были бесполезны, но теперь, впервые в вашей никчёмной жизни, у вас появилась некоторая ценность. Теперь, впервые в своей жизни, вы будете для чего-то годиться. Вас только что заклеямили, как животных, которыми вы являетесь. Клеймо — это навсегда. Вы отмечены им. Оно показывает, что вы собой представляете. Ошейник тоже это показывает, но он ещё и несёт информацию о вас. Ошейник могут сменить, но я бы не советовал вам ожидать, что вы останетесь без него надолго. Торговый закон недвусмысленно требует, чтобы такие как вы носили ошейник.

«Кто мы?» — задала я себе мучивший меня вопрос, и я боялась, что знала ответ.

Чем ещё, могли бы мы быть, раздетые, отмеченные клеймом и ошейником, подвешенные на цепи как куски мяса на рынке?

— Это — плеть, — сообщил он нам, подняв руку, в которой он держал своё упругое орудие. — Вы быстро научитесь уважать и бояться её.

Я знал, что уже делала это.

Но мы же были женщинами! Конечно, это не могло быть использовано на нас!

В этот момент через дверь, находившуюся за нашими спинами, в помещение вошли несколько других мужчин, одетых в туники. Повернув голову, я краем глаза

увидела, и от этого меня бросило в дрожь, что каждый из вновь прибывших принёс с собой такую же плеть. Мужчины выстроились позади нас, по одному около каждой из нас. Я по-прежнему не хотела верить в то, что высказанные одетым в вычурные сине-жёлтые одежды товарищем минуту назад пренебрежительные характеристики, и в то, что сказал его помощник в тунике, которому он вручил плеть, могло быть правдой. Очевидно, что все мы были привлекательны, а многие из нас были даже очень красивы. Будь мы столь жалки и бесполезны, как они предположили, мы не оказались бы здесь, нас не стали бы похищать и доставлять сюда, и мы не были бы такими, какими были теперь, голыми, совершенно беспомощными, свисающими с цепи, натянутой над нашими головами. Возможно, мы были не так красивы, как те, кого доставили сюда в другие разы. Но я нисколько не сомневалась, что мы не были ни простушками, ни «свиньями и отбросами». Когда у охотников есть возможность выбирать из миллионов, они могут выбрать лучших, так что было весьма вероятно, что в среднем любая доставленная сюда партия девушек должна была быть самого высокого качества. Само собой, это касалось и нас, находившихся в этой комнате. То, что меня потрясло и несколько встревожило, было понимание того, что наша красота, какой бы редкой она ни была на Земле, учитывая выбор наших похитителей, вполне могла оказаться довольно обыденной в этом мире, по крайней мере, среди таких как мы, ввезённых сюда извне. Как, в таком случае, могла бы женщина, уроженка этого мира, рассматривать нас? Без приязни, предположила бы я. Но, тем не менее, учитывая наши особенности, нашу красоту и привлекательность, почему к нам нужно было относиться так необъяснимо пренебрежительно, зачем было нас так унижать и высмеивать? Я решила, что это было сделано с целью, смутить нас, сообщив, что наша красота здесь не была особенной, и быть просто красивой в этом мире недостаточно. На Земле красивой женщине вполне достаточно того, что она красива, в других достоинствах практически нет нужды. Общество и так у её ног, мужчины соперничают, чтобы услужить и понравиться ей. В противоположность этому, здесь, на этой планете, где красота не является чем-то редким и особенным, по крайней мере, среди рабынь, ей придётся приложить немало усилий, она должна работать над собой, должна повиноваться и трудиться, пробивая себе дорогу в жизни, стараться жутко и рьяно, чтобы понравиться, чтобы ею остались довольны.

— Некоторые из вас, — продолжил мужчина, говоря по-английски, — возможно, всё ещё не понимают того, что с вами было сделано, того кто вы теперь. Занятно. Выходит, тот факт, что вы раздеты, как животные, для вас ничего не значит? Вас заклеямили, и на ваши шеи надели ошейники. Неужели вы не в состоянии догадаться о значении этого? Вы здесь, закреплённые и беспомощно растянутые, для удовольствия других. Неужели это настолько трудно понять? Мы, до сего

момента, воздерживались от явного указания на то, кем вы теперь являетесь. Безусловно, на языке вы, каждая из вас уже объявили, кто вы. Разумеется, вы пока не можете, ни понимать язык, ни тем более говорить на нём, так что вы не знали того, чем вы открыто и публично себя объявили. Возможно, у некоторых из вас всё ещё остаются сомнения. Возможно, некоторые из вас, те, что глупее остальных, всё ещё не осознали, кто вы есть. Тогда я позволю себе сделать ещё один намёк, чтобы вы пришли, наконец, к правильному выводу.

Мы, привязанные к цепи, обменялись полными страха взглядами.

— В этом мире, — объявил он, — единственные женщины, которые могут быть выпороты, это рабыни....

В этот момент, при его открытом упоминании рабынь, раздались крики тревоги, протеста и испуганный плач.

Общее возбуждение и тревога передались на цепь, задрожавшую над нашими головами.

— В этом мире, — продолжил мужчина, поигрывая плетью, — единственные женщины, повторяю, единственные женщины, которых могут выпороть плетью, это рабыни. Рабских девок можно пороть, если, когда и как их хозяевам или хозяйкам захочется.

Мы снова с диким страхом посмотрели друг на дружку.

И тогда на наши спины обрушились плети.

Если до этого у кого-либо из нас ещё оставались сомнения, теперь все мы хорошо знали, кем мы были.

Только после этого цепь была опущена, и наши запястья были развязаны, а мы сами получили приказ встать на четвереньки, что не замедлили сделать.

«Это произошло со мной, — думала я, стоя на четвереньках. — Я — рабыня».

Нас, не позволив подняться на ноги, погнали в другую комнату, где имелось длинное, подобное корыту, углубление в полу. Именно перед этим углублением нас, всё так же на четвереньках, выстроили в шеренгу лицом к нему, после чего туда из ведра выплеснули кашеобразную жижу.

— Жрите, — приказали на. — Руками не пользоваться!

Мы опустили головы вниз и принялись подбирать кашу губами и языком.

Наша дрессировка началась.

Первой ночью, прижимая к себе тонкое рваное одеяло, лежа на каменном полу клетки, прикованная за левую лодыжку к железному кольцу цепью, я пыталась привести в порядок разбегающиеся мысли, разложить по полочкам тысячи эмоций и предчувствий, чтобы попытаться постичь произошедшее со мной, чтобы понять то, что со мной сделали, и кем я теперь была. Я было подумала, что я, как и раньше в бытность мою в моём прежнем мире, должна бороться с ошейником, хотя и знала, что это была борьба, победить в которой у меня не было ни единого

шанса. Даже на своей прежней планете я оказалась не в состоянии выиграть в этой борьбе. Мысли, мечты и фантазии возвращались ко мне снова и снова, постоянно и непреодолимо. Я попыталась запугать себя, но потерпела фиаско. Я попыталась осуждать себя, но вместо этого была довольна. Если я была настолько ужасным человеком, меня это не заботило. Это было то, чем я была. С другой стороны, мне самой это ужасным не казалось. Мне это казалось прекрасным, поскольку это было тем, чем я была. Разве не я сама жаждала принадлежать, глубоко и абсолютно, полностью и отлично? Разве не я сама стремилась принадлежать, не вожделела господина, такого, перед которым я могла бы становиться на колени, быть его собственностью, его нагой рабыней в ошейнике? Я хотела служить самоотверженно, без компромиссов и условий. Конечно, для той, кто является рабыней в сердце, рабство — самое подходящее состояние. Для меня неволя казалась утешением, наградой, предназначением, драгоценностью. Я хотела подчиняться мужчине, я хотела, чтобы мне не оставили никакого иного выбора, кроме как сделать это. Какой же, в таком случае, удачей для меня было то, что меня взяли и сделали той, кем я сама мечтала быть, и вот теперь став в реальности, а не в фантазиях рабыней, я беспомощна и неспособна как-то изменить свой статус. Теперь я могу быть продана как товар, которым я была. Мне оставалось только надеяться, что я достанусь доброму рабовладельцу. Разве не на это надеется каждое животное? Но при этом я ещё и хотела принадлежать такому господину, который будет владеть мной бескомпромиссно, для которого я никогда не буду ничем иным кроме его рабыни. Я не хотела, чтобы меня били плетью, но я хотела быть объектом для его плети, знать, что, если я посмею вызвать его недовольство, она будет неотвратимо и немедленно использована для моего наказания.

Я лежала, кутаясь в крошечное одеяло. Моё тело затекло и от лежания на твёрдом каменном полу, казалось, болела каждая его клеточка. Тяжёлая цепь на моей лодыжке не добавляла комфорта, но во мне не было ни капли недовольства. Наконец-то на мне были клеймо и ошейник. Раскалённое железо тавра, как рутинно, точно и эффективно это было сделано, опустилось, коснулось моего бедра, выжгло в нём отметину, а потом было убрано, оставив меня наедине с моей болью и страданием. Но плакала я не только от боли. Слезы, что бежали по моим щекам, были ещё и слезами радости. Для любого на этой планете, хоть мужчины, хоть женщины, теперь было очевидно, кем я была. Я больше не была ничем. Теперь я была чем-то. У меня появилась идентичность. Фактически, я больше не была бесполезна. У меня теперь была цена, как у товара, как у имущества, какой бы минимальной она не могла бы быть. Ошейник также дарил мне чувство уверенности. Насколько законно было то, что он был на мне, не только, со всей очевидностью и бесспорностью демонстрируя мою неволю, но и, как мне дали

понять, неся на себе номер и легенду, объявлявшие или сообщавшие, кому или чему я принадлежала! Как правильно, что ошейник оказался на моей шее! Насколько рада я была этому! Я любила ошейник! С какой страстью стремилась бы я, чтобы мною, как рабыней были довольны!

Я не буду углубляться в детали своего обучения. Думаю, и так понятно, что это было обучение рабыни тому, что имело отношение к умению женщины служить и ублажать мужчин, своих владельцев. Мы учились искусству поцелуев и ласк, учились правильно стоять на коленях, кланяться, просить и выражать почтение, двигаться на полу, как это положено принадлежащей мужчине девке, и многим тому подобным вещам. Мы учились купать и одевать мужчин, приносить им на четвереньках различные предметы, например, сандалии, хлысты, плети, поводки и так далее, удерживая их в зубах. Нам преподавали также кое-какие движения из рабских танцев, тех танцев, посредством которых рабыня надеется доставить удовольствие своему господину. Ан в день нас натаскивали в гореанском, который нам преподавали рабыни, не питавшие никаких тёплых чувств к варваркам и пускавшие в ход стрекало по малейшему поводу. Ни одна ошибка не оставалась без наказания, быстрого, болезненного и унижительного. Надо ли удивляться тому, с каким старанием мы стремились выучить язык. Впрочем, дело было не только в желании избежать наказания. Мы были просто должны. Это был язык наших хозяев. Мы были очень умны и преуспели в этом. Для меня было удивительно узнать, что покупатели здесь высоко ценят в женщине интеллект, боюсь, значительно выше, чем мужчины Земли. Фактически, зачастую они жертвовали красотой в пользу интеллекта. Известно, что лучшие рабыни получают из умных женщин. Например, умная женщина лучше знает о своих собственных чувствах и потребностях, она больше, чем более простая женщина, опасается и осознаёт, что с ней делают. Кроме того, имея намного более чувствительное тело, она гораздо отзывчивее к наказанию, которое она будет чувствовать намного острее, чем более флегматичная и инертная женщина, соответственно, будет особенно рьяно, со всем своим интеллектом, остроумием, красотой и очарованием, стремиться к тому, чтобы избежать этого наказания, стараясь, в меру её способностей, чтобы у её владельца не было ни малейшего повода для недовольства.

Полагаю, что мужчинам должно быть приятно, владеть красивой женщиной, видеть на её шее свой ошейник, иметь неограниченную власть над ней, быть её абсолютным хозяином, иметь её у своих ног, возможно, нагой, в цепях, отчаянно, всеми возможными способами, стремящейся, чтобы он был ею доволен. В любом случае, всё выглядит так, что гореанские мужчины, бескомпромиссные властные монстры, чей культурный уровень кардинально отличается от мужчин Земли, не возражают против такого мироустройства. Интересно, интересуется ли их, какие чувства испытывает их собственность, заботит ли их внутренняя жизнь их товара,

понимают ли они ту радость, которую купленная ими женщина может найти в неволе.

Когда наши наставницы были удовлетворены нашими успехами, пусть они признавали это с большой неохотой, нас поощряли едой, брошенной на пол. Нас обучали содержать тело в чистоте, соблюдать личную гигиену, пользоваться парфюмерией и косметикой, подбирать украшения, носить браслеты и бусы, распределять складки на тунике, подвязывать камиск, объясняли тонкости ношения та-тиры или рабской тряпки, внешне безыскусной, но всё же имеющей свои хитрости. Мы учились тому, как надо двигаться, чтобы это было привлекательно, как привлекательно ходить, опускаться на колени, лежать и подниматься, как одеваться так, чтобы выглядеть красиво, даже в тех крошечные предметах одежды, которые нам могли бы разрешить, и, что ещё важнее, как привлекательно раздеваться. Свободная женщина может быть неловкой и неуклюжей. Рабыня должна быть красивой, в каждом движении, позе и выражении лица.

Мы должны были также ближе познакомиться в окружающей нас средой, не просто увидеть и почувствовать, но осознать и прочувствовать каждой клеточкой атмосферу, солнечный свет и тень, тепло и прохладу, воздух и влажность, структуру различных поверхностей, ощущения от плиток или ковров под нашим коленям, от ткани, даже самой лёгкой или прозрачной, на наших телах, и даже от самого нашего тела там, где оно обнажено, уязвимо, ожидает прикосновений и эмоций, холода кандалов, тяжести цепей, различных нюансов петель веревок и ремней на наших телах. И это делает нас совершенно беспомощными. Наши чувства, наша кожа, наши тела стали живыми, открытыми для всего богатства и разнообразия потрясающих эмоций, зачастую остающихся незамеченными и отрицаемыми в нашем прежнем мире. Жизнь рабыни — это жить полной жизнью, пробуждённой жизнью, разумной жизнью, чувственной, живой, осознанной жизнью! Безусловно, будучи одетыми, как мы были, когда и если мы были одетыми, узнать о таких вещах гораздо легче. Мы множеством способов открыты миру, природе и реальности, в которых существуем. Представьте, какой контраст на улицах между нами, одетыми в то, во что мы могли бы быть одеты, в наши короткие туники и ошейники, и презирающими нас свободными женщинами, величественными в их одеждах и вуалях. Как мы, рабыни, боимся и страшимся их! Как они ненавидят нас, как жестоки они к нам! Кто в состоянии защитить нас от них, за исключением наших хозяев?

Пожалуйста, Господа, защитите нас! О, Господа, пожалуйста, защитите нас!

Мы изучали также правила поведения, уважения и подходящую дикцию. Ко всем свободным мужчинам теперь следовало использовать обращение «Господин», а ко всем свободным женщинам — «Госпожа».

Рабыня должна быть покорной и послушной, красивой и изящной, но при этом держаться незаметно и ненавязчиво.

Возможно, кому-то покажется удивительным, но нас также учили ведению домашнего хозяйства. Большинство рабовладельцев владеет самое большое одной рабыней, и она должна поддерживать порядке в его жилище. Соответственно нас обучали многим повседневным задачам, покупкам на рынке, приготовлению пищи, уборке в помещениях, стирке и глажке белья, шитью, уходу за кожаными изделиями и так далее, то есть нам преподавали то, что было подходяще для нас, рабынь, самых низких из женщин. И всё же эти поручения могут быть крайне драгоценными для нас, поскольку они необходимы, они позволяют нам угодить нашим хозяевам. Мы горды тем, что можем предоставить нашим хозяевам возможность жить в чистом, ухоженном, привлекательном доме. В действительности, если мы этого не сделаем, мы получим увещание от их хлыстов или плетей!

Существует много вещей, которые держат нас, как те, кто мы есть, то есть рабыни. Мы заклеимены и носим ошейник, мы соответственно одеты, если одеты вообще. Такие вещи хорошо справляются с задачей удержания нас на том месте, где мы есть, теми, кем мы являемся. Нас ни с кем не перепутаешь. Помимо этого, конечно, есть и много других, неявных вещей, держащих нас теми, кто мы есть, например, рынки и экономика, законы и обычаи. Над рабыней довлеет множество уз, законных и личностных, внешних и внутренних. Конечно, она не понаслышке знает о непреклонности верёвки, цепи и кожи. Они хорошо удерживают её на том месте, на каком может пожелать её владелец, скажем, у подножия его ложа, у общественного рабского кольца и так далее. Какой комфорт и утешение она находит на цепи! С другой стороны, есть узы, которые держат её надежнее всего, и эти узы — это её собственные потребности, пробуждённые и разожжённые. Ничто не бросает её к ногам мужчин так бесповоротно, как её собственные потребности. Мужчины, в своём бессердечии и жестокости, в своём равнодушии к рабыне, делают с ней такие вещи, которые делают её ещё более беспомощной как рабыня. Игнорируя её собственные чувства, и даже мольбы, они делают с нею то, что они пожелают. Они превращают её в жертву её собственных потребностей. У них нет даже мысли о том, чтобы договариваться с нею или жалеть её. Они делают это с нею, потому что они так решили. В её уязвимом, беспомощном животе они зажигают искру, а потом раздувают её в пламя, которое теперь будет периодически, неумолимо и непреодолимо мучить её, делая ещё более зависимой от мужчин.

Когда женщина принадлежит и носит ошейник, ей больше не позволено отрицать свои эмоции, своё тело и кровь, аппетиты и потребности, свой пол. Она приходит к пониманию того, что в действительности никакой она не социальный артефакт, а

нечто реальное, что она женщина, и как женщина является глубоко сексуальным существом.

А самой сексуальной из всех женщин является рабыня. Разве у неё есть какой-то другой выбор? Разве она хочет какого-то другого выбора?

Насколько беспомощны мы в мире, в котором мы можем быть только теми, кто мы есть!

Зато как это освобождает нас, предоставляя шанс быть теми, кто мы есть, переполненными потребностями рабынями.

Я — именно такая, рабыня, переполненная своими потребностями.

Я знаю, что ношу ошейник.

Я изучила свой ошейник.

Я люблю свой ошейник.

Но какие страхи и ужасы это может в себе заключать!

А теперь позвольте мне поведать вам свою историю, начавшуюся несколько в прибрежном городе Брундиизиуме месяцев назад.

Глава 2

Я буду продана

Я

стояла перед ним на коленях, перед помощником работоторговца, только что выпустившим меня из клетки. Я была раздета, мои запястья были связаны за спиной тонким шнуром.

Сцена находилась рядом, и мне ненужно было напрягать слух, чтобы услышать призывы аукциониста, предложения цены, выкрикиваемые мужчинами, гул толпы, но я слышала всё это словно издалека.

— Целуй плеть, — потребовал он.

— Да, Господин, — отозвалась я, подняв губы к плети и целуя её.

Воспользовавшись тем, что он не спешил убирать от меня плеть, я придвинула голову дальше и, закрыв глаза, с любовью прижалась щекой к намотанным на рукоять ремням. Затем я снова прильнула к ней губами, снова и снова нежно с благодарностью целуя её. Теперь я делала это глядя на него, прямо в его глаза. Я раз за разом нежно целовала и умоляюще облизывала тугие витки. Наконец, мужчина убрал от меня своё орудие и повернулся в сторону пандуса.

Я стояла на коленях у его ног, голая и связанная, а он практически не обратил на меня внимания.

— Могу ли я говорить, Господин? — прошептала я.

— Да, — разрешил он, даже не взглянув в мою сторону.

— Когда же меня могут начать использовать? — спросила я.

Мне отказывали в руке господина уже в течение пяти дней.

Некоторые из других рабынь, ни одна из которых не была варваркой, поскольку я была единственной таковой в этой партии, носившие свои ошейники дольше остальных, корчились в свих клетках, бросались на решётки, скулили и умоляли о внимании. «Они хорошо знают, как подготовить нас к нашей продаже, — думала я.

— Проведи я в ошейнике чуть больше времени, возможно, я была бы такой же беспомощной, как они».

— Будет зависеть от того, насколько хорошо Ты выступишь на сцене торгов, — пожал плечами помощник аукциониста.

— Я попробую, Господин, — пообещала я, не столько ему, сколько самой себе.

Как радовало меня то, что я должна была обращаться к мужчинам, как к «Господам». Это казалось таким правильным. По сравнению с ними я была такой маленькой и нежной. Насколько глубоко я была в их власти! Кроме того, как рабыня я, конечно, обязана была обращаться к ним как к «Господам», ведь они для меня, по всем человеческим канонам, а также по закону природы, были «Господами».

Это была моя первая продажа.

Я надеялась, что у меня всё получится. Разумеется, я не хотела снова почувствовать на своём теле внимание их плети.

— Займи своё место в очереди на пандусе, — велел помощник аукциониста.

— Да, Господин, — отозвалась я, поднимаясь на ноги и не поднимая головы.

Склонённая голова означает покорность и подчинение.

У некоторых девушек, насколько я знала, не получается преуспеть на торгах, особенно на первой продаже.

Но я не теряла надежды, что преуспею.

Возможно, они были недостаточно обучены. Возможно, их выставили на рынок слишком рано, до того как они были готовы к этому. Иногда девушка оказывается на сцене аукциона, ещё не полностью изучив свой ошейник. Иногда они выглядят жёсткими и негнушными, словно одревеневшими. Возможно, они думают, что они — всё ещё свободные женщины. Иногда они наполовину парализованы и не могут двигаться и даже едва могут стоять. Я надеялась, что смогу устоять перед испугом первой в моей жизни продажи. Поверхность аукционной сцены покрыта толстым слоем опилок. В них можно утонуть по самые щиколотки. Иногда они влажные и жёлтые, и их частицы липнут к икрам и стопам. Бывает, что девушка падает в обморок, тогда её приводят в чувство, обливая холодной водой, и пинками заставляют встать на ноги. Тех, которые пытаются сопротивляться, бороться или кричать, сбивают с ног на поверхность сцены и успокаивают плетью. После этого они, дрожа и рыдая, поднятые рукой аукциониста за волосы на ноги, отчаянно стремятся быть послушными и покорными.

Помощник работоторговца, дежуривший на пандусе, развязал мои руки.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я.

Внезапно я почувствовала слабость в ногах. Я покачнулась, и меня охватил страх. Что если я упаду? Оставалось только надеяться, что этого не случится.

Рефлекторно я подняла руку к горлу. Ошейник был на своём месте.

Мне было известно, что рынок этот был не из престижных, торги проводились поздним вечером, да и сезон не лучший. Я не ожидала, что такое время толпа будет многочисленной. Таких небольших рынков по Брундиизиуму, большому морскому порту, разбросано множество, их можно встретить в любом районе. Среди рабынь, выставленных здесь на продажу, попадались женщины,

привезённые из места, называемого Концом Мира. Насколько я поняла, это были земли или острова, расположенные то другую сторону от зелёной, бурной, могущественной Тассы, огромного океана, который здесь почему-то называют морем. Некоторых девушек, несомненно, покупали, чтобы переправить на Самые Дальние Острова или даже ещё дальше, на самый Конец Мира, где бы это ни находилось. Я не могла похвастать своими знаниями о Горе. Фактически, хорошо я знала только то, что со мной здесь будет сделано то, что пожелают мои хозяева.

Мой страх с каждым мгновением разрастался всё больше.

Внезапно у меня возникло дикое желание повернуться и бежать.

Но где было то место, в которое можно было бы убежать? Я была раздета, мою шею окружал ошейник, моё бедро было отмечено клеймом. Общество принимало рабство, ему нужны были такие как я, оно хотело рабынь. Я сомневалась, что смогла бы добежать хотя бы до подножия пандуса, не будучи пойманной помощником работорговца. На улице, доберись я туда, я бросалась бы в глаза, даже если бы была одета в тунику. На моём ошейнике было выгравировано название дома, которому я принадлежала. Меня заметили бы и схватили почти немедленно. У той, кем я была, у гореанской рабской девки, нет ни единого шанса на побег.

— На пандус, Адрасте, — услышала я команду за своей спиной.

— Встань здесь, красотка, — велел помощник работорговца, дежуривший на пандусе, тот самый, который избавил мои запястья от шнура.

Не в силах сопротивляться любопытству, я оглянулась, и у меня перехватило дыхание. Темноволосая, зеленоглазая, оливковокожая, среднего роста, с потрясающей фигурой женщина, стоявшая позади меня, гордо и нахально, чему не мешали даже всё ещё связанные за спиной руки, была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо видела. В её осанке читалась не податливая, гибкая красота рабыни, чрезвычайно покорной, хорошо знающей о своём ошейнике, отчаянно надеющейся понравиться, а скорее высокомерие свободной женщины.

«И почему, — задалась я вопросом, — мужчины не делают всех женщин своими рабынями».

Помощник работорговца, немного спустившись по пандусу, освободил её руки. Кейджера с недовольно потерла запястья.

— Ты могла бы поблагодарить за то, что я развязал твои руки, — намекнул мужчина.

Но она только вскинула голову и демонстративно отвела взгляд. Уже в следующее мгновение она резко вскрикнула от боли. Массивная рука помощника работорговца с безжалостной невозмутимостью накручивала её волосы и тянула

её голову вниз и назад, изгибая почти в «рабский лук», так драматично подчеркивающий прелести фигуры женщины.

— Спасибо, Господин! — задыхаясь от боли, выдавила рабыня, но рука мужчины только ещё сильнее натянула её волосы.

Женщина задрожала.

— Спасибо, Господин, — повторила Адрасте.

— Кто благодарит Господина? — потребовал мужчина — Что за никчёмная, бесполезная рабыня благодарит Господина?

— Адрасте, никчёмная бесполезная рабыня, благодарит Господина! — простонала она.

Слёзы брызнули из её глаз и потекли по щекам. Только после этого помощник работоторговца выпустил её волосы, и рабыня смогла выправить тело.

— Головы не поднимать, — приказал ей мужчина. — И скрести запястья за спиной. Держи их там. Ты связана волей господина.

— Да, Господин, — прошептала Адрасте.

— Будешь держать их там, — добавил помощник работоторговца, — связанными моим желанием, пока не поднимешься на сцену.

— Да, Господин, — отозвалась она.

В этот момент где-то выше и слева прозвучал удар гонга, и я задалась вопросом, за сколько ушёл с молотка этот лот?

Я сомневалась, что клиенты такого рынка, в большинстве своём моряки, ремесленники и портовые грузчики, могут быть обременены тяжёлыми кошельками.

Очередь сместилась немного вверх, ещё чуть-чуть приблизив меня к вершине пандуса, от которой меня теперь отделяли четыре девушки. Ещё шесть рабынь стояли позади меня, включая Адрасте, зеленоглазую темноволосую красавицу, стоявшую понурих голову и держа связанные согласно воле мужчины руки за спиной.

Мужчина, избавивший от шнура запястья темноволосой рабыни, поднялся на пандус, и встал рядом с парнем, который проделал ту же операцию с моими руками.

— Эта, — кивнул вновь прибывший в сторону брюнетки, — ещё не осознала, что её шею теперь украшает ошейник.

— Ей не понадобится много времени на то, чтобы изучить это, — усмехнулся его товарищ, тот, который незадолго до этого освободил мои запястья.

— Чего я никак не возьму в толк, так это почему её выставили на этом рынке, — проворчал первый мужчина. — Наша клиентура — меднотарсковые мужлань, чаще всего заглядывающие сюда по пути с работы. Почему её не продали каком-нибудь дому попрестижнее?

— Несомненно, на то были причины, — сказал второй. — То, что она ещё недавно была свободна, это очевидно, и Ты сам определил это по её осанке и поведению. Она ещё толком не осознала, что она — рабыня. Она ещё не привыкла пресмыкаться в ужасе на животе, не чувствовала ноги хозяина на своей спине, не научилась с благодарностью ползти к миске каши на полу. Она ещё не превратилась в жертву рабских огней, готовую выпрашивать ласку и отчаянно надеющуюся на то, что её владелец, даже ненавистный, снизойдёт до её мольбы.

— Опустит голову, Адрасте, — резко бросил первый из них.

— Да, Господин, — услышала я голос женщины, очевидно, не замедлившей подчиниться недвусмысленному распоряжению.

Снова раскатисто ударил гонг.

— Думаю, — предположил второй мужчина, — она была женщиной со статусом, из высших кругов, возможно, известной в своей среде, скажем, дочерью какого-нибудь администратора, высокого торговца или судьи, похищенной раздраженным претендентом на место её папаши, обиженным клиентом, или проигравшей в судебном процессе стороной в качестве акта возмездия или ради личного развлечения. А теперь от неё осторожно избавляются, отправив на неприметный невольничий рынок, непрестижный, незнаменитый, на котором её вряд ли кто-то опознает.

— Не сходится, — не согласился с ним его собеседник. — Её, вместе с другими, недавно доставили с Конца Мира.

— Вообще-то её акцент указывает на Ар, — заметил второй мужчина.

— Это ничего не значит, — отмахнулся первый. — После поражения Ара и оккупации Косом, Тиросом и их союзниками, и вплоть до реставрации Марленуса, женщин из Ара в качестве репараций вывозили тысячами, и распределяли по сотням рынков.

— Интересно, почему бы дому не повременить с её продажей, и не перепродать девку каком-нибудь большому дому, вроде дома Теналиона из Ара? — проворчал второй товарищ. — Такой товар достоин центральной сцены Курулеана.

Я украдкой посматривала назад, так что видела, как стоявшая за мной рабыня, которую называли Адрасте, при этих словах на мгновение вскинула голову, и, прежде чем она её снова опустила, я успела разглядеть в глазах женщины дикий, всепоглощающий ужас. Мужчины, кстати, или не заметили, или не обратили внимания на это краткое нарушение дисциплины. «Интересно, — в свою очередь задалась вопросом я, — почему бы это она так боится быть выставленной на продажу в Аре, да ещё и в таком престижном месте, как центральная сцена Курулеана?». Насколько мне было известно, тысячи рабынь даже мечтать не могли о такой продаже. Также, я заключила, что богатство и влияние Ара, до оккупации являвшегося одним из главных центров торговли северного полушария

этого мира, постепенно восстанавливалось. Туда снова потянулись караваны торговцев со всех уголков Гора, даже из таких далёких мест как Турия, расположенная где-то на юге, чтобы продать в Аре свой товар и закупить произведённое там, или привезённое туда.

— Подозреваю, что это было оговорено в условиях сделки, — предположил первый мужчина.

— Не знаешь, кто продал её дому? — поинтересовался второй мужчина.

— Вроде бы какой-то воин, — ответил первый, — через агента.

— Почему же он не оставил её себе? — удивился второй. — Раздетая и в ошейнике, уверен, она неплохо смотрелась бы у его ног.

— Возможно, она — холодная таста, — пожал плечами первый. — Ты только взгляни на её выражение лица. Она выглядит не столько рабыней, сколько свободной женщиной в ошейнике.

— Любой женщине можно преподать ошейник, — заметил второй.

— Владей ей я, — усмехнулся первый, — она очень быстро принялась бы просить позволить ей прижаться губами к моим ботинкам.

Новый удар гонг пролетел по залу.

Я задрожала.

— Стой спокойно, шлюха, — бросил мне тот из них, который развязал мои запястья.

Теперь передо мной остались две девушки.

— Что это с нею? — полюбопытствовал его товарищ.

— Первая продажа, — пояснил первый.

Внезапно я осознала, своим нутром, своим животом, каждой клеточкой моего тела, замершего в ожидании на пандусе, что сейчас меня будут продавать, на самом деле продавать, я действительно буду продана, как предмет, как зеркало или лоскут ткани! Конечно, я знала, что такой момент рано или поздно наступит. У меня давно было интеллектуальное понимание возможности этого. Разве можно забыть о том, что ты рабыня со всеми вытекающими из этого последствиями? Разве это не было достаточно очевидно, когда меня выпустили из клетки, и приказали встать на колени, опустить голову на пол, скрестить за спиной и поднять высоко вверх запястья, чтобы их удобно было связать? Какие могли быть сомнения в этом вопросе, когда мне связанной, стоявшей на коленях перед помощником работорговца, прямо к губам была поднесена плетё? Да и разве я недостаточно хорошо поняла, что именно будет происходить, когда мои руки были освобождены от шнура, и я заняла своё место в очереди на пандусе? Разумеется! Но теперь, внезапно, я оказалась в двух шагах от того, чтобы быть проданной, буквально проданной, как обувь или ремень, как собака или свинья! Это невозможно! Этого не может быть! Я не могу быть продана! Я свободна, свободна!

Это дурной сон! Мне надо проснуться, я должна проснуться! Волна неконтролируемого ужаса накрыла меня с головой. Стены помещения начали крутиться вокруг меня.

— Как тебя называли, шлюха? — спросил тот из дежуривших на пандусе мужчин, который развязал мои запястья, а сейчас только его рука, сомкнувшаяся на моём левом плече, удерживала меня от падения.

Когда к рабыне обращается свободный человек, она, как правило, становится на колени. Это подобающе. Тем самым она демонстрирует уважение к свободной персоне, и признаёт тот факт, что она — рабыня.

— Зия, Господин, — ответила я, удерживаемая вертикально.

Я была напугана, ведь я осталась стоять на ногах перед свободным мужчиной, пусть он и сам удерживал меня в таком положении.

Я помотала головой, прогоняя приближающийся обморок.

— Отпустите меня, — внезапно выпалила я. — Это всё ужасная ошибка! Дайте мне одежду! Снимите с моей шеи этот ошейник! Я не должна быть здесь! Это не мой мир! Я не отсюда! Меня нельзя продавать! Я — женщина Земли! Я с Земли! Меня нельзя продавать! Я свободна, свободна!

Он уставился на меня, явно озадаченный.

Внезапно до меня дошло, что всё это я по-дурацки проговорила на английском языке. Мой гореанский, для того времени, что я провела на этой планете, был довольно неплох, но он куда-то исчез. В данный момент на гореанском я не могла ни говорить, ни думать.

Новый звон гонга заставил меня вздрогнуть и вернуться в реальность.

Теперь передо мной осталась только одна девушка.

— Я боюсь, — наконец собравшись, прошептала я по-гореански. — Меня тошнит, я боюсь, что меня сейчас вырвет.

— Не вздумай, — буркнул второй мужчина. — Или, если не в состоянии удержаться, дождись сцены, там опилки. Если Ты испачкаешь пандус или лестницу, будешь вылизывать их языком и глотать свои собственные отходы, а потом вытрешь всё волосами. А затем, когда отмоешься, тебя выпорют плетью и снова приведут на пандус. Думаю, понимание этого заставит тебя держать свои внутренности под контролем, по крайней мере, до тех пор пока не сойдёшь с пандуса, не так ли?

— Да, Господин, — всхлипнула я.

Я знала, что меня не вырвет, ни теперь, ни потом.

— Ну вот и хорошо, — кивнул он. — К тому же, я надеюсь, Ты не хочешь, чтобы другие рабыни презирали тебя, не так ли?

— Не хочу, Господин, — признала я.

Что интересно, меня, действительно, беспокоило не только то, как я выгляжу в глазах свободных, но и то, как смотрят на меня мои сёстры-рабыни.

— То же самое будет, — предупредил помощник работорговца, — если у тебя случится недержание, так что терпи, по крайней мере, пока тебя не начнут продавать.

— Я поняла, Господин, — вздрогнула я.

— Рабыня, — сказал другой мужчина, — не свободная женщина. Она должна быть чистой, опрятной, привлекательной, презентабельной и просто прекрасной.

— Да, Господин, — отозвалась я.

— Господа захотели, чтобы вы были такими, — заявил первый мужчина.

— Торги должны быть хорошо организованным и притягательным зрелищем, а не отталкивающим или отвратительным фарсом, — пояснил второй.

— Да, Господин, — согласилась я и вздрогнула, услышав очередной удар гонга.

Теперь я стояла у вершины пандуса.

— Возможно, тебе будет тяжело, особенно учитывая, что это твой первый раз, — довольно доброжелательно сказал мне тот из них, который развязал мои запястья, — но попытайся преуспеть. Если у тебя получится хорошо представить себя, вряд ли аукционист станет тебя бить, кроме того, выше вероятность достаться более состоятельному хозяину, способному впустую потратить свои монеты на бесполезную рабыню.

— Да, Господин, — прошептала я.

— Ты довольно привлекательна, у тебя аппетитные рабские формы, — добавил его товарищ. — Более того, Ты, и это с первого взгляда очевидно любому, родилась рабыней. Такие как Ты могут найти своё счастье только в ошейнике.

Я промолчала, но у меня были основания подозревать, что правда была на его стороне.

— А ведь это было умным решением владельца нашего дома, поставить девушку попроще, да к тому же варварку, перед Адрасте, — заметил тот же мужчина, несколько ранее избавивший руки Адрасте от шнура. — На её фоне красotka Адрасте будет смотреться особенно выгодно.

Надо ли объяснять, что его комментарий не доставил мне удовольствия.

Конечно, мне было известно, что очень мало что пускается на самотёк, даже в самых захудалых домах, когда дело касается показа рабынь. Какой работорговец не учитывает таких нюансов? Весьма обычным делом является сначала показать женщину попроще, чтобы подстегнуть интерес к последующим лотам, спровоцировать предложения большей цены. Вот только я, конечно, не рассматривала себя «женщиной попроще», и сомневалась, что среди мужчин, найдётся много тех, кто в этом вопросе со мной бы не согласился. В любом случае, я было рассержена и пообещала себе сделать всё возможное, чтобы

добиться большего успеха, чем просто хорошо себя показать. Я решила показать себя тем товаром, за который стоит предложить высокую цену, за который стоит упорно торговаться, который можно было бы забрать с аукциона только расставшись с немалой суммой.

Позади меня послышался смешок Адрасте.

Возможно, она ощутила мою решимость.

Теперь я рассердилась ещё больше.

Меня подтолкнули вперёд, с пандуса, и, запнувшись, я увидела перед собой ступени, которые вели на сцену. У основания лестницы, поигрывая плетью, стоял помощник работорговца. Аудитория по большей части терялась в тенях. Зато сцену освещали факелы. Я слышала гул толпы, но я бы не сказала, что народу в зале было много. Был поздний вечер, фактически ночь. На расставленных рядами скамьях было много пустых мест. Я понятия не имела, сколько человек могло бы собраться в таком месте, и сколько из них были реальными участниками торгов. Некоторые мужчины приходят просто, чтобы понаблюдать за продажей. Некоторые из присутствующих пришли сюда с рабынями, стоявшими на коленях у их ног.

Глава 3

Меня продали

— X

ватит тянуть время, — буркнул помощник работорговца, своей плетью указывая наверх, на поверхности сцены. — Поднимайся по лестнице, смазливое животное. Пора на сцену. Им не терпится купить тебя.

К поверхности аукционной сцены вело восемь ступеней, ровно столько, сколько букв в гореанском слове «Кейджера», самом распространённом определении рабыни в гореанском языке. Никаких перил или ограждений предусмотрено не было. Ступени были достаточно широки, но я побоялась вставать на них. На меня вдруг навалилась дикая слабость, ноги стали ватными. В результате мне пришлось подниматься вверх по лестнице на четвереньках. Даже на поверхности сцены я не решилась встать на ноги, предпочтя продолжить ползти к центру. Мои руки и колени утонули в опилках. Опилки, кстати, были чистыми, возможно, их недавно заменили или пополнили.

Я услышала размеренный голос писца работорговца, сидевшего за столом перед сценой и зачитывавшего под гул толпы, характеристики следующего лота. Мои характеристики. Был указан цвет моих волос и глаз, мой рост и вес, моя текущая кличка, размер моего ошейника, запястий и лодыжек. Было упомянуто о том, что я прошла некоторое обучение, занявшее несколько недель, и в основном ограниченное тем, что рассматривалось как основы. Мой гореанский был оценен как беглый. Конечно, я оставалась неграмотной, о чём тоже было объявлено. Также, естественно, было ясно дано понять, что я была варваркой. Дом могут сжечь, если выяснится, что его владелец искажает характеристики своих товаров. Гореане — не те люди, которых можно обманывать безнаказанно. Если волосы девушки перекрашены в другой цвет, это должно быть ясно доведено до сведения покупателей. Зачастую девушку могут избить плетью, а голову ей обрить наголо, чтобы волосы отрасли в своём натуральном цвете.

— Итак, благородные господа, здесь, у моих ног, — объявил аукционист, стоявший слева от меня и державший плетё в правой руке, — мы имеем, как уже отмечено, среднего роста варварку, недавно доставленную из рабского мира. Есть такой мир, в котором, как многие из Вас знают, рабынь для вашего удовольствия выбирают, как фрукты для стола. Вы сами видите, какая она спелая и сочная. Ей уже ввели, как это обычно делается, стабилизирующие сыворотки, так что она избавлена от старости, от иссушающей болезни, от возрастных изменений, столь

распространённых в её варварском мире. Соответственно она неопределённо долго останется такой, какой вы её видите сейчас, энергичной и нежной, красивой и сексуальной, уязвимой и беспомощной, мечтой об удовольствии, носящей ваш ошейник! Неужели вам не хочется, чтобы она оказалась у ваших ног?

Я уже слышала о стабилизирующих сыворотках, но не до конца поняла, что это такое. Предположительно, они должны были предотвратить старение организма. С одной стороны, мне трудно было в это поверить, но с другой стороны, я ещё не видела ни одного гореанина, который бы выглядел стариком. Если то, что я слышала, было правдой, то на Горе была одержана победа над возрастом, рассматриваемым здесь, как заболевание. Что интересно, применение этих стабилизирующих сывороток не было ограничено только свободными людьми. Их давали также и рабам. Впрочем, что же в этом удивительного, ведь это позволяло сохранить их цену. Я рискнула предположить, что среди землянок должны быть такие женщины, которые предпочли бы постепенно становиться слабыми, ветхими, измученными, несчастными и в конечном итоге умирать, но оставаться свободными, но, я уверена, найдутся и такие, может быть немногие, кто не будет возражать против того, чтобы сохранить свою юность и красоту неопределённо долго, даже если ценой за это будет ошейник. Лично я в данном вопросе решения не принимала, и никто мне права выбора предоставлять не собирался. Меня просто, не спрашивая моего согласия, забрали, выжгли клеймо, надели ошейник, и теперь, принимая во внимание упомянутые сыворотки, я не смогу потерять свою привлекательность для хозяев. Тем не менее, если бы право выбора мне всё же предоставили, я бы выбрала остаться молодой и красивой. Я была слишком тщеславна, чтобы принять иное решение, и, приняв его, ничего кроме гордости не испытывала бы. Так же, поскольку я знала, что была естественной рабыней, и это было то, чем я хотела быть, решение было бы более чем ожидаемым и подходящим. Разве в этом случае я не была бы более приятной для моих владельцев? Пусть каждый решает за себя сам, исходя из собственного характера и предпочтений. Стабилизирующие сыворотки, конечно, не гарантируют неуязвимость или бессмертие. Умереть ведь можно не только от старости, существуют тысячи иных способов сделать это. Такие сыворотки не подарят защиты от удара ножом или копьём, от затянувшейся удушки или подсыпанного в еду яда, от когтей и клыков зверей.

— Также, — продолжил аукционист, — эту аппетитную игрушку, которая за каких-то несколько бит-тарсков может стать вашей собственностью, как это у нас принято, напоили рабским вином. Соответственно, её можно использовать сразу, не опасаясь, что она может забеременеть. Последнее возможно только в том случае, если вы угостить её релизером, если вам вдруг захочется получить от неё потомство, скрестив её с каким-нибудь самцом-рабом в стойлах для вязки.

О рабском вине я не могла вспоминать без содрогания. Руки мне тогда связали за спиной, меня поставили на колени и, потянув волосы назад и вниз, заставили запрокинуть голову. Ноздри мне плотно зажали, а в открытый рот вставили металлическую воронку, после чего туда влили мутное варево, тошнотворно горьким озером затопившее полость моего рта. Я была не в силах поверить этому ужасу. Трубка воронки между моими зубами не давала мне закрыть рот. Я пыталась в отрицании крутить головой. Я бросала на них умоляющие взгляды, мои глаза попросили милосердия. Которого мне никто не собирался предоставлять. Я попыталась задержать дыхание. Мужчина лишь убрал воронку из моего рта. Я с отчаянной мольбой смотрела на него, изо всех сил пытаюсь не дышать. Он улыбался. Мне нужен был хотя бы глоток воздуха! Но чтобы сделать его, я вначале должна была проглотить эту ужасную смесь.

— Хорошо, кейджера, — успокаивающе улыбнулся мужчина. — А теперь каждую каплю. Не вздумай потерять хотя бы каплю.

И тогда я проглотила всё, что у меня было во рту, и сделала глубокий вдох.

— Хорошо, смазливое животное, — похвалил он.

Меня отпихнули в сторону, и я упала на пол, больно ударившись левым плечом.

— Следующая, — скомандовал мужчина.

Руки мне ещё на какое-то время оставили связанными за спиной, чтобы я не могла вызвать рвоту и избавиться от отвратительной жидкости. Мне говорили, что вкус релизера восхитителен. Мы — рабыни, а посему наше размножение, как и другие аспекты нашего существования, находится на усмотрении наших хозяев.

— Как вам только что сообщили, благородные господа, — продолжил аукционист, — этот лот — варварка, доставленный из грязного мира, мира, в котором лишь немногие из рабынь носят свои ошейники.

По скрытым в полумраке рядам скамей прокатилась волна смешков.

— А должны бы все, — добавил аукционист.

В ответ на его замечание зал взорвался смехом.

— Но эта, — указал он на меня, — теперь свой ошейник получила.

— Который она заслужила, и которому она принадлежит, — донёсся мужской голос откуда-то из зала.

— Верно! — поддержали выкрики нескольких мужчин.

— Тот мир, из которого её забрали, — сказал аукционист, — является миром без Домашних Камней.

Реакцией некоторых из присутствовавших в зале было удивление.

— Тот мир не любим, — заявил аукционист. — Его загрязняют, им пренебрегают. Его жители охвачены эгоизмом и жадностью таких размеров, что мне трудно себе даже представить. Люди, чтобы заработать буквально горстку бит-тарсков, приносят в жертву воздух и небо, землю и море. Монеты превыше всего. Честь,

если не позабыта, то презирается. Правители не правят, а обогащают себя, потворствуя толпе. Каждый мужчина думает лишь о том, как превзойти своего товарища, и с радостью ниспроверг бы его. Предательство возведено в ранг достоинства, его прославляют, за него вознаграждают, а за верность тем временем презирают и дразнят. И эти предатели и мародёры своего собственного мира восхваляют жадность как развитие, а разрушение как успех. А их потерявшие всякий стыд женщины, чьи лица столь же раздеты как лица рабынь, подстрекают эти преступления и боятся только того, что в свою очередь не смогут получить прибыль от всеобщей гонки за прибылью. Они, как мелочные наёмники, которыми они по сути и являются, обменивают свои улыбки и благосклонность на выгоду и барыши.

Крики возмущения и гнева раздались в зале.

— И вот теперь, здесь, у моих ног, — экспрессивно воскликнул аукционист, — одна из именно таких женщин, точно так же, как и все остальные виновная в таких преступлениях! И какова же должна быть её судьба?

— Скормить ею слинам! — выкрикнул кто-то.

Ни одного слина я пока не видела, но мне объяснили, что это местное крупное хищное животное, с длинным извилистым телом и шестью лапами. В дикой природе они обычно живут в норах и ведут ночной образ жизни. Горееане приручили их, и теперь одомашненные разновидности дрессируются для различных надобностей, в основном для охраны и охоты. Слины прославились как самые лучшие, неутомимые и упорные следопыты Гора.

— Бросить её в заросли кустов-пиявок! — предположил другой.

Ни одно животное не станет пастись там, где обосновались кусты-пиявки. Эти растения, стоит им укорениться, быстро разрастаются, занимая обширные участки, раскидывая вокруг плети, изобилующие стручками, в которых скрыты полые, напоминающие клыки, шипы. Стоит животному или человеку случайно забрести в такие заросли, как прочные побеги хищного растения словно змеи оплетают добычу, шипы вонзаются в её тело, а стручки, способные резко расширяться, быстро втягивают в себя кровь жертвы. Крупный куст может запросто насухо обескровить даже большое животное течение считанных енов.

— Нет, — крикнул третий мужчина. — Для такой шлюхи ошейник будет самым лучшим наказанием, ошейник!

— Да, ошейник! — слышались одобрительные крики со всех сторон.

— Но он, если мне не изменяют мои глаза, — ухмыльнулся аукционист, — и так на её шее.

Его аудитория ответила смехом и одобрительными криками и свистом.

— В своём мире она была бесполезной, — сказал аукционист, — но здесь, в этом мире, впервые в её никчёмной жизни, она будет чего-то стоить, вероятно, всего лишь горстку бит-тарсков.

— Да, — крикнул какой-то мужчина. — Верно!

— Итак, взгляните сюда, — призвал аукционист, — здесь, перед вами, у моих ног на четвереньках стоит миловидная рабыня-варварка, нагая, в ошейнике, который для неё пока в новинку, но она уже готова быть обученной под ваши вкусы. Да, эла, она — варварка, так что прошу простить дом Анесидема за то, что мы осмелились предложить вам, таким проникательным разборчивым покупателям, такой низкосортный бросовый товар. Но, возможно, до некоторых из вас доходили слухи о характере этих варварок, о том, как они ползут к плети, как они выпрашивают ласки, возможно, вам доводилось слышать об их потребностях, об их беспомощности и их живых реакциях. Почему такое могло произойти? Есть простое объяснение. Большинство мужчин их мира приучили предавать свою кровь, отказываться от неё и бояться её. Многие мужчины того мрачного мира покалечены морально, их приручили, унизили, подчинили и завоевали, их приучили ценить себя тем выше, чем больше они предали свою мужественность. Им с детства преподают игнорировать свою силу, взгляды, достоинство и преимущества, заставляют стыдиться побуждений их крови. Не развалится ли их большое общество, не рухнет ли их несчастный мир, если появится хотя бы намек на мужественность? Итак, мы имеем дело с неестественным, искусственным миром, мелочным, достойным лишь сожаления миром, в котором мужчины должны быть наказаны за то, что они — мужчины, а женщин дразнят и презирают за то, что они должны быть женщинами. Но давайте зададимся вопросом, разве не может быть так, что за всеми этими отговорками и враньём, под всеми соглашениями и покровами, продолжают, скрываясь в наследственных генах, существовать формы того, что, живи они в честном мире, не должно было бы отрицаться и подавляться, но могло бы благоденствовать и процветать, могло бы поднять голову и, осмотревшись, снова найти себя в том мире, для которого, природа в течение тысяч поколений их создавала, в мире мужчин и мире женщин? На этот раз в зале повисла тишина.

— Но, разве у презренных шлюх того достойного сожаления мира нет чего-то, что они в конечном итоге, могли бы предложить нам? Например, свои изящные черты лица, каскады своих гладких, блестящих волос, свои симпатичные шеи, ждущие только ошейника, свои мягкие плечи, животы и груди, свои бёдра и лодыжки, свои аппетитные тела, столь подходящие для верёвок и ремней, свои конечности, для которых наручники и кандалы — самое лучшее украшение? Взгляните на это несчастное существо, дрожащее у моих ног. Презирайте её, если вы желаете, и, признаем, она полностью заслуживает вашего презрения, но обратите внимание,

на её рабские формы. Очевидно, что перед нами прирождённая рабыня. В её жалком мире таким прирождённым рабыням часто позволяют избегать неволи, оставляя свободными, даже несмотря на то, что это ведёт их к страданию и к страданию мужчин. И причина тому проста, там слишком мало хозяев, способных взять их в свои руки. Но в этом мире мы исправляем такое упущение. Мы поступаем с ними так, как они того заслуживают, как должны с ними поступать. Мы клеймим их, надеваем на них ошейники и продаём их!

— Правильно! — поддержали его криками несколько мужчин из зала.

— Поднимите её, давайте начинать торги! — раздался чей-то нетерпеливый голос. Я задрожала сильнее, ещё отчётливее ощутив ошейник, окружавший мою шею. Я по-прежнему стояла на четвереньках, утопая коленями и ладонями в опилках, низко опустив голову.

— Через мгновение, — пообещал аукционист. — Но сначала позвольте мне обратить ваше внимание на один факт, до сего момента не отмеченный, возможно, что и говорить, не слишком очевидный, и о котором я пока ещё не упомянул. Для миллионов женщин того жалкого мира, с которого была доставлена эта нагая рабыня, их мир — сексуальная пустошь, сексуальная пустыня. Они несчастны, их потребности не удовлетворены. Могут ли женщины быть женщинами там, где мужчины не могут быть мужчинами? Они с удовольствием встали бы на колени, чтобы предложить еду и питье своему господину, но нет у них никакого господина. Они рады были бы встать на колени и обнять ноги хозяина, но нет никакого хозяина. Они бы и рады встать на колени и прижаться губами к бедру владельца, но нет никого, пригодного на роль владельца. Они бы рады были бы стоять на коленях и целовать ноги господина, но нет никакого господина. Но затем некоторые из них, так, как, например, то смазливое животное, что стоит на четвереньках у моих ног, забраны и привезены на Гор для вашего интереса и удовольствия. Разве они больше не находятся в сексуальной пустоши или пустыне? Отныне они — беспомощные, бесправные рабыни, животные на продажу, которые должны служить и ублажать своих хозяев, без промедлений и сомнений, полностью, тысячей восхитительных способов презренной рабыни. Итак, благородные господа, подумайте о покупке варварки. Они дешёвы, но я не думаю, что вы будете разочарованы!

Наконец аукционист уделил внимание мне и, коснувшись моего левого плеча плетью, шепотом приказал:

— Встань и будь рабыней.

— Я не могу встать, Господин, — призналась я. — Я боюсь, что мои ноги не будут держать меня.

— Мне что, повторить команду? — угрожающе прошипел он.

— Нет, Господин, — простонала я.

Повторение команды может стать причиной для наказания, так что, как бы мне не было тяжело и страшно, я всё же поднялась на ноги. Стояла я очень неустойчиво, и со страхом всматривалась в полумрак зала. Ясно видеть я могла только некоторые лица тех мужчин, что сидели на самых низких рядах. Фигуры остальных лишь угадывались, всё, что я могла определить, это то, что они там были, сидели тут и там на расставленных ярусами скамьях, некоторые даже со своими собственными рабынями, стоявшими на коленях рядом с ними.

— Выпрямись, — потребовал аукционист, — стой спокойно, не напрягайся, будь изящной.

Я, как могла, постаралась выполнить его распоряжение.

— Итак, что мне за неё предложат? — поинтересовался он у толпы.

Меня продавали!

Внезапно в ушах у меня зашумело, перед глазами полетели прозрачные мушки, зал, казалось, начал крутиться вокруг меня, и я поняла, что теряю сознание, а затем свет погас, должно быть, я упала.

Не знаю, сколько времени я провела в обмороке, но сомневаюсь, что мне позволили лежать очень долго.

Я вскрикнула в страдании, потрясённая и грубо вырванная из небытия обрушившейся на меня внезапной волной холода. На меня просто и без затей выплеснули ведро холодной воды. У меня перехватило дыхание. Я открыла глаза и немного подняла голову. Я лежала в луже воды, скопившейся в углублении сцены. Влажные опилки облепили моё тело.

Подняв голову, я отметила, что плетё аукциониста висела на его поясе.

Теперь его правая рука была свободна.

— Вставай, — бросил он мне.

Я замешкалась всего мгновение, и тут же закричала от боли. Меня схватили за волосы и рывком поставили на колени, пожалуй, в самое устойчивое положение.

Я снова вскрикнула.

— Пожалуйста, не делайте больно бедной рабыне, Господин, — взмолилась я.

— Это — твоя первая продажа, не так ли? — уточнил мужчина.

— Да, Господин, — всхлипнула я, дрожа всем телом.

— И Ты думаешь, что это — приемлемое оправдание за то, что Ты устроила на сцене? — осведомился он.

— Нет, Господин, — ответила я.

— Может, Ты хочешь освежить знакомство с плетью? — полюбопытствовал аукционист.

— Пожалуйста, не бейте меня, — попросила я.

Очевидно, что работорговец был мною недоволен, но я не думала, что он набросится на меня с плетью. Мужчины его профессии очень внимательны к

множеству сигналов, словесных и поведенческих, и я была уверена, что он понял, что у меня не было никаких намерений сопротивляться или вести себя неподобающе. Среди гореанских рабовладельцев найдётся немного тех, кто стал бы беспричинно избивать рабыню или наказывать кого-то, кто действительно ничего не может поделать со своими реакциями, но при этом стремится повиноваться и делать всё от неё зависящее, чтобы ею были довольны. Однако, попытайся я обмануть его, или дать ответ, который не был до конца подлинным, то, можно было не сомневаться, я немедленно почувствовала бы на своей шкуре упругую кожу плети. Язык тела, или что-то ещё тонкое, тон голоса или выражение глаз, дрожь ресниц, я уверена, выдали бы меня. Тем не менее, я знала, что он был недоволен, и это не могло не пугать меня. К тому же, кожа на моей голове горела, словно её окунули в кипяток, его рука всё ещё плотно сжимала мои волосы.

— Благородные господа, — аукционист повернулся, обращаясь к толпе. — Это, насколько мне известно, первая продажа этого лота. Возможно, она внутренне не готова быть проданной. Я бы не исключал, что она всё ещё не понимает, что её действительно продают. Конечно, мы с вами не будем придавать много значения её обмороку, случившемуся перед вами. Маловероятно, что она позволит себе выкинуть что-то подобное снова. Разве нам с вами не доводилось быть свидетелями ещё более прискорбного поведения, в случае первой, или даже второй продажи бывшей свободной гореанки, взятой, скажем, в набеге, или приобретённой в качестве трофея в павшем городе? Если уж первая продажа может стать потрясением, или даже шоком, даже для простой варварки, той, что очевидно предназначена и даже рождена для ошейника, то чем это должно быть для бывшей гореанской свободной женщины, лишённой её Домашнего Камня, её одежд, привилегий, почестей и достоинства. Трудно даже представить каково ей оказаться раздетой, заклеймённой, заключённой в ошейник, выставленной напоказ как рабыня, коей она отныне является, перед незнакомцами и врагами? Разве с ними не мог бы случиться обморок, недержание, рвота или что-то подобное? Боюсь, что запросто. Разве мы много раз не были свидетелями таких ситуаций, забавных, если смотреть из зала, но, я вас уверяю, неприятных, для тех, кто ведёт торги на сцене.

Сказав это, он, к моему облегчению, разжал руку, сжимавшую мои волосы. Я тут же упала на четвереньки и опустила голову. Какой маленькой я чувствовала себя у его ног.

— Андар, — позвал аукционист, и его помощник, тот, что стоял справа от сцены и слева от меня, когда я поднималась по лестнице, выскочил на сцену, на ходу засовывая свою плеть за пояс.

Зато аукционист, наполнив меня самыми нехорошими предчувствиями, снял свою плеть с его ремня. Плеть, намотанная, конечно, может использоваться, чтобы привлечь внимание к той или иной особенности представленного товара.

Товарищ, которого звали Андаром, поднял меня на ноги и, удерживая за плечи, повернул лицом к толпе.

— Господин, — обратилась я к аукционисту, — я уже пришла в себя. Я смогу стоять сама.

— А Ты сможешь реагировать на мои команды? — осведомился аукционист.

— Да, Господин, — заверила его я.

— Стой прямо, расслабленно, изящно, как положено рабыне, — велел он.

— Да, Господин, — кивнула я.

Ропот интереса пробежал по рядам скамей.

Внезапно я осознала, что была желанной. Это было совсем не то, как на Земле, когда я знала, что была привлекательна, или когда ловила на себе взгляд молодого человека, украдкой рассматривавшего меня. Это было совсем по-другому. Теперь я чётко ощущала, что была действительно желанна, как объект, как товар, как рабыня.

Какой реальной я была! Внезапно я поняла, что у меня есть ценность, пусть и как у домашнего животного, и что мужчины могут заплатить за меня, как кто-то мог бы заплатить за собаку или лошадь.

— Ты — Зия, если не ошибаюсь? — уточнил аукционист.

Мою кличку перед началом моей продажи упомянул писец, ассистировавший работоторговцу, наряду с моими размерами, в том числе и размерам ошейника, наручников и кандалов.

— Если это понравится Господину, — ответила я.

Рабыням, как и любым другим животным, можно дать любую кличку, которая понравится хозяевам, если они вообще захотят их как-то называть.

— Ты — рабыня, не так ли? — спросил он.

— Да, Господин, — подтвердила я, — я — рабыня.

— Готова ли Ты к тому, что будешь продана? — осведомился мужчина.

— Да, Господин, — отозвалась я.

— Просишь ли Ты, чтобы тебя продали? — спросил аукционист.

— Да, Господин, — прошептала я, — я прошу продать меня.

— Итак, что мне предложат за это стройное, аппетитное, фигуристое, смазливое варварское животное, плохо знакомое со своим ошейником, буквально только что доставленное из варварского мира? — поинтересовался аукционист, обращаясь к залу. — Разве это не великолепный товар? Это будет выгодная покупка. Ну же, присмотритесь к ней! Взгляните на красоту её лица, на тонкость его черт. Оцените сладость её горла, окружённого запёртым металлом. Полюбуйтесь её

тёмно-каштановыми волосами, в данный момент излишне короткими, но со временем они отрастут. А посмотрите на очарование её плеч, мягкость её груди, узость талии, ширину бёдер!

— Двадцать бит-тарсков! — выкрикнул кто-то из зала. — Бит-тарсков Брундиизиума, конечно.

Итак, за меня было сделано первое предложение или, по крайней мере, я предположила, что это было именно предложение цены. Правда, величины предложенной цены я не понимала. Наши наставницы не ставили нас в известность относительно таких вещей.

Смех, прокатившийся по залу, намекал на то, что предложено было до смешного мало.

— Славно пошутили, Господин, — улыбнулся аукционист.

— Она же всего лишь варварка! — раздался другой голос из толпы.

— Несмотря на это, Господин, — отозвался аукционист, — даже за тарскоматку можно было бы предложить больше.

— Так она и есть тарскоматка! — рассмеялся кто-то из присутствующих.

— Едва ли, — отмахнулся от него аукционист.

— Все варварки — тарскоматки, — было заявлено из зала, причём заявление было сделано женским голосом.

— Верно! — поддержали её ещё несколько женщин.

Кто такие тарски я в то время ещё не знала.

— Двадцать один брундиизиумский бит-тарска! — предложил другой мужчина.

— Давайте будем реалистами, благородными господа, — призвал аукционист.

— Хорошо, тогда, двадцать два брундиизиумских бит-тарска, — давась смехом, выкрикнул кто-то из мужчин.

Некоторые женщины, сидевшие на скамьях, рассмеялись. Это были свободные женщины, полностью одетые и скрывавшие лица под вуалями. Вообще-то женщин в зале было немного, возможно, пятнадцать или шестнадцать свободных, и четыре-пять рабынь. Последние стояли на коленях около своих хозяев и вели себя тихо. У меня даже возник вопрос, насколько было безопасно для свободных женщин присутствовать на ночном аукционе в районе причалов? По-видимому, их сопровождали, и даже, возможно, вооруженные мужчины, ожидавшие снаружи.

— Дом Анесидема, — сказал аукционист, — как вам, несомненно, известно, не назначает за свои товары стартовую цену, но, если нас не устроит ни одно предложение, дом оставляет за собой право предложить цену от своего имени.

Его предупреждение было встречено недовольным ропотом и сердитым топотом ног.

— Итак, — кивнул аукционист, — давайте вернёмся к торгам.

— Девяносто медных бит-тарсков чеканки Брундизиума, — объявил мужской голос.

— У меня есть предложение девяноста брундизиумских бит-тарсков, — сообщил аукционист. — Услышу ли я медный тарск? Медный тарск?

— Медный тарск! — поддержал торг кто-то.

— Медный тарск, пятьдесят, — поднял цену другой товарищ.

Как я позднее узнала, в Брундизиуме, большом торговом порту, сто бит-тарсков составляли медный тарск. Это позволяло точнее оценить товар, особенно это касалось вещей из недорогого сегмента. Покупательная способность гореанских валют в том, что касается веса, чистоты металла, номинала и даже наименования значительно варьируется от города к городу, что не может раздражать представителей касты торговцев. Во многих городах, например, медный тарск состоял из четырёх или восьми бит-тарсков. По-видимому, это было результатом того, что на такие части было проще всего разделить круглую монету. В Брундизиуме, однако, бит-тарски были отдельными монетками, представлявшими крошечные медные диски, или маленькие капельки меди. Учитывая такие нюансы, а также практику бритья монет, особенно тех, что отчеканены из более ценных металлов, в городах на «улицах Монет» при заключении сделок часто используются весы. Говорят, на спекуляциях с обменными курсами сопоставимых по ценности монет различных чеканок сколочено немало состояний. Двойной тарн, золотая монета, чеканящаяся в Аре, на Горе принимается повсеместно, и считается монетой самого высокого номинала. Многие города северного полушария, даже те города, которые к Ару враждебны, предположительно, и конечно, конфиденциально, используют золотой тарн Ара, одинарный тарн, для оценки, стандартизации и рейтинга их собственной валюты. К сожалению, эту монету, несущую на обеих сторонах, по гордой традиции, только простой знак Ара, несложно подделать. Таким образом, важность весов при заключении сделок вполне понятна, однако при такой практике, что тоже вполне ожидаемо, есть место для споров и обвинений, имеющих отношение к точности весов и гирь. Во избежание разногласий гири должны быть стандартизированы с официальными гирями, если можно так выразиться, с эталонами, хранящимися в крепости торговой касты близ Гор Сардара. Торговцы имеют доступ в эту крепость четыре раза в год, во время больших Сардарских ярмарок. Подобным образом стандартизованы меры объёма жидкостей и линейных размеров. Другой значимой и известной монетой является золотой статерий Брундизиума. В южном полушарии ту же роль, которую играют монеты Ара в северном, играют деньги чеканки Турии.

— Итак, мне предложен медный тарск пятьдесят, — объявил аукционист.

— А разве это недостаточно для Брундизиума за красно-шёлковую варварку? — спросил какой-то мужчина.

То, что я — «красный шёлк», было ясно дано понять наряду с цветом моих волос и глаз, моими размерами и прочими характеристиками, в тот момент, когда я поднималась на сцену. На Земле, на своей прежней планете, мой сексуальный опыт был довольно небольшим и неутешительным. Я искала господина, но так ни одного и не нашла. Никто так и не смог рассмотреть жившую во мне рабыню и покорить её. Сама же я не осмеливалась показывать её, чтобы не стать объектом насмешек и презрения. Как это печально, быть рабыней в мире, где нет рабовладельцев. Однажды я даже отказалась снять платье, чтобы проверить одного знакомого, явного слабака, на предмет, не ударит ли он меня за мою дерзость, не сорвёт ли он с меня это платье. Но он ничего не сделал. Как-то раз я, сделала вид, что оступилась перед земным мужчиной, и, через мгновение, оказалась стоящей перед ним на коленях, глядя ему в глаза снизу вверх. Но он, вместо того, чтобы удержать меня на месте, покраснев и смутившись, поспешил поднять меня на ноги, как будто я на самом деле упала. Он не схватил меня за волосы и не прижал мои губы к своим ногам, он не повалил меня на живот и не поставил свою ногу мне на спину так, чтобы я не могла подняться. В другой раз я заинтриговала одного товарища перспективой секса, а затем, когда мы остались наедине, я без всяких объяснений отказала ему, указав на дверь. Я в непреклонной позе стояла перед кроватью, на которой были откровенно выложены белый шёлковый шарф и несколько витков лёгкой прочной верёвки. Но и он не стал срывать с меня одежду, не заткнул мне рот, не привязал меня к кровати и не использовал меня для своего удовольствия. Иногда, лёжа в нежных, застенчивых объятиях того или иного мужчины, я тайно представляла себя рабыней, но я знала, что их руки не были руками господина. Это были мимолётные свидания, пустые и бессмысленные, после которых мы расходились каждый своим путём. Никто не захотел приковать меня цепью к подножию своей кровати, не стал кормить меня из миски, как своё домашнее животное, которое, если бы оно посмело вызвать неудовольствие, просто избили бы плетью. Я пыталась ругать себя за свои потребности, пыталась отрицать своё собственное сердце. Что ещё я могла сделать, чтобы соответствовать правилам других, тех, кто против моей воли пытались наложить эти правила на меня? Мало радости в том, чтобы отрицать и унижать себя в попытке себя обмануть. Не думаю, что один предмет одежды, одна пара обуви, одна мысль и одна жизнь, подходят всем без исключения. Сначала было одиночество, затем разочарование и глухое раздражение, переросшее в гнев. В конечном итоге, я пришла к тому, что стала смотреть на мужчин Земли свысока, начала презирать их как слабаков, рассматривать их, как не более чем послушные, бесхребетные источники

подарков, книг, цветов, конфет, драгоценностей, бесплатных ужинов, развлечений и тому подобных удобств. Я знала, что была привлекательна, и мне это нравилось. Конечно, женщина не лишена своей доли власти, если только, возможно, на её шее не заперт ошейник. И, в конце концов, моё презрение к земным мужчинам, к их мягкости и робости, к их боязни быть мужчинами, к их измене своей собственной природе, переросло в то, что я начала развлекать себя тем, что пробуждала в них желания, удовлетворять которые у меня не было никакого намерения. Я издевалась над этими слабаками, играя намёками на наслаждение, которое им не светило бы ни при каких обстоятельствах. Я получала удовольствие, делая их несчастными. Но в то время, конечно, на моей шее не был заперт ошейник. Теперь же я была рабыней на Горе! Эти монстры, эти рабовладельцы, желала я того или нет, заложили в мой живот начало рабских огней, и я уже ощущала, что они будут разгораться и бушевать, неизбежно и непрерывно. Мы, рабыни, быстро превращаемся в жалких, беспомощных пленниц наших собственных потребностей. Это они делают нас такими. Это они хотят, чтобы мы были такими. Я уже готова была ползать на животе перед мужчинами, выпрашивая их прикосновений. Я помнила других рабынь, бьющихся и рыдающих в своих клетках и конурах. У меня больше не было достоинства, престижа, уважения или независимости. Теперь я была только переполненной потребностями рабыней, чью шею окружал ошейник.

— Присмотритесь к лоту, выставленному на продажу в данный момент, — призвал аукционист, — миловидная красно-шёлковая варварка! Оцените сладость её бёдер, аппетитные линии её голеней, стройность лодыжек, готовых носить ваши кандалы. Представьте её семенящей за вами по улице, босиком, в короткой тунике. А как смотрелся бы именно ваш ошейник, окружая её шею! Представьте, как он стоит на колени рядом с вами, как смотрится на поводке, как лежит около вас, когда вы читаете!

— Медный тарск семьдесят! — выкрикнул кто-то.

— А если представить её в крошечной жёлтой тунике? — поинтересовался аукционист. — Жёлтый отлично бы гармонировал с её тёмными волосами.

— Медный тарск восемьдесят! — повысил цену другой мужчина.

— У этой маленькой самочки, — заметил аукционист, — ещё не было частного хозяина. Кто из вас хотел бы стать её первым владельцем? Кто из вас хотел бы быть первым, кто обучит эту варварку, кто объяснит ей, чем должна быть рабыня?

— Один девяносто, — предложил третий мужчина.

— Владейте ею, дрессируйте её под свои личные вкусы! — завлекал покупателей аукционист. — Какую еду Вы предпочитаете, какие напитки? Насколько пряным должен быть ваш кал-да? В каком ане вас следует будить? Насколько тёплой должна быть вода в вашей ванной? Какими маслами вы предпочитаете

пользоваться? Как должны лежать ваши одежды? Пусть она каждое утро на четвереньках бежит за вашими сандалиями и приносит их вам в зубах. Пусть она точно так же приносит плетъ к вашим ногам и просит наказать её, если вам что-то не понравилось!

— Два медных тарска! — вступил в торги ещё один мужчина.

— Брундиизиумских? — уточнил аукционист.

— Разумеется, брундиизиумских, — подтвердил покупатель.

— У меня есть предложение двух медных тарсков Брундиизиума, — подытожил аукционист. — Кто предложит больше?

В зале повисла тишина.

— Повернись спиной к благородным господам, — велел он.

— Пожалуйста, нет, Господин! — взмолилась я.

— Живо, — процедил аукционист.

— Да, Господин, — всхлипнула я, поворачиваясь

— Два медных тарска двадцать! — отреагировали покупатели.

— Два медных тарска сорок! — тут же была перебита последняя цена.

— Благородные господа, эту женщину привезли на Гор специально для вашего удовольствия! — напомнил аукционист. — Подумайте об этом!

— Они все здесь для этого, — прокомментировал его слова мужчина, сидевший где-то в верхних рядах.

Его замечание было встречено одобрительным смехом.

— Повернись, — приказал мне аукционист. — Ещё раз. Встань лицом к благородным господам.

Я послушно выполняла его команды.

Стоять вот так, лицом к участникам торгов, как домашнее животное, которым ты собственно и являешься, ожидая пока тебя купит кто-то из них, может быть пугающим опытом. Трудно не сознать себя объектом продажи, зная о присутствующих в зале мужчинах, ощущая их желание и похоть, перед которыми ты беспомощна и беззащитна. Но стоять к ним спиной ничем не лучше, от их желания и похоти не убежать и не спрятаться. Они же никуда не исчезли, они по-прежнему там. К тому же, быть повернутой спиной к покупателям на первой, и даже на второй, может быть унижительно, поскольку в этом случае ты показана как не больше чем форма возможного интереса. Можно ли ещё глубже унижить и оскорбить женщину? Однако позже мы уже не возражаем, в целом, такому показу товара, коим мы являемся. Фактически, рабыня, во всём изобилии и цельности, очень скоро начинает наслаждаться этим процессом, во всех его явных аспектах. Она надеется, быть найденной достойной интереса. Однако на ранних продажах, помимо унижения, поскольку новообращённая рабыня может быть довольно чувствительна к таким вещам, стоять спиной к залу, не имея возможности видеть

зал, может быть пугающим опытом. А у кого бы не вызвало беспокойства знание того, что сзади может находиться что-то опасное или хищное, при том, что он не имеет права обернуться и посмотреть туда? Разве человеку не свойственно чувствовать себя более подверженным риску, более уязвимым, когда у него нет возможности осмотреться?

— Зия, — обратился ко мне аукционист.

— Господин? — испуганно вздрогнула я.

— Ты обучена? — спросил он.

— Немного, — осторожно ответила я.

Разумеется, я не хотела, чтобы от меня ожидали слишком многого. Я предпочла бы, чтобы мой будущий хозяин был бы приятно удивлён, чем разочарован своей покупкой. К тому же, я не понимала, с какой стати он задал мне этот вопрос? Разве писец, помощник работоторговца, сидевший у подножия сцены, не достаточно внятно огласил уровень моей обученности? Он был в лучшем случае начальным, тем не менее, тот факт, что я должна носить ошейник мне дали понять более чем доходчиво.

— Говори, — надавил аукционист.

— Немного, — повторила я громче, поняв, что меня должны были услышать в зале.

— Прощение о том, чтобы тебя купили, — потребовал он.

Мне проинструктировали относительно того, как надо реагировать на эту команду.

— Купите меня, Господа! — крикнула я. — Я прошу купить меня!

Известно, что только рабыни могут простить о том, чтобы их купили. Если, например, захваченная свободная женщина попросит выкупить её, чтобы потом освободить, тем самым она, фактически, объявит себя рабыней.

А затем, отчаянно, неожиданно для всех, я добавила кое-что от себя:

— И будьте добры ко мне, Господа! — попросила я.

По рядам скамей прокатилась волна смешков. Я покраснела, не понимая, почему эта невинная просьба была воспринята, словно она была наивной или смешной. Неужели такая просьба, действительно, выглядела так нелепо? Внезапно, ещё глубже, чем прежде, я поняла, что значить быть на Горе рабской девкой.

— Ты заговорила без разрешения, — заметил аукционист.

Об этом я не подумала.

— Пожалуйста, не бейте меня, Господин, — попросила я, чувствуя, что бледнее.

— Теперь Ты готова просить мужчин, любых мужчин, чтобы они позволили тебе, доставить им удовольствие? — спросил он.

— Да, Господин, — поспешила ответить я.

— Громче, — потребовал аукционист.

— Я прошу мужчин, любых мужчин, позволить мне доставить им удовольствие! — громко попросила я.

— Никто ничего не должен рабской девке, — назидательно объяснил мне он.

— Я понимаю, — вздохнула я.

— Так имеешь ли Ты право на доброе к тебе отношение? — осведомился работорговец.

— Я не понимаю, — растерянno пролепетала я.

— Благородные господа, — обратился аукционист к толпе, — позвольте мне рассказать вам кое-что об особях мужского пола, населяющих рабский мир. Заметьте, я не стал называть их мужчинами. Их с детства приучают радоваться тому, что их унижают, заставляют быть слабыми, хилыми и покалеченными. Более того, от них ещё и требуют сотрудничать в их собственном притеснении и подчинении. У них истинным мужчиной считается тот, в ком меньше всего осталось мужского. Бледное, механистическое, оторванное от природы, искусственное общество боится мужественности и того, что это могло бы означать. Это как если бы ларл симулировать, что он верр, чтобы его сожрали стаи уртов. Тот, кто больше всех предаст свою собственную кровь, тот там и считается самым большим героем. Или, возможно, правильнее было бы назвать его «героиней»? В машине, построенной из взаимозаменяемых деталей нет места ни для мужчин, ни для женщин. Биология — помеха, препятствие, которое должно быть преодолено. Таким образом, мужчины там должны быть больше женщинами, чем мужчинами, а женщины должны стать больше мужчинами, и меньше женщинами. У машины, свои собственные потребности и свои собственные интересы, и она требует, чтобы было так. Но преобразование мужчин и женщин в бесхребетное, жалкое, бесполое нечто идёт недостаточно превосходно. Попытки достичь намеченного совершенства, которое недостижимо по определению, приводит к патологиям. Теория уступает практике. Реальность упорна. Рискованно аннулировать её. Ядом не насытишься, скорее, ослабнешь или умрёшь. Представьте себе мир, в котором первостепенное значение имеет политика, а не природа. Это — рабский мир! Ценности и договорённости становятся не дорогами, горами, горизонтами и крыльями, а заборами и кандалами. Таким образом, они живут в мире, в котором мужчины ведут войну сами с собой, и точно так же женщины воюют сами с собой, но это война, в которой победа равносильна поражению, победить означает потерять себя. И многое из того, что я вам рассказал, жертвы этой войны чувствуют, даже если они это отрицают. И как же мужчины и женщины того мира встречающиеся в его щелях, в разрешённое время, относятся друг к другу? Несчастные, жалкие мужчины лебезят за улыбки, предлагают подарки, которые они зачастую едва могут позволить себе, а женщины, презирая таких мужчин, принимают их подарки и требуют большего.

Фактически, женщины рабского мира, такие как эта, стоящая перед вами нагая варварка, воображающие себя свободными, являются эксплуататорами, наёмниками, существами без совести, обменивающими свою красоту на выгоду!

Крики гнева прокатились по рядам скамей.

Сказать, что я была напугана, это ничего не сказать.

— Разве это не так, шлюха? — цедя слова сквозь зубы, спросил аукционист.

— Так, Господин, — вынуждена была признать я.

— А не была ли Ты именно такой женщиной? — осведомился он.

— Была, Господин, — не решилась отрицать я.

Я знала, что это было правдой. Как часто я играла с мужчинами в такие игры!

— И Ты делала такие вещи сознательно, — мужчина обвиняюще ткнул в мою сторону пальцем, — Ты была мелочной, жестокой и бесполезной.

— Да, Господин, — вздохнула я.

— Нисколько не сомневаюсь, что Ты хорошо пользовалась своим телом, обещая, насмехаясь, провоцируя, дразня и соблазняя мужчин, получая от них выгоду, добиваясь щедрых подарков, поворачивая их разбитое желание в свою прибыль.

— Да, Господин, — всхлипнула я.

— И Ты, несомненно, была полностью одета, — добавил он.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— И посмотрите на неё теперь, — предложил аукционист, обратившись к участникам торгов, — на собственность, принадлежащую мужчинам, на имущество, показанное так, как мы желаем, на товар, выставленный на продажу!

— Правильно! — поддержали его несколько голосов из зала.

— Сейчас она такая, какой она должна быть, причём даже в бытность свою в своём прежнем мире! — заявил аукционист.

— Да! Да! Верно! — послышались одобрительные крики мужчин.

— И будет ли она теперь получать выгоду от своих прелестей? — поинтересовался аукционист.

— Нет! — крикнули мужчины.

— Отныне другие смогут получить выгоду от её красоты, — подытожил аукционист, — те, кто её продаёт!

— Да! — закричали в зале. — Да!

— Мы забираем у безответственных мужчин Земли, — рассмеялся аукционист, — тех из их женщин, которые нам понравятся и привозим их на Гор.

— Правильно, — выкрикнул один из мужчин.

— Какими бы никчёмными и бесполезными они ни были, — сказал аукционист и, дождавшись пока стихнет смех, добавил: — Зато теперь, впервые в своей жизни, они будут чего-то стоить. Ровно столько, сколько стоят презренные рабыни.

— Превосходно, — поддержал его какой-то мужчина.

— Вот видишь, — усмехнулся аукционист, повернувшись ко мне. — Ты не заслуживаешь доброго отношения.

Я не нашла, что ему сказать.

— Итак, заслуживаешь ли Ты доброго к тебе отношения? — уточнил он.

— Нет, Господин, — ответила я.

— Так неужели мы не проследим за тем, чтобы она, эта мелочная, жадная крохоборка, эта испорченная женщина рабского мира, серого и грязного, была наказана за то, что она происходит из того недостойного мира? — спросил аукционист.

— Да! Да! — закричали мужчины.

Довольно ухмыльнувшись, аукционист вернул свою плеть на ремень. Надо ли говорить, насколько я была этому рада. По-видимому, несмотря на его замечание, у него не было намерения наказывать меня, по крайней мере, не немедленно. Хлыст и плеть — это типичное наказание для рабыни. Это быстро и в чём-то даже милостиво. Мы понимаем хлыст и плеть. Да и какая рабыня этого не поймёт? Однако то, что он повесил плеть на пояс, освободило его правую руку.

— Ой! — вскрикнула я.

Аукционист схватил меня за волосы и, повернув правым боком к залу, безжалостно потянул вниз и назад, сгибая и удерживая меня в позе «рабского лука». Показанная так, я не осмеливалась говорить, а тем более протестовать.

— Итак, если мне не изменяет память, — сказал аукционист, — последней предложенной мне ценой были два медных тарска сорок.

— Три тарска медью! — крикнул кто-то.

— Три двадцать! — поднял цену другой мужчина.

Аукционист, подняв сжимавшую мои волосы руку, сначала поставил меня вертикально, а потом резко потянул вверх, вынуждая меня стоять на кончиках пальцев ног. Пытаясь ослабить боль, я отчаянно вцепилась руками в запястье мужчины. Теперь-то у меня нет сомнений, что тогда он отлично понимал, что именно такими будут мои действия, которые поднимут мою грудь, выставив товар, которым я была, в ещё более выгодном свете.

— Мне предложили три двадцать, — констатировал аукционист. — Три двадцать. Кто-нибудь скажет три пятьдесят?

— Три, двадцать пять! — выкрикнул кто-то из зала.

— Я хочу услышать три пятьдесят, как минимум, три пятьдесят! — заявил аукционист.

— Слишком дорого! — крикнули ему.

Аукционист выпустил мои волосы, и я, наконец, смогла опуститься на всю стопу. Я стояла, склонившись вперёд, снова боясь, что могу потерять равновесие.

— Положение осмотра, — скомандовал он.

Я выпрямилась и расставила ноги, по щиколотки утопавшие во влажных опилках. Руки я сложила на затылке и запрокинула голову. Всё, что я теперь могла видеть, это потолок зала.

— Расставь ноги шире, — потребовал аукционист.

— Да, Господин, — прошептала я.

Когда стоишь широко расставив ноги, не так-то просто сдвинуться с места. В некотором смысле ты всё равно, что ты к этому месту прикована. Если руки сжаты на затылке или сзади на шее, ими не сможешь прикрыться и помешать заинтересованным лицам осматривать тебя. Эта поза помимо того, что выставляет рабыню беспомощной и уязвимой, ещё и соблазнительно приподнимает её грудь. А когда ты смотришь в потолок, ты не знаешь, где ожидать прикосновения оценивающего тебя мужчины. Чего я не поняла, так это, почему мне было приказано принять такую позу на сцене аукциона. Сцена высокая, да и до ближайшего ряда скамей было несколько футов. И разумеется, я сомневалась, что приглашение участников торгов на сцену было распространённой практикой. В зале ведь находился не один заинтересованный в покупке мужчина, следовательно, было бы непрактично приглашать их всех для детального осмотра. Торги в таком случае затянулись бы на неопределённо долгое время, в чём продавцы совершенно не заинтересованы. Им нужно распродать свой товар, так что они стремятся поддерживать движение продаж, один пункт за другим. Позу осмотра чаще могут потребовать принять на рабской полке или в лагере работоторговцев, где конкретный покупатель может, заинтересовавшись той или иной рабыней, захотеть осмотреть её более пристально. Впрочем, моё замешательство было недолгим. Я смотрела в потолок, так что я понятия не имела, что происходит вокруг меня, например, о том, что аукционист снова снял с пояса свою плеть.

— Мне предложена цена в три двадцать пять, — сказал аукционист, вставший позади меня. — Разумеется, это мало для такой миловидной темноволосой рабыни. Скажете, её волосы слишком коротки? Так они отрастут. Считаете, что она излишне худощава и тонка? Что вам мешает её откормить? По-вашему ей не хватает крепких мускулов и силы некоторых рабынь? Так не все рабыни нужны для того, чтобы носить тяжёлые мешки с сулами или налегать на ремни плугов. Уверен, вы можете подумать о других вещах, которые можно было бы сделать с такой рабыней. Представьте её обнажённой, благоухающей духами, прикованной за шею у подножия вашего ложа. А если вам нужно будет поручить ей какую-нибудь работу, плеть проследит за её эффективностью и рвением. Ну что, кто-нибудь предложит мне цену в три пятьдесят и выше?

Однако мужчины в зале ответили ему молчанием.

— Ай-и-и! — внезапно закричала я, поражённая и ошеломлённая.

Моя реакция была рефлекторной, яростной, неконтролируемой. Моё тело задргало в конвульсиях. Я упала на колени, трясущаяся, униженная и несчастная. Как со мной обошлись, как разоблачили, как выставили напоказ! Я рыдала. Моё тело горело, моя кожа, боюсь, представляла собой алую простыню пламени.

Я испытала на себе «ласку работоторговца».

— Не смей прикрывать грудь руками, — бросил аукционист. — Ты — рабыня.

— Господин! — простонала я, умоляюще глядя на него.

— Наду, рабыня! — скомандовал он.

Я немедленно выпрямилась у ног аукциониста, лицом к рядам скамей. Я стояла на коленях, сидя на пятках, моя спина была идеально прямой, живот втянут, плечи отведены назад, ладони рук прижаты к бёдрам, голова поднята.

— Расставь колени шире, — приказал работоторговец.

— Да, Господин, — всхлипнула я.

— Как вы только что имели честь убедиться, благородные господа, — усмехнулся аукционист, — в критерии отбора наших поставщиков входят не только привлекательность и высокий уровень интеллекта, но и, как вам, наверное, известно, неконтролируемые рабские рефлексы.

Мужчины в зале откликнулись одобрительным смехом.

— И эта смазливая шлюха, — продолжил он, — проведя на Горе всего несколько дней, уже готова подмахивать, корчиться, визжать, стонать и хныкать, как тарскоматка во время течки.

— Они все это делают! — выкрикнули из зала, после чего смех стал ещё громче.

Я стояла на коленях в наду, чувствуя себя опустошённой и униженной.

Но на мои чувства всем было наплевать. Я была ничем. Я не стояла того, чтобы со мной считаться. Никто не собирался спрашивать или предупреждать меня. Это было сделано со мной без моего согласия или разрешения. Меня просто взяли и выставили напоказ беспомощно сексуальным существом, годным только на продажу, то есть рабыней!

Слезы неудержимо текли из моих глаз, сбегали по моим щекам.

А я даже не могла стереть их, боясь нарушить позу.

Неужели мне, задавалась я вопросом, пусть и рабыне, не разрешат сохранить хотя бы клочок достоинства? Нет, подумала я, конечно, не разрешат. Я была рабыней. Всё во мне, даже мои потребности и реакции, было публичным. Какой обнажённой, выставленной напоказ, чувствовала я себя! Я была продемонстрирована не только внешне, не просто как обнажённая фигура и черты лица. Мне не было оставлено иного выбора, кроме как предать себя, показав живущую во мне рабыню, женщину, которая будет совершенно беспомощной во властных мужских руках. На Горе я надеялась найти господина, который любил бы

меня, и которого могла бы любить я. Теперь у меня не осталось никаких сомнений, что я буду беспомощно отзывчива, буду беспомощной сексуальной игрушкой, буду извиваться и подмахивать в руках любого мужчины, который мог бы мною владеть. Я была рабыней, и только рабыней!

— Три брундизиумских медных тарска и сорок бит-тарсков! — выкрикнул новую цену мужчина из полумрака зала.

Я даже не видела, кто именно произнёс это предложение.

— Я хочу услышать три пятьдесят, — напомнил аукционист, — как минимум три пятьдесят. Кто предложит больше? Кто-нибудь предложит большую цену?

Но никто в зале не спешил заплатить за меня больше.

— Три пятьдесят?! — спросил он, обводя ряды скамей хмурым взглядом.

Аукционист стоял немного слева от меня и чуть впереди, так что я видела плеть в его правой руке. Ему по-прежнему никто не предлагал большую цену.

— Можешь изменить позу, — разрешил мне он.

Я поспешила воспользоваться его разрешением. Теперь я стояла на коленях у его ног, плотно сжав колени и склонив голову.

— Уверен, она стоит больше! — крикнул аукционист.

Но результат остался прежним. Мужчины молчали.

— Ну ладно, уговорили, — проворчал аукционист. — Три медных тарска и сорок битов. Продано!

И он вернул свою плеть на ремень.

Снова прозвенел гонг, сообщая о продаже очередного лота. На этот раз меня.

Я была продана!

— Простите меня, Господин, — попросила я, склонив голову и прижав щеку к его ноге, — за то, что не смогла понравиться господам.

Но он не обратил на меня никакого внимания.

А с другой стороны, почему он должен был бы обращать внимание на рабыню?

Судя по тому, как пристально он всматривался в полумрак зала, его больше интересовали сидевшие там покупатели. Я не понимала, почему он это делал. Затем, по-видимому, удовлетворённый, возможно, увидев что-то или кого-то, он опустил взгляд на меня, стоявшую около него на коленях. Заметив его внимание, я подняла голову и, глядя на него сквозь слезы, застилавшие глаза, я начала нежно целовать и облизывать свёрнутые ремни плети, которая снова была в его руке. Мне показалось, что будет уместным поступить так. Некоторые женщины смогут меня понять. Впрочем, я подозреваю, что любая женщина смогла бы понять меня, окажись она у ног гореанского мужчины.

— Простите меня, Господин, — повторила я.

Мужчина, опустив руку, вполне добродушно потрепал меня по голове, взъерошив мои волосы. Это было очень подобно тому, как хозяин мог бы приласкать свою

собаку на моей прежней планете. С благодарностью и облегчением я поняла, что, скорее всего, бить меня не будут.

— Я так понимаю, тебе может быть затруднительно стоять на ногах, — заметил он.

— Так что, можешь покинуть сцену на четвереньках. Мы же не хотим, чтобы Ты споткнулась, упала с лестницы и что-нибудь себе повредила. Заберут тебя утром, так что эту ночь Ты проведёшь в клетке. А теперь, освободи от себя сцену.

— Следующая рабыня — Адрасте, — сообщил служащий работорговцам писец, сидевший между сценой и первым рядом скамей. — Она — одна из тех, что были доставлены с Конца Мира.

— Знаю, — буркнул аукционист, снова внимательно посмотрев куда-то в зал.

Я же на четвереньках, так же, как я на неё поднималась, оставила сцену, спустившись по лестнице. Благодаря разрешению аукциониста, вероятность того, что я упаду и, возможно, поранюсь или ушибусь, была гораздо меньше, чем если бы я попробовала встать на ноги. Меня, как и любой другой товар, следовало передать покупателю неповреждённой. У подножия сцены, справа, если смотреть из зала, меня встретил помощник работорговца и поставил меня на ноги. Стояла очень неуверенно.

— Ведомая позиция, — скомандовал он, и я согнулась в поясе так, что моя голова оказалась у его левого бедра.

Мужчина же сгрёб мои волосы в кулак и, проведя меня по какому-то проходу, остановился и приказал мне опуститься на четвереньки перед маленькой клеткой, одной из нескольких, некоторые из которых уже были заняты, и открыл дверцу. Я заползла внутри и повернулась, чтобы видеть его, уже запершего замок. Я схватилась за прутья решётки. На клетке, в которую меня посадили, как на всех других, имелся знак, на всех одинаковый.

— Господин, — окликнула его я, — могу ли я говорить?

— Конечно, — не стал запрещать он.

— Что означают эти знаки? — поинтересовалась я, как уже было отмечено, не умевшая читать по-гореански.

— Продано, — снизошёл мужчина до ответа.

— Мне очень жаль, что я не была продана дороже, — сказала я.

— На рынке сейчас переизбыток предложения, — объяснил помощник работорговца. — Мне ещё никогда не доводилось видеть так много рабынь. Мы едва успеваем сбывать их с рук. Их просто невозможно всех отслеживать. Мы обрабатываем их как стада тарсков. Думаю, это следствие сезонных колебаний, большого притока товара с Конца Мира и военных кампаний этой осени. Была б моя воля, мы придержали бы их, выбросив на рынок весной, но их ведь надо кормить. С другой стороны, теряя на одной продаже, при некоторой удаче, можно выиграть на обороте.

— Это ведь не слишком значимый рынок, не так ли? — спросила я.

— Менее известный и более скромный, чем мне бы хотелось, — проворчал он. — Мы даже не заводим бумаг на наших девок.

Я предположила, что в таком случае будет довольно трудно проследить рабынь, проданных через дом Анесидема.

— Тем не менее, — вздохнул я, — мне очень жаль, что у вас не получилось выручить за меня больше.

— Ты ушла за три медных брундизиумских тарска и сорок бит-тарсков, — напомнил мужчина.

— Да, Господин, — кивнула я.

— Притом, что мы ожидали получать за тебя только два медных тарска, — сообщил он.

— Ох, — удивлённо выдохнула я.

— Должно быть, кто-то очень захотел тебя, — предположил мой собеседник.

— Для чего? — спросила я.

— Не будь наивной, — усмехнулся мужчина.

— Простите меня, Господин, — смущённо пробормотала я.

— Однако, — покачал он головой, — на этом рынке, и больше трёх медных тарсков. Интересно.

— Интересно? — переспросила я.

— Конечно, — сказал мужчина. — Похоже, для кого-то Ты в некотором роде особенная.

— Возможно, — позволила себе улыбнуться я, — для некого мужчины я — самая красивая женщина, которую он когда-либо видел.

— Возможно, — не стал спорить он.

— Тогда, — преисполнилась я оптимизма, — у меня будет нетяжёлая жизнь. Он будет стараться понравиться мне. Я смогу управлять им. Он будет делать то, что я попрошу.

— Сомнительно, — усмехнулся мужчина, — а вот в чём я несколько не сомневаюсь, так это с том, что пороть тебя будут долго и вдумчиво.

— Ох, — выдохнула я.

Я заключила, что мужчины на Горе сильно отличались от своих земных собратьев. Я заметила, что он улыбнулся.

— Но каким другим образом я могла бы быть особенной? — любопытствовала я.

— Откуда мне знать, — пожал он плечами, и задумчиво добавил: — Разве что тот факт, что Ты плохо знакома с этим миром, можно сказать, практически ничего о нём не знаешь.

— Господин? — не поняла его замечания я.

— Мне нужно возвращаться к сцене, — отмахнулся от меня помощник работоторговца, повернулся и ушёл.

Какое могло иметь значение, задавалась я вопросом, то, что я была плохо знакома с этим миром? Что такого важного в том, что мои знания о нём были весьма ограничены?

Что меня порадовало, так это оставленное в моей клетке маленькое одеяло.

Глава 4

Адрасте

Я

лежала в клетке. Это была тесная, маленькая клетка, типичная рабская клетка, прочная, с часто поставленными прутьями решётки. В ней можно было стоять на коленях или сидеть, но не больше. Вытянуться в такой клетке полностью невозможно. У такого устройства, кроме очевидных аспектов, связанных с лишением свободы и безопасностью, есть также и свои эстетические и психологические аспекты. Эстетические состоят в том, что мужчинам, по-видимому, нравится видеть нас в клетках, они находят нас привлекательными в них. В психологическом же отношении, им нравится рассматривать нас как рабынь, беспомощных, посаженных в клетки, заключённых в узы, которые они сочли целесообразным на нас наложить. И конечно, если взглянуть на это с точки зрения рабыни, то мы сами, в психологическом отношении, отлично сознаём себя теми, кто мы есть, сознаём себя рабынями. Мы — рабыни, следовательно, мы — животные. А где ещё, как не в клетке подходяще держать животное?

Спустя некоторое время до меня долетел приглушённый расстоянием и поворотами коридора звон гонга. Я заключила, что этот звук возвестил о том, что Адрасте, рабыня, стоявшая позади меня в очереди к аукционной сцене, предположительно привезённая сюда с Конца Мира, была продана. Это была одна из самых красивых женщин, которых мне когда-либо доводилось видеть, брюнетка с изящными чертами лица и волнующей фигурой, с оливковой кожей и зелёными глазами. Мне вспомнилось, как незадолго до того, как я поднялась на сцену торгов, помощники работорговца выражали недоумение по поводу того, что такой лот, предположительно достойный центральной сцены Курулеана, независимо от того, чем это могло бы быть и где оно могло бы находиться, был выставлен на этом рынке, расположенном в довольно неблагополучном районе, близ причалов, да ещё и на вечерних торгах.

Вскоре после того, как смолк звон гонга, в коридоре появилась Адрасте. Разумеется, не сама по себе. Её, согнутую в поясе в ведомое положение, за волосы, как и меня, привёл уже знакомый мне помощник работорговца. Поставив брюнетку на четвереньки, он устроил её в клетке через пару клеток от меня.

Разделявшие нас клетки были пусты, так что мы, хотя и не ясно из-за частых прутьев, могли видеть друг дружку.

— Нет, Ты видела этого тарска? — возмущённо спросила Адрасте. — Он вёл меня, меня, в ведомой позиции, как какую-то рабыню!

— Я не понимаю, — растерялась, а затем испугалась я.

Мне ещё ни разу не доводилось видеть гореанскую свободную женщину вблизи. Нескольких я видела этим вечером, они присутствовали в зале, сидели рядом со своими сопровождающими. Но до них было далеко, да и освещение в зале оставляло желать лучшего, не считая самых близких к сцене рядов скамей. Но я отлично помнила выражение страха на лицах наставниц, занимавшихся моим обучением в работорговом доме, при одном упоминании о свободных женщинах. Как-то раз один из служащих работоргового дома пригрозил двум наставницам продать их свободной женщине. Они, такие страшные для нас, такие суровые и строгие, чьих хлыстов мы боялись до дрожи в коленях, они, с таким презрением смотревшие на нас, нагих новообращённых кейджер в грубых ошейниках, внезапно сами превратились в жалких, испуганных, пресмыкающихся у его ног рабынь. Как они умоляли его, избавить их от такой судьбы. Как они рыдали, целовали и вылизывали его ноги. Именно тогда у меня появилось куда большее чем прежде понимание того, что такое свободные женщины. Моя тревога возросла ещё больше, когда я пришла к пониманию того, какая пропасть пролегла в этом мире между свободными и рабами. Рабыня для свободной женщины — даже меньше, чем грязь под её изящными туфлями. Мы одеты, когда и если одеты вообще, таким способом, какой, по мнению свободных женщин, должен позорить, оскорблять и унижать нас, однако, возможно, к их огорчению и гневу, очень скоро мы начинаем любить наши туники и ошейники. Возможно, свободные женщины завидуют нам из-за этого. Быть может, им даже жаль, что они сами не могут одеться так же, и появиться в таком виде перед глазами гордых, свободных, жадных, страстных мужчин, отлично знающих, как надо обращаться с беспомощными, уязвимыми рабынями. В любом случае, принять нас за свободных женщин просто невозможно. Одно дело одежды и вуали, и совсем другое — туники и ошейники. Мы пресмыкаемся перед ними, спешим убраться с их дороги, не осмеливаемся поднимать на них глаза, становимся на колени, обычно опуская голову на землю, если они к нам обращаются или даже просто смотрят в нашу сторону. В их присутствии мы не смеем повышать голос, а если нам окажут честь, заговорив с нами, то отвечаем мы обычно вполголоса, низко склонив голову и с чрезвычайным уважением. Малейшее предположение о даже умозрительном, колебании или нетерпении, нежелании или нахальстве, упорстве, дерзости или сарказме с нашей стороны, вероятно, станет поводом к избиению. Мы практически в полной власти свободных женщин. Они нас ненавидят и могут

избивать нас хлыстом или плетью совершенно безнаказанно, и всё выглядит так, что они обожают это делать. Интерес, проявляемый к нам свободными мужчинами, приводит их в бешенство. Кроме того, рабыни в большинстве своём девушки привлекательные. Не будь они таковыми, никому не пришло бы в голову надевать на них ошейники, по крайней мере, на большинство из них. Мужчины просто не захотели бы их купить. Таким образом, клеймо и ошейник, по своему, являются знаками одобрения. Женщина, отмеченная клеймом и носящая ошейник на своей шее, хорошо знает о том, что её нашли желанной, стоящей клейма и ошейника. Какой сильный, зрелый мужчина не захочет иметь под своей рабской плетью красотку?

— Могу ли я говорить, Госпожа? — осторожно и предельно уважительно поинтересовалась я, и, похоже, такой способ обращения несколько успокоил красавицу.

— Да, — милостиво разрешила она.

— А разве Госпожа не рабыня? — спросила я.

— Тарскоматка! — прошипела Адрасте, чьё спокойствие испарилось, словно его и не было.

— Простите меня, Госпожа, — извинилась я.

— Да, меня пометили клеймом, и я ношу ошейник, — сердито признала она. — И мной владело множество хозяев, которые использовали меня, которые делали со мной всё, что они хотели, всё, что им нравилось. А теперь меня просто продали, и я даже не знаю кому!

— Но ведь в таком случае, Госпожа — однозначно рабыня, — заключила я.

— Да! — вынуждена была согласиться с моим выводом Адрасте, хотя и явно неохотно, и не скрывая своего раздражения. — Я — рабыня. Я! Я, из всех женщин, из всех женщин, была низведена до рабства!

— Что значит «из всех женщин»? — не поняла я.

— Когда-то я была свободной, — не вдаваясь в подробности, тщательно подбирая слова, пояснила она.

— Точно так же, как и я, — заметила я.

— Я была в высшей касте, благородной и важной! — заявила брюнетка.

— У меня не было касты, — призналась я.

— Ты была ничем раньше, — презрительно бросила она. — Ты — меньше, чем ничто теперь!

— Ты тоже рабыня, — наполнила я.

— Да, — буркнула Адрасте.

— Точно так же, как и я? — уточнила я.

— Точно так же, как и Ты, тарскоматка, — подтвердила она.

— Но если Ты — рабыня, то почему, — поинтересовалась я, — Ты должна возражать против того, чтобы тебя вели как рабыню, в ведомом положении?

— Я не обычная рабыня, — заявила моя собеседница.

— Ты очень красива, — польстила ей я.

— Тот тарск, что посмел оскорбить меня, согнув меня в ведомую позицию, заслуживает, чтобы его сварили в масле, — процедила она.

— Ох? — только и смогла удивлённо выдавить я.

— Когда-то, — вздохнула рабыня, — я смогла бы сделать это.

— Он ещё и поставил тебя на четвереньки и посадил в клетку, — напомнила я.

— Тогда сначала тысячу пыток, — проворчала Адрасте, — а потом в кипящее масло.

— Я — Зия, — представилась я.

— Такая же бессмысленная рабская кличка, — прокомментировала она, — как Лита или Лана.

— А что за имя — Адрасте? — поинтересовалась я.

— Ты посмела произнести моё имя? — возмутилась брюнетка.

— С какой стати, — удивилась я, — я должна обращаться к тебе, как к госпоже? Ты — рабыня, такая же, как я. Ты же для меня не первая девка.

— Наглая варварка, — прошипела она.

— У тебя интересное клеймо, — решила я сменить тему. — Я такого ещё ни разу не видела.

— Это — клеймо города Трева, — объяснила Адрасте.

— То есть, Ты из Трева? — уточнила я.

— Нет, — ответила рабыня.

— Тогда откуда Ты? — полюбопытствовала я.

— Ты что, не можешь различать акцент? — спросила она. — Не знаешь, как говорят на Косе и Тиросе, в Ти или Торкадино, в Тентисе или Порт-Каре, в далёкой Турии?

— Не знаю, — призналась я.

— А твоё клеймо, — заметила брюнетка, — обычный кеф. Почти всем рабским девкам выжигают такую отметину, обычным девкам, особенно в северном полушарии, от побережья и до самых границ Прерий далеко на востоке.

— Это — красивое клеймо, — похвасталась я.

— Оно привлекательно выглядит, когда оно впечатано в кожу обычной девки, — буркнула она.

— Я ещё ни разу не слышала такого имени как Адрасте, — сказала я.

— Это довольно распространённое имя на островах вроде Коса и Тироса, — пояснила моя собеседница.

— Выходит, Ты с Коса или Тироса, — попыталась угадать я.

— Нет, — покачала она головой.

— Откуда же тогда? — спросила я.

— Издалека, — отмахнулась Адрасте.

— Насколько я понимаю, Ты была привезена сюда из местности, называемой Концом Миром, — припомнила я.

— Да, — кивнула она.

— Значит, — подытожила я, — Ты с Конца Мира.

— Да, — наконец подтвердила брюнетка мою догадку, хотя и как-то неуверенно, — Я с Конца Мира.

Я вздрогнула, услышав, как вдали, в торговом зале прозвенел гонг. Несомненно, Адрасте тоже слышала это. Продали ещё одну девушку.

— Конечно, хозяева нас называют так, как они пожелают, — вздохнула я.

— Разумеется, — согласилась моя собеседница.

— В конце концов, мы — животные, — добавила я, и внезапно осознала, насколько это было верно.

Теперь я ещё глубже понимала себя, как животное, только как животное.

— Ты — красивое животное, — усмехнулась Адрасте.

— И Ты тоже, — не осталась я в долгу, — красивое животное.

Она вцепилась в прутья своей клетки и сердито встряхнула их, само собой, с нулевым результатом.

— Ты не сможете вырваться, — прокомментировала я. — Ты в клетке.

— Тарскоматка! — крикнула рабыня.

— Уверена, Ты тоже понимаешь, что Ты — животное, — сказала я.

— Да, — с горечью в голосе, продолжая сжимать прутья решётки, признала она. — Я — животное.

— Так прими себя таковой, — посоветовала я, — и будь счастлива.

Лично я уже давно и с радостью, с того самого момента как мне выжгли клеймо и надели ошейник, приветствовала тот факт, что теперь я была животным, которым, беспомощным и бесправным, могли владеть другие. В рабском ошейнике я нашла свою свободу, освобождение и удовольствие.

Чем я была прежде?

Той же рабыней, только без ошейника.

— Я тоже назвала своих рабынь, как я желала, — заявила брюнетка.

— У тебя когда-то были рабыни? — изумлённо переспросила я.

— Я же говорила тебе, — проворчала Адрасте, — что я была из высшей касты, что я был благородной и важной!

— Говорила, — признала я.

— Я была богата, — добавила она, — и могущественна!

— Насколько могущественной? — не удержалась я от любопытства.

— Кажется, мы уже достаточно поговорили, — напряглась моя собеседница.

— И сколько же у тебя было рабынь? — поинтересовалась я.

— Столько, сколько мне хотелось, — ответила она.

— То есть, несколько? — уточнила я.

— Конечно, — кивнула Адрасте. — Одной рабыни мало. Нужны несколько рабынь, для ухода за волосами, для ванны, для лосьонов и кремов. Кто-то должен заботиться об одеждах и вуалях, кто-то помогать одеваться и так далее.

— Понятно, — протянула я.

— Рабынь можно использовать многими способами, — продолжила моя собеседница. — Их можно послать с запиской, их можно послать на улицы и рынки подслушивать и собирать информацию. Рабская девка может незаметно, не вызывая подозрений, следовать за мужчинами и женщинами. Я могла пристраивать их в дома и таверны. Они могут, подавая вино и пагу слушать разговоры, могут подлизываться к мужчинам и вытягивать тайны из этих хвастливых, наивных животных. Они могут собирать информацию, которая могла бы быть ценной для меня, как с экономической точки зрения, так и с политической, что позволяло мне позже управлять другими, иногда людьми при статусе и власти. Они также могут узнать настроения в городах, наличие недовольства и напряжённости, и даже обнаружить нити интриг и заговоров.

— Ты использовала их в качестве шпионов, — заключила я.

— Осведомителей, — поправила меня она.

— Понятно, — хмыкнула я.

— Я направляла их к тем, кто мне был нужен, чьё расположение мне следовало заслужить, чьими уверенностью и доверием нужно было заручиться, кого следовало соблазнить и аккуратно расспросить.

— Соблазнить? — переспросила я.

— Разумеется, — подтвердила Адрасте, — и извлечь из этого пользу.

— Ты использовала их очарование и тела в своих собственных целях, — констатировала я.

— Конечно, — подтвердила она. — Они ведь рабыни.

— Да, — согласилась я, — они — рабыни.

— А если они выказывали хотя бы толику колебания, если их усилия не приносили результата или я просто была ими недовольна, их били плетью, и я следила, чтобы они были хорошо наказаны, — добавила моя собеседница.

— Я поняла, — отозвалась я.

— Забавно было наблюдать, — усмехнулась брюнетка, — как они рыдали и извивались под плетью.

— Не думаю, что хотела бы принадлежать тебе, — поёжилась я.

— Тебе нечего было бы бояться, — презрительно скривилась она. — Я не склонна владеть варварками. Они невежественны и глупы.

— Может, я и не осведомлена относительно реалий вашего мира, — сказала я. — Но я не глупа.

— Ты, действительно, думаешь, что Ты умна? — удивлённо уставилась на меня рабыня.

— Да, — сердито буркнула я. — Я очень умна.

— Полагаю, что твоего ума хватило, чтобы научиться стоять на коленях и простираться на животе, раздвигать ноги и подмахивать, лизать и целовать, — надменно проговорила Адрасте.

— Да! — с вызовом ответила я.

— Рабыня! — обругала меня она.

— А разве тебя ещё не научили таким вещам, — насмешливо осведомилась я, — спорим, эта наука закреплялась розгой, хлыстом и плетью.

— Тарскоматка! — прошипела она.

— Вижу, что угадала, — хмыкнула я.

— Бесполезная, варварская рабыня!

— Спорим, Ты быстро начала танцевать по хлопку плети, — добавила я.

— А я не сомневаюсь, что Ты применила весь свой высокий интеллект, чтобы хорошо усвоить такие уроки, — не осталась в долгу моя соседка.

— Я постаралась усвоить их, — не стала скрывать я, — я была внимательна к ним, я усердно работала над собой, только я не думаю, что в это был задействован интеллект. Я нашла эти вещи близкими для меня по духу и естественными. Скорее, это вопрос врожденных предрасположенностей и инстинктов. Разумеется, я хотела научиться тому, как нравиться моему господину. Я хотела научиться тому, как быть желанной рабыней. Какая рабыня не хочет нравиться своему хозяину? В конце концов, если она ему не понравится, ей придётся почувствовать удар плети! Но я думаю, что интеллект тоже немаловажен. Ведь чем рабыня умнее, тем лучше она сможет овладеть искусством угождения господину.

— Да уж, — проворчала Адрасте. — Эти звери любят владеть очень умными женщинами, видеть их голыми у своих ног.

— Я давно мечтала быть у ног мужчины, — призналась я. — Это именно то место, где я хочу быть, которому я принадлежу.

— Однажды я знала мужчину из вашего мира, — сказала она. — Он был слабаком. Он был благодарен, если ему перепадала моя улыбка.

— Возможно, с тех пор он изменился, — пожала я плечами.

— Я всё равно презираю его, — процедила рабыня.

— Я думаю, что Ты просто ещё не встретила своего господина, — предположила я.

— Я покоряю мужчин своей красотой, — заявила она.

— Возможно, это имело место, когда Ты была свободна, — заметила я.

Моя собеседница на некоторое время замолчала.

— Я подозреваю, что будет трудно покорять мужчин, когда ты стоишь на коленях, нагая, а твою шею окружает ошейник, — наконец нарушила я тишину.

— Я презираю мужчин, — буркнула она.

— Они — звери, конечно, — поддержала её я, — но мы им принадлежим.

— Как сандалии или тарски! — воскликнула брюнетка.

— А разве у тебя никогда не возникало желания встать перед ними на колени и с благодарностью поцеловать ноги хозяина? — спросила я.

— Была бы я свободной, — проворчала она, — тебя били бы плетью, пока с твоих костей не слезли бы кожа и мясо!

— Ты — женщина, — напомнила я. — Тебе нужен господин.

— Тихо, — шикнула на меня Адрасте. — Кто-то сюда идёт.

— Это — помощник работорговца, — пояснила я, — с ним только что проданная девушка. Она, кстати, идёт в ведомом положении.

Моя клетка стояла так, что я, в отличие от Адрасте, могла видеть кусочек коридора.

— Молчи, не болтай, — прошептала рабыня. — Нас могут избить.

Рабским девкам обычно не запрещают переговариваться друг с дружкой, но совершенно другое дело, если они находятся в присутствии свободного человека. В такой ситуации свободный человек может и не захотеть слушать болтовню рабынь.

Новую девушку, невысокую блондинку с аппетитной фигурой, помощник работорговца посадил в клетку справа от меня, ближе к Адрасте. Едва мужчина, устроив её в клетке и заперев дверцу, ушёл, как она повернулась ко мне и заговорила через разделявшую нас клетку.

— Я ушла за шесть медных тарсков, — сообщила блондинка. — А за тебя сколько дали?

— Я ушла за трех медных тарск и сорок бит-тарсков, — ответила я, добавив, — брундиизиумских.

— А чего Ты хотела, — пожала она плечами, — Ты же всего лишь варварка. Но Ты не бери в голову, для такого рынка это — неплохая цена за варварку.

— Спасибо, — поблагодарила её я.

— Я — Фина, — представилась вновь прибывшая девушка.

— А я — Зия, — откликнулась я.

— Честно говоря, я не понимаю, почему они устроили торги так поздно вечером, — сказала Фина, — почти ночью, да ещё здесь, около причалов. Кто придёт на них? — Некоторые всё же пришли, я полагаю, — напомнила я. — Зал не пустовал. — Выглядит так, словно в их планы не входило добиться самых выгодных цен, — заметила она.

Признаться, я мало что поняла из того, что она говорила.

— Насколько я понимаю, это были регулярные, заранее запланированные торги, — осторожно вставила я.

— Место проведения торгов не самое популярное, — пояснила Фина.

— Возможно, это время и это место удобны для определённой клиентуры, — предположила я, — для докеров, моряков, работников складов и так далее.

— Верно, — не стала спорить блондинка.

— Судя по всему, Ты — гореанка по рождению, — сказала я.

— Само собой, — кивнула она.

— Очень любезно с твоей стороны заговорить со мной, — сказала я.

Немногие из гореанских рабынь снизошли бы до того, чтобы разговаривать с варваркой.

— А с кем ещё здесь можно поболтать? — поинтересовалась Фина.

— А как же та девушка, что в клетке справа от тебя? — спросила я, озадаченная её вопросом.

— Это Ты про великую Татрикс что ли? — фыркнула моя новая соседка.

— А кто такая Татрикс? — любопытствовала я, услышав новое слово.

— Женщина — администратор, обычно, глава города, — объяснила блондинка.

— Она что, правда, была Татрикс? — удивилась я.

— Нет, конечно, — рассмеялась Фина. — Мы прозвали её так за её поведение, слишком надменное, высокомерное и оскорбительное. Она, сама не больше, чем рабыня, а важничает и держится так, как будто она всё ещё свободна, да ещё и из высшей касты. К тому же, она сама едва ли станет говорить с нами.

К моему удивлению, Адрасте смолчала, не ответила, не дала своего рода отповеди. И это притом, что до этого она разговаривала со мной, с простой варваркой. Так что у меня вполне закономерно возник вопрос, не могло ли быть так, что она по некоторым причинам боялась этой новой девушки, в то время как передо мной, варваркой, у неё страха не было.

— Она очень красива, — сказала я.

— Она не так уж отличается от нас, — отмахнулась Фина. — Она точно так же как и мы носит ошейник.

— Рискну заключить, что когда-то она была важной персоной, не исключено даже при богатстве и власти, — предположила я.

— Она — не более чем лгунья с Конца Мира, — заявила блондинка.

Адрасте лежала на полу своей клетки, спиной к нам, свернувшись в позу эмбриона. Я видела, что её тело напряжено, ощущала переполнявший её гнев. Но она так ничего и не сказала.

— Тем не менее, это не отменяет того факта, что она очень красива, — настаивала я.

— Она ушла с торгов за серебряный тарск и пятьдесят, — сообщила Фина, и уточнила: — Пятьдесят медных тарсков, а не битов. Я шла сразу за ней, так что всё слышала. Это — намного больше, чем она стоит.

— Тарскоматка! — возмутилась Адрасте, но поворачиваться к нам не спешила.

— Сама тарскоматка! — отмахнулась от неё Фина.

— Подожди, вот выпустят нас из клеток, я вырву твои волосы и выцарапаю глаза, — пригрозила Адрасте, по-прежнему лёжа на боку спиной к нам.

— И хозяева отрежут тебе уши и нос! — ничуть не испугавшись, парировала Фина.

— Откуда Ты? — поинтересовалась я у неё.

— Из Венны, — ответила девушка. — Это недалеко от Блистательного Ара.

Мы синхронно вздрогнули, услышав новый звон гонга, долетевший до нас с другого конца коридора.

— Интересно, сколько за неё предложили, — пробормотала Фина.

Я снова легла на бок и подтянула колени к груди.

Фина последовала моему примеру и тоже свернулась калачиком на полу её клетки.

Адрасте по-прежнему хранила молчание.

Я не просто так спросила Фину о её происхождении. У меня была причина, чтобы сделать так. Если она меня не обманула, то она происходила из местности, называемой Венной, расположенной где-то неподалёку от того, что именуется Аром, и даже «Блистательным Аром». Само собой, я понятия не имела, ни где находится эта Венна, ни что такое этот самый Блистательный Ар. Задала я свой вопрос, потому что акценты Адрасте и Фины показались мне поразительно близкими.

Многие люди даже не подозревают, что в их речи присутствует акцент, хотя другим, тем, чей говор отличается, это достаточно очевидно.

Я неподвижно лежала на полу клетки.

Мне не было известно, кому я теперь принадлежала. Вся, что я знала, так это только то, что я более не являлась собственностью дома Анесидема, расположенного где-то около причалов, в Брундиизиуме, большом городе на морском побережье.

Наконец, усталость и эмоции этого дня взяли верх, и я провалилась в сон.

Глава 5

Нас выводят из дома Анесидема

Н

е думаю, что мне удалось проспять очень долго. Из забытья меня выдернул звук, в котором я узнала приглушённый расстоянием и стенами звон сигнального колокола. Другими, услышанными мною звуками, были далёкие крики мужчин. Я поднялась на колени и испуганно схватилась за прутья своей клетки. Происходящее было непонятно и непривычно, и следовательно, пугало. Фина стояла в клетке на четвереньках.

— Господа! Господа! — кричала из своей клетки Адрасте.

Только глухой не услышал бы звеневшего в её голосе животного ужаса. Признаться, я была поражена. Адрасте, прежде казавшуюся столь спокойной, самоуверенной, высокомерной и строгой, было просто не узнать.

«Итак, — подумала я, — она всё же женщина, тоже женщина и всего лишь рабыня, такая же как мы, ничем от нас не отличающаяся!» Но её страх передался и мне. Я ещё сильнее вцепилась в прутья решётки. Очевидно, что Адрасте знала этот мир гораздо лучше меня, простой варварки, доставленной для его рынков. Затем уже Фина, к этому моменту тоже стоявшая на коленях в клетке слева от Адрасте, жалобно выкрикнула:

— Господа!

Вслед за ней подобные крики раздались из других клеток, стоявших в помещении, в этот поздний час освещённом одной единственной тусклой лампой, свисавшей с низкого потолка.

— Что случилось? — крикнула я в надежде, что кто-нибудь ответит.

— Выпустите нас! — в панике завопила одна из рабынь.

Кто-то кричал, кто-то плакал. На меня никто не обращал внимания.

Я прижалась лицом к решётке, глядя влево, пытаюсь заглянуть в проход, по которому меня и других девушек привели в эту комнату.

Но мои потуги были тщетны, коридор тонул в темноте, разглядеть там хоть что-то было нереально.

— Что это? — закричала какая-то рабыня.

— Нападение! — крикнула другая.

— Работотворцы, набег! — взвизгнула третья.

— Кос! — услышала я.

— Тирос! — последовало следующее предположение.

— Порт-Кар! — заплакала одна из девушек.

— Не говорите глупости! — крикнула Адрасте. — Брундизиум принимал и поддерживал флоты Коса и Тироса во время великого вторжения.

Её замечание мне ничего не сказало.

— Я чувствую запах дыма! — вдруг в панике вскрикнула ещё одна девушка.

— Это Ар нападает! — вторила ей другая. — Это ночной налёт его тарнсмэнов. Их сотни. Они забрасывают Брундизиум зажигательными кувшинами!

— Нет, — попыталась успокоить их Адрасте. — Марленус предпочёл бы захватить Брундизиум и владеть им, а не уничтожать его!

Разумеется, я понятия не имела, кем мог бы быть этот Марленус.

— Марленус — сумасшедший! — воскликнула Фина. — Он запросто разрушит то, чем он не сможет завладеть!

— Это не может быть Ар, — поддержала Адрасте другая рабыня. — Если бы Ар хотел наказать Брундизиум, он сделал бы это уже давно.

— Марленус нуждается в Брундизиуме, — сказала третья девушка. — Где ещё Ар сможет добыть снаряжение и флот для вторжения на Кос и Тирос?

— Я тоже чувствую запах дыма, — крикнула четвёртая кейджера.

Крики рабынь снова наполнились ужасом.

Сначала у меня не было уверенности, что запах дыма действительно присутствовал в воздухе. Порой воображение легко воспламеняется и может играть с людьми злые шутки. Когда в доме правит страх, бывает очень трудно определить, где пролегает грань между восприятием и домыслом. Но затем, внезапно, я тоже со всей очевидностью, почувствовала запах дыма.

— Налетчики! — взвизгнула рабыня.

— Мы — женщины и рабыни, — заплакала другая девушка, — мы — ничто, только призы, только трофеи и добыча.

— Это не могут быть налетчики, — не согласилась третья рабыня. — Это — нападение большими силами!

— Откуда Ты можешь знать это? — спросила её четвёртая.

Мы, сидевшие в клетках на одном из нижних уровней, не могли похвастаться знанием происходящего снаружи.

— Это — Ар! — настаивала ещё одна наша товарка. — Ходят слухи, что Талена, предавшая Домашний Камень Ара, Талена — марионеточная Убара, самозванная Убара, беглая изменница, скрывается в Брундизиуме.

— Такие слухи ходят в сотнях других городов, — заметила другая рабыня.

— Они не стали бы разрушать из-за неё целый город, — успокоила их третья девушка. — К тому же она могла бы погибнуть в огне. Для неё это была бы

слишком лёгкая смерть, которая обещала бы возмездие Ара. Там хотят заполучить её живой, чтобы пытать её в течение многих месяцев, а потом медленно посадить на кол.

— А я слышала, — присоединилась к ним четвёртая товарка, — что Талена получила убежище на Косе.

— Да, — поддержала её пятая, — я тоже это слышала.

— Тогда это Порт-Кар, — воскликнула ещё одна рабыня. — Это его рейдеры там снаружи, на улицах. Это бич Тассы!

Вопли страха посыпались из клеток.

— Вы же этого не знаете, — осадила их кейджера, заговорившая первой.

Как мало мы вообще знали!

— Нет, нет, только не Порт-Кар! — простонала рабыня в клетке по соседству со мной

— Любой другой город, только не Порт-Кар! — вторила ей другая девушка, в голосе которой звенел леденящий ужас.

— Говорят, что в Порт-Каре цепи рабской девке покажутся самыми тяжёлыми, — заплакала третья рабыня.

— Нас увезут туда, разденут, закут в цепи и продадут на его рынках! — стенала четвёртая.

— Пиратам и головорезам! — воскликнула пятая.

Рабыня в клетке у противоположной от меня стены комнаты в истерике попыталась сорвать со своей шеи лёгкое, неумолимое стальное кольцо.

— Напрасно тратишь силы, дура, — бросила ей её соседка. — Он на тебе, и там он и останется.

Рабыня упала на пол и, вздрагивая от рыданий, забилась в угол крошечной клетки. Её пальцы по-прежнему сжимали привлекательный, плотно прилегающий, запертый, идентифицирующий аксессуар.

О Порт-Каре я знала даже меньше чем ничего. Я и название-то это услышала впервые. Однако реакция окружающих позволяла заключить, что быть рабыней в Порт-Каре — судьба незавидная, если не сказать пугающая.

Я подняла руку и коснулась своего собственного ошейника. У меня не было ни единого шанса избавиться от него, не больше, чем у любой из других девушек, находившихся в этом подвале.

Мы были беспомощны и неправы. Мы были имуществом. С нами поступят так, как пожелают те, кому мы принадлежим.

Мне было очень страшно.

В стену моего понимания того, что значило быть рабыней, и быть рабыней на Горе, лёг ещё один кирпичик.

— Идиотки, — рывкнула та девушка, которая уже пыталась призвать остальных к терпению и спокойствию, — прекратите кричать и плакать, хватит уже рыдать и хныкать. Никаких рейдеров из Порт-Кара здесь нет, как нет и налётчиков из других мест.

— Но как же сигнальный колокол! — напомнила ей другая рабыня.

— Может, Ты слышишь удары тарана в ворота, звон мечей или крики умирающих мужчин? — поинтересовалась первая рабыня.

— Запах дыма становится сильнее! — испуганно крикнула ещё одна кейджера.

— Господа! Господа! — принялась звать другая.

— Успокойтесь, нет же никаких других признаков того, что это здание горит, — снова попыталась разрядить ситуацию первая рабыня.

Судя по тому, что крики стихли, её усилия не пропали даром.

— Наши хозяева не допустят, чтобы мы, их имущество, были повреждены или уничтожены, — добавила она.

Вдруг мне вспомнилось кое-что из того, что я слышала во время моего обучения. Во многих критических ситуациях, например, на войне, намного безопаснее было бы быть рабыней, чем свободным человеком, поскольку у рабыни, как у домашнего животного, имелась своя ценность, ценность добычи. К рабыне относятся не как к врагу или воюющей стороне, а как к трофею, наряду с другими товарами, шелками, сосудами, монетами и так далее.

Я снова, прижавшись лицом к решётке, попыталась заглянуть в глубину прохода, по которому нас всех привели в это мрачное помещение, наполненное тесными, крепкими клетками.

— Фонарь приближается, — предупредила я, заметив отсвет в дальнем конце коридора. — Ещё один фонарь!

По проходу шли трое или четверо, а возможно, пятеро мужчин.

— Господа! Господа! — закричали несколько рабынь.

— А ну тихо! — бросил первый из вошедших в помещение мужчин.

В комнате мгновенно стало тихо. Ни одна рабыня не посмеет открыть рот, когда говорит свободный мужчина.

— Вам не грозит никакой опасности, — сказал он. — По крайней мере, никакой непосредственной опасности.

Мужчина закрепил свой фонарь на крюке, свисавшем на цепи с потолка.

— На причале пожар, — сообщил он, — горит склад. Естественно, его огонь будет локализован и потушен. Тем не менее, мы не хотим рисковать вами. Кто его знает, как пойдёт дело. Не стоит исключать того, что пожар может распространиться. Поэтому, на всякий случай, мы решили эвакуировать здание. Вас выведут на улицу.

С плеча одного из мужчин, которых всё-таки оказалось пятеро, свисал моток верёвки. Другой его товарищ, быстро перемещаясь от одной клетки к другой, одним и тем же ключом принялся открывать их дверцы.

— На выход, — рявкнул мужчина, который первым вошёл в помещение. — На четвереньках, построиться в колонну, лицом к проходу!

Второй мужчина держал фонарь в поднятой руке. В самом коридоре никакого освещения не имелось.

Я выползла из клетки и заняла своё место в колонне, сформированной выпущенными рабынями. Стоя на четвереньках, рабыня хорошо помнит о своём рабстве.

— Сюда, на это место, строится здесь, — указал один из мужчин, выравнивая нас линии.

Первая рабыня подползала к обозначенному месту. Остальные кейджеры, в том числе и я, потянулись вслед за ней.

— А как же наши новые хозяева? — удивлённо спросила одна из рабынь.

— Они придут и заберут вас утром, — снизошёл до ответа мужчина.

Моё место было за Финой, которая в свою очередь стояла позади Адрасте. Мы оказались приблизительно в середине колонны из пятнадцати или двадцати рабынь.

Тот из мужчин, который принёс моток верёвки, быстро, одну за другой, начиная с девушки, стоявшей последней, принялся связывать нас в караван. Вскоре и я почувствовала верёвку, окружившую петлёй мою шею, завязанную на узел, после чего мужчина перешёл к следующей девушке. Караван обычно формируется от хвоста колонны к её голове, по-видимому, чтобы девушки не видели приближение верёвки или цепи, и момент её добавления к каравану был внезапным. Это уменьшает вероятность того, что рабыня, точнее свежееобращённая рабыня, впад в истерику и панику, может попытаться убежать, прежде чем до неё дойдёт очередь.

— А как же туники? — спросила одна из рабынь. — Нас же выведут на улицу.

— Нет, только не в таком виде! — простонала другая рабыня.

— Оденьте нас! — попросила третья.

— Вы уже одеты, — усмехнулся мужчина, не переставая деловито привязывать девушек к каравану. — Ваша одежда — это ваши ошейники. Разве такие как вы могут быть одеты более подобающе?

— Пожалуйста, Господин! — взмолилась первая.

— А ну заткнулись все, — буркнул мужчина.

— Да, Господин, — прошептала она, покорно, как подобает рабыне, опустив голову.

— Не бойтесь, смазливые животные, — засмеялся другой мужчина. — Замёрзнуть вам не грозит. Мы проследим за этим. Каждой из вас будет выдана хорошая тёплая рабская простыня.

Рабыня, позади меня тихо простонала, а другой мужчина, стоявший поблизости, громко расхохотался. Нетрудно было догадаться, что это была шутка. Рабская простыня — не больше чем лоскут лёгкой ткани, и в плане тепла толку от неё мало, если таковой вообще имеется. Её назначение состоит в том, чтобы скрыть рабыню. Нашим хозяевам, насколько я поняла, не хотелось бы, чтобы мы, оказавшись снаружи в темноте и беспорядке, связанные всего лишь верёвкой и, возможно, без надёжной охраны, стали приманкой для хулиганов, насильников или грабителей. Если бы мы были скованны в караван цепью, как чаще всего поступают при перемещении рабынь на дальние расстояния, риск нападения или кражи был бы значительно ниже. Лёгкого удара достаточно, чтобы лишить девушку сознания. Верёвка — не препятствие для острого ножа. А потом, кто станет приставать к мужчине, несущему на плече рабыню, которая вполне могла бы быть его собственной, да ещё в темноте посреди мечущейся толпы?

Мы были товаром, а товар не застрахован от кражи.

— Вперёд, мягкие, смазливые животные, — скомандовал первый мужчина, и караван начал втягиваться в тёмный проход.

Мне было интересно, насколько понравилось гордой, полной презрения к нам Адрасте, предположительно доставленной сюда с Конца Мира, ползти вместе с нами на четвереньках под наблюдением мужчин. Боюсь, этот опыт должен был дать ей понять, что она действительно была рабыней. Однако я всё же подозревала, что она уже должна была встретить своего господина. Как она кричала, в страдании и ужасе, когда прозвучал сигнал тревоги. Очевидно, что она, несмотря на все её кривляния, была рабыней, ничем не отличающейся от всех нас. Разве все мы — не женщины? Я подозревала, что она, завоеванная и подчинённая, ещё будет лежать, с удовольствием и благодарностью, у ног господина.

Обещанных простыней, кстати, ни у одного из пришедших мужчин я не заметила.

На то, чтобы миновать проход на четвереньках нам понадобилось несколько минут, потом мы поднялись по короткой лестнице, повернули направо и поползали по длинному коридору, ведущему к боковому выходу из дома Анесидема. Дверь была открыта, и за ней был виден кусочек улицы снаружи и сновавшие там туда и сюда мужчины. Снаружи тянуло ночной прохладой. Запаха дым теперь чувствовался ещё более отчётливо, чем прежде.

Около двери стояла группа мужчин, среди которых я не без удивления увидела аукциониста. Должно быть, предположила я, он быть сотрудником дома. До сего момента я так не думала. В доме я его не видела ни разу, вплоть до этого вечера.

Аукционисты в большинстве своём работают на себя, и работорговые дома их нанимают непосредственно для проведения торгов. Услуги некоторых, насколько я понимаю, стоят немалых денег. Кто-то из них назначает фиксированную плату, другие требуют комиссии с продаж, что, разумеется, является хорошим стимулом, добиваться максимальных цен. Зачастую представители дома сами предлагают оплату в виде комиссионных. Особенно это касается менее известных и популярных домов, которые, вероятно, поспешат на гарантируемую оплату. Как мне кажется, в большинстве случаев такие вопросы решаются в ходе переговоров. На Горе, насколько я поняла, понятия фиксированных цен на товар не существует в принципе, торговаться нужно при любой покупке, будь то овощи, ботинки, или рабыня.

Вскоре мы были около двери. Рабыня, стоявшая в нашем караване первой, наполовину высунулась за порог.

Снаружи было прохладно.

Я задрожала.

К мужчинам, собравшимся у дверного проёма, присоединился ещё один товарищ, принесший охапку рабских простыней.

Типичная рабская простыня — это не более чем небольшой квадратный лоскут лёгкой дешёвой ткани. Его обычное назначение, как уже было отмечено ранее, состоит в том, чтобы скрыть внешность рабыни. Ни о каком комфорте речи не идёт, поскольку, кого волнует комфорт рабыни, то же самое касается и скромности рабыни, поскольку для кейджеры скромность — непозволительная роскошь. Такую простыню часто набрасывают на голову рабыни и закрепляют на месте, обвязав шнуром или ремнём вокруг её шеи. Хотя основное назначение этого лоскута ткани — сокрытие внешности девушки, это также может быть использовано, чтобы привлечь внимание, возбудить интерес, разжечь любопытство. В таком случае ноги рабыни в большей или меньшей мере будут видимы, конечно, по крайней мере, икры, а остальное оставляют полёту воображения проходящих мимо потенциальных покупателей. Разумеется, это касается рабыни, которая могла бы стоять вертикально, сидеть или лежать. Мы же стояли на четвереньках, так что наиболее вероятно, что простыни нужны были ни для чего большего, как не выставлять рабынь напоказ. Дело было ночью, да ещё и, несмотря на позднее время, на улице присутствовало множество беспорядочно перемещающихся мужчин. Таким образом, я не сомневалась, что наши хозяева не держали в голове никаких иных намерений, кроме этой чисто утилитарной цели. Наконец, можно было бы отметить, что рабская простыня, когда она укрывает рабыню с головой, не только скрывает её внешность, но и по-своему, до некоторой степени, играет ту же роль, что и рабский капюшон, лишая её знания окружающей местности и обстановки, и делая ещё более управляемой.

Первую рабыню в караване уже накрыли простынёй, которую, к моему беспокойству, закрепили на ней петлёй шнура вокруг шеи. Ниже шнура ткань разделялась, полностью покрывая её спину, свисая по обе стороны караванной верёвки и торса девушки, и не мешая ей ползти. Затем мужчина, взяв вторую простыню у своего товарища, державшего в руках целую их охапку, уделил внимание следующей рабыне. Аукционист по-прежнему невозмутимо стоял в стороне, без особого интереса наблюдая за происходящим. Вскоре мужчина, укрывавший рабынь и закреплявший простыни, добрался до Адрасте, закончив с ней, перешёл к Фине, стоявшей следующей. Внезапно мне показалось, что поведение аукциониста изменилось, он словно насторожился и как-то подобрался. Однако я не заметила ничего, что могло бы стать причиной этого. В следующее мгновение простыня была наброшена на меня, натянута на голову, закреплена шнуром, обмотанным вокруг моей шеи, а затем расправлена по всему телу. Теперь и я была надёжно скрыта тонкой тканью, а мужчина переместился дальше. Спустя некоторое время я снова услышала его шаги, похоже, он закончил свою работу и присоединился к остальным.

— Что слышно? — услышала я вопрос одного из мужчин. — Пожар на причалы не перекинулся?

— Нет, — ответили ему, — горит только один склад.

— Что за склад? — поинтересовался тот же товарищ.

— Склад Флавия Минора.

— Это одно из самых больших зданий в этом районе, — прокомментировал мужчина.

— Огонь может перекинуться на другие строения, — заметил другой.

— Я так не думаю, — не согласился с ним третий.

— Как бы то ни было, хозяева окрестных складов выносят товары на улицы, — сказал первый.

— Разумная предосторожность, — признал второй.

Вскоре, к моему удивлению, когда я совсем этого не ожидала, я почувствовала, как чьи-то руки развязали узел шнур и убрали с моей шеи шнур, державший укрывавшую меня простыню, а затем и саму простыню. Подняв голову, я увидела простыню в руках мужчины, которого я приняла за помощника работорговца. Аукциониста я нигде поблизости больше не видела. У меня не было ни малейшего желания рисковать и просить разрешения заговорить. Были у меня обоснованные причины для опасений, что это может закончиться ударом плети. А ещё я обратила внимание, что Адрасте тоже стояла на четвереньках ничем не прикрытая. Простыня лежала на полу подле неё. Мужчина, вероятно, помощник работорговца, набросил снятую с меня простыню на Адрасте, поднял ту, что раньше покрывала её, и укрыл ей меня.

Эти манипуляции поставили меня в тупик. Лично я никаких различий между этими простынями не заметила.

В чём был смысл этого обмена простынями? Разве они не были одинаковыми?

— Всех из дома вывели? — уточнил кто-то из мужчин.

— Всех, — ответили ему, откуда-то сзади, из глубины коридора.

— Выводите караван, — услышала я приказ.

— Вперёд, — скомандовали нам, и караван начал движение.

Девушки одна за другой перебирались через порог, выхода в ночь, с её прохладой и сыростью.

Запах дыма стал ещё сильнее, от него не спасала даже простыня.

Глава 6

Происшествие на улице

Я

следовала за лёгким натяжением окружавшей мою шею верёвки, которая, скрытая под простынёй слева от меня, шла дальше назад, к горлу девушки стоявшей позади меня.

Своими коленями и ладонями рук я чувствовала камни улицы. Вскоре караван остановили. Мы отошли, я была уверена, не дальше нескольких ярдов от дома. Я предположила, что это было ровно такое расстояние, которое ведущие нас мужчины сочли достаточным для нашей безопасности.

Я задавалась вопросом, летели ли в ночном воздухе искры.

Сигнальный колокол всё ещё отбивал набат.

Из-за простыни, укрывавшей меня с головой и закреплённый шнуром вокруг моей шеи, я мало что могла видеть. Разве что свет факелов, когда их проносили мимо меня, да неясные тени, скорее всего, мужчин, часто перекрывавшие свет фонаря. Большинство из них спускались по улице, по-видимому, к причалам. Дважды меня пихнули в бок.

— Дорогу пожарным фургонам! — услышала я требовательный крик, а затем колёса двух тяжёлых повозок, прогрохотали мимо нас.

При этом я услышала скрежет по камням, который могли бы издавать большие когти, слышала крики, сопровождаемые ударами палок по крупным телам, и сердитое, протестующее фыркание и шипение, характерное для рептилий. Я вздрогнула. Как мало я знала об этом мире, в котором я оказалась по воле моих хозяев, чтобы служить им и ублажать их.

— Что с пожаром? — спросил кто-то.

— Разбушевался не на шутку, — услышала я чей-то обеспокоенный голос. — Если так пойдёт, огонь может перекинуться на причалы.

— Нет, — успокоил его другой мужчина. — Его сдерживают. Сотни мужчин вышли на причалы. Они встали в цепочки. Одни черпают воду из мерцающей Тассы, другие передают ведра из рук в руки и выплёскивают их в огонь.

— Что насчёт пришвартованных кораблей? — с тревогой поинтересовался третий мужчина.

— Они в безопасности, — снова послышался спокойный голос его товарища. — На некоторых кораблях отдали швартовы. На других экипажи в готовности, мачты убраны, палубы и паруса смочены водой.

— А что с домом Флавия Минора? — не отставал третий мужчина.

— К нему невозможно даже приблизиться, — ответил второй мужчина. — Здание полностью охвачено огнём. Сомневаюсь, что огонь смогут погасить хотя бы к утру.

— Это может привести к потере многих портовых строений, — заметил первый.

— Представьте, сколько товара будет потеряно, — сказал второй.

— Дом Флавия Минора разорён, — констатировал третий. — Сомневаюсь, что там смогут спасти хоть что-то.

— А что известно о том, как начался пожар? — поинтересовался второй.

— Не думаю, что это теперь можно будет выяснить, — сказал первый.

— Что насчёт других складов? — осведомился третий.

— Из многих товар выносят и расставляют на причалах, — ответил первый.

— Подозреваю, к этому моменту к причалам со всего города стекаются воры и грабители, готовые драться и убивать, — с горечью произнёс ещё один мужчина.

— Пожар хорошо освещает их добычу.

— Но ведь на причалах присутствуют стражники, — успокоил его первый мужчина.

— Их слишком мало, — заметил второй.

— И вряд ли они осмелятся вмешиваться, — предположил третий.

— Они едва смогут защитить самих себя, — поддержал его четвёртый.

— Так чего мы стоим? — осведомился второй. — Давайте поспешим к причалам. Надо действовать быстро, пока порядок не восстановлен. Богатые трофеи, рассыпанные под ногами, буквально приглашает подобрать их.

— Лучше давайте поможем в борьбе с огнём, — предложил первый.

— Почему не мы, а другие должны получить прибыль от такого случая? — спросил третий.

— Давайте не будем терять время попусту, а то скоро сюда подтянется стража из других районов и улицы блокируют, — поддержал его второй.

Судя по последовавшему за этим быстро удаляющемуся топоту, я заключила, что часть мужчин поспешили присоединиться к мародёрам.

— Беззаконие сплошное, — в сердцах сплюнул один из оставшихся мужчин.

— Как странно, — сказал его товарищ. — Некоторый рискуют своей жизнью, защищая имущество людей, которых они даже не знают, а другие, в той же ситуации, ни на миг не задумываясь, присвоят товар им не принадлежащий.

— Выбрось таких индивидуумов из своей головы, — посоветовал первый мужчина.

— Они — муть трущоб, грязь беднейших районов, чужаки, мигранты, бродяги. Уверен, они не имеют ничего общего с Брундизиумом. Лично мне очевидно, что они не могут делить с нами его Домашний Камень.

— Возможно, у них нет никакого Домашнего Камня, и никогда не было, — предположил второй.

— Как такое может быть? — удивился третий.

— Может, — заверил его второй. — Я слышал, что существуют далекий мир, целый мир без Домашних Камней.

— Как же тогда, — не поверил ему третий собеседник, — там может быть честь и порядок, цивилизация, доверие и уважение, законность, гармония, храбрость и товарищество?

— Понятия не имею, — вздохнул второй.

— Должно быть, это очень жалкий мир, — заключил первый.

— Не могу не согласиться, — поддержал его второй.

— И как же, в таком случае, такой мир можно уважать, дорожить им, любить его, заботиться о нём? — спросил третий.

— Я всего лишь поделился тем, что мне доводилось слышать, — напомнил второй.

Всё это время я ждала на четвереньках. Ни мне, ни всем остальным, не дали разрешения сесть, встать на колени или лечь на мостовую. Какой беспомощной я чувствовала себя, в такой позе. Я стояла, низко опустив голову, простыня, закреплённая петлёй шнура на моей шее, скрывала меня от головы до ног. Я была одной из нескольких рабынь, связанных за шеи общей верёвкой. Я не осмеливалась говорить, и даже спрашивать разрешение сделать это. У меня не было ни малейшего желания почувствовать удар плети. С момента моей продажи не прошло и дня. У меня теперь был хозяин, которого я не то что не знала, но даже не видела. Я осталась в том месте, куда меня поставили. Я была смущена и напугана. Моё тело дрожало. Столь многое произошло, столь внезапно и столь очевидно необъяснимо! Как непостижимо, как радикально, изменилась моя жизнь! Неужели это, действительно, происходило со мной, спрашивала я себя. Как такое могло случиться? Конечно, это не могло быть реальностью! Но это было очень реально. Это должно было быть сном. Но не был сон! Я ничего не подозревала. Какой же наивной я была, при всём моём воображаемом интеллекте, не больше чем смазливой простушкой и дурочкой! Я ничего не ожидала! И вдруг это произошло. Меня заметили, взяли на карандаш, а потом и забрали. Я даже представить себе не могла, что такие вещи могут существовать. Я чувствовала шершавые камни мостовой под своими коленями и ладонями моих рук. Под простыней я была голой, как животное, как рабыня, рабски голая. Мою шею окружал ошейник, снять который я не могла. Высоко на моём левом бедре, чуть ниже ягодицы, красовалось клеймо, отметина, выжженная там раскалённым железом. Я ничего не ожидала, ни о чём таком не думала, и вот я на Горе, и я — рабыня. Перед моим мысленным взором мелькали лица мужчин, которых я

очаровывала, а затем отвергала. Как я презирала их! Какое удовольствие мне доставляло вызывать в них надежды, которые я затем с наслаждением разбивала. С какой лёгкостью я соблазняла и отвергала мужчин. Как просто было пробуждать в них интерес, а потом, когда интерес пробуждён, симулировать невинность, удивление и возмущение. Как торжествовала я, осуществляя такие тщеславные, мелочные поступки, позволенные мне теми полномочиями, что были назначены моему полу, и позволявшие безнаказанно соблазнять, а затем отвергать и оскорблять земных слабаков, в которых так мало осталось от мужчин, так мало от хозяев женщин! И вот теперь я была на Горе, и была рабыней! У меня было немного сомнений в том, что мужчины Гора хорошо знают, что и как следует делать со мной, фактически, всё, что они пожелают. А мне оставалось только отчаянно стремиться нравиться им, доставлять им удовольствие, полностью и безальтернативно, как самая женственная из всех женщин, как рабыня. Как я, женщина Земли, жаждала целовать и лизать плети таких мужчин!

По моим прикидкам, впереди меня стояло примерно две трети всех девушек, связанных в караван. Поскольку нас накрыли простынями ещё до выхода на улицу, мы имели очень слабое представление о том, что происходило вокруг нас. Само собой, мы знали о пожаре, случившемся где-то неподалёку, слышали голоса и топот сновавших рядом с нами туда-суда мужчин. Затем мимо нас прогрохотал ещё один пожарный фургон. Звон сигнального колокола по-прежнему висел в воздухе. Иногда, насколько можно было судить по крикам и разговорам, казалось, что огонь шёл на убыль, и появлялась надежда на то, что он будет, если не потушен, то взят под контроль, но затем, позже, выяснялось, что он вырывался на свободу опять и бушевал с новой силой. Это могло быть следствием изменения направления и силы ветра. Впрочем, подтвердить или опровергнуть это можно было бы находясь на причалах, но на улице, между домами, где мы собственно и были, это было не столь очевидно. С другой стороны, не исключено, что причиной этого было то, что огонь периодически добирался до различных материалов, хранившихся в охваченном пожаром здании, а может уже и в зданиях. Мы же всё это время оставались там же, где и были. Команды двигаться дальше мы не получали. Дыма в воздухе становилось всё больше. Иногда мимо нас пробежали мужчины, некоторые из них нутужно кашляли. Как правило, они следовали вверх по улице, прочь от причалов, по направлению к району рынка. Поначалу было не особенно холодно, но позже, с моря потянуло сыростью, так что я была благодарна мужчинам за простыню. Сквозь тонкую ткань пробивался свет фонарей. Дважды я слышала поражённые крики рабынь, по-видимому, кто-то их мимоходом приласкал. В таком внимании, даруемом рабыне, не было ничего необычного. Это можно было сделать походя, не придавая этому особого значения. Рабыням следует ожидать такого обращения. О сопротивлении не

может быть и речи, поскольку оно могло бы вызвать недовольство владельца. Ты — рабыня, знай своё место. Где-то неподалёку раздавались пьяные голоса мужчин. Должно быть, предположила я, мы стояли поблизости от таверны. По моим ощущениям на улице мы провели что-то около двадцати или тридцати енов. Мы стояли на тротуаре с противоположной от дома Анесидема стороне улицы вплотную к стене, чтобы не затруднять движение. По-видимому, это была дальняя от горевшего здания сторона улицы. Вскоре после того, как наш караван вывели на улицу и выстроили вдоль стены, нам приказали развернуться, очевидно, чтобы позже нас можно было бы быстрее вернуть обратно в здание. Как я уже упомянула, моё место было примерно в двух третях от головы каравана.

— Я только что с причалов, — сообщил какой-то мужчина. — Пожар стихает!

— Что, опять? — насмешливо осведомился другой.

— Нет, — ответил ему первый. — На этот раз точно стихает.

— Хорошо, — сказал второй.

Эта новость позволила мне надеяться, что скоро мы будем возвращены на наши прежние места в клетках. Я уже мечтала поскорее оказаться там, поскольку тонкая простыня, укрывавшая меня с головой, была слабой защитой от ночного холода и сырости. В помещении, где стояли клетки, было тепло, и в каждой клетке имелось маленькое одеяло. Когда Ты рабыня, фактически, животное и имущество, Ты будешь благодарна за такие вещи.

Внезапно откуда-то от головы каравана донеслись сердитые голоса:

— Хо! — крикнул один мужчина.

— Смотри куда прёшь, мужлан!

— Сдай в сторону!

— Я и так в стороне!

— Обойди нас!

— И не подумаю!

— Делай, что тебе говорят!

— Ты что, решил преградить мне дорогу?

— Смотрите за своими кошельками, парни!

— Спрячь свой кинжал!

— Осторожно! У него дубина!

— Они же пьяные!

— Мир, мир, горожане!

— Зовите стражников!

— Стража! Стража!

Где-то в голове каравана закричала рабыня. Через мгновение вскрикнула другая, возможно, кем-то ударенная. Было очевидно, что в нескольких ярдах впереди меня, там, где стояли первые девушки каравана, возникли какие-то разногласия,

закончившиеся препирательствами, и дело неумолимо шло к сваре. Крики с каждым мгновением становились всё громче, а слова резче. Наконец, произошло то, что и должно было произойти с подобной ситуации, началась драка.

— Драка! — нетерпеливо воскликнули сразу несколько мужчин.

Я слышала, как мимо меня вверх по улице протопали чьи-то обутые в сапоги ноги. Брундизиум — крупнейший порт Гора, в его обширной гавани причаливают суда из доброй тысячи портов, большие и маленькие, с квадратными парусами и с треугольными, грузовые и военные, круглые и длинные. Они прибывают сюда от Шенди на юге и до Торвальдсленда на севере. Здесь можно встретить корабли с Тabora, Асперича и Ананго, из устьев Картиуса и Воска, из Порт-Кара, города в мелководном заливе Тамбер, в котором смешиваются воды Воска и Тассы, и из Убаратов Коса, Тироса и с Самых Дальних Островов, и даже из таких далёких мест, как Конец Мира. Зачастую они прибывают из городов, находящихся в состоянии войны друг с другом, но «портового перемирия», подобного тому, которое имеет место на сардарских ярмарках, все придерживаются строго. Но даже вне существующих между городами конкуренции, войн, вендетт, кровной вражды и прочих разногласий, нетрудно догадаться, какая напряжённость возникает среди сильных половозрелых мужчин, мускулистых энергичных гребцов, вынужденных порой в течение многих недель, а то и месяцев, бок о бок находиться в море, ограниченными рамками бортов одного корабля, зажатыми в тисках строгой и не подвергаемой сомнению дисциплины, и что может произойти, когда их суда пристают к берегу, когда исчезают такие ограничения, когда в их кошельках звенят медь и серебро, когда они, нетерпеливые и вспыльчивые, ищут таверны, бордели и игорные дома, чтобы потом вывалиться оттуда на улицы, заправившись пагой по самые глаза, оживляя городской быт, особенно в районах близких к причалам.

— Драка, драка! — послышались крики, и мимо меня протопали ноги мужчин, спешивших к месту происходивших событий.

Внезапно та часть каравана, в которой стояла я, осталась без какого-либо присмотра. Сквозь простыню я увидела свет фонаря, приближавшегося к нам. И в его свете я различила тени четырёх или пяти мужчин. Однако они не пробежали мимо меня, торопясь понаблюдать за событиями, происходившими в голове каравана, если не поучаствовать в них.

— Которая из них — она? — спросил один из подошедших мужчин.

Фонарь поднесли ближе. Его теперь держали не вверх, а на уровне талии.

— Простыня, — услышала я, — присмотрись к простыне.

— Вот она! — раздался обрадованный мужской голос.

В тот же момент поверх простыни к моему рту была плотно прижата чья-то рука. Я не смогла бы, даже если бы осмелилась, издать хотя бы слабый звук. Мою голову

оттянули вверх и назад, а затем я почувствовала, как к моему горлу, прорезав тонкую ткань простыни, прижалось лезвие ножа.

— Ни звука, кейджера, ни единого звука, — предупредил мужчина, — или Ты умрёшь.

Я ничего не видела, поскольку простыня по-прежнему оставалась на своём месте, скрывая меня с головы до ног. Зато я очень хорошо чувствовала отточенное до бритвенной остроты лезвие ножа, прижатое к моему горлу. Я в ужасе замерла, боясь даже пошевелиться, вполне обоснованно опасаясь перерезать себе горло.

Я ощутила, что кто-то обрезал караванную верёвку впереди, а затем и позади меня.

— Сейчас я уберу руку от твоего рта, кейджера, — услышала я его зловещий шёпот. — Как только я это сделаю, Ты откроешь рот максимально широко, насколько сможешь.

Я всё ещё чувствовала нож, прижатый к моему горлу. Руку резко отдернули от моего рта, оттягивая простыню вверх по лицу, обнажая мой рот, но оставляя глаза закрытыми. Одновременно с этим, я открыла рот максимально широко. Едва я это сделала, как глубоко в мой рот был втиснут комок плотно свёрнутой кожи. Комок тут же расширился, заполняя всё свободное пространство, и его сразу закрепили на месте шнурами, завязав их поверх простыни у меня на затылке. Вслед за этим мне на голову натянули непрозрачный холщовый мешок, горловину которого затянули у меня под подбородком.

— Избавьтесь от простыни любым способом, — негромким голосом посоветовал кто-то. — Она должна выглядеть обычной рабыней, каких полно на улицах и в тавернах.

— Хо, а она ничего, симпатичная — шёпотом прокомментировал другой мужчина, срезавший простыню прямо под шнуром на моей шее, её удерживавшим, и сдёрнув с меня ткань.

Всё, что на мне теперь оставалось, это холщовый мешок и обрезок простыни, прижатый шнурами кляпа.

— Бара, — скомандовали мне.

Я немедленно приняла требуемую позу. Я стояла на коленях на влажных холодных камнях мостовой, повернув голову влево, скрестив за спиной запястья, которые тут же были связаны шнуром, быстро, квалифицированно, туго и надёжно. Затем подобному вниманию подверглись и мои лодыжки, которые я так же скрестила под собой. Мужчина явно был хорошо знаком с тем, как надо обращаться с рабынями. За время моего обучения меня несколько раз связывали подобным образом. Как то раз меня даже оставили в таком положении на целый ан, приказав попытаться освободиться. Разумеется, все мои усилия были тщетны. Гореанские узлы захвата разработаны не для того, чтобы от них можно было

избавиться. Тонкие шнуры вряд ли смогли бы устоять перед силой мужчины, но их было более чем достаточно, чтобы удержать женщину. Я была беспомощна, беспомощна как женщина, беспомощна как рабыня.

Не думаю, что Фина, стоявшая передо мной, как и девушка позади меня, обе скрытые под простынями, знали о том, что происходило. Мужчины говорили шёпотом, их голоса терялись в общем шуме и криках, доносившихся от головы каравана. Кроме того мимо нас вверх и вниз по улице то и дело проходили мужчины, иногда громко разговаривая и даже крича. Один раз я даже слышала женский голос. Служащие работоргового дома, если бы они знали о происходящем, несомненно, вмешались бы, приняв те или иные меры, но, похоже, все они в этот момент находились у головы каравана и пытались утихомирить участников драки. Прохожие же если что и знали, то только то, что рабыню по той или иной причине забирали из каравана.

В тот момент, когда к моему горлу был приставлен нож, я, конечно, не осмеливалась не повиноваться. Но при этом, что интересно, я знала, что, даже если бы ножа не было, я повиновалась бы точно так же, без промедлений и без сомнений. Ведь я больше не была свободной женщиной Земли. Теперь я — гореанская рабская девка. Я изучила свой пол, как и то, что я должна повиноваться мужчинам.

Один из мужчин поднял меня и закинул мой тело себе на правое плечо головой назад.

Немного поёрзав, я быстро осознала, свою полную беспомощность и бесполезность сопротивления.

Насколько я поняла, меня понесли вниз к причалам.

Мужчина успел сделать всего несколько шагов, когда один из его товарищей шёпотом предупредил:

— Стражник.

— Стоять, — услышала я новый голос.

Мой носитель немедленно остановился.

— Куда это Ты несёшь эту рабыню? — осведомился стражник.

— Она заблудилась, — ответил тот мужчина, с плеча которого я свисала. — Или сбежала. Мы решили вернуть её к альковным цепям.

— В Морской Слин? — уточнил стражник.

— Да, — подтвердил другой мужчина.

Я начала было бороться, яростно извиваясь, пытаюсь продемонстрировать стражнику свои нехорошие предчувствия.

— Неудивительно, что она так взволнована, — усмехнулся стражник. — Что ей теперь грозит? Просто избыют, искалечат или подрежут сухожилия?

— Это ещё предстоит решить, — отозвался то, который меня нёс, и я немедленно замерла, перестав дёргаться.

— Хорошая девка, — услышала я чью-то насмешливую похвалу.

Теперь я была полностью неподвижна. У меня не было ни малейшего желания, чтобы меня искалечили или подрезали сухожилия. Да и плети я боялась до слабости в животе, как и должна её бояться рабская девка. Впервые мне довелось почувствовать её поцелуи в день моего клеймения, когда меня вместе другими рабынями подвесили за запястья к цепи, натянутой над нашими головами. Ещё дважды я испытала эти ощущения за время моего обучения. Те, кто заявляют, что они не боятся плети, просто ни разу не чувствовали её на себе. Плеть, даже спокойно висящая на своём крюке, прекрасно удерживает девушку на её месте. Рабская девка изо всех сил старается понравиться, ибо она хорошо знает, что плеть рядом, и что она будет использована на ней, если ею хотя бы в малейшей степени будут недовольны. Это совершенно уместно, это было бы правильно. Она — рабыня.

— Как там дела с пожаром? — поинтересовался один из товарищей тащившего меня злоумышленника.

— Всё в порядке, — ответил ему стражник. — Перекинуться на другие склады не дали, теперь тушат.

— Это хорошо, — заключил мужчина.

Я предположила, что факт снижения опасности распространения огня имел некоторое отношение к местонахождению этого стражника, по-видимому, оставившего окрестности горящего здания. Кроме того, я обратила внимание, что сигнальный колокол больше не звенел.

— Удачи вам, парни, — попрощался стражник.

— И тебе всего хорошего, — откликнулся тот из мужчин, который нёс меня на плече, и они продолжили свой путь вниз по улице, явно направляясь к причалам.

Рабыня, как и любое другое имущество, может быть украдена. Обычно похищенную девушку при этом вывозят в другой город, предпочтительно, находящийся далеко от места кражи, и продают её там. Многих рабских девок на ночь приковывают цепью к подножию хозяйской кровати, обычно нагими. Немного найдётся вещей, которые лучше убеждают девушку в том, что она — рабыня. С другой стороны, помимо предостерегающих, удерживающих и поучительных аспектов этого, а также удобства для владельца, эта предосторожность снижает вероятность кражи рабыни.

Но вот чего я не могла понять, так это почему похищена была именно я, а не любая другая из девушек нашего каравана. Я не льстила себе, и признавала, что некоторые из ушедших вместе со мной с молотка рабынь были привлекательнее меня, впрочем, не будем забывать, что здесь многое зависит от вкусов и

интересов каждого конкретного рабовладельца. К тому же я была варваркой. Уверена, любая бы на моём месте была озадачена. Мне оставалось только надеяться, что они не будут разгневаны, узнав, что они похитили варварку. С другой стороны, некоторые гореанские рабовладельцу даже предпочитают варварок, обожая брать их в свои руки и преподавать им ошейник.

Каким потрясением становится для женщины Земли, узнать, что она больше не свободна и теперь должна изучать свой ошейник.

Чем умнее девушка, тем быстрее она его изучает.

Что до меня, то я даже на Земли знала, что моя шея принадлежала одному из этих стальных колец.

Но у меня не было никакого желания становиться объектом кражи.

Чего я действительно хотела, так это принадлежать доброму, но бескомпромиссному хозяину, такому, который смог бы разглядеть во мне женщину, высвободить моё второе я, найти жившую во мне рабыню, тосковавшую по сильной руке, надеющуюся и переполненную рабскими потребностями.

Мужчина, несший меня на плече, повернул влево, и обстановка вокруг нас внезапно изменилась. Сначала я услышала скрип, судя по всему, открываемых створок дверей, а затем гул голосов разговаривавших мужчин и звон кубков. Фоном этим звукам служила мелодия флейты, доносившаяся откуда-то изнутри обширного помещения. Несший меня мужчина то и дело останавливался, по-видимому, кого-то пропуская, и менял направление движения, возможно, пробираясь между столами. Помещение явно было переполнено посетителями. В те моменты, когда мой похититель останавливался, меня успели несколько раз потрогать и дважды резко сдавить некоторые части моего тела. Теоретически я, конечно, знала, что такое обращение было в порядке вещей, когда дело касалось рабыни, но вот практического опыта у меня пока было маловато. Я ещё не успела привыкнуть к тому, чтобы быть законным объектом подобного внимания, которое, в нашем случае, является своего рода комплиментом. Это указывает на то, что рабыня не лишена интереса. Было бы, конечно, невероятно, сделать что-то подобное по отношению к свободной женщине. Свободная женщина — не рабыня. Я услышала шорох сдвинутой в сторону плотной кожаной портьеры, а затем меня уложили на расстеленные на полу толстые меховые покрывала, и на моей левой лодыжке сомкнулся браслет кандалов. Снова прошуршал кожаный занавес, и я поняла, что осталась в комнате одна. Я не знала, сколько мужчин было вовлечено в моё похищение, но предположила, что их было как минимум четверо. Я пошевелила руками, пробуя на прочность стягивавшие мои запястья шнуры, но быстро убедившись в бесполезности этого занятия, расслабилась и дальше лежала спокойно. На улице было упомянуто место, называемое «Морской Слин». Я подозревала, что речь, должно быть, шла о некой таверне. В таком случае,

скорее всего, я находилась в алькове, одном из тех, в которых паговые девки ублажали клиентов заведения. Насколько я знала, их услуги входили в цену напитка, подаваемого в таверне.

Как ужасно, подумала я, быть паговой девкой.

И при этом, как я слышала, они отчаянно соперничают друг с дружкой за внимание посетителей! Они рьяно стараются добиться того, чтобы оказаться в руках мужчин. А тех, кто окажется менее рьяными, ждёт встреча с плетью. Но позже, когда в их животах вспыхнут и с неумолимой яростью разгорятся рабские огни, они тоже начнут конкурировать за внимание свободных мужчин, надеясь оказаться в их власти, умоляя приковывать их цепью у своих ног.

Возможно, у некоторых может получиться так заинтересовать мужчину, что он мог бы задуматься об их покупке.

Какой рабыне не хочется стоять на коленях у ног частного господина?

Для рабыни допустимо просить, чтобы её купили.

Какой рабыне не знакомо прошение: «Купите меня, Господин»?

Я лежала, утопая в мехах, казалось, всеми забытая и покинутая. По моим ощущениям до рассвета оставалось что-то около одного ана.

Я чувствовала холодную тяжесть браслета на моей левой лодыжке. Немного согнув ногу и натянув цепь, я определила, что цепь была прикреплена к стене алькова, левой, если смотреть от входа. Я не знала, кто владел ключом от этого браслета. Теперь, будучи прикованной такой цепью, мне не грозила опасность быть украденной снова. Похитители, принесшие меня сюда, проследили за тем, чтобы я оставалась в алькове, чтобы никто не смог повторить их подвига, унеся меня, связанную и ничего не видящую, куда-нибудь ещё.

— Тот стражник не возвращался? — услышала я негромкий мужской голос, очевидно, с другой стороны кожаной портьеры.

— Нет, — ответили ему. — Других тоже не было.

— И никаких признаков подозрений или поисков? — удивлённо спросил первый мужчина.

— Ничего похожего, — успокоил его второй. — Похоже, мы можем безопасно забрать её отсюда и нести дальше.

— Лучше всего, успеть сделать это до рассвета, — сказал третий.

— Я тоже предпочёл бы закончить с этим поскорее, — поддержал его первый. — Давайте двигаться дальше. Мне не терпится получить остаток причитающихся нам денег.

— Я вот только не пойму, — признался второй, — почему кому-то понадобилось платить столько за похищение одной единственной рабыни, да ещё и проданной в доме Анесидема?

— Не бери в голову, — отмахнулся первый. — В мире полно рехнувшихся мужчин. Наполняй свой кошелек и будь доволен.

Затем я снова услышала шорох по ту сторону портьеры, очевидно, кто-то оттянул её в сторону, собираясь войти внутрь алькова.

— Ты маску забыл, — напомнили ему.

Возникло секундное замешательство, сопровождаемое смешками и ворчанием, а затем штора была сдвинута ещё раз, и в альков кто-то вошёл.

Послышался скрежет ключа, вставленного в замочную скважину, и браслет перестал оттягивать мою щиколотку.

В этот момент откуда-то снаружи, возможно, из другого алькова, донёлся испуганный, полный страдания женский крик, а затем я услышала хлопки, снова и снова падающей плети.

Некая рабыня, предположила я, вызвала недовольство. Возможно, она заговорила без разрешения, или произнесла едкое слово, или кому-то показалось, что она посмела противоречить, критиковать или проявить нетерпение, или, она осмелилась не повиноваться или возражать и подвергать сомнению команду. Возможно, в её поведении было замечено что-то вроде надменности свободной женщины, или её оплошность заключалась в её дикции, в неких тонких нюансах уважения.

Я насчитала шесть ударов, шесть раз плеть упала на спину моей сестры по неволе.

Возможно, она посмела важничать.

Я подумала, что теперь она будет хорошо помнить о том, что она — рабыня, не свободная женщина.

Я замерла, лёжа практически неподвижно, почувствовав мужские руки, развязывающие завязки холщового мешка, затянутые на моей шее.

Мужчина растянул горловину мешка и сдёрнул его с моей головы. Лицо мужчины было скрыто под маской. Он отбросил в сторону обрезок простыни, остававшийся внутри мешка. Я отчаянно щурилась, после темноты мешка даже слабый огонёк маленькой масляной лампы, освещавшей альков, резал глаза. Я не посмела встречаться взглядом со свободным мужчиной. Затем он, к моему облегчению, развязал узел на моём затылке и вытащил из моего рта комок кляпа. Ещё долго после этого я чувствовала неприятный привкус кожи во рту.

Мужчина встал и, стоя надо мной, спрятал кляп и мешок в свою сумку.

Теперь у меня появилась возможность осмотреть альков, в котором я оказалась. Пол был устлан толстым слоем мягких мехов, вход закрывала кожаная портьера, помещение освещалось крошечной лампой, стоявшей в неглубокой нише, правая от входа стена была увешана различными аксессуарами. Я успела разглядеть

цепи, наручники и кандалы, кожаные ленты, моток верёвки, плети, хлысты и тому подобные вещи.

Любая из паговых девок, насколько я знала, должна была бежать в такой альков по малейшему щелчку пальцев посетителя заведения. Как глубоко они были во власти свободных мужчин. Но, с другой стороны, разве это не касается всех рабынь? Разве все мы не находимся полностью во власти свободных людей?

Портьера была открыта, и я могла видеть обстановку снаружи, столы и сидевших за ними мужчин.

Перед дверным проёмом алькова промелькнул лоскут шёлка, облежавший гибкую фигуру стройной красотицы в ошейнике. Девушка, державшая в руках кубок, приблизившись к одному из столов, опустилась перед ним на колени и, склонив голову между протянутыми вперёд руками, предложила кубок мужчине, сидевшему со скрещенными ногами за столом. Тот взял кубок и, даже не взглянув на неё, продолжил разговор с двумя своими товарищами, делившими с ним стол. Рабыня же, изящно поднявшись на ноги, отступила на пару шагов, развернулась и снова просеменила мимо входа в альков.

Невидимый из алькова флейтист продолжал выдувать свою незатейливую мелодию.

Мужчина неподвижно стоял рядом со мной, лежавшей перед ним на правом боку, нагой и связанной по рукам и ногам.

Когда-то я была высокомерной, гордой женщиной Земли, эгоистичной и тщеславной, раздражительной и нетерпеливой, обожавшая эксплуатировать и дразнить мужчин. Теперь я лежала у ног гореанского мужчины. Я перекатилась на живот и нежно прижалась щекой к его ноге, а потом, не поднимая головы и прижав к его ботинку губы, поцеловала и облизала его.

Мой похититель, взяв меня за волосы, поднял и поставил на колени, после чего, присел чуть позади меня и вытащил из своего кошелька маленький пузырёк, жидкостью из которого он смочил лоскут мягкой ткани.

— Пора тебе немного подремать, кейджера, — сказал мужчина и прижал ткань к моему носу и рту.

Спустя несколько мгновений я потеряла сознание.

Глава 7

Одноногий с пришвартованного корабля

К

огда я очнулась, на моей голове снова был мешок, а мои правые плечо и бедро саднили от долгого лежания на боку на грубых досках.

Я по-прежнему была раздета. Мужчины мало думают о таких вещах, когда дело касается рабынь. Рабовладельцам зачастую нравится держать своих девушек голыми. К тому же, обнажённая рабыня в своём ошейнике, приятно контрастирует с теми, кто полностью одет. Но, конечно, туника и камиск, та-тира и другие предметы рабской одежды служат почти той же цели. Такие вещи, такие аксессуары, наряду с ошейником и клеймом, отмечают женщину, как рабыню. Есть много вещей, которые отличают рабыню от свободной женщины.

На Горе это различие имеет огромное значение.

Мои руки и ноги по-прежнему были связаны.

Но, по крайней мере, на этот раз мне не стали затыкать рот.

Внезапно у меня появилось ощущение, что пол подо мной движется. Нет, не показалось. Пол действительно немного покачивался. А это указывало на то, что я находилась на некоем корабле, который, я предположила, судя по всему, стоял у причала. Для открытого моря качка была слишком слабой. По-видимому, меня принесли на корабль, один из великого множества судов, пришвартованных в гавани Брундизиума.

— Он скоро будет здесь, — услышала я знакомый голос.

Это был голос одного из тех мужчин, которые умыкнули меня из каравана около дома Анесидема.

— Он на борту? — поинтересовался другой из моих похитителей.

— Думаю да, — ответил ему первый.

Я предположила, что за то время, пока я была без сознания, меня перенесли в это место, причём, скорее всего, мешок мне на голову натянули уже здесь. Если бы по городу объявили тревогу, разослали предупреждения или уведомления относительно кражи рабыни, то конечно, девушка с мешком на голове могла бы вызвать подозрение, в то время как та, которую несут открыто и явно ничего не опасаясь, менее вероятно привлекла бы к себе внимание. Таким образом, чем меньше я была скрыта, тем лучше я была бы спрятана. Но как только я оказалась

здесь, на том, что казалось пришвартованным судном или баржой, мешок снова пригодился. Я подозревала, что принесшие меня сюда мужчины масками больше не пользовались, и не хотели, чтобы я видела их лица. Мне вспомнилось, что мужчина, заходя в альков, прежде чем сделать это, надел маску. С другой стороны, объяснение могло быть и более простым.

Мы — рабыни. Мужчинам нравится держать нас беспомощными.

А что ещё может лучше напомнить девушке о том, что она — рабыня?

— Я предпочёл бы, чтобы он поспешил, — проворчал один из моих похитителей.

— Хочу увидеть наш второй серебряный статерий до начала прилива.

— Каким дураком надо быть, — хмыкнул второй, — чтобы выложить два серебряных статерия за доставку одной единственной рабыни. Да в Брундизиуме за такую цену можно было бы купить шестерых.

— Возможно, он влюбился и скучает по ней, — предположил третий.

— Влюбился? — переспросил четвёртый. — В рабыню?

— С некоторыми мужчинами такое случается, — сказал пятый.

— Глупцы, — сплюнул первый.

Я догадалась, что в помещении, или в каюте, если это, действительно, был корабль, находилось больше мужчин, чем четверо, как я предположила ранее.

— Я думаю, что это может быть связано с желанием отомстить, — предположил пятый. — Возможно, она от кого-то сбежала, а потом попалась, и впоследствии была продана дому Анесидема. Я бы не удивился, если бы узнал, что в планы нашего заказчика входит отрезать ей нос, уши и ноги, а потом выбросить её в городскую мусорную яму, где она сможет соперничать с уртами за лармовую и суловую кожуру.

— Он не торопится, — буркнул первый.

— Не в его положении спешить, — заметил третий голос, — К тому же, я думаю, он не горит желанием попадаться на глаза.

— Тихо, — шикнул на них второй. — Кажется, он приближается.

Я напрягла слух.

Что-то или кто-то, действительно, приближался, возможно, по соседнему коридору или трапу.

Сначала я слышала только тишину, а затем, мгновение спустя, раздался звук, словно деревяшкой ударили по дереву. Потом звук повторился ближе.

— Маски, — прошипел один из мужчин в комнате.

Я предположила, что были нужны из-за моего присутствия.

— Как нам к нему обращаться? — уточнил у него другой.

— Как он и пожелал, — ответил ему первый, который, как я предположила, был главным среди похитивших меня мужчин, — как к Бруно из Торкадино.

— Он имеет к Торкадино такое же отношение, как я к касте Посвящённых, — усмехнулся третий его товарищ.

— Это точно, — хмыкнул четвёртый. — Заподозрив, что он вешает нам лапшу на уши, я упомянул об обмелении в Торкадино водохранилища и угрозе засухи, так он даже ухом не повёл, не говоря уже о том, чтобы возразить.

— Каким же нужно быть невежей, — проворчал второй, — чтобы не знать, что фонтаны Торкадино питаются водой с вершин Волтая, доставляемой туда акведуками.

— Ну, он же прибыл сюда с Конца Мира, — пояснил первый.

— Притом, что его акцент указывает на Ар, — заметил третий.

Тут я услышала скрип открывающейся двери, и ощутила, что мужчины встали. У меня сложилось ощущение, что их комнате их было не меньше десяти.

— Тал, благородный Бруно из Торкадино, — поприветствовал вошедшего тот из моих похитителей, которого я определила, как их главаря.

— Тал, — отозвался ему резкий голос, в котором звенело плохо скрываемое напряжение.

— Рад сообщить об успешном завершении нашего задания, — сказал лидер похитивших меня мужчин. — Честно говоря, вчера вечером нам даже не пришлось поджигать работорговый дом Анесидема, как мы планировали изначально, чтобы они вывели рабынь из здания. Удача была на нашей стороне, поскольку, к счастью, пожар случился независимо от нас. На причалах загорелся склад Флавия Минора. Глупо было не воспользоваться столь удачным совпадением в своих интересах. Наши сообщники в доме Анесидема, подкупленные нами сотрудники дома, как и было оговорено, поставили вашу рабыню, Луту, ближе к хвосту каравана и накрыли её помеченной простынёй, чтобы нам было легче её опознать. Шестеро парней, как Вы и предложили, устроили в голове каравана представление, на которое отвлеклись служащие Анесидема, а мы тем временем заполучили вашу Луту, которая теперь находится перед вами, возвращённая вам, как мы и договаривались, беспомощная, закрытая и связанная.

— Отлично, превосходно! — воскликнул вновь прибывший, и я снова услышала уже знакомый мне резкий стук.

На этот раз дерево по дереву ударило трижды, и с каждым разом звук приближался ко мне.

— А теперь нам хотелось бы получить причитающиеся нам деньги, — заявил тот из моих похитителей, которого я сочла среди них главным.

— Точно, — поддакнул его товарищ. — Второй серебряный статерий.

— Надо спешить, время дорого, — поддержал его ещё один мужчина. — Прилив начинается.

— Да, да! — согласился вновь прибывший. — Сейчас вы его получите!

Раздались ещё два удара деревом по дереву. Я предположила, что у заказавшего моё похищение мужчины была палка, которой он, по неким одному ему ведомым причинам, счёл целесообразным стучать по полу, когда он двигался. Иногда он ей ещё зачем-то скоблил по полу.

— Итак, — подытожил вожак похитителей, — наш статерий.

— Стоп, что-то не так, — внезапно сказал вновь прибывший, но теперь в его тоне слышалось подозрение и паника.

— Перетащите её поближе к свету, — потребовал вожак шайки похитителей.

Меня тут же подхватили под связанные руки и проволокли по полу несколько футов, насколько я поняла, к ногам вновь прибывшего.

— Дураки, идиоты! — закричал тот.

— Снимите с неё мешок! — приказал мужчина, которого я сочла главным среди моих похитителей.

Его подельники торопливо развязали завязки и сдёрнули мешок с моей головы.

— Вот ваша Лута, — объявил главарь шайки похитителей.

Я с трудом переводила дыхание. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Моё тело дрожало от страха.

Все мужчины, за исключением вновь прибывшего, были в масках. Заросшее бородой лицо последнего, сверлившего меня пристальным взглядом жестоких волчих глаз, было перекошено жуткой гримасой гнева. Я не могла не отметить, что это было властное лицо, лицо человека, привыкшего приказывать. Редко мне приходилось чувствовать на себе более угрожающий взгляд, редко я видела большую угрозу на лице смотревшего на меня мужчины. А ещё, у этой нависающей надо мной фигуры, что пугало меня ещё больше, была только одна нога. Те звуки, которые я слышала, и которые меня так озадачили, были стуком по полу округлённого конца тяжёлого костыля, в верхней части оканчивавшегося крепкой, округлой перекладиной. Я не сомневалась, что этот костыль, помимо того, что помогал ему держать равновесие, в любой момент мог превратиться в устрашающее оружие. Я ощущала, что этот крупный мужчина, фигура которого пугала даже сейчас, до потери своей конечности, был необычно быстрым, умным, активным и опасным человеком, и конечно, часть таких способностей все ещё оставалась в теле возвышающегося надо мной мужчины.

— Это не она! — крикнул одноногий. — Она шатенка, а не брюнетка. У неё кожа совершенно другого оттенка! Цвет глаз другой! Это не она!

— Но именно она была накрыта помеченной простынёй, — заметил главарь похитителей.

— Это немыслимо! — воскликнул одноногий. — Вы что, задумали поиграть со мной в игры? За дурака меня держите?

— А мне кажется, это Вы решили выставить нас дураками, — возмутился его оппонент. — Вот остаток помеченной простыни. Я принёс его на всякий случай. Как знал, что придётся подтверждать нашу правоту.

— И это очень удачно, — поддержал его другой мужчина, — чтобы кое-кто не нарушил своё слово и не задумал увильнуть от своих обязательств.

— Это именно она была укрыта помеченной простынёй, — добавил третий. — Доставай наши деньги!

— Это не та рабыня, — упёрся одноногий.

— Ничего не понимаю, — проворчал тот из моих похитителей, которого я считала среди них главным. — Что могло произойти?

— Вас обвели вокруг пальца! Нас всех обманули! — выкрикнул одноногий, а потом запрокинул голову и завыл, давая выход своему гневу и разочарованию.

— Да он же безумен, — встревоженно сказал один из похитителей.

— Мы свою работу выполнили, — заявил другой. — Отдайте нам наш статерий. Серебряный статерий брундизиумской чеканки.

— Не потеряй я ногу, будь у меня меч! — воскликнул одноногий. — Вы сами заплатили бы мне десять золотых статериев, лишь бы я позволил вам остаться в живых!

— Возьмите вместо той эту рабыню, — предложил лидер похитителей, ткнув меня в бок носком своего ботинка. — Она миловидная и, наверняка горячая шлюха, превосходный товар, привлекательный кусок рабского мяса. Уверен, она будет подмахивать и пищать не хуже любой другой.

Так вот, значит, подумала я, в каком свете думают о рабынях мужчины. Но, с другой стороны, разве это — не одна из вещей, для которых нужны рабыни? У меня не было никаких сомнений в том, что со временем, я, однажды землянка, а теперь гореанская рабыня, оказавшись в руках рабовладельца, буду подмахивать и пищать, неудержимо и беспомощно. Я уже чувствовала, как рабские огни начинали разгораться в моём животе, и подозревала, что буду неспособна сопротивляться этому, и при этом я вряд ли захочу это делать. Насколько свободна рабыня в том, чтобы быть женщиной! Разве кто-то может быть женщиной больше, чем рабыня?

— Мою Луту, — выкрикнул одноногий, — продали вчера вечером! К настоящему времени её, несомненно, уже забрали, и теперь она может быть где угодно.

— Среди рабынь проданных вчерашним вечером не было ни одной с именем Лута, — заметил один из присутствующих мужчин.

— Идиот! — воскликнул одноногий. — Её просто выставили на торги не под этим именем! Она же рабыня! Её можно назвать как угодно!

— И под каким же именем её продавали? — уточнил тот из похитителей, которого я считала их лидером.

— Адрасте! — сообщил одноногий.

— Да, — кивнул мужчина, — помню такую. Красотка, но ещё не сломанная к её ошейнику.

— Это можно сделать с любой женщиной, — усмехнулся другой мужчина.

— Кто купил мою Луту? — прорычал одноногий. — Я хочу знать его имя, касту, город!

— Дом Анесидема не ведёт такого учета, — развёл руками мужчина, который, как я поняла, не только присутствовал на вчерашних торгах, но и был хорошо знаком с методами дома.

Я даже задалась вопросом, не мог ли он быть одним из служащих того самого дома Анесидема. Правда, я не помнила, чтобы среди помощников работоторговца был кто-то с подобной фигурой и голосом. Оставалось предположить, что он, по крайней мере, должен был быть в контакте с кем-то из сотрудников дома. Зная то, что я знала о доме Анесидема, для меня не стал сюрпризом тот факт, что там не вели учёта. Это был тёмный, расположенный в месте с не самой благоприятной репутацией, дом. Я бы не удивилась, если бы узнала, что там имели дело с украденными и контрабандными рабынями. Я заключила, что было бы трудно проследить путь рабыни, проданной через такой дом.

— Покажите мне простыню, — потребовал одноногий.

— Метку видите? — уточнил тот из похитителей, которого я принимала за главного среди них.

— Метка та, — признал одноногий. — Простыня правильная. Значит, её подменили.

— Зачем кому-то понадобилось это делать? — спросил главарь похитителей.

Одноногий только сердито отвёл взгляд, уставившись в пол.

— Я подозреваю, — продолжил мужчина, — что в этом деле гораздо больше нюансов, чем Вы дали нам понять.

— Это — моё личное дело, — процедил одноногий, переводя угрожающий взгляд с одного лица на другое.

Я ощутила, что, если он не был покалечен, и в его руках было оружие, то он мог бы превратиться в ужасную, стремительную машину смерти, и что ни один из моих похитителей, пусть их в помещении и было целых десять, не вышел бы отсюда живым.

— Я предпочёл бы знать суть этого личного дела, — заявил лидер похитителей.

Его одноногий оппонент нахмурился, но ничего не сказал.

— Почему Вы готовы были расстаться с двумя серебряными статериями, полновесными статериями чеканки Брундициума, которые в большинстве городов можно обменять на несколько серебряных тарсков, чтобы вернуть одну

единственную рабыню? — спросил мужчина, которого я считала старшим среди моих похитителей.

— Верните мой серебряный статерий, — потребовал одноногий. — Вы потерпели неудачу. Это очевидно и прискорбно. Вы его не заработали.

— Мы добросовестно исполнили порученное нам дело, — не согласился с ним лидер похитителей. — Мы рисковали. Улицы были полны опасности. Работники дома Анесидема могли нас заметить. Вокруг было полно стражников. На нас могли напасть мародёры. Свою часть сделки мы выполнили. В том, что произошла ошибка, нашей вины нет.

— Верните мой статерий, — повторил одноногий.

— Мы доставили вам девушку, скрытую под помеченной простынёй, — сказал мужчина. — Именно такая задача была нам поставлена. Это было сделано. Отдайте нам второй статерий!

— Убирайтесь, — прорычал одноногий. — Вон отсюда!

— Он был готов заплатить, — заметил один из моих похитителей. — Значит, статерий у него с собой, а может и больше. Нас здесь десять, а он — только часть мужчины. Давайте заберём обещанные нам деньги, а лучше — больше, учитывая возникшую проблему.

— Правильно, — нетерпеливо поддержали его сразу несколько мужчин.

Их противник присел на своей одной ноге и обхватил костыль обеими руками, как можно было бы, поддерживая равновесие, схватиться на небольшое деревце. Я ощутила, что он был готов сражаться. Не хотелось бы мне оказаться на месте первого, кто решился бы приблизиться к нему.

— Кто будет первым? — спросил одноногий, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Мужчины озадаченно переглянулись.

— Я скажу вам, — оскалился одноногий. — Первым будет тот, кто больше других торопится умереть.

— Время дорого, — сказал один из моих похитителей. — Прилив вот-вот начнётся.

— Да ну его, давайте удовлетворимся тем, что у нас есть, — предложил другой. — У нас есть статерий, целый серебряный статерий Брундизиума. Это неплохая компенсация за бессонную ночь.

— Но у него есть больше, — заметил третий.

— Тогда иди и возьми у него больше, — посоветовал ему второй, но его товарищ не спешил покинуть своё место.

— Желаю вам удачи, благородный Бруно из Торкадино, — сказал их лидер.

— Рабыню оставьте, — потребовал одноногий. — Я могу продать её.

— Я так не думаю, — хмыкнул мужчина, которого я принимала за старшего среди моих похитителей.

Он присел на корточки около меня и, развязав своими сильными пальцами шнур, стягивавший мои лодыжки, схватил меня за левую руку и рывком поставил на ноги. Если бы он не поддержал меня, я, после того, как столь долгое время пролежала со связанными лодыжками, скорее всего, упала бы.

— Вы не сможете её продать, не подвергая себя опасности, — сказал одноногий, — не здесь, не в Брундициуме, по крайней мере, не так скоро. На ней, несомненно, ошейник дома Анесидема. Стражникам, наверняка, уже передали её описание. За причалами, возможно, ведётся наблюдение.

— Можем продать её вам всего за один брундициумский серебряный статерий, — самым невинным тоном ответил лидер похитивших меня мужчин.

Судя по разразившемуся хохоту, шутка его товарищам пришлась по душе.

— Убирайтесь, — прорычал одноногий.

— Как ваше настоящее имя? — поинтересовался один из его противников.

— Бруно из Торкадино, — ответил одноногий.

— Ага, — усмехнулся мужчина, — а я тогда Марленус из Ара.

Его товарищи снова расхохотались.

Мне уже доводилось слышать имя «Марленус» прежде, и я заключила, что этот человек, по некоторым причинам, был известной личностью.

— Вон отсюда! — злобно прошипел одноногий, представившийся как Бруно из Торкадино.

— Стоять сможешь? — осведомился у меня тот из моих похитителей, которого я сочла, их быть вожаком.

— Да, Господин, — ответила я, — теперь смогу.

И тогда он, всё ещё поддерживая меня под руку, вывел меня из каюты в коридор, заканчивающийся трапом, ведущим вверх. Его люди последовали за ним. Одноногий же остался в каюте. Я слышала, как он закричал, давая выход своему разочарованию и гневу, а затем ударил своим костылём по палубе. Я чувствовала, что этот человек был способен на ужасную жестокость. Меня пугали мужчины с таким характером.

— Смазливая кейджера не будет против, если мы наденем мешок ей на голову? — спросил главарь похитивших меня мужчин.

Разумеется, меня напугал такой вопрос, обращённый ко мне. Можно подумать, что кому-то могло потребоваться моё разрешение.

— Пожалуйста, Господин, — всхлипнула я, — не бейте меня!

Рабыня всегда уязвима для плети.

Он улыбнулся и, встряхнув мешок, приготовил, чтобы натянуть его на мою голову.

— Чего не могу взять в толк, так это почему так называемый Бруно из Торкадино, — пробормотал один из его спутников, — просто не предложил цену за эту Луту-Адрасте, открыто, на аукционе?

— Похоже, он не горит желанием раскрывать свою личность, — ответил ему лидер моих похитителей.

— Почему? — спросил другой.

Я решила, что с моей стороны было бы не слишком мудро, стоять среди разговаривающих мужчин. Соответственно, я поспешила встать на колени. В такой ситуации для рабыни это было самой подходящей позой. Разве я не права? Разве мы не принадлежим месту у ног мужчин?

— Понятия не имею, — пожал он плечами.

— Какой интерес она может представлять, или какую важность иметь? — полюбопытствовал третий. — Почему он предложил так много за то, чтобы мы украли её для него?

— Он утверждал, что прежде владел ею, и теперь желает получить её обратно, — напомнил четвёртый.

— Возможно, он жаждал снова заполучить её под свою рабскую плеть, — предположил пятый.

— Или был зол на неё, и хотел отомстить, — высказал свою версию четвёртый.

Я, склонив голову, стояла на коленях у ног мужчин. Я была голой, мои руки удерживались за спиной несколькими петлями шнура. На меня, как это часто бывает с рабынями, практически не обращали внимания. Каким странным мне это казалось. Насколько беспомощной я была! Как кардинально вдруг изменилась моя жизнь! Как далека я была от Земли!

— Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что он когда-либо владел ею, — признался их лидер.

— Тогда он представляет интересы кого-то другого, — заключил один из его подельников.

— Ты же его видел, — сказал его старший моих похитителей. — Разве он выглядит человеком, способным представлять чьи-либо интересы?

— Тогда она представляет ценность вне того, что могла бы стоить рабыня, — заметил другой похититель.

— Я тоже так думаю, — согласился другой. — Если он был готов расстаться с двумя серебряным статериями, чтобы заполучить её, вполне вероятно, она стоит больше двух серебряных монет, по крайней мере, для него.

— Я думаю, что, так или иначе, для него она стоит гораздо больше, — задумчиво сказал их главарь.

— Как такое может быть? — спросил третий мужчина.

— Откуда мне знать, — пожал плечами тот их моих похитителей, которого я считала главным.

Мне показалось, что господа не замечали самую очевидную, на мой взгляд, возможность. И тогда я, набравшись смелости, подняла голову и, обращаясь к нему, спросила:

— Могу ли говорить, Господин?

Мужчины, казалось, были поражены тем, что я заговорила. Это наблюдение не добавило мне спокойствия. Мне совсем не хотелось, чтобы меня пнули или отвесили оплеуху. Даже хмурый взгляд рабовладельца может напугать до дрожи в коленях.

Меня с новой силой охватил страх от осознания того, что мне не стоило привлекать к себе внимание. Как правило, рабыня должна быть под рукой, готовая служить по малейшему взгляду или щелчку пальцев, но при этом её присутствие не должно быть навязчивым.

— Ну говори, — разрешил он.

— Я заключила, что господа озадачены, относительно некоторых аспектов бизнеса этой ночи, — сказала я.

— Не то слово, — не стал отрицать мужчина.

— Мне кажется, Господин, — продолжила я, — что я понимаю тайну Адрасте, мотивацию Господина Бруно и почему в этом деле фигурировала такая, очевидно большая, и даже удивительно большая сумма.

— Я слушаю тебя, — поощрил меня он. — Поделись, в чём суть твоей догадки?

— Я успела немного узнать Адрасте, — сказала я. — Нас держали в клетках по соседству. Она была, насколько я понимаю, если только она не лгала, из высшей касты, и, судя по всему, обладала очень высоким статусом. Тогда всё становится на свои места. Можно с большой долей вероятности предположить, что она происходит из богатой и высокопоставленной семьи. Возможно, Бруно из Торкадино — её родственник, который хочет спасти её, вернуть женщину к славе её свободы, но при этом, чтобы избежать позора и скандалов, хочет сделать так тайно. Ведь для неё будет лучше избежать того, чтобы тот факт, что она носила ошейник, был предан огласке. Таким образом, становится понятным его нежелание быть опознанным и готовность заплатить выкуп, если можно так выразиться, далеко превосходящий ту сумму, которая, насколько я понимаю, была бы ценой простой рабыни.

Я была довольна своей догадливостью и слегка озадачена тем, что столь простое и вероятное объяснение не всплыло в разговоре моих похитителей.

Вопреки моим ожиданиям мои слова не столько заинтересовали, сколько позабавили их. Должна признать, я была огорчена. Я не видела в своей версии ничего, что могло бы стать причиной их веселья. На мой взгляд, это казалось очевидным, вероятным и проницательным.

— Ты — варварка, не так ли? — уточнил возглавлявший их товарищ.

— Да, Господин, — подтвердила я. — Несомненно, меня выдал мой акцент.

— Скорее твоё невежество, — усмехнулся он.

— Господин? — не поняла я.

— Ты ведь провела на Горе не так много времени, я прав? — спросил мужчина.

— Так и есть, Господин, — признала я.

— Но, я надеюсь, Ты понимаешь, что Ты — рабыня? — осведомился он.

— Конечно, Господин, — заверила его я.

— Полностью? — уточнил он.

— Да, Господин, — ответила я, уже давно не сомневавшаяся в этом и осознавшая тот факт, что была рабыней каждым дюймом моего тела.

— Возможно, Ты действительно понимаешь, и даже понимаешь полностью, что Ты — рабыня, — сказал мужчина, — но Ты, вероятно, не понимаешь, или не понимаешь до конца, что значит быть рабыней на Горе.

— Господин? — удивлённо посмотрела на него я.

— Возможно, Ты ещё далека от полного понимания деградации, унижения и необратимости ошейника, — заключил он.

— Я не понимаю, — пролепетала я.

— Представь, какое пятно ложится на чести семьи, — пояснил мужчина. — Предположим, что порабощена дочь, что она заклеймена и носит ошейник. Кого может порадовать такое известие? Отныне у неё больше нет семьи. Теперь она отвержена. От неё отреклись. Её игнорируют. О ней забыли. Теперь она не больше чем простое животное, рабыня. Какая семья согласилась бы нести такой позор? Какой это стыд, какое унижение! Даже если она окажется в своём прежнем доме, она останется в ошейнике. Её могут оставить в доме, но как рабыню дома, ничем не отличающуюся от остальных рабынь, за исключением того, что она, бывшая госпожа, теперь будет самой низкой среди своих сестёр по неволе. Впрочем, чаще всего от таких как она стараются поскорее избавиться, продав в далёкий город и уничтожив все документы, касающиеся её прошлой жизни. В лучшем для неё случае, её будут держать взаперти, спрятанной, униженной, смущённой. Её ждёт одиночество, полная изоляция, тоска и позор.

— Я этого не знала, — вздохнула я.

— Возможно, теперь Ты лучше понимаешь, что значит быть рабыней на Горе, — подытожил он.

— Да, Господин, — прошептала я.

Теперь у меня действительно появилось лучшее понимание значения своего ошейника, и того какого отношения ко мне, как рабыне, мне следовало ожидать. Я была ничем, вещью, которую любой мог купить и продать. Моя неволя была полной, всеобъемлющей и ничего кроме презрения у окружающих не вызывающей. Насколько это было унижительно! И всё же я смаковала своё

унижение. Я хотела быть рабыней. Я всегда хотела этого. Я была рада ошейнику, который я носила, который я не могла снять.

— На ноги, кейджера, — вывел меня из задумчивости его резкий голос, и я немедленно поднялась с колен.

В следующий момент расправленный холщовый мешок был натянут мне на голову, завязки были затянуты и завязаны у меня под подбородком. Мои руки по-прежнему оставались связанными за спиной.

Но прежде чем мужчина, которого я считала первым среди моих похитителей, натянул на мою голову мешок, я на мгновение подняла на него взгляд. Его чёрная маска закрывала большую часть его лица. Большую, но всё. И успела я заметить на его лице, справа, чуть ниже уголка рта, маленький треугольный шрам. Я поспешила опустить глаза, боясь, что моё поведение могли счесть нахальным, а затем мешок занял своё место, закреплённый тонким шнуром вокруг моей шеи.

— Маски, — напомнил он, и я заключила, что мужчины избавились от масок, под которыми они всё это время скрывали свои лица.

Мы двинулись вперёд, поднялись по трапу, и по изменению окружающего воздуха я поняла, что мы вышли на открытую палубу.

— Путь свободен? — уточнил мужчина, державший меня за руку.

— Да, — ответили ему.

Меня подвели сначала к сходне, а потом по ней, придерживая, чтобы я не упала, перевели на причал. Мы оставили корабль.

Глава 8

В море

Л

юк был поднят и отброшен назад. В его проёме я увидела небо, ярко-голубое, с белыми мазками летящих по нему облаков.

Затем мою лодыжку освободили от цепи, крепившей меня к кольцу в палубе.

Мне разрешили выйти на палубу, и я с благодарностью воспользовалась этим разрешением, спеша подняться по лестнице.

За те несколько дней, что мы провели в море, я привыкла к морской качке и справилась с морской болезнью.

Корабль держал курс на север.

У вершины лестницы я ненадолго задержалась. Тор-ту-Гор, как здесь называют Солнце, стоял высоко, нагревая своими жаркими лучами доски палубы. Лёгкий ветер дул в корму, натягивая длинный, большой парус над моей головой. Это было восхитительное зрелище! Корабль, мягко покачиваясь, бежал вдоль берега, зелёной линией тянувшегося справа. Большинство гореанских судов старается, насколько это возможно, держаться вблизи земли, по крайней мере, не теряя её из виду. Фактически, многие экипажи предпочитают в конце дня приставать к берегу, чтобы утром возобновить плавание. Попутный ветер избавил гребцов от их тяжёлой работы. Мускулистые мужчины наслаждались отдыхом. Одни просто расслаблялись, развалившись на палубе, другие развлекали себя игрой в карты или кости. Двое с задумчивыми лицами сидели за доской настольной игры, называемой «Каисса». У фигурок имелся небольшой шип в основании, который вставлялся в соответствующее отверстие в клетках, таким образом, при бортовой качке или сотрясениях корпуса при столкновении с волной, фигуры оставались на своём месте. Вчера вечером в лагере, один из гребцов играл на калике, гореанском струнном инструменте. Хортатора я заметила спящим около барабана, рядом с которым лежали его деревянные колотушки. Оба рулевых стояли на своих местах. Судно было оборудовано двумя рулевыми вёслами, расположенными на корме по обоим бортам. Мачта, как это распространено на грузовых судах, называемых круглыми кораблями, была постоянной, не убираемой. В отличие от них, на военных галерах, кораблях-таранах, мачта делается съёмной, что позволяет в зависимости от обстановки, поднять её или убрать. Когда мачта

убрана, корабль становится труднее обнаружить, а в сражении судно без мачты и паруса менее уязвимо и более маневренно. В настоящее время наблюдателей было двое, один в гнезде на мачте, второй на корме. Последний внимательно всматривался в морскую гладь позади корабля. Я встала на четвереньках и поползла от люка по мерно покачивающейся палубе к надсмотрщику, стоявшему неподалёку. Меня не в первый раз выпустили на палубу. Разумеется, я была голой. Именно в таком виде рабынь обычно и перевозят с места на место.

Добравшись до надсмотрщика, я склонила голову, поцеловала его ноги. Такая форма демонстрации уважения является самой подходящей для рабыни. Рабыня — это рабыня. А господин — это господин. Делая это, я чувствовала себя счастливой и довольной. В бытность мою на Земле, я ни разу не встречала мужчин, подобных тем, каких я познала на Горе. Не исключено, что они существовали, возможно, втайне, но мне не довелось познакомиться ни с одним из них. Какая честь и привилегия была оказана мне, женщине Земли, варварке в ошейнике, тем, что мне было разрешено поцеловать ноги гореанского мужчины. Он позволил мне это сделать. Не всем рабыням разрешают коснуться тела господина.

— Могу ли я говорить, Господин? — прошептала я.

— Говори, — не стал запрещать мне он.

— Зия благодарна, — сказала я, — за то, что ей разрешено побыть на палубе, почувствовать воздух, свежесть, солнце и ветер.

— Надеюсь, мне нет нужды приковывать тебя цепью к палубе? — спросил надсмотрщик.

Я была озадачена и, стоя на четвереньках и глядя на него снизу вверх, поспешила заверить:

— Нет, Господин.

— Хорошо, — кивнул он и, отвернувшись от меня, осведомился у наблюдателя на корме: — Всё чисто?

— Да, — ответил ему вахтенный.

— Всё чисто? — спросил он, на этот раз обращаясь к вперёдсмотрящему, стоявшему в гнезде на вершине мачты.

— Да, — откликнулся мужчина, и надсмотрщик направился на ют, чтобы перекинуться парой слов с одним из рулевых.

Надсмотрщик обычно не скупился в том, что касалось времени, разрешённого рабыням проводить на палубе. Конечно, я, как и все остальные девушки, с нетерпением ждала таких перерывов, когда меня освобождали от цепи и выпускали из мрака и духоты трюма. Я коснулась нового ошейника, окружавшего мою шею. Надпись на нём была, но никому не пришло в голову прочесть мне, что именно там написано. Кому я принадлежала, для меня оставалось загадкой, но я

не думала, что моим владельцем мог быть надсмотрщик. Отползая подальше от свободных мужчин, я встала на ноги и подошла в борт, чтобы посмотреть на берег, видневшийся вдали.

— А она — ничего, привлекательная, — услышала я комментарий одного из гребцов.

Разумеется, меня не могло не порадовать такое признание, но я сделала вид, что не услышала.

Морской воздух бодрил. Я с наслаждением вслушивалась в звуки корабля, скрип досок корпуса и длинной реи, резкие хлопки паруса, отвечающего на порывы ветра.

— Она такой станет, — сказал его товарищ.

Разве я виновата в том, что множество рабынь были красивее меня, или в том, что многие из них, по разным причинам, были проданы за большую цену, чем я? Как бы то ни было, работорговцы нашли меня приемлемой, перевезли на эту планету, заклеямили, надели ошейник и продали. Уверена, некоторые мужчины нашли меня представляющей интерес. Иначе ошейник не окружал бы мою шею. Безусловно, я была в курсе того, что понятия женской красоты в разные времена и различных культурах отличались. Что интересно, фигуры большинства рабынь, которые мне попадались на глаза, были очень близки к тем, что были типичны для естественной женщины. В большинстве своём они были невысокого роста, но с приятными формами, в противоположность тому стереотипу, который часто продвигается в коммерческой рекламе моего прежнего мира.

— Она — варварка, — заметил первый гребец.

— И что с того? — усмехнулся второй. — Варварки текут так же беспомощно, как суки во время течки.

Я почувствовала, что краснею. Я не думала, что они это заметили. По крайней мере, я на это надеялась. Но с другой стороны, с какой стати я должна была краснеть? Разве есть что-то постыдное или неправильное в том, чтобы быть полной жизни и потребностей. Уверена, рабовладельцы вряд ли будут возражать против того, чтобы их собственность была горячей, переполненной рабскими потребностями, выпрашивающей ласки. Какой мужчина, положив руку на сердце, отказался бы от такой женщины?

— Что насчёт купить её? — полюбопытствовал первый гребец.

— Не думаю, что она продаётся, — отмахнулся второй.

Мне его ответ показался странным. Я-то полагала, что меня купили для перепродажи.

Украдкой посмотрев в сторону, я окинула взглядом её, ту девушку, которая, получив разрешение побыть на палубе, выпрыгнула за борт. Ранее днём я и две

других девушки в трюме, прикованные за лодыжки к кольцу у основания лестницы под закрытым люком, слышали всплеск и крики.

— Желаю удачи, идиоты! — напрягая слух, услышали мы её крик. — Теперь попробуйте меня догнать!

— Пусть плывёт, — раздалась команда.

Я предположила, что она надеялась доплыть до берега, до которого было что-то около одного пасанга.

Почему, задавалась я вопросом, наши хозяева были готовы отнестись к её побегу с таким хладнокровием?

Как она посмела злоупотребить привилегией разрешения нахождения на палубе!

К счастью, похоже, её поступок не привёл к отказу, даже временному, в такой привилегии для меня и двух других девушек. На корабле нас, рабынь, было четверо, купленных в Брундизиуме из разных домов, причём из дома Анесидема была куплена только я. Судно, на котором нас везли, было торговым, так называемым «круглым кораблём», хотя, как я теперь знаю, его корпус был ненамного шире, чем у так называемого «длинного корабля», оснащённого тараном и режущими лезвиями. Судно, помимо нас, везло груз, в основном состоящий из резных фигурок и сосудов из нефрита, зелёного полудрагоценного камня, закупленных в Брундизиуме и, по-видимому, привезённых издалека, как мне объяснили, с самого «Конца Мира».

— А она неплохо плавает, — заметил один из гребцов, по-видимому, наблюдавший за беглянкой, стоя у фальшборта.

— Она была девкой в Капасианских термах в Аре, — объяснил ему другой гребец, очевидно, стоявший рядом с ним.

Я был сердита на беглянку. Теперь, из-за её поступка, думала я, в привилегии выхода на палубу могло быть отказано и нам остальным. А ведь мы этой привилегии жаждали, иногда подолгу ожидая этого момента.

— Спустить парус, — услышала я.

Я не понимала, почему они не собирались спускать на воду баркас и преследовать беглянку. Скорость баркаса с несколькими сильными гребцами на вёслах была гораздо выше, чем у плывущего человека, так что они могли бы настигнуть её задолго до того, как она добралась бы до берега. Да и если бы ей удалось добраться до берега, у меня не было больших сомнений, что её преследователи, молодые, сильные, стремительные мужчины, легко нагонят её и на верёвке приведут на берег. И даже если бы у неё получилось ускользнуть от преследования, в ближайшей прибрежной деревне можно было арендовать слина. Этот зверь, которого я ни разу не видела, но о котором мне рассказывали, если ему дать понюхать запах одеяла беглянки, мог бы привести к ней её

преследователей, или, если будет дана такая команда, найдёт и пригонит её назад к берегу, где её будут ждать преследователи, возможно, в разбитом лагере. Но мужчины, что интересно, казалось, совершенно не интересовались преследованием. Я не могла взять в толк, причины такого равнодушия.

Это было странно, ведь у ней была некоторая ценность. Разве мы все не обладаем некоторой ценностью?

— Какая же она дура, — буркнула одна из запертых вместе со мной в трюме рабынь.

Лично я её душой не считала, но её поступок казался мне ужасно глупым и неосмотрительным. Конечно, её решение могло бы быть мотивировано неким страхом или отчаянием. Я была уверена, что она не могла всерьёз рассчитывать на то, что ей удастся убежать. Куда она могла податься, такая, какой была, нагая, в ошейнике и с клеймом на бедре? На Горе нам просто некуда бежать. Здесь нет такого места, где беглая рабыня могла бы найти приют. Мир рассматривает нас как рабынь, и сделает всё возможное, чтобы таковыми мы и оставались. Самое большее, чего могла бы достичь беглянка, если бы она, к её страху и ужасу, не была возвращена своему раздосадованному хозяину, это попасть в новую неволю, причём эта неволя, учитывая тот факт, что она уже один раз сбежала, будет намного более строгой и суровой. Нет ни единого шанса на побег у гореанской рабыни, нет для неё никакого спасения.

Лично меня даже мысль о побеге приводила в трепет. У меня не было ни малейшего желания быть избитой плетью, или лишиться носа и ушей. А ведь в наказание за побег могут перерезать сухожилия или отрезать ноги, или скормить слинам, или бросить в жаждущие крови кусты-пиявки, или привязать к дереву в лесу на съедение дикому слину или голодным уртам.

«Итак, — спрашивала я себя, — что могло так мотивировать рабыню, что она решилась на побег? Чего она могла бояться настолько, что была готова попытаться убежать?»

Как бы то ни было, мужчины на палубе не спешили спускать на воду баркас.

— Пусть плывёт, — сказал один из них.

Я не понимала этого. Они что, на самом деле позволили бы ей ускользнуть?

— Они поворачивают, — услышала я комментарий кого-то из мужчин. — Они приближаются.

Я не поняла, о чём он говорил, кого он имел в виду.

— Ещё мгновение и она должна их увидеть, — заметил один из гребцов.

— Плавники, — прокомментировал другой, и почти в то же самое мгновение, я услышала полный страдания и ужаса женский крик.

— Как думаешь, — поинтересовался третий гребец, — ей хватит времени, чтобы вернуться к борту корабля?

— Понятия не имею, — отозвался второй. — Но плавает она неплохо.
— Она повернула, — сказал первый. — Она возвращается к кораблю.
— Она хорошо плывёт, — повторился второй.
— Должна успеть, — констатировал третий. — Она плывёт наперегонки со своей смертью.
— Ну и что, будем поднимать её на борт? — спросил первый гребец.
— Капитан решит, — ответил ему второй.
— Господа! — крикнула девушка. — Ой!
— Одна из них исследует её, — прокомментировал первый.
— Ой! — снова вскрикнула девушка.
— А теперь ещё и другая, — заметил второй.
— Не советую я тебе метаться, — проворчал третий, по-видимому, обращаясь к девушке в воде.

Я заключила, что некоторые из гребцов собрались у борта и наблюдали за происходящим. Также я предположила, что бурление в воде, поскольку это могло намекать на наличие в воде травмированного или больного животного, привлекло морских хищников. Бьющаяся на конце лески рыба, может быть наполовину съедена, прежде чем её успели бы вытащить в лодку.

— Ой! — раздался новый истошный крик девушки.

— По крайней мере, она не поранена и в воде нет крови, — сказал первый из гребцов.

Я слышала о морских хищниках, которые могли обнаружить наличие в воде крови на расстоянии в полпасанга.

— Она не заслуживает снисхождения, — заявил второй. — Давайте вытащим её на палубу, порежем её и выбросим за борт.

— Господа! Господа! — услышала я отчаянные мольбы беглянки.

Мне вспомнились истории о том, что акулы могут в течение многих дней следовать за судном, питаясь брошенными за борт объедками, порой даже удаляясь вслед за ним от берега. Безусловно, такие существа скорее можно встретить около мелководий, где солнечный свет прогревает воду, способствуя росту водорослей, что привлекает в такие места стаи питающихся морской растительностью мелких рыб, которые в свою очередь являются кормом для морских хищников. Известно также, что наиболее активны и опасны такие существа, что обусловлено их биологическими ритмами, рано утром и ближе сумеркам. Утром, после голодной ночи, и перед наступлением темноты, чтобы получить достаточно пищи, чтобы их хватило до утра.

— Пожалуйста, Господа! Спасите меня! — умоляла девушка.

— Кажется, вон та большая, собирается нападать, — предположил гребец. — Она явно удовлетворена исследованием.

— Ого, она собирается перевернуться, — прокомментировал второй.

Обтекаемая, расширяющаяся, коническая голова облегчает движение тела в толще воды, разрезая её словно нож, но одновременно такая форма не позволяет акуле напрямую хватать добычу, плавающую на поверхности. Соответственно, хищнику сначала надо перевернуться на бок или на спину, чтобы его широкая, подобная усыпанной острыми зубами пещере, пасть вступила в игру.

— Господа, пощадите! — в ужасе выкрикнула девушка.

— Капитан? — спросил один из моряков.

— Подайте ей весло, — послышался голос капитана.

Мы, находившиеся в трюме у основания лестницы, упирившейся в закрытый люк, догадались, что рабыня вцепилась в опущенное в воду весло и была поднята на борт. Теперь она, мокрая, дрожащая от холода и пережитого ужаса, скорее всего, лежала на палубе.

— Принести плетъ? — осведомился один из моряков.

— Нет, — отозвался мужчина, по-видимому, капитан. — Прикуйте её цепью к палубе. Если мы отправим её в трюм сейчас, боюсь, от других рабынь она милосердия не дожждётся.

— Каша? — уточнил кто-то.

— Никакой еды до завтра, — ответил всё тот же голос, скорее всего, принадлежавший капитану. — Поднять парус!

— Да, Капитан, — откликнулся один из моряков.

Раздался хлопок холста, и корабль ощутимо дёрнулся вперёд.

Вскоре после этого, люк над нашими головами был открыт, и мне разрешили подняться на палубу.

Рабыня, поднятая из воды, лежала на палубе на правом боку, прижав к груди сжатые колени. Её приковали цепью за шею к крепкому кольцу, вбитому в палубу. Она всё ещё дрожала. Того, что я за ней наблюдаю, рабыня не замечала или не обращала внимания. Её руки были стиснуты на цепи, которой она была прикована к кольцу в палубе.

Я перевела взгляд с неё на берег, хорошо видимый вдали.

Скалистые участки сменялись песчаными пляжами, позади которых местами виднелись заросшие деревьями участки, чередующиеся с полями и, как мне показалось, садами. Мы были слишком далеко на севере, чтобы это были виноградники. За время плавания я видела несколько небольших деревень, у каждой из которых, я предположила, имелся свой Домашний Камень, вероятно, являвшийся столь же уважаемым и сакральным предметом здесь, в этих отдалённых скромных местах, как и в любом другом месте Гора, даже в таких могущественных городах, как Ар, Турия или Брундиизиум. Как мне объяснили, в каждом жилище, даже если это не больше чем лачуга или хижина, имеется свой

собственный Домашний Камень. Говорят, что даже самый низкий из мужчин в его собственной хижине — Убар, если в ней есть Домашний Камень.

Услышав негромкий лязг цепи, я снова посмотрела на рабыню, которая теперь лежала на животе, по-прежнему сжимая цепь в руках. Она вдруг заплакала и, опустив голову, поцеловала цепь.

Я снова задалась вопросом, что могло заставить её прыгнуть за борт?

Мне вспомнилось, как несколько дней назад я, голая, если не считать мешка на голове, со связанными за спиной руками, поддерживаемая за руку главарём похитивших меня мужчин, сходила по сходне с корабля на причал в гавани Брундиизиума.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я, поскольку не была уверена, что смогла бы удержать равновесие самостоятельно.

Я слышала топот других мужчин, сходивших на причал вслед за нами.

Один из них сразу встал позади меня.

— Только пикни, кейджера, — процедил державший меня за левую руку мужчина, которого я считала старшим среди моих похитителей, — и в твою спину воткнётся нож.

— Да, Господин, — пролепетала я. — Ой!

Я негромко вскрикнула и задрожала, почувствовав укол чуть ниже левой лопатки.

Под моими ногами были широкие, грубые, тёплые доски причала. В воздухе всё ещё ощущался запах дыма, оставшийся после пожара прошлой ночи.

Мы повернули направо и, возможно, не меньше четверти пасанга шли прямо, должно быть, пройдя мимо множества пришвартованных кораблей. Было раннее утро, но деловая жизнь уже кипела на причалах, слышались требования, призывы и крики, сновавших туда-сюда мужчин. Я услышала звон и лязг цепи и догадалась, что мимо нас шёл караван рабынь. Девушек обычно сковывают в караван за шею или запястья. При таком способе, освобождённые от кандалов, они могут передвигаться более легко и изящно. От рабыни ожидают, что она будет двигаться с предельным изяществом. Всё же чаще всего для формирования каравана шея рассматривается как предпочтительное место. Обычно это считается более приятным с эстетической точки зрения. Кроме того, это более безопасно. Иногда бывали случаи, когда девушка стягивала браслет с запястья, но никто не сможет стянуть кольцо с шеи. Впрочем, то же самое касается и браслета на лодыжке. Когда рабовладелец приковывают девушку к своему рабскому кольцу, обычно он делает это за её левую лодыжку. Вдруг я поняла, и это меня встревожило, что к этому моменту большинство мужчин, оставивших корабль вместе с нами, куда-то исчезли. Теперь меня сопровождали только двое, одним был тот, кого я принимала за лидера моих похитителей, а другим его товарищ, державший нож у моей спины.

Я понятия не имела, сколько улиц мы могли пройти, и как далеко забрались от причалов. Запах дыма становился всё более отчётливым.

Мужская рука, сжавшись на моём предплечье, остановила меня, а потом повернула меня влево.

— Впереди выше по улице, — сообщил мне он, — дом Анесидема.

— Да, Господин, — удивлённо откликнулись я.

— На твоей шее, продолжил мужчина, — ошейник этого дома. Было бы опасно, пытаться снять его в мастерской какого-нибудь кузнеца, и уж совсем безумием для нас, продавать тебя с ним на шее. К тому же, у нас нет времени, мы должны покинуть город как можно скорее.

— Да, Господин, — повторила я.

Сомнительно, что я смогла бы опознать своих похитителей, поскольку большую часть времени моя голова была закрыта мешком, а прежде чем мешок снять, мужчины надевали маски.

Я предположила, что, судя по акцентам, замечаниям и другим нюансам, они были уроженцами различных городов и представителями различных слоев общества. У меня не было сомнений в том, что именно могло объединить их, столь разных людей, в том или ином месте, в том или ином городе, в той или иной таверне, в том или ином борделе. Какими бы разными ни были эти мужчины, их объединяли целеустремлённость, жадность, отсутствие сомнений и принципов.

Я не понимала, что я должна была делать.

Я растерялась.

Я застыла на месте.

Из ступора меня вывел внезапный, неожиданный, хлесткий, громкий шлепок. Я вскрикнула от боли, потрясённая и поражённая, и, споткнувшись и чуть не упав, шагнула вперёд. Мне хорошо был знаком этот звук и связанные с ним обжигающие ощущения. Я познакомилась с ними в том доме, название и местоположение которого я не знала, где проходила первое обучение, и из которого меня передали в дом Анесидема для последующей продажи. Мне ли, столько раз чувствовавшей это прежде, не знать этих ощущений? Разве это не был опыт, отлично знакомый любой никчёмной, но привлекательной рабыне? Это был внезапный, резкий, жалящий удар пониже моей миниатюрной спины, нанесённый жёсткой, быстрой ладонью мужской руки.

Мы же не свободные женщины. Это они защищены от такого внимания, а с нами такое может быть сделано запросто. Более того, мы должны ожидать таких вещей.

Я восстановила равновесие и пошла вперёд. Мне просто придали ускорение.

Слезы беспомощности и унижения, которых никто не видел под мешком, текли по моим щекам. Я слышала мужской смех за моей спиной.

Какие всё же мужчины животные!

С какой лёгкостью они делают с нами всё, что им нравится!

Некоторое время я шла прямо. У меня не было сомнений, что они, тот мужчина, которого я считала лидером моих похитителей и его товарищ с ножом, теперь скрылись, растворившись в толпе рабочих и прохожих, заполнивших причалы. Я в растерянности остановилась. Где я находилась? Где дом Анесидема? Внезапно я почувствовала себя совершенно беспомощной и несчастной, не больше чем рабыней на далекой, экзотической планете. Где моя Земля? Где такой знакомый мне мир? Меня привезли сюда, фактически, как животное, чтобы надеть на мою шею ошейник и выдрессировать для удовольствия рабовладельцев. Я была голой, мои руки были связаны, я ничего не видела из-за мешка на голове. Доски под моими босыми ногами были тёплыми. Мне было страшно, я чувствовала себя беспомощный! Я была в полной растерянности, я ничего не видела, я не знала, что мне делать, куда идти, где поворачивать? И всё же, разве не правильно было то, размышляла я, что я должна была оказаться здесь, быть той, кем я была? Конечно, на Горе мне ясно дали понять, кем я, прирождённая рабыня, должна быть, и для чего я, прирождённая рабыня, была нужна. Конечно, у меня и раньше, ещё на Земле, были веские основания подозревать в себе такие вещи. Я знала, что буду прилежной ученицей. О том, что я принадлежала ошейнику, для меня давно не было секретом. Я натянула петли шнура, державшего мои запястья за спиной. Как хорошо они были связаны! Как легко и надёжно мужчины Гора делали своих рабынь беспомощными! Насколько уязвимой я была! Мешок на голове лишал меня возможности видеть. С моря тянул лёгкий бриз, трепавший мешок и освежавший моё тело. Каким чувствительным и живым было моё обнажённое тело! Я остановилась. Справа от меня доносились голоса беседовавших мужчин. Насколько я могла судить, никто не обращал на меня внимания. Возможно, связанная нагая рабыня с мешком на голове в Брундиизиуме, особенно в районе доков, не была чем-то необычным. Я замерла в растерянности, не понимая, что должна делать, не в силах сделать выбор между тем, чтобы двигаться дальше наугад или встать на колени и ждать. Разве рабыня может просто стоять? Конечно, она должна быть занята. Неужели у неё не было какого-нибудь задания, которое она должна была выполнить, какого-нибудь сообщения, которое следовало доставить адресату, какого-нибудь поручения, которое ей требовалось завершить? Внезапно нечто заставило меня насторожиться. Тяжёлые одежды прошуршали мимо меня. Если бы этот шорох прекратился рядом со мной, а тем более если бы она обратилась непосредственно ко мне, я бы немедленно упала на колени, прижавшись головой к доскам причала. Как отличалось всё это от действительности моего прежнего мира! Где-то впереди, предположила я, должен был находиться дом Анесидема, в котором на вчерашних торгах я была продана. Я, каким бы невероятным это кому-то ни показалось, была продана! Продана как

вещь, имущество и домашнее животное, коим я с некоторых пор являлась! Я не могла как-то против этого возразить, не больше, чем какое-либо другое, выставленное на продажу животное. И всё же, каким естественным, каким правильным это казалось мне самой. Тот факт, что я была рабыней, был теперь для меня ясным и неоспоримым. Я признала это, причём с благодарностью. Это было то, кем я была. В ошейнике, я была в тысячу раз более свободной, чем я когда-либо чувствовала себя в мою бытность на Земле. Я должна была попытаться добраться до дома, из которого меня, несомненно, передадут кому-то, кто был теперь моим владельцем, которого я даже в глаза не видела. Я должна буду попытаться сделать всё возможное и невозможное, чтобы быть ему хорошей рабыней.

Всего несколькими енами ранее, пониже моей миниатюрной спины прилетел быстрый, хлесткий удар.

Ягодица в месте удара всё ещё горела.

Моё лицо расплылось в довольной улыбке.

Почему я должна была чувствовать себя оскорблённой? Разве это не было поводом для благодарности и гордости?

Пусть свободные женщины страдают от чувства оскорблённого достоинства! С какой стати это должно беспокоить рабыню?

Конечно, я отлично знала, что объектами такого грубого внимания становятся только самые привлекательные рабыни. А какая рабыня не хочет быть привлекательной для мужчин? От этого в её жизни может зависеть очень многое, в том числе и сама жизнь. Также это очень естественно для неё, поскольку она — женщина и рабыня.

Какой свободной становится женщина, становясь рабыней!

Я снова двинулась вперёд.

Прежде всего мне следовало как можно скорее добраться до дома Анесидема.

Терять время попусту — не самая лучшая идея для рабыни.

Я понимала, что рано или поздно мне придётся к кому-нибудь обратиться. Разумеется, мне было не обойтись без посторонней помощи. Конечно, я могла бы попросить кого-нибудь из прохожих. Ну не откажет же мужчина проводить меня к дому Анесидема. На худой конец он мог бы передать меня какому-нибудь стражнику, который не стал бы тянуть с доставкой меня к клеткам работоргового дома. Он должен был быть где-то неподалёку. Я надеялась, что ещё не прошла мимо него. По крайней мере, я так не думала. Правда, теперь под моими босыми ногами были булыжники. Даже рабыня могла бы мне помочь, если только она не оказалась бы какой-нибудь гордячкой, нежелающей снисходить до помощи варварке, поскольку мой акцент немедленно выдал бы меня. В действительности, я могла бы даже столкнуться с другой варваркой, в таком же как у меня ошейнике

и с таким же как у меня клеймом. Варварки, конечно, были редкостью, но они были. Я ведь была не единственной землянкой доставленной на эту планету, скорее одной из многих в одной из партий живого товара, всего лишь одним из животных такого стада.

— Ой! — тревожно вскрикнула я, почувствовав, что моё правое плечо ударилось в то, что могло быть только слоями ткани, являвшимися слоями одежд, укутывавших небольшую мягкую фигуру, не исключено, что ненамного большую, чем моя собственная.

— Глупое, грязное, неуклюжее животное! — возмущённым голосом завопила какая-то женщина.

— Простите меня, Госпожа! — взмолилась я, падая на колени и склоняя голову к булыжникам. — Я не видела вас! На моей голове мешок.

— Твой акцент! — воскликнула она. — Ты — варварка!

— Простите меня, Госпожа, — пролепетала я.

— Варварок часто приходится наказывать, — заявила незнакомка, — чтобы они поскорее узнавали, что они — самые презренные рабыни!

— Простите меня, Госпожа, — испуганно прошептала я. — Я хорошо знаю, о своей никчёмности и о том, что я самая последняя из рабынь.

В целом это было именно так, по той причине, что я была варваркой. И всё же, я слышала, что мужчины часто хотели иметь нас в своих ошейниках. Насколько глубоко начинаешь понимать себя, когда твою шею окружает ошейник! Насколько всё становится ясно, предельно ясно.

Почему, задавалась я вопросом, женщина, на голове которой, очевидно, никакого мешка не было, оказалась не в состоянии избежать столкновения со мной, или, по крайней мере, не предупредила меня? Единственное, что я могла различить в мешке, это было снаружи светло или темно. Ну как можно было возложить ответственность за столь неудачное стечение обстоятельств на ничего не видящую вокруг себя рабыню?

— Ты ударила меня! — возмущённо закричала она. — Ты! Даже не гореанка! Варварка!

— Но это же не было моей виной, прекрасная, благородная Госпожа, — попыталась оправдаться я.

— Ага! — воскликнула женщина. — Я так и думала! Ты сознательно оскорбила меня, свободную женщину!

— Нет, Госпожа! — задрожала я, за время своего обучения, а также пока находилась в доме Анесидема, немало слышавшая о произволе свободных женщин.

— Лживая рабыня! — продолжала возмущаться она. — Ты что, считаешь меня дурой!

— Нет, Госпожа! — поспешила заверить её я.

— Ты только что созналась в своей преднамеренной дерзости, — заявила женщина. — За это Ты должна быть порезана на мелкие кусочки!

— Нет, Госпожа, — отпрянула я, озадаченная и испуганная.

— Ты должна видеть сквозь мешок, — сказала она. — Как, в противном случае, Ты узнала бы, что я прекрасная и благородная?

Я догадывалась, что вокруг нас уже собиралась толпе зевак.

— Но Вы же свободны, — напомнила я. — Даже никчёмным рабыням известно, что все свободные женщины прекрасны, а также благородны.

— Даже низкой касты? — лукаво уточнила незнакомка.

— Они прекрасны в своей свободе, — ответила я.

— Я из высшей касты, — сообщила мне она, — как Ты, наверняка, видишь сквозь свой мешок.

— Но сквозь мешок я ничего не могу видеть, — настаивала я.

При этом меня мучил вопрос, неужели, если она была свободна, она вышла на улицу без вуали? Ведь вуаль, соответствующим образом закреплённая и приспособленная, легко скрывала красоту, правда, при этом подогревая интерес и возбуждая фантазию. Безусловно, некоторые свободные женщины, более смелые или более нахальные, к ношению вуали относились с некоторой небрежностью. Ничего сложного не было в том, чтобы слегка ослабить пару складок, позволив вуали ослабнуть или упасть.

— Я из касты Торговцев, — не без гордости заявила она, — как Ты, несомненно, видишь.

— Но я же ничего не вижу, Госпожа, — глотая слёзы, ответила я. — Мешок не прозрачный!

Насколько я понимала, на Горе касту Торговцев не относили, по крайней мере, обычно, к высшим кастам. Безусловно, это никак не отменяло того, что они были самой богатой из всех каст.

— То есть Ты, называя меня лгуньей, — заключила гореанка, — настаиваешь на своей дерзости.

— Нет, благородная Госпожа, — не согласилась я. — Возможно, благородная Госпожа ошибается.

— Нет, вы только послушайте эту рабыню, — задохнулась от возмущения женщина, по-видимому, обращаясь к собравшейся вокруг толпе. — Она смеет критиковать свободного человека!

— Нет, Госпожа! — попыталась протестовать я.

Я ещё ниже согнулась в поклоне, коснувшись лбом камней.

— Кто твой хозяин? — спросила гореанка.

— Эла, — простонала я. — Я не знаю!

— Лгунья! — взвизгнула женщина. — Может, Ты думаешь, что таким образом тебе удастся избежать наказания?

— Нет, Госпожа.

— Кто твой хозяин? — снова потребовала она ответа.

— Я не знаю, — всхлипнула я. — Я, правда, не знаю!

— Она убежала, — услышала я голос другой женщины.

— Точно! — согласилась с ней третья.

— Это — беглая рабыня! — заключила четвёртая.

— Ей надо подрезать подколенные сухожилия, — предложила пятая.

— Лучше отрезать ноги, — заявила женщина, главная виновница сложившейся ситуации. — Тогда она точно не убежит снова.

— Я не беглая рабыня, — попыталась объяснить им я. — Я — беспомощная рабыня, голая и связанная. Я ничего не вижу, потому что мне на голову надели мешок.

— Кто твой хозяин, — ещё раз спросила меня первая женщина.

— Я, правда, не знаю этого, — повторила я. — Меня только вчера вечером продали из дома Анесидема. Мне не сказали, кто именно купил меня. Эта информация должна быть в отчетах дома Анесидема. Как раз сейчас я ищу дом Анесидема.

— Дерзкая рабыня, — прошипела первая женщина. — Как Ты посмела Вы ударить меня, как Ты отважилась заступить дорогу свободной женщине?

— Но я же не могла видеть вас, — в который раз объяснила я. — Это была случайность. Я не видела Госпожу, и не могла избежать столкновения. Я прошу у Госпожи прощения.

— Уж не думаешь ли Ты, что это было моя ошибка? — язвительно поинтересовалась женщина.

— Конечно, нет, Госпожа! — со всей страстью заверила её я.

— Может, Ты думаешь, что это я была рассеяна, — осведомилась она, — небрежна, что моё внимание было направлено на что-нибудь другое, что это я, возможно, отвлеклась, или что-то в этом роде?

— Нет, Госпожа! — отозвалась я.

— Значит, Ты признаёшь, что вина за происшествие целиком и полностью лежит на тебе? — уточнила гореанка.

— Да, Госпожа, — не стала спорить я.

— Тогда Ты должна быть наказана, — подытожила она.

— Пощадите, Госпожа! — взмолилась я. — Я прошу о милосердии и сострадании, добрая, прекрасная, благородная Госпожа!

— Обещаю подумать об этом, — насмешливо пообещала женщина.

Я ждала, склонив голову до земли, беспомощная и испуганная.

Несколько инов ничего не происходило, и я заключила, что она смягчилась, что она не будет меня наказывать.

Какой она оказалась доброй!

— Спасибо, Госпожа, — прошептала я с благодарностью. — А-а-ай!

Я не удержалась от крика. Боль в ужаленном ударом хлыста месте показалась мне невыносимой. Многие свободные женщины, выходя на улицу, обязательно берут с собой такой аксессуар. Это подчёркивает их власть, их достоинство и статус. Рабские девки, от одного вида женщины с таким предметом в руке, наполняются более чем оправданными нехорошими предчувствиями. Они хорошо знают его значение. Кому из них достаточно часто не приходилось чувствовать на своей коже его жгучие удары? Свободные женщины, негодующие, презирующие и даже ненавидящие рабынь, откровенно одетых, отмеченных клеймом и ошейником, часто пускают его в ход по малейшему, зачастую надуманному поводу. По-видимому, это имеет непосредственное отношение к тем удовольствиям, которые мужчины получают от рабынь. Не могли ли свободные женщины, на самом деле, ревновать к рабьям, к этим бессмысленным, никчёмным животным? Не завидуют ли они их клеймам и ошейникам? Не хотят ли они сами почувствовать поцелуй обжигающего железа и унижительные объятия металлического ошейника?

Я кричала от боли, страдала и дёргалась на камнях мостовой под градом, посыпавшимся на меня после первого удара хлыста.

Я извивалась, крутилась и рыдала. Боль вспыхивала снова и снова.

Но наконец, удары прекратились.

Я лежала на животе, дрожа всем телом.

Мои ноги и спина, казалось, были охвачены огнём.

— Вот так, наглая рабыня! — крикнула женщина, с трудом переводя дыхание. — Возможно, в будущем Ты будешь гораздо внимательнее следить за тем, где и как Ты идёшь.

— Да, Госпожа, — с трудом проговорила я. — Простите меня, Госпожа.

— Рабыня, — прошипела она, и она пнула меня в левое бедро.

— Да, Госпожа, — простонала я.

— Я смотрю, Ты устала, — услышала я голос другой женщины. — Ты не будешь против, если теперь я побью её?

— Сделай одолжение, — ответила первая женщина.

— Нет, — раздался мужской голос. — С неё достаточно.

— А Вы кто? — удивлённо спросила одна из женщины.

— Агент, — ответил мужчина, — дома Анесидема.

Я узнала его голос. Это, действительно был один из служащих дома Анесидема. Он был одним из тех мужчин, которые сопровождали нас, стоящих на

четвереньках в коридоре в ожидании, когда нас выведут на улицу, чтобы мы не оказались заблокированными в доме в случае возможного распространения пожара, начавшегося где-то на причалах. Возможно, он вместе с другими прочёсывал улицы в поисках меня.

— Стража! — позвала женщина.

— Что здесь происходит? — послышался новый мужской голос.

Мужчина, вмешавшийся в экзекуцию, по крайней мере, я была уверена, что это был он, должен был быть он, взял меня за руку и поднял на колени, после чего потянув за мешок назад и вниз, заставил меня запрокинуть голову.

— Ошейник дома Анесидема, — констатировал другой мужской голос, по-видимому, принадлежавший стражнику.

— Вчера ночью произошла неприятность, — объяснил вмешавшийся мужчина. — В сумятице, возникшей вследствие пожара, эта рабыня отбилась от каравана. Нас послали на её поиски. И вот теперь, после долгого прочёсывания улиц, мне посчастливилось наткнуться на неё.

— Вам повезло, что она здесь, а не в цепях на пути к Самым Дальним Островам, — усмехнулся другой мужчина.

— Чиновники порта не выпускают ни один корабль без дополнительной проверки груза, — пояснил вмешавшийся мужчина.

— Проверяют ошейники? — любопытствовал тот из них, которого я сочла, подошедшим стражником.

— Они потребовали бы бумаги на груз, — ответил сотрудник дома Анесидема.

— Вы думаете, что имела место своего рода ошибка? — спросил стражник, или тот, кого я за такового принимала.

— Это очевидно, — сказал вмешавшийся мужчина.

— Вы можете подтвердить причастность к дому Анесидема? — осведомился стражник.

— Вот мои документы, — отозвался вмешавшийся мужчина, по-видимому, предъявляя некие бумаги.

— Не смею задерживать, — бросил стражник и, вероятно, покинул место происшествия.

Точно так же, я заключила, поступили и остальные зеваки, собравшиеся вокруг меня.

— Стоять можешь? — поинтересовался служащий дома Анесидема.

— Да, — простонала я, с трудом поднимаясь на ноги. — Могу ли я говорить Господин.

— Да, — разрешил он.

— Я не хотела преграждать дорогу свободной женщине, — объяснила я.

— Ты этого и не делала, — успокоил меня мужчина. — Я всё видел, в том числе и то, что она, заметив тебя, улыбнулась, сняла хлыст с пояса и встала у тебя на пути. Ты ничего не могла с этим поделать.

— Значит, это не было случайностью? — удивилась я.

— Конечно, — подтвердил он.

— Но почему она это сделала? — задала я мучивший меня вопрос.

— Свободные женщины не любят кейджер, — напомнил мужчина.

— А другие женщины, — спросила я, — они тоже могли присоединиться моему избиению?

— Даже не сомневайся, — заверил меня он. — Одна из них, та, что была без хлыста, даже сняла свою туфлю, чтобы ударить тебя ею.

— Но если Вы видели, что произошло на самом деле, почему Вы не вмешались, почему не осудили свободную женщину, не защитили меня?

— Ты ещё слишком мало знаешь о Горе, — констатировал он. — Никто не критикует свободных женщин. Они свободны. Вот Ты, стала бы ей противоречить? Ты заявила бы, что она ошибалась или, того хуже, лгала? Разве это не было бы невероятно, нетерпимо? Разве это не было бы непередаваемо оскорбительно? Посмела бы Ты, даже наедине, намекать на то, что она, при её статусе и свободе, могла бы быть испорчена, могла бы быть менее чем добродетельной и прекрасной?

— Я поняла, — вздохнула я, чувствую, как меня переполняет горечь.

— А, с другой стороны, — продолжил он, — Ты являешься рабыней.

— Я понимаю.

— Разве имеет какое-то значение, — спросил мужчина, — если рабыню несколько раз ударили хлыстом?

— Никакого, — согласилась с ним я. — Она всего лишь рабыня.

— Вот именно, — сказал он. — Кроме того, я подумал, что небольшое наказание могло бы пойти тебе только на пользу. Я решил, что это будет поучительным моментом. Это поможет тебе лучше понять, что Ты — рабыня и, в особенности, это поможет тебе лучше понять тот факт, что Ты более не свободная женщина. Свободные женщины, как тебе уже известно, рабынь ненавидят. Кроме того, свободная женщина — госпожа. Она обладает могуществом и влиянием, с другой стороны рабыня уязвима, беззащитна, беспомощна, и находится полностью в её власти. И чем скорее Ты научишься дрожать от страха в присутствии свободных женщин, тем лучше для тебя самой.

— Да, Господин, — прошептала я.

— А теперь давай-ка поспешим в дом Анесидема, — сказал он.

— А нельзя ли снять с меня мешок? — поинтересовалась я.

— Позже, когда придём в дом, — пообещал мужчина. — Будет лучше, если твоё лицо пока останется скрытым.

— Почему? — не удержалась я от вопроса.

— Любопытство не подобает кейджеру, — напомнил мне он.

— А господин знает, кому я была продана? — спросила я.

— Конечно, — ответил служащий дома Анесидема.

— И кому же? — поинтересовалась я.

— Любопытство не подобает кейджеру, — снова процитировал он.

— Да, Господин, — разочарованно вздохнула я. — Простите меня, Господин.

Позади меня снова тихонько звякнула цепи, и я обернулась. Рабыня теперь лежала на животе, вытянувшись на нагретых солнцем досках палубы. Её руки по-прежнему были стиснуты на цепи. Вдруг она заплакала и, опустив голову, поцеловала цепь.

Я снова задумалась над тем, что могло заставить её выпрыгнуть за борт.

Несомненно, здесь была какая-то тайна.

Не в силах бороться с любопытством, я подошла к ней и опустилась на колени.

— Господа не смотрят, — шёпотом сообщила ей я.

Она вздрогнула и снова прижалась губами к цепи.

— Ты теперь в безопасности, — постаралась успокоить её я.

— Акулы, — прошептала она.

— Не бойся, теперь Ты в безопасности, Ты на палубе, на цепи, — сказала я и, не дождавшись её реакции, вполголоса позвала: — Евфросиния.

— Что? — спросила она.

— Девушки внизу рассержены на тебя, — предупредила её я. — Твой поступок мог стоить нам возможности бывать на палубе. Ты же понимаешь, что провести всё путешествие на цепи в духоте трюма круглого корабля, было бы для всех нас не самой радостной перспективой. Господа были столь любезны, что позволили тебе выйти на палубу, а Ты злоупотребила их снисходительностью и доверием.

— Ты же ничего не знаешь, — с горечью в голосе сказала она, — Ты всего лишь варварка.

— Почему Ты попыталась убежать с корабля? — спросила я.

— Как мало Ты знаешь, — вздохнула девушка.

— Так просвети меня, — попросила я. — Поделись со мной знаниями.

— Я подслушала разговор мужчин, — прошептала Евфросиния.

— Я не понимаю, — растерялась я, чувствуя охватывающий меня страх. — Что Ты слышала?

— Ничего, — насупилась она, и мне послышалась горечь в её голосе.

— Что-то настолько пугающее, что Ты предпочла бы броситься в море? — предположила я.

— Я знала об опасности, — сказала рабыня. — Об акулах. В море они часто следуют за кораблями, питаясь объедками, подбирая всё, что могут выбросить за борт.

— И, даже несмотря на это, Ты предпочла выпрыгнуть в море, — удивилась я.

— В воде решительность и самообладание меня оставили, — вздохнула она. — Я вернулась к кораблю. Я испугалась. Я струсилась, проявила слабость. Я должна была продолжать плыть.

— Сомневаюсь, что Ты смогла бы добраться до берега, — покачала я головой.

— Я побоялась умереть, — призналась Евфросиния. — Я цеплялся за жизнь.

— Но теперь, на корабле, Ты в безопасности, — успокоила её я. — Ты в безопасности на своей цепи.

— И я целую её, — всхлипнула она. — Какая же я рабыня!

— Ты могла умереть, — напомнила я. — Что хорошего в том, чтобы быть съеденной заживо в каких-то ярдах от борта корабля?

— Я должна была позволить акулам схватить меня и съесть.

— Конечно, нет, — прошептала я.

— Уверена, для меня это было бы лучшим вариантом, — заявила девушка.

— Надеюсь, что Ты ошибаешься, — сказала я.

— Я должна была попытаться раздобыть меч или нож, — не успокаивалась моя собеседница.

— Нет, — ужаснулась я. — Рабыню могут убить только за то, что посмела коснуться оружия.

— Я бы сама бросилась на него, — продолжила девушка.

— Даже не думай об этом, — зашипела на неё я.

— Я могла бы разбить голову о стальное кольцо, — добавила она.

— Гони от себя такие мысли, — посоветовала я.

— Но я боюсь, — всхлипнула Евфросиния. — Я слабая. Я — трусиха. Я цепляюсь за жизнь, даже несмотря на то, что мне известно.

— Да что же такое страшное тебе стало известно? — спросила я.

Но она лишь заплакала и опустила голову рядом с цепью.

— Лучше было бы погибнуть в воде от зубов акул, — пробормотала рабыня.

— Какая судьба может быть настолько ужасной, — поинтересовалась я, — что на её фоне столь ужасная и отвратительная смерть кажется тебе более предпочтительной?

— Я всё же надеялась добраться до берега, — объяснила Евфросиния.

— И убежать? — уточнила я.

— Да, — подтвердила она.

— Неужели Ты забыла о том, что Ты раздета, что на твоём бедре клеймо, что на твоей шее ошейник? — осведомилась я, но она не сочла нужным мне отвечать. —

Мы — рабыни. Наши ошейники делают нас беспомощными. Свободные сделают всё, чтобы они оставались на наших шеях. Абсурдно даже думать о возможности избежать этого.

— Я знаю, — вздохнула девушка. — Но я испугалась. Голова закружилась, в глазах потемнело. И вдруг я увидела берег.

— Так почему Ты решила сбежать с корабля? — снова задала я мучивший меня вопрос. — Что Ты подслушала?

Но Евфросиния лишь мотнула головой и задрожала. Она упорно хранила молчание.

— Скажи мне, — потребовала я.

— Нет, — упёрлась она.

— Ты всё равно не убежала бы, — сказала я, — даже если бы доплыла до берега. Мужчины, если бы пожелали, смогли бы настичь тебя даже там. Они бы просто наняли в ближайшей деревне охотничьего слугу. Ты же видела деревни на берегу. А ещё хуже было бы, если бы тебя поймали крестьяне. Тогда тебя ждала бы очень печальная неволя, рабство в деревне. Ты работала бы от рассвета до заката. Тебя бы часто били плетью, в холод и в дождь приковывали на ночь к столбу во дворе, или держали бы в загоне вместе с тарсками в тесной, сырой деревянной конуре.

— Ты ничего не понимаешь, — буркнула Евфросиния.

— Верно, — не стала отрицать я, — не понимаю. Так просвети меня.

— Тебя, конечно, возмущает ошейник на твоей шее, отметина на твоём бедре, — сказала она.

— Изредка, — не сочла нужным скрывать я, — но я понимаю их значение и свою беспомощность.

— Ничего Ты не понимаешь! — воскликнула девушка. — Что я слышала! Что я слышала!

— Я люблю свой ошейник, — призналась я. — Я не променяла бы его брильянтовое ожерелье. Я — рабыня. Я родилась рабыней. Я знала это даже до того как началось моё созревание. Я хочу принадлежать, хочу, чтобы мной владели, хочу быть собственностью. Я хочу подчиняться, хочу, чтобы мной командовали, чтобы надо мной доминировали. Я хочу быть бесправной. Я хочу отдаваться мужчине, полностью и без остатка, быть полностью его, быть его животным, его имуществом. Я хочу вставать перед ним на колени, целовать его, ласкать и повиноваться, любить и служить.

— Я тоже, — в свою очередь призналась мне она.

— Я хотела бы принадлежать доброму, сильному господину, — добавила я, — который будет владеть мною полностью, и с которым я буду той, кто я есть, рабыней.

— Я тоже надеюсь на то, — прошептала моя собеседница.

— Как было бы здорово, — мечтательно вздохнула я, — если бы мы могли сами выбрать себе хозяев.

— Эла, именно этого мы и не можем, — вернула меня с небес на землю Евфросиния.

— Почему же тогда Ты попыталась убежать? — любопытствовала я. — Почему Ты выпрыгнула за борт? Что могло напугать тебя так, что Ты рискнула быть разорванной акулами, попасть к крестьянам, быть возвращённой назад с перспективой того, что тебе могут подрезать сухожилий или скормить слинам?

Она повернулась и посмотрела на меня. В её глазах блеснули слёзы.

— Скажи мне, — попросила я.

— Хорошо, я скажу, — вдруг согласилась она.

В этот момент с высоты мачты раздался крик:

— Хо! Корабль! Корабль!

Почти одновременно донёсся рапорт наблюдателя с кормы:

— Корабль справа по корме!

Хортатор немедленно вынырнул из сна, вскочил на ноги, встряхнул головой и схватил свои колотушки. Доска с фигурками каиссы была отставлена в сторону. Карты и игральные кости исчезли в маленьких мешочках. Гребцы заняли свои места на скамьях.

Евфросиния встала на колени рядом со мной.

— Встань, — попросила она меня, — посмотри, что там. — Мне отсюда ничего не видно.

Она не могла подняться на ноги. Длина цепи, которой её приковали к кольцу, не позволяла ей стоять вертикально.

Меня не надо было упрашивать. Я и сама сгорала от любопытства, так что через мгновение я уже стояла у борта и всматривалась в морскую гладь.

Позади нас, слева, если смотреть в сторону кормы, я разглядела среди волн корабль, вынырнувший словно из ниоткуда. Несомненно, этот красивый корабль, словно стелившийся над водой, просто покинул некоторое скрытое, незаметное со стороны моря укрытие.

— Говори же, — взмолилась Евфросиния. — Не молчи!

— Это — корабль, — откликнулась я, не отрывая взгляда от приближающегося судна.

«Насколько красивы, — подумала я, — гореанские галеры». Безусловно, было в этой красоте нечто, что ассоциировалось с хищником, с тонкой, но явственной угрозой.

— Парус на нём поднят? — спросила Евфросиния.

— Паруса я не вижу, — ответила я.

— А мачта, — уточнила она, — мачта стоит или убрана.

— Мачты я тоже не вижу, — сказала я.

— Корабль трудно рассмотреть, не так ли?

— Борта низкие, — описала я, — едва поднимаются из воды.

— И зелёные, как воды Тассы, — продолжила описывать корабль девушка, словно могла его видеть.

— Именно такого цвета, — подтвердила я, отметив, что такой цвет прекрасно гармонировал с обычным состоянием моря.

— Корабль длинный и узкий, как нож, — констатировала Евфросиния.

— Время от времени мы видели другие такие корабли, — пожала я плечами.

— На его носу есть выступ, окованный железом, — добавила она.

— Ничего похожего не вижу, — на этот раз не согласилась я.

— Значит он прямо над водой или чуть ниже поверхности, — заключила девушка.

— На носу, на каждой стороне, — сообщила я, — есть большие, плоские металлические полусферы. Я такие видела на некоторых кораблях, пришвартованных в Брундизиуме. Должно быть, это что-то вроде брони или защиты, чтобы предотвратить повреждение судна.

— Наивная варварка, — проворчала рабыня.

— Почему это? — недовольно поинтересовалась я, в то время ещё не знавшая назначения тех могучих лезвий.

— Как Ты думаешь, — спросила она, — каков может быть его бизнес?

— Откуда мне знать? — пожала я плечами.

— Должно быть, Ты полагаешь, что это — грузовое судно, круглый корабль, случайно проплывавший мимо, — предположила девушка.

— А разве это не так? — удивилась я.

— Никакое это не грузовое судно, — заявила она. — Поверь, это не может быть круглый корабль.

— Почему Ты так в этом уверена? — осведомилась я.

— Потому, что это — длинный корабль, объяснила Евфросиния, — паруса нет, а мачта убрана, чтобы его труднее было обнаружить издалека. Зелёный корпус сливается с волнами Тассы, так что его нелегко заметить даже вблизи.

— Ты предчувствуешь опасность? — догадалась я.

— Корабль, занимающийся честным бизнесом, днём был бы в море, — сказала она, — а не появился бы внезапно между нами и берегом.

— То есть, Ты действительно уверена в том, что он представляет опасность, — заключила я.

— Чего я не понимаю, — пробормотала Евфросиния, — так это, почему мужчины так спокойны. Ведь угроза очевидна. Они что, на самом деле такие тупые? Разве табук останется хладнокровным в присутствии ларла? Станет ли верр игнорировать приближающегося слина?

— Но ведь если опасность действительно была реальной, — заметила я, — мужчины проявили бы беспокойство. Они вели бы себя по-другому.

— По крайней мере, мы — рабыни, — сказала Евфросиния, на этот раз с радостью в голосе, — животные, имеющие ценность. Нам вообще ничего бояться. Нас сохраняют при любом раскладе. Нам остаётся только ждать, когда нас уложат на животы и свяжут как животных, коими мы и являемся. Мы будем спасены.

— Спасены? — не поняла я.

— Для других цепей, — светясь от счастья, пояснила девушка, — чтобы быть проданными на других рынках.

Её замечание дало мне чуть лучшее понимание того, что это могло бы означать, быть рабыней на этой планете.

— Ты только подумай, — рассмеялась Евфросиния, — я прыгнула в море, и меня могли съесть акулы! Какой же идиоткой я была! Но откуда мне было знать! Кто мог знать это заранее! Как замечательно, какая удача, что мне удалось вернуть на корабль! Теперь нам ничего бояться!

Лично я в этом совсем не была уверена.

— Стекло Строителей, — потребовал капитан, и я увидела, как офицер вручил ему подзорную трубу.

Капитан встал у реллинга на юте и, прижав прибор к глазу, некоторое время рассматривал приближающуюся галеру.

— Корсар, — наконец, прокомментировал он. — Несёт цвета Коса.

Вдруг я заметила, что надсмотрщик, ещё недавно находившийся на корме и беседовавший с рулевыми, стоял рядом со мной. Как только до меня это дошло, я поспешила опуститься на колени. Моя голова теперь была почти у его бедра.

— Если хочешь, — сказал он, — можешь стоять.

Разумеется, мне, сгоравшей от любопытства, не нужно было предлагать дважды. Я немедленно поднялась на ноги. Мужчина, должно быть, понимавший, что я хотела иметь лучшее понимание того, что должно было последовать, проявил снисходительность к моим слабостям. Можно сказать, он был добр ко мне. Я заняла место по левую руку от него и немного позади. Я была рабыней, а он — свободным мужчиной. Это — обычное место, которого придерживается невольница, следуя за своим господином. Я же не хотела быть избитой.

— Приготовить вёсла! — скомандовал капитан, и как только гребцы подхватили вёсла с палубы, крикнул: — Вёсла за борт!

Могучие рычаги с деревянным скрежетом высунулись через лацпорты. На каждое весло приходилось по два гребца.

— Могу ли я говорить? — осторожно спросила я.

— Да, — не стал запрещать мне он.

— К нам приближается другой корабль, — заметила я.

— Это очевидно, — кивнул мужчина.

— Капитан, — продолжила я, — упомянул о корсаре.

— Это, несомненно, и есть корсар, — подтвердил надсмотрщик.

— И он преследует нас, — предположила я.

— А кого тут ещё можно преследовать? — усмехнулся мой собеседник.

— Но ведь у нас на борту нет воинов, — сказала я, — ни лучников, ни копейщиков.

— Верно, — не стал разубеждать меня он.

— Но в таком случае, мы должны попытаться убежать от другого корабля, — заключила я. — У нас есть гребцы и парус, а у той галеры, если мачта и парус есть, то их ещё надо поднять. Таким образом, мы можем выиграть время. Я не понимаю, почему капитан ещё не отдал гребцам приказ грести изо всех сил. Также, мне непонятно, почему никто у нас на борту не выражает страха. Уверена, пираты, корсары — люди опасные.

— В море немало других вещей, которые могут быть куда более опасными, чем они, — пожал он плечами.

— Но ведь если нет средств для защиты, — заметила я, — то самым разумным было бы бежать от опасности.

— Всё выглядит именно так, — согласился мой собеседник.

— Я уверена, на веслах и под парусом, мы сможем обогнать чужака, — сказала я, с нехорошим предчувствием отметив, что другой корабль теперь был ближе, возможно, не больше, чем в половине пасажа от нас, притом что наши весла всё ещё висели над водой.

— У нас нет ни единого шанса уйти от корсара, — пояснил надсмотрщик. — Обводы корпуса не те. У них длинный корабль. Скорее вуло с подбитым крылом убежит от атакующего тарна, чем мы от корсара.

— Тогда мы должны поспешить к берегу, пока это ещё возможно, — заключила я, — и попытаться скрыться в глубине территории.

— Уверен, Ты в состоянии отметить, что корсар держится между нами и берегом, — указал мне мужчина. — Так что, даже если бы мы были готовы рискнуть и приблизиться к деревням жадных крестьян, поголовно вооруженных большими луками, мы вряд ли смогли бы добраться до берега.

— Но, даже если мы собираемся уходить мористее, корсар нас всё равно сможет настичь? — уточнила я.

— Вряд ли ему на это потребуется больше ана, — констатировал он.

— Тогда я не понимаю, почему у нас на корабле так мало беспокойства по этому поводу, — призналась я.

— Не волнуйся, — хмыкнул он и, окинув палубу взглядом, прикрыл от солнца глаза ладонью и посмотрел назад, где маячил преследовавший нас корсар, после

чего, недобро ухмыльнувшись, сказал: — Я думаю, сейчас самое время показать им наши страхи, испуг и отчаяние.

— Господин? — не поняла я.

Но тут, повинувшись жесту капитана, хортатор ударил в свой барабан одной из двух своих колотушек. Раскатистый звук пролетел над палубой, и вёсла наконец-то вошли в воду. По удару второй колотушки гребцы потянули вёсла на себя.

Почти одновременно мы услышали подобные звуки, прилетевшие с приближающейся галеры. Возможно, они не использовали барабан до сего момента, надеясь, что их присутствие ещё не было обнаружено. Иногда хортатор или офицер задают темп ударов вёсел голосом, стоя посередине судна.

— Вот теперь всё будет выглядеть так, что мы убегает, — прокомментировал надсмотрщик.

— Чужой корабль нагоняет нас, — тревожно сказала я.

Палубу как-то странно повело под моими ногами.

— Заметь, — привлёк моё внимание мужчина, — рулевые показали, что мы поворачиваем к берегу, но лишь кратко. Теперь же корабль снова поворачивает в открытое море. Мы поняли, что у нас нет шансов достичь берега, опередив корсара, таким образом, у нас нет иного выбора, кроме как рискнуть, поставив всё на бегство.

— Попытка, которая изначально обречена быть тщетной? — уточнила я.

— Точно, — подтвердил он.

— Я боюсь, — поёжилась я.

— Но отметь также и то, — добавил надсмотрщик, — что, направляясь в открытое море, мы увлекаем корсара за собой.

— Да, и что? — не поняла я.

— А то, что в этом случае он тоже удаляется от берега.

— Я не понимаю, — растерялась я.

В этот момент, возможно, в ответ на сигнал, переданный капитаном или одним из его офицеров, темп, задаваемый барабаном хортатора изменился. Удары посыпались то слишком часто, чтобы за ними могли успеть гребцы, налегавшие на тяжёлые вёсла, то слишком редко, причём переходы происходили бессистемно, почти внезапно. Вёсла начали подниматься и падать не в унисон, отрывисто, бессистемно, неритмично. Это напомнило мне рывки травмированной рыбы в воде. Не такие ли движения служат сигналом, привлекающим внимание различных морских хищников, таких как акулы? Как рьяно те спешат проверить эти сигналы!

— Ну вот, — усмехнулся мужчина, — наконец-то Ты можешь полюбоваться на признаки паники и беспорядка.

Для меня по-прежнему оставалось загадкой происходившее на корабле.

— А теперь, — продолжил он, — мы придём в себя и начнём убегать со всем возможным отчаянием.

— Которое, по-прежнему не может быть успешным? — спросила я.

— Нашим парням придётся хорошо потрудиться на вёслах, — сказал он. — Нельзя позволить им настичь нас раньше, чем через ан.

— Этот ан так важен? — осведомилась я.

— Ан или немного больше, — не счёл нужным вдаваться в подробности надсмотрщик.

— Да, Господин, — озадаченная ещё больше, вздохнула я.

— Держитесь, парни, — подбадривал гребцов офицер. — Слушать барабан! Навались! Сильнее! Терпеть! Они должны потрудиться, чтобы добраться до нас! Длинная, косо поставленная рея со скрипом повернулась вокруг мачты.

— Ветер меняется! — крикнул кто-то из моряков.

— Причём в нашу пользу! — радостно вторил ему другой.

— Мы убежим! — тоже обрадовалась я.

Троса натянулись, и парус медленно пополз вверх.

Евфросиния заплакала от разочарования.

— Тихо! — шикнула на неё и, повернувшись к надсмотрщику, сказала: — Чужак отстаёт!

В Гореанском языке «чужак» и «враг» обозначаются одним словом.

— В данный момент, — не разделил он моего оптимизма. — Прислушайся.

Звук далёкого барабана хорошо разносился над водой.

— Удары стали чаще, — констатировала я.

— Верно, — кивнул мужчина.

— Но ведь ветер на нашей стороне, — удивилась я.

— Этого недостаточно, — покачал головой надсмотрщик.

За моей спиной послышался стон Евфросинии.

— Сильнее, парни, — приговаривал офицер, прохаживавшийся по проходу между скамьями. — Ритм. Держать ритм. Слушайте барабан.

По моим ощущениям погоня длилась около половины ана.

Дважды за это время темп ударов был увеличен.

Меня терзали сомнения, что наши гребцы смогли бы долго держать такой темп. Круглый корабль больше и тяжелее боевой галеры, его корпус шире, осадка больше, борта выше, в его трюмах груз, так что он намного больше, чем длинный корабль зависит от своего паруса.

— Чужой корабль приближается, — отметила я.

К этому времени преследование продолжалось уже не меньше двух третей ана.

Офицер, оставив капитана, занимавшего позицию в кормовой части корабля, в одиночестве, прошёл между скамьями в середину корабля и поднял взгляд на

моряка, нёсшего вахту на наблюдательной платформе на вершине мачты, первым заметившего галеру чужаков и поднявшего тревогу. Затем офицер кивнул и вернулся на ют к капитану.

Чужак был уже не дальше сотни ярдов от кормы нашего корабля. Галера корсаров двигалась в воде со стремительностью змеи.

Капитан отложил подзорную трубу, называемую здесь стеклом Строителей, и что-то сказал своему офицеру. Тот повернулся и, сложив руки рупором, крикнул рулевым:

— Лево на борт!

Следующая команда была обращена морякам:

— Спустить парус, убрать рею!

Как только парус пополз вниз, офицер повернулся к скамьям.

— Втянуть вёсла! — приказал он.

Хортатор опустил свои колотушки. Вёсла со скрипом были втянуты внутрь корабля.

— Господин? — поражённо уставилась я на надсмотрщика.

Наш корабль теперь двигался по инерции, постепенно теряя ход и поворачиваясь так, что левый борт подставлялся заострённому носу галеры чужаков. Я больше не слышала их барабана. С поднятых вёсел корсара стекала вода. Чужак теперь покачивался не больше чем в сорока или пятидесяти ярдах от нас. Его экипаж собрался на палубе, с интересом наблюдая за нами.

— Ну, раз уж они нас настигли, мы беспомощны и неспособны убежать, — хмыкнул мой собеседник, — самое время, я полагаю, продемонстрировать им наше отчаяние.

— Я ничего не понимаю, — призналась я.

— Разве нам не пора готовиться отражать абордаж? — спросил он.

— Я боюсь, что у нас немного шансов на успех в таком предприятии, — отозвалась я.

У меня не было сомнений, что корабль наших врагов был военным судном, хорошо управляемым и, несомненно, соответствующим образом укомплектованным, вооруженным и готовым к такому повороту событий.

— Давай-ка попробуем напугать их, — предложил надсмотрщик, — продемонстрируем им огромные проблемы, с которыми им предстоит столкнуться, если они отважатся на такое предприятие, на столь опрометчивый абордаж. Разве у нас не может быть козыря в рукаве, представителей самой алой касты, воинов нанятых для охраны груза?

— Так ведь их не было, — озадаченно сказала я.

— Как не было? — усмехнулся он. — А Ты взгляни!

К моему изумлению двух моих сестёр по неволе освободили от их цепей и выпустили из трюма на палубу. Кроме того, цепь Евфросинии была отрегулирована так, чтобы девушка могла стоять. Мужчины принесли куски алой ткани и обмотали ими наши тела. Я тут же прижала ткань к себе, радуясь тому, что моя нагота была прикрыта, пусть и таким довольно странным образом. Нас, как рабынь, никто не обязан был одевать. Зато как благодарны мы были, когда нам разрешали одеться! Как ценны для нас даже крошечные лоскутки ткани, разрешённые нам, туники, камиски, та-тиры! В своём тщеславии мы даже рады, признаю, с того момента, как изучим и примем наши ошейники, тому, насколько хорошо такие предметы одежды показывают и подчёркивают нас! Какой женщине не хочется быть показанной настолько захватывающе желанной, что мужчины жаждали бы купить и владеть ею? Такие предметы одежды, такие позорные и унижительные, такие открытые и откровенные, волнуют нас, а также и наших хозяев. Что в этом удивительного? Они именно для этого и созданы. Разве мы можем что-то поделаться с нашими чувствами? Не то, чтобы мы хотели что-то с ними поделаться. Нам в руки сунули длинные палки.

— Итак, — усмехнулся надсмотрщик, — теперь видишь, как легко можно принять вас за нанятых охранников, причём из самой алой касты.

— Боюсь, это уловка обречена, — покачала я головой. — Уверена, у них тоже имеются стёкла Строителей, и они легко обнаружат обман, даже на большем расстоянии. А теперь они достаточно близки, чтобы сделать это невооружённым глазом.

— Тем не менее, теперь, — продолжил издеваться он, — у нас здесь есть четыре рослых воина, устрашающе вооружённых.

— У господина жестокие шутки, — заметила я.

— Пусть они примут это во внимание, — ухмыльнулся мужчина.

— Даже если бы их обманул наш внешний вид, — скептически заметила я, — нас здесь только четверо.

— Гореанский воин, — пояснил он, — обучен убивать быстро и эффективно. Вот Ты согласилась бы карабкаться по борту, чтобы встретить клинок, движение которого Ты даже не сможешь увидеть?

— Но мы-то не воины, — напомнила я. — Мы всего лишь рабыни, слабые женщины в ошейниках.

— И понимание этого, — улыбнулся мой собеседник, — конечно, поощрит их.

— Скорее позабавит, — проворчала я.

— Даже сейчас, — сказал он, — они предугадывают ваши формы, в данный момент скрытые под тканью, и размышляют о том, как вы могли бы выглядеть у их ног, голыми и закованными в цепи.

— Мы — рабыни, — констатировала я. — Мы принадлежим свободным. Но, неужели Вы не боитесь за свои жизни?

— Не в данный момент, — усмехнулся мужчина.

— Я не понимаю, — вздохнула я. — Ваша уловка выглядит жалкой. Она обречена. Разве этим можно кого-то одурачить? Никто, на таком расстоянии, не примет рабынь, даже обмотанных алой тканью и с палками в руках, за представителей алой касты. Это, в действительности, не более чем свидетельство тщетности и отчаяния.

— Именно так это и выглядит, — не стал отрицать он.

Я отметила, что Евфросиния намотала на себя красную ткань как можно плотнее, подчеркнув этим свою фигуру, и, как будто по небрежности, сделала так, что любой желающий мог видеть её голое плечо и узкую плоскую полосу металла, обнимающую её соблазнительное горло. Несомненно, такое её поведение могло закончиться для неё ужасным наказанием, конечно, если позже у мужчин будет шанс это сделать. Но, к счастью, для Евфросинии, на эту небрежность, а то и предательство, моряки внимания не обратили. Их больше интересовал корсар, в данный момент, с поднятыми вёслами замерший в нескольких ярдах от борта нашего корабля. Сейчас он не выглядел опасным, примерно как не выглядит опасным хищник, непринуждённо расслабленный и довольный, закончивший преследование дичи и теперь следящий за ней, выжидая удобного момента, чтобы броситься на добычу.

— Они будут таранить наше судно? — опасливо поинтересовалась я.

— Ты знаешь о таранах? — удивился надсмотрщик.

— Очень мало, — ответила я.

О том, что у преследовавшей нас галеры, вероятно, имелся таранный выступ, я предположила на основании вопросов Евфросинии. И если на прочном, узком носу корсара такой окованный металлом выступ, штырь или клык был, то у него, конечно, была некая цель. Казалось очевидным, что такое приспособление, перемещающееся вместе с его кораблём-носителем, вонзившееся в борт другого судна, могло причинить значительное повреждение, возможно, не совместимое с возможностью оставаться на плаву.

— Нет, — успокоил меня мужчина, — они хотят заполучить наше судно и его груз.

Насколько я понимала, я была частью этого груза.

Я оглянулась, чтобы посмотреть на Евфросинию, стоявшую позади меня. К этому времени она скромно спрятала обнажённые ранее части тела под алой тканью. Девушка выглядела довольной. Она улыбнулась мне. Похоже, её сложившаяся ситуация совсем не тревожила. «Для других цепей», — вспомнились мне её слова. Что же такое, задавалась я вопросом, могло так напугать её раньше? Как

вышло, что она относилась к грозящей нам в данный момент опасности с таким хладнокровием?

Я отвернулась от Евфросинии, снова перенесла внимание на корсара, слегка покачивавшегося на волнах.

— Нас загнали в ловушку, — заключила я.

— Всё выглядит именно так, — согласился надсмотрщик.

— Я опасаясь за господ, — призналась я.

Я уже была в курсе, что в гореанских войнах свободных людей обычно убивали, тогда как животным, в том числе и рабыням, обычно сохраняли жизнь, относясь к ним, как к трофеям.

— Не бери в голову, — отмахнулся мужчина.

— Неужели Вы не боитесь? — удивилась я.

— Не сегодня, — усмехнулся он.

— Но ведь охотник был успешен, — заметила я.

— Охотник, — ухмыльнулся мужчина, — красotka Зия, пока не понимает, что охотятся именно на него.

— Я не понимаю, — вздохнула я.

— Глупцы, — буркнул он, — они потеряли бдительность, они торжествуют и ничего не подозревают. Я не вижу наблюдателей, не вижу никого со стеклом Строителей. Никто не осматривает море вокруг них. Они не понимают, что в этот момент им самим грозит большая опасность.

— Господин? — озадаченно посмотрела на него я.

— Увлёкшись погоней за нами, они слишком отделились от берега, — сказал он.

— Господин? — снова напомнила я о себе, но надсмотрщик уже не обращал на меня внимания и ушёл куда-то на корму.

— Скоро, — прошептала Евфросиния, — мы будем носить другие, лучшие цепи!

— Я не понимаю спокойствия надсмотрщика, — призналась я ей.

— Когда начнётся абордаж, — посоветовала мне она, — ложись в бару.

У Гореанских рабынь существует несколько основных поз, одной из которых является бара. Разумеется, я была обучена этим позам, которые должна была принять без промедлений и сомнений по команде любого свободного человека. У этих поз имеются различные цели. Во-первых, в таких позах, подчёркивается беспомощность и уязвимость рабыни. Это позы презренной покорности, в которых неволя женщины со всей очевидностью даётся понять всем, кто её видит. Такие позы облегчают осмотр, оценку и так далее. Когда девушка слышит команду «Бара», она должна лечь на живот, повернуть голову влево, скрестить запястья за спиной, а также скрестить ноги в лодыжках. Лежащую в такой позе рабыню удобно связывать по рукам и ногам. Все эти позы, как символические, так и практические, имеют определённые общие черты. Например, в каждой из них, рабыня

выставляется так, что у всех, кто её видит, не остаётся никаких сомнений в том, что она — рабыня, только это и ничего кроме этого.

— Корсар, — прокомментировала я, — спускает баркас.

Я наблюдала, как мужчины на галере чужаков начали сноровисто спускать на воду большую лодку.

Вдруг я услышала крик, донёсшийся с платформы наблюдателя, расположенной высоко на мачте:

— Дорна! Она приближается, — сообщил вахтенный. — Дорна!

Озадаченная, я поспешила подойти к борту.

— Что там? — жадно спросила Евфросиния. — Что там происходит?

— Я не знаю, — также терзаемая неизвестностью, откликнулась я. — Отсюда ничего не видно!

Внезапно я увидела, что баркас, который до этого равномерно спускаемый моряками, вдруг резко накренился, рухнул вниз, с плеском упав на воду.

С корсара донеслись крики. Мужчины там явно были чем-то встревожены. Заревел сигнальный рог, потом снова и снова, и в его рёве слышались нотки отчаяния. Моряки на пиратской галере заметались по палубе, причём их метания выглядели беспорядочными. Всё это очень напоминало панику. Несколько вёсел беспомощно шлёпнули по воде. Дважды ударил барабан корсара и смолк.

— Вон! — закричал один из наших моряков, указывая рукой куда-то мимо корсара.

— Я вижу её!

— Да! — обрадованно воскликнул другой.

Но я, стоявшая у борта, вцепившись в планширь, доходивший мне до плеч, ничего не видела.

Нос корсара начал медленно поворачивать в сторону берегу. Баркас, теперь выправившийся, мерно покачивался рядом с бортом галеры. Кое-кто торопливо спускался в него по сброшенным с корабля верёвкам. Другие, столпившись у борта, по-видимому, ожидали своей очереди. Двое мужчин, потеряв терпение, просто прыгнули с палубы в воду и поплыли к баркасу.

И тут я наконец-то увидела, то, о чём, скорее всего, шла речь.

Низко над водой, с бортами покрытым пятнами разных оттенков зелёного, отчего трудно было сразу разглядеть почти теряющийся среди волн корпус галеры, стремительнодвигающейся волей могучих рычагов его вёсел, то в унисон ныряющих в море, то подымающихся, сбрасывая воду, и ныряющих снова, так стремительно, что была похожа на ожившее копьё.

— Дорна! — оглушительно ревели наши мужчины.

Почти одновременно, заглушив на время крики ужаса и отчаяния, летевшие над водой, раздался внезапный грохот ломающихся, разрывающихся, раскалывающихся, сокрушаемых деревянных конструкций.

Мужчины нашего корабля приветствовали это радостно вопя и подбрасывая в воздух свои морские шапки.

— Дорна, Дорна! — скандировали они.

Я заключила, что этот корабль им был хорошо известен.

Нос и корма корсара, казалось, повернулись навстречу друг другу. Вёсла нападавшего заработали назад, вытягивая таран из пробоины и вырывая вслед за ним куски палубы и борта, посыпавшиеся в воду. В борту корсара должна была остаться приличных размеров пробоина. Даже на таком расстоянии я могла слышать шум, с которым море врывалось внутрь корпуса судно. Спустя какие-то мгновения его палуба ушла под воду.

Нападавший корабль, Дорна, между тем медленно отворачивал нос в сторону.

— Она уходит, — прокомментировал один из наших моряков, махнув своей кепкой на прощанье.

Мужчины, оказавшиеся в воде, кричали от отчаяния и ужаса, и тянули руки.

На корсаре, судя по всему, было никак не меньше сотни моряков. Части из них повезло оказаться на баркасе, другие облепили его борта, остальные пытались пробиться к плавсредству. На моих глазах, те, кому посчастливилось успеть занять место на баркасе, схватились за ножи и принялись отбиваться от тех, кто пытался подняться в него.

«В воду же попадёт кровь», — в ужасе подумала я.

Баркас уже сидел так низко в воде, что волны перехлёстывали через его борта, и теперь мужчины в нём начали бороться, стараясь выбросить друг друга из лодки.

— Акулы, — услышала я полный ужаса крик, а затем кричавший мужчина исчез, утянутый под воду.

На месте корсара к этому времени уже остались только качавшиеся на волнах обломки.

Дрожа от страха, я смотрела, как баркас опрокинулся, и ещё больше двух десятков мужчин, оказались в воде. Всё, что им теперь оставалось, это цепляться за перевернутый корпус.

Раздался новый крик, и ещё одна мужская голова исчезла под водой.

Мужчины в воде, посылая проклятия вслед удаляющейся галере, изо всех сил пытались перевернуть лодку обратно.

— Похоже, Дорна не собирается задерживаться, чтобы подобрать оставшихся в живых, — заметил один из мужчин.

— Точно, — согласился в ним другой. — Преподанный урок должен быть ужасным и безошибочным.

— А что насчёт нас, Капитан? — поинтересовался кто-то из гребцов. — Мы будем подбирать выживших.

— Не думаю, что таковые останутся, — усмехнулся другой мужчина.

Всё больше криков несло с воды.

— Их слишком много, — сказал капитан. — Было бы опасно брать их на борт.

Между тем на корабле, который наши моряки называли «Дорна», установили мачту и подняли треугольный парус. Галера резко набрала скорость и теперь начала удаляться ещё быстрее.

Я увидела, как на мачту корабля пополз свёрнутый кусок ткани, который, достигнув верхушки мачты, развернулся и оказался широким флагом. С него, дрожащего, трепещущего и хлопающего на ветру, смотрела голова крупного, пугающего, рогатого зверя.

Офицер, отложив подзорную трубу, сказал:

— Знак Боска.

За моей спиной испуганно вскрикнула Евфросиния.

Морякам с погибшего корсара наконец удалось выправить баркас, в который тут же набилось от дюжины до полутора десятков человек. Часть из них, одни своими кепками, другие просто сложенными пригоршни ладонями, принялись вычерпывать воду. Но большинство, стоя у бортов по колено в воде, ножами и палками начали отбиваться от своих товарищей, пытающихся взобраться в лодку. Тут и там среди волн мелькали спинные плавники. Двое мужчин, вооружившиеся вёслами, били и отталкивали несчастных, оставшихся за бортом. Я слышала крики и видела, как один мужчина за другим исчезали под водой.

Вдруг я заметила, что надсмотрщик снова стоит рядом со мной.

— Уверена, мы могли бы спасти некоторых, Господин, — осторожно сказала я.

— Некоторых? — удивлённо посмотрел на меня он.

— Многих, — исправилась я, — конечно, многих.

— Эти люди — корсары, — напомнил мне он, — убийцы.

— Тем не менее, — настаивала я.

— Не бойся, — успокоил меня надсмотрщик. — Некоторые останутся в живых.

— Я слышала, — припомнила я, — как говорили о каком-то уроке, ужасном и безошибочном.

— Именно поэтому кое-кто должен выжить, — сказал он. — Иначе, какой же это будет урок, если никто не сможет о нём рассказать.

Я промолчала, с ужасом глядя на разворачивающуюся в нескольких ярдах от меня трагедию. Вокруг раскачивающегося, наполовину заполненного водой, осаждённого баркаса, море кипело от борьбы, крови, кричащих мужчин и возбуждённых акул.

— И кто же сможет выжить? — поинтересовалась я.

— По-видимому, самые сильные и самые безжалостные из них, — ответил мой собеседник, — те, кто больше остальных желает выжить, те, кто не обременён совестью и готов без раскаяния убивать своих товарищей.

— Я поняла, — содрогнулась я.

— А почему Ты стоишь? — осведомился надсмотрщик.

— Простите меня, Господин, — опомнилась я, и быстро отступила от борта и опустилась на колени рядом с Евфросинией, которая уже стояла на коленях, обхватив себя руками.

Девушка дрожала, на её лице было написано отчаяние. Две другие рабыни тоже стояли на коленях. Лоскуты алой ткани, в которые мы кутались до этого, у нас забрали.

— Теперь Кос и Тирос заплатят за свой нефрит, — усмехнулся один из мужчин.

— Что случилось, Евфросиния? — спросила я.

— Теперь нам конец, — прошептала она.

— Мы спасены, — успокоила её я.

— Глупая варварка, — всхлипнула девушка.

— Вёсла на воду, — скомандовал капитан. — Малый вперёд. Поворачиваем на прежний курс!

Вёсла скользнули через лацпорты, легли на уключины и вошли в воду.

Вскоре после этого хортатор ударил в свой барабан, и мы почувствовали, как корабль начал медленно разгоняться.

Барабан хортатора гремел, задавая темп.

— Поднять парус! — донеслась команда капитана.

Длинная, наклонная рея поползла вверх по мачте. Большой треугольный парус развернулся, раздался мощный хлопок натянувшегося, выгнувшегося куполом холста, как иногда выражаются моряки, «наполнившегося вином ветра».

Крики тонущих и умирающих мужчин постепенно стихали за кормой.

Нарисованные на носу нашего корабля глаза смотрели на северо-восток. Я предположила, что через пару анов в поле из зрения снова должна была появиться береговая линия, и как только это случится, корабль вернётся на прежний курс. Как уже было упомянуто, гореанские моряки предпочитают не терять берега из виду.

— Пора в трюм, смазливые кейджеры, — сообщил нам надсмотрщик. — Думаю, на сегодня с вас достаточно привилегии нахождения на палубе. Мы же не хотим, чтобы вы разбаловались. Надо быть глупцом, чтобы баловать свою кейджеру. От них больше толку, когда цепь натянута, а хлыст под рукой.

Евфросинию освободили от цепи, а затем она, как и все мы остальные спустились по лестнице в трюм. Надсмотрщик проследовал за нами, и быстро пристегнув наши левые лодыжки к общему кольцу, поднялся на палубы и закрыл люк, задвинув засов.

— Почему Ты плачешь, Евфросиния? — полюбопытствовала я.

— Ты даже не догадываешься, куда нас везут, — сказала она.

— Конечно, нет, — не стала отрицать я.

— Мы — кейджеры, фактически, животные, — присоединилась к нашему разговору другая девушка. — Обычное дело, держать нас в неведении. С нами редко делятся информацией.

— Любопытство не подобает таких, как мы, — процитировала наша четвёртая соседка по трюму.

Евфросиния посмотрела на меня сквозь слёзы, катившиеся из её глаз. Её лицо и тело перечёркивали линии света, проникавшие через щели в притворе люка.

— Как Ты думаешь, куда нас везут? — спросила Евфросиния.

— Откуда мне знать? — пожала я плечами.

— А я слышала, как мужчины в разговоре упомянули о нашем месте назначения, — глотая слёзы, выдавила она. — Именно после того, что я услышала, я и выпрыгнула с корабля в отчаянной и безнадёжной попытке достичь берега.

— Так куда же нас везут? — спросила одна из двух других девушек.

— В Порт-Кар, — прошептала Евфросиния, и обе другие девушки вскрикнули от тревоги.

Евфросиния снова затряслась в рыданиях.

Что до меня, то мне их реакция показалась странной. Я была не столько напугана, сколько озадачена. Их трепет и их страх были не понятны.

Но внезапно я с особой остротой ощутила свою наготу и тяжесть цепи на моей лодыжке.

Глава 9

Порт-Кар

Я

валилась с ног от усталости. Я чувствовала себя предельно несчастной. Было жарко, и пот стекал по моему телу, в котором, казалось, болела каждая клеточка, ручьями.

Я согнулась над двойной раковиной, одной из нескольких в большом помещении с низким потолком. Это была кухня Золотой Цепи, одной из пяти самых известных в городе таверн. Я понятия не имела, сколько могло находиться в этом городе подобных заведений меньшей популярности. Да и сомневалась я, что были те, кто мог бы знать их все, но вот вряд ли в Порт-Каре нашлось бы много тех, кто не знал бы о Золотой Цепи. Возможно, это была самая большая из таверн Порт-Кара, или, конечно, по крайней мере, одна из самых больших. В данный момент в кухне было десять рабынь, включая и меня. Мы были раздеты догола и прикованы за лодыжки короткими, всего в несколько дюймов цепями, по-видимому, не столько для безопасности, сколько чтобы помочь нам не забывать о том, что мы были рабынями, как будто, в этом мире такой факт у кого-то мог бы, так или иначе, выскочить из головы. Мои руки были погружены в пену нагретой в печи воды в правом отделении раковины. Воду часто меняли и пополняли, наливая из чана, стоявшего на длинной плите печи, находившейся у дальней стены кухни. В левой руке под водой я держала металлическое блюдо, протирая его тряпкой, зажатой в правой руке. Затем я подняла его, дав стечь мыльной воде и, ополоснув в левой раковине, поставила на вертикальную стойку, на которой блюду предстояло сохнуть. Справа от меня стояла корзина, полная кубков, от которых шёл резкий запах паги, и которые мне ещё предстояло помыть, ополоснуть и поставить вверх дном на горизонтальную стойку. Рядом лежали несколько щёток. Большие и плоские были предназначены для подносов и керамических блюд. Другие, более узкие и округлые, служили для чистки глубоких сосудов. Ещё под рукой у меня были широкие деревянные скребки. Ужасы, которые мне доводилось слышать о Порт-Каре в основном от Евфросинии во время путешествия на север, к моему и, несомненно, самой Евфросинии счастью и облегчению, оказались сильно преувеличенными. Разумеется, мы были гореанскими рабынями, и удерживались под совершенством гореанской дисциплины. Но это мало чем отличалось от того,

что могло бы ждать нас в любом другом гореанском городе. Гор есть Гор, а рабыня — это рабыня. Типичный гореанский рабовладелец строг и, зачастую, требователен и суров, но он редко бывает жесток. Мы знаем, что будем наказаны и даже, возможно, плетью, если нами будут хотя бы в малейшей степени недовольны. Но мы стремимся изо всех сил, чтобы нами были довольны, и, соответственно, до плети дело доходит редко, если вообще когда-либо доходит. Иногда мы сами просим о плети, хотя бы для того, что бы напомнить нам о том, что мы — рабыни. Нам наша неволя драгоценна, и поэтому иногда мы просим дать нам доказательство её реальности. Гореанский хозяин хорошо знает, как надо держать нас на коленях, и делает это с совершенством, именно за это мы его и любим. Безусловно, кухня было не самым приятным местом, в котором хотелось бы провести свою неволю. Евфросинии, почти сразу, едва только нас, скованных в караван, привели в Золотую Цепь, бросили туника паговой девки и отправили в зал. Была ли она, в таком случае, намного красивее нас остальных? Обычно среди паговых девок имеет место что-то вроде «текучки кадров», и вполне обычным делом является то, что те из нас, что были куплены «не для зала», рано или поздно оказываются в этом самом зале. Все мы тоскуем по частному хозяину, а самые смелые из нас о «любимом господине». Кто может заранее знать, что нас ждёт впереди? Когда девушке в зале приказывают бежать в альков, она может оказаться в руках того, кто позже может оказаться её владельцем. Безусловно, она должна ублажить любого, кто отведёт её в альков, сделать всё возможное, чтобы он остался ею полностью удовлетворённым. Ведь если клиент почувствует себя хотя бы в малейшей степени обманутым в своих ожиданиях и донесёт эту свою неудовлетворенность до хозяина таверны, девушку могут заковать в тугие цепи и избить, а то и продать в прачечную или в полевые рабыни, или, того хуже, отдать свободной женщине. Паговые девки часто отчаянно соперничают друг с дружкой за возможность продемонстрировать себя наиболее солидным посетителям. Иногда это приводит к довольно неприятным взаимоотношениям между девушками, обслуживающими зал. Для рабыни не редкость, будучи купленной для работы на кухне, и начав свою карьеру именно там, со временем оказаться в зале, по мере того, как распродаются служащие там кейджеры. Девушка, так сказать, «движется вверх по карьерной лестнице». Я со страхом посмотрела в ту сторону, где лежала одна из больших плоских щеток. Как-то раз я не слишком рьяно трудилась над раковиной, и дежурный по кухне, схватив меня за волосы и повалив на мокрый пол, натёр этой щёткой мне спину. В действительности это было не то, чтобы болезненно, но, мягко говоря, неприятно, обидно и очень поучительно. И при этом никакого вреда мне нанесено не было. Гореанские рабовладельцы избегают ранить или царапать своих девушек. Шрамы обычно снижают цену рабыни. Даже шнуры для связывания как правило выбирают плоские и мягкие, но

прочные. Точно так же гибкие широкие языки пяти-ременной гореанской рабской плети, обычно используемой для наказания кейджер, специально разработаны для того, чтобы предотвратить появление любых незаживающих ран и одновременно, что радует куда меньше, чтобы наказать, причём с ужасающей эффективностью. Это очень отличаются от «змеи», применяемой для наказания мужчин. Только те, кто ни разу не испытал на себе внимания такого аксессуара, могли бы не воспринимать его всерьёз или полагать, что они будут реагировать на его щедрые ласки как-то иначе, чем другие, те, кто это уже имел несчастье это почувствовать на своей шкуре. Те, кто презирает плеть, просто никогда не чувствовали её на себе. Вот и пусть рабыня стремиться быть такой, чтобы ею были довольны. Разве есть лучший способ добиться того, чтобы плеть не покидала своего крюка? Куда чаще рабыням приходится чувствовать на своей коже жгучие укусы хлыста. Лично мне доводилось чувствовать их очень часто, особенно в первые дни моего нахождения на кухне. Однажды я недостаточно быстро встала на колени, пару раз я позабыла спросить разрешения говорить, но самым худшим случаем было, когда я уронила одно из металлических блюд, которое со звоном и грохотом упало на пол. По моим подсчётам, я работала на кухне уже четырнадцать или пятнадцать дней. За это время здесь появились три новых девушки, приведённых с того или иного рынка, а также я видела, как двух других девушек с кухни забрали, куда именно, я не знала, возможно, в зал, но возможно и для того, чтобы продать. Что интересно, были и две девушки, которых привели на кухню из зала. Я предположила, что причиной их появления среди нас было недовольство одного или нескольких клиентов таверны. Таким образом, кухня, помимо того, что была собственно кухней, служила ещё и местом наказания за неподобающее поведение. Тавернера, человека, владевшего этой таверной, звали «Хо-Тоск». Я слышала, что он приехал в Порт-Кар из Ара несколько лет назад. Причины этого были покрыты туманом, но все сходились во мнении, что в его прошлом имело место некое оскорбление. Он был моим владельцем, как и, я предположила, всех остальных девушек тоже. Что ещё интереснее, Адрасте, та самая рабыня, высокомерный и заносчивый кусок рабского мяса в ошейнике, с которой я познакомилась в Брундизиуме, тоже была в таверне, хотя и среди девушек, служивших в зале. Мне рассказали, что она, прежде чем была доставлена в таверну, прошла обучение в качестве танцовщицы. Это меня позабавило. Гордячке Адрасте, при всём её самомнении, придётся выступать в танцевальном квадрате. Я представляла себе, как она будет танцевать голой, а рядом с краем площадки будет стоять надсмотрщик с плетью, который проследит, чтобы она, так сказать, хорошо «танцевала свой ошейник» и гарантирует, что клиенты останутся довольны её выступлением. Я не знала, как Адрасте попала в Порт-Кар, но предположила, что её, как и меня привезли на север на корабле,

разве что, я была уверена, привезли её не на том же самом корабле. Когда нас с Евфросинией и двумя другими девушками, скованными в караван и с закованными в наручники за спиной руками, привели в Золотую Цепь, Адрасте уже была здесь. Я заключила, что мы все в Брундизиуме были куплены неким агентом специально для Золотой Цепи. Должно быть, её везли на более быстром корабле. Несмотря на то, что большая часть кухонных работ и в частности мытьё посуды лежали на плечах рабынь, собственно приготовление пищи было уделом свободных мужчин.

— Осторожно, — шёпотом предупредила девушка, склонившаяся по правую руку от меня, над одной из четырёх других двойных раковин, — я слышу шаги!

Я напряглась в ожидании, и мгновение спустя услышала резкую команду, донёсшуюся со стороны входа в кухню:

— Кейджеры внутри, наду!

Это был голос помощника тавернера, отвечавшего за кухню.

Мы все немедленно повернулись на голос и встали на колени, выпрямив спины, отведя плечи назад, подняв головы, положив ладони рук на бёдра и широко расставив колени.

Едва мы успели сделать это, как в помещение вошёл мужчина.

— Вы голые, не так ли? — уточнил он.

— Да, Господин, — хором ответили мы.

— Разве это неподходяще для кухонных рабынь? — спросил он.

— Да, Господин, — ответили мы.

— А Вы у нас и есть кухонные рабыни, — констатировал мужчина.

— Да, Господин, — подтвердили мы.

— Значит, это подходяще и для вас, не так ли? — подытожил он.

— Да, Господин, — признали его правоту мы.

— Надёжно ли вы прикованы? — осведомился он.

— Да, Господин, — снова повторили мы.

— И разве это не подходяще для кухонных рабынь? — спросил мужчина.

— Да, Господин, — отозвались мы.

— Хорошо, — кивнул он и, отвернувшись от нас, подошёл к поварам, чтобы поинтересоваться количеством приготовленных блюд.

Выяснив всё, что хотел, мужчина снова повернулся к нам и сообщил:

— Можете подняться и приступить к своей работе.

Однако только я успела встать, как услышала:

— Тебя, Зия, это не касается.

Испуганная, я повернулась к нему и снова опустилась на колени, приняв позу наду. Я дрожала. К моим глазам подступили слёзы. Что я могла сделать? Неужели

какая-то из других девушек оклеветала меня? Неужели я допустила что-то, за что меня можно было бы наказать?

Мужчина подошёл и, встав прямо передо мной, приказал:

— Подними голову.

Я, испугавшись ещё больше, подняла на него глаза и встретила с ним взглядом.

— Тебя хочет видеть Хо-Тоск, — сообщил мне он.

— Могу ли я говорить? — спросила я.

— Да, — разрешил мужчина.

— Могу ли я узнать, по какой причине мой господин хочет видеть меня?

— Ложись на живот, — вместо ответа велел он, присев на корточки около меня, — согни колени и подними ноги.

Подчинилась я немедленно и не раздумывая. Звякнула цепь, и я почувствовала мужскую руку на моей щиколотке. Клацнул ключ, вставленный в замок ножного браслета, и кандалы, снятые с моей лодыжки, легли на полку позади двойной раковины. На кухне все кандалы открываются одним ключом.

— Могу ли я поинтересоваться причиной, по которой мой господин хочет видеть меня? — снова задала я мучивший меня вопрос.

— Любопытство не подобает кейджере, — буркнул он.

— Простите меня, Господин, — пролепетала я, не зная, что мне делать дальше.

Рабыня выдрессирована не менять позы, пока не получит разрешения или недвусмысленного приказа сделать это.

— Поднимайся, — разрешил мои колебания мужчина, — и ступай к Хо-Тоску.

— Да, Господин, — вздохнула я.

Глава 10

Я подаю пагу

— П

ага, Господин? — предложила я, становясь на колени около низкого прямоугольного стола, у которого к уже сидевшим за ним двум мужчинам только что присоединился третий.

— Да, — кивнул новый гость, даже не взглянув на меня.

Мы быстро привыкаем к тому, что на нас смотрят, но не видят. Есть время для рабынь, и есть время не для рабынь. Есть ситуации, когда нас не обращают внимания, но в других случаях мы не можем не заметить направленных на нас алчных мужских взглядов. С такой алчностью голодные мужчины могли бы смотреть на желанные блюда.

И гореанские мужчины, как я заметила, очень часто бывали, так сказать, голодны. Но, я подозреваю, они редко были более голодны, чем их предполагаемая добыча. Фактически, природа в изобилии разбросала всюду по женскому телу множество нервных окончаний, отвечающих за сексуальное возбуждение, и, однажды зажжённые, они часто пылают огнём потребностей. Как часто каждой из нас в отчаянной надежде случалось завязывать в узел неволи прядку своих волос! Как часто каждой из нас, сломленной и хныкающей, приходилось становиться на колени у ног мужчины, боясь произнести хотя бы слово и надеясь получить желанную ласку! С того момента как рабские огни разгораются в животе женщины, чем ещё она может быть, кроме как выпрашивающей нежности рабыней? И неужели кто-то думает, что эти монстры, когда они, своей забавы ради, разжигают в наших уязвимых, беспомощных, принадлежащих им животах такие огни, не знают о том, во что мы будем превращены? Я не думала, что женская страсть, какой я теперь её познала, была меньше, слабее или ниже по сравнению со страстью мужчин. Скорее, я подозревала, страсть женщины, своим, по-своему уникальным и необыкновенным способом, благодаря биологической сложности, широте и эмоциональности женщины, далеко превосходила быстро удовлетворяемую страсть мужчин. Разве, с того момента, как разгорятся наши рабские огни, мы не становимся самыми беспомощными и переполненными потребностью в сексе существами? И всё же мужчины — это мужчины. Решение за ними, а наш удел — ждать. Они — хозяева, а мы — рабыни.

Иногда наши тела буквально кричат и умоляют об удовлетворении их потребностей, но нас игнорируют. Иногда мы падаем на живот и выпрашиваем ласки, но у мужчин нет на нас времени.

Наши потребности делают нас их собственностью.

Мы — рабыни.

Я встала и направилась к чану с пагой, где помощник тавернера должен был наполнить кубок, который мне предстояло отнести к столу. Сигнальный колокол недавно отбил восемнадцатый ан. По пути я разминувшись с мужчиной, опустившим голову, чтобы не удариться о висющую масляную лампу, заполненную тарларионовым жиром. Низкие потолки являются особенностью многих таверн, особенно на севере. Я полагаю, что это следствие желания сохранить тепло зимой. С другой стороны, эта архитектурная особенность, сопровождаемая полумраком, тенями, тёплыми оттенками и тусклым освещением, также имеет тенденцию создавать чувство комфорта, интимности и безопасности. Также по пути мне встретила шедшая с подносом к другому столу Евфросиния, с лица которой не сходила мечтательная улыбка. Я тоже улыбнулась, несколько не сомневаясь, что она надеялась понравиться одному из посетителей, вероятно, красивому мужчине. К чану с пагой уже выстроилась целая очередь из девушек, так что у меня появилось время осмотреться. Золотая Цепь — таверна очень большая, хотя при беглом осмотре она таковой не выглядела. Дело в том, что зал вдали от примыкавшей к стене обширной главной зоны, центром которой была танцевальная площадка, был разделён на множество небольших отделений, представлявших собой относительно закрытые приватные кабинеты, анклавов, если можно так выразиться, с их собственной интимной атмосферой. Альковы, обязательный элемент таких заведений, были расположены позади широкой общей зоны. Это были небольшие комнатки с низким потолком и низким входом, занавешенным кожаной портьерой, которую изнутри можно было закрепить пряжками. Внутри во множестве имелись аксессуары для крепления рабыни, вроде цепей с браслетами и ошейниками, кандалов, шнуров и так далее, а также различные инструменты для удовольствия и наказания. Все девушки были одеты в туники. Золотая Цепь не была одной из тех низкопробных таверн, где рабыни подавали пагу нагими, а иногда ещё и закованными в цепи. Безусловно, туника паговой девки, как и большинство других гореанских рабских туник, как и следует ожидать от предмета одежды, разработанного специально, чтобы показать женщину как рабыню, оставляет мало простора для полёта фантазии. Она, в конце концов, рабыня.

В таверне кипела обычная для этого времени суток жизнь. По залу сновали девушки, обслуживающие клиентов заведения. Одни мужчины приходили в таверну, другие, получив желаемое, покидали зал. Помощник тавернера ходил

между столами, собирая монеты и складывая их в маленький, чёрный монетный ящик, свисавший с его пояса слева на бедре. Кубок паги обычно стоит бит-тарск, при этом услуги девушки, если клиент пожелает, входят в цену напитка. Конечно, не все мужчины посещают пага-таверну ради выпивки и девушек. Здесь также можно заказать ужин, цена которого варьируется в зависимости от характера и количества еды. Также, некоторые, придя сюда и заплатив за напиток, могут задержаться, чтобы поговорить с друзьями или послушать новости, другие приходят, чтобы сыграть партию в каиссу, перекинуться в карты, камешки или кости. В некоторых дальних, наиболее уединённых, частных отделениях имелись столы, на чьей поверхности можно было найдены инкрустированные клетки для игры в каиссу. В таверне торговцы, потягивая напитки, могут обговаривать свои дела. Моряки могут развлечь заинтересованных слушателей невероятными историями о своих путешествиях. Работоторговцы могут здесь совещаться о предстоящих торгах и планировать набеги. А за другим столом может сидеть писец, готовый написать или прочесть для вас письмо. Золотая Цепь, как и большинство подобных заведений, открыта с полудня, то есть с десятого ана, и принимает посетителей до самого утра. Обычно между десятым и двенадцатым аном Золотую Цепь характеризует тишина и сдержанность, характерные для какого-нибудь спокойного ресторана. А вот после двенадцатого ана или около того, таверна постепенно начинает становиться чем-то очень отличающимся. Дело в том, что примерно в это время закрываются многие из окрестных рынков, магазинов и мастерских, так что занятые там мужчины, закончив свою работу, освобождаются, заполняют улицы и становятся движущей силой этих изменений. Уставшие за день мужчины с нетерпением ждут отдыха и развлечений. К восемнадцатому ану в Золотой Цепи уже нет ни одного свободного стола. Таверна находится в удачном месте, на Дворцовой улице, сюда легко попасть посредством нескольких улиц и каналов. Это та самая улица, на которой расположен Дворец Совета Капитанов, из-за которого, я полагаю, улица и получила своё название. Дворец Совета Капитанов — обычное место сбора Совета Капитанов, фактического правящего органа Порт — Кара.

В зале играл цехар, чья мягкая медленная мелодия наполняла атмосферу таверны чувственностью. В данный момент танцовщицы не выступали. Позже к цехаристу должны были присоединиться его товарищи, двое с каликами, двое с флейтами и один барабанщик. Именно цехарист был лидером этого ансамбля, что, насколько я поняла, распространено среди музыкантов. Танцевальная площадка, обычно овальная или квадратная, являлась неизменным атрибутом большинства пага-таверн. В Золотой Цепи она была квадратной. Однако далеко не все таверны могут позволить себе держать музыкантов, по крайней мере, на постоянной основе. Паговой девке, конечно, тоже могут приказывать позировать,

танцевать и извиваться в танцевальном квадрате. Для покупки хорошей танцовщицы владельцу таверны придётся расстаться с немалой суммой. Они — штучный товар, найти который в свободной продаже дело нелёгкое. Многие мужчины зачастую посещают таверну именно из-за её танцовщиц. Заказать в альков танцовщицу тоже можно, но, как правило, это стоит дороже, чем развлечься там с обычной паговой девкой. Конечно, говоря это, я имела в виду обученную или хорошую танцовщицу. В принципе любую паговую девку могут впихнуть в танцевальную зону. Если толпа будет довольна, ей под ноги, звеня по полу, полетят бит-тарски, которые после её выступления подберёт помощник тавернера. Если танец толпе не понравится, девушку могут выпороть. Иногда бит-тарски подбирает сама танцовщица. Если на ней танцевальный шёлк, то она складывает монеты в сформированный из подола своего наряда мешочек. Если она танцевала нагой, то для сбора монет она использует мелкую медную миску, обычно стоящую у края танцевальной площадки. В обоих случаях монеты она передаёт помощнику тавернера, как правило, ожидающему её по другую сторону украшенного бусами кисейного занавеса. В некоторых тавернах специальной танцевальной площадки нет, вместо неё свободное пространство, опять же обычно овальной или квадратной формы, просто посыпается песком. Периодически помощник тавернера разравнивает песок граблями и, если обнаруживает потерянные бит-тарски, подбирает их.

Пока я стояла в очереди за пагой, в зал таверны вошли ещё семеро мужчин. Судя по их рубашам и кепкам, это были работники большого арсенала, занимавшего всю внутреннюю гавань, и включавшего в себя доки, склады и верфи. Свободным женщинам, кстати, вход в пага-таверны не разрешён, что, на мой взгляд, совершенно правильно. Иногда свободная женщина, возможно, терзаемая любопытством, или безрассудно смелая, или просто обиженная на подобный запрет для её пола, переодевшись в рабскую девку, осмелившись дотронуться до униженных аксессуаров кейджеры, пробирается внутрь. Обычно, мужчинам не требуется много времени, чтобы её вычислить. Её выдают её тон, поведение, осанка и выражение лица. Гореанской свободной женщине, с её гордостью, высокомерием, прошлым, поведением и взглядами, трудно выдать себя за рабыню. Слишком много трудностей, слишком много отличий. Свободная женщина — ещё не рабыня, она ещё не была сломлена к ошейнику. Обнаруженным самозванкам со всей вежливостью и уважением связывают руки за спиной и выпроваживают из помещения. После этого им придётся возвращаться домой в том, в чём их поймали. Со связанными за спиной руками, знаете ли, одеться трудно, даже если они смогут вернуться к своим, припрятанным в укромном месте предметам одежды. Появиться на улице в таком виде, открыто и публично, конечно, является позором для свободной женщины, и может

губительно сказаться на её репутации. Конечно, впоследствии женщины её круга, вероятно, будут избегать её и рассматривать так, как если бы она была не больше чем рабыня, за которую она пыталась себя выдать. А если свободная женщина захочет устроить сцену, её, перед тем как связать руки, могут раздеть и выгнать на улицу голой с туникой, привязанной к её левому запястью. Иногда её могут передать стражникам и удерживать для открытого судебного процесса по обвинению в поведении неподходящем и оскорбительном для статуса свободной женщины. В таких случаях обычно председательствует женщина-судья, которой и предстоит изучить дело и решить судьбу стоящей перед ней голой нарушительницы порядка. Обычный вердикт в такой ситуации — ошейник. Почему некоторые свободные женщины должны вести себя подобным образом? Риску предположить, что тому могло бы быть много причин. С другой стороны, общее мнение состоит в том, что они «ищут свой ошейник». Почему ещё свободным женщинам рисковать, выходя на улицу в одиночку после наступления темноты, да ещё забредая в районы с не самой благополучной репутацией? Почему ещё они должны предпринимать дальние путешествия без подходящего эскорта? Почему ещё они, будучи одни, снимают жилье в небольших гостиницах у опасных дорог? Зачем им, гражданкам высоких городов Гора, «Городов башен» часто прогуливаться по высоким мостам, да ещё в одиночку, да ещё и по ночам? Не хотят ли внезапно заметить приближающуюся к ней по залитому лунным светом мосту безмолвную тень тарна и почувствовать быстро затягивающуюся петлю аркана тарнсмэна? Говорят, что в некоторых городах, есть некоторые таверны, в которых есть особый альков, специально предназначенный для того, чтобы держать похищенных, связанных свободных женщин. Из такого алькова, имеющего скрытую панель и тайный коридор, выходящий в уединённый переулок или проход, свободную женщину, связанную, с кляпом во рту и упакованную в рабский мешок, можно удалить из таверны, а затем вывезти из города, доставить в некое отдалённое место, где ей будет выжжено клеймо, надет ошейник, и в конечном итоге она окажется на рынке.

— Просыпайся, шлюха, — буркнул виночерпий.

— Простите меня, Господин, — опомнилась я и протянула ему кубок, а затем снова обернулась, чтобы ещё раз окинуть взглядом столы.

Вдруг я услышал треск рвущейся ткани, испуганный вскрик одной из паговых девок и взрыв хохота мужчин. Красная от смущения девушка отбежала от стола и прошмыгнула через украшенную бусами кисею из зала. Мужчина за столом с довольной ухмылкой на лице сжимал в кулаке клочок туники, словно это был некий желанный трофей. Возможно, она постаралась пройти мимо него, притворяясь, что не замечает его. Возможно, ему не понравилось выражение её

лица, скажем, оно показалось ему высокомерным, дерзким или недостаточно почтительным.

Цехарист, когда девушка вскрикнула, на мгновение оторвался от своего инструмента, проводил её взглядом и заиграл снова.

Я подозревала, что скоро к нему должны были присоединиться его товарищи, после чего в водовороте шёлка и звоне колокольчиков на танцевальной площадке появится та или иная из танцовщиц таверны.

Атмосфера в зале была оживлённой и дружелюбной, но не шумной. Звуки посуды сливались с гулом голосов беседовавших мужчин.

На глаза мне попала Евфросиния, с пустым подносом направлявшаяся на кухню. Рабыня на ходу улыбнулась мне. Очевидно, она ожидала вскоре оказаться в алькове. Следует признать, она пользовалась популярностью у мужчин. Её часто посылали в альков.

Я снова окинула взглядом освещённый мягким светом свисавших с потолка ламп зал, сидевших за низкими столами тут и там со скрещенными ногами мужчин и обслуживающих их девушек, босых и одетых в полупрозрачные туники. Я видела, как один из посетителей, связав шнуром руки девушки за её спиной, жестом отправил её в альков, в котором ей предстояло ожидать, пока он не закончит еду, напиток и беседу с друзьями.

Глядя ей вслед, я задавалась вопросом, как могли бы отреагировать на то, что я видела, некоторые из тех мужчин, с которыми я была знакома на Земле. Некоторые из них, предположила я, скорее всего, даже не смогли бы постичь увиденное. Подозреваю, они бы безучастно, тупо, ничего не понимая пялились бы на всё это. Такое зрелище было бы для них слишком незнакомо, слишком непривычно, слишком непохоже на те ограничения и бесплодие, к которым они были приучены, которые их заставляли не только принимать, без сомнений и вопросов, но и праздновать и приветствовать, и которые они привыкли считать единственно возможными. Другие, возможно, глазели бы на этот зал в ошеломлении и шоке, потрясённые и потеющие, не веря и дрожа. Как знать, не стали бы они теми, кто начал бы торопливо, в ужасе подозрения и даже признания своей собственной возможной мужественности, поднимать полную надежд женщину, вставшую перед ними на колени, читая ей лекции о том, что она должна делать и чем она должна быть, как будто они могли бы лучше неё знать, чем должна быть женщина, объясняя ей то, как она должна радоваться самоотречению и самопожертвованию, наложенным на неё чуждыми её природе соглашениями? Почему она, женщина, должны быть мужчиной? Неужели мужчины должны бояться того, что она будет той, кто она есть? Но разве не могли бы найтись среди них те, кто захлопал бы в ладоши, вскочил на ноги и закричал бы от радости? Разве это не могло бы быть тем миром, который считался давно

потерянным, а теперь вдруг был снова найден, миром, сданным на одной планете, но который никогда не сдавался на другой? А что, если бы кто-то из этих мужчин моего прежнего мира, знавших меня там, вдруг столкнулся бы со мной здесь, с такой, какой я теперь стала? Одни, я предположила, ничего бы не поняли и даже не узнали бы меня. Другие, скорее всего, обеспокоенные и смущённые, могли бы набросить на меня свою куртку и, покраснев, отвели бы взгляд, чтобы не видеть, как я покидаю таверну. Но, я рискнула предположить, что нашлись бы среди них и те, кто могли бы сказать: «Это именно тот способ, которым я видел тебя, даже на Земле. Это именно то, чем я хотел бы, чтобы Ты была». А затем он поставил бы меня в колени у своих ног, на то место, которому я принадлежу.

— Мне нужно отметить твою шею? — осведомился виночерпий, или как его здесь называют «Хозяин Чана».

— Нет, Господин, — испуганно пролепетала я. — Простите меня, Господин!

У помощника тавернера или его дежурного заместителя всегда есть при себе маленький маркировочный стилус. Обычно его используют, чтобы изменить, дополнить или удалить объявления и уведомления, которые могут быть опубликованы внутри или снаружи таверны.

Снаружи такие анонсы, вывешенные по обе стороны от входа, делаются большими, чтобы их можно было заметить и прочесть издали. Внутри таверны они меньше, и обычно их можно найти на стене справа от входной двери. Эти объявления не следует путать с плакатами, которые могут быть развешены на стенах по всему городу или на общественных досках объявлений. Хозяин Чана намекал на небольшую штрафную отметку, иногда наносимую слева на шею девушки, если она в чём-то провинилась или стала причиной чьего-то недовольства. Отметка может быть смыта только после наказания девушки, обычно хлыстом.

И я поспешила отнести кубок к столу.

— Поднимайся, — велел мне мужчина, — и ступай к Хо-Тоску.

— Да, Господин, — отозвалась я и, не теряя времени, выскочила из кухни и, поднявшись по лестнице, направилась в кабинет тавернера, хозяина таверны и моего господина.

Кабинет Хо-Тоска находился на втором подвальном этаже таверны, одним этажом выше кухонного уровня, и на этаж ниже уровня главного зала. Еда из кухни поднималась в зал посредством лифта, платформы в шахте, перемещаемой с помощью системы тросов и шкивов. Обе створки дверей кабинета были открыты, таким образом, я могла видеть внутренности помещения. Хо-Тоск, крупный бородатый мужчина, сидевший за небольшим рабочим столом, оторвался от бумаг, и поднял взгляд на меня. Я немедленно опустилась на колени перед дверями и склонила голову. Колени я держала плотно сжатыми.

— Входи, — кивнул он.

Я поднялась на ноги и, сделав несколько шагов, снова встала на колени, но уже внутри, а мужчина вернулся к своей работе. Ко мне он не обращался, так что мне ничего не оставалось, кроме как молча ожидать своей участи.

Спустя некоторое время Хо-Тоск снова посмотрел на меня.

— Ты — Зия, — сказал он.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Варварка, — констатировал мужчина.

— Да, Господин, — признала я.

— У тебя приятные формы, — продолжил он, — смазливая самка.

— Рабыня рада, если господин находит её привлекательной, — отозвалась я.

— Ты уже уяснила, — спросил Хо-Тоск, — что теперь Ты, несмотря на твоё происхождение, прежние претензии и воспитание, не больше чем животное, самка, находящаяся в собственности самка, только это и ничего кроме этого?

— Да, Господин, — ответила я. — Я — рабыня.

— Ты провела на кухне нескольких дней, — сказал он.

— Да, Господин, — вздохнула я.

— Достаточно ли Ты поварились на медленном огне? — осведомился мужчина.

— Господин? — не поняла я.

— Я полагаю, твои рабские огни уже зажжены, — заметил мой господин.

— Они пылают, — прошептала я.

Мужчины сделали это со мной. Они не оставили мне никакого выбора. Но я была только рада тому, что они сделали это со мной. Я стала такой беспомощной и уязвимой, такой живой и переполненной потребностями.

— Ты — смазливое, фигуристое, привлекательное животное, — заявил Хо-Тоск.

— Я рада, если господа мной довольны, — отозвалась я.

Он поднялся из-за маленького стола. Хо-Тоск, как я уже упомянула, был мужчиной крупным, солидным. Я отметила, что его пристальный взгляд направлен на рабскую плеть, свисавшую с торчащего из стены крюка.

Я замерла, боясь даже пошевелиться. Я не могла думать ни о чем, кроме как о том, что такого я могла сделать, что заслуживало бы наказания плетью. Я ничего такого не помнила, но, кто мог знать наверняка?

Наконец, к моему облегчению, Хо-Тоск отвел взгляд от плети.

Но тут же, к моему испугу, он вышел из-за стола и встал передо мной.

— Как Ты думаешь, могла бы Ты быть привлекательной для мужчин? — спросил мой хозяин.

— На моей прежней планете, — осторожно ответила я, — мужчины находили меня чрезвычайно привлекательной.

— Как Ты думаешь, могла бы Ты быть привлекательной для мужчин? — повторил он свой вопрос.

— Рабыня надеется, — поспешила исправиться я, — что хозяева могли бы найти её приемлемой.

— Не хочешь ли попросить об одежде? — поинтересовался он.

У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди!

— Если это приемлемо для господина, — ответила я, тщательно подбирая слова.

— Ты можешь попросить об одежде, — разрешил мне мой хозяин.

— Я прошу об одежде, Господин, — шёпотом попросила я, склонив голову и, нежно и почтительно, прижав губы к его тяжёлым, закрытым спереди сандалиям.

— А Ты наделена правом на одежду? — осведомился мужчина.

— Нет, Господин, — сказала я.

— Почему нет? — уточнил он.

— Потому, что я — рабыня, Господин, — ответила я.

— Заслуживаешь ли Ты одежду? — продолжил допрос Хо-Тоск.

— Нет, Господин, — признала я и, не дожидаясь вопроса, добавила: — Потому, что я — рабыня.

Тогда он подошёл к стоявшему у стены шкафу и открыл его дверцу. Внутри я увидела полки, на которых лежали несколько стопок того, что выглядело как небольшие, плотно сложенные и сжатые слои ткани. Мужчина протянул руку к средней стопке и, забрав из неё один из этих предметов, бросил его мне.

Я на лету схватила лоскут ткани, и с благодарностью прижала его к груди. Слезы радости брызнули из моих глаз.

— Спасибо! Спасибо, Господин, — выдохнула я.

— Надень это, встань и повернись передо мной, — приказал Хо-Тоск, и я послушно сделала, как он велел.

Трудно было описать, как я была благодарна за этот лоскут ткани, но также меня переполняли опасения и нехорошие предчувствия. Как мужчины могли бы рассматривать девушку, одетую в такое! Туника паговой девки оставляет немного места для полёта фантазии.

— Могу ли я говорить? — спросила я.

— Да, — разрешил Хо-Тоск.

— Простите меня, Господин, — решила я, — но не слишком ли это коротко?

— Нет, — хмыкнул мужчина.

— Да, Господин, — вздохнула я.

— Я рассчитываю заработать на тебе несколько бит-тарсков, — сообщил мне он.

— Да, Господин, — пролепетала я.

Я была шокирована этим. Мне вспомнилось, как на моей прежней планете я меняла свою красоту на внимание, расположение, преимущества, возможности,

подарки и прочие выгоды. Здесь, на Горе, вся прибыль, если таковая будет иметь место, достанется не мне, а тому, кто мною владеет.

Как хорошо я теперь знала, чем я была на планете Гор.

Здесь женщины могут быть только женщинами, и рабыне никто не собирается предоставлять право выбора.

— Сегодня вечером, — сообщил мне он, — Ты пойдёшь в зал.

— Да, Господин, — откликнулась я и, почувствовав, что я больше не нужна, не поднимая головы, отступила к двери, стараясь держаться изящно, повернулась и вышла в коридор.

Здесь, прямо напротив кабинета тавернера, на стене висело зеркало высотой в человеческий рост, у которого я задержалась, чтобы оценить, как я выгляжу. Одна часть меня была потрясена, испугана и встревожена, зато другая была возбуждена, горда, и нагло взволнована.

Я смотрела в зеркало и видела там рабыню. Этой рабыней была я!

Мою шею окружал ошейник!

Я была той, кем я хотела быть.

Теперь, в ошейнике, я могла быть тем, чем я стремилась быть!

Насколько разъярены были бы свободные женщины, если бы смогли увидеть, какой красивой и сексуальной может быть женщина, когда она принадлежит и переполнена потребностями!

«Ну что ж, — подумала я, — значит я — смазливое, фигуристое, привлекательное животное, не так ли?».

Как далеко был теперь мой прежний мир!

Я поднялась по лестнице на главный уровень, и, посмотрев вдоль коридора, мимо стоявших вдоль стены клеток, в которых содержалось большинство девушек, я увидела украшенную бусами кисею, за которой находился центральный зал таверны.

Я знала, что уже этой ночью мне вместе с другими девушками предстояло разделить этот занавес и, выйдя в зал обслуживать мужчин.

Я спешила к столу, радуясь, что мне удалось избежать отметки о наказании на моей шее.

Опустившись на колени около низкого стола, за которым сидели трое мужчин, двое уже обслуженных ранее, и один недавно прибывший.

Стоя на коленях, держа их плотно сжатыми и прижимая кубок к своей тунике, я, объявив о моём прибытии, сказала:

— Пага.

Я не должна была беспокоить господ. Но мы и не можем просто поставить кубок на стол и уйти. Скорее мы предлагаем клиенту кубок, причём обычно предписанным способом. Для того чтобы всё прошло правильно, надо дождаться

пока мужчина обратит на тебя внимание и даст понять, что он готов принять кубок. Соответственно, если мне не было ясно указано оставить кубок, я должна была ждать, пока третий мужчины, тот, который недавно пришёл, не обратится ко мне.

Эти трое мужчин вызывали у меня тревогу.

Они были одеты так, что я не могла определить их касты. Они с тем же успехом могли принадлежать как любой из каст Гора, так и ни к одной из них. Таким образом, они могли быть кем угодно, или никем вообще. Возможно, они не хотели, чтобы их касту определили или запомнили? Не стремились ли они, скрывая свою касту, достичь своего рода невидимости или анонимности? Впрочем, уже в следующее мгновение я обругала себя за свою глупость. Многие гореане, время от времени, в той или иной обстановке, не носили цвета своей касты или знаки отличия. Фактически, некоторые гореане носили цвета своих каст, прежде всего, во время праздников. У меня пока плохо получалось разбираться в акцентах гореанского. В Порт-Каре можно услышать множество акцентов, причем, то же самое имело место в Брундиизиуме. Такое явление распространено в портовых городах куда больше чем во внутренних регионах планеты. Мне говорили, что на Горе есть очень много акцентов. Северный говор может сильно отличаться от южного, а восточный от западного. Даже вдоль русла одной реки, такой как Воск, Картиус или Уа люди могут говорить с разными акцентами. Крестьяне к северу и к югу от Воска, как я слышала, чьи деревни были отделены всего лишь рекой, могут говорить настолько по-разному, что почти не понимали друг друга. Я уже научилась различать некоторые основные акценты, такие как косианский и арский. Например, Евфросинии говорила с косианским акцентом, у Адрасте, как и у многих других, было произношение свойственное Ару и его окрестностям, несмотря на то, что её имя как раз было скорее косианским. Разговор первых двух мужчин, сидевших за этим столом, когда они вообще говорили, был тривиальным и несущественным. Я предположила, что они ждали прибытия своего третьего товарища. Я сомневалась, что эти посетители пришли в таверну ради паги или девушек. Я не думала, что вероятность того, что один из них свяжет мне руки за спиной и прикажет ждать его в алькове, была высока. Я предположила, что, скорее всего, эта встреча вряд ли была случайной. Мужчины, судя по всему, изначально планировали обсудить некий, представляющий интерес вопрос или момент, несомненно, имевший отношение у какому-то бизнесу. Я подозревала, что двое товарищей, прибывших на randevу первыми, возможно, ранее никогда не встречались с третьим. Не могло ли быть так, что эта встреча была назначена четвёртой стороной?

Я продолжала неподвижно и молча стоять на коленях, держа в руках кубок, прижатый к тунике. О своём прибытии объявила, и теперь всё что мне оставалось, это терпеливо ожидать, когда обо мне вспомнят. Нужно было бы быть очень

неосторожной или наивной, чтобы повторно напомнить о себе. Это могло бы рассердить посетителя, вполне могущего предположить, что рабыня проявляет нетерпение, или что она сочла, что он мог бы не заметить её присутствие. После такой оплошности девушка могла бы считать удачей, если бы для неё всё ограничилось всего лишь оплеухой.

С каждым мгновением мне становилось всё страшнее.

Я чувствовала, что мужчины были готовы начать разговор.

Иногда, чем меньше девушка услышит или узнает, тем в большей безопасности она находится.

— Вы пробыли издалека, — наконец заговорил один из двоих мужчин, пришедших в таверну первыми, обращаясь к вновь прибывшему.

— Золото — это маяк, который видно издалека, — усмехнулся тот.

— У вас есть свои люди? — спросил первый из его собеседников.

— Конечно, — кивнул вновь прибывший. — А что насчёт вас?

— Конечно, — ответили ему.

После этих слов вновь прибывший повернулся ко мне, и я немедленно склонила голову, да так резко, что волосы упали на моё лицо. Следом я опустила кубок вниз и плотно прижала его к своему животу, почувствовав кожей твёрдость металла, а затем подняла его к губам и, почтительно поцеловав его, обеими руками протянула его вновь прибывшему мужчине. Голову при этом я опустила между держащими кубок руками.

Посетитель взял кубок и повернулся к двум своим собеседникам.

Как только он отвернулся от меня и перестал меня видеть, я осторожно подняла взгляд, готовясь подняться с колен и ретироваться. Он уделил мне мало внимания, фактически, едва взглянул в мою сторону. Кроме того, я почти сразу опустила голову, и мои волосы закрывали моё лицо. Да и освещение в зале оставляло желать лучшего. Наконец, я набралась смелости и, поднявшись на ноги, отступила на пару шагов, повернулась, а затем, на мгновение оглянувшись назад, поспешила к той стене, у которой мы, девушки, служившие в зале, ждали, пока нас не выберет кто-либо из клиентов, или не пошлёт к тому или иному столу Хозяин Чана или заместитель тавернера. Таким образом, мы не вольны выбирать тех, кому мы будем служить.

Мы стараемся всячески угодить виночерпию и заместителю тавернера в надежде, что у нас появится шанс быть посланными тому столу, за которым сидит привлекательный посетитель.

Я встала к стене, прислонившись к ней спиной. Учитывая освещение, и то, как я служила, а также и другие нюансы, у меня была уверенность, что он меня не узнал.

Ранее в Брундизиуме, мои похитители, прежде чем снять мешок с моей головы, надевали маски, почти полностью скрывавшие их лица. Почти, но не полностью. Маска вожака моих похитителей тоже закрывала большую часть его лица, большую, но не всё.

Освещение в таверне, что и говорить, было слабым и тусклым, а у меня было лишь мгновение, чтобы бросить на него взгляд сквозь упавшие на лицо волосы, перед тем как опустить голову, но я была уверена, что узнала его по шраму на его лице. Я видела этот маленький, треугольный шрам прежде. В Брундизиуме. Внизу на правой щеке, справа ото рта.

Глава 11

Встреча со старым знакомым

Т

ерритория Порт-Кара, обнесённого обширными дамбами, разделена множеством, возможно, сотнями каналов, питаемых водами Залива Тамбер. Во многих местах к входу в здание можно добраться только по воде, обычно посредством одного из великого множества маленьких одно-вёсельных челноков, тут и там снующих по каналам. Зачастую кажется, что стены домов вырастают прямо из вод самого канала. Таким образом, многие здания, обветшалые и покрытые пятнами, часто поросшие лишайником, изъеденные водами прибоя, приходящими и уходящими вместе с приливом и отливом, фактически являются островами и крепостями. Во многих местах окна расположены лишь в нескольких футах над уровнем канала, так что они могут служить в качестве бойниц для лучников и арбалетчиков. На крышах домов, обычно плоских, заготовлены кучи камней, а также запечатанных сосудов с горючей жидкостью. Такие сосуды, вскрытые и зажжённые, могли быть сброшены в воду, причём в таких местах, заранее вычисленных, что горящая смесь будет двигаться в таком направлении, чтобы нанести нападающим максимальный урон. Северные и восточные дамбы Порт-Кара примыкают к обширным топям дельты Воска, западные и южные отделяют город от Залива Тамбер. А за Тамбером, меньше чем в ане хода на вёслах начинается Тасса, безбрежное море Гора. Топи дельты вовсе не безлюдны, как могло бы показаться. Там можно найти множество расположенных на плавучих рукотворных островах деревень ренсеров. Эти острова сформированы из переплетённых стеблей ренса — водного растения, служащего сырьём для производства самого распространённого вида дешёвой бумаги. Жители таких деревень периодически добавляют свежие стебли ренса к поверхности своих островов, тогда как более старые, подводные слои, гниют, разлагаются и тонут. Животный мир Дельты богат рыбой и птицей, и это изобилие пищи, как и следует ожидать, привлекает сюда многочисленных хищников, в частности, речных акул и различные виды тарларионов, некоторые из последних, такие как болотный ул, обладают крыльями. Насколько я поняла, отношения между ренсерами и Порт-Каром, которые в настоящий момент являются осторожно добрососедскими, раньше были довольно напряжёнными. Я слышала, что ренсеры в какой-то момент взяли на

вооружение крестьянский лук, оружие очень популярное в крестьянских деревнях на континенте, чтобы защитить свою свободу и отстоять суверенитет своих деревень. Этот лук оказался особенно эффективным в реалиях дельты с её стенами ренсовых зарослей. Трудно не начать уважать противника, который может поразить тебя издалека, оставаясь при этом невидимым. Кроме того, довольно трудно устраивать набеги или карательные экспедиции против таких деревень, поскольку он могут легко сменить своё местоположение, будучи отбуксированы на новое место. Кроме того, в последнее время эти, прежде разрозненные, деревни объединились во что-то вроде свободной конфедерации, чему в немалой степени поспособствовало появление среди них лидера, человека по имени Хо-Хак, иногда называемого Убаром Болот. Также я узнала, что ренсеры, прежде промышлявшие преимущественно охотой и собирательством, теперь добавили в сферу своей экономической деятельности транспорт и торговлю. Ренсеры, как утверждают, занялись проводкой барж, движимых шестами, парусами или запряжёнными большими водными тарларионами через непроходимые для всех кроме них болота дельты, тем самым соединив лежащие на берегах Воска города с Порт-Каром, а Порт-Кар с городами на Воске. Торговля, прежде всего, имеет отношение к ренсу, но некоторое внимание уделяется и другим товарам, например, солёной рыбе, главным образом парситам и грантам, тарларионовому жиру и коже, а также перьям, в особенности перьям чаек Воска, лучшему материалу для оперения стрел. Предполагается, что для гарантии мирного сосуществования в дельте эти экономические взаимозависимости могли сделать столько же, если не больше, сколько сделал крестьянский лук. Как монета поощряет торговлю, точно так же торговля способствует миру. Хотя рабским девкам запрещено появляться на стенах без сопровождения, некоторые всё же пытаются бежать, взбираясь на пустынные сегменты стен и прыгая в воды расстилающихся за ними болот. Те, кому повезёт не стать жертвой болотных хищников, становятся добычей ренсеров. Судьба таких беглянок незавидна, ренсеры могут выжечь им клеймо на лбу и оставить себе в качестве ренсовых рабынь, что, насколько я понимаю, является самым тяжёлым и неприятным рабством. В лучшем для рабынь случае, ренсеры возвращают их в Порт-Кар связанных по рукам и ногам для заслуженного наказания, получая при этом свой законный бит-тарск за возвращение менее красивой рабыни, и два за возвращение более красивой рабыни.

Нужно понимать, конечно, что в Порт-Каре есть много сухих, дорогих районов, в которых имеются площади, престижные рынки и гимнастические залы. Также, вдоль некоторых каналов проложены пешеходные проходы часто по обоим берегам. Фактически, я сама в данный момент гуляла по одному из таких проходов, называемому Дорогой Воров. Порт-Кар, как мне объяснили, является

единственным из гореанских городов, в котором официально существует Каста Воров. Безусловно, большая часть актов воровства, насколько я понимаю, происходит вне стен города, в других городах, а Порт-Кар просто предоставляет убежище, в котором успешные представители этой необычной касты могут отдохнуть и воспользоваться плодами своих трудов. С одного берега канала на другой можно попасть посредством мостов, обычно выгнутых, узких и деревянных, которые легко можно было бы сжечь. Я ещё ни разу не видела гореанского высокого города, города башен, но мне было известно, что башни таких городов часто соединяют изящные, узкие, выгнутые мосты, зачастую расположенные высоко над уровнем улиц. Эти мосты построены так, чтобы в случае нападения их легко было оборонять, а при необходимости разрушить, превратив каждую башню в отдельную цитадель, имеющую запасы еды, воды и оружия, достаточные, чтобы выдержать многодневную осаду. Нетрудно догадаться, что уязвимость многих мостов Порт-Кара, фактически представляющих собой красивое, подсвеченное фонарями, раскрашенное в яркие цвета топливо, аналогичным образом вряд ли было простым совпадением. Разрушенный, сгоревший мост препятствует не только успеху атаки противника, но и его быстрому отступлению.

Ширина Дороги Воров по обоим берегам канала составляла приблизительно десять футов. Я шла по набережной, и по левую руку от меня тянулся канал, а справа поднимались стены зданий, с несколькими порталами, в глубине которых скрывались крепкие двери. В данный момент решётки на входе в порталы были открыты, но ближе к наступлению темноты их закроют. Также в этих зданиях имелось несколько ниш, в которых располагались открытые магазины и мастерские, оснащённые сворачивающимися деревянными экранами, которые также будут закрыты после заката, потому как большинство гореанских компаний ведут свой бизнес в светлое время суток, открываясь с рассветом и закрываясь в конце дня или в сумерках.

Примерно в пасанге от того места, где я стояла, раскинулся большой арсенал Порт-Кара, с его складами, мастерскими, обширными верфями и внутренней гаванью, из которой к заливу вели четыре больших, глубоких канала, настолько широких, что в них могли разойтись два круглых корабля. По этим каналам через морские ворота, западные и южные, арсенал сообщался с Заливом Тамбер, а через него и с Тассой, великим морем Гора.

Порт-Кар, боюсь, заработал себе весьма мрачную репутацию. Я ещё не забыла ужаса и страдания, появлявшихся в глазах и голосе Евфросинии при одном упоминании этого названия. Порт-Кар иногда ещё называют «Бич Тассы». Я думаю, что этот эпитет появился в более ранние времена, когда у Порт-Кара ещё не было Домашнего Камня, когда это место, возможно, действительно, было немногим больше чем «логово пиратов, воров и головорезов», столь же опасным

для своих собственных граждан, сколь и для его врагов, в частности, больших морских Убаратов Коса и Тироса. Фактически, многие здания, примыкающие непосредственно к каналам, больше напоминали цитадели, чем жилые дома, что намекало на то, что они изначально были построены так, чтобы обеспечить защиту не столько от внешних агрессоров, сколько от местных грабителей. Но что интересно, мужчины, которые на берегу могли бы походя, без раздумий или раскаяний, ограбить и убить один другого, в море и «на борту корабля», как мне говорили, становятся надежной, верной, эффективной, дисциплинированной командой. Порт-Кар защищают не только его стены, но также необъятность и опасность Дельты на востоке и севере, и морской простор на юге и западе. Найдётся немного тех, кто увидев в море длинные, низкие, стремительные, подобные клинкам корабли-тараны Порт-Кара, часто окрашенные в зелёный, сливающийся с водами известной своими капризами Тассы, цвет, и не проникнется к ним уважением, и даже страхом и ужасом. Мне рассказывали историю о том, как несколько лет назад Кос и Тирос, собрав, оснастив и укомплектовав могучий флот, вознамерились разрушить Порт-Кар, чтобы окончательно избавиться от «Бича Тассы». Этот флот был не только многочисленным и устрашающим, но и многими рассматривался непобедимым. Город охватила паника, ветром проносясь по улицам, тьмой заползая в дома. Люди торопливо собирали, упаковывали и вязали товары и скарб. Корабли в бешеной спешке готовили к бегству. Как падальщики бегут от смертоносного хищника, пришедшего за своей добычей, как быстроногие урты спешат убраться с дороги ларла, как грабители торопятся скрыться при приближении ищущих их, мстительных стражников, точно так же воры, бандиты, бузотёры, злодеи, жулики, трусы и преступники Порт-Кара, люди без Домашнего Камня готовились сжечь и оставить свой собственный город. Но вдруг посреди этой паники, страха и хаоса, пронеслась удивительная, ошеломительная весть. Сначала это передавалось шёпотом, из уха в ухо, но вскоре об этом кричали от стены к стене. Мужчины, когда-то словами или делами опозорившие Домашние Камни, предавшие и отбросившие их, мужчины, в течение многих лет жившие без Домашних Камней, потерянные и разобщённые, одинокие и несчастные, внезапно со страхом и надеждой посмотрели друг на друга. У Порт-Кара появился Домашний Камень! И тогда мужчины, решительные и ликующие, больше не помышлявшие о бегстве, но со слезами на глазах, подбадривая и обнимая друг друга, как товарищи и братья, мчались к большому арсеналу, чтобы схватить весла и занять свои места на скамьях гребцов замерших в напряжённом ожидании кораблей. Позже произошло эпичное морское сражение. Это сражение вспоминают и празднуют каждый год двадцать пятого Се-Кара. У Порт-Кара теперь есть Домашний Камень.

Граждане Порт-Кара, конечно, не называют свой город «Бичом Тассы», хотя, насколько я понимаю, они находят вполне подходящим, что это делают окружающие. В войне все средства хороши, и подходящая репутация, способная побудить врагов к осмотрительности, заставить противника трепетать от страха, тоже является оружием, и не самым незначительным среди прочих. Граждане Порт-Кара часто называют свой город «Бриллиантом Мерцающей Тассы».

Но что мы, рабские девки можем знать о таких вещах, как Домашние Камни? Это — бизнес свободных людей. Наш удел, как непритязательных домашних животных, как товара, как предметов собственности, униженных и презираемых, покупаемых и продаваемых, опозоренных и осмеиваемых, служить и улаживать наших хозяев.

На Горе есть высказывание, что в Порт-Каре цепи рабской девки самые тяжёлые. Однако лично я сомневаюсь в верности этого утверждения. Я подозреваю, что наши «цепи», если можно так выразиться, здесь, не тяжелее и не легче, чем в любом другом месте. Многое зависит от каждого конкретного рабовладельца. Это им решать, насколько тяжелы будут цепи для каждой из нас. Они наши господа. Но, можете мне поверить, наши «цепи», везде, где бы мы ни находились, в каком бы месте Гора ни жили, достаточно тяжелы. Мы — рабыни, целиком и полностью, но мы и сами хотим быть таковыми, бесправными рабынями, принадлежащими и покорными. Это — наше предназначение, наша судьба, наше счастье и радость. Мы могли бы пожалеть свободных женщин, не познавшим теплоты, уверенности и радости, даруемых ошейником, если бы не тот ужас, который они нам внушают, не то презрение, с каким они нас рассматривают, и не чрезмерная жестокость с какой они к нам по некоторым причинам относятся. Как замечательно принадлежать, быть собственностью в буквальном смысле этого слова! Но при этом всё же, ошейник не лишён своих бедствий и страхов, порой становясь причиной наших мучений и горя, поскольку носящие его совершенно уязвимы и беспомощны!

Внезапно слева от меня донёсся звук движения и всплеск воды. Я повернулась туда, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как большой урт, прижав уши к голове, покрытой густым, влажно поблёскивающим мехом, исчезает под водой. Я, встревоженная, предпочла сместиться ближе к центру прохода. До этого я держалась слева, потому как гореане придерживаются левой стороны улиц, проходов, дорог, лестниц и так далее. Большинство гореан, как и большинство людей вообще, являются правшами, таким образом, при таком способе движения человек оказывается повернут к двигающимся навстречу той рукой, которая более привычна к оружию. Водяные урты, обитающие в каналах, некоторые из которых вырастают до довольно больших размеров, питаются по большей части объедками и мусором, выбрасываемым в каналы. По сути, они являются чистильщиками каналов. Это их функция. С другой стороны, многие урты,

особенно крупные особи, бывают агрессивными и нападают на всё, что попадает в воду, так что купаться в каналах — не самая мудрая идея. К тому же, через часто открываемые для пропуска кораблей,двигающиеся из Арсенала и внутренних гаваней в Тамбер и обратно, морские ворота Порт-Кара, в городские каналы часто проникают акулы. Популяцию уртов в каналах прореживают лицензированные охотники на уртов. Обычно охотник отправляется на свой промысел на маленьком челноке в сопровождении рабской девки. Вооружён такой охотник так называемым «уртовым копьём», которое по существу является лёгким гарпуном с привязанным к нему шпагатом, сложенным витками в деревянном ведре, стоящем около носовой банки челнока. Фактически урт ловится на живца, приманкой служит рабыня, которая плавает около челнока, будучи привязанной за талию верёвкой длиной в несколько ярдов, прикреплённой к крепкому кольцу на борту лодки. Охотник тем временем сидит на носу челнока с гарпуном в руках и наблюдает за водой. Заметив приближающегося урта, он даёт команду девушке плыть ближе к лодке. Если урт поворачивает и направляется к приманке, охотник встает и замахивается своим оружием. В такой момент надо быть готовым действовать, поскольку всё может произойти очень быстро. Урт на короткой дистанции может перемещаться в воде с большой скоростью. Самой лучшей ситуацией является та, когда урт приближается прямо под поверхностью, держа над водой только глаза и нос. Гораздо опаснее, когда он приближается из глубины, пусть и медленнее, но полностью скрытый в толще воды, и нападает на приманку снизу или сбоку. В любом случае, в тот момент, когда урт делает бросок, чтобы вцепиться в свою добычу, охотник метает гарпун. Рабынь охотников на уртов часто называют «уртовыми девками». Для таких девушек это прозвище не оскорбление, а просто констатация факта. Однако, когда такой эпитет адресуется другим женщинам, это может означать, что их сравнивают с грызунами. Удел уртовой девки трудно рассматривать как желанное рабство. Поскольку девушка привязана к лодке верёвкой, серьёзная опасность ей грозит редко. Даже если урту всё же удастся вцепиться в её тело, охотник сможет затащить свою приманку в лодку. Урт же в таком случае, становится лёгкой мишенью. Его можно будет ударить, например, топором. Уртовых девок часто можно опознать по множеству царапин на ногах и руках. В некоторых городах свободных женщин, признанных виновными в уголовных преступлениях, приговаривают к отправке в Порт-Кар с напутствием после клеймения использовать их в качестве приманки для уртов.

— В сторону, кейджера! — раздался за моей спиной мужской голос.

— Да, Господин, — вздрогнула я, смещаясь влево. — Простите меня, Господин.

У меня не осталось времени, чтобы встать на колени. Мужчина уже прошёл мимо. Всё же я не стала подходить близко к краю набережной, оставаясь скорее около центра прохода. Меня пугала близость уртов, один из которых внезапно появился

из воды так близко от меня. Естественно, мне не хотелось бы оступиться или споткнуться и упасть в канал. Но, с другой стороны, я, разумеется, не хотела бы препятствовать проходу свободного человека.

Таким образом, я старалась держаться так, чтобы между мной и краем канала оставался приблизительно ярд свободного пространства. Я сочла это достаточно безопасной дистанцией.

Ранее, в полдень, едва пробил десятый ан, я, стоя на коленях и склонив голову, передала сообщение от Бориса, заместителя Хо-Тоска, владельца таверны Золотая Цепь, его другу Хенраку с Рынка Парситов. Сообщение это, насколько я поняла, имело отношение к запланированному рандеву, логичным продолжением которого, должен был стать дружеский вечер в таверне с выпивкой и девушками. По возвращении в Золотую Цепь, мне было предоставлено время отдыха до двенадцатого ана, которое я была вольна использовать по своему усмотрению, вот я и отправилась на прогулку. Мне даже не стали заковывать руки. Безусловно, в этом не было никакой необходимости, поскольку клеймо, ошейник и туника никуда не исчезли. Короткая откровенная гореанская рабская туника оставляет мало сомнений в том, что её носительница — рабыня. Рабыня, если не прикажет её хозяин, не посмеет даже дотронуться, уже не говоря о том, чтобы надеть, предмет одежды свободной женщины.

Я наслаждалась, когда выпадал случай, одинокими прогулками по улицам и набережным Порт-Кара. Моим любимым местом прогулок была «Дорога Воров», набережные вдоль «Канала Воров». Обычно я шла на восток на южной стороне Дороги Воров до Моста Воров, по которому переходила на другой берег и возвращалась к Золотой Цепи, идя на запад по северной стороне.

Одним из удовольствий прогулок именно по этому пути было множество различных магазинов и офисов, мимо которых я проходила, особенно это касалось южной стороны Дороги Воров. Здесь были магазины одежды и обуви для свободных. Костюмы и вуали для свободных женщин были особенно роскошными, в изобилии представляя богатый ассортимент ярких и дорогих одежд. Я подозреваю, что в Порт-Каре свободных женщин меньше, чем в большинстве других городов Гора, что, несомненно, имеет некоторое отношение к истории города.

Мне, кстати, рассказывали, что есть на Горе один город, Тарна, известный своими серебряными рудниками, в котором есть всего одна свободная женщина, его Татрикс по имени Лара. Несомненно, это тоже имеет некоторое отношение к истории того города. Мужчин Тарны обычно легко узнать по двум жёлтым шнурам, длиной приблизительно по восемнадцать дюймов каждый, которые они носят на поясе. Такими шнурами удобно связывать женщине руки и ноги. Свободные женщины, желающие посетить Тарну, могут сделать это только в сопровождении

мужчины, и должны получить лицензию и особую метку. Мужчина-гид должен проследить, чтобы его подопечная провела в городе не больше четырёх дней, в противном случае её ждёт арест и ошейник. Некоторые мужчины, сопровождающие в город ничего неподозревающих об этом правиле свободных женщин, иногда высокомерных, томимых любопытством увидеть такое место, чтобы облить его и его обычаи презрением, готовых ради такого удовольствия даже вынести унижение маркировки и лицензирования, так или иначе, несомненно, непреднамеренно, забывают сообщить им об этом законе. В итоге на пятый день, женщину хватают и низвергают до неволи, после чего она становится не больше, чем ещё одной рабыней Тарны.

Были на Дороге Воров также мастерские, в которых производились или обрабатывались различные предметы потребления, например, чаши, кубки, сосуды, кастрюли, кувшины, блюда и другая посуда. В этом мире, что интересно, к изготовлению даже таких простых предметов подходят с заботой и искусством. Здесь были мастерские шорника и портного. В одном месте ткачи работали на своих ткацких станках. В двух кузнях кузнецы со своими подмастерьями стучали большими молотами. Перед мастерской портного стояла корзина, в которой лежали обрезки тканей, ненужные клочки, лоскутки и полосы. Некоторые хозяева рабынь, несомненно, из соображений бережливости, пользуются такой щедростью, чтобы обеспечить своих рабынь одеждой. Лоскутки, и даже маленькие клочки, можно использовать для заплаток или даже сшить вместе, чтобы выкроить какой-нибудь предмет одежды, скажем, тунику. Для девушки, конечно, любая одежда будет драгоценной, даже разноцветная, едва прикрывающая наготу тряпка. Разве мы сами не готовы умолять о такой привилегии любого клочка одежды, как бы мало он ни прикрывал, и мы отчаянно надеемся, что наши хозяева снизойдут до наших просьб. В любом случае, на рабынь по большей части, редко тратят деньги впустую. Нас чаще всего держат голыми как животных, которыми мы являемся, или одевают в самые дешёвые предметы одежды, такие как туники, камиски или та-тиры, оставляющие мало места полёту воображения относительно наших прелестей. Около одной из кузниц на стойках и шестах, во множестве висели рабские ошейники и браслеты, наручники и кандалы, сирики и мотки цепей, а также различные приспособления для закрепления рабынь. У дальней стены стояло несколько рабских клеток, в одной из которых, вероятно, чтобы продемонстрировать товар лицом, свернувшись внутри тесных решетчатых стен, лежала нагая рабыня. Местами имелись лестницы, ведущие на второй этаж, где располагались конторы, в которых можно было взвесить и обменять монеты, или взять кредит. В Порт-Каре, в отличие от большинства остальных городов Гора, нет чётко обозначенной «улицы Монет». Помимо меняльных контор на вторых этажах зданий Дороги Воров можно было найти кабинеты врачей и офисы писцов,

которые могли прочитать или написать письмо, прошение, жалобу или что-то подобное. Дело в том, что многие гореане, особенно живущие вне городов, неграмотны, так что у этих лестниц, а также на стенах некоторых переулков, примыкавших к набережной, были нарисованы знаки, полезные для тех, кто не умел читать. Например, зелёная трубка, схематичное обозначение фонендоскопа, обычно указывает на кабинет врача. Ряд висевших на шесте деревянных кружков, окрашенных в белый и желтый цвет, намекавших на серебряные и золотые монеты, обычно отмечает контору менял, в которой могут дать кредит, ссудить деньги под залог имущества, обменять монеты и так далее. А если на стене висит синий свиток или пенал с стилусом или пером, то там вы, скорее всего, найдёте офис писца. Овощи, крупы, рыбу, мясо и другие продукты чаще всего продаются не в магазинах, а на открытых рынках, некоторые из которых накрыты брезентовыми тентами. Среди прочих на Дороге Воров имелся и оружейный магазин, в котором торговали мечами, кинжалами и метательными ножами, копьями и дротиками. Были в ассортименте также арбалеты и тубусы с болтами. А вот экземпляров крестьянского лука или колчанов с длинными стрелами я на прилавках не заметила. Возможно, таким оружием торговали где-то в другом месте, например у одних из меньших морских ворот, ведущих в сторону болот. В этом же магазине можно было также заточить нож, меч или любое другое оружие. Иногда я видела, искры летевшие от вращающегося точильного камня. Некоторые такие камни приводятся во вращение с помощью педалей, другие вращаются ручкой или взводимой рукоятью пружиной. Ещё один магазин специализировался на продаже различных сортов тарларионового жира. Был здесь один парфюмерный магазин, а рядом с ним цветочная лака. Мимо одного магазина спешила пройти как можно быстрее, уж больно пугающе выглядели лежавшие на прилавке и стойках кнуты, шнуры, верёвки, плети и хлысты. Рукояти многих последних предметов были украшены бисером. Как-то раз я видела там свободную женщину, яростно торговавшуюся с владельцем магазина. Надо заметить, что в этом мире найдётся немного товаров с фиксированными ценами. А свободные женщины вообще редко выходят из дома без хлыста. Мы, рабыни, издалека замечаем такие вещи. Один торговец установил на набережной киоск, в котором предлагал птиц с яркими перьями. К счастью на маршруте моих прогулок не было никаких рабских полок или клеток с рабынями. Не думаю, что мне понравилось бы проходить мимо такого места, поскольку мне не хотелось становиться объектом праздной оценки со стороны прикованных на полках или запертых в клетках рабынь. Почему я уверена, что стала бы объектом такой оценки? Да потому что сама не смогла бы удержаться, чтобы не оценить их, не прикинуть, какую цену за них могли бы заплатить мужчины. Я прошла мимо небольшого магазинчика глиняной посуды, потом мимо двух киосков, в одном из

которых мужчина демонстрировал рисунки, картины, резные фигурки и маленькие металлические украшения, а во втором другой мужчин торговал наборами для каиссы, игральными картами и костями, разложенными на прилавке, в то время как позади него, что мне показалось достаточно странным, на крюках и полках, висели и лежали флейты, барабаны и калики.

Видя впереди свободную женщину, я старалась принять максимально в сторону, держа голову низко опущенной, в то время как, расходясь со свободным мужчиной, я глаз не опускала, но смотрела прямо перед собой.

Нам надо быть очень осторожными в том, чтобы встречаться взглядом со свободным человеком.

Мы — рабыни.

Иногда, учитывая мою прежнюю жизнь, мне казалось шокирующим, что я должна была быть рабыней, принадлежать так, как могло бы принадлежать какое-нибудь домашнее животное. И всё же я знала, что всегда жаждала того, чтобы быть животным мужчины, его собственностью, его уязвимой беспомощной рабыней. В ошейнике есть своя невероятная, драгоценная свобода. В нём у тебя нет иного выбора, кроме как быть той, кто Ты есть, и кем хочешь быть. Какое это счастье, отринуть фальшь, сбросить маски, прекратить отговорки, забыть о соглашениях, претензиях и лжи, и быть самой собой!

Разве может быть свобода большая, чем свобода быть собой?

Я носила тунику, крошечную, короткую. Тонкая ткань липла телу, не столько скрывая, сколько его подчёркивая. К тому же у такого предмета одежды не предусмотрено никакого закрытия снизу. И это было всё, что была на мне надето, если не считать ошейника.

Когда я видела шедших мне навстречу свободных мужчин, я старалась идти как можно красивее. Какая рабыня или, правильнее сказать, какая женщина, не поступила бы так же? Я не могла не ощутить их глаз, направленных на меня. Я тщеславна? Несомненно. Доставляли ли мне удовольствие их оценивающие взгляды? Разумеется!

Разве я не была товаром, причём, хотелось бы надеяться, обладающим некоторой ценностью?

Если рабыни и имеют какое-то право, то это право на тщеславие. Ведь если на женщину надеть ошейник, она не перестаёт быть женщиной. Наоборот, она становится женщиной ещё больше.

Иногда встречные мужчины, проходя мимо меня, негромко причмокивали губами или щёлкали языком. Думаю, даже свободная женщина могла бы понять значение этих звуков.

Не упасть бы им в обморок прямо на улице от такого внимания!

В конце концов, они же — свободные, высокие, драгоценные, бесценные и возвеличенные!

Я не осмеливалась оборачиваться, чтобы проверить, не останавливались ли мужчины, чтобы посмотреть мне вслед.

Но мне часто доводилось видеть, как они делали это с другими девушками.

И меня это не могло не радовать.

Какая женщина не хочет быть привлекательной для мужчин? И разве кто-то может быть привлекательнее рабыни? На Земле я не раз замечала, что даже те женщины, которые утверждали, что ненавидели мужчин, тем не менее, хотели быть привлекательными для них. На мой взгляд, тем женщинам не хватало только того, чтобы их раздели, поставили на колени и надели на них ошейник.

Я полагала, что из них вышли бы превосходные рабыни. При необходимости плеть проследила бы за этим.

Я окинула взглядом канал, тянувшийся слева от меня, и остановилась, замерев в испуге. Водную гладь рассёк серый треугольник. Спинной плавник высунулся из воды, мгновение резал поверхность, а затем исчез из вида, оставив после себя разбегающиеся к берегам канала волны. Акулы редко появляются в каналах, но иногда им удаётся проскользнуть через морские ворота из залива Тамбера или из болот Дельты. Обычно, после нескольких дней скитаний по каналам, они находят дорогу назад к открытым водам, откуда они приплыли. Мои пальцы непреднамеренно коснулись ошейника, окружавшего мою шею.

Я любила свой ошейник. Но какими он делает нас уязвимыми и беспомощными!

Способны ли Вы постичь, что значит носить ошейник?

Попытайтесь на мгновение представить себе, что он на вас. Сможете ли Вы ощутить его на своей шее? И кто же Вы в таком случае?

Со страхом и трепетом смотрим мы вверх, на высокие стены. Подняться на них несложно, туда ведёт узкая открытая лестница. Но мы — объекты пристального внимания свободных людей, особенно враждебно к нам настроенных свободных женщин. Мы видим бдительных стражников. Кому хватит отваги переплыть каналы или углубиться в болота, где могут ждать челюсти тарларионов и акул? Мы обязаны дать полный отчёт о своих действиях, куда и зачем мы идём любому свободному человеку, пожелавшему спросить нас. Прежде чем покинуть дом, мы должны спросить разрешения у свободного человека и предоставить объяснение причин для этого, а также сообщить ожидаемое время возвращения. Фактически, время возвращения зачастую определяет рабовладелец. Нам не разрешают без сопровождения покидать дом или оставаться на улице после наступления темноты. Впрочем, в любом случае, сомнительно, что кто-то сможет покинуть стены дома, цепи, держащие нас прикованными к подножию ложа хозяина,

проследят за этим. Нам редко разрешают выходить за стены города, если только не в сопровождении наших владельцев, или кого-то им делегированного.

Я снова посмотрела вниз, на гладь тянувшегося слева от меня канала, и с содроганием вспомнила появившийся на мгновение, бесшумно разрезавший воду и исчезнувший серый треугольник высокого плавника.

Будучи рабыней, я был неспособна как-то изменить свой статус, неважно, насколько я могла бы хотеть сделать это. Я была совершенно беспомощна. Моё желание было ничем. Я отлично сознавала, что моя неволя, как и неволя всех других подобных мне кейджер, была абсолютна и необратима. У гореанской рабской девки нет ни единого шанса на побег, это всем известный и очевидный факт. Мы заметно одеты, если одеты вообще. Мы отмечены клеймом. Наши шеи окружает ошейник. Нет такого места на Горе, куда мы могли бы бежать, где мы могли бы спрятаться. Мы — товар. Культура желает, чтобы мы были рабынями, и она проследит, чтобы мы оставались таковыми. Кто захочет быть возвращённой прежнему хозяину для заслуженного наказания? А ведь именно это почти неизменно ожидает беглянку. И точно так же, кому захочется попасть в руки нового рабовладельца, от которого не знаешь чего ожидать, но который, знает, что имеет дело с беглянкой и, несомненно, позаботится, чтобы её рабство имело намного больше ограничений и жестокостей, чем то, из которого она сбежала? Горе той женщине, которую, поймав, решили оставить себе, или тайно продали как беглянку!

Как далеко занесло меня от моей прежней жизни. Какой беспомощной я была здесь!

— Хо, Зия! — услышала я мужской голос.

Я уже давно чувствовала запах свежееиспечённого хлеба. Собственно, почти весь хлеб на Горе свежееиспечённый, поскольку пекут его часто. На Горе просто нет способов упаковки для транспортировки на дальние расстояния и длительного хранения. Фактически, хлеб зачастую съедают вскоре после того, как его достают из печи. На моей прежней планете я никогда не пробовала свежееиспечённого хлеба. Только на Горе, став той, кто я есть, я узнала этот чудесный вкус. Обычный гореанский хлеб — плоский круглый каравай, который чаще всего делят на четыре или восемь сегментов.

— Господин! — радостно улыбаясь, воскликнула я и, обернувшись, немедленно опустилась на колени.

Это был Леандер из касты Пекарей.

Поскольку я часто гуляла по этому маршруту, если не каждый день, то раз в два или три дня точно, то я знал некоторых владельцев магазинов, как в лицо, так и по именам. Иногда они меня подзывали к своим ногам и интересовались относительно того, какие новости были актуальны в городе. Таверны, наряду с

рынками, являются тем местом, где происходит обмен различными слухами, сплетнями и фактами, где можно получить как информацию, так и дезинформацию, ну а паговые девки, по умолчанию, если можно так выразиться, вероятно, являются одними из лучше всех информированных источников слухов и сплетен, информации и дезинформации в городе. Они любопытны и много слышат, и они часто болтают друг с дружкой, делясь тем, что удалось подслушать, и, я подозреваю, зачастую гораздо больше, чем они реально услышали. Гореане, как свободные, так и рабы, жадны до новостей, но каналы их получения для населения в целом весьма ограничены. На Горе нет ничего подобного земной почте и прессе, а сведения, доставляемые случайными путешественниками или оплачиваемыми осведомителями, зачастую оказываются ненадежными и устаревшими. На то, чтобы новость о некоем важном событии в Шенди или далёкой Турии достигли Кассау или Ханжера, Порт-Кара или даже Коса и Тироса, могут уйти месяцы. И когда эта новость достигает таверн и рынков, скорее всего, это будет уже не она, а лишь неполные и сильно искаженные пересказы, прошедшие, если можно так выразиться, через множество рук, и часто основанные, в конечном итоге, боюсь, на рассказах торговцев и моряков, возможно, изложенных под парами паги. Доступ к местным новостям, конечно, будет более быстрым, если не более точным.

И вот, стоя на коленях перед Леандером и не теряя надежды получить кусочек хлеба, а если повезёт сладкую булочку, я передала ему последние сплетни и слухи, рассказала о самых свежих скандалах и историях, циркулировавших среди посетителей Золотой Цепи. Став рабыней, женщина становится чрезвычайно внимательной к капризам, выражениям лица, тонким реакциям и другим нюансам поведения свободных людей, соответственно, я уделила особое внимание тем пунктам, которые, как я ощутила, особенно порадовали Господина Леандера, а также тем, которые, как я помнила или подозревала, могли бы быть ему особенно интересны. Правда, признаюсь, я бесстыдно домыслила и приукрасила их. Я сочла, что получилось это у меня неплохо, и мои усилия вполне заслуживали вознаграждения.

— Складно Ты болтаешь, — хмыкнул Пекарь.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я, не сказать, что полностью довольная его реакцией.

Затем он спросил меня, как он всегда это делал, не было ли новостей о Талене из Ара.

— Как обычно, очень мало определённого, Господин, — развела я руками. — Я слышала, что её видели на Таборе и на Ананго, в Бази и в долине Уа, и даже в далеком Сьерне. Также, ходят слухи, что её изловила дюжина охотников за головами, но они, мол, не спешат объявлять о своей удаче, предпочитая держать

её поимку в секрете, чтобы её не отбили у них, прежде чем они смогут доставить свою добычу в Ар. И ещё говорят, что четыре охотника за головами уже приводили в Ар разных женщин, утверждая, что это была Талена. Но я также слышала, что она находится на Косе, в безопасности, под защитой великого Луриуса из Джада.

— Это возможно, — сказал Леандер. — Она очень активно поддержала политику Коса и Тироса во время Бедствия Ара.

Я не могу похвастать, что хорошо разбиралась в политике Гора, да и о таинственной и печально известной Талене мне было известно очень немного. Судя по всему, она предала свой Домашний Камень, вместе с другими тайно замыслив, спланировав и организовав падение Ара, большого города в средних широтах северного полушария Гора, далеко на юго-восток от Порт-Кара. Произошло это в тот момент, когда Марленус, Убар города, отсутствовал. На какое-то время она стала правительницей Ара, жестокой и высокомерной, по сути, оставаясь не более чем марионеткой в руках Коса и Тироса. Это было время тирании, эксплуатации, страданий и неуверенности, страха и лишений, предательства и спекуляций. Затем, каким-то образом, в городе снова появилась фигура Марленуса, и народ поднялся, яростный и дикий, переполненный нетерпеливым желанием возмездия.

В те дни ужаса и крови, восставшие горожане, многочисленные, но вооружённые иногда не больше, чем заострёнными палками, дубинами, шестами, факелами и камнями, выковырянными из мостовой, разбили и вынудили бежать из города оккупационные войска. Победившие горожане жаждали крови и мести. Были опубликованы списки проскрипций. Начались поиски спекулянтов, предателей и коллаборационистов. Однако во время беспорядков и хаоса, сопровождавших восстание, закончившееся реставрацией Марленуса, Талена и некоторые другие высокопоставленные предатели успели скрыться из города. Говорят, что за её поимку было назначено вознаграждение в десять тысяч золотых тарнов двойного веса. Такой суммы, насколько я поняла, хватило бы, чтобы купить целый город, возможно, даже не один.

Повторюсь, о Талене я знала очень мало, можно сказать, что ничего, но я подозревала, что большинство гореан знали о ней немногим больше меня. Предположительно она была дочерью Марленуса, того самого Убара Ара, собственно, именно этот факт, несомненно, облегчил ей дорогу к трону в его отсутствие. Также говорили, что она была самой красивой женщиной Гора, но, я уверена, это звание с ней могли бы разделить десятки дочерей Убаров и Администраторов в десятках городов всюду на Горе. Разве может быть так, что дочерей Убаров и правителей не сочли бы самыми красивыми женщинами Гора? Иначе просто быть не могло. Кто, в здравом уме и твёрдой памяти, окажется достаточно смелым, или достаточно глупым, чтобы бросить вызов такому

торжественному заявлению, особенно в присутствии Убара или Администратора, или даже просто в стенах рассматриваемого города? Кто-то сомневается, что такое предположение, рано или поздно, не сможет достичь коридоров дворца? Безусловно, я была готова предположить, что эта Талена, действительно, могла бы быть чрезвычайно красивой женщиной. В бытность мою на моей прежней планете, я всегда считала себя чрезвычайно привлекательной женщиной, но оказавшись на Горе, я, к своему разочарованию, обнаружила, что в моей красоте не было ничего необычного, особенно среди рабынь. Свободные женщины, в своём редкостном высокомерии, в своём неоправданном, непомерном и нелепом тщеславии, в своей, многими признаваемой глупости, обычно считают себя намного более красивыми, чем рабыни. Правда подтвердить или опровергнуть это мнение довольно трудно, даже если нужно было бы отнестись к нему всерьёз, учитывая обычно препятствующие оценке одежды сокрытия, слои вуалей и так далее. Также можно было бы отметить, что подавляющее большинство рабынь раньше были свободными женщинами. С какой стати, в таком случае, могло существовать такое отличие? Кроме того, очевидно, что ошейник необыкновенно увеличивает красоту женщины. Даже самая невзрачная женщина, оказавшись в ошейнике, становится интересной и привлекательной, вероятно, по крайней мере, частично, благодаря тому, что на это указывает её ошейник, как и на то, что с ней может быть сделано. Кроме того, чем красивее женщина, тем больше вероятность того, что на неё обратят внимание с точки зрения клейма и ошейника. Как бы то ни было, казалось очевидным, что Талена из Ара, ставшая объектом такого пристального интереса, несомненно, прежде всего, по причине назначенного за её поимку и возвращение в Ар вознаграждения, спряталась очень хорошо. Она могла находиться где угодно, в любом из сотен городов, отдаленных вилл или цитаделей, инкогнито, оставаясь неузнанной в одеждах сокрытия и многочисленных вуалях, приличествующих её высокому статусу свободной женщины.

— Ну ладно, красотка Зия, — сказал Господин Леандер, — теперь можешь встать и идти своей дорогой.

И он, повернувшись ко мне спиной, склонился над одной из печей своей пекарни.

— Господин? — расстроено протянула я, но мужчина, занятый своим делом, больше не обращал на меня внимания.

С колен я вставала с чувством глубокого разочарования. Я поспешила отвернуться, чтобы скрыть слёзы обиды, навернувшиеся на глаза. Однако не успела я сделать и пары шагов по Дороге Воров, как услышала его насмешливый голос.

— Эй, Зия, — окликнул он меня, и я обернулась с вновь вспыхнувшей надеждой.

— Господин? — спросила я, и увидела, как пекарь бросает в мою сторону булочку.

Угощение упало в нескольких футах от меня и ещё немного прокатилось по дороге.

Трудно описать мой восторг.

Я бросила быстрые, испуганные взгляды вправо и влево от себя, на восток и на запад вдоль набережной канала. Ни одной другой рабыни в поле зрения не было. Это был мой приз! И я поспешила к вожделенному угощению.

— Только сделай это, как та, кто Ты есть, бесполезная аппетитная шлюха! — с улыбкой потребовал мужчина.

— Да, Господин, — откликнулась я, опускаясь на четвереньки и опуская голову.

Стоя на четвереньках трудно забыть о том, что ты — животное, и, конечно, очевидно, что на четвереньках невозможно использовать руки.

Нам редко позволяют забыть о том, что мы — рабыни. Таково желание наших владельцев.

Через мгновение я стояла над подарком.

— Ещё нет, — остановил меня он, и я замерла в напряжённом ожидании.

Чем дольше я оставалась неподвижной, тем большее беспокойство меня охватывало.

— Можно, — разрешил пекарь.

Я немедленно опустила голову и вцепилась зубами в угощение, не обращая внимания на его смех.

Мне понадобилось всего несколько мгновений и несколько укусов, чтобы, придерживая булочку губами к мостовой, покончить с лакомством, ещё тёплым и свежим.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я, подняв голову.

Но он уже снова стоял спиной ко мне. Это указывало на то, что мною больше не интересовались, и я могла встать. Что я и сделала.

Дальше на набережной было ещё немало магазинов и мастерских, и среди них имелось что-то вроде книжного магазина, где можно было купить или взять в аренду те или иные свитки.

Конечно, по-гореански читать я не умела. Рабынь в большинстве случаев предпочитают держать неграмотными. Исключением из этого правила, вероятно, являются только рабыни писцов, но почему, я не знаю. Возможно, писцы хотят, чтобы их рабыни были особенными, или могли бы быть в состоянии так или иначе помочь своим хозяевам. Кроме того, если они захотят избавиться от неё, грамотность, вероятно, может повысить её рыночную стоимость. Я бы не исключала также, что они просто расценивают умение читать как нечто очень драгоценное, и хотят разделить его с другими, пусть и с бессмысленными рабынями. Впрочем, те из рабынь, которые прежде были свободными женщинами высших каст, вероятно, будут обучены грамоте.

Я всё ещё наслаждалась вкусом булочки, остававшимся во рту.

Я подозревала, что Адрасте могла бы уметь читать.

Она мнила себя самой красивой, всегда смотрела на остальных девушек свысока! Возможно, она, действительно, была грамотной. Предположим, что это так, как и то, что когда-то она была представительницей одной из высших каст. И какое это имело значение теперь? Она больше не имела никакого отношения к высшим кастам. Её шею теперь окружал ошейник. Он был заперт там, точно так же, как мой. Гордячка Адрасте теперь была не больше, чем рабыней, ничем не лучше меня.

Впрочем, я быстро выкинула надменную, высокомерную Адрасте из своих мыслей. Во мне вдруг вспыхнул внезапный гнев. Мне пришлось стоять на коленях перед Леандером из Порт-Кара, простым пекарем. Мало того, я изо всех сил пыталась подольститься к нему, в надежде получить подачку. Я боялась, что могу остаться без угощения. А когда я, разочарованная, уходила, он окликнул меня и бросил булку прямо на землю. А как я спешила к этому всего лишь куску хлеба, с каким ликованием и радостью. И это притом, что я даже не могла прикоснуться к нему, пока не получу разрешения. А когда получила это разрешение, то была вынуждена есть его, не пользуясь руками, как какое-то животное в ошейнике!

Я резко сместилась влево, почти к самому краю прохода и как можно ниже опустила голову. Навстречу мне шла свободная женщина, с пояса которой свисал хлыст.

Почему им так нравится унижать нас, ставить на колени и стегать нас по шее, рукам и икрам? Ведь зачастую они нас даже не знают!

Насколько беспомощны мы, рабыни, в их присутствии, полуголые, уязвимые, не имеющие права оказать сопротивление, обязанные безропотно, без малейшего колебания или протеста принять и вынести их издевательства.

Затем я разминулась с двумя свободными мужчинами. На этот раз я шла, не опуская головы, устремив взгляд прямо перед собой. Я очень хорошо знала, что меня оценивают, как та, кем я была, как товар, как самку.

И всё же, разве женщину, как рабыню, так и свободную, не волнуют любопытные, восхищённый, оценивающие взгляды красивого, сильного мужчины, который, к тому же, однажды может оказаться её владельцем?

Двойственные эмоции бушевали во мне, волнение и гнев, радость и тепло, стыд и унижение, гордость и отчаяние!

Как смеют эти монстры, считая само собой разумеющимся, легко и непринуждённо, просто и без сомнений утверждать и приводить в жизнь полномочия своей природы? Почему их общество не унижает их, не пытается им навредить, не закуёт их в кандалы запретов и правил? Почему их общество не

запрещает им быть самими собой, не наложит на них чуждые неестественные идеалы, не заставит служить своим собственным целям?

Но, возможно, биология вовсе не должна быть противопоставлением счастью.

Я знала то, что я, предположительно, должна была чувствовать и как думать на своей прежней планете. Не тому ли меня так долго учили? Почему же тогда я не чувствовала этого и не думала так, как от меня требовалось?

Насколько же в таком случае эффективны, могут быть попытки обмануть природу? Что может стать тестом на правду, если не её последствия?

Однажды осенью, заснув в своей постели, на моей прежней планете, ни о чём не подозревая, ничего не зная, проснулась я уже в гореанской клетке, голой и с цепями на руках, ногах и шее, чтобы вскоре найти себя в полной власти мужчин. Я не знала и даже не подозревала, что такие мужчины могли существовать, за исключением разве что в моих снах и фантазиях.

В то время я даже представить себе не могла, что будет со мной сделано.

Вскоре мне предстояло это узнать.

Я была отобрана, чтобы быть гореанской рабыней.

Я снова опустила голову, заметив идущую навстречу ещё одну свободную женщину.

Так ли я отличалась от неё?

Уберите её дорогие, яркие, великолепные одежды и вуали, до последнего лоскутка, до последней нити, заклейте её, наденьте ошейник и владейте ею! Разве в этом случае мы не были бы тем же самым, ничем, всего лишь рабынями? Тем не менее, в данный момент нас, рабыню и свободную женщину, разделяла огромная социальная пропасть, по сравнению с которой океаны и континенты, небеса и земли — это сущая мелочь!

Я шла по набережной. Я была одета в тунику, мою шею окружал ошейник, моё бедро было отмечено клеймом.

Я чувствовала, как встречный ветер прижимал ткань туники к моему телу.

Я предположила, что мужчинам, этим монстрам, это понравилось бы.

Но я не возражала.

Скорее это меня возбуждало.

Но затем я снова почувствовала раздражение.

Какое право имели мужчины, спрашивала я себя, поработать нас, раздевать и клеймить, надевать на нас ошейники, наряжать нас в крошечные, откровенные туники, если вообще позволять нам носить эти туники, не имеющие закрытия снизу, показывающие нас как собственность, как товар? И тогда я сама ответила себе на свой собственный вопрос: по праву природы, по праву мужчин, по праву хозяев.

Леандер бросил мне булочку, и я съела его подачку, нетерпеливо, как животное. Часть меня была, когда я поднялась, пылала гневом, я страдала от унижения. Но другая часть, и мне трудно было об этом забыть, когда я стояла на четвереньках, была переполнена теплом, удовлетворением и благодарностью. Как правильно и прекрасно было, казалось это для меня, питаться вот так, как та, кем я была, как рабыня. Разве собака не благодарна за то, что её кормят как собаку? Почему в таком случае рабыня не должна быть благодарна за то, что её накормили как рабыню?

Вдруг я снова рассердилась.

Навстречу мне шёл свободный мужчина.

Я, не опуская глаз, смотрела прямо перед собой.

Моя туника мало что скрыла, зато мой ошейник говорил очень о многом.

Внезапно я остановилась, замерла как вкопанная. Я была поражена, у меня перехватило дыхание. Я с трудом втягивала в себя воздух. Голова закружилась, и я испугалась, что ещё немного и упаду в обморок. Я отступила к стене, тянувшейся справа от меня, подальше от канала, чтобы не упасть туда. Я изо всех сил пыталась удержаться в сознании.

Этого просто не могло быть!

Впереди, в нескольких ярдах от меня, около выставленного на улицу перед канцелярским магазином контейнера со свитками дешёвой ренсовой бумаги, стояли и беседовали двое мужчин, одетых в простые уличные одежды. Один из них держал в руках частично перемотанный свиток, шпиндели или оси которого, не имели шишечек по бокам, не были украшены или инкрустированы, в общем, представляли собой обычные деревянные палочки, даже не лакированные, с одной из которых свисала белая лента. На этой ленте, я предположила, было написано название свитка. Цвет ленты может быть самым разным в зависимости от того или иного соображения, как правило, от запрашиваемой за свиток начальной цены, с которой обычно начинается торг. Свитки с пурпурными лентами, как я узнала за время своих прежних прогулок, обычно держат за прилавком, на этажерках у стены, или в нишах специального шкафа.

Один из беседовавших мужчин, тот, который держал свиток, быстро перемотал свиток на начало, и с улыбкой сожаления бросил его в контейнер к остальным.

— Это подделка, — заявил он. — Это не может быть творчеством Тиуса из Цитиума.

— Я тоже так думаю, — поддержал его другой.

— Не стоит гоняться за дешёвым товаром, — усмехнулся первый. — Низкая цена — повод насторожиться.

— В большинстве случаев, конечно, — согласился второй, после чего первый, пожелав ему удачи, отправился по своим делам.

Его собеседник ещё некоторое время провожал его взглядом.

Мне было тяжело дышать. Я чувствовала, что мне не хватало воздуха. Я задышалась.

Я не хотела упасть в обморок.

Слабость в ногах была такая, что я испугалась, что ещё немного, и они перестанут меня держать.

Это всё из-за того мужчины, который задержался у контейнера со свитками!

Я уже видела его раньше.

Я была уверена в этом!

Причём я видела его не здесь, не на этой планете. У меня не было сомнений, что мы встречались на моём прежнем мире. В первый раз я увидела его на одной вечеринке, проводившейся в каком-то ресторане или кафе. Я хорошо помнила, как нас официально представили друг другу на том приёме. Его звали, я это хорошо запомнила, Стил, Аддисон Стил. Его имя, «Аддисон», показалось мне тогда несколько необычным, странным, или даже вычурным. Возможно, именно поэтому я его и запомнила. А может, причина моей хорошей памяти была в том, что он заставил меня почувствовать себя неловко. В его присутствии я чувствовала непонятную тревогу. Раздражение. Конечно, я не была знакома с ним близко. Кто захотел бы близкого знакомства с таким человеком? Я предположила, что ему было тридцать с небольшим. Это был высокий, хорошо сложенный, темноглазый брюнет. Одет он тогда был несколько небрежно, синяя куртка, слаксы и синяя же рубашка, с расстегнутыми верхними пуговицами, открывавшая шею и часть груди. Насколько иначе он выглядел здесь, в свободной уличной одежде и сандалиях, на набережной, на фоне совершенно иной реальности — стен, канала, неба. На той вечеринке, едва меня с ним познакомили, я решила пофлиртовать с ним. Я так часто это делала, что у меня уже вошло в привычку, после знакомства с новым мужчиной развлекать себя этим. Тем более что у меня никогда не возникало сложностей с этим, очаровательно улыбнуться, повернуться так, чтобы выставить себя в выгодном свете, послать восхищённый, заинтересованный взгляд и так далее. Так можно привлечь к себе внимание, вызвать интерес, а потом получить приглашение на свидание и подарки. Когда ты привлекательна, с этим не будет проблем. А я была привлекательна. Он был вежлив и улыбался, но был холоден и отстранён, возможно, будучи занятым на этот вечер. Казалось, он смотрел мимо меня. Казалось, его больше привлекали другие. Неужели он находил других интереснее или привлекательнее меня? Мне в это верилось с трудом. Конечно, я не привыкла к тому, чтобы меня не замечали, игнорировали или отвергали. Тот факт, что это было сделано предельно вежливо и любезно, ничуть не уменьшал моего раздражения. Я к такому отношению не привыкла. Вниманием я была избалована, приглашения на свидания я получала часто, и составлявшие мне

компанию мужчины были неизменно обходительны, внимательны и щедры, часто на грани необдуманной и неоправданной расточительности, о которой впоследствии, несомненно, они будут остро сожалеть. Меня дико раздражало, что этот мой новый знакомый, которого мне представили как мистера Аддисона Стила, не только остался равнодушен к моему очарованию, по крайней мере, внешне, но и, фактически, дал мне понять, что я ему безразлична. Он лишь однажды окинул меня пристальным взглядом, после чего, по-видимому, составив для себя некоторое мнение, улыбнулся и, отвернувшись, вернулся к разговору с другими. Сначала я была озадачена, потом обеспокоена и, наконец, раздражена. Конечно, мой наряд был безупречен, подобран со вкусом и тщательно продуман, короткое чёрное вечернее платье сидело идеально, подчеркнутое ниткой жемчуга. Ансамбль, несмотря на кажущуюся простоту, был роскошным и изящным. Раздражённая и несколько опасаящаяся за свою внешность, я, постаравшись сделать это незаметно, улизнула из зала, чтобы посетить туалетную комнату и осмотреть мой наряд, причёску и косметику. Некоторое время спустя, удовлетворённая увиденным и убедившаяся в отсутствии каких-либо изъянов, я вернулась на вечеринку и, время от времени, старалась как бы невзначай оказываться около мистера Стила, который, хотя и, то улыбкой, то лёгким поклоном, давал мне понять, что заметил моё присутствие, казалось, в целом, не обращал на меня никакого внимания. Его суждения по различным вопросам, когда он их считал нужным огласить, казались необычными и неортодоксальными, если не сказать неправильными и парадоксальными. Рискну предположить, что в любой группе людей, в любом обществе имеются различные постулаты, ценности и взгляды, которые, как ожидается, будут разделяться и приниматься всеми членами этой группы или общества без критики и без сомнений. Разве не это объединяет отдельных индивидуумов в толпу или стадо, связывает их друг с другом? Правда, как я подозреваю, сложна и неочевидна. В отличие от идеологии, которая, в свою очередь, проста и понятна. Таким образом, неудивительно, что её часто предпочитают правде. В целом, однако, он говорил редко, скорее он слушал то, что говорили другие и, по-видимому, очень внимательно. Немногие, я полагаю, умеют слушать, потому что это трудно, когда говоришь сам. У меня было ощущение, что он тщательно обдумывал то, что он говорил и когда он говорил, несмотря на тривиальную, весёлую атмосферу вечеринки, весьма характерную для таких собраний. Иногда он, фактически, отворачивался от меня, хотя и делал это довольно вежливо. Позже, время от времени, мне случалось встречать его, то здесь, то там, но мы ни разу толком не говорили, за исключением обмена приветствиями и дежурными шутками. Он ни разу не попросил у меня номер телефона, не пригласил на свидание, в котором я планировала ему отказать. Это выглядело так, что он не столько не знал о моём существовании, сколько,

признавая моё существование, не находил его сколь-нибудь стоящим внимания. Я решила, что буду его ненавидеть. Этот мужчина внушал мне тревогу. В конечном итоге, я выбросила его из своей головы, чему способствовало то, что я больше не видела его. Ни разу за последующие несколько месяцев, перед тем как я была похищена из моего прежнего мира и переправлена на Гор.

И вот теперь, каким бы невероятным это не выглядело, я встретила его здесь на этой свежей, зелёной, грубой, странной, неиспорченной, красивой планете!

Или это был не он?

Как он мог здесь оказаться?

Конечно, это не мог быть он.

Как он мог быть здесь? Это должен быть кто-то другой, тот, кто в силу некоторого странного совпадения, напомнил мне о нём.

Я отступила ещё на пару шагов, почти касаясь спиной стены.

Да нет же, это был он!

Я была уверена в этом!

Он одёрнул свою одежду, поправил сумку, висевшую на его плече и, очевидно, приготовился покинуть магазин, торговавший свитками.

— Аддисон! — крикнула я, срываясь с места. — Аддисон! Аддисон Стил!

Он обернулся, явно поражённый.

Я отчаянно спешила к нему.

— Мы знакомы! — кричала я. — Мы были знакомы на Земле! На Земле! Я знаю вас! Вы знаете меня! Земля! Земля!

Он был здесь, на Горе! На нём была одежда свободного! Он должен был узнать меня! У него должны быть связи, знакомства, власть! Он должен был освободить меня! Он мог спасти меня! Он должен был спасти меня! Я буду избавлена от ужасного, унижительного рабства! Он обязан освободить меня от бедствий бескомпромиссной и тотальной неволи! Он должен освободить меня и вернуть на Землю, свободной женщиной, а не уязвимой, беспомощной рабыней в ошейнике, в полной власти того, кто мог бы мною владеть!

Я резко остановилась, рефлекторно продолжая тянуть к нему в жалобной мольбе свои руки на него.

Он недоверчиво разглядывал меня.

— Аддисон, Аддисон Стил! — воскликнула я. — Конечно же, Вы помните меня! Неужели, Вы не узнаете меня? Как Вы можете не узнать меня, мистер Стил?

Внезапно я почувствовала холодный, липкий страх, сковавший мои конечности.

Я начала дрожать.

Мои колени начали подгибаться от слабости.

Я, некогда женщина Земли, теперь была на Горе, на набережной Порт-Кара, рабыней, полуголой в своей крошечной полупрозрачной тунике и запертом ошейнике, и смотрела в глаза гореанского рабовладельца.

— А ну, шлюха в ошейнике, — прорычал он, — на коленях! Голову вниз! Целуй мои ноги! Как Ты посмела произнести имя свободного мужчины? Ты, простая рабыня? Я узнала его голос! Это действительно был он, Аддисон Стил! Но как он отличался от того Аддисона Стила, которого я знала! Точнее, думала, что знаю.

Я рухнула перед ним на колени и, дрожа от страха, опустила голову и прижалась губами к его обутым в сандалии ногам.

Он молчал, и я принялась целовать и облизывать его ноги. Я продолжала делать это в течение некоторого времени. Наконец, спустя две или три минуты, не поднимая головы, не осмеливаясь поднять головы, я прошептала:

— Могу ли я поднять на вас глаза?

— Сделай это, рабыня, — хмыкнул он.

— Взгляните на меня! — попросила я. — Я перед вами, стою на коленях, полуголая, заброшенная в чужой мир, беспомощная рабыня в ошейнике! Конечно же, Вы не можете не испытать ко мне сочувствия! Конечно, Вы жалеете меня!

— Ничуть, — усмехнулся мой старый знакомый. — Ты теперь на своём месте, на том, которому Ты принадлежишь.

— Нет! — всхлипнула я.

— Ты была язвительной стервой, — заявил Аддисон Стил. — Теперь Ты там, где тебе надлежит быть, на коленях, бессмысленная собственность мужчин.

— Пожалейте меня! — взмолилась я.

— Ты этого не стоишь, — презрительно бросил он.

— Булыжники очень тверды под моими коленями, — пожаловалась я. — Могу ли я встать.

— Оставайся, как есть, — не позволил мне он.

И я осталась, как была, стоять коленями на твёрдых, шершавых камнях.

Как беспомощны рабыни!

— Тебя звали Маргарет Хендерсон, — припомнил он.

— Да, — нетерпеливо закивала головой я, — да, да!

— Больше нет, — отрезал мужчина.

Я стояла перед ним на коленях, как и положено рабыне послушной воле свободного человека. Моё тело дрожало, слёзы стекали по моим щекам.

— Какой кличкой называли тебя здесь? — поинтересовался Аддисон Стил.

— Зия, — ответила я. — Зия.

— Тогда теперь Ты — Зия, только Зия, — констатировал он, — до тех пор, пока хозяева не решат наложить на тебя другую кличку.

— Да, Господин, — вздохнула я.

И тогда он посмотрел на меня так, как рабовладелец смотрит на одну из таких как я, как на рабыню.

— Ты краснеешь, — заметил мой старый знакомый.

— Простите меня, Господин, — пролепетала я.

— На Земле, — продолжил он, — насколько я помню, Ты красила ногти на руках, и, несомненно, рискну предположить, на ногах тоже.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Теперь они не окрашены, — прокомментировал Аддисон Стил.

— Их очистили ещё в том доме, куда меня отправили для обучения, — сообщила я.

— Если бы твои волосы были окрашены, — продолжил он, — тебе бы ещё и голову обрили. Гореане предпочитают натуральных женщин, полностью так сказать, рабски обнажённых. Если бы какому-то работоторговцу пришло в голову продавать свой товар в неестественном виде, его могла бы растерзать толпа, а его дом предать огню.

— Но я видела рабынь с помадой и тенями для век, — вспомнила я.

— Но в таком виде их не выставляли на продажу, — сказал мужчина, и я вынуждена была согласиться с его доводом. — Когда нам случалось видаться на Земле, между делом я задавался вопросом, каково было бы владеть тобой. Теперь у меня появился шанс узнать это. Таверна по соседству. Если мне не понравится, плеть заставит тебя пожалеть.

— Что Вы собираетесь сделать? — не удержалась от вопроса я, шокированная его заявлением, не веря своим ушам.

— Всё, что захочу, — ухмыльнулся мой старый знакомый.

— Я не понимаю, — пролепетала я.

— Мы не Земле, — намекнул он.

— Я не понимаю, — вздрогнула я.

— Ты действительно насколько глупа, — осведомился Аддисон Стил, — или просто притворяешься?

— Я не понимаю, — как заведённая повторила я.

— Мы проверим, хорошо ли Ты подмахиваешь, пищишь, вскрикиваешь, просишь и стонешь, — заявил он.

— Нет, — отпрянула я.

— Для чего ещё хороши мелкие, мелочные шлюхи вроде тебя? — спросил он.

— Пощадите! — взмолилась я.

— Сними-ка с себя одежду, — потребовал мужчина, — какой бы тряпкой она ни была, но она мешает увидеть тебя полностью.

— Но не здесь же, — вспыхнула я, — не на улице!

— Живо, — угрожающе процедил он.

Я быстро стянула тунику через голову и, сжав её в кулаке, посмотрела на него и сказала:

— Я перед вами. Теперь я обнажена, выставлена напоказ и крайне беспомощна!

— Не бери в голову, — сказал Аддисон Стил. — Ты — животное, собственность.

— Как Вы можете думать обо мне так? — не поверила я своим ушам.

— Легко, — усмехнулся он.

— Вы откровенно разглядываете меня, — возмутилась я. — Оценивающе!

— Твои прелести во многом совпадают с тем, что я предугадал, — заявил мужчина.

— Мы же оба с Земли! — ошеломлённо напомнила я.

— На ноги, — резко бросил он, и я немедленно встала. — Твоя шея хорошо выглядит в ошейнике.

— Пожалуйста! — простонала я.

— Я был уверен, что так и будет, — кивнул Аддисон Стил.

— Пожалуйста! — повторила я.

— Да, нам стоит проверить, как Ты подмахиваешь, — хмыкнул он и добавил: — В цепях.

— Нет! — вскрикнула я.

— В цепях все женщины хорошо подмахивают, — заявил Аддисон Стил. — А рабыни вроде тебя, безусловно, подмахивают лучше всех. В противном случае плетью должна заняться их исправлением.

— Но мы же были знакомы! — воскликнула я.

— Не близко, — отмахнулся он.

— Вспомните Землю! — взмолилась я.

— Мы на Горе, — напомнил мне мой старый знакомый.

Слёзы обиды и оскорблённого достоинства неудержимо покатались по моим щекам.

— Видишь вон там, — указал Аддисон, — в сотне или около того шагов впереди знак таверны?

— Да, Господин, — со стоном ответила я.

— Это — Плеть и Цепь, — сообщил он. — Ты знаешь, что это за место?

— Да, — содрогнулась я. — Это — одна из самых низкопробных таверн. Я много раз проходила мимо, и всегда прибавляла шаг, едва отваживаясь смотреть в её сторону.

— Подозреваю, Ты всё же смотрела в ту сторону, — усмехнулся мой собеседник.

— И даже пыталась заглянуть внутрь, не так ли?

— Там мало что можно рассмотреть, — проговорила я, — через двери почти ничего не видно.

— Ага, значит, тебе было любопытно знать, что могло бы происходить в такой таверне, — заключил он.

— Нет! — отпрянула я.

— Врёшь, — насмешливо произнёс мужчина, заставив меня задрожать от испуга. Это свободная женщина может лгать безнаказанно, в отличие от неё для рабской девки это закончится плетью.

— Пожалуйста, будьте снисходительны, — простонала я.

— Ты — рабыня, — констатировал он.

— Да, Господин, — подтвердила я, уже успевшая хорошо узнать, как можно было обращаться с рабынями.

— Итак, тебе было любопытно, — подытожил Аддисон и, не дождавшись моего ответа, уточнил: — Не так ли?

— Возможно, — осторожно ответила я.

— «Возможно»? — с нажимом переспросил он.

— Да, Господин, — не на шутку испугавшись, признала я. — Мне было любопытно. Я уже боялась вызывать его недовольство. Он был свободен, а я — рабыня.

— Теперь, — хмыкнул мужчина, — у тебя появился шанс узнать это.

— Пожалуйста, нет, Господин, — прошептала я.

Над дверями указанной таверны висел деревянным щит, на котором были грубо намалёваны, как и следовало ожидать, плеть и цепь.

— Когда мы подойдём к входу, — предупредил меня Аддисон, — Ты встанешь на четвереньки, и вползёшь внутрь. Там Ты поползёшь к тому алькову, который я для тебя укажу.

Как же так, спрашивала я себя. Ведь мы были знакомы на Земле!

— Да, Господин, — с горечью в голосе подтвердила я, что поняла его требование.

— Иди впереди меня, — велел он.

— Господин! — попыталась протестовать я.

— Думаю, мне понравится идти позади тебя, — заявил мой собеседник, — и я бы порекомендовал тебе идти так, чтобы я не был разочарован в своих ожиданиях.

— Я вам не принадлежу, — напомнила я. — Вы не мой владелец!

— Я и не собираюсь владеть тобой, — усмехнулся мужчина, — только обладать.

— Уверена, Вы это не всерьёз, — предположила я.

— Я испытаю тебя, — сообщил мне он, — как испытывают бессмысленный сексуальный объект. Ты и раньше была не больше, чем бессмысленным сексуальным объектом, так что то, что Ты теперь стала бесполезней рабыней, на что указывают клеймо на твоём бедре и ошейник на твоей шее, вполне заслуженно и на полностью законных основаниях.

— Нет! — всхлипнула я.

— Да, — заверил меня Аддисон Стил, — это — именно то, чем Ты должна была быть ещё на Земле, а теперь и будешь, много раз и во множестве мест.

— Пощадите, — взмолилась я.

— Давай не будем терять время, — отмахнулся от меня он, — у меня есть другие дела, которым надо уделить внимание.

— Я должна вернуться в Золотую Цепь до двенадцатого ана, — предупредила я.

— Ты — паговая шлюха из Золотой Цепи? — удивился мужчина.

— Да, я — паговая девушка из Золотой Цепи, — кивнула я.

— Мне в это с трудом верится, — покачал он головой. — В Золотой Цепи обычно держат девок получше.

— Некоторые мужчины, — обиженно отозвалась я, — находят меня очень привлекательной.

— Должна быть какая-то другая причина, по которой тебя туда взяли, — предположил он.

— Очень привлекательной, — повторила я.

— Ты ещё даже не начинала быть привлекательной, — заявил Аддисон.

— Я должна вернуться к двенадцатому ану, — напомнила я.

— Не бери в голову, — отмахнулся он. — Я не задержу тебя надолго. Мы закончим с тобой быстро. Ты не стоишь того, чтобы проводить с тобой время.

Сказать, что он меня разозлил, это ничего не сказать. Я была в ярости.

— Ты сердишься? — осведомился Аддисон Стил.

— Нет! — поспешила заверить его я.

— Малейшие признаки недовольства, колебаний, нежелания или неприязни со стороны рабыни может означать для неё плеть, — заметил мужчина.

— Я знаю, — кивнула я.

— Помнится, я приказал тебе идти впереди меня, — напомнил мне он.

— Да, Господин, — сказала я, чувствуя, что снова начинаю дрожать.

— Мне что, надо повторить команду? — осведомился мужчина.

— Не надо, Господин, — ответила я.

Повторение команды, зачастую, веская причина для наказания.

И я повернулась и пошла к таверне, сжимая тунику в кулаке правой руки. Аддисон Стил держался в нескольких шагах позади.

Он не стал спешить со мной, как обещал, и как я ожидала, но справился он со мной полностью и неоднократно. Вначале у меня были мысли, что могла бы отказать ему в удовольствии, симулируя инертность, но мою шею окружал рабский ошейник, а Гор проник в меня слишком глубоко. Вскоре в его руках, к его развлечению, я превратилась, как он и предполагал, в не больше, чем беспомощную, рыдающую, выпрашивающую ласки, сдавшуюся рабыню. Гореанские мужчины хорошо подготовили меня, задолго до встречи с ним. Когда

Аддисон Стил закончил со мной, он вложил мне в рот монету, всего лишь крошечный бит-тарск.

— Это для твоего хозяина, — прокомментировал мой старый знакомый на прощанье.

Вскоре после этого я с трудом поднялась, натянула тунику и покинула альков. Бит-тарска принадлежал не мне, а моему владельцу. Ему принадлежало всё, в том числе и я сама, и плата за моё использование.

Я вспомнила свои реакции. Насколько беспомощна рабыня, оказавшаяся в руках гореанского мужчины. Однажды побывав в их руках, легко понять, почему рабыня могла бы начать выпрашивать их ласки. Как легко было бы принадлежать такому мужчине. Как легко было для беспомощной рабыни, подчинённой и принадлежащей, влюбиться в такого мужчину, в одного из тысяч рабовладельцев. Я с горечью вспоминала, как я, лёжа у его ног, после того как он использовал меня для своего удовольствия ещё один раз, протянула к нему руку и со слезами на глазах попросила купить меня.

— Только рабыня может просить, чтобы её купили, — презрительно бросил стоящий надо мной мужчина.

— Да, Господин, — согласилась я. — Купите меня, Господин.

— Когда я впервые увидел тебя на Земле, — сказал Аддисон Стил, — Ты была эксплуатирующей слабаков стервой. И уже тогда, видя, как Ты ужинаешь с одним из них, я думал, что для тебя было бы куда более приемлемым ползать под столом на коленях, в ошейнике, голой, под ногами мужчин, надеясь, что они тебя покормят.

— Вы так плохо думаете обо мне? — спросила я.

— Ещё хуже, чем Ты можешь себе представить, — заверил меня он.

— Вы думали обо мне так, даже тогда?

— Конечно, — кивнул мужчина.

— Значит, Вы знали о Горе уже тогда? — озвучила логичное предположение я.

— Конечно, — усмехнулся Аддисон Стил. — Кто, как Ты думаешь, представил тебя, Ваша Никчёмность, на рассмотрение? Кто, как Ты думаешь, привлёк к тебе внимание покупателей? Кто, как Ты думаешь, предложил тебя в качестве бессмысленного аукционного мяса, всего, для чего Ты годилась?

Я ошарашенно уставилась на него.

— Да, — ответил он на мой безмолвный вопрос.

— Так, значит, это были Вы, — воскликнула я, — кто презирал и ненавидел меня настолько, что сделал это со мной! Это согласно вашему наущению и для вашей забавы, без моего согласия или знания, на меня обратили внимание работоторговцы и рабовладельцы! Это Вы несёте ответственность за то чрезвычайное, радикальное преобразование в моей жизни, за моё унижение в презренную

неволю, за выжженное клеймо и надетый ошейник, за то, что я теперь не больше чем собственность, вещь, товар, животное!

— Мой голос, конечно, имел значение, — признал виновник моего бедственного положения. — Но тебя должны были найти подходящей ещё несколько человек.

— Несомненно, — сердито буркнула я.

— Ты должна бы быть довольна, — хмыкнул он, — что большинство оценило тебя как приемлемую.

— Просто приемлемую? — поинтересовалась я.

— Великолепно приемлемую, — сказал Аддисон Стил. — Как и многих из других отобранных. У тебя были превосходные рабские реакции, причём даже до того как на тебя надели ошейник.

— О-о-о? — удивлённо протянула я.

— Впрочем, превосходные рабские реакции есть у всех женщин, — добавил мужчина, — просто некоторым, чтобы узнать об этом, сначала надо стать рабынями. Другие, такие как Ты, в глубине своего сердца, до той или иной степени, знают о том, что они уже — рабыни.

— Но как Вы могли узнать об этом? — спросила я.

— О чём? — не понял он.

— Об рабских реакциях, — прошептала я.

— За тобой наблюдали, тебя оценивали, — объяснил Аддисон Стил.

— Я не понимаю, — растерялась я.

— Возможно, Ты помнишь, — ухмыльнулся мужчина, — особенно яркий сон?

— Нет! — вздрогнула я.

— Вижу, что помнишь, — кивнул он.

Насколько уязвимы женщины!

— Возможно, Вы получили процент за свою находку? — не без насмешки полюбопытствовала я.

— Нет, — сказал мой собеседник, — у меня был личный интерес.

— Я понимаю, — проворчала я.

— К тому же, — добавил он, — ты не была столь уж красива.

— Я ненавижу вас! — прошипела я.

— Это естественно, — пожал он плечами.

— Купите меня! — попросила я. — Владейте мной! Я прошу вас сделать меня своей рабыней!

Именно после этого он присел около меня и вложил мне в рот бит-тарск. Затем он поднялся и, презрительно перекатив меня на бок пинком ноги, вышел из алькова. Перевернувшись на живот и подняв голову, я посмотрела ему вслед. Когда он исчез из виду, я ударила кулаком по покрытому мехами полу, сердито, бесполезно, разочарованно, потом снова и снова.

Его издевательский смех ещё долго звучал у меня в ушах.

Как хорошо я узнала в этот момент, что больше не была мисс Маргарет Хендерсон с Земли и никогда не буду ею снова. Отныне я была только Зией, животным, имуществом, гореанской рабыней.

— Ого, Зия, — рассмеялась встретившаяся мне Евфросиния, — кажется, тебя изнасиловали прямо на улице.

— В таверне, — насупилась я.

— Ну и как, Ты его не разочаровала? — осведомилась она.

— Ничуть, — ответила я, выплюнув на свою ладонь и продемонстрировав ей бит-тарск.

— Так и должно быть, — кивнула девушка. — Иначе тебя выпороли бы плетью.

— В этот раз обошлось, — улыбнулась я.

— Твоему хозяину даже заплатили за твоё использование, — сказала она.

— Конечно, — кивнула я.

— Было бы не слишком разумно держать этот бит-тарск слишком долго, — предупредила Евфросиния. — На твоём месте я бы поспешила к хозяину, встала бы на колени и, опустив голову, протянула бы ему монету и надеялась бы избежать плети за опоздание.

— Я так и сделаю, — заверила её я.

— А потом, — продолжила она, — беги в зал. Там настоящее столпотворение. Таверна переполнена. Пага льётся рекой, шторы большинства альковов задёрнуты и завязаны изнутри.

Я на мгновение замерла на месте в смущении и нерешительности.

Я пыталась осмыслить свои чувства. Когда на набережной я бежала к Господину Аддисону, это казалось понятным при тех обстоятельствах, ведь мы были знакомы на Земле. Такая встреча не могла не смутить. Конечно, я была поражена, изумлена и запутана. Когда я его увидела, меня захлестнули эмоции, в ушах зашумело. Во мне вновь вспыхнули давно потерянные надежды и ожидания, на мгновение всколыхнув во мне все старые стереотипы об отчаянии, страдании и позорности рабства, заставив мечтать об избавлении, спасении, освобождении и так далее. Конечно, в тот момент это казалось понятным. Разве такое поведение не было бы для меня ожидаемым? Но уже в следующий момент, почти немедленно, я увидела обманчивость моих надежд. Почти немедленно мои надежды сменились страхом того, что я могу лишиться всего и снова погрузиться в одиночество, отчуждение, бессмысленность, страдание и отчаяние свободы. Пусть свободные остаются свободными, а рабыни — рабынями. На Горе я нашла исполнение своих самых глубоких желаний, убеждений и потребностей, фактически, я нашла здесь саму себя. Я испугалась, что снова могу оказаться в тюрьме свободы, наложенной на меня, чуждой моей собственной природе.

Я вспоминала Аддисона Стила

Я вспоминала, как попросила сделать меня его рабыней.

Он отверг меня, но разве в этом было что-то необычное для рабыни?

Нас часто отвергают.

Мы — рабыни.

Я смахнула набежавшую слезу.

— Зия, — позвала меня Евфросиния, выводя из задумчивости.

— Уже бегу, — встрепелась я.

Я слышала гул толпы и переливы музыки, проникавшие в коридор из зала сквозь украшенный бисером кисейный занавес. В посыпанной песком танцевальной площадке сейчас должна была выступать Адрасте. Помощник тавернера, наверняка, стоял где-то поблизости, готовый использовать на ней свою плеть.

Стиснув бит-тарск в кулаке, я обернулась и поспешила вниз по лестнице к кабинету Хо-Тоска, владельца таверны и моего господина. Мне надо было встать перед ним на колени и, склонив голову, протянуть ему монету. И надеяться, что не буду избита за опоздание.

Глава 12

Капюшон

С

нашей встречи с Аддисоном Стиллом, свободным мужчиной, с которым я была знакома на Земле, прошло семь дней. Это было неожиданно и поразительно, столкнуться с ним на Горе, в Порт-Каре, на Дороге Воров. Он обманул мои ожидания и надежды, используя меня, беспомощную рабыню, для своего удовольствия.

Как отличался он мужчин Земли! Какой беспомощной я была в его руках, превратившись в не больше чем бесполезную, благодарную, отдающуюся рабыню!

Должна признать, я получила большое удовольствие.

А теперь позвольте мне ненадолго отступить от повествования и вкратце коснуться вопроса, который мог бы внести некоторую ясность в мою историю.

Моя жизнь на Земле никак не подготовила меня к встрече с типичным гореанским мужчиной, свободным от заложенных программ конфликта со своей природой, чувства вины и слабости, с неповреждённым, неуниженным мужчиной, открытым, нерафинированным, честным и прямым в своей непритворной, не подвергаемой сомнению, естественной животной мужественности, в своих самонадеянности, уверенности, силе и аппетитах. Я бы предположила, что он мог бы быть застенчивым или неловким в присутствии одной из тех высоких, экзальтированных гореанских свободных женщин, защищённых их статусом и общим Домашним Камнем, надменных, расчётливых и требовательных, но его отношение к рабыне, отмеченной клеймом и ошейником полуголой собственности, которую он может купить и продать, отличалось кардинально. Он знает, как и мы сами, что мы — животные для удовольствий. Это — простые двусторонние отношения, в которых одна сторона — рабовладелец, а другая — рабыня. Мы смотрим на себя, и понимаем себя с точки зрения этих отношений, и точно так же нас видят и понимают свободные мужчины. Я полагаю, что естественные отношениями мужчины и женщины должны быть именно такими, поскольку мужчины в них выглядят очень здоровыми и энергичными, и я, как минимум я, никогда не чувствовала себя столь живой, столь настоящей, столь значимой и энергичной, как теперь, нося ошейник. Насколько это великолепно — быть рабыней в руках

гореанского мужчины! Как я жалею бедных свободных женщин, никогда испытывавшим этого, поскольку у них нет ошейника. Неудивительно, что они нам так завидуют и так нас ненавидят. И неудивительно, что мы так боимся их!

Возвращаясь к моей истории, я была так уверена в своей точке зрения на мужчин Земли, что у меня даже на мгновение не возникло сомнения, что Аддисон Стил может отличаться от столь многих других, с которыми я была знакома на своей прежней планете. Увидев его на Дороге Воров, я приблизилась к нему так, словно он мог бы быть типичным земным мужчиной, заботливым, слабым, жалким и управляемым, и как же я была шокирована и напугана, когда оказалась стоящей на ногах под жестоким пристальным взглядом гореанского рабовладельца. Как быстро подкосились мои задрожавшие ноги, и я оказалась перед ним на коленях и, склонив голову, покорно принялась целовать и вылизывать его сандалии! Какой же надо было быть душой, чтобы посметь обращаться к нему не как к «Господину», а по его имени. Я посмела произнести имя свободного мужчины, испачкав его своими рабскими губами, наглость, граничащая с дерзостью или явным неповиновением!

Насколько строг он был со мной, и всё же настолько в некотором смысле снисходителен, ведь я даже не была избита. Возможно, он решил, что я, будучи рабыней недолго, ещё не успела полностью освоиться в своём ошейнике. Но как мало он знал о том, как отлично я изучила свой ошейник! Конечно, в алькове это стало для него достаточно очевидным! С каким удивлением он, должно быть, обнаружил, что гордая, тщеславная, высокомерная Маргарет Хендерсон, к которой на Земле он вполне обоснованно относился с пренебрежением, если не с презрением, теперь была не больше, чем униженной, попавшей в неволю к своим потребностям, гореанской рабыней. Но разве это не он привлёк ко мне внимание работоторговцев, тем самым выпустив скрытую во мне рабыню и отдав меня ей, той, кто была я сама! После той прогулки Аддисон Стил не покидал моих мыслей. Моё отношение к нему, мои эмоции, метались от полюса к полюсу, от горизонта к горизонту, от язвительного унижения, с которым он обращался со мной, с образованной и рафинированной женщиной Земли, когда-то его знакомой, а теперь полуголой презренной рабыней, отмеченной клеймом и носящей ошейник, до всепоглощающего, всеподавляющего страха перед его мужественностью, перед его законной властью надо мной, от гнева из-за его презрения ко мне, его доминирования надо мной, от того, как он обращался со мной, как будто я могла бы быть не больше, чем домашним животным, до рабского желания отдаться, пылать от потребностей и в слезах умолять о его прикосновениях. Я ненавидела Аддисона Стила. Я жаждала носить его ошейник.

Он ни разу не ударил меня, но у меня не было ни малейшего сомнения, что он сделает это, если я посмею вызвать у него хотя бы каплю раздражения.

Но как тело и сердце жившей во мне рабыни отозвались на его доминирование! Я ненавидела его и жаждала, чтобы он владел мною. Я ненавидела его и хотела быть его рабыней.

Я попросила его купить меня, чем прояснила ему, да и себе самой, кем я была.

Я лежала перед ним на животе и чувствовала его презрение.

Как хорошо он помог мне понять тот факт, что я была рабыней!

Он вложил мне в рот бит-тарск и вернул меня моему хозяину.

Как я ненавидела его, и как тяжело мне было его забыть!

Каждую ночь, выходя в зал таверны к клиентам, я боялась и надеялась увидеть среди них его. Я помнила его удивление, когда я сообщила ему, что служу в Золотой Цепи, очевидно, сочтя меня слишком простой для ранга и престижа этого заведения. Как мало он знал! Неужели он был настолько слеп к красоте? Я была уверена, что Хо-Тоск, решив он выставить меня на торги, смог бы получить за меня хорошую цену. Я гордилась своей неволей, и тем, что она говорила о моей привлекательности. Разве работоторговцы, признанные профессионалы в таких вопросах, не выбрали меня, включив меня в свои списки и отправив вместе с другими, как животных, которыми мы являлись, на рынки Гора?

Теперь я была рабыней в каждой клеточке моего тела.

Не потому ли я так часто ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин? Не потому ли так часто меня отправляли в альков?

— Займись делом, ленивая девка, — бросил Хозяин Чана, указывая в сторону одного из столов, — или я помечу твою шею.

Прежде чем запереть нас по клеткам, старшая рабыня осматривала наши шеи на предмет отметок о наказании. У кого она таковую находила, ту рабыню ждала плеть.

— Простите меня, Господин! — вскрикнула я и поспешила к указанному столу.

— Задержись, — остановил меня заместитель тавернера.

— Господин? — удивилась я, остановившись перед украшенной бусами кисеёй, уже готовая войти в зал.

Вместо меня в зал сквозь кисею проскользнула Евфросиния. Украшенные бусами пряди с негромким перестуком снова вернулись на своё место.

Заместитель тавернера меж тем слегка поправил мой ошейник. Когда мужчина снимает, осматривает или поправляет ошейник, рабыня обычно приподнимает подбородок, чтобы мужчине было легче и удобнее заниматься своим делом. Что интересно, в такие моменты с особой остротой осознаёшь тот факт, что носишь ошейник. Обычно ты о нём даже не думаешь или не замечаешь его, однако он всегда там, заперт на шее, вне зависимости от того, замечаем мы его присутствие или нет. Я была удивлена, его вниманием к моему ошейнику. Я сомневалась, что тот мог сидеть криво и нуждаться в каких-либо регулировках. Прежде чем выйти в

зал, мы осматриваем себя в ростовом зеркале, висящем в коридоре. Само собой, я именно так и поступила. Известно, что вид женщины в ошейнике сексуально стимулирует мужчину. Рискну предположить, что это вызвано тем, что ошейник предполагает, что данная женщина — сексуальное животное, желанный приз, который может принадлежать, и которым нужно обладать. В случае рабыни это, конечно, верно в буквальном смысле этого слова. Прикосновение его пальцев к моей шее заставило меня напрячься, и я почувствовала горячую волну, пробежавшую по моему телу. Какой же я была рабыней! И всё же я была бесстыдно, трепетно рада своей живой реакции. Рабыня свободна быть сексуальной, не стесняясь своих потребностей и не боясь критики и осуждения, свободна быть живой и энергичной, естественной, красивой, желанной, свободна быть самой собой. В действительности, если она попытается отказаться от этого, или будет колебаться в таких вопросах, возможно, в результате какого-нибудь репрессивного образования или строгого воспитания, или в результате того, что она была подвергнута некой патологической, нигилистской социальной пропаганде, для неё это может закончиться ударом плети.

Плеть лучше чем что бы то ни было сможет убедить её в том, что её мир изменился кардинально.

Теперь у неё не осталось выбора.

Она должна быть самой собой.

При необходимости плеть проследит и поможет ей не забывать об этом.

Сегодня в Золотой Цепи была ночь жёлтой туники.

Одним из показателей качества Золотой Цепи, помимо превосходности предлагаемой здесь паги и закусок, помимо известности музыкантов и красоты рабынь, были внутренняя отделка и декорации, часто сменяемые к тому или иному празднику. Как раз сегодня шёл четвертый день Ен-Вара или Ен-Вар-Лар-Торвиса, каковой месяц заканчивается Третьей Рукой Перехода, последний день которой является днём летнего солнцестояния. В этот день в Одиннадцатом году суверенитета Совета Капитанов, Строители, одна из высших каст Гора, именуемая также жёлтой, по цвету этой касты, закончили строительство Дворца Капитанов, здания, фактически, больше похожего на крепость. На Горе пять каст обычно считаются высшими: Посвященные, Писцы, Врачи, Строители и Воины. Цвета этих каст соответственно: белый, синий, зелёный, жёлтый и красный. Торговцы часто утверждают, что их каста тоже является высшей, поэтому с их точки зрения, которую разделяют далеко не все, высших каст на Горе шесть. Кастовые цвета Торговцев — белый и жёлтый, или белый и золотой. Работоторговцев обычно считают подкастой Торговцев, но некоторые считают её самостоятельной кастой, чьими цветами были синий с жёлтым. Очень многое на Горе изменяется от города к городу, например, возможно, к сожалению, здесь нет

чего-то подобного единой валюте. Каждый город чеканит свои монеты. Однако есть два типа монет, по крайней мере, в северном полушарии, равняясь на которые часто исчисляется курс других монет. Это серебряные и золотые тарны Ара и серебряные и золотые статерии Брундициума. Само собой, в таких условиях, многие сделки заключаются с использованием весов. Во Дворце Капитанов заседает Совет Капитанов, который фактически является правительством Порт-Кара.

Заместитель тавернера зачесал мои волосы назад. Не в силах сопротивляться растекающемуся по телу теплу, я сложила губы в поцелуй и, закрыв глаза, немного потянувшись головой к нему. Внезапно моя левая щека взорвалась болью, от резкой, жалящей пощёчины.

— Простите меня, Господин, — пролепетала я, открыв глаза, отводя взгляд и чувствуя, как по моей горячей щеке сбегает слеза.

Затем он опустил свои руки вниз и, взявшись за подол жёлтой туники, едва прикрывающей мои бёдра, потянул вниз, заставляя ткань ещё более плотно прилегать к моему телу.

Я с трудом удержалась, чтобы не ответить ему.

— У тебя хорошие формы, и Ты симпатична, как многие никчёмные варварки, — сказал мужчина.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила его я, настороженная и испуганная, старательно глядя мимо него, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Это — всё, для чего вы годитесь, — заявил он.

— Мы надеемся, что наши хозяева будут нами довольны, — отозвалась я.

Его руки возбудили меня. Как соблазнительно я буду подавать пагу этим вечером, как тысячей известных рабской девке способов я буду безмолвно умолять взять меня в альков!

Заместитель тавернера меж тем отступил и окинул меня оценивающим взглядом.

На мне, как сегодня на всех моих сёстрах по цепи, была короткая жёлтая туника, подпоясанная лёгкой жёлтой лентой, продёрнутой через четыре петли и завязанной на бантик. Такой узел можно было развязать одним лёгким движением, позволив полам туники изящно раскрыться или распахнуть их грубым рывком.

Я упомянула о своих «сёстрах по цепи», однако между нами пролежала огромная пропасть, между гореанскими красотками в своих ошейниках и варварками, возможно, тоже красотками, в своих. Я имею в виду Адрасте и других девушек, столь высокомерных и тщеславных в своём презрении к варваркам, хотя сами они, будучи рабынями, были ничем не лучше тех варварок, которых они так презирали. К тому же, как мне уже было известно, за нас предлагали цены едва ли не лучшие, чем за них. Гореанские рабовладельцы совершенно не разделяли их

презрение к нам, и ничего не имели против того, чтобы одна из нас, простых варварок, переполненных потребностями и умоляющих о ласке, какими бы низкими мы ни были в глазах некоторых особ, оказалась прикована цепью у подножия их кровати.

Мне нечего было стыдиться своего земного происхождения.

В конце концов, разве некоторые из самых прекрасных рабынь на поверку не оказывались привезёнными с Земли?

Разумеется, рабство не было чем-то новым или неизвестным для моего прежнего мира.

Я стояла красиво, как собственность и как рабыня.

Я не двигалась, поскольку мне пока не было дано понять, что я могу идти и продолжать исполнять свои обязанности.

Аглайя и Дафна протиснулись мимо меня и проскользнули в зал через украшенную бусами кисею.

Заместитель тавернера, к моему беспокойству, обошёл вокруг меня и остановился позади меня. Само собой, я не осмелилась крутить головой.

Шелест плотной ткани или кожи у меня за спиной заставил меня вздрогнуть.

— Стой спокойно, — буркнул заместитель тавернера, — не дёргайся.

В следующее мгновение свет для меня померк, поскольку на мою голову был натянут рабский капюшон. Фактически это был мешок из нескольких слоёв плотной непрозрачной ткани, снабжённый широким кожаным ремнём, вставленным в петли на горловине, который тут же плотно окружил мою шею, после чего сзади раздался щелчок. Дужка замка, вставленная в кольца, присоединённые к концам ремня, встала на своё место. Теперь капюшон был заперт на мне. Трудно объяснить тому, на кого ни разу не надевали рабский капюшон, какой потерянной и беспомощной становишься в таком аксессуаре, насколько оказываешься во власти других людей. Особенно это страшно, когда тебя собираются наказать плетью или хлыстом в таком мешке на голове.

— Могу ли я говорить, Господин? — поинтересовалась я.

— Да, — разрешил заместитель тавернера.

— Неужели я вызвала чьё-то недовольство? — дрожащим от страха голосом спросила я. — Я старалась изо всех сил, чтобы мною были довольны.

— Тогда с чего тебе бояться? — насмешливо осведомился мужчина.

— Я боюсь, что могла, в некотором роде, каким-то образом, потерпеть неудачу, — призналась я, — чего сама не поняла или не заметила, но кто-то остался мною недоволен, или доволен не полностью.

— Не бери в голову, — успокоил меня он.

— Я боюсь, — сказала я.

— Почему? — уточнил заместитель Хо-Тоска.

— На мне капюшон, — пояснила я.

— Не бери в голову, — снова посоветовал мужчина.

— Но я ничего не вижу и совершенно беспомощна, — пожаловалась я.

— Не бери в голову, — повторил заместитель тавернера.

— Разве меня сегодня не должны были послать в зал? — спросила я.

— Возможно, позже, — ответил он. — В данный момент Ты на какое-то время зарезервирована.

— Зарезервирована? — не поняла я.

— Да, — подтвердил мужчина.

— Я не понимаю, — растерялась я. — Я не особенная. Меня же никто не знает.

— Сейчас я отведу тебя в назначенный альков, — сообщил мне он.

— Но ведь меня никто не знает, — повторила я.

— Уверен, Ты успела обслужить многих клиентов, — усмехнулся заместитель тавернера.

— Большинство понятия не имеет, как меня зовут, — пояснила я, — даже когда они связывали меня и уводили в альков. Для них я не более чем одна из паговых рабынь.

— Пожалуй, Ты права, — согласился со мной он. — Тогда это интересно.

— Я не понимаю, — прошептала я.

— Возможно, Ты известна кому-то, кого Ты не знаешь, — предположил мужчина.

В первую очередь я, конечно, подумала об Аддисоне Стиле, но почему бы ему, если я его вдруг заинтересовала, просто не прийти в таверну и не воспользоваться мною, заказав, как он мог бы заказать пагу или закуску? Кроме того, ему, как мне показалось, нравилось наблюдать за мной, отмечая малейшие нюансы выражения лица, тона голоса или движений. Я помнила альков в дешевой, низкосортной таверне, в ужасной Плети и Цепи, расположенной на южной стороне Дороги Воров. Уверена, это лучшее место, чтобы привести самую презираемую женщину, например, дочь врага или рабыню. Я быстро обнаружила, что ничего не могла скрыть от него. Я была показана ему такой, какая я есть! Как пугающе это, быть рассмотренной мужчиной, как рабыня! Я боялась, что моё сердце было открыто для него, с той же полнотой, как и моё, заключённое в ошейник тело. Может ли женщина быть более открыта, понята и изучена, чем тогда, когда она носит ошейник?

Я почувствовала жёсткий захват мужской руки на моём левом плече.

— Я отведу тебя в назначенный альков, — сообщил заместитель Хо-Тоска.

— Да, Господин, — вздохнула я и, направляемая его рукой, прошла сквозь украшенные бусами нити занавеса и повернула влево к альковам.

Глава 13

Интервью

Я

стояла на коленях в алькове. Ожидание становилось напряжённым.

Мне не было приказано снять тунику, или хотя бы развязать пояс и распахнуть её полы. Это меня озадачивало и беспокоило, поскольку это намекало на то, что, по крайней мере, первоначально меня зарезервировали не для того использования, которое предполагается, когда рабыню отводят в альков. Чего тогда от меня могли хотеть в таком месте и в такое время?

Я слышала, что кожаная портьера алькова была задёрнута, и предположила, что снаружи был повешен некий знак или символ, извещавший, что альков был временно недоступен для остальных клиентов. С внутренней стороны занавесы имелись пряжки, посредством которых альков может быть изолирован от остального зала, защитив частную жизнь его обитателей от назойливости кого бы то ни было.

Заместитель тавернера, прежде чем покинуть альков и задёрнуть портьеру, приковал меня за левую лодыжку к вмурованному в стену кольцу.

Рабынь часто привязывают или приковывают, иногда при этом завязывая им глаза или надевая капюшон, и даже затыкая рот. Я думаю, что ошибётся тот, кто решит, что это в большинстве случаев делается просто, или даже прежде всего из соображений предотвращения побега. Однако, очевидно, что даже если бы на мне не было капюшона, даже если бы я не была прикована цепью, даже, если бы не ошейник на моей шее, у меня не было ни единого шанса на побег, по крайней мере, на удачный побег. Не больше, чем у других девушек, одетых в такие же туники, отмеченных клеймом и ошейником. Присмотритесь хотя бы к тем предметам одежды, которые носят рабыни. Они всегда одеты, когда и если им позволено носить одежду, очень заметным способом, таким, чтобы немедленно и легко они были признаны как те, кто они есть. Чаще всего это короткая, откровенная туника, предмет одежды один вид которого мог бы не только шокировать свободную женщину, но и погрузил бы её в муки позора, испуга и тревоги. Бывшую свободную женщину, недавно порабощенную, зачастую приходится стегать хлыстом, чтобы выгнать на улицу, в противном случае она так и не осмелится переступить порог и показаться на публике. Со временем, конечно,

в процессе изучения своего ошейника, она постепенно приходит к тому, что находит такой предмет одежды самым для неё подходящим, более того, волнующим и возбуждающим, как тех, кому она попадает на глаза, так и её саму. И даже если рабыня, по причине стресса или обезумев, под влиянием момента или просто по глупости, испытает желание бежать, то куда она может бежать? Нет такого места на Горе, где её, беглянку, могли бы принять. Рабство воспринимается обществом как ценное и важное учреждение. Против нас были бы все, каждый мужчина, и в особенности каждая женщина. Для нас нет никакого спасения. Мы — рабыни и рабынями останемся, если только свободные не решат, что должно быть иначе. Таким образом, обычно рабыня прикована не потому, что необходимо предотвратить её бегство, а прежде всего, потому что она — рабыня. Вполне уместно, что она, будучи рабыней, должна быть привязана или прикована. Кроме того, у таких ограничений могут иметься и мнемонические функции. Они недвусмысленно напоминают ей о том, что она — рабыня, и что она полностью во власти свободного. Цепи и верёвки также могут стимулировать рабыню сексуально, напоминая ей о её беспомощности и уязвимости. В равной мере это относится и к её владельцу, который видит её, беззащитную, полностью в его власти. Это заверяет рабыню в её неволе. У закованной в цепи рабыни остаётся немного сомнений в том, что она — рабыня.

Вскоре снаружи послышались шаги, а потом шорох откинутой в сторону портьеры, а мгновение спустя быстро сдвинутой на место, и я поняла, что теперь я в алькове была не одна. Почти одновременно я услышала, звуки застёгиваемых пряжек, крепивших занавеску на месте. Я сразу, едва услышала мужские шаги, приняла первое положение почтения, стоя на коленях, согнулась в поклоне, коснувшись головой пола между ладонями прижатых к полу рук.

— Встань на колени, рабыня, — потребовал от меня пришедший мужчина. — Наду, наду.

Этот не мог быть голосом Аддисона Стила!

Я немедленно поднялась в наду. Теперь я стояла на коленях, сидя на пятках, выпрямив спину, подняв голову, широко расставив колени, ладони рук держа на бёдрах. Команде владельца нужно повиноваться без промедлений и без сомнений. Колебание или нежелание могут стать причиной для наказания.

Мои щёки стали мокрыми от слёз разочарования и обиды, и мне оставалось только порадоваться, что капюшон скрывал это от вновь прибывшего. Попробуйте меня понять, всё то время, что я ждала визита зарезервировавшего меня клиента, которым по моему разумению должен был быть Аддисон Стил, я репетировала свою реакцию на его появление. Разве не мог он, по некоторым причинам, возможно, боясь встать передо мной после того как он столь недобросовестно, отвратительно поступил со мной, устроить эту странную шараду с

резервированием и капюшоном? Я представляла, как покажу ему свой гнев, ледяную ярость. О, он не избежал бы моего гнева. Я излила бы на него своё презрение и ненависть, пугающее негодование гордой женщины Земли, характера которой нужно было бояться, чьего презрения следует избегать. Несомненно, он уже достаточно настрадался за те дни, что прошли со времени нашей встречи, вспоминая о своей неосмотрительности, и теперь был готов отчаянно пытаться вымолить моего прощения. Можно было бы даже почувствовать себя немного виноватой перед таким товарищем, столь несчастным, столь уязвлённым, страдающим от раскаяния, самобичевания и самоуничужения. Возможно, думала я, мне можно было бы даже милостиво намекнуть, что спустя некоторое время, скажем так, довольно долгое время, я могла бы смягчиться и простить его, после чего мы могли бы рассмотреть подготовку подходящих, значимых отношений, основанных на уважении и равенстве. В конце концов, разве он не был мужчиной Земли, одним из многих жалких, управляемых дураков, глиной, из которой руки умной женщины, такой как я, могли вылепить всё, что она пожелает? Конечно, у меня могло бы получиться уладить дело к своему удовлетворению. Но эти мысли, столь естественные для тех побуждений, которые внушала мне земная идеология и моё земное обучение, диктовал режим патологической пропаганды, были почти немедленно отброшены. Я знала, что ни в коем случае не хотела, чтобы он оказался одним из земных слабаков, столь пригодных для использования, как знала я и то, что хотела лежать закованная в цепи у его ног, хотела носить его ошейник на своей шее. Я знала, что жаждала быть его рабыней.

Но голос, отдававший мне приказы, не был голосом Аддисона Стила!

Скрытые под капюшоном слёзы текли по моим щекам.

Я стояла на коленях в наду, перед кем-то, кого я не знала. В такой позе женщина хорошо сознаёт себя рабыней.

Меня мучил вопрос, что нужно было от меня этому посетителю таверны?

Я не слышала, чтобы он снял или снимал с себя одежду.

Пояс моей туники не был развязан.

Меня не схватили и не бросили на меха, чтобы использовать по назначению.

Я не понимала, в чём был смысл капюшона, и для чего было нужно резервировать меня. Это всё казалось мне очень таинственным, и, я подозревала, было загадочным в том числе и для заместителя тавернера.

Для паговой девки довольно необычно быть надолго зарезервированной для определённого клиента. Ведь её могут захотеть другие мужчины.

Я молчала, ожидая продолжения.

— Ты — Зия, — наконец, заговорил посетитель. — Ты — варварка. Твоя первая общественная продажа имела место в Брундизиуме на рынке Анесидема. Там тебя продали за три медных тарска и сорок битов. В настоящее время Ты —

паговая девка в Золотой Цепи, твой нынешний хозяин — тавернер Хо-Тоск из Порт-Кара.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Знаком ли тебе человек, называющий себя Рутилием из Ара или Бруно из Торкадино?

— Однажды в Брундизиуме я столкнулась с одним мужчиной, который представился как Бруно из Торкадино, — ответила я. — Он был одноногим.

— Знаешь ли Ты Деция из Венны? — спросил незнакомец.

— Я так не думаю, — осторожно сказала я.

— А я думаю, что Ты с ним встречалась, — предположил мужчина.

— Это имя мне не знакомо, — настаивала я.

— Знакома ли Ты с кейджерой, названной Адрасте? — продолжил допрос он.

— Да, Господин, — кивнула я. — Очень хорошо. Возможно, она прямо сейчас в зале. Она — паговая девушка здесь в Золотой Цепи. Я познакомилась с нею ещё в Брундизиуме.

— Она была продана сразу после тебя, — напомнил незнакомец.

— Да, Господин, — подтвердила я, удивлённая его осведомлённостью.

— Что Ты знаешь о ней? — спросил он.

— Очень немного, — пожала я плечами. — Она очень красивая. А ещё она говорит с акцентом, который напоминает мне ваш.

— Это — акцент Ара, — пояснил мужчина.

— Я думаю, что имя, которое она носит — Косианское, — заметила я.

— Так и есть, — подтвердил он.

— Её привезли с Конца Мира, — добавила я.

— Вместе со многими другими, — сказал мой собеседник.

— Да, Господин, — отозвалась я.

— Порт-Кар — место можно услышать много акцентов, — хмыкнул он.

— Да, Господин, — согласилась я.

— Расскажи мне об Адрасте, — потребовал он.

— Я мало что могу рассказать о ней, — предупредила я. — Она утверждает, что была из высшей касты.

— Возможно, она лжёт, — предположил незнакомец.

— Возможно, — не стала спорить я.

— Какое у тебя о ней сложилось мнение? — поинтересовался мужчина.

— Она невыносима, — ответила я. — Она холодна, высокомерна и надменна. Нас она презирает. Иногда мне кажется, что она даже не знает, что носит ошейник. Она ведёт себя так, что можно было бы подумать, что она считает себя свободной.

— Она тебе не нравится, — заключил он.

— А кому она может понравиться? — фыркнула я. — Я вообще не понимаю, как Хо-Тоск её терпит.

— Возможно, она ему не принадлежит, — заметил незнакомец.

— Господин? — не поняла я.

— Ты слишком мало знаешь Гор, — усмехнулся он, — о его событиях и истории.

— Я — варварка, — напомнила я.

— Ты не узнаёшь мой голос, — констатировал мужчина.

— Нет, Господин, — подтвердила я.

— А ведь Ты его слышала, — сказал он.

— Возможно, это было давно, где-то далеко, — предположила я очень обеспокоенная. — Или очень недолго. Я не помню.

— Полагаю, стоящей в свете факелов рабыне трудно рассмотреть тех, кто сидит на скамьях в темноте зала, — намекнул загадочный незнакомец.

— Вы знаете меня? — уточнила я.

— Именно я купил тебя, — заявил он, — в то время как мой товарищ, временно работавший на дом Анесидема, купил другую. Но оба мы действовали от имени нанимателя, называть которого нет нужды. Кстати, Ты обошлась нам дороже, чем мы ожидали. Пришлось расстаться с тремя медными тарсками и сорока битами.

— В доме Анесидема тоже были удивлены, — сообщила я.

— Теперь Ты стоишь больше, — признал мужчина. — Ты — неплохое вложение капитала. Если бы я покупал тебя себе, то смог бы получить за тебя больше.

Как мне было жаль, что это признание не слышал Аддисон Стил.

— Спасибо, Господин, — не забыла поблагодарить я.

— Значительно больше, — добавил он. — В ошейнике Ты расцвела.

— Вы видели меня в зале, — предположила я.

— А ещё на улицах, — признался незнакомец, — около арсенала, на набережных каналов.

— Вы наблюдали за мной, — догадалась я.

— Причём ещё во время твоего обучения, — сообщил он.

— Мне это льстит, — улыбнулась я.

— Адрасте была выставлена на торги сразу после тебя, — сказал он.

— Я помню, — кивнула я.

— А тебе известно, за сколько она ушла? — осведомился незнакомец.

— Позже, когда мы сидели в клетках в подвале, я слышала, что за неё дали один серебряный тарск и пятьдесят медных, — ответила я.

— Это был дешевый рынок, заточенный на менее богатую и менее взыскательную клиентуру, — пояснил мужчина.

— Мне это известно, — кивнула я.

— Низкий рынок, — продолжил он, — самое подходящее место, где можно было бы незаметно продать одну конкретную рабыню.

— Я не понимаю, — растерялась я.

— Кто, как Ты думаешь, купил тебя? — спросил мой собеседник.

— Я не могу знать, кто меня купил, — пожала я плечами.

— Как Ты думаешь, для какой цели Ты была куплена? — спросил он.

— Для таверн Порт-Кара, — предположила я, — именно сюда меня вместе с другими девушками привезли.

— В некотором смысле, да, — согласился незнакомец.

— Есть и другие цели? — полюбопытствовала я.

— Возможно, — уклончиво ответил он.

— Я принадлежу Хо-Тоску, владельцу Золотой Цепи, — сказала я. — Конечно, Адрасте тоже его собственность.

— Возможно, нет, — хмыкнул мужчина.

— Я не понимаю, — растерялась я.

— Рабыня, иногда, — снизошёл до объяснений он, — по той или иной причине, не всегда сохраняется в доме своего фактического хозяина, а сдаётся внаём, если можно так выразиться, или в аренду.

— А арендную плату за неё, — предположила я, — выплатить несложно в силу дополнительной прибыли, которую могла бы принести заведению её красота.

— Совершенно верно, — подтвердил незнакомец.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я, весьма довольная своей догадливостью. — А меня обязательно держать в капюшоне?

— Ты хочешь почувствовать хлыст? — осведомился мужчина.

— Нет, Господин, — вздрогнула я.

— Возможно, тебя мучает любопытство относительно цели этого интервью, — предположил он.

— Конечно, Господин, — не могла не признать я.

— Рабские девки, как и другое имущество, могут быть украдены, — сказал он. — Даже Ты, варварка, можешь понять это.

— Да, Господин.

— Например, как тебе, несомненно, известно, в Брундиизиуме была предпринята попытка украсть Адрасте, — напомнил незнакомец.

— Да, Господин, — кивнула я. — Одноногий мужчина попытался вернуть свою рабыню по кличке Лута, которая, как выяснилось, была выставлена на торги под именем Адрасте. Когда на причалах начался пожар, рабынь из дома Анесидема вывели на улицу и накрыли простынями. При этом простыню с Адрасте переложили на меня, а мою на неё. Таким образом, похитители приняли меня за Адрасте.

— Тем самым попытка украсть Адрасте была сорвана, — подытожил он.

— Теперь это очевидно, — согласилась я.

— Возможно, тебе было бы интересно, узнать немного о Луте, — предположил мужчина, — если хочешь, могу тебе рассказать.

— Пожалуйста, — попросила я. — Мне очень интересно.

— Но то, что Ты сейчас узнаешь, должно быть сохранено в самой строжайшей тайне, — предупредил незнакомец. — В том числе, Ты не должна упоминать об этом Адрасте, иначе она может упасть в обморок от ужаса перед своим разоблачением.

— Я всё понимаю, — сгорая от любопытства, заверила его я.

— Рабыня, Адрасте, — начал мой собеседник, — раньше была свободной женщиной Ара, известной как Леди Джулия Лета, из незначительного банковского клана Клавдиев Марцеллиани. Это — не самый значимый из домов улицы Монет Ара. Фактически, очень немногие знают о нём или даже смогут припомнить это название. Я не думаю, что они всё ещё присутствуют в этом бизнесе, так что вникать в этот вопрос нет большого смысла. Леди Джулия Лета, женщина весьма хитрая и тщеславная, к тому же питающая слабость к дорогим одежаниям и драгоценностям, что в конечном итоге привело её к идее присвоения средств банка, что она покрывала фальсификацией отчётов. Постепенно, месяц за месяцем, фонды перетекали на счёт, который был её собственным, зарегистрированным на подставное имя. Но, эла, вскоре даже эта схема перестала её удовлетворять. Ведь выставлять напоказ роскошь, которая тебе не по средствам, чревато неудобными вопросами, подозрениями, расследованием и, рано или поздно, с неё потребовали бы объяснений. А зачем нужна такая роскошь, если ею нельзя пользоваться и наслаждаться её показом? Соответственно, она, под предлогом посещения Ен-Карской Ярмарки, решила бежать из города. Предположительно, она собиралась перебраться в Харфакс или Беснит, возможно, даже в Рынок Семриса. Мы точно не знаем. Чтобы её исчезновение прошло успешно, она, добравшись до караван-сарая Хогарта на Виктель Арии, сменив имя, присоединилась к другому каравану. С одной стороны это было мудрым решением, поскольку новый караван был небольшим, простым, дешёвым, неприметным и незапоминающимся. Ни на него, ни на его товары или пассажиров, скорее всего, не обратили бы внимания. Он состоял из шести фургонов, два из которых были крытыми. В одном из последних Леди Джулия Лета оплатила себе место. Однако с другой стороны, к несчастью для планов нашей смазливой мошенницы, такой караван, предоставив ей преимущество скрытности, испытывал недостаток в безопасности. Его охрана была явно недостаточной. Не отойдя и пятидесяти пасангов от караван-сарая Хогарта, едва добравшись до относительно безлюдной местности, караван подвергся нападению тарнсмэнов.

Трудно сказать, был ли это просто налёт небольшой шайки решивших поживиться за счёт разбоя тарнсмэнов, или рейд лицензированного отряда Трева. Как Ты, несомненно, знаешь Трев и Ар находятся в состоянии непрекращающейся войны.

— Я этого не знала, — призналась я.

— Но о Треве, тебе, конечно, слышать доводилось, — предположил он.

— Нет, Господин, — сказала я. — Простите меня, Господин.

— Самым богатым призом, доставшимся налётчикам, — усмехнулся мужчина, — непредвиденным, но приятным бонусом, стала наша фигуристая беглянка, наша скрывшаяся красotka, хитроумная Леди Джулия Лета, вместе с её багажом, полным расписок и монет. Вскоре после пленения она, раздетая, связанная и брошенная животом на седло тарна, была в пути к некому лагерю, где её ждали клеймо и ошейник. А потом от неё избавились, продав какому-то странствующему работоторговцу, выставившему свой товар на придорожном рынке. Вот так гордая свободная женщина, Леди Джулия Лета, стала рабыней. Кличка Лута, возможно, была намёком на её прежнее имя «Лета», или, что тоже вероятно, переделана из «Лита». Как тебе известно, Лита — это довольно распространённая на Горе рабская кличка.

— Да, Господин, — кивнула я, — мне это известно.

Я была рада, что знала хотя бы это, поскольку остро страдала из-за своего незнания тысяч нюансов гореанской реальности. Меня часто высмеивали мои сестры по цепи, когда я, по причине своего невежества, неправильно использовала тот или иной термин. Но я училась. Я училась каждый день. Я не была глупа, просто не осведомлена. Гореанские работоторговцы ценят и разыскивают умных женщин. Это не могло меня не радовать. Какой сильный, умный мужчина, скажем, Аддисон Стил, захотел бы владеть глупой рабыней?

— Некоторые утверждают, — продолжил мужчина, — что на Леди Джулии Лете лежит вина за крушение монетного дома Клавдиев Марцеллиани в Аре. Предположительно её мошеннические действия и побег подорвали доверие к дому. Это обвинение едва ли имеет под собой основания, но в некоторых домах к нему относятся вполне серьёзно. Сейчас уже очевидно, что в Брундизиуме кое-кто, по-видимому, обманутые торговцы или клиенты банка, по-видимому, через одного или нескольких агентов, разыскивали бывшую Леди Джулию Лету, теперь рабыню Луту, чтобы вернуть её на улицу Монет Ара и, предположительно, использовать для восстановления доброго имени дома Клавдиев, а также чтобы, в более общем плане, её судьба могла послужить примером того, что может ждать мошенников, и стать предупреждением любому, кто мог бы испытать желание злоупотребить доверием дома.

— Какое наказание может её ждать? — испуганно спросила я.

— По-видимому, её могут выставить на той самой улице Монет, в тесной висящей клетке, голой на жару и холод, на ветер и дождь.

— Такой судьбы я не пожелала бы даже для Адрасте, — задрожала я.

— Особенно это неприятно летом, если тело обмазать мёдом, — добавил жути незнакомец.

— Но я надеюсь, что здесь в Порт-Каре Адрасте теперь в безопасности, — предположила я.

— Мы тоже так думаем, — сказал мужчина. — Полагаю, что сейчас у неё мало причин для страха. Мы далеко от Ара, к тому же в любом случае очень немногие смогли бы опознать прежнюю Леди Джулию Лету, учитывая обязательные для свободной женщины вуали.

— Тогда ей ничего не грозит, — успокоилась я.

— Тем не менее, у её владельца, для которого мой товарищ её купил, остаются опасения, что в отношении его имущества может быть предпринята другая попытка похищения.

— То есть, она принадлежит не вам, — заключила я.

— Верно, — подтвердил он, — точно так же, как она не принадлежит и Хо-Тоску, твоему хозяину. Её владельцем является мой наниматель, тот, от имени кого я действую.

— Могу ли я поинтересоваться его именем? — спросила я.

— Нет, — отрезал незнакомец.

— Но сама Адрасте, конечно, знает имя своего господина, — предположила я.

— Она уверена, что принадлежит Хо-Тоску, владельцу Золотой Цепи, — сказал голос.

— Но почему её господин хочет, чтобы его личность оставалась нераскрытой? — не поняла я.

— Если её личность будет открыта, — объяснил мой собеседник, — если кто-то опознает в ней бывшую Леди Джулию Лету, разве это не может стать неудобством для её владельца?

— Особенно, — добавила я, — если её господин из касты Торговцев, и в первую очередь, если он Торговец Монетами.

— Ты чрезвычайно умна, Зия, — польстил он мне.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я.

— Твои выводы удивительно проницательны, — сообщил мне незнакомец.

— Спасибо, Господин, — повторила я.

— Правда, почти неизменно ошибочны, — добавил он.

— Ох? — удивлённо охнула я.

— Не бери в голову, — усмехнулся он. — Чего можно ожидать от варварки.

— Я поняла, — буркнула я.

— Держу пари, — сказал мужчина, — Ты сейчас, стоя здесь передо мной на коленях, в наду, прикованная цепью и закрытая капюшоном, задаёшься вопросом, какое всё это могло бы иметь отношение к тебе?

— Я не хотела досаждать Господина своими вопросами, — объяснила я.

— Это было очень мудро с твоей стороны, — похвалил он.

Те, чью шею окружает ошейник, быстро изучают множество вещей, и среди них то, что хозяевам редко нравятся докучливые рабыни.

— Но тебе любопытно, не так ли? — осведомился мужчина.

— Очень любопытно, — признала я.

— Адрасте — ценная рабыня, — сказал он.

— Я догадываюсь, — кивнула я.

— Это очевидно, — сказал незнакомец.

— Возможно, — согласилась я.

— Её хозяин хочет оставить её себе, по крайней мере, пока она ему не надоест и он не решит от неё тем или иным способом избавиться, продать или подарить, проиграть в кости или как-либо ещё.

— Но если он так боится, что её могут украсть, — не поняла я, — почему бы ему не держать её в своём доме?

— И ничего не заработать на своих инвестициях? — хмыкнул мужчина.

— Я поняла, — улыбнулась я. — Похоже, он действительно Торговец.

— Возможно, — не стал отрицать он.

Услышанное меня порадовало. Я заподозрила, что мои выводы могли бы быть намного более близкими к реальности, чем мой собеседник хотел, чтобы я верила. Я предположила, что по неким причинам он хотел смутить меня и ввести в заблуждение.

— Твоя роль в этом проста, — сообщил мне он. — Ты должна присматривать за Адрасте и, что более важно, обращать внимание на тех, кто может показаться интересующимися Адрасте, кроме тех, конечно, чей интерес не выходил бы за рамки того, какой можно было бы питать к любой другой паговой девке. Ты должна подмечать и запоминать слова, взгляды и движения, которые могли бы показаться странными, удивительными, необычными, неблагоприятными или подозрительными. Если Ты почувствуешь, что готовится похищение или оно весьма вероятно, Ты должна будешь немедленно связаться с Хо-Тоском, напрямую или опосредованно, через кого-либо из его помощников.

— Мой господин, Хо-Тоск, — решила уточнить я, — в курсе этих вопросов?

— Конечно, — заверил меня он.

— Мне страшно, — призналась я.

— Не бойся, — успокоил меня незнакомец. — Я не думаю, что тебе может грозить хотя бы малейшая опасность. Сомневаюсь, что хоть кто-то может знать, что

прежняя Леди Джулия Лета находится в Порт-Каре. В последний раз её видели в Брундиизиуме. Кроме того, крайне мало тех, кто знал её в лицо, как в Порт-Каре, так и в любом другом месте.

— Я — варварка, — напомнила я. — Я рождена не в этом мире. Я очень мало знаю его реалии. Пожалуйста, подберите для этой миссии гореанскую девушку. Это было бы намного полезнее для ваших проблем и планов. Они, учитывая их знания и жизненный опыт, будут быстрее и наблюдательнее. Они немедленно заметят малейшие несоответствия в речи или поведении, для них будет очевидно то, на что я даже не обращаю внимания. Они знают тысячи вещей, о которых я понятия не имею. Они намного быстрее меня смогут заметить, если для Адрасте возникнет угроза или опасность в той или иной форме.

— Ты очень хорошо подходишь для этой миссии, — заявил мужчина.

Спустя пару мгновений я услышала, как он отстёгивает пряжки кожаных ремней, державшие занавес алькова закрытым.

— Господин? — позвала я, но мне уже было очевидно, что в алькове я осталась одна.

Чуть позже в альков вошёл заместитель тавернера, освободил мою левую лодыжку от цепи и, сняв капюшон, сказал:

— Возвращайся в зал.

— Да, Господин, — отозвалась я.

В зале в нескольких ярдах от алькова я увидела Адрасте в жёлтой тунике. Девушка несла пагу клиенту.

Глава 14

Обмен любезностями с Адрасте

— П

ослушай, Адрасте, я не вижу причин, — сказала я, — почему мы не можем быть подругами.

— А разве того, что Ты — варварка недостаточно? — язвительно отозвалась она. Мы, вместе с некоторыми другими девушками, работали на кухне.

Рабыня запросто может быть отправлена из зала на кухню, особенно если её стали редко отправлять в альков, что предполагает отсутствие к ней интереса у посетителей. Также, кухонные работы часто являются следствием предполагаемого недовольства клиента. Это — в лучшем случае. Худшим случаем будет явная жалоба. Тогда, прежде чем попасть на кухню, на больший или меньший срок, рабыню ждёт плеть. Но в этот раз у нас с Адрасте, а также у четырёх других девушек, работавших сегодня на кухне, в этом плане было мало поводов для опасений. Хо-Тоск, наш хозяин, не имел причин для недовольства нами. Нам даже разрешили прикрыть наготу кухонными тряпками, и даже не стали приковывать за лодыжки. Он, как и многие другие тавернеры, обладавшие достаточными ресурсами, иногда менял своих девушек в зале, примерно так же, как можно было бы изменить блюда в меню. Клиенты, те из них, кто обращает внимание на подобные вещи, быстро заметят в зале новую девушку или отсутствие ожидаемой, возможно, могущее стать причиной тревоги. Фактически, когда помощники тавернера замечают, что кто-то из клиентов их заведения часто отдаёт предпочтение какой-то конкретной девушке, её могут удалить из зала. Не может ли быть так, что она продана? Такой клиент, боясь потерять фаворитку, запросто мог бы купить её. Чем более желаем товар, тем больше на него можно повесить цену. Редкий рабовладелец не знает об этой возможности, и ещё реже её упускает. В действительности, часто мужчина достигает стадии, когда тот факт, что его фаворитку ведут в альков другие, вызывает раздражение. Он предпочёл бы иметь её только для себя. Опять же, это повод задуматься о её покупке. И чем дальше, тем больше он мотивирован, чтобы это сделать. Гореанские мужчины, несмотря на их презрительное отношение к рабыням, несмотря на все насмешки над ними, в таких вопросах могут быть крайне эгоистичными, и даже неприятно невоспитанными. Многие мужчины готовы умереть за рабыню, к которой на публике они демонстрируют презрение. В любом случае, как я, возможно, уже упоминала, контингент рабынь в пага-таверне редко остаётся неизменным.

Паговые девки могут появляться и исчезать, причём довольно часто. Да и какая рабыня не жаждет быть единственной рабыней частного владельца? Другой причиной, как нетрудно догадаться, для отправки на кухню даже прекрасно справляющейся со своими обязанностями девушки может стать желание напомнить ей о том, какая или даже худшая судьба может её ожидать. Принимая это во внимание, разве она не будет стремиться быть ещё более приятной в зале? Однако, в этом плане, как мне кажется, некоторые хозяева могут быть как минимум немного наивными. Они зачастую могут путать то, чего девушка не хочет, с тем чего она действительно желает. Дело в том, что желание стать единственной рабыней единственного господина является гораздо большим стимулом, чем нежелание тяжёлой работы на кухне или где-то ещё.

— Всем нужны подруги, — заметил я.

— Только не мне, — буркнула Адрасте.

Я по-прежнему не могла понять, почему мой загадочный собеседник в алькове, которого я даже не видела из-за капюшона, натянутого мне на голову, поручил именно мне оберегать Адрасте от возможных аномалий или опасностей, которые могли бы её подстергать. Почему бы не озадачить этим гореанскую девушку, которая всяко лучше меня знала о тысяче нюансов этого мира, о его культуре, истории, традициях и политике. Она обратила бы внимание на намёки и тонкости, которых я, скорее всего, даже не заметила бы. Всё это казалось мне лишённым всякого смысла.

Закончив натирать и мыть тарелку, я погрузила её в раковину для ополаскивания, после чего поставила на стойку слева от меня, чтобы дать стечь воде, прежде чем протирать полотенцем.

— Адрасте, — снова позвала её я.

— Не приставай ко мне, рабыня, — процедила та.

— Ты мне не нравишься, — внезапно, даже для самой себя, бросила я.

— Как и Ты мне, — парировала она, сунув мне в руки следующую тарелку.

— Почему Ты такая злая? — спросила я.

— А мне нравится быть такой, — заявила Адрасте.

— Я вижу, — хмыкнула я.

— Конечно, я тебе не нравлюсь, — усмехнулась она. — Ведь я намного красивее тебя.

— Это — дело вкуса, — пожала я плечами.

— Это реальность, — заявила рабыня, — с одним возможным исключением. Если Ты безумна.

— Но лично я и не отрицаю, что Ты намного красивее меня, — заверила её я.

— Это так очевидно, что не требует подтверждения, — сказала Адрасте.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что Ты имела какое-либо отношение к высшей касте, — попробовала я зайти с другой стороны.

— У тебя, скорее всего, вообще не было никакой касты, — презрительно бросила она. — Ты — варварка. Ты даже не умеешь читать.

— Я могу читать и писать на английском языке, — сказала я. — Но Ты, несомненно, даже не слышала о таком языке.

— Я о нём слышала, — отозвалась девушка, признаться, удивив меня.

— А Ты была когда-то свободна? — полюбопытствовала я.

— Конечно, — кивнула она.

— А компаньон у тебя когда-нибудь был? — не удержалась я от личного вопроса.

— Один раз, — ответила Адрасте, недовольно нахмурившись.

— И что же произошло? — поинтересовалась я.

— Он меня бросил, — буркнула она.

— Признаться, я не удивлена, — усмехнулась я.

На самом деле я не думала, что Леди Джулия Лета когда-либо вступала в компаньонство. Если бы такой факт в её биографии имел место, мой собеседник в алькове, скорее всего, упомянул бы об этом. Впрочем, её компаньонские отношения могли закончиться задолго до того, как она занялась своими аферами.

— Адрасте, — окликнула её я.

— Делай свою работу, — проворчала рабыня.

— За собой смотри, — парировала я.

Конечно, я вообще не стала бы даже пытаться приставать к Адрасте, если бы не надежда, что мне удастся так или иначе втереться к ней в доверие, что, несомненно, могло бы несколько облегчить выполнение того задания, которое мне было поручено. Если мне, как предполагалось, придётся шпионить за нею, за её окружением и контактами, то мне необходимо было держаться как можно ближе к ней, следовательно, притвориться её подругой, казалось вполне логичным первым шагом. И не надо думать обо мне плохо. Вы просто не знаете Адрасте. Кому, на самом деле, могла бы понравиться такая как она? Нет, я понимаю, мужчина мог бы захотеть заполучить её в свои руки, чтобы тысячей способов дать ей понять, что она теперь носит ошейник, но кто ещё? В таких вопросах, учитывая моё поручение, приходится рассматривать те средства, те инструменты, которые тебе доступны. Близость друга не вызывает вопросов, беспокойство друга, вероятно, будет понятно. Впрочем, разве не тот, кто считается другом, предаёт наиболее коварно? Разве не он является лучшим шпионом? Кто более предрасположен к предательству, как не фальшивый патриот? Однако все мои усилия добиться расположения Адрасте были тщетны. Мне снова показалось бессмыслицей, что эта задача была возложена на меня, а не поручена какой-нибудь рабыне-гореанке, той, против кого, у Адрасте, вероятно, возникло бы меньше

возражений. Мне было трудно даже выразить глубину моей неприязни к Адрасте. Какой же она оказалась лгуньей, и как она была высокомерна! В Брундиизиуме, насколько я помнила, она посмела утверждать, что была из высшей касты. Так что я была только рада выразить свои сомнения в этом столь недвусмысленно. Это должно было до глубины души уязвить прежнюю Леди Джулию Лету, бывшую всего-то представительницей касты Торговцев! Или она хотела, чтобы я думала, будто бы Торговцы были высшей кастой? Большинство не считало их таковыми. В основе гореанского общества лежит принятие статуса, дистанции и иерархии. На Горе никто не притворяется, будто бы таких различий не существует, либо они не важны. Фактически, статус, дистанция и иерархия являются теми факторами, которые стабилизируют общество. Лучшей ли альтернативой будут асоциальная анархия, зависть, ревность, нигилизм, неуверенность, беспорядок, конкуренция, непорядочность, карабканье по головам, разбитые стремления, разочарование, ярость и хаос?

— Адрасте, — позвала я.

— Да отвяжись Ты меня! — вспылила она.

— Я слышала кое-что интересное, — сказала я.

— Думаю, мне надо пойти к другой раковине, — буркнула Адрасте.

— Не советую делать это без разрешения, — фыркнула я.

— Тогда я подумаю о том, чтобы выцарапать тебе глаз, — предупредила она.

— Советую тебе в своих фантазиях остановиться на нескольких царапинах и клочке волос, — посоветовала я, — иначе хозяева проследят, чтобы Ты тоже осталась без глаз.

— Что Ты ко мне пристала? — зло сверкнув глазами, спросила она. — Что тебе от меня нужно? Почему Ты вообще говоришь со мной? Ты что, забыла о том, что Ты — простая варварка?

— Ошейник окружает твою шею точно так же, как и мою, — напомнила я.

— Я когда-то была свободна, — заявила Адрасте. — Ты же просто не была порабощена.

— Давай сделаем вид, что мы подруги, — предложила я. — Твоя красота станет ещё великолепней на фоне моей невзрачности.

— Я не нуждаюсь ни в каких уловках, — буркнула моя собеседница.

— Почему Ты меня так ненавидишь? — поинтересовалась я.

— Я тебя не ненавижу, — ответила она. — Ты не заслуживаешь моей ненависти. Я просто презираю тебя.

Вот теперь с меня было достаточно надменной Адрасте. Неужели она действительно думала, что всё ещё была свободна? Кроме того, я не считала себя ниже гореанских женщин, по крайней мере, тех, которые носят ошейники. Мы, землянки, вполне себе востребованы на гореанских рынках, иногда

превосходя в цене наших гореанских сестёр, к большому их огорчению. Но разве это мы виноваты в том, что гореанские мужчины часто находили нас представляющими для них интерес. Безусловно, в присутствии гореанских мужчин мы зачастую сами стараемся заинтересовать их. Те, кто знаком с гореанскими мужчинами, те поймут, что я имею в виду. Перед такими мужчинами нам остаётся только надеяться, что они разрешат нам стоять перед ними на коленях. Перед такими мужчинами женщина сама просит позволить её стоять на коленях.

Но на меня была возложена задача, которую я должна была выполнить. Вот только как мне этого добиться? Если у меня не получается завоевать доверие Адрасте, притворяясь её подругой, чтобы благодаря этому получить возможность держаться к ней поближе, возможно, я могла бы попробовать вызвать у неё тревогу или запугать её до такой степени, чтобы она почувствовала, что с её стороны было бы мудро потерпеть мою компанию, мою близость или навязчивость, как бы ей не хотелось обратного. Я не думала, что при сложившихся обстоятельствах, беседовавший со мной в алькове мужчина или его таинственный наниматель стали бы возражать.

— Между прочим, тебе могло бы быть интересно, — сказала я, — то, что я слышала.

— Мне это не интересно, — отмахнулась Адрасте.

— Ходят слухи, — не обращая внимания на её ответ, продолжила я, — в Порт-Каре находится одна беглянка, которую были бы очень рады увидеть в другом месте.

— Беглянка? — переспросила моя визави, как мне показалось, насторожившись.

— Да, — подтвердила я, — очень важная особа, а главное очень разыскиваемая, потому что за её поимку и возвращение в Ар обещают заплатить огромную сумму. Адрасте, теперь мне уже не казалось, мгновенно напряглось, уставившись в стену перед собой. Тарелку она сначала стиснула так, что побелели костяшки пальцев, а потом отпихнула её от себя, бросив в раковину, где та утонула в воде.

— Теперь я понимаю, — прошептала девушка, — почему Ты оказалась около меня.

— Меня просто поставили к этой раковине, — напомнила я.

— Тарскоматка, — прошипела она, не глядя на меня. — Ты ждала этой возможности.

— Тебе нечего бояться, — поспешила успокоить её я.

— Что Ты хочешь? — шёпотом спросила Адрасте.

— Я никому не открою твою тайну, — заверила её я.

Адрасте задрожала и, опустив голову, схватилась за борта раковины, очевидно, чтобы удержать равновесие и не упасть.

— Возможно, теперь Ты будешь со мной более обходительна, — мстительно добавила я.

— Как Ты узнала о том, кто я? — спросила Адрасте.

— Мне сказали, — ответила я.

— Значит, есть и другой или другие, кто тоже знает, — простонала она.

— Немногие, я уверена, — сказала я.

— Почему об этом сообщили именно тебе? — поинтересовалась рабыня.

— Не бери в голову, — ушла я от ответа.

— Что Ты хочешь? — повторила свой прежний вопрос Адрасте, её голос дрожал, выдавая нешуточное напряжение.

— Ничего, — ответила я.

— Ты видишь ошейник на моей шее, — сказала моя собеседница. — Я — рабыня. Я беспомощна. Мне ничего предложить тебе за твоё молчание, ни богатства, ни твоей свободы. Ты тоже рабыня. Будь милосердна.

— Честно говоря, меня очень раздражает твоё высокомерие, — призналась я. — Ты никогда не была в высшей касте. Ты всего лишь из Торговцев и, я подозреваю, не из самых высоких Торговцев.

— Торговцев? — переспросила Адрасте, явно озадаченная.

— Возможно, тебе доводилось слышать о Леди Джулии Лете, — намекнула я.

— Не понимаю, — удивлённо посмотрела на меня она.

— А может, — продолжила я, — Ты и о Клавдиях Марцеллиани никогда слышала? О банковской семье или одноимённом доме на улице Монет Ара.

— Нет, — покачала головой моя собеседница, — не слышала.

— Я поняла, — улыбнулась я. — Давай-ка продолжать работ. Не хотелось бы привлечь внимание дежурного по кухне.

— Кто я, как Ты думаешь? — спросила Адрасте, повернувшись ко мне лицом.

— Уверена, нет никакой необходимости говорить это, — усмехнулась я.

— Кто? — настаивала она.

— Возможно, Ты слышала о рабыне по кличке «Лута»? — осведомилась я.

— Я слышала о многих Лутах, Литах, Ранах, Динах и бесчисленном множестве других, — сказала рабыня.

— Хорошо, я буду говорить яснее, — пожала я плечами. — Раньше тебя звали Леди Джулия Лета, из монетного дома Клавдиев Марцеллиани. Ты виновна в растрате, бежала, разыскиваешься для публичного наказания на улице Монет Ара.

Внезапное облегчение встряхнуло Адрасте, и она, закашлявшись и запрокинув голову, прикрыла рот, пытаясь подавить смех.

— Что у вас там происходит? — осведомился дежурный по кухне, внезапно появившийся в дверном проёме.

— Ничего, Господин! — ответила Адрасте, стараясь скрыть свою радость.

— Не вижу в этом ничего забавного, — прошипела я Адрасте, которая уже начала успокаиваться.

— Дорогая Зия, милая моя варварка, — заговорила она, наконец, взяв под контроль свои эмоции, — прости меня. Я хранила свою тайну так долго и так тщательно, что сдерживаемые эмоции рано или поздно должны были вырваться наружу. В другое время я, возможно, кричала бы, плакала, стенала или рыдала, но я не осмелилась, из страха перед хозяевами, поскольку крики страдания, конечно, станут поводом для расспросов. Таким образом, моё удивление, испуг и ужас должны были найти выход, вот они, почти автоматически, вырвались наружу, преобразовавшись в смех.

— Непроизвольная замена, — прокомментировала я, — радость вместо тревоги, смех вместо отчаяния.

— Точно, — поддакнула Адрасте.

— Что-то мне слабо верится в это, — недоверчиво сказала я.

— Дорогая Зия, — заговорила она, — я надеюсь, Ты никому не расскажешь, что я раскрыта, что раньше меня звали Леди Джулия Лета. Хозяева Монет нетерпимы к растратам. Их трудно будет задобрить. Они так мало понимают, и очень много предполагают. Ты представить себе не можешь, что это за люди, и насколько безжалостно мстительными они могут быть. Какое им дело до чувств, надежд, потребностей и желаний непритязательного агента, неприметного, незначимого, неважного наёмника, сокрушённого желаниями, обедневшего, нуждающегося, одинокого и несчастного, трудящегося среди золота, которого нельзя коснуться, окружённого богатством, принадлежащим другим, богатством, в сторону которого запрещено даже смотреть? Эла, я была слаба. А кто бы смог устоять перед таким искушением? Я поддалась искушению. Я допустила ошибку. Теперь я раскаиваюсь. Обвиняй меня, если тебе так угодно. Но постарайся меня понять. Будь милосердна, защити меня, сохрани мою тайну, я прошу тебя об этом.

— Тебе нечего меня бояться, — заверила её я.

— Кажется, дежурный по кухне посматривает в нашу сторону, — всполошилась Адрасте и вручила мне тарелку.

— Могу ли я называть тебя Лутой? — поинтересовалась я.

— Нет, — ответила она.

— Наедине, конечно, — уточнила я.

— Даже наедине не надо, — отрезала моя собеседница.

— Ну хорошо, — не стала настаивать я.

И мы продолжили нашу работу.

Честно говоря, в целом я не была удовлетворена нашим разговором. Когда я объявила гордычке Адрасте, до этого казавшейся раздавленной страхом, что она

бывшая Леди Джулия Лета, её реакция была не той, которую я ожидала. Я полагала, что она могла упасть в обморок от ужаса, или задрожать от тревоги, или неудержимо зарыдать, или застонать от отчаяния, или забиться в истерике, всячески отрицая обвинения. Вместо этого, она, очевидно, была удивлена. Фактически, её почти распирало от смеха. А уже мгновение спустя она, казалось, признала моё утверждение и попросила у меня столь немного, как сострадания и молчания. Её веселье, конечно, казалась аномальным, заставляя усомниться в том, что она могла бы быть Леди Джулией Летой. И вдруг, несколькими мгновениями позже, с излишней, на мой взгляд, готовностью, она признаётся в том, что была Леди Джулией Летой, признаёт свою вину, ищет моего понимания, демонстрирует раскаяние и просит меня молчать. Лично мне казалось вполне очевидным, что она не могла быть той Леди Джулией Летой с улицы Монет Ара из рассказа моего загадочного собеседника, если только она не была актрисой необычайного дарования и тонкости, которая, на самом деле будучи Леди Джулией Летой, решила утверждать, что это и есть её настоящая идентичность таким способом, что я вряд ли поверю её словам. Теперь мне казалось более вероятным, что она никогда не была Леди Джулией Летой, но предпочла сделать вид, что является таковой, чтобы развлечься за мой счёт, позабавиться, обманывая презираемую, невежественную варварку. Разумеется, её примирительный тон и расточаемые ею комплименты убедительными не выглядели. Незнакомец в алькове убедил меня, что Адрасте и Леди Джулия Лета — это одно лицо, но теперь у меня были веские основания сомневаться в этом. Скорее казалось очевидным, что я была введена в заблуждение. Мой собеседник в алькове явно ошибался. Он был неправ. Адрасте не была ею. Ввиду фундаментального характера этой ошибки, я видела мало оснований для беспокойства по поводу судьбы Леди Джулии Леты. С другой стороны, оставалось неоспоримым фактом то, что в Брундизиуме Адрасте уже пытались похитить, что в принципе было понятно, учитывая её красоту. Конечно, это было давно и далеко. Теперь мы находились в Порт-Каре, однако, я должна была, хотя бы из тех соображений, чтобы не быть брошенной в канал к уртам, оставаться настороже и постараться не пропустить любые сюжеты или потенциальные опасности, подозрительные намёки или что бы то ни было ещё, могущие иметь отношение к Адрасте. Она не могла быть Леди Джулией Летой, но это не отменяло того факта, что она была красива, поразительно красива даже для рабыни, а что может быть более вероятной приманкой для воров? Правда, я также не сомневалась, что за ворами, если таковые появятся поблизости, вероятно, будут следить очень внимательно. Вряд ли вор из Брундизиума, приехав в Порт-Кар, будет промышлять здесь своим ремеслом, как и вор из Порт-Кара воздержится быть таковым в Брундизиуме. К чужакам на Горе, особенно в небольших сообществах,

склонны относиться с подозрением. Фактически, в гореанском языке, как я уже упоминала ранее, для чужака и врага используется одно слово. Кстати, кража рабыни на Горе, вопреки ожиданиям, явление довольно редкое, конечно, внутри данного конкретного сообщества. Красть что-то у того с кем делишь Домашний Камень считается поступком постыдным.

— Сегодня вечером, — объявил вышедший в кухню заместитель тавернера, — вы все шестеро оденете туники и вернётесь в зал.

Нас отправили помыться, накормили, дали время на отдых, а потом приказали причесаться, привести себя в порядок и выдали свежие туники.

Покидая кухню, мы с Адрасте избегали смотреть друг на дружку.

Глава 15

Случай на набережной

— В

низ, на колени, шлюха, — резко бросил хозяин магазина, торговавшего свитками на южной стороне Дороги Воров. — Что-то я слишком часто стал видеть тебя здесь, слоняющейся без дела! Знаю я, таких как Ты! Сначала ходите мимо, присматриваетесь, а потом крадёте свитки для какого-нибудь негодяя, несомненно, некого завсегдатая Золотой Цепи, которому Ты надеешься угодить. Что тебе пообещали к качеству вознаграждения? Леденец? Глоток ка-ла-на? Или в следующий раз тебя просто отходят плетью в алькове, если бы Ты не сделаешь этого? Может, думаешь, я не заметил, что Ты постоянно отираешься поблизости? У тебя здесь не может быть никаких дел, а вот у меня дикое желание связать тебе руки за спиной и прикрепить к твоему ошейнику записку о том, чтобы на твою навязчивость обратили внимание в Золотой Цепи! Свитки стоят монет, Ты в курсе этого, воровка?

Я стояла перед ним на коленях, держа их плотно сжатыми и дрожала. За последние дни я часто ловила на себе его хмурый взгляд, но чтобы он выскочил из-за своего прилавка и накинулся на меня, случилось впервые.

— Я не воровка, Господин, — попыталась оправдаться я. — Посмотрите на меня, ведь я — рабыня! Я просто не посмела бы! Я не осмелилась бы украсть что бы то ни было, даже маслину или виноград!

— У тебя крошки на губах! — констатировал мужчина, проведя пальцем по моим губам и затем лизнув его языком. — Ты обокрала пекаря! Стащила медовый крендель!

— Нет, Господин, — сказала я. — Господин Леандер сам угостил меня. Его пекарня в двух шагах отсюда. Вы можете спросить его.

Это была правда, но я надеялась, что он не пойдёт выяснять это у Господина Леандера. Пекарь был редкостным шутником, и я боялась, что с него стало бы, счесть превосходной шуткой, сделать вид, что ничего не знает.

Продавец свитков моментально определил, что я была девушкой из Золотой Цепи. Теперь для этого даже не нужно было исследовать мой ошейник. Несколько дней назад мы начали выходить на улицу в туниках с рекламой. Одновременно привилегии наших прогулок, разрешения покидать таверну, и раньше весьма щедрые, были расширены ещё больше. Мотивы этой мягкости для нас секретом не были. Дело в том, что на Дворцовой улице открылась новая таверна, Шёлковая

Верёвка. Кроме того, в Плети и Цепи, расположенной здесь же на набережной, недалеко от канцелярского магазина, началась реконструкция и расширение. Разумеется, Хо-Тоск не обрадовался, обнаружив, что в окрестностях его таверны бродят рабыни, чьи туники были расписаны призывами посетить Шёлковую Верёвку. В действительности, среди рабынь конкурирующих между собой заведений даже произошло несколько стычек. Хо-Тоск этого так не оставил, наняв нескольких свободных женщин, чтобы они своими хлыстами держали паговых рабынь своих конкурентов на расстоянии. На левом плече наших тёмно-красных уличных туник теперь красовалось маленькое изображение золотой цепи, а в других местах курсивным шрифтом были вышиты слоганы, провокационного содержания, один или несколько, сочинённых так, чтобы привлечь потенциальных клиентов. Сама я их прочитать не могла, но мне сказали, что там были фразы вроде: «Ищите меня в Золотой Цепи», «Жду вас в Золотой Цепи», «Надеюсь ублажить вас в Золотой Цепи» и так далее. Моя туника, как мне сообщили, несла сообщение: «В Золотой Цепи, я — ваша рабыня». Что интересно, Адрасте подобным образом использовать не стали. Я предположила, что это было сделано в соответствии с некой директивой от её таинственного владельца.

— И почему же, — поинтересовался торговец свитками, — Леандер дал тебе булку?

— Я ему нравлюсь, — ответила я. — Он добрый. И я рассказываю ему новости. В Золотой Цепи можно много чего услышать.

— Слухи и сплетни, — презрительно бросил мужчина.

— Трудно сказать, что из этого окажется правдой, а что выдумкой, — пожалала я плечами.

— Всё выдумки, — заявил он.

— Я уверена далеко не всё, Господин, — позволила себе не согласиться я.

— Ты говоришь с акцентом, — внезапно нахмурился продавец свитков.

— Простите меня, Господин, — сказала я.

— Это не косианский акцент, — прокомментировал он.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Будь он косианским, — процедил мужчина, — не избежать бы тебе моего хлыста.

— Господин? — не поняла я.

— У нас с Косом война, — напомнил он.

— Да, Господин, — кивнула я.

— Ты из Ти, — предположил мужчина, — или с запада, с Воска.

— Эла, — вздохнула я, — я — варварка.

— Очень немногие из варваров умеют читать, — заметил торговец.

— Нас редко учат грамоте, — пояснила я.

— А Ты сама читать умеешь? — недобро прищурившись, осведомился он.

— Нет, — покачала я головой.

— Тогда тот, для кого Ты трудишься, полный дурак, — заключил мужчина.

— Господин?

— Только дурак послал бы неграмотную рабыню красть свитки, — заключил он. — Такая девка не смогла бы отличить Песни Андреаса из Тора от Тактики Дитриха из Тарнбурга.

— Но меня никто не посылал, — возмутилась я.

— Итак, Ты — неграмотная? — уточнил владелец магазина.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Какие свитки являются самыми ценными? — поинтересовался он.

— Полагаю, Господин подразумевает самые дорогие, — предположила я.

— Говори, — потребовал торговец.

— Бумага самых дорогих свитков, — заговорила я, — сделана из более тонкого, отборного ренса, их шпиндели обычно украшены и имеют шишечки на торцах, также они могут быть инкрустированы или покрыты лаком. Также самые дорогие свитки лежат за прилавком и отмечены пурпурной лентой.

— Ага, я так и думал! — воскликнул владелец магазина. — Ты просто ждала, когда я повернулся бы спиной или отвлёкся на кого-нибудь из клиентов, чтобы стащить любой из них.

— Я не воровка, — ответила я.

К этому времени вокруг нас уже собралась небольшая толпа из семи или восьми мужчин и трёх женщин.

— Ты украла медовый крендель у Леандера, — повторил своё прежнее обвинение продавец свитков.

— Нет, — стояла я на своём. — Он сам мне его дал.

Причём, Леандер дал его мне в буквальном смысле этого слова, вручил, когда я стояла перед ним на коленях. Он давно перестал бросать угощения на мостовую, и требовать, чтобы я съедала это стоя на четвереньках и не пользуясь руками, и только в тот момент, когда он даст мне разрешение. Рабыня ценит небрежное смягчение или мягкость в дисциплине, но ей не стоит путать акт доброты или символ привязанности со слабостью. Рабыня ничего не должна считать само собой разумеющимся, кроме того, что она — рабыня.

— Она лжёт, — заявила одна из женщин.

— Господин Леандер добр, — объяснила я. — Он доволен тем, что я делюсь с ним теми небольшими новостями, что слышу в Золотой Цепи.

— На кого Ты работаешь? — никак не унимался владелец магазина. — Кто тебя нанял?

— Меня никто не нанимал, — ответила я, — я просто гуляла.

— Избить её, — потребовала другая женщина.

Кейджера, на мгновение задержавшаяся на периферии толпы, с любопытством и опаской смотревшая на происходящее, поспешила исчезнуть под хмурым взглядом одной из женщин. Я стояла на коленях, одна, у ног окруживших меня свободных людей.

— Я часто видел тебя здесь, — сказал продавец свитков. — Почему Ты постоянно слоняешься около моего магазина?

— Я часто гуляю здесь, я просто прохожу мимо, — объяснила я.

— Ты задерживаешься здесь, — заявил он.

— Простите меня, Господин, — попыталась я применить спасительную фразу.

— Воровка! — процедил мужчина.

— Правильно ли я понимаю, благородный Бриндлар, — раздался мужской голос, — что эта смазливая рабыня иногда бездельничает около вашего магазина?

От этого голоса у меня перехватило дыхание.

— Слишком часто, благородный Аддисон, — сообщил владелец магазина.

— Это интересно, — продолжил вновь прибывший, — не находите, Леди Дорна?

— Не особенно, — голос ответившей ему женщины был столь же холодным, как лезвие ножа.

— Чем можно было бы объяснить такое поведение? — поинтересовался владелец мужского голоса.

Я не смела обернуться. Мое сердце колотилось так, что я боялась, что оно выскочит из груди.

— Следила, выжидая шанса стащить свиток и убежать, — буркнул Бриндлар, владелец магазина.

— И где в такой тунике, — осведомился тот же мужчина, — как Вы думаете, она могла бы спрятать свиток?

Мужчины в толпа отреагировали на его замечание взрывом смеха.

— И что тогда она может здесь делать? — спросил Бриндлар.

— Это очевидно, — отозвался тот же голос. — Местоположение вашего магазина, или, лучше сказать, не только вашего, но и нескольких ближайших заведений, является удобным местом для тех, кто хочет соблазнить того или иного товарища, или, что более вероятно, здесь удобно назначать свидания. Рядом, всего-то в одном пасанге, находится Арсенал. Подозреваю, она поджидает какого-нибудь плотника или парусника. Эти шлюхи в ошейниках не упускают случая отдаться кому-нибудь, даже просто мимоходом.

— Все они — бесстыжие животные, — презрительно бросила одна из женщин.

— Как же я их презираю, — заявила другая.

— Они хуже тарскоматок во время течки, — заявила третья свободная женщина.

— Стоило бы сообщить о ней её хозяину, — заметила первая. — Если кто-то хочет её, пусть он идёт в таверну и платит бит-тарск.

— В этом есть разумное зерно, — согласился один из мужчин.

— На самом деле, не очень хорошая идея, — не поддержал его другой.

— Если её владелец узнает, порка её ждёт такая, что её аппетитная кожа отстанет от костей, — предположил третий.

— Не так уж она и привлекательна, — прокомментировала первая женщина.

— Она таковой ещё станет, — пообещал ей мужчина.

— Золотая Цепь, — прошептал другой.

Я не осмеливалась оборачиваться, но мне в этом не было нужды. Я и так знала, что он, Аддисон Стил был здесь! Мои щёки стали мокрыми от слёз. Как же мне хотелось вскочить и, рыдая от счастья, броситься к его ногам.

— Ну же, пойдём Аддисон, — позвала та, к кому он обращался как к Леди Дорне.

— Здесь нет ничего интересного.

Я услышала удаляющиеся шаги и поняла, что они оставили место происшествия. Вслед за ними потянулись и остальные. Толпа разбрелась, люди разошлись каждый по своим делам.

— Это правда, рабыня, — поинтересовался Бриндлар, владелец канцелярского магазина, — что Ты ошивалась здесь, чтобы кого-то встретить?

— Да, Господин, — признала я. — Разрешите мне подняться и уйти. Я прошу вас. Я прошу вас!

Больше всего мне хотелось сейчас бежать вслед за Аддисоном Стилом и, как минимум, если ничто иное, получить некоторое представление о том, где позже я могла бы его найти.

— Оставайся, где стоишь, — не позволил мне уйти он.

— Да, Господин, — всхлипнула я.

Я не знала, увижу ли я когда-нибудь Аддисона Стила снова. Как я ненавидела ту женщину, которая была с ним, хотя я даже не видела её, Леди Дорну. Это имя было мне знакомо. Я слышала его по пути в Порту-Кар. Так назывался корабль наводящего ужас Боска из Порт-Кара, который, как утверждают, был известным работорговцем, торговцем и пиратом. В принципе, это было, возможно, одно из самых распространённых на цивилизованном Горе женских имён.

— Я подозревал, что Ты часто крутишься здесь поджидая того или иного товарища, — сказал Бриндлар.

Вообще-то у меня были вполне обоснованные основания сомневаться в его искренности, но я благоразумно предпочла держать свои сомнения при себе и сказала:

— Да, Господин. Простите меня, Господин. Пожалуйста, позвольте мне уйти, и я убегу и больше не буду вас беспокоить.

— Оставайся, где стоишь, — снова не отпустил меня он.

— Пожалуйста, разрешите мне уйти, Господин, — взмолилась я. — Обещаю, я больше никогда вас не побеспокою. Вы больше не появлюсь перед вашим магазином. Я уйду. Я буду избегать этих мест. Вы больше меня никогда не увидите.

— А Ты заметила, как смотрели на тебя мужчины? — поинтересовался Бриндлар.

— Нет, — ответила я, озадаченная его вопросом.

— Ты можешь слоняться здесь, сколько захочешь, — неожиданно сообщил мне он. — Пусть они ассоциируют тебя с моим магазином.

— Я не понимаю, — удивлённо уставилась на него я, хотя, я боялась, уже разгадала его задумку.

— Возможно, я бы даже мог использовать тебя за прилавком, — задумчиво проговорил мужчина.

— Но я же не умею читать, — напомнила ему я.

— Но цвета лент-то Ты различаешь, — усмехнулся он.

— Но я же боюсь даже коснуться монет, — сказала я.

Обычно кейджерам запрещено касаться денег. За такой проступок ей могут отрезать руки.

— С монетами я разберусь без тебя, — отмахнулся Бриндлар.

— Как такая как я посмеет торговаться со свободными людьми? — поинтересовалась я.

— Торговаться буду я, — объяснил он. — А твоя задача будет состоять в том, чтобы крутиться на заднем плане и казаться заинтересованной. Многие мужчины на многое пойдут, чтобы ему улыбнулась симпатичная рабыня.

Повернув голову, я сквозь слёзы увидела далеко на набережной две фигуру, одной из которых, я была уверена, был Аддисон Стил.

— Могу ли я уйти, Господин? — спросила я.

— И какие же новости обсуждают в тавернах? — вместо ответа полюбопытствовал хозяин магазина.

— Господин? — опешила я.

— Уверен, Пекарь Леандер не имеет права резервировать все эти слухи только для себя, — заявил он.

— Да, Господин, — вздохнула я, теперь, с того места, где стояла на коленях, уже больше не видевшая Аддисона Стила.

— Тогда рассказывай, — потребовал продавец свитков.

И тогда я, с трудом скрывая свои страдания, беспомощная что-либо изменить, удерживаемая на месте желанием мужчины, пересказала большую часть того, что я ранее поведала Леандеру. Бриндлар по ходу моего повествования то веселился, то вставлял назидательные комментарии, то проявлял скептицизм. Я не

осмелилась сокращать пересказ или говорить конспективно, опасаясь наказания, в случае если Бриндлар и Леандер позже решат обменяться мнениями.

Вот так, чувствуя себя предельно несчастной, глотая слёзы отчаяния, я протараторила всё, что запомнила. Тарларионовые скачки в Венне в полном разгаре, Центий с Коса, получив гарантии неприкосновенности, прибыл в Аргентум и выиграл этап в турнире каиссы. Попытка поднять грузовые сборы на Воске под видом из стандартизации провалилась. Началась миграция четырёх-жаберных парситов. Ренсеры подняли цену проживания для речных пиратов, скрывающихся от кораблей Лиги Воска и просящих убежища в дельте. Делегация из Тарны, посещает различные города, в очередной раз занимаясь бесплодными поисками информации имеющей отношение к пропавшему несколько лет назад ребёнку, сыну Лары, Татрикс Тарны, похищенному ещё младенцем. В дельте снова, предположительно, видели какого-то монстра. И наконец, появилось множество свидетельств того, что неуловимая Талена из Ара, разыскиваемая судьями Марленуса из Ара беглянка, после долгих мытарств и опасностей, смогла достичь убежища у своего союзника на Косе. Теперь она — почётная гостья во дворце Луриуса из Джада, Убара Коса. Это подтверждалось множеством свидетельств. Фактически, ходят слухи, что она часто появлялась в государственных мероприятиях в компании самого Убара. В недавней войне, кажется, она очень активно поддерживала устремления островных Убаратов, Коса и Тироса. В действительности, без её подрывной деятельности, предательства и коллаборационизма, а также, если бы отсутствие Марленуса из Ара, не случилось бы опрометчивой, провальной кампании в Дельте Воска, Ар, возможно, не был бы побеждён, оккупирован, унижен и разграблен. Кровавое восстание жаждущих отмщения горожан Ара и реставрация Марленуса из Ара покончила с режимом Талены, а сама Талена исчезла. Я была в курсе, что за её поимку была назначена огромная награда, целых десять тысяч тарнов, золотых монет двойного веса. Говорят, что такого богатства хватило бы, чтобы купить город. По крайней мере, на эти деньги можно было бы построить и оснастить флоты и сформировать армии. Теперь, по-видимому, несмотря на сотни гонявшихся за её головой охотников, она смогла добраться до Коса и пребывает в безопасности.

— Могу ли теперь уйти, Господин? — спросила я.

— Подожди, — сказал Бриндлар, заходя за прилавок, и через мгновение вернулся, чтобы вручить мне карамельку.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я.

Но торговец уже отвернулся от меня и принялся копаться в одном из выставленных на улицу контейнеров со свитками.

Встав на ноги, стиснув леденец в правой руке, я посмотрела вдоль канала. На набережной не было никаких признаков присутствия Аддисона Стила или женщины, которая его сопровождала.

Тыльной стороной ладони вытерев слёзы, я сунула леденец в рот.

Увижу ли когда-нибудь, спрашивала я себя, Аддисона Стила снова? А ещё, я задавалась вопросом, не могла ли женщина, его спутница, убить меня, узнав о моём к нему интересе. Я предположила, что вряд ли. Рабынь обычно продают или дарят.

Глава 16

Очень странный разговор

Я

стояла на коленях около маленького низкого стола, вокруг которого, скрестив ноги, сидели четверо мужчин. Судя по их мягким, не имеющим полей шапкам это были моряки.

— Он не тот, кем он старается казаться, сказал один из них.

— Это очевидно, — согласился другой.

— За всё время нахождения на корабле он не произнес не одного слова, — добавил третий.

— Он расплатился золотым статерием, — сообщил второй.

— Какие, у такого как он, могут быть дела в Порт-Каре? — спросил первый.

— Кто мог бы нанять его? — поинтересовался третий.

— Боюсь, он не интересуется наймом, — покачал головой четвёртый мужчина.

— Кто он вообще такой? — спросил первый.

— Понятия не имею, — буркнул четвёртый. — Но я его боюсь.

— Как можно бояться такого как он? — удивился второй.

— Только тот, кто не видел в деле его клинок, не стал бы опасаться его, — сказал четвёртый мужчина, кепка которого была украшена четырьмя крошечными алыми разрезами.

— Тебя самого боятся, — заметил его третий товарищ. — О твоих победах на закрытых боях на Играх Клинков не слышал разве что глухой.

— А вот его я боюсь, — признался четвёртый.

— Ты же сказал, что не знаешь его, — напомнил первый.

— Я не знаю его имени, ранга, статуса, — пояснил он. — Ни даже его Домашнего Камня.

— У такого мужчины вообще может не быть Домашнего Камня, — предположил второй.

— Я заключаю, что тебе доводилось видеть его с обнаженной сталью, не так ли?

— уточнил третий мужчин, обращаясь к четвёртому.

— Верно, — кивнул тот, — как-то раз в Аре, рано утром, во время тренировки.

— Но сейчас, судя по всему, он отличается от себя прежнего, — заметил второй.

— Теперь он практически беспомощен.

— Проверь, если тебе так хочется, — хмыкнул четвёртый. — Но я бы на твоём месте этого не делал.

Я не понимала, о ком они могли говорить.

— Здесь девка заскучала, — указал на меня первый мужчина. — Давайте-ка наполним наши кубки.

Держа металлический кувшин двумя руками, я прижала сосуд к животу, подняла его, поцеловала, а затем, склони голову между руками, поставила на стол.

Глава 17

Ворота Дельты

Т

ерритория Порт-Кара изрезана множеством каналов, и, как можно было бы ожидать, многие из этих каналов используются жителями для передвижения. Для этого в городе особенно популярны маленькие челноки. С другой стороны, Порт-Кар не испытывает недостатка в парках, площадях, рынках, аллеях и прочих атрибутах гореанского города. Кроме того, в очень немногие, если таковые вообще имеются, большие части города нельзя было бы добраться по суше, воспользовавшись мостами и переходами. Безусловно, в случае нападения эти мосты, которые все без исключения деревянные, как правило, светлые, украшенные замысловатой резьбой, декорированные, выгнутые, узкие, подсвеченные по ночам фонарями, будут преданы огню, город превратится в лабиринт хорошо укрепленных островов, оборонять которые гораздо легче, чем штурмовать. Трудно взять такой город, даже если поджечь его. Преднамеренное сжигание или разрушение мостов можно также использовать, чтобы изолировать часть города, в которую можно заманить агрессора и отрезать ему пути к отступлению.

На прошлой неделе мы с Аглайей, если можно так выразиться, занимались рекламой нашей таверны. То есть, мы попросту прогуливались по набережной Жёлтого Канала, демонстрируя надписи на наших туниках. Вдруг моя спутница испуганно вскрикнула и, указав на воду влево от себя, произнесла:

— Смотри, Зия! Смотри!

— Что? — встрепелась я, спеша к краю набережной.

— Уже ничего, — констатировала она.

— Я ничего не вижу, — сказала я.

— Но оно было там, — заявила Аглайя.

— Ты решила подразнить меня, — обиженно насупилась я.

— Да нет же, — настаивала девушка. — Оно было там. Что-то очень большое!

Поначалу я не придавала значения этому случаю, однако, как выяснилось позже, Аглайя была не единственной, кто видел это. Также мне вспомнились рассказы, которые я слышала в таверне о некоем монстре, предположительно, замеченном в дельте несколько недель назад, которого описывали как рептилию похожую, если

не брать в расчёт большие размеры и серебристый окрас, на чёрного, змееподобного «длинного тарлариона», которыми дельта просто кишит. Я предположила, что этот монстр, если он реально существовал, всё же являлся разновидностью длинного тарлариона, возможно очень старой или мутировавшей особью. Так что, не было ничего невозможного в том, что Аглайя, действительно, видела что-то, скрывавшееся в толще воды. Как я, возможно, уже упоминала, иногда в каналы заплывают акулы, обычно болотные или морские акулы из залива Тамбер, но они обычно, рано или поздно находят дорогу назад в дельту или в море. Ходили также разговоры и ещё двух аномальных событиях, произошедших в городе за последнее время. Во-первых, были очевидцы, которые утверждали, что будто бы видели, как урты канала плавали около некой тёмной, перемещавшейся под водой фигурой, следовавшей по Каналу Веминиумов, по-видимому, акулой или длинным тарларионом. Необычным в этом было то, что урты обычно избегают акул и тарларионов, зачастую разбегаясь при их появлении. Однако в описываемом случае они, казалось, толпились вокруг гостя, фактически, как утверждали некоторые свидетели, как будто сопровождая его, почти как если бы исследуя его, как если бы им было любопытно. Второй инцидент, у которого в целом могли быть различные объяснения, имел отношение к девушке охотника на уртов. Она плавала в воде на своей верёвке, охотник был рядом, когда она вдруг закричала от боли, а вода вокруг неё окрасилась кровью. Когда охотник втащил свою приманку в лодку, то обнаружил на её левой ноге четыре параллельных, расположенных на равном расстоянии друг от друга, глубоких пореза. Никаких признаков присутствия в канале акулы или тарлариона не было. Да и не похожи были порезы на следы зубов таких хищников. Рабыня утверждала, что её порезали кинжалами. Объяснение это было сочтено истеричным бредом обезумевшей рабыни, но раны были более чем реальны. В дельте обитает похожая на угря рыба — рыба-топор, у которой имеется твёрдый спинной плавник. Возможно, четыре таких рыбины заплыли в каналы и, плывя вместе, что довольно странно с их стороны, заделали рабыню.

Дело было тёплым, ясным утром, характерным для конца лета.

Янзе обещала показать нам кое-что интересное, что она обнаружила во время одной из своих рекламных прогулок. Тех прогулок, в которые нас теперь часто отправляли, чтобы мы ясно давали понять, какие восторги и удовольствия могли бы ждать посетителей Золотой Цепи. Соответственно мы тайно договорились, что мы, после того как нас по-отдельности выпустят из таверны, встретимся около ступеней Дворца Совета Капитанов на Дворцовой улице. Мы с Аглайей прибыли на место randevu первыми, чуть позже пришли Дафна и Евфросиния.

— Ну и где Янзе? — поинтересовалась Аглайя.

— Она была такая многозначительная, — усмехнулась Евфросиния.

— Не думаю, что нам стоило здесь собираться, — опасливо озираясь, сказала Дафна. — А что, если сюда придёт кто-нибудь из служащих таверны?

— Улыбайся и всё будут в порядке, — посоветовала ей Евфросиния. — Лучше опасайся недовольных свободных женщин.

Признаться, подобные мысли посещали и меня саму. Рабская туника, знаете ли, слишком слабая защита от ударов быстрого, свистящего хлыста. К тому же, свободные женщины часто раздаривают свои удары без разбора, так что обнаженным ногам, рукам и шее рабыни достаётся немало знаков их внимания.

— Вон она, — указала Аглайя.

— Идите за мной, — сказала Янзе. — Сейчас я вам кое-что покажу.

— И что же это? — полюбопытствовала Дафна.

— Сами увидите, — загадочно улыбнулась Янзе.

— Я надеюсь, это «кое-что» будет достойно внимания, — проворчала Евфросиния.

— Это каждый решает для себя сам, — пожала плечами Янзе.

И мы пошли вслед за ней через город.

— Видите? — указала Янзе.

— Что могло сделать это? — ошеломлённо прошептала Аглайя.

— Что могло так перекрутить металл? — спросила Дафни.

Янзе привела нас к Морским Воротам Дельты, не самым большим в городе. Самыми большими являются ворота арсенала, а также западные и южные ворота, то есть все, которые ведут непосредственно с Залив Тамбер.

— Ну как, — торжествующе обвела нас взглядом Янзе, — это было достойно внимания?

— Да, — выдохнула Евфросиния, с благоговейным страхом.

— Думаю, скоро это восстановят, — предположила Аглайя.

— Я надеюсь, что так и будет, — сказала Дафни, чей взгляд был направлен мимо ворот, на безбрежные болота дельты.

Там, за воротами двигались четыре маленьких челнока, обычного среди ренсеров средства передвижения по толям и протокам. Эти челноки, буквально связанные из переплетённых стеблей ренса, обычно приводятся, в движение шестами. Острова, на которых живут ренсеры, кстати, тоже сотканы их побегов ренса. По мере того, как ренс гниёт, разлагается и отпадает от основания, островитяне вплетают в поверхность свежие стебли.

Около Ворот Дельты находится Рынок Дельты. С того места, где мы стояли его было хорошо видно. Здесь в основном торговали рыбой, перьями чайки Воска, считающимися лучшим материалом для оперения стрел, ренсом, изделиями из металла, тканями и кожей, древесиной ка-ла-на для луков, вином, пагой и так далее. Весь товарообмен между дельтой и Порт-Каром, проходит через Рынок

Дельты. Впрочем, здесь хватало изделий и товаров, доставленных через болота издалека, из городов расположенных в нижнем течении Воска. С другой стороны, большая часть торговых отношений Порт-Кара связана с прибрежными городами, от южного Брундизиума до северных Кассау и Скьерна.

Одна створка ворот, та, что справа, если смотреть со стороны города, была сорвана, согнута и искривлена. Другая створка, хотя и осталась на месте, но висела криво, едва держась на петлях. Вместо ворот теперь между стен была натянута тяжёлая цепь, импровизированный барьер, поднимаемый и опускаемый лебёдкой. Один из маленьких ренсовых челноков, направлявшийся из города в сторону болот как раз проплывал под цепью, и мужчина, правивший им, вынужден был пригнуться, чтобы не удариться о цепь головой.

Охрана ворот, усиленная в связи с произошедшим, дежурила на своих постах, регулируя движение прибывающих и убывающих плавсредств.

— Когда это произошло? — спросила Аглайя.

— Две ночи назад, — ответила Янзе.

— Я хочу, чтобы они восстановили ворота как можно скорее, — призналась Аглайя.

— Я доложу о твоём желании Совету Капитанов, — съязвила Янзе.

— Кто знает, что могло пробраться в каналы из дельты? — зябко повела плечами Аглайя.

— Под этой цепью, проплыть может всё что угодно, — сказала Евфросиния.

— Ворота, даже когда они были целыми, немногим лучше, — заметила Дафна. — Каждый раз, когда их открывают чтобы пропустить корабль или лодку ренсеров, в город может проникнуть любой монстр.

— Или покинуть его, — добавила Аглайя.

Я рассматривала повреждения тяжёлых крепких ворот, и думала, что у меня было лучшее понимание тех сил, которые могли бы стать причиной таких разрушений. Я знала о существовании мощи, которая была способна легко и быстро расправиться и не с таким препятствием, но я не думала, что они могли быть найдены на Горе. Но затем я вспомнила о том, что я и многие другие как-то были переправлены в этот неиспорченный, красивый, опасный мир. Конечно, это предполагало наличие изощрённых технологий и мощи.

— Я слышала, — вступила в разговор я, — о нескольких странных случаях в городе, в каналах.

— Мы все об этом слышали, — отмахнулась Янзе.

— И те случаи произошли больше чем два дня назад, — сказала я.

— Какая может быть связь между ними и повреждением ворот? — не поняла, к чему я веду, Дафна. — Те случаи, если они не выдумки, происходили в каналах далеко отсюда.

— Верно, — согласилась я, — но, что если все они были правдой, рассказы о них точны и всё такое, и были не простыми совпадениями, а были связаны друг с другом?

— Я не понимаю, — озадаченно уставилась на меня Аглайя.

— Что, если в этом был своего рода умысел или намерение?

— Не говори глупости, — хмыкнула Дафна.

— Она же варварка, — бросила Евфросиния.

— Если, — не обращая внимания на их скептицизм, продолжила я, — все эти события связаны между собой, и некая сила или существо, умное или хитрое, могло приходить и уходить, когда ему вздумается, то почему ворота были повреждены, да ещё и столь фатально, как сейчас?

— Твоя гипотеза — глупость, — заявила Евфросиния, — но если её принять, многое будет казаться ясным.

— Боюсь, что так, — поёжилась я.

— Чтобы сообщить о своей силе, о своём присутствии, — подытожила Евфросиния, — привлечь внимание, послать сообщение, пригласить на контакт.

— Верно! — поддержала её я.

— Но, — сказала Евфросиния, — к чему все эти проблемы? Почему просто не подойти к кому-нибудь и не сказать «Тал»?

— Откуда мне знать? — пожала я плечами. — Возможно, по неким причинам, могло бы быть непрактично или неразумно так поступить.

— Кроме того, нужно смотреть, кому ты говоришь «Тал», — заметила Дафна. — Возможно, не все будут этому рады.

— Кто мог бы захотеть здороваться с кем-то или чем-то, что может согнуть железо и оторвать ворота от стен? — спросила Дафна.

— Возможно, тот, у кого не остаётся другого выбора, — ответила ей Евфросиния.

— В таком случае, послание в виде перекрученного железа и разрушенных ворот, как мне кажется, должно иметь определённого адресата, — предположила Дафна.

— Скорее всего, — согласилась Евфросиния, — кого-то, кто мог бы понять такое сообщение и мог бы на него ответить.

— Давайте-ка возвращаться в таверну, — предложила Аглайя. — Мы отсутствовали уже достаточно долго. Хлыст не самая приятная вещь, по крайней мере, не та, знакомство с которой хотелось бы освежать.

Я оглянулась и окинула взглядом Рынок Дельты. Насколько я могла судить, там всё было в пределах нормы. Обычно ближе к полудню и днём его активность затухает. На гореанских рынках обычно самая бойкая торговля идёт ранним утром. На наклонном спуске к каналу, примыкавшем к рынку, я рассмотрела множество маленьких ренсовых челноков, привязанных к вмурованным в пристань кольцам, иногда по несколько лодок к одному кольцу.

Мы поспешили оставить окрестности Ворот Дельты. Как верно отметила Аглайя, хлыст — аксессуар не из самых приятных.

Чтобы вернуться к Золотой Цепи, нам нужно было пройти по Дворцовой улице и пересечь площадь, одной из сторон которой была широкая лестница, ведущая к Дворцу Совета Капитанов. Именно там, поглядев влево, я споткнулась и с трудом удержалась на ногах. Моё тело внезапно одеревенело от того, что я увидела приблизительно в сорока ярдах слева. Негромко вскрикнув от охватившей меня тревоги, я всё же смогла удержаться на ногах, и вернуть себе способность двигаться.

— Что это с тобой? — спросила Евфросиния, заметившая моё состояние.

— Ничего, — прохрипела я и, опустив голову, поспешила принять правее и спрятаться за Аглаей, которая была немного выше меня.

— Зия? — не сводила с меня вопросительного взгляда Евфросиния.

— Ничего, — настаивала я, краем глаза наблюдая на крупной, мрачной фигурой.

Движения мужчины были неловкими, но целеустремленными. Она шёл левее нас, параллельно, но в противоположную сторону. Одет он был, несмотря на тёплый, солнечный день, в лёгкий плащ, закреплённый так, чтобы скрывать его левый бок. Шёл он покачиваясь и казался неким гротескным, но сильным монстром, получеловеком-полудеревом. Тяжёлый, грубый костыль стучал, иногда шаркая по булыжникам площади. Удивлённая Евфросиния остановилась и оглянулась на странную фигуру.

— Не оглядывайся, — прошептала я. — Давай поскорее пройдем мимо.

— Это — всего лишь одноногий мужчина, — прокомментировала она. — Беспомощный калека. Нет причин бояться такого полумужчины. Они — объекты для шуток и насмешек. Бывает, что дети крадут и прячут их костыли, а потом поют оскорбительные песенки в их присутствии, держа костыль вне пределов их досягаемости. Свободные женщины не рассматривают их в качестве потенциальных компаньонов. Такие обрубки мужчин, части мужчин, должны с улыбкой переносить насмешки и надеяться выпросить пригоршню крошек или глоток дрянной паги. Некоторые развлекаются за их счёт, используя их в качестве мишени для своего юмора. Это позволяет им хоть на кого-то посмотреть сверху вниз.

— Когда-то он был цел, — объяснила я, — и, боюсь, один его вид внушал ужас.

— Это теперь в прошлом, — успокоила меня Евфросиния.

— Такие несчастные достойны того, чтобы их пожалеть, — вздохнула я.

— Ты всё ещё слишком мало знаешь о Горе, — покачала головой Евфросиния. — Это — самое большое оскорбление. Они готовы терпеть насмешки и издевательства, но не жалость. Что было бы более жестоким для гореанина?

— То есть, для некоторых они — объекты презрения и развлечения? — удивилась я.

— Конечно, — кивнула Евфросиния.

— Я не думаю, что он позволил бы такое с собой обращение, — покачала я головой.

— А разве у него был бы какой-то выбор? — осведомилась Евфросиния.

За разговором мы немного отстали от других девушек, и нам пришлось прибавить шаг, чтобы догнать их.

Я не думала, что он увидел меня. Мы виделись лишь однажды, на борту корабля, пришвартованного в гавани Брундизиума. К нему тогда, правда, с изрядной долей скептицизма, обращались как к Бруно из Торкадино. Однако, мне довелось слышать это имя снова, во время моего интервью в алькове, когда я, с капюшоном на голове и цепью на ноге, стояла на коленях перед собеседником, личность которого так и осталась для меня загадкой. Разумеется, я не расценивала так называемого Бруно из Торкадино с такой же небрежностью, как это могла бы делать Евфросиния. Каким бы он ни был калекой, но он бросил вызов и даже смог запугать дюжину мужчин, вооружённых и опасных. Что уж говорить обо мне. Меня он пугал, как мог бы напугать опасный хищник, неожиданно появившийся перед тобой в дверном проёме, готовый к броску и зловещий. Впрочем, даже если бы он увидел меня, я сомневалась, что он мог бы меня узнать, уж точно, не мимоходом и не на таком расстоянии. Что он делал в Порт-Каре? Было ли это простым совпадением? Что если он всё ещё искал свою Луту? Может, он подозревал, что она была в городе? Были ли у него возможности выяснить это? Неужели он последовал сюда за нею? Куда он направлялся? Конечно, точно не в Золотую Цепь. Может, он слышал об искореженных воротах Дельты, и это вызвало его любопытство? Отважится ли он выходить на болота? Я боялась. Я должна была просить аудиенции у своего хозяина, Хо-Тоска.

Глава 18

Однажды ночью в Золотой Цепи

О

н сидел спиной ко мне и беседовал с двумя другими мужчинами, составлявшими ему компанию за столом. Когда я, посланная к его столу, опустилась рядом на колени, чтобы поинтересоваться его заказом, он обернулся.

— Чего это задрожала? — нахмурился он. — А ну-ка посмотри на меня. Убери волосы с лица, рабыня.

Я отвела волосы в стороны, а затем опустила руки.

Вдруг он запустил пальцы в моих волосы и сжал кулак.

Рефлекторно я подняла руки к горлу, к своему ошейнику.

— Опустите руки, прижмите ладони к бёдрам, — потребовал мужчина и притянул мою голову ближе к себе и к мягкому свету висевшей над столом лампы.

— А ведь мы знакомы, — заключил он.

— Нет, Господин, — пролепетала я, не в силах оторвать глаз от его щеки, где чуть ниже и правее его рта красовался маленький, но хорошо заметный треугольный шрам.

— Я тебя знаю, — кивнул он. — Я уверен в этом.

— Я не думаю, как такое, может быть, — пролепетала я. — Простите меня, Господин. Откуда Вы можете знать меня? Я — варварка.

— Брундизиум, — вдруг сказал мужчина со шрамом.

— Я не понимаю, — задрожала я.

— Простыня, пожар, ошибка, — добавил он.

— Я не понимаю, — повторила я.

— Это — она, — сообщил он, повернувшись к двум своим товарищам.

— Ты уверен? — скептически глядя на меня, уточнил один из них.

— Абсолютно, — заверил его мужчина со шрамом.

— Значит, она нам лжёт, — заключил второй его товарищ.

— Просто теперь она стала намного красивее, — пояснил мужчина со шрамом. — Фигура улучшилась. Она стала мягче, беспомощнее, уязвимее. Она теперь гораздо больше рабыня, чем была тогда. Живее, энергичнее. Теперь она гораздо лучше знает о том, что носит ошейник.

С одной стороны, я не понимала, как такое могло быть. Как я могла теперь быть больше рабыней, чем я была ей в Брундиизиуме? Но с другой стороны, я боялась, что он был прав.

— Просто она провела больше времени в ошейнике, — усмехнулся первый его товарищ.

— Они не могут сопротивляться этому, — сказал второй, — пламени, горящему в их животах. Они переполнены потребностями, и это заставляет их отчаянно стараться понравиться мужчинам, тем самым становясь лучше и лучше.

— Уверен, сейчас она уже дошла до той кондиции, что потечёт и захныкает от малейшего прикосновения, — усмехнулся мужчина с маленьким шрамом на лице. Я была даже благодарна ему, что он не стал дотрагиваться до меня.

— Но она попыталась тебя обмануть, — напомнил второй мужчина. — За ложь её следует наказать плетью.

— Пожалуйста, не надо плетью, — в ужасе прошептала я.

Я рано познакомилась с плетью, практически сразу после того, как пришла в сознание в этом мире, даже ещё до того как наставники всерьёз взялись за моё обучение. Я хорошо запомнила, как меня и других девушек, раздетых и подвешенных за руки к цепи, натянутой над нашими головами, отдали её нежности.

— Не дрожи так, — хмыкнул второй мужчина. — Мы воспользовались бы пять-ременной рабской плетью подходящей для рабынь. Её широкие языки не оставят шрамов на твоей аппетитной шкурке.

— Интересно, что мы встретили её здесь, — сказал мужчина со шрамом, и убрал руку из моих волос.

Я осталась на том же месте и в той же позе, как была.

— Три паги, — заказал он.

— Да, Господин, — облегчённо вздохнула я.

— Поторапливайся, — потребовал он. — И возвращайся с пагой лично. Не вздумай прислать вместо себя другую рабыню. Мы были бы не прочь пообщаться имён с тобой.

— Господин? — напряглась я.

— Я уверен, Ты окажешься очаровательной и интересной собеседницей, — пояснил мужчина со шрамом и, усмехнувшись, добавил: — А главное, информированной.

Я встала, отступила на пару шагов, повернулась и поспешила к наполненному пагой чану, а помощник тавернера со своей монетной коробкой направился к ним, чтобы принять от них оплату заказа. Девушка входит в цену напитка, но многие мужчины приходят в таверну просто, чтобы перекусить и выпить, повстречать друзей, поделиться и обсудить новости, сплетни и слухи, услышать или рассказать

истории, послушать музыкантов и полюбоваться на танцовщиц, когда те выступают, или даже сыграть партию в каиссу, или перекинуться в карты. Если за столом сидит компания, то редко кто-то из них станет связывать и посылать девушку в альков. Гореанским мужчинам нравится иметь рабынь самих по себе, и они редко спешат с тем, за что они заплатили. Мужчины, которые ищут развлечений с девушкой обычно, приходят одни. В любом случае я не думала, что мужчину со шрамом, либо его товарищей, в данный момент интересовало доведение до спазматического подчинения связанной беспомощной рабыни.

По пути к чану с пагой я услышала, как кричит в экстазе рабыня в алькове номер семь. Кроме того мне встретилась Дафна, на лице которой блуждала мечтательная улыбка, а запястья были связаны за спиной тремя петлями кожаного шнура. Шесть других рабынь стояли поблизости, спиной к стене слева от украшенного бусами занавеса, ожидая, когда их выберут или направят к тому или иному столу.

Вскоре после этого я снова стояла на коленях около того же стола, стола номер сорок один, стоявшего около дальней стены центральной области обслуживания таверны. Поставив маленький поднос с тремя кубками на поверхность стола, я почтительно произнесла:

— Пага, Господа.

Каждый из них взял кубок.

Я потянулась к подносу, но рука того из мужчин, который говорил о плети, придавила его к столу.

— Оставайся где Ты есть, — велел мне мужчина со шрамом. — Как тебя называют?

— Зия, — ответила я, — если это понравится Господину.

— Ты помнишь Брундиизиум? — осведомился он, но видя, что я не спешу с ответом, поинтересовался: — Мне потребовать, чтобы принесли плеть?

— Я помню Брундиизиум, — сказала я. — Господин был достаточно любезен, чтобы освободить меня в Брундиизиуме, чтобы я могла бы вернуться в дом Анесидема. Рабыня благодарна.

— Нам было поручено забрать рабыню, — начал он, — которую прежде, предположительно, звали «Лута», а затем переименовали в «Адрасте». Мы собирались изъять её у покупателя во время её передачи ему или уже по пути к его дому. Но ситуация внезапно поменялась, причём, как нам тогда казалось, в нашу пользу. Никто не мог предвидеть, что на причалах вспыхнет пожар, из-за которого вас всех, соответствующим образом скрытых и защищенных от горячего пепла и искр, выведут из дома Анесидема на случай, если пожар перекинется и на него. Один из работников того дома был подкуплен нами, именно он пометил простыню Адрасте, чтобы облегчить нам её опознание и приобретение. К

сожалению для нас, укрывавшие вас простыни были перепутаны или сознательно поменяны, в результате вместо Адрасте мы забрали тебя.

— Вы не знали, как выглядит Адрасте, — констатировала я.

— Верно, — кивнул мужчина. — Как тебе хорошо известно, всё сложилось не лучшим образом.

— Вашим нанимателем был Бруно из Торкадино, одноногий мужчина, — припомнила я.

— Мы получили от него в качестве гарантии и доброй воли серебряный статерий, — сказал он. — Второй статерий мы должны были получить после передачи рабыни.

— Которая доставлена не была, — подытожила я.

— Операция была детально распланирована, — продолжил мужчина со шрамом.

— Мы подготовили средства бегства из Брундизиума, и должны были покинуть город с первым же после кражи приливом. Даже неудачное похищение, даже его попытка, были бы замечены и не остались бы без внимания. Мы не хотели задерживаться в Брундизиуме, чтобы не попасть в сети стражников и на допрос к расследователям. Город мы покинули, как и планировалось, но позже, уже в море, мы обсудили эту ситуацию. Казалось очевидным, что одноногий представился не настоящим своим именем, скрыв свою истинную личность. Впрочем, это было ясно ещё в Брундизиуме. Но с какой стати ему было так поступать, если только ему не было важно держать эту личность в секрете? И какая необходимость была в том, чтобы держать в секрете вопрос возвращения рабыни к её надлежащим цепям, если это было делом ясным, законным и благородным? Почему бы не обратиться за помощью к страже? Да и рисковать двумя серебряными статериями ради одной единственной рабыни, пусть и красивой, но выставленной на торги в доме Анесидема, одном из самых низкопробных рынков, было более чем странно. Почему бы ему просто не пойти на тот аукцион и не предложить за неё цену лично? У того, кто может расстаться с двумя серебряными статериями подобным способом, они наверняка не последние. Он должен был что-то знать об этой рабыне. Он должен знать кого-то, кто мог бы заплатить гораздо больше двух статериев за её доставку. Всё это выглядело очень таинственным. Кем был он? Кем была эта рабыня? Разумеется, скрытого в этом деле было больше, чем того, что лежит на поверхности.

За всё время его монолога я не открыла рта. Очевидно, что ему не было известно о версии, что Адрасте в прошлом была Леди Джулией Летой, бывшей служащей дома Клавдиев Марцеллиани с улицы Монет Ара, разыскиваемой за растрату.

— Признаюсь, увидев тебя здесь, я был удивлён, — сказал мужчина со шрамом.

— Господин? — не поняла я.

— Как получилось, что Ты оказалась в Порт-Каре? — спросил он.

— Я была продана, как вам известно, через дом Анесидема, — ответила я. — А купил меня агент для Хо-Тоска, моего нынешнего хозяина и владельца Золотой Цепи, после чего меня и нескольких других девушек погрузили на корабль, плывший вдоль побережья на север, и привезли в таверну.

— Адрасте везли вместе с тобой? — уточнил он.

— Нет, Господин, — мотнула я головой.

— Отметим это, — сказал второй мужчина, и они, подняв кубки, пригубили пагу.

— Могу ли я поинтересоваться, — спросила я, — как получилось, что Господин тоже оказался в Порт-Кар?

Как ни странно, моя смелость не была наказана оплеухой.

— Мы пришли к выводу, что это странное дело пахнет не только серебром, но и, возможно, золотом, — сказал мужчина со шрамом. — Мы решили вернуться в Брундициум и понаблюдать за одноногим. В течение многих дней и недель ничего не происходило, и мы уже стали думать, что потерпели неудачу. Но вдруг мы узнаём, что одноногий сел на корабль, направляющийся в Порт-Кар. Логично было последовать за ним.

— Почему он сделал это? — любопытствовала я.

— Понятия не имею, — пожал он плечами. — Но теперь, когда я повстречал тебя здесь, в Порт-Каре, я предполагаю, что он, отчаявшись получить какую-либо информацию об Адрасте, предположил, что смена простыней, могла быть не случайной, и что Ты так или иначе могла быть связана с ней. Само собой, это могло бы быть возможно. Он узнал о твоём месте назначения, купить такую информацию было несложно, а затем, сделав ставку на то, что между тобой и Адрасте могла бы быть некая связь или отношения, он последовал за этой возможностью. Разве Ты не могла бы, так или иначе, привести его к Адрасте?

— Мне страшно, — призналась я.

— Мы провели в Порт-Каре уже несколько дней, — сообщил мой собеседник.

— Я знаю, — кивнула я.

— А что Ты знаешь об Адрасте? — спросил он.

— Очень мало, — развела я руками.

— Было ли в ней что-нибудь необычное или особенное? — уточнил свой вопрос он.

— Она очень красива, — вздохнула я.

— Красивых рабынь много, — хмыкнул мужчина. — Именно поэтому они и оказались в ошейниках. Что-нибудь ещё?

— Ничего такого, о чём я могла бы знать, — пожала я плечами.

— В конце концов, благодаря осторожным запросам и серебру, мы определили местонахождение одноногого, — сообщил мужчина со шрамом. — И в конечном

итоге, следуя за ним, мы пришли сюда. Рискну предположить, что он, опрашивая рабынь на улице, узнал, что рабыня по кличке Адрасте, имелась в Золотой Цепи.

— Не от меня, — поспешила заверить его я.

— Но Адрасте ведь, действительно была здесь, не так ли? — уточнил он.

— Да, Господин, — подтвердила я, — до два дня тому назад она пропала.

Разумеется, я не стала, да и не должна была, говорить ему, что сообщила Хо-Тоску о присутствии одноногого в Порт-Каре, как и о том, что произошло в Брундиизиуме. Практически сразу после моего рассказа Адрасте, несомненно, к её испугу и смущению, было удалена из зала, а спустя ан и из таверны.

— Что с ней случилось?

— Я не знаю, — ответила я. — Возможно, она была продана.

— Ты сможешь её узнать? — осведомился мужчина.

— Точно так же, как и многие другие, — осторожно сказала я, — пага рабыни, помощники тавернера, да и сам тавернер, а также многие клиенты.

— Одноногий был в ярости, — усмехнулся мужчина со шрамом.

— Он приходил в таверну? — предположила я.

— Да, — кивнул он.

Я его не видела, по-видимому, будучи на рекламном выходе в городе. Оставалось только поблагодарить судьбу, за такую случайность.

— А вас он узнал? — поинтересовалась я.

— Нет, — снизошёл до ответа мужчина со шрамом. — Мы, следили за ним осторожно, а во время его визита в таверну стояли стороне, в тени. А вот виночерпию и помощникам тавернера пришлось хлебнуть его буйства. Он с порога начал кричать и требовать предоставить ему Адрасте, утверждая, что она — его собственность. Он орал, требовал, угрожал. Он предлагал серебро любому, кто мог бы снабдить его информацией о её местонахождении. А когда его разглагольствования и посулы, крики и угрозы не помогли, он своим большим костылём, сердцевина которого, похоже, была залита свинцом, принялся крушить всё, до чего мог дотянуться. Сломал два стола, сбил с цепей несколько ламп, смахнул с полок все кубки. Но затем прибежали работники таверны, вооруженные дубинами и палками, и пригрозили ему вызвать стражу, после чего он покинул таверну.

— Я рада, что при этом не присутствовала, — призналась я.

Честно говоря, я вообще не заметила каких-либо свидетельств упомянутых повреждений. Вероятно, к моему возвращению столы и лампы заменили, кубки расставили по местам и так далее. Я заключила, что рабыни были предупреждены не болтать о происшествии. По-видимому, было решено, что всё должно было идти так, словно ничего не произошло. Таким образом, я предположила,

физическое устранение следов инцидента должно было свести к минимуму вопросы и сплетни.

— Всё выглядит так, что Адрасте, кем бы она ни была, — сказал второй мужчина, — находится в Порт-Каре.

— И здесь много тех, кто мог бы её опознать, — добавил третий.

— Тебя могут продать? — спросил мужчиной со шрамом, окидывая меня оценивающим взглядом.

— Я так не думаю, — ответила я, хотя мне хорошо было известно, что, будучи имуществом, я могла быть куплена и продана, как и любая другая собственность.

— Сгодится любая из рабынь этой таверны, — заметил второй мужчина.

— Мы найдем её, — заявил мужчина со шрамом.

— Мы или одноногий, — поправил третий мужчина.

— Чем же так ценна, эта загадочная Адрасте? — поинтересовался второй.

— Это знает только одноногий, — пожал плечами третий.

— Ещё кое-кто, кому это известно, — хмыкнул мужчина со шрамом.

— И кто же это? — полюбопытствовал второй.

Я напряглась, изо всех сил стараясь унять дрожь.

— Адрасте, — как я и ожидала, ответил мужчина со шрамом. — Нам всего лишь нужно найти её и спросить, а если она начнёт упрямиться, пытка развяжет ей язык.

Я отчаянно пыталась удержаться в сознании и не упасть рядом с низким столом.

Мужчины меж тем, подняли кубки, сдвинули их вместе, а затем, опрокинув их, одновременно со стуком поставили на стол.

— Господа желают ещё чего-нибудь? — осведомилась я, что соответствовало тем инструкциям, которые нам дают перед выходом в зал.

Мне очень хотелось надеяться, что они закончили.

— Ещё паги, — потребовал мужчина со шрамом.

— Да, Господин, — отозвалась я.

Глава 19

Шеренга

Я

стояла в шеренге выстроившихся около наполненного пагой чана девушек, спиной к стене и лицом к залу, глядя на гостей, столы и снующих туда-сюда рабынь, обслуживающих посетителей. Вечер выдался тёплым. Время подходило к двадцатому ану. Это было на следующий день после того, как я обслуживала мужчину со шрамом и его товарищей.

Краем глаза я заметила движение у двери таверны, и мой взгляд переместился туда.

Ночь, таверна, весь мир внезапно изменились.

Моё сердце чуть не выпрыгнуло из груди, кровь забурлила, дыхание перехватило. Я изо всех сил пыталась пропихнуть внезапно загустевший воздух в лёгкие. Всё тело покрылось горячим румянцем. Как долго я ждала этого момента, надеясь на него, опасаясь его, желая его, боясь его.

Как я должна себя вести, что я должна делать?

И тогда я выпрямилась, постаравшись стоять красиво, с гневом отметив, что другие девушки поступили точно так же.

Конечно, от меня это ожидалось. Это ничего не значило. У меня не было выбора.

Должна ли я держать голову поднятой? Или лучше скромно опустить её? Следует ли мне смотреть на него, или лучше отвести взгляд? Что мне делать с руками? Скрестить запястья за спиной, или перед телом? Прижать ладони к бёдрам, или, немного повернувшись, сделать вид, что поправляю свой ошейник? Может, симулировать, что я рассеянно сплетничаю с Аглайей, стоящей по правую руку от меня, или с Янзе по левую?

— Какой красавчик, — прошептала Аглайя, не отрывая взгляда от вошедшего в зал мужчины.

— Кто? — уточнила я. — Ах этот.

— Да, — шепотом подтвердила она.

— Возможно, немного, — согласилась я, словно нехотя.

От любого гореанского мужчины исходит естественное, непримиримое, не напускное, не подвергаемое сомнению, само собой разумеющееся, мощное мужество. По-видимому, это следствие культуры, которая не требует от них, по

политическим или социальным причинам, унижаться, подрывать, вредить себе, не отравлять то, что в противном случае могло бы процветать. Но, в то же время, и несмотря на это, мужчины Гора значительно отличаются друг от друга, в суждениях и проявлениях, в размерах и силе, по характеру и личности и так далее, как это распространено среди мужчин моей прежней планеты.

— Как бы мне хотелось чтобы, он был моим господином, — выдохнула Марсия, стоявшая справа от меня самой последней в шеренге.

— Я тоже, — призналась Марселла.

— Он предпочёл бы Адрасте, — осадил их Янзе.

— Я так не думаю, — не согласилась с ней я.

— Тем более что Адрасте больше нет, — поддержала меня Лана.

Я не сомневалась, что он пришёл, наконец-то, возможно, неспособный справиться с собой, страдающий и сокрушающийся, чтобы увидеть меня, попросить у меня прощения, принести извинения за неподобающее обращение, которому он меня подверг несколько недель назад на южном берегу Дороги Воров, около Магазина Свитков Бриндлара, а потом и в Плети и Цепи.

— Он пришёл один, — многозначительно прокомментировала Марсия.

— Он приближается, — прошептала Лана.

Вначале я постаралась стоять как можно красивее, и даже слегка повернула бедро. Но затем, опомнившись, я расслабилась и отвела взгляд в сторону, напустив на себя безразличный вид. Я всё ещё не могла решить, как мне следует реагировать на его появление и возможные действия.

Я слишком долго ждала этого момента. Возможно, мне следовало продемонстрировать ему свою непреклонность, быть с ним суровой.

В конце концов, я решила действовать по обстоятельствам.

Я уже чувствовала, что он осматривает шеренгу.

— Эта, — объявил Аддисон Стил.

— Её зовут Дафна, — отозвался виночерпий.

— Я выберу стол, — сообщил Аддисон Стил.

— Посылая её, — уточнил хозяин чана, — должен ли я обернуть кожаным шнуром основание кубка?

— Разумеется, — ответил посетитель.

Глава 20

Сообщение

Д

ень был в самом начале.

Я расставляла кубки на полках около чана с пагой, который в это время был плотно закрыт крышкой.

Прошлой ночью Аддисон Стил прошёл мимо меня, стоявшей в шеренге с другими девушками. Как я потом рыдала и безмолвно неистовствовала в своей клетке. Как Ты беспомощна, когда Ты — рабыня! Как быстро испарилась моя гордость. Все мои претензии, все мои храбрые планы рухнули, даже не начав исполняться. Как я жаждала выставить его на посмеище, как мне хотелось заставить его страдать, с каким удовольствием я согнула бы его к своему желанию! Как я хотела манипулировать им! От этих фантазий и стремлений не осталось и следа. Какими бесплодными они казались мне теперь эти абсурдные проекты и планы. Все мои тактические выкладки и формулы растаяли как лёд на солнце. Такое впечатление, что я полагала, что всё ещё была свободной женщиной Земли. Как можно было забыть о том, что я теперь я была кейджерой, гореанской рабской девкой, презренным товаром, который мог купить любой, кто этого захотел бы, домашним животным во власти свободных людей? И всё же, несмотря на свои слёзы, несмотря на то, что я всячески это отрицала бы, я не была недовольна крахом своих планов и проектов. Я знала, что сама хотела быть покорённой, потому что только будучи побеждённой, я чувствовала себя по-настоящему свободной, потому что только будучи завоёванной, я нашла вновь обрётённую уверенность и победу, которых я так давно и так страстно желала.

И вот теперь меня мучил вопрос, увижу ли я когда-нибудь Аддисона Стила снова.

Конечно, это было возможно. Что могло бы помешать ему, посещать Золотую Цепь? Возможно, я смогла бы видеть его время от времени, хотя бы издалека.

Теперь у меня не осталось сомнений в том, что я была рабыней.

Я хотела принадлежать ему.

Но он мною совсем не интересовался.

Я вспоминала свою прежнюю жизнь.

Как отличалась она от моей нынешней жизни.

Теперь я носила ошейник.

Моя гордыня осталась в прошлом.

Он презирал меня, когда я была свободной женщиной. Насколько же больше в таком случае он должен был презирать меня теперь, когда я стала рабыней! Но меня это более не волновало. Это было именно то, чем я была и хотела быть.

У меня больше не было гордости.

Как мне хотелось найти его, броситься к его ногам, покрыть их поцелуями и слезами, а потом умолять купить меня.

Я больше не была свободной женщиной.

Я была рабыней.

— Зия! — голос Евфросинии вернул меня в реальность.

Быстро смахнув слезу со щеки, я повернулась к ней лицом, держа в руке кубок, который не успела поставить на полку.

— Меня только что подозвали к двери, — сказала она, — и попросили передать тебе сообщение. Это был мужчина.

— Какой мужчина? — удивилась я.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Я не смогла толком его разглядеть. На нём был плащ с капюшоном, почти полностью скрывавший лицо. Не думаю, чтобы он был известен здесь. По крайней мере, я его не узнала, а представляться мне он и не подумал.

— Уверена, это какая-то ошибка, — сказала я.

— Да нет же, — заверила меня Евфросиния. — Он ясно сказал передать сообщение именно тебе.

— Кому может прийти в голову обмениваться сообщениями с паговой рабыней? — поинтересовалась я.

— Понятия не имею, — снова пожала она плечами, и спросила: — Отдать её помощнику тавернера?

— Нет, — остановила её я.

— Его требование не предполагало двусмысленности, — пояснила Евфросиния.

— Сообщение следует передать стройной, темноволосой варварке, рабыне по имени Зия, обслуживающей зал таверны Золотой Цепи, принадлежащей Хо-Тоску, тавернеру, владельцу Золотой Цепи.

— Ничего не понимаю, — ещё больше удивилась я.

— У тебя есть какие-то дела вне таверны? — любопытствовала девушка.

— Нет, — покачала я головой. — Конечно, нет.

— И лучше бы тебе их не иметь, — предупредила она.

Я поставила кубок на полку, вместе с остальными, и попросила:

— Перескажи мне это сообщение.

— Вообще-то оно написано на бумаге, — сообщила Евфросиния, а потом, окинув зал взглядом, раскрыла ладонь руки, на которой лежал маленький, сложенный клочок бумаги.

— Ты же знаешь, что я не умею читать, — сказала я. — Прочитай мне, что там написано.

Евфросиния тут же развернула записку и озадаченно уставилась в неё.

— Ну же, что там? — поторопила её я.

Но Евфросиния только нахмурилась.

— Я не могу прочитать это, — наконец призналась она.

— Но Ты же умеешь читать, — удивилась я.

— Только не это, — сказала рабыня. — Это не читаемо. Это не текст. Здесь только какие-то линии с завитушками и пробелами.

— Дай мне взглянуть, — сказала я и, выхватив записку из рук Евфросинии, отвернулась от неё.

Меня бросило в дрожь. Я испугалась, что могу порвать бумагу.

— Спасибо, — прошептала я.

— Там что-то написано? — поинтересовалась девушка.

— Да, — кивнула я. — Это рукописный текст, а не простые линии. Это — скоропись. Я могу прочитать, что здесь написано.

— Это какой-то шифр? — не поняла она.

— Нет, просто это другой язык, — объяснила я.

— Не гореанский? — уточнила Евфросиния.

— Есть ведь и другие языки, — напомнила я.

— Я в курсе, — буркнула она, — но разве среди тех языков есть такие, в которых есть алфавит и на них можно было бы писать?

— Есть очень много таких языков, — заверила её я, — в другом месте, конечно.

— И что же там написано? — похоже, Евфросиния сгорала от любопытства.

— Я ещё не прочитала, — сказала я.

— Так читай быстрее, — понукнула меня она.

— А не слишком ли много туник тебе ещё осталось смочить и отутюжить? — осведомилась я.

— Очень возможно, — ответила Евфросиния.

— Любопытство, — решила подразнить её я, — кейджере не подходит.

— Я об этом что-то слышала, — обиженно хмыкнула рабыня.

— Ну не сердись на меня, — примирительно попросила я.

— А Ты pomoжешь мне с туниками? — поинтересовалась она.

— Конечно, — пообещала я.

— Тогда Ты прощена, — расплылась в довольной улыбке Евфросиния.

Подождав, пока Евфросиния покинет зал, я подошла входной двери, чтобы в утреннем свете прочитать странное послание. Текст был написан от руки на английском языке, уверенным разборчивым мужским почерком. Содержание было следующим:

«Для кейджеры Зии,
Паговой девки Золотой Цепи,
Рабыни Хо-Тоска из Порт-Кара.

Этим тебе приказано в день получения сообщения быть на южной стороне Дороги Воров, между магазином торговца свитками Бриндлара из Порт-Кара и пага-таверной Плеть и Цепь, в двенадцатом ане. Твой владелец, Хо-Тоск из Порт-Кара, устроит твоё отсутствие в Золотой Цепи. Ты будешь одета в неприметную тунику, подходящую для низкой рабыни, на которой не будет эмблемы Золотой Цепи. Эту тунику тебе предоставит служащий Золотой Цепи в десятом ане. Как только Ты переоденешься в полученную тунику, тебя выпустят из Золотой Цепи через потайную дверь. Обсуждать этот вопрос с кем-либо тебе запрещено. После прочтения это письмо должно быть уничтожено.

А. С.»

Я очень мало что поняла из этого сообщения. Двенадцатый ан — это спустя два ана после гореанского полудня. Я предположила, что записку написал Аддисон Стил, который так взволновал меня, но при этом пугал до дрожи в коленях. Быть может, он вспомнил мои спазматические реакции в Плети и Цепи и решил, что было бы неплохо развлечься с моим телом, телом рабыни, становящейся в его руках совершенно беспомощной, ещё раз? Но если бы ему захотелось этого, разве было бы не легче воспользоваться мной в комфортабельном алькове Золотой Цепи, где я, раздетая до ошейника, могла бы распалаться, подавая ему вино и закуски, в ожидании того, что он со мной сделает? Так что написал ли это сообщение именно он, оставалось вопросом открытым. Очевидно, на этой планете он был не единственным, кто умел писать на английском языке. Гореанские работоторговцы, промышлявшие на Земле, несомненно, озаботились тем, чтобы овладеть одним или несколькими из земных языков. Нельзя было исключить того, что кто-то мог пожелать, чтобы я думала, что записка пришла от Аддисона Стила. К тому же, вполне могло быть и так, что у кого-то просто были те же самые инициалы. По крайней мере, я знала, где находится место встречи. Слишком часто за последнее время я посещала тот район. А ещё меня волновал вопрос, действительно ли мое отсутствие в таверне будет организовано с ведома и разрешения Хо-Тоска. Даже если бы у меня возникло дикое желание убежать из таверны, я не отважилась бы сделать это. Куда можно было уйти отсюда, в какое место можно было убежать? Болота, с их трясины и ренсерами, акулами и тарларионами ничего кроме ужаса у меня не вызывали. Даже если бы я смогла

пробраться на какой-нибудь корабль, плывущий из Порта-Кара, такое путешествие в конечном итоге закончилось бы для меня тем, что кто-то из моряков оставил бы меня себе или просто продал. У гореанской рабской девки не было никаких шансов на побег. А наказание за попытку побега могло быть не только болезненными, но и ужасным. Гореанские рабовладельцы не те люди, которых может обрадовать беспокойство, причинённое выходками наивных или глупых рабынь.

Я решила, что пойти в кабинет Хо-Тоска и попросить об аудиенции, чтобы расследовать, подтвердить или опровергнуть, приказание, изложенное в сообщении, было бы самым разумным решением. Однако, быстро спустившись на этаж ниже, я, к своей тревоге, узнала, что его в таверне не было, и вернуться он должен был не раньше завтрашнего утра.

— Зия, — позвала меня Евфросиния, из прачечной, расположенной ниже, на том же уровне, что и кухня.

— Буду у тебя через мгновение, — откликнулась я и, спустившись по лестнице с этажа кабинета Хо-Тоска, по пути к прачечной заглянула на кухню, где незаметно бросила записку в одну из печей.

— Смачиваю я, — сообщила Евфросиния. — А утюжишь Ты.

— Это почему же гладить мне? — осведомилась я.

— Потому что Ты — варварка, — пожала она плечами. — Кроме того, Ты не прочитала мне свою записку.

— Там не было ничего важного, — отмахнулась я.

Несколько из небольших, но увесистых утюгов, нагретых на плите кухонной печи, ждали на железной пластине. Я взяла деревянную ручку, разработанную, чтобы подходить к любому из утюгов, вставила её в крепления одного из них и принялась за работу.

Глава 21

Мост

П

примерно без четверти двенадцать я уже шла по южной стороне Дороги Воров. Моё сердце колотилось в груди так, словно решило пробить рёбра.

Едва пробил десятый ан, как в зале появился посланник, совершенно мне не знакомый мужчина, которого я, конечно, никогда прежде не видела. Незадолго до десятого ана, за несколько енов, я сама поднялась в зал и наблюдала за дверью, но я не видела, чтобы он входил. Я не знала о его присутствии в таверне вплоть до того момента, пока я не почувствовала его руку на своём плече. Незнакомец подошёл ко мне со спины. В руке он держал небольшой пакет. Жестом указав мне, что я должна следовать за ним, мужчина спустился по лестнице, в длинную кладовую, примыкавшую к кухне. Там в кладовой, он открыл пакет, в котором оказалась короткая серая туника. Вручив мне предмет одежды, незнакомец велел мне вернуться в кладовую в одиннадцатом ане уже этой тунике, после чего сложил пакет и, спрятав его в кошель, висевший на его поясе, жестом дал мне понять, что я должна покинуть кладовую, что я незамедлительно и сделала. Однако отойдя всего несколько шагов от кладовой, испуганная и запутанная, сжимая в руке тунику, я повернулась и бросилась назад, в надежде попытаться выяснить у него, что мог означать весь этот безумный бизнес, столь странный и таинственный. Но кладовая была пуста. Незадолго до одиннадцатого ана я натянула серую тунику и вернулась в кладовую, где меня уже ждал прежний незнакомец. Окинув меня в тунике оценивающим взглядом, он кивнул, по-видимому, удовлетворённый увиденным.

— Прижми руки бёдрам, — приказал он, — и повернись ко мне спиной.

Едва я успела выполнить его команду, как мужчина накинул мне на голову мешок и закрепил ремнём на моей шее. Оставив меня на некоторое время в одиночестве, мужчина, очевидно, открыл некую дверь или панель, спрятанную где-то в кладовой, о существовании которой я, само собой, не знала, да и не должна была знать. Затем его рука сомкнулась на моём предплечье, и меня куда-то, понятия не имею куда, повели. Кладовую мы покинули точно, как точно и то, что вышли мы не в кухню. Я не чувствовала под ногами характерный для кладовой или кухни настил. К тому же воздух вокруг меня казался влажным и затхлым.

— Впереди ступеньки, — предупредил мой провожатый, направляя меня. — Сейчас. Держись за перила. Поднимайся.

Подъем оказался долгим, а когда он закончился, я почувствовала под ногами кирпичный пол. Потом послышался скрежет металла, скрип стержней и шорох дерева. Меня подтолкнули вперёд, и воздух сразу посвежел и потеплел. Мешок сдёрнули с моей головы, и сзади раздался стук. Потайную дверь или сдвижную панель закрыли. Оказалось, что я стою в переулке позади Золотой Цепи. Рядом со мной никого не было.

Было примерно без четверти двенадцать. Я шла по южной стороне Дороги Воров. Моё сердце бешено колотилось в груди.

Я собиралась как можно быстрее и незаметнее прошмыгнуть мимо лавки Леандера и магазина Бриндлара, продавца свитков.

Не хотелось бы, чтобы они меня задержали. Туника на мне не имела никакого отношения к Золотой Цепи, а это само по себе повод для любопытства и расспросов. Что бы я могла ответить им, если бы они начали задавать вопросы? Эта туника как-то странно ощущалась на теле.

Мимо пекарни Леандера проскользнуть было несложно, так как у его прилавка стояли сразу два покупателя. Даже удалившись на несколько ярдов, я всё ещё чувствовала одуряющий запах свежего хлеба. А вот перед магазином Бриндлара, мне пришлось остановиться и немного подождать, пока перед прилавком между уличными контейнерами не встанет покупатель. Только после этого, отведя взгляд в сторону канала, я поспешила прошмыгнуть мимо канцелярского магазина и, немного удалившись от него остановилась. В записке было сказано, что в двенадцатом ане я должна стоять между магазином свитков и таверной Плеть и Цепь. Однако сигнальный колокол ещё не звонил. Я пришла немного раньше назначенного мне срока. С того места, где я стояла, мне был виден знак Плети и Цепи, казавшийся маленьким на таком расстоянии. Знак этот недавно был покрашен свежей краской. Я беспокойно озиралась. Слоняющаяся без дела рабыня вызывает подозрение, а подозрение — повод для вопросов. Мне оставалось только ходить взад-вперёд, делая вид, что иду по делам. Пространства для этого между магазином Бриндлара и таверной было вполне достаточно. Впрочем, в это время на набережной было не так много людей. Пара маленьких лодок проплыла мимо по каналу. В новой тунике я чувствовала себя некомфортно. Это было довольно необычно, поскольку трудно было найти предмет одежды легче, свободнее и удобнее гореанской рабской туники. Мимо меня прошёл свободный мужчина, и я поспешно опустила на колени, и не поднималась, пока он не отошёл достаточно далеко. Я стояла спиной к каменной стене, разрисованной рисунками и оклеенной плакатами, один из которых

рекламировал Золотую Цепь. Наконец я услышала далёкий звон. Колокол начал отбивать двенадцатый ан.

Я замерла на месте в напряжённом ожидании. Мимо меня в разных направлениях прошло несколько мужчин, в основном торговцы и носильщики, но ни один из них не заговорил со мной. Так прошло несколько енов. Одна маленькая лодка проплыла по каналу в западном направлении. Посмотрев вдаль, на небольшие, узкие, красочные, деревянные мосты, соединявшие берега канала, я увидела ещё одну лодка, выплывающую из-под него в мою сторону. Прошло чуть больше ена, и та лодка приблизилась, проскользнула под следующим мостом, а затем проплыла мимо меня.

Я попытался немного оттянуть тунику от своего тела.

Меня всё больше охватывало беспокойство. Не была ли та записка своего рода обманом или шуткой? Что если это была уловка, чтобы выманить меня на несанкционированную отлучку? Даже от единственной рабыни частного хозяина обычно ожидается, что она спросит у своего господина разрешения покинуть место жительства, а также сообщит ему о том, куда она идет, что будет делать, и когда её ожидать домой. Что если, задавалась я вопросом, это была шутка Аддисона Стила, целью которой было подтолкнуть меня к авантюре, в конце которой меня могла бы ждать шипящая плеть? А если Хо-Тоск заподозрит, что я попыталась убежать? Я совсем не хотела, чтобы мне подрезали сухожилия или искалечили каким-нибудь иным способом, возможно, в качестве примера для других рабынь.

«Подожду ещё немного, — решила я, — а потом побегу назад в Золотую Цепь».

В этот момент раздался внезапный звук, резкий, громкий, неожиданный. Не дальше фута от моей головы что-то ударило в стену. Из места удара в разные стороны брызнули осколки камня и пыль. Казалось, в стену ударил невидимый молоток, или в неё с большой скоростью вонзился шип. Мгновение спустя мне показалось, что я успела заметить отблеск солнечного света, отразившийся от узкого предмета мелькнувшего рядом со мной за миг до того, как я услышала удар, и меня обдало душем осколков, летящих от стены, некоторые из которых больно ударили меня по левому плечу и руке. Я вскрикнула и бросилась наземь. Я не понимала, что произошло. Несколько мгновений, шокированная, я лежала на мостовой, а затем я увидела это в нескольких ярдах от меня, почти у самого края набережной канала, и поняла, что произошло. Там, у края прохода лежал короткий, узкий, стальной, цилиндрический предмет, заострённый с одной стороны и снабжённый металлическим оперением с другой, похожий на стрелу или маленькую ракету. Это был страшный, пугающий предмет. Было бы трудно не догадаться о его природе или назначении. Позже я узнала, что это был известный атрибут войны, стальная птица смерти, арбалетный болт.

Я приподнялась на руках и осмотрелась, но не заметила того, кто мог бы нападать на меня.

Могло ли это быть некой случайностью? Может меня приняли за кого-то другого? Кому могло понадобиться нападать на меня? С какой стати кому-то хотеть убить меня? И меня, беспомощную рабыню? Что я могла сделать? Не было ли в этом некой ужасной ошибки? Не была ли я, сама того не зная, быть вовлечена в интриги, планы или схемы, о которых я понятия не имела? Не считал ли кто-то меня неким винтиком или даже руководителем некоего предприятия, выходящего далеко за рамки моего кругозора?

Никого не увидев и, так и не поняв откуда мне грозила опасность, я вскочила на ноги и быстрым шагом пошла по набережной в сторону Золотой Цепи. Но едва сделав несколько шагов, я застыла на месте, увидев приближающуюся навстречу крупную и угрожающую фигуру, которую я опознала мгновенно. Ошибиться было невозможно. Он что, следовал за мной от самой Золотой Цепи? А потом ждал, когда меня пронзит стрела, чтобы быть первым у моего тела, возможно, чтобы исследовать его на предмет наличия некоего сообщения? Могло ли быть его появление на набережной простой случайностью? Конечно, он не должен был узнать меня, спустя столько времени после нашей встречи в Брундизиуме. Он двигался довольно быстро для человека с его увечьем, но в принципе, в данный момент у меня не было страха перед ним, поскольку я могла двигаться гораздо быстрее, чем он, вынужденный держать половину своего веса на крепком тяжёлом костыле. Однако возвращаться той же дорогой, которой пришла сюда я теперь опасалась. Встречаться с одноногим лицом к лицу у меня не было ни малейшего желания. И я повернулась в обратную сторону, пойдя по Дороге Воров на восток, иногда оглядываясь и стараясь не слишком откровенно демонстрировать своё беспокойство. Я собиралась пересечь канал по мосту и вернуться в Золотую Цепь по северной стороне Дороги Воров. Но разве не могло быть его появление на набережной простым совпадением? Уже перед самым мостом я снова обернулась, и с беспокойством констатировала, что он был намного ближе, чем я ожидала его увидеть. Каков бы ни был его интерес, но преследовал он его очень решительно. Тогда я решила встать в стороне, сделав вид, что я не замечаю его, и посмотреть, пройдёт ли он мимо, или повернёт ко мне. Если пройдёт, то никакой опасности мне не грозило. Если повернёт, у меня будет время убежать, прежде чем он сможет добраться до меня, схватить или ударить тем крепким костылём, благодаря которому он только и мог держать равновесие и передвигаться. Он подходил всё ближе и ближе, а затем, внезапно, с рычанием, повернул в мою сторону. В то же мгновение я оторвалась от стены и, что было сил, помчалась к мосту. Добежав почти до середины моста, я обернулась и увидела, что мужчина только-только смог добраться до его основания. Я легко обогнала его сейчас, и не

ожидала, что у меня могли бы возникнуть проблемы с возвращением в Золотую Цепь по противоположной набережной канала, по северной стороне Дороги Воров. Конечно, я была напугана, но ликовала от того, что мне так удачно удалось ускользнуть от опасности. Но именно в этот момент с другого берега раздался крик:

— Вон она!

Я повернулась и увидела, как на мост с северной набережной поднимаются пять или шесть мужчин, и к своему ужасу я узнала того, кто их возглавлял. Это был тот самый мужчина, с которым меня впервые свела судьба в Брундизиуме, а затем я ещё дважды столкнулась с ним в Золотой Цепи, опознав по крошечному треугольному шраму на его правой щеке, чуть ниже и правее рта. В руке он держал моток верёвки. Один из сопровождавших его мужчин нёс предмет, похожий на короткое ружьё, к которому на конце был приделан небольшой лук. Не было сомнений, что из такого устройства вполне можно было выпустить стрелу того вида, которая всего несколько мгновений назад ударила в стену рядом с моим плечом.

— Стой, где стоишь! — крикнул мне один из мужчин. — Тебе не убежать!

Я оглянулась. Одноногий, которого я знала как Бруно из Торкадино, был уже в нескольких ярдах от меня. Мост был слишком узок, нечего было даже надеяться проскользнуть мимо него. В диком и безнадёжном порыве я метнулась к центру моста и остановилась, повернувшись лицом на запад. Я была в ловушке. Я боялась даже думать о том, какие опасности могли скрываться в воде. Вцепившись в перила, я смотрела вниз.

— Не прыгай, — услышала я мужской голос снизу. — Жди! Не лезь в воду! Не ныряй!

К мосту приближалась небольшая лодка, типичная для городских каналов.

С одной стороны доносился резко участившийся стук костыля Бруно из Торкадино, с другой — топот ног бегущих мужчин. Они быстро приближались.

— Сейчас, — крикнул мне мужчина из лодки, — прыгай сейчас мне на руки.

И я, перевалившись через перила, упала вниз, подхваченная на лету Аддисоном Стилом.

Глава 22

Комната где-то в Порт-Каре

— О

на приходит в себя, — услышала я женский голос, и застонала от боли в левом бедре, в которое ткнулся носок уличной туфли женщины. — Подъём!

В этот момент послышался приглушённый стенами и расстоянием звон городского колокола. Я насчитала четырнадцать ударов.

Я очнулась в какой-то комнате. В ней имелось три курульных кресла, в одном из которых непринужденно развалился Аддисон Стил. У стены стоял маленький стол, на котором стояли поднос с жаровней, пакет и графин, наполненный прозрачной жидкостью, я предположила, что это была вода. А ещё в комнате имелась большая, тяжёлая, декорированная ширма, стоявшая у другой стены. Я предположила, что эта ширма могла скрывать что-то или кого-то.

— На колени, рабыня, — процедила женщина.

Я была связана по рукам и ногам, так что пришлось приложить немало усилий, чтобы выполнить её требование. В конце концов, у меня это получилось, и я замерла перед нею на коленях.

Женщина была одета в одежды сокрытия. Её лицо закрывала вуаль.

— Это — она? — спросила незнакомка.

— Да, — кивнул Аддисон Стил.

— Ты уверен? — уточнила она.

— Да, — снова подтвердил Аддисон Стил.

— Опустит голову, рабыня, — надменно бросила женщина.

Я покорно склонила голову, и по шороху одежд догадалась, что незнакомка села.

— Можешь поднять голову, рабыня, — разрешила она.

Я подняла взгляд и смогла рассмотреть ее, теперь расслабленно сидевшую в кресле, откинувшись на спинку.

— Ты не знаешь меня, не так ли? — осведомилась женщина.

— Госпожа носит вуаль, — сказала я.

Тогда она приспустила тонкую ткань. Я не могла не признать, что незнакомка была очень красивой женщиной. Настолько красивой, что я даже задалась вопросом, как вышло, что её шею до сих пор не окружал ошейник?

— Нет, Госпожа, — покачала я головой. — Я вас никогда не видела прежде.

— Но слышать-то обо мне Ты была должна, — хмыкнула она. — Я — Дорна. Дорна из Тарны.

— Нет, Госпожа, — ответила я.

— Она — варварка, — пояснил Аддисон Стил.

— Как получилось, что Госпожа свободна? — не удержалась я от вопроса и, заметив, как на мгновение её глаза потемнели от гнева, поспешила добавить: — Просто я слышала, что все женщины Тарны, за исключением Лары, её Татрикс, являются рабынями.

— Я была первой из Серебряных Масок в Тарне, — заявила Дорна, — во времена гениократии, и следующей, кому после Лары предстояло носить Золотую Маску Татрикс. Со временем, я сместила бы её и сама надела бы Золотую Маску.

— Но произошло восстание, — вставил реплику Аддисон Стил.

— Очевидно, Госпоже удалось убежать вовремя, — заключила я, — и избежать ошейника.

— Захват огромного богатства, — усмехнулась женщина, — может быть неплохим утешением за потерю Серебряной, и даже Золотой Маски.

— Могу ли я поинтересоваться, что я здесь делаю, и почему я связана? — спросила я. — Я — собственность Хо-Тоска из Порт-Кара, владельца Золотой Цепи.

Мне показалось, что я заметила улыбку, промелькнувшую на лице Аддисона Стила.

— Если я не вернусь, меня потеряют и будут искать, — предупредила я.

— Что Ты знаешь о рабыне, названной Адрасте? — не обратив на моё предупреждение, спросила Дорна.

— Очень мало, — ответила я. — Она была куплена в Брундиизиуме для Золотой Цепи, где служила в зале, но её больше там нет.

— Действительно, мало, — констатировала она.

— Простите меня, Госпожа, — отозвалась я.

Само собой, я не стала сообщать ей о том, что на самом деле Адрасте, раньше была известна как Леди Джулия Лета с улицы Монет Ара, хотя сама я в этом сомневалась, а теперь её разыскивали за растраты.

— Она принадлежит Хо-Тоску, владельцу Золотой Цепи, — сказала свободная женщина.

— Насколько мне известно, Госпожа, — поддакнула я, полагая, что она не должна знать, что Адрасте на самом деле принадлежала кому-то ещё, кому я сама не знала.

— Когда она исчезала? — уточнила она.

— Я не видела её в таверне уже в течение нескольких дней, — ответила я.

Казалось очевидным, что Леди Дорна, точно так же, как и Бруно из Торкадино, как и мужчина со шрамом, хотя и независимо от них, искала бывшую леди Джулию Лету, по-видимому, чтобы вернуть её на улицу Монет Ара, чтобы та могла бы

послужить примером для тех других и удержать их от подобных искушений. По-видимому, за её возвращение на Улицу Монет была назначена своего рода компенсация или вознаграждение, правда мне была непонятна ссылка на «огромное богатство». По Гору гуляет много слухов. Известно, что многие истории по мере того, как они переходят от одного рассказчика к другому, могут быть раздуты и приукрашены. Даже если усилия Леди Дорны оказались бы успешны, что не факт, поскольку её конкурентами были Бруно из Торкадино и мужчина со шрамом, я предположила бы, что в конце её будет ждать не огромное богатство, огромное разочарование. Сомнительно, чтобы премия могла бы окупить потраченное ею время и деньги.

— И где же Адрасте находится теперь? — поинтересовалась Леди Дорна.

— Я не знаю, Госпожа, — ответила я, по крайней мере, на этот раз ничего не скрыв.

— Ничего, рабыня, сейчас Ты расскажешь нам всё, что знаешь, — процедила она.

— Но мне, действительно, мало что известно, — поспешила заверить её я.

— Вот скоро мы и узнаем, что именно тебе известно, — пообещала женщина. — Ты просто будешь неспособна противостоять этому. Есть в нашем распоряжении кое-какие новинки, особые порошки и благовония с замечательным эффектом.

— Пожалуй, я развяжу ей руки, — сказал Аддисон Стил. — Связанных лодыжек будут вполне достаточно, чтобы держать её на месте, а от верёвок на запястьях могут остаться тяжёлые ожоги.

— Разве это имеет какое-то значение? — пожала плечами Леди Дорна. — Она — рабыня.

— И как рабыня, она обладает некоторой ценой, — пояснил Аддисон Стил. — Мы же не хотим, чтобы её цена, какой бы малой она ни была, упала ещё ниже.

— Какие же вы мужчины — презренные скряги, — хмыкнула Леди Дорна.

— Монеты есть монеты, — усмехнулся Аддисон Стил.

Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы освободить мои руки. Однако лодыжки так и остались связанными.

— Спасибо, Господин, — искренне поблагодарила я.

— Первое положение почтения, — небрежно бросил он.

Но я не удержалась и, вместо того чтобы быстро и безропотно выполнить команду, подняла на него взгляд. Как я хотела принадлежать ему!

Моя левая щека, на которую упала его оплеуха, вспыхнула болью.

— Простите меня, Господин, — всхлипнула я.

Как можно было забыть, что реакция на приказ должна быть немедленной и несомненной? Может я подумала, что всё ещё была свободной женщиной?

Не дожидаясь второй пощёчины, я согнулась в первом положении почтения. Стоя на коленях, я склонила голову, коснувшись лбом пола между прижатыми к нему ладонями моих рук.

Как же невообразимо далеко я была от Земли!

Я услышала лёгкие шаги и догадалась, что Леди Дорна встала и подошла к стоявшему у стены столу с подносом, на котором стояла жаровня, пакет или что-то вроде и графин, довольно большой графин, наполненный небольшим количеством прозрачной жидкости.

— Благородный Аддисон, — проворковала Леди Дорна. — Графин тяжёл. Может быть, Ты сам польёшь её?

— Конечно, — отозвался он, а затем, к моему изумлению, начал медленно и аккуратно лить жидкость из графина мне на спину. Сразу стало холодно.

— Господин? — озадаченно спросила я.

— Это — вода, рабыня, — сообщил мне он. — Молчи.

Лишь несколько капель жидкости упало на пол. Казалось, она почти вся всосалась в тунику.

— На спину, рабыня, — скомандовал мужчина.

Он не скомандовал мне «Сула», возможно, по причине присутствия Леди Дорны. Таким образом, я просто легла на спину, положив руки по бокам ладонями вверх, но, не разводя ноги в рабской беспомощности.

Туника на спине была влажной, насквозь пропитанной водой, однако, очень мало жидкости вытекло на пол.

Едва я вытянулась на спине, Аддисон начал так же медленно и аккуратно поливать водой моё тело, правда, ограничивая своё внимание той частью моего тела, которое было прикрыто туникой. Я чувствовала, как вода растекается по ткани. И снова мне показалось странным, что очень мало воды оказалось на полу. Материя туники, похоже, была необычно гигроскопичной. Одновременно Леди Дорна вытряхнула немного порошка из пакета в маленькую жаровню, стоявшую на подносе.

— Господин? — прошептала я.

Но мужчина не обратил на это внимания и, вернув пустой графин на стол, скомандовал:

— Второе положение почтения.

На этот раз позу я приняла мгновенно. Я же не хотела снова физически ощутить, чем грозит колебание в реакции на команду свободного мужчины. Теперь я лежала перед ним распростёртая на животе. Ладони моих рук были прижаты к полу по бокам от головы. Он стоял чуть в стороне от меня. Стой он рядом, я постаралась бы дотянуться до его ноги губами, и почтительно прижать их его ботинку или сандалию.

Внезапно в моём теле начались странные ощущения. Сначала я почувствовала это в тех местах, к которым прилипала мокрая ткань, и затем, немного погодя, они растеклись шире, захватив мои ноги, руки и шею.

— Господин, — простонала я.

— Я подержу её руки, — заявил Аддисон Стил и, присев передо мной, взял меня за руки, вытянул их вперёд и прижал запястья к полу.

Я не понимала того, что происходило.

Внезапно я рефлекторно вскрикнула, почувствовав, как туника начала потрескивать и шевелиться словно живая. Казалось, несметное количество крошечных иголок вонзилось в мою кожу. Казалось, я горела. Нити разошлись и отпрянули от моей кожи, топорщась и скручиваясь, чернея на глазах. Воздух вокруг меня дрожал, мерцал и струился, словно марево над пламенем.

Я закричала в ужасе, потом снова и снова, изо всех сил пытаюсь вытянуть свои запястья из захвата Аддисона Стила. Я хотела сорвать ожившую тунику со своего тела.

— Пощадите! — взмолилась я, но мужчина крепко удерживал меня на месте, распростёртую, извивающуюся, корчащуюся, беспомощную.

— Тихо, — шикнул на меня он.

— Я горю! — крикнула я.

— Успокойся, — сказал Аддисон Стил, — не сгоришь.

Всё тело пекло так, словно я была объята пламенем, но никакого пламени я не видела. Я предположила что, по-видимому, это было результатом, внезапной, быстрой реакции впитанных в ткань туники веществ, высвобожденных или усиленных водой.

— Пожалуйста! — рыдала я.

— Ещё несколько мгновений, и всё пройдёт, — успокоил он. — Оно сделает свою работу.

Едва он это договорил, как боль начала стихать.

Я услышала скрежещущие удары кресала зажигалки и сообразила, что Леди Дорна поджигала тот порошок, который она высыпала в маленькую жаровню.

Над подносом поднялся белёсый дымок или пар.

— Поставь её на колени, — потребовала Леди Дорна.

Аддисон Стил отпустил мои руки и, взяв за плечи, поднял меня на колени. Я была ошеломлена настолько, что едва держалась в сознании. Однако боль, ещё недавно терзавшая моё тело, почти полностью спала.

Я как кролик на удава смотрела на приближавшуюся ко мне Леди Дорну, державшую в руках поднос с маленькой жаровней, из которой струился дымок, поднимавший над небольшой горкой, частично пепельно-серого, по-видимому, сгоревшего порошка, и частично синего, ещё не тронутого огнём.

— Ты на коленях, — констатировала женщина.

— Госпожа? — не поняла я смысла её замечания.

Я уже была наполовину в бессознательном состоянии.

— Когда надо узнать у женщины правду, — заявила Леди Дорна, — её следует поставить на колени. Женщине, стоящей на коленях трудно не говорить правду.

Я промолчала, пытаюсь удержать ускользающее сознание.

— Сейчас Ты будешь говорить нам правду, — сообщила мне женщина.

— Нет, — отозвалась я, уже пребывая в полубморочном состоянии.

Я даже попыталась поднять руки, но оказалось, что я едва могла оторвать их от своих бёдер.

Поднос с жаровней, в которой тлела и дымила горка порошка, был поставлен передо мной. Леди Дорна плавными взмахами ладони направила струйку дыма ко мне.

Сквозь туман, наползавший на периферию моего зрения, я заметила, как из-за ширмы, закрывавшей часть комнаты, появилась крупная мужская фигура.

— Ты будешь говорить нам только правду, не так ли? — уточнила женщина.

Я чувствовала, как ускользает моё сознание.

— Не так ли? — негромко, успокаивающе повторила она.

— Да, Госпожа, — прошептала я, после чего моё сознание погасло.

Глава 23

Пробуждение в незнакомом месте

П

ервым, что я осознала, даже прежде чем открыла глаза, было то, что под моей правой щекой был мокрый, холодный камень. Открыв же глаза, я поняла, что пока я была без сознания, наступила ночь. В свете маленькой лампы, свисавшей с крюка над соседним порталом, мне удалось разглядеть в паре шагов справа от меня край канала. Я села. События в комнате вспыхнули в моей памяти. На мне больше не было туники, которая, как выяснилось, была пропитана какими-то химикатами. Я задрожала, вспомнив ту боль, что мне пришлось вынести, а также дымок, поднимавшийся над маленькой жаровней, вдохнув который, я потеряла сознание. По крайней мере, я не выдала ничего из тайн, которые мне были доверены. В этом я была уверена. Судя по моим ощущениям, моё тело было вымыто. По-видимому, меня постарались избавить от любых следов веществ или испарений, действию которых я была подвергнута. Где Леди Дорна? Где Аддисон Стил? Где я нахожусь? Я была уверена, что по-прежнему находилась в Порт-Каре, но я понятия не имела в каком его месте. Окружение мне было совершенно незнакомо. Я могла быть в любом месте города. Порт-Кар — это лабиринт каналов и островов. В какой стороне была Дворцовая улица? Где теперь искать Золотую Цепь? Внезапно липкий страх сковал мои конечности. Было поздно. Меня потеряли! Я не вернулась в свою клетку. Я пропустила вечернюю проверку. Что со мной сделают? Я не пыталась бежать, и даже не думала об этом, но как мне это доказать? Поверит ли мне Хо-Тоск, или его люди, или стражники, в мою историю о похищении и допросе?

Следующей странностью, которую я почувствовала, это тяжесть и неудобство одежды. Я озадаченно ощупала необычные, непривычные предметы одежды, в которые было закутано моё тело. Мой страх усилился ещё больше. Рабыня должна быть одета как рабыня. В некоторых городах для рабыни надеть предмет одежды свободной женщины может быть сочтено преступлением, заслуживающим смерти, конечно, если по неким причинам ей не было приказано сделать это. Она была бы в ужасе, если бы её нашли одетой как свободный человек без разрешения. Какая месть могла бы удовлетворить шокированных её преступлением свободных женщин! Однако затем предмет одежды показался мне

странным, если не сказать эксцентричным. Конечно, это не были одежды сокрытия, богатые, дорогие, красивые и красочные. Это несколько снизило накал моего беспокойства. Разве не было бы ужасно нарядить рабыню в такой предмет одежды, а затем бросить на улице под угрозой обнаружения? Кто мог бы так ненавидеть рабыню? Быть может, свободная женщина? Возможно, Леди Дорна? Я снова, более тщательно ощупала то, во что я была одета, и испугалась, что узнала, чем могли быть эти вещи. Затем я поднялась и подошла поближе к порталу, освещённому маленькой лампой, где и выяснилось, что мои страхи были небеспочвенны. Предметы одежды, которые были на мне, в первый момент показавшиеся мне такими незнакомыми, непривычными, чужими и странными, на моей прежней планете едва ли привлекли бы к себе внимание. На мне были надеты широкая, свободная, клетчатая хлопчатобумажная рубаша и джинсы, в общем, мужская одежда того вида, посредством которой женщина на Земле могла бы попытаться привлечь внимание себе, если не самой собой, то хотя бы бросив вызов мужчинам, одеваясь в свойственную им одежду. Или же, возможно, они пытались этой одеждой доказать, что они равнодушны к сексу. Но, не исключено также и то, что молодые женщины Земли могут быть охвачены двойственными чувствами к своему полу, или по тем или иным причинам, хотели бы симулировать к нему такие чувства, из-за чего, фактически, играли роль юношей, или желали думать, что играют такую роль, одеваясь более соответственно тому, что могло бы ожидать от молодых людей, возможно, их собственных младших братьев. Вот только этот их вызов был не более чем отговоркой, поскольку джинсы — одежда как правило обтягивающая и облегающая. Это было, как если бы нужно было сказать: «Я — не девушка, но я — девушка». За всё время моего нахождения на Горе я ни разу не видела подобной одежды. Странно, но теперь такие предметы одежды казались мне «варварским». Безусловно, я по прежнему была разута, и под одеждой не было никакого нижнего белья, ничего подобного бюстгалтеру или трусикам. Меня покачивало. Я старалась сдерживать свои чувства, борясь с липким страхом, недоверием, смущением и замешательством. И вдруг ещё больший испуг прокатился по мне холодной волной. Чтобы убедиться, я снова подвигала головой и шеей. Этого не могло быть! Что это могло означать! Какая опасность теперь могла грозить мне теперь? Дрожащими, ослабевшими от страха руками я ощупала шею. Ошейник исчез! На мне, гореанской рабыне, не было ошейника! Моё тело затряслось, я рухнула на колени, а потом, встав на четвереньки, опустила голову. На мгновение мне показалось, что вокруг меня вырастают и кружатся тени. Мои конечности перестали держать моё тело, я опустилась на камни и потеряла сознание.

— Леди, — привёл меня в сознание мужской голос.

Я открыла глаза. Уже рассвело.

Подняв глаза, я увидела над собой двух стражников. Они стояли надо мной и выглядели очень озадаченными.

Должно быть, они были поражены увиденным. Вряд ли им доводилось когда-нибудь видеть женщину, одетую столь странно и эксцентрично.

— Господа! — хотела было крикнуть, но, к моему изумлению и тревоге, мои губы не смогли издать ни единого звука.

Должно быть, мои страдания и страх не остались ими незамеченными.

— Успокойтесь, Леди, — сказал один из стражников.

— Где ваша вуаль? — осведомился другой.

— Вероятно, на неё напали и ограбили, — предположил первый стражник.

Я торопливо вскарабкалась на колени, боясь только, что не смогла сделать это достаточно быстро и энергично замотала головой в жесте отрицания. Мои губы шевелились, но по-прежнему не издавал ни единого звука.

— Похоже, она думает, что она — рабыня, — заключил первый мужчина, и я поспешила подтвердить его догадку, прижав губы к его ботинку.

— Но на ней нет ошейника, — заметил его товарищ.

— Возможно, она не в себе, — предположил первый. — Безумная.

Я не могла понять свою неспособность говорить. Я пыталась произнести хоть что-нибудь на языке Гора, а затем даже, попробовала заговорить на английском. Но всё было тщетно.

Должно быть, это был эффект того препарата, который применили ко мне в той комнате, или же что-то там было сделано со мной намеренно.

Я должна была так или иначе вернуться в Золотую Цепь!

— Поднимитесь, Леди, — уважительно попросил первый из стражников.

Но я осталась стоять на коленях, снова отрицательно мотая головой, и ещё раз попробовав заговорить, опять неудачно.

— Возможно, она всё-таки рабыня, — предположил второй.

— Но ошейника-то нет, — указал первый.

— Она вообще странная, — пожал плечами второй. — Посмотри, во что она одета. Похоже, она пытается говорить, но у неё не получается.

— Что она здесь делает? — спросил первый стражник. — Да ещё в такую рань?

— Возможно, она упала и ударилась головой, — высказал предположение второй.

— В таком случае, может быть, нам стоит передать ей кому-нибудь из Зеленой Касты? — предложил первый.

Я положила руки на пояс джинсов, недвусмысленно давая понять, что собираюсь снять их, чтобы продемонстрировать своё левое бедро.

— Остановитесь! — потребовал первый стражник.

«Как же это абсурдно, — подумала я. — Эти мужчины! Эти их великолепные свободные женщины! Он приходит в ужас от одной мысли, что мог бы

скомпрометировать скромность свободной женщины, даже в столь малом, притом, что они воспринимают, как само собой разумеющееся, быть обслуженным умоляющей о ласке, полной потребностей рабыней, голой, если не считать её ошейника!»

— Подождите, — сказал он, и я убрала руки от джинсов. — У нас есть вощёная табличка. Вы умеете писать?

Я отрицательно покачала головой.

— Возможно, она всё-таки рабыня, — заключил он.

Я снова покачала головой, на этот раз утвердительно.

— Или она из низкой касты, — вставил своё мнение второй мужчина.

— Пройдёмте с нами, Леди, — сказал первый стражник. — Похоже, нам придётся поискать свободную женщину.

Разумеется, меня не обрадовало это предложение, каким бы оно не могло бы быть разумным.

— Вы не слишком утомлены? — осведомился он. — У вас хватит сил идти?

— Если хотите, мы можем вас нести? — предложил второй стражник.

Я отрицательно помотала головой, снова отчаянно попытавшись заговорить, и снова безрезультатно.

Когда они отвернулись, жестом дав мне понять, что я должна двигаться за ними, я поднялась и, удостоверившись, что отстала от них на пару шагов, последовала за стражниками, держась чуть левее их. Я продолжала отчаянные попытки заговорить, но по-прежнему безуспешно. Они не торопились, так что у меня не возникало затруднений в том, чтобы не отставать от них. Я легко держала их темп, что было с их стороны вдумчивой уступкой достоинству, непринужденности и комфорту предполагаемой свободной женщины.

Пройдя не больше полусотни шагов вдоль по набережной, первый стражник остановился перед дверью, по обе стороны от которой стояли ящики с живыми цветами, и постучал, а затем вежливо позвал хозяев. Его усилия были вознаграждены. Вскоре дверь приоткрылась, и на пороге появилась свободная женщина, придерживавшая торопливо накинутую вуаль. Из-за её плеча выглядывал мужчина, очевидно, компаньон этой женщины.

Естественно, как только они остановились, я сразу опустилась на колени. Таким как мы в присутствии свободных людей подобает стоять на коленях.

— У нас здесь свободная женщина, которая, я боюсь, потеряла рассудок, — сообщил ей первый из стражников. — Вы сама видите, как странно она одета. Также, по-видимому, она не может говорить. Похоже, что она думает, что она — рабыня.

— Ошейника на ней нет, — констатировала свободная женщина, окинув меня подозрительным взглядом.

— Даже несмотря на это, — отозвался стражник.

— Если она — рабыня, на ней должно быть клеймо, — сказала женщина.

— Совершенно верно, — согласился он. — Вот мы и подумали, что для нас было бы неподобающе, делать подобное определение, если, она, вдруг, каким бы глупым или безумным это не казалось, свободная женщина.

— Я всё поняла, — буркнула женщина. — Портус, принеси одеяло, разверни и держи его как ширму. И не вздумай, запустить туда свои бесстыжие глаза.

Когда одеяло было развёрнуто, я вместе со свободной женщиной осталась по одну его сторону, а мужчинам по другую. Её компаньон, Портус, даже поднял одеяло так высоко, как он смог, оставшись позади него.

Я стояла на коленях.

— Встаньте, Леди, — попросила женщина, и я тут же, получив недвусмысленную команду, подеялась на ноги. — Всё в порядке, дорогая Леди. Это займет не больше нескольких мгновений.

В действительности, времени потребовалось несколько больше, потому что свободная женщина, очевидно, никогда прежде не сталкивалась с застежкой-молнией. Поняв, что сама она не справится, я быстро расстегнула ширинку, а затем покорно склонила голову.

— На колени! — резко бросила свободная женщина, и я быстро, не поднимая головы, опустилась на колени.

— Никакой необходимости в одеяле нет, — сообщила она мужчинам. — Может быть она — глупая или безумная, нелепо одетая и неспособной говорить, но она — кефовая девка.

Отношение мужчин ко мне, её компаньона и двух стражников, изменилось мгновенно и кардинально.

— Кто твой хозяин? Чья плеть бьёт тебя? Где тебя держат на цепи или держат в клетке? Как тебя называют? — засыпал меня вопросами первый их стражников.

Стоя перед ними на коленях, чувствуя, как глаза мои застилают слёзы отчаяния, я была способна только бесполезно и беспомощно качать головой.

Кивнув в ответ на благодарные слова стражников, свободная женщина и её компаньон, всё ещё державший в руках одеяло, удалились в своё жилище, возможно, чтобы продолжить прерванный завтрак.

— Это, конечно, очень плохо, — проворчал первый стражник, — что она глупая или безумная, и не может говорить.

— Возможно, удар плети смог бы напомнить ей, как говорить, — буркнул второе.

Я натянула на бёдра свои джинсы и последовала за двумя стражниками, держась позади и левее их. Ни на какое снисхождение ко мне с их стороны я больше не рассчитывала, да и не получила. Они шагали быстро и широко. Я семенила следом, изо всех сил пытаясь не отставать.

Поскольку уже полностью рассвело, утро вступило в свои права, каналы и набережные наполнились горожанами. Моё одеяние, очевидно, необъяснимое и абсурдное, привлекало много внимания, и, боюсь, я стала объектом насмешек.

— Эй, где твоя вуаль? — спрашивали меня.

— Какой твой Домашний Камень?

— Ты что, из Турии?

Я понятия не имела, где могла бы находиться эта Турия.

Как я узнала позже, меня отвели в дом Самоса, который в Совете Капитанов занимал должность Первого Капитана. Правда, я была доставлена туда не в связи с каким-нибудь бизнесом, имеющим отношение к Совету Капитанов. Скорее, насколько я поняла, я там оказалась по причине того, что не было ясно, как со мной следует поступить. А ещё потому, что Самос, помимо того, что он был Первым Капитаном в Совете, был ещё и Первым Работоторговцем Порт-Кара.

Глава 24

Малый рынок Аль-ка

— К

ому такая нужна? — отмахнулся мужчина. — Она же немая.

— Зато хорошо сложена и миловидна, — парировал помощник работорговца. — А также мы за неё много не просим.

Но потенциальный покупать уже отвернулся.

Я подняла голову и, прищурившись, осмотрелась. Полуденное солнце стояло высоко, слепило глаза и разогревало полку так, что если бы не полотенце под моими ногами я не смогла бы спокойно стоять на её грубой цементной поверхности. Затем я снова легла на полотенце, согнув ноги в коленях. Я, как и примерно два десятка других девушек, выставленных на длинной узкой полке, были раздеты догола. Ничего необычного, женщин обычно продают именно в таком виде. Полка не была заполнена полностью, пять колец оставались пустыми. Каждая из нас была прикована за шею к одному из вмурованных в полку колец. Когда рынок переполнен, к каждому из таких колец может быть приковано по несколько девушек. Цепи были достаточной длины, чтобы позволить нам не только лежать и стоять на коленях, но также стоять и позировать, чтобы покупателям было удобно нас исследовать. Думаю, что я задремала и какое-то время проспала.

Позже, появился помощник работорговца и оставил на цементе около того кольца, которому я была прикована, мелкую металлическую миску с кашей. Я тут же поднялась на четвереньки и, опустив голову к миске, начала поглощать свою порцию. А мужчина пошёл да к следующему кольцу и, взяв с подноса, который несла за ним рабыня, поставил следующую миску около соседнего кольца. Перед той миской поспешила встать на четвереньки блондинка Кира.

Кира была косианкой, захваченной в море. В Порт-Кар она попала привязанной к носу того самого корсара, который взял на abordаж её корабль. Дело в том, что корсары, если их рейд был успешен, обычно возвращаются через западные или южные морские ворота, медленно и величественно проплывая по каналам к главной гавани арсенала, демонстрирую свою удачливость, вывешивая самых прекрасных из своих пленниц на носу галеры. Несомненно, такая откровенная демонстрация трофеев, такое хвастливое выставление на всеобщее обозрение своей успешности, ничем иным кроме тщеславия быть не может. В противном случае можно было бы вернуться через морские ворота арсенала, попав в его

гавани непосредственно. Не удивлюсь, если узнаю, что те корсары, чьи рейды были менее успешны, возвращаются в город, если возвращаются вообще, через морские ворота арсенала, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Я не знаю.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила Кира.

Ну а мне оставалось только надеяться, что со временем мой голос вернётся, что последствия того, что было сделано со мной в той комнате, в результате чего я, скорее всего, и онемела, смягчатся, а пока я по-прежнему оставалась столь же беспомощно неспособной говорить, как и в то утро, когда я очнулась в незнакомом районе города. Однако, надежды надеждами, а страх того, что я могу навсегда остаться немой, да ещё и в мире, в котором я была неграмотной, не отпускал меня. Я часто задавалась вопросом, как Аддисон Стил мог так поступить со мной? Но, увы, я хорошо знала ответ на этот вопрос. Потому что я была рабыней.

Спустя несколько енов служащая рабыня вернулась и собрала металлические миски.

Во время своих прогулок по городу я не забредала на рынки, где торговали девушками. Большинство из них расположено около западных и южных морских ворот, выходящих в Залив Тамбер. Рынок, на котором я была выставлена в данный момент, был одним из контролируемых Домом Самоса. Он располагался около западных морских ворот, правда, сами эти морские ворота с местоположения рынка видно не было. По сути, этот рынок представлял собой несколько обычных, пристроенных к стенам полок, на поверхность которых можно было подняться с улицы по узким ступенькам.

Через рынок то и дело проходили мужчины и женщины, но большинство из них уделяло нам мало внимания. Время от времени тот или иной мужчина, иногда один иногда с другом, мог остановиться, чтобы посмотреть на предлагаемый товар. Порой они могли обменяться мнениями и комментариями относительно увиденного.

Что интересно, существует своего рода культура рынка, причём для каждого рынка своя. Например, рабыни могли иметь или не иметь разрешение говорить друг с дружкой, на полке или в местах содержания. Если рабыням разрешают говорить, на полке или, что более значимо, в местах содержания, среди них вскоре складывается определённая социальная иерархия, с лидерами и, скажем так, лейтенантами, а также подчинёнными им остальными. Впрочем, и среди последних нет равенства, они тоже быстро распределяются, если можно так выразиться, по ступеням, в зависимости от их цены, рейтинга, степени приближённости к лидерам и так далее, от самых привилегированных наверху, самых забитых изгоев внизу. Само собой разумеется, варварки обычно оказываются у самого основания этой общественной пирамиды. Рынки также

отличаются в плане поведения, требуемого или позволенного рабыне. На том рынке, на котором я была выставлена на продажу в данный момент, нас не обязали обращаться к прохожим, привлекать их внимание к своим прелестям, подлизываться к покупателям, намекать на удовольствия, которые могли бы их ожидать, выкрикивать «Купите меня, Господин» и так далее. С другой стороны, нам это и не возбранялось. Можно сказать, что многое оставлялась на наше собственное усмотрение, и когда в пределах видимости появлялся привлекательно выглядящий джентльмен или красивый, энергичный юноша, на полках часто наблюдалось оживление. В такие моменты можно было увидеть самые разные уловки и стратегии, которые рабыни пускали в ход, чтобы обеспечить себя желанным господином. Здесь были и многообещающие улыбки, и дрожащие губы, и полные страсти и потребностей взгляды, и жалобная демонстрация надежды, и просительные выражения лица, и все возможные варианты немой мольбы. И, конечно, нельзя не упомянуть о позах, изгибах тела, потягиваниях и так далее, могущих колебаться от тонко намекающих до откровенно вызывающих. Обычно, конечно, нужно соблюдать меру, то есть сказать, не выходить за рамки баланса эффективность-достаточность. Обычно задача состоит не только в том, чтобы что-то сделать, но и в том, чтобы не переусердствовать. Некоторые рабыни напускают на себя безразличие и даже, если они осмелятся, отвращение, или, например, начинают обсуждать прохожих, а то и отпускать в их адрес едкие комментарии. Тем самым они надеются спровоцировать заинтересовавших их мужчин, которые могли бы захотеть их купить, хотя бы затем, чтобы увидеть их рыдающими и умоляющими о милосердии у своих ног, где они собственно и надеялись изначально оказаться. Правда, такой способ, конечно, таит в себе определённую опасность, поскольку потенциальный покупатель может просто рассердиться и потребовать наказания для обнаглевшей рабыни. «Нет, Господин! — могла бы закричать девушке. — Простите меня, Господин!». И тогда он мог бы, если снизошёл бы, сказать, скажем: «Хорошо, тогда только пять ударов плетью».

Сама я не использовала такие хитрости, по крайней мере, пока. В данный момент у меня не было ни малейшего желания найти себе господина. Это могло бы иметь весьма печальные последствия. Я боялась возникновения путаницы с правами собственности. Ведь это могло бы привести даже к кровопролитию. У меня уже был хозяин. Разве я не принадлежала по-прежнему Хо-Тоску из Порт-Кара, владельцу Золотой Цепи? Я хотела вернуться в Золотую Цепь и оправдаться по любым обвинениям в том, что могла бы быть беглой рабыней. Я боялась, что меня могли связать и бросить на съедение обитающим в каналах уртам. Я пристально наблюдала за прохожими, надеясь, что мимо мог бы пройти кто-то из

Золотой Цепи, что кто-то, рабыня или свободный, или даже просто клиент, мог бы узнать меня. Я не могла говорить, я не могла как-то обозначить свою личность.

Если кто-то будет всерьёз или даже умеренно заинтересован в том, чтобы получить ту или иную рабыню, или, скажем, добавить ещё одну к своей цепи, он, скорее всего, поднимется на полку, исследует товар более пристально, проконсультируется с помощником работорговца, поговорит с рабыней и так далее.

Это был мой четвёртым день на полке.

За это время на полке побывало много мужчин, из которых приблизительно шестеро, помимо исследования других девушек, задержались передо мной. В такие моменты я становилась на колени и, указав на горло, качала головой.

— Она не глупа, — считал своим долгом пояснить помощник работорговца. — Она отлично всё понимает и повинуется. Просто, что она не может говорить.

Однако ни один из поднявшихся на полку так и не заинтересовался немой рабыней.

Прошло несколько дней с тех пор, как двое стражников привели меня в Дом Самоса из Порт-Кара, Первого Капитана Совета Капитанов и Первого Работорговца Порт-Кара.

Сначала мне приказали встать перед ним вертикально между двумя служащими дома и повернуться так, чтобы, насколько я поняла, он мог бы рассмотреть причудливость моего наряда. Затем меня поставили на колени перед его курульным креслом.

Самос был одет в домашнюю одежду. Это был сильный, крепкого телосложения мужчина, с белыми, коротко стриженными волосами.

Я была в свете факела, а он находился в тени, так что я не могла его хорошо разглядеть.

— Что это за странные предметы одежды на ней? — поинтересовался Самос.

— Я думаю, это варварская одежда, капитан, — предположил один из мужчин, стоявших около меня. — Как-то раз, правда, довольно давно, я видел что-то очень похожее на это. Это было в Сардаре на Ен-Карской Ярмарке.

— Она, правда, немая? — уточнил Самос.

— Возможно, она просто не хочет говорить, капитан, и прикидывается немой, — второй товарищ, стоявший по левую руку от меня.

— Ты можешь говорить? — спросил меня Самос.

Я покачала головой.

— Давайте выпорем её, — предложил мужчина слева от меня. — Тогда она сразу заговорит.

Слезы побежали по моим щекам, и тогда я согнулась в поклоне и коснулась лбом пола.

— Что нам известно о ней? — осведомился Самос.

— Её подобрали стражники на набережной Канала Морского Слина, — ответил мужчина справа от меня. — Ошейника на ней не было

— Не было ошейника? — переспросил Самос.

— Да, — кивнул тот же мужчина.

— Но она — рабыня? — уточнил Самос.

— Она на этом настаивает, ведёт себя как рабыня, и на её бедре имеется рабское клеймо, — ответил он.

— Кеф, — сообщил мужчина слева.

— Писать она может? — поинтересовался Самос.

— Скорее всего, она неграмотна, — сказал первый мужчина, тот, что стоял по правую руку от меня.

— Подними голову, — потребовал Самос, а когда я выпрямилась, спросил: — Ты варварка?

Я утвердительно кивнула.

— Ни один работорговец не стал бы тащить в наш мир немую варварку, — заявил Самос. — Такой товар невозможно было бы сбыть, по крайней мере, не по приемлемой цене. Скорее всего, с ней что-то случилось уже здесь.

Он на некоторое время задумался. Я, само собой, хранила молчание.

— Избавьте её от одежды, наденьте на неё ошейник дома и посадите в загон к остальным, — объявил своё решение Самос, — к тем, кого приготовили выставить на продажу завтра на малом рынке Аль-ка.

И вот теперь подходил к концу мой четвертый день на полке этого рынка.

Большинство магазинов на Горе открывается рано, зачастую ещё до рассвета, а закрываются вечером, после заката. Рискну предположить, что причина этого в желании максимально использовать аны дневного света, тем самым сэкономя на свечах и тарларионовом жире, основном топливе, используемом в лампах и фонарях. Безусловно, таверны, бордели, столовые и некоторые рынки, в том числе и невольничьи, открыты для посещения даже по ночам. Малый рынок Аль-ка, однако, был не из таких. Некоторые домовладельцы, кстати, устанавливают маленькие лампы перед своими дверями или порталами, по-видимому, чтобы воспрепятствовать вандализму. Также, можно предположить, что более богатые торговые дома, вероятно, могли позволить себе продолжать работу и в более поздние часы, а в арсенале так и вовсе работы велись круглосуточно в четыре смены. Порт-Кар вообще не может похвастать обилием общественного освещения. Разве что мосты и морские ворота регулярно освещаются фонарями. Мимоходом можно было бы отметить, что Совет Капитанов, как правило, собирается по ночам. Те, кому необходимо покинуть жилище в тёмное время суток обычно сами должны позаботиться об освещении,

взяв с собой фонарь или факел. Имеются также конторы, которые за определённую плату предоставляют ночным путникам эскорт, охранников и носителей фонаря. Маленькие одновесельные челноки, что курсируют по каналам, обычно несут фонарь на носу.

Поскольку многие магазины к этому моменту были уже закрыты или закрывались, продавцы задвигали складные деревянные экраны, закрывая ими фасады своих торговых точек и закрепляя их на месте цепями, множество людей спешило вернуться домой, другие продолжали передвигаться от одного увеселительного заведения к другому, так что движение через малый рынок Аль-ка было столь же активным, как и между девятым и одиннадцатым анами. Среди тех, кто проходили мимо нас, были как мужчины, так и женщины. Некоторые из прохожих ненадолго, другие на подольше, задерживались у полки, чтобы рассмотреть нас. Один из помощников работоторговца, решив не упускать такую возможность, привлечь внимание потенциальных покупателей, тех, что остановились у полки, и тех, которые проходили мимо, обратился к ним:

— Благородные щедрые господа и благородные прекрасные леди, взгляните на самый лучший в Порт-Каре живой товар из умеренного ценового сегмента. Да, здесь малый рынок Аль-ка, но по количеству и выгоде сделок он ничуть не уступает большому рынку Аль-ка, а кое в чём даже его превосходит. Так позвольте вашему проницательному взгляду оценить превосходный товар, выставленный перед вами, готовый быть продемонстрированным вам во всей красе, прежде чем Вы сможете принять решение. К чему колебания? У нас здесь не только кувшинные рабыни, или девки чайника-и-циновки, но хватает и элегантных рабынь для удовольствий, фигуристых и полных потребностей, достойных Курулеана в могущественном Аре!

Это заявление было встречено добродушным смехом собравшихся мужчин, оценивших шутку. Что до меня, то я смысла его шутки не поняла и ничего забавного в ней не нашла.

— Серьёзное, благородные покупатели, — продолжил он, — не сомневаюсь, вам известны вкус и проницательность благородного Самоса из вашего собственного города, из прекрасного Порт-Кара, драгоценного камня мерцающей Тассы, с которым Вы делите Домашний Камень. Как же Вы можете сомневаться в качестве этих отборных таст, деликатесов, приготовленных специально для вашего удовольствия? И, позвольте мне проинформировать вас, что благородный Самос, как он это обычно делает, велел приковать здесь, к одному из этих колец, (интересно к какому?), в качестве вызова и сюрприза, девушку, достойную быть рабыней Убара, его фавориткой!

Я заметила, что Кира подняла голову и выпрямилась. Мне вспомнилось, что она была девушкой, вывешенной на носу корсара, трофеем, украсившим нос гореанской галеры.

— Вы спросите, которая же из них является ею? — осведомился помощник работорговца, обводя нас взглядом. — А вы поднимитесь на платформу, посмотрите товар, выберете ту или другую, приведите её домой и проверьте этой ночью!

Несколько мужчин, и даже некоторые из женщин, действительно поднялись по узким ступеням на поверхность полки. Многие из представленных на выбор девушек были исследованы и проведены через позы. Кира ушла уже через ен за шесть серебряных тарсков Аргентума.

Я уже приготовилась быть уведённой вместе с другими, непроданными сегодня рабынями, в помещение хранения, находившееся за дверью слева от полки, если смотреть на неё со стороны улицы, как услышала заставившее меня вздрогнуть яростное шипение:

— И как же это получилось, что я вижу тебя здесь?

Я боялась, и небезосновательно, любой свободной женщины, а уж та, чей голос я только что услышала, заставляла меня дрожать от ужаса.

Я немедленно приняла первое положение почтения, но была схвачена за волосы и безжалостным рывком возвращена в прежнюю позицию.

Я открыла рот в попытке закричать, но с моих губ не сорвалось ни единого звука.

— Да, — процедила женщина, — это — Ты! Я так и подумала! Ну так, как вышло, что я нашла тебя здесь?

Сомневаюсь, что я смогла бы ответить ей, даже если бы была в состоянии говорить. Слишком я была испугана в тот момент.

— Меня предали, — в неистовой злобе прошептала она. — Он предал меня. Он предал того, кто оплачивал его услуги! Гнусный слин, вероломный тарск Стил, Аддисон Стил, каким же продажным, безответственным, жадным негодяем Ты оказался. Приказ был чётким и недвусмысленным. Он не подчинился! Он должен был всего лишь отнести тебя на стену дельты и сбросить вниз на корм тарларионам! И вот я нахожу тебя здесь! Монеты есть монеты, я полагаю! Жадность! Безответственная, глупая, опасная, мелочная жадность! Что он выручил за тебя? Пять медных тарсков?

Свободная женщина была полностью одета, а её лицо скрыто вуалью, но было бы трудно не узнать её голос, особенно, подкреплённый такими угрозами. Я сжала колени и прикрыла грудь руками. Я стояла на коленях перед разъярённой Дорной из Тарны, свободной женщиной вне себя от гнева.

— Что здесь происходит? — осведомился помощник работорговца.

— Ничего, — небрежно отмахнулась от него Дорна.

Свободные женщины могут говорить со свободными мужчинами резко и непочтительно. Их защищает их свобода и, как предполагается, часто, общий Домашний Камень.

Помощник работорговца сердито отвернулся.

Я дрожала всем телом. Я чувствовала себя бесполезной и беспомощной. Я не могла не закричать, ни обратиться с мольбой к помощнику работорговца. Я сидела на цепи, прикреплённой к кольцу, вмурованному в цемент. По моим щекам катились слёзы отчаяния.

— Говорить Ты, разумеется, не можешь, — хмыкнула она. — Иногда бывает так, что некоторые приходят в сознание слишком быстро после воздействия паров. Разве нам принесло бы пользу, если бы Ты пришла в себя и закричала в тот момент, когда тебя несли по улице, или на стене дельты, или даже в воде, прежде чем с тобой разделались бы тарларионы? Что, если бы Ты выдала стражникам тайны, секреты или дела, которые их никоим образом не касаются? Что, если бы стражники встретили в темноте кого-то на стене дельты, или даже по пути к ней, с женщиной на плече, связанной и с кляпом во рту? Разве это не могла бы оказаться раздетая свободная женщина? Разве это не выглядело бы запланированным убийством? Разве это не побудило бы стражу вмешаться и выяснить в чём дело? Что, если кляп был бы удалён? Что, если бы они проверили ошейник? Какой нормальный стражник не начал бы расследование? Такое событие однозначно было бы отражено в отчётах. Вот поэтому тебя и сделали немой.

Я испуганно озиралась.

Большинство посетителей рынка к этому моменту предпочли покинуть полку. Семь колец, которые были раньше заняты, теперь пустовали. По-видимому, дела у малого рынка Аль-ка шли неплохо.

— Эй, Ты! — позвала Леди Дорна ближайшего к ней помощника работорговца, того самого, от которого она отмахнулась ранее.

— Леди, — откликнулся тот, приблизившись.

На мой взгляд, он явно не горел желанием иметь дело с Леди Дорной.

— Эта! — ткнула в меня пальцем женщина.

Я отчаянно замотала головой, жалобно, испуганно глядя на мужчину сквозь слёзы, стоявшие в моих глазах, а потом согнулась перед ним в первом положении почтения.

— Ну же, не надо так расстраиваться, — успокоил меня он. — Радуйся. Мы можем тебя продать.

Моё тело дрожало. Оставаясь перед ним в первом положении почтения, я продолжала жалобно качать головой в жесте отрицания.

— Похоже, она не выглядит обрадованной, — заметил помощник работорговца, очевидно, обращаясь к Леди Дорне. — Вы знакомы?

— Вовсе нет, — ответила та. — Просто она, как многие кейджеры, недостаточно осведомлена о чести и привилегии принадлежать свободной женщине.

— Должен вас предупредить, — сказал мужчина, — что она — варварка. Это, конечно, очевидно, на это указывает крошечное клеймо рабского мира на плече её левой руки, но сообщить я об этом обязан.

Он имел в виду шрам от прививки, который имелся у меня с самого детства. Лично у меня пломб не было, но варварок также можно опознать, если знать, что именно искать, по крошечными вкраплениям металла или керамики в зубах. Язык и отсутствие определённых знаний, акцент и не информированность, также могут выдать варварское происхождение. Мы столь многого не знаем о мире, в который мы находим себя переправленными, слово двуногие животные, в некотором роде, двуногий домашний скот. Продавцу, кстати, может сильно не поздоровиться, если он не даст возможному покупателю ясно понять такие сведения о товаре. Дом работорговца может быть сожжён дотла даже за столь малое, как не сообщение о естественном цвете волос рабыни.

— Тогда она должна быть дешёвой, — заключила Леди Дорна.

— А вот это не обязательно, — усмехнулся помощник работорговца. — Варварки зачастую пользуются хорошим спросом. Похоже, в своём собственном мире они оголодали в том, что касается секса. Оказавшись у ног господина, принадлежа и подчиняясь, они расцветают.

— Сколько Ты хочешь за неё? — спросила Леди Дорна.

— С моей стороны было бы неправильно, — осторожно сказал помощник работорговца, — не обратить ваше внимание на печальный недостаток этого лота, умолчать о котором было бы просто преступно.

— Я в курсе того, что она не может говорить, — сказала женщина. — Итак, сколько Ты просишь за неё?

Помощник работорговца на некоторое время замолчал, похоже обдумывая цену. Мне показалось, что он был не очень рад общению с Леди Дорной.

— Два серебряных тарска, — наконец, объявил он.

— По рукам, — отозвалась женщина.

Судя по повисшей паузе, её ответ поразил помощника работорговца.

— Ничего, что она немая? — напомнил он.

— По рукам, — повторила женщина. — Два серебряных тарска чеканки Ара.

— Чеканку Ара редко встретишь в Порт-Каре, — заметил помощник работорговца.

— Я из тех, кому доступны такие монеты, — высокомерно заявила покупательница.

— Хорошо, она ваша, — подытожил мужчина. — Платите.

— Правда денег у меня с собой нет, — призналась Леди Дорна. — Но я их скоро принесу. Придержите её для меня.

— Я правильно понимаю, что у вас нет денег, чтобы оплатить покупку? — уточнил мужчина.

— Деньги у меня есть, просто они не со мной, — объяснила она. — Я вскоре вернусь с деньгами в руке. Придержите её для меня.

— Она не ваша, — констатировал помощник работорговца, в тоне которого появились тонкие нотки, намекавшие на некоторое чувство удовлетворения.

— Я купила её, — настаивала Леди Дорна.

— Как можно что-то купить, не заплатив денег? — поинтересовался он.

— Я вернусь через ан, — заверила его женщина. — Забронируйте её для меня.

— Мы не бронируем рабынь, — сообщил ей продавец.

Его ответ, судя по всему, был окончательным. Несомненно, это был вопрос политики компании, но, я подозревала, что в данный момент, была та ситуация, в которой он был только доволен тем, что смог привести в жизнь такую политику компании.

— Болван! — обругала его Леди Дорна, а затем повернулась и быстро спустилась по ступеням на мостовую.

Я смотрела ей вслед до тех пор, пока она не исчезла за поворотом.

Я потянула цепь, в бесполезной попытке оторвать её от кольца.

Произошедшее только что, напугало меня до ужаса. А ещё я очень многого не понимала. С какой стати Леди Дорна, свободная женщина, так страстно желала отправить ни в чём не повинную рабыню на корм тарларионам? Её так рассердило, что я не раскрыла ей секрет того, что Адрасте в прошлом была, во что я сама не особо верила, известна как Леди Джулия Лета, представительница незначительного банковского клана Клавдиев Марцеллиани державшей дом на улице Монет Ара? И почему так вышло, что Леди Дорна, если она была свободной женщиной, оказалась без денег? И, что интересно, если она сказала правду, монеты, к которым у неё был доступ, были отчеканены в Аре, городе, расположенном в глубине материка, очень-очень далеко от Порт-Кара. А ещё, всё выглядело так, что я была обязана своей жизнью Аддисону Стиллу. Если бы не он, я, скорее всего, пришла бы в себя, если вообще пришла, только в холодных, беспокойных водах под стеной дельты, и не исключено, что в зубах тарлариона. Я нисколько не сомневалась, исходя из того, где я очнулась, и как я была одета, что он меня не продавал. Почему он оставил меня там, без ошейника, одетой в предметы одежды нехарактерные для Гора? Почему он не отнёс меня к Золотой Цепи? Не подверг ли он себя опасности, сохранив мне жизнь? Почему он это сделал? Я была всего лишь рабыней. Но, возможно, именно потому, что я была рабыней, я и осталась в живых. Не могло ли это быть самым логичным

объяснением? Гореанские мужчины ценили рабынь. Они знали, что с ними делать. Они часто защищали их от свободных женщин. Что могло связывать Аддисона Стила с Леди Дорной и человека, который скрывался позади декоративной ширмы, по-видимому, и являвшегося тем самым нанимателем, оплачивавшим его услуги? В какие странные, тёмные игры мог быть вовлечён Аддисон Стил? Очевидно, что он представлял тёмные силы. Я сомневалась, что честь могла бы быть вовлечена в события, столь тайные, полные обмана, мрака и жестокости, возможно, выходящие далеко за пределы простого розыска и возвращения бывшей леди Джулии Леты с улицы Монет Ара для справедливого наказания. Я боялась, очень боялась Аддисона Стила как мужчину и как рабовладельца, но теперь мне казалось, что я сильно недооценивала его. Мне никогда даже в голову прийти не могло, что он мог бы быть человеком бесчестным, или участвовать в делах противозаконных и постыдных. Мне вспомнилась туника, обжигающая болью и ужас ядовитых испарений. Как хорошо, что я не выдала ничего из тех тайн, которые знала! И насколько же я была в нём разочарована. Раньше я не видела его истинное лицо. Теперь я его знала. О каком теперь уважении могла идти речь? Теперь, в моём сердце не осталось ничего кроме осуждения и презрения к нему. И всё же он сохранил мне жизнь.

Внезапно я с новой силой осознала ту ужасную опасность, в которой я оказалась. Я была голой, прикованной цепью к кольцу, вмурованному в полку невольничьего рынка, гореанской рабыней. Я была беспомощна. Я не могла убежать. Леди Дорна вскоре должна была вернуться, сердитая и с монетами в руке.

— Эта, — раздался резкий мужской голос.

Я не поднимала головы, боясь взглянуть на подошедшего мужчину. Во мне вспыхнула надежда, что ещё не всё потеряно.

— Варварка, — сообщил помощник работорговца, — миловидная, но немая.

— Она что, не говорит? — удивился обладатель резкого голоса.

— Я же говорю, немая, — повторил помощник работорговца. — Ужасный изъян. Давайте, покажу вам других.

«Нет, — взмолилась я про себя, — нет!»

— Видеть она может? — спросил мужчина. — Думать способна? Понять, что ей говорят в состоянии?

— Конечно, — заверил его помощник работорговца.

— Что Вы хотите за неё? — осведомился обладатель резкого голоса.

«Купите меня, — безмолвно умоляла я, — купите же меня!»

— Серебряный тарск, — ответил помощник работорговца.

— Десять медных, — бросил покупатель.

— Сорок, — снизил цену продавец.

— Какой толк в немой рабыне? — спросил обладатель резкого голоса.

— Но Вы же, как мне кажется, интересуетесь именно ею, — хмыкнул помощник работоторговца.

— Десять медных тарсков, — повторил его оппонент.

— Двадцать, — ещё понизил помощник работоторговца.

— Пятнадцать, — пошёл на уступку обладатель резкого голоса.

— По рукам, — согласился продавец.

Я позволила себе искоса взглянуть в сторону покупателя, и увидела крепкую ногу, обутую в сапог, а около неё в цемент упирался крепкий, похожий на шест предмет, коричневый, вероятно, сделанный из туровой древесины, тяжёлый костыль.

Глава 25

В жилище одноногого

Д

ва безапелляционных металлических щелчка разорвали тишину комнаты. Теперь я едва могла развести лодыжки.

— Ну что, — усмехнулся мужчина, — сможешь теперь бегать так же легко и быстро, как раньше?

Да, после того, как мои ноги были скованны, он мог, даже несмотря на его увечье, двигаться намного быстрее меня.

Разумеется, я боялась принадлежать ему. Было что-то в его манерах и поведении, что заставляло предлагать жестокость и насилие, целеустремлённость и угрозу. Также, ещё в Брундиизиуме у меня была возможность убедиться в том, что другие мужчины его боялись. На него, пусть и калеку, поостереглись нападать десять решительных мужчин, уверенных, что при нём был ещё один серебряные статерий, монета высокого достоинства, обещанная им за доставку определённой рабыни. Однако, несмотря на моё беспокойство, мой страх и другие соображения, в целом я была очень обрадована тем, что меня купил мужчина, пусть даже такой мужчина, до того, как вернулась Дорна из Тарны, очевидно, настроенная избавиться от меня самым радикальным способом. У меня не было ни малейшего желания, отправиться в зубы тарларионов.

Я надеялась, что мне удастся понравиться ему.

К тому же, у меня было мало сомнений в том, что удача или неудача в этом деле может быть для меня вопросом жизни и смерти.

Я потрогала тунику, которую теперь носила, кивнула и улыбнулась. Я была благодарна за одежду, поскольку никто не обязан одевать рабынь. Он даже не стал давать мне дни или даже недели на то, чтобы доказать мою ценность, чтобы заслужить разрешение прикрыть наготу хотя бы крохотной и позорной тряпкой. При этом, что интересно, выданная мне туника была весьма щедрой для гореанской рабской одежды. У неё был высокий ворот, а если я стояла, то подол почти доставал до моих коленей.

Похоже, для него не была секретом моя благодарность и, возможно, моё замешательство.

— Не хочу, — хмыкнул он, — чтобы, когда мы будем на улицах и набережных, слишком много бездельников оборачивалось, чтобы поглазеть на тебя. А так же у меня нет желания становиться объектом назойливости свободных женщин, решивших поскандальить со мной из-за туники, кажущейся им слишком легкомысленной или на их вкус слишком короткой. Я предпочитаю, чтобы Ты была настолько неприметной, насколько это совместимо с моими планами.

Тогда я указала на свои кандалы, державшие мои лодыжки почти вплотную друг к другу, и вопросительно подняла брови. Разве, можно было бы сопровождать господина на улице или на набережной, будучи закованной в такие аксессуары? В лучшем случае я могла бы передвигаться приставными шажками, и это если вообще смогла бы стоять на ногах.

— Вне дома Ты, разумеется, — пояснил мужчина, — будешь без кандалов, но на поводке и в наручниках.

Затем я, сидевшая у его ног, провела пальцами по своему ошейнику, и снова вопросительно посмотрела на него.

— Там написано, — сообщил он, — «Я принадлежу Бруно из Торкадино».

Конечно, я не думала, что его на самом деле звали Бруно из Торкадино, по крайней мере, это не было его обычным именем, но мне ничего иного не оставалось, кроме как использовать его, чтобы как-то его обозначать. Никакого другого имени я не знала.

— Тебе, конечно, любопытно, почему я тебя купил, не так ли? — осведомился он. Я немедленно встала перед ним на колени и нетерпеливо кивнула.

— Подозреваю, Ты хотела бы попросить разрешение говорить, — усмехнулся он, — и я бы даже дал тебе такое разрешение, чтобы Ты смогла бы задать свои вопросы и ответить на мои, вот только говорить Ты всё равно не можешь. Поэтому говорить здесь буду я, и даже расскажу тебе кое-что, конечно, немного, ровно то, что я сочту необходимым, чтобы получить наибольшую пользу от владения тобой. Для моей цели будет полезнее, если Ты будешь иметь представление относительно некоторых вещей. Но кое-что тебе, конечно, знать не обязательно. Начнём с того, что Ты знаешь меня ещё с Брундизиума, не так ли?

Я утвердительно кивнула.

— Ты — варварка, — констатировал Бруно из Торкадино.

Я снова кивнула, что означало «Да».

— Ты, я уверен, уже успела хорошо узнать свой ошейник, — сказал он.

Новый кивок, снова — «Да».

Конечно, к настоящему времени я более чем хорошо изучила его.

— Это хорошо, — подытожил он. — Иногда варваркам требуются дни для того, чтобы изучить ошейник. Некоторые просто глупы, другие, учитывая серьезность, с которой они могли воспринять патологическую идеологию своего мира, столь

недружественную биологии, могут чувствовать себя обязанными сопротивляться, правда, ровно до тех пор, пока они не узнают свои истинные потребности, чего они более всего жаждут и желают, без чего они не могут быть женщинами. Тогда и происходит крушение искусственных стен и преград. Такие моменты отмечаются рыданиями и криками, слезами презренной сдачи и радости. Самые умные и страстные становятся первыми, кто встаёт на колени и с благодарностью прижимает губы к ногам хозяев.

Я слушала его и думала о том радикальном диморфизме, который характерен для человеческих полов и о взаимозависимостях природы. «Как глупо это, стыдиться собственных потребностей и желаний, — думала я. — Это всё равно, что стыдиться самих себя».

— Ты хорошо сложена, — отметил мужчина, — у тебя прекрасная фигура и изящные черты лица. Кому-то этого было бы более чем достаточно для того, чтобы купить тебя. Если бы не твоя немота, держу пари, Ты не задержалась бы у своего кольца и до полудня самого первого дня, в который тебя выставили на полку. Не знаю, почему Ты вдруг онемела, но я не думаю, что это сильно уменьшит твою полезность для моих планов.

Конечно, я не знала, каковы могли быть его планы, разве что могла предположить, что они как-то связаны с поисками Адрасте, красивой рабыни, как утверждалось бывшей Леди Джулии Леты из Ара.

— Я ищу рабыню по имени Лута, — продолжил он, — теперь она известна как Адрасте. Когда-то она была благородной, уважаемой Леди Фелицией Талианой из Беснита. Я долго искал её. Я даже последовал за ней сначала на Конец Мира, а потом обратно. Моя цель — найти её, освободить и вернуть ей великолепный статус свободной гражданки. Я хочу вернуть Леди Фелицию в объятия её семьи, кстати, богатой и высокопоставленной, и под защиту её Домашнего Камня. Что-то не так?

Я очень боялась, что не так было всё, но изо всех сил пыталась держать на лице выражение внимания, интереса и безоговорочного доверия. А это было не так просто, принимая во внимание стойкое ощущение, что моя жизнь теперь находилась в гораздо большей опасности, чем я до настоящего времени подозревала. Очевидно, что кто-то лгал мне или как минимум сильно дезинформировал. Также теперь у меня появилось понимание, почему именно я, варварка, могла быть выбрана в качестве фигуранта в планах, о которых ничего не знала. Для гореанской девушки, хорошо информированной и разбирающейся в местных реалиях, проницательной, бдительной и осторожной, возможно, в скором времени такие махинации стали бы прозрачными. Кем была предполагаемая Леди Фелиция Талиана из Беснита? Существовала ли она на самом деле? Что насчёт Леди Джулии Леты из Ара? Последняя, судя по моему интервью в алькове, на

котором я присутствовала закрытая капюшоном, а также со слов самой Адрасте, всё же могла существовать. На кухне она буквально признала, хотя и неохотно, что раньше была Леди Джулией Летой из Ара. Какие ещё могут быть вопросы? Очевидно, Бруно из Торкадино не хотел, чтобы я знала, что он на самом деле занят поисками Леди Джулии Леты из Ара. А также, несомненно, желая заручиться моей искренней поддержкой, рассчитывая на наивность варварки, он заявил, что ищет свою добычу, чтобы освободить её и вернуть ей статус, семью и, возможно, даже богатство. Когда-то я, возможно, и поверила бы в столь благородные намерения. Но благодаря тысяче замечаний, оговорок и утверждений, сначала в Брундизиуме, а потом и здесь, в таверне и в других местах, я уже знала, что в гореанском обществе не станут игнорировать позор и стыд, которые неизбежно ложатся на имя и репутацию семьи, если будет обнаружено, что дочь, сестра, племянница или иная родственница, однажды носила ошейник. Оскорбительное пятно рабства не должно быть вынесено на всеобщее обозрение. Скорее она осталась бы рабыней, в доме семьи или в загородных поместьях, или, что более вероятно, была бы продана где-нибудь в другом городе. А если бы она всё-таки была бы освобождена то, в лучшем случае, её ждала изолированная жизнь в доме, вдали от общественного мнения, чтобы её позор не был передан огласке.

— У меня есть враги, и в определённых кругах я хорошо известен, — сказал одноногий. — Также, было бы желательно держать истинную личность рабыни Луты в секрете, чтобы мои амбициозные соперники не добрались до неё раньше. В их планы входит не освободить её, а использовать, чтобы шантажировать её семью и угрозами сделать её позор достоянием гласности, вымогать у них деньги. По этим, и по другим причинам, которые Ты поймёшь позже, мне было бы непрактично появляться на аукционе в доме Анесидема, открыто пытаться купить Луту и предлагать за неё цену. Это было бы непрактично делать даже через агента. Поэтому я предпочёл договориться с бандитом, Децием из Венны, чтобы он украл Луту после её продажи.

«Итак, — отметила я про себя, — мужчину со шрамом зовут Деций из Венны». Мне вспомнилось, что именно это имя упоминал незнакомец во время нашей с ним беседы в алькове. В тот момент оно ничего для меня не значило.

— Я больше не собираюсь связываться с Децием из Венны, — проворчал он.

В этом я даже не сомневалась.

— Но, — продолжил Бруно из Торкадино, — дела закрутились быстрее, чем мы ожидали. Думаю, Ты помнишь ночь большого пожара в доках. Тот пожар вспыхнул сам, да такой мощный, что бушевал несколько анов. Но вообще-то, в доме Анесидема планировалось устроить поджог, и под угрозой распространения огня, там вынуждены были бы вывести рабынь на улицу. Во время эвакуации один из

служащих дома должен был накрыть Луту, теперь называемую Адрасте, а до этого бывшую Леди Фелицией Талианой из Беснита, заранее помеченной простынёй.

Я понимающе кивнула.

— Возможно, в спешке и неразберихе простыни были перепутаны или поменяны, — добавил мужчина. — В результате, ко мне привели тебя, а не Адрасте.

Я снова кивнула.

— Казалось, что вся моя работа, все планы и потраченные средства, всё моё беспокойство и страдания, все мои надежды и мечты о спасении бывшей Леди Фелиции Талианы из Беснита и её возвращении к ожидающей, любящей семье, пошли прахом. Адрасте, как мы теперь можем её именовать, исчезла. Ты, несомненно, полна беспокойства и сочувствия, но напугана и смущена. Однако тебе неплохо удастся скрывать свои чувства.

Бруно из Торкадино вдруг запнулся на полуслове и замолчал, нахмурено глядя в сторону, словно вспоминая трудный период своей жизни.

— Шли дни, — наконец вышел из задумчивости одноногий. — Я наводил справки. Собирал слухи и сплетни. Я был в отчаянии. Но затем меня осенило. Что, если это было не совпадение, как я полагал до настоящего времени? Что если простыня Адрасте оказалась на тебе не случайно? Что, если это было сделано намеренно? Что, если между тобой и Адрасте была некая связь, связь, о которой даже Ты не подозревала? Что если Ты, варварка, что я определил с первого взгляда, была невольным инструментом, использованным моими врагами, инструментом, выбранный по причине его наивности и невежества, инструментом, которым они могли бы пользоваться снова и снова, тысячей способов, для наблюдения, шпионажа, передачи сообщений? Ведь Ты — рабыня, находящаяся рядом с Адрасте и теми, кто рядом с ней, или теми, кто заинтересован в ней и так далее. Даже Адрасте не заподозрила бы тебя, варварку. И разве воспользоваться для таких целей одной варваркой не было бы предпочтительнее, чем дюжиной варварок? Ведь в таком случае пришлось бы инструктировать каждую, что в свою очередь повышает опасность утечки, да и такая аномалия могла бы привлечь нежелательное внимание. Я принял эту версию за основную, и вскоре узнал, что Ты действительно была той варваркой, которую продали вместе с Адрасте, а затем, что тебя отправили в Порт-Кар, чтобы использовать в качестве паговой девки в таверне, называемой Золотая Цепь. Следуя за этим тонким, как волосок шансом, я сел на корабль, идущий в Порт-Кар. Возможно, Ты способна постичь степень моего восхищения, когда я, следуя за тобой, узнал, что неуловимая Адрасте служила в той же таверне. Фактически, это Ты привела меня к ней, и теперь Ты, так или иначе, сделаешь это снова. Я вижу, Ты напугана. Не бойся. Уверен, Ты тоже хотела бы, чтобы красавица Адрасте вернулась в Беснит, к счастьем и безопасности её близких? Не волнуйся. Я не требую, чтобы Ты

опознала для меня Адрасте. Я и сам её хорошо знаю. Мы с ней знакомы ещё по Бесниту. Фактически, мы — близкие друзья. Всё, что от тебя потребуется, это бросить взгляд на неё, намекнув мне о факте её присутствия, или сообщить мне информацию или догадку относительно её местонахождения. В действительности, с тобой могли бы даже связаться её похитители, каковой инцидент мог бы предоставить нам неоценимую услугу, в конечном итоге приведя к её спасению. Ты понимаешь, что я говорю, кейджера?

Я кивнула — «Да».

Но также я понимала и то, что, возможно, нынешние «похитители» или «владельцы» Адрасте, для которых моя работа и роль закончились после моего похищения, а также и учитывая тот факт, что я теперь была в распоряжении одноногого мужчины, не только больше не нуждались во мне, но могли бы рассматривать в качестве разумной меры предосторожности, сделать так, чтобы я исчезла, причём намного эффективнее, чем это было сделано в отношении Адрасте.

— Само собой, я не обрадовался узнав, что Деций из Венны, который так подвёл меня так в Брундиизиуме, тоже оказался в Порт-Каре, — продолжил Бруно из Торкадино. — Я подозреваю, что он последовал сюда за мной, терзаемый любопытством и подозрениями, надеясь перехватить у меня приз, который я ищу. Я видел его на мосту через Канал Воров, когда я преследовал тебя. Похоже, он тоже был полон решимости, заполучить тебя в свои руки. Несомненно, он, так же как и я, предположил, что Ты была как-то связана с Адрасте. Интересно, почему Ты с такое время оказалась на улице? По-видимому, Ты шла с неким поручением. Но почему не в тунике Золотой Цепи? Разве это не могло это представлять интерес? Я видел его, и он, несомненно, не мог не видеть меня. Затем, прежде чем кто-то из нас успел схватить тебя, Ты спрыгнула с моста в руки какого-то проплывавшего мимо лодочника. И что же произошло дальше? Ты исчезала на несколько дней. Что происходило в эти дни? Где Ты была всё это время?

Я указала на горло и покачала головой. Слезы потекли из моих глаз. Я не могла говорить. Мне оставалось только надеяться, что он не станет меня избивать.

— Наша цель, бывшая Леди Фелиция Талиана из... из Беснита рано или поздно будет найдена, — заявил он. — Я в этом уверен. В действительности, у меня нет сомнений, что она всё ещё в Порт-Каре. Тому есть веская причина, о которой я узнал совсем недавно. Это многое объясняет, многое из того, что при другом раскладе было бы неясно. Я боюсь только, что её могут первыми найти другие, Деций из Венны или кто-нибудь ещё.

Боюсь, мне было известно, кем могли бы быть эти «кто-нибудь ещё», интересовавшиеся бывшей Леди Джулией Летой из Ара, «кто-нибудь ещё», подвергшие меня пыткам, стремившиеся, пусть и неудачно, вытянуть из меня

доверенные мне тайны. Я понятия не имела, знал ли о них Бруно из Торкадино. А ещё у меня были подозрения, что они могли бы быть не единственными, кто мог бы хотеть заполучить красотку Адрасте, предположительно, прежнюю Леди Джулию Лету из Ара. Похоже, таковых могло быть немало. Как бы не раздражало меня её поведение и отношение, но я не завидовала ей, уязвимой добыче, разыскиваемой столькими охотниками. Как ужасно, думала я, быть выставленной голый в висящей на улице Монет Ара клетке, в качестве предупреждения тем, кто мог бы надумать бесцеремонно обращаться с чужим средствами. Но вот чего я не могла понять, так это, почему преступление, каким бы серьёзным оно ни было, против незначительного банка в Аре, далеко, в тысячах пасангов от побережья, должно было вызвать такой ажиотаж здесь? Почему к нему проявляло интерес такое количество отдельных людей и целых партий? Что могло заставить вести столь неустанное преследование замешанной в этом деле преступницы.

— Возможно, тебе любопытно, — предположил мужчина, — как я, одноногий калека, всего лишь жалкий инвалид, мог бы спасти несчастную Фелицию Талиану. Да, уверен, тебе это интересно. Есть силы, которые чужды Порт-Кару, и, я думаю, всему этому миру. Возможно, Ты тоже подозреваешь об их существовании. Я не знаю, почему они прибыли сюда, но они здесь. По-видимому, у них есть некая причина. Я подозреваю, что они обладают огромным могуществом. Я надеюсь, что мне удастся вступить с ними в контакт и заключить союз. Я чувствую их невероятную власть. Не смотри на меня с удивлением и страхом. Я не сошёл с ума, как тебе, может быть, показалось. Ты тоже могла бы почувствовать это. Не понимаешь, что я имею в виду? Возможно, Ты слышала о том, что произошло с Воротами Дельты? Я вижу, что Ты в курсе. А теперь представь себе вовлечённые в это силы. Какой гигант мог бы так порвать и перекрутить металл, словно это была тонкая солома? Зачем кому-то понадобились такие разрушения? Не могло ли у этого быть какой-либо цели? И если так, какова могла бы быть эта цель? Разве это не могло бы быть своего рода вызовом, приветствием, извещением, приглашением кому-то или чему-то встретиться и провести переговоры?

Глава 26

На болотах

Я

, связанная по рукам и ногам, стояла на коленях на носу маленького челнока, ничем не отличавшегося от тысяч ему подобных, бороздивших каналы Порт-Кара. Бруно из Торкадино сидел на корме и, неторопливо и уверенно, орудовал единственным веслом. Вокруг нас, всюду, куда ни кинь взгляд, расстилались болота. Мы покинули город, проскользнув под натянутой в проёме цепью. Болота, как оказалось, даже в это время не были пустынными. Здесь попадались рыбацкие лодки. Рыбаки, по большей части ренсеры, выходили на ночной лов. Одни использовали небольшие неводы, которые тянули за лодками, другие рыбачили посредством факела и трезубца. Свет факела служил, чтобы привлечь рыбу к поверхности, в пределы досягаемости острой трезубой остроги. Ночь выдалась облачной, но Белая и Жёлтая Луны, неспешно плывшие по небу, то и дело выглядывали в прорехи, заливая бледным светом водную гладь. Вероятно, поэтому Бруно из Торкадино не стал зажигать маленький носовой фонарь. Ночь была наполнена болотными шумами, кваканьем мелких амфибий, плеском рыбы, жужжанием насекомых. Время от времени раздавался шорох, когда мы пробирались через заросли молодого ренса, чьи стебли тёрлись о борта лодки. Во многих местах, где ренс рос дольше, его стебли поднимались высоко над водой, местами на несколько футов выше нашего челнока. После того, как ренсеры освоили большой, или как его ещё называют крестьянский лук, что произошло несколько лет тому назад, дельта стала их бесспорной вотчиной. Ренсовые чащи обеспечивали идеальное укрытие для лучников, перемещавшихся на своих небольших, сплетённых из ренса челноках, которых могли перемещаться дюжинами. Острова ренсеров, сотканные из стеблей ренса также можно было перемещать, так что деревня, сегодня находившаяся здесь, на следующее утро может оказаться в совершенно другом месте. Таким образом, сообщество ренсеров, их родина или столица, склад, лагерь или застава, если можно так выразиться, не является фиксированной целью. Такие сообщества могут сблизиться, собраться, рассеяться или перегруппироваться способами, не возможными для большей части оседлых сообществ. Это даёт широту и гибкость, как с точки зрения тактики, так и с точки зрения стратегии.

— Тебя я беру с собой, — сообщил мне Бруно из Торкадино. — Не хочу оставлять тебя здесь одну. Предпочитаю, чтобы Ты была под рукой. Вряд ли Ты смогла бы убежать с кандалами на ногах и прикованная к кольцу, вмурованному в пол комнаты, но тебя ищут и могут найти. А я не хочу рисковать потерять тебя.

В тот момент я ещё не знала его намерений. Стали бы вы делиться своими планами с верром, тарском или рабской девкой?

Конечно, я догадывалась, что он собирался рискнуть, отправившись в болота, на randevu, никем не назначенное и незапланированное, непонятно с кем или с чем. Для этой цели он арендовал небольшую лодку.

Разве это не было безумием?

Всё то время пока мой хозяин вёл челнок по каналам, а также когда мы проходили под цепью, покидая город, я лежала на животе, головой к носу лодки, укрытая холстом. Мои запястья были связаны за спиной. Мои лодыжки были скрещены и также туго связаны. Таким образом, все, кто могли видеть моего хозяина, в том числе и охранники у Ворот Дельты, должны были полагать, что он был одним. Рабыни — имущество, а любое имущество может быть украдено. Ночные болота обширны, широки, пустынные и покрыты мраком, а заросли ренса во многих местах высоки и густы. Лодки могут появиться словно из ниоткуда, бесшумно приблизиться и... тела навсегда исчезнут в болотах.

Спустя примерно четыре или пять енов после того, как мы миновали цепь, Бруно из Торкадино отложил весло и, пока челнок медленно дрейфовал по инерции, стянул холст и буркнул:

— Становись на колени.

Встать на колени со связанными руками и ногами, да ещё на вогнутой, раскачивающейся поверхности, оказалось задачей нетривиальной. Пришлось потрудиться, но я справилась и замерла на носу лодки. Весло снова вошло в воду, и чёлн начал движение.

Оглянувшись назад, я увидела горевший на стене Дельты маяк, высокий, видимый за много пасангов. Подобные маяки также установлены на стенах около западных и южных морских ворот.

Весло с мягким размеренным плеском входило в воду.

Днём в каналах на этот звук, скорее всего, никто не обратил бы внимания.

Что-то большое проплыло мимо в воде.

Я замерла, боясь даже дышать.

Плеск весла на время смолк.

Я не смогла бы закричать, даже если захотела, и не только из-за того, что было сделано мне в жилище Дорны из Тарны.

В сумраке гореанской ночи трудно было хорошо рассмотреть, но мне показалось, что это было похоже на ряд плоских, костяных треугольников медленно

разрезающих воду. Такие пластины защищают шею или позвоночник, затрудняя противнику перекусить или перебить его.

Обернувшись, я увидела, как Бруно из Торкадино кладёт рядом с собой вынутый из ножен меч, и снова берётся за весло.

— Мы не будем отплывать далеко от Ворот Дельты, — успокоил меня он.

Я стояла на коленях на носу лодки и дрожала всем телом.

Но посмотрев влево, я задрожала ещё сильнее. Это было далеко. Я отчаянно надеялась, что он увидит это. Пусть он посмотрит в ту сторону, куда смотрела, попытаюсь указать на то, что я видела.

— Не волнуйся, — сказал мужчина, похоже, заметив моё состояние. — Это — ренсеры. Вышли на ночную ловлю рыбы. Они не знают, что мы здесь.

Обычно на ночную рыбалку с факелом и трезубцем рыбаки выходят вдвоём или втроём, один из мужчин держит факел, а остальные бьют рыбу острогами.

На носу нашей лодки, как я уже упоминала ранее, маленький фонарь не горел. Но разве не разумно было бы зажечь его, чтобы он мог послужить, если можно так выразиться, маяком, отмечающим наше положение, объявляющим о нашем прибытии, той стороне, которая ответственна за предположительное приглашение? С другой стороны, кто мог знать, что или кого мог бы привлечь свет фонаря, и какие последствия это могло бы иметь? На этих болотах опасности подстерегают на каждом шагу. Думаю, Бруно из Торкадино, оценивая ситуацию из каких-то своих соображений, решил, что было бы лучше обойтись без света. Возможно, тому, кто, вне зависимости, имел ли он силу и право рвать и перекручивать толстый металл, разрушая столь могучий барьер, каким были Ворота Дельты, не требовалось даже того тусклого света, который давал крошечный фонарь, чтобы узнать о нашем присутствии.

Если бы я могла, возможно, я бы закричала, когда что-то, поднявшееся из глубины, вытолкнуло лодку примерно на фут из воды и отпихнуло в сторону, а затем, проскоблив по днищу, скользнуло куда-то вправо.

— Спокойно, — сказал Бруно мне Торкадино, одерживая веслом раскачавшийся челнок.

Наконец, вскоре после того случая, мы подплыли к обширным зарослям ренса. Нос лодки с шорохом раздвинул высокие стебли, и мы оказались в небольшой тихой заводи, похожей на озеро, заблудившееся посреди болот.

— Ну вот, теперь мы достаточно далеко, — заключил Бруно Торкадино. — Думаю, что здесь хорошее место, не слишком близко и не слишком далеко от Ворот Дельты, очень удобное место для наблюдения, контроля и randevu, защищённое от посторонних глаз, окружённое ренсом будто стеной, но достаточно широкое и спокойное. Прямо внутренний двор посреди болот. Прекрасное место. Мне оно нравится. Здесь мы и подождём, пока нас не обнаружат.

Что до меня, то я боялась, что нас, возможно, уже обнаружили.

Через некоторое время, утомлённая ожиданием, получив молчаливое разрешение, я легла на спину, поверх куска холста, валявшегося на носу челнока. Я смотрела на Белую Луну, время от времени выглядывавшую в прорехи среди облаком. Висевший над болотом негромкий монотонный шум не прерывался и не стихал ни на мгновение. Один раз облака разошлись, открыв и Жёлтую Луну, ярко замерцавшую в небе, залив болота своим золотистым светом. Но вскоре прореху снова затянуло, и лишь бледный жёлтый диск, слабо светился сквозь туманную пелену облаков.

— Не шевелись, — вдруг шёпотом приказал мне Бруно из Торкадино.

Я лежала практически неподвижно.

— Вон там, — указал мужчина, — снова появился.

На этот раз и я успела заметить его. В последний момент перед тем яркий диск Белой Луны в очередной раз скрылся за облаками, что-то промелькнуло на его фоне, наполовину затенив его, разорвав его свет. Это было похоже на огромную, тёмную, безмолвную тень, перемещающуюся в высоте. Немного мне доводилось видеть существ, от которых веяло столь очевидной угрозой.

— Это — ул, — пояснил Бруно, — летающий тарларион. У него широкие крылья с когтями на суставах.

Я понятия не имела, что такие животные могли существовать. Возможно, подумала я, что в том числе и по этой причине Бруно из Торкадино предпочёл воздержаться от зажигания фонаря на носу нашей лодки.

По моим ощущениям в той широкой, защищённой от посторонних взглядов, одинокой заводи, похожей на окружённое ренсом озеро, оставались не меньше двух анов.

— Здесь ничего нет, — наконец, раздражённо буркнул Бруно из Торкадино. — Все бессмысленно. Это безумие. Мы — идиоты. А я был так уверен. Но теперь очевидно, что всё это бесплодно и абсурдно. Я долго ждал. Я был терпелив. Если бы здесь кто-то был, нас бы уже обнаружили. Как странно может пошутить над нами наше сознание, как оно развлекается за наш счет. Как принуждает нас поверить, и затем предаёт нас. Я был так уверен. Здесь нет ничего. Я — глупец. Это — ошибка. Болота опасны.

Я услышала звук поднятого с днища лодки того единственного рычага, что служил одновременно, и веслом, и шестом.

Бруно из Торкадино начал разворачивать своё маленькое плавсредство.

Я поднялась на колени и развернулась лицом к носу челнока.

Впереди вырастала стена ренса. Но едва наша маленькая лодка добралась до неё, как Бруно из Торкадино навалился на весло, тормозя движение.

Что-то отличалось.

В первый момент я не могла понять, что именно.

Но затем до меня дошло, что все характерные для болота шумы, ставшие фоном, на который я перестала обращать внимание, внезапно смолкли.

Стояла тишина.

Я тут же вспомнила слова Бруно из Торкадино о том, что болота опасны.

Однако спустя пару мгновений, шум начал возобновляться, сначала медленно, а затем, в скором времени, всё вернулось на круги своя.

— Что-то произошло, — прокомментировал Бруно из Торкадино, — возможно, большой тарларион проплыл.

Я задавалась вопросом, не могло ли это быть что-то ещё, другая лодка или, скажем, один из маленьких, сплетённых из ренса плотов ренсеров.

Впрочем, это предположение сразу показалось мне сомнительным.

Как я помнила, наше движение крайне мало повлияло, если повлияло вообще, на громкость звуков болота, тем более, не заставив болотную живность замолчать вообще, даже на краткое мгновение.

Но я слышала, чтобы что-нибудь перемещалось сквозь заросли ренса.

— Здесь ничего нет, — вздохнул Бруно из Торкадино. — Мы возвращаемся к Воротам Дельты.

Он снова опустил весло в воду, заставляя лодку начать движение, и я услышала шорох стеблей ренса по бортам.

Перед тем, как стена ренса снова сомкнулась за кормой, я обернулась, чтобы посмотреть назад, мимо Бруно из Торкадино.

Всего в нескольких ярдах позади, по направлению к центру круглой, окружённой ренсом заводи, что-то бесшумно проткнуло поверхность воды. Если бы не то, что было сделано со мной несколько дней назад, незадолго до того, как я очнулась на набережной Канала Морского Слина, я бы закричала от ужаса. Широкая голова, сидевшая на длинной шее, влажно блестя в лунном свете, поднялась над водой примерно на ярд. Голова была во многом похожа на тарларионью, но я сомневалась, что это мог бы быть тарларион. И у меня появились подозрения, чем это могло бы быть. Его шею, казалось, покрывала не чешуя и не костяные наросты, а некого рода покрытие, напоминавшее металл. По бокам головы имелось то, что казалось двумя большими глазами, круглыми, и светящимися, как будто в них горел огонь.

С большого расстояния, или если увидеть мельком, возможно, его легко можно было бы принять за какой-нибудь редкий вид тарлариона, но, вблизи или при более длительном рассмотрении, становится очевидным, что никакой это не тарларион, а просто нечто напоминающее, несомненно, намеренно, тарлариона.

Я подозревала, что это был своего рода корабль или боевое оружие.

Я не знала, что оно могло делать здесь, в этих болотах, меньше чем в пасанге от Ворот Дельты.

Трудно было сказать, управлялось ли оно экипажем или дистанционно.

Я задавалась вопросом, кто мог обратиться за помощью к таким сложным технологиям, постичь их и осмелиться произвести на свет столь чудовищное сооружение, и для какой цели?

Вскоре мы оказались по другую сторону стены ренса, и я снова увидела свет маяка, горевшего на стене около Ворот Дельты.

Похоже, разочарование Бруно из Торкадино в том, что на болотах на него никто не обратил внимания, было преждевременным.

Глава 27

На Канале Морского Слина

— Д

ворцовая улица слишком открыта для того, что я задумал, — сказал Бруно из Торкадино. — А здесь, на Канале Морского Слина всё должно сработать как надо. Несколько дней тому назад, после моих мучений во власти Дорны из Тарны, Аддисона Стила и, я предположила, таинственного третьего мужчины, который по большей части скрывался позади декоративной ширмы, я пришла в себя где-то на набережной Канала Морского Слина, однако, я вряд ли смогла бы узнать то самое место.

Десятый ан ещё не пробил.

День выдался жарким. Солнце стояло высоко.

На этой набережной начиная с того момента, как прозвенел колокол девятого ана, я не видела ни одной свободной женщины, зато грубых мужчин здесь было в достатке.

По каналу медленно проплыла лодка.

Я была на поводке, мои руки были заперты в рабские браслеты за спиной.

С нашего ночного вояжа на болота за Ворота Дельты прошло два дня.

Цель нашего визита на набережную этого канала для меня оставалась загадкой, однако, я предположила, что таковая должна была быть. После того как Бруно из Торкадино дохромал до этого места, он в основном сидел привалившись спиной к стене дома и тщательно осматривал прохожих. Его тяжёлый костыль лежал под рукой.

— Мои финансы, — сказал он, — подходят к концу. Пора это поправить.

Первоначально я предположила, что он, как это часто бывает с людьми с ограниченными возможностями, покалеченными, беспомощными и нетрудоспособными, собрался просить милостыню, рассчитывая получить бит-тарски от щедрот того или иного из прохожих, которые могли бы пройти по набережной вдоль канала. Однако если именно такой была его цель, на мой взгляд, выбранное им место было довольно необычным для его намерений. Конечно, проспекты вроде Дворцовой улицы были бы намного более многообещающими.

Он сидел, опираясь спиной на стены, выглядел почти засыпающим, но при этом внимательно посматривал то влево, то вправо.

Конечно, мне казалось сомнительным, что Бруно из Торкадино, изображая из себя нищего, смог бы вызвать жалость. Лично я поостереглась бы приближаться к нему. По большей части я сидела или стояла на коленях у его ноги.

С его левого плеча свисал плащ, что было обычным делом, когда он выходил из дома. Это было нужно, чтобы скрыть короткий меч, обнажённый, висевший на ремне, переброшенном через левое плечо.

— Мне нужно нанять людей, — сказал Бруно. — Деций из Венны больше не подходит. Нанимать такого было бы опрометчиво. Он подозрителен и хочет завладеть всем, даже не будучи уверенным в характере проекта.

Проект, выглядевший благородным, добрым и великодушным, предположительно заключался в том, чтобы найти воображаемую бывшую Леди Фелицию Талиану из Беснита, чтобы освободить её и вернуть в Беснит к её семье. Теперь-то я находила такую мотивацию не просто сомнительной, но такой, в которую невозможно верить. Однако я приложила все усилия, чтобы сделать вид, что полностью доверяю его объяснениям. Таким образом, я делала вид, что верю его заявлениям, а он, я подозреваю, не без хорошо скрываемой насмешки, делал вид, что верит, что я ему верю. Как бы то ни было, я больше не была той наивной рабыней, полуобученной и впервые проданной, какой я была во время нашего первого знакомства в Брундизиуме. Нося ошейник девушка быстро изучает природу того мира, в котором она его носит.

— Ага, — буркнул Бруно из Торкадино, посмотрев вправо.

Это его тихое восклицание, предполагало предвкушение и удовлетворение. Внезапно я от всей души пожелала оказаться где-нибудь в другом месте.

— Сюда приближаются три товарища, — сказал одноногий. — Они выглядят славными малыми и, очень вероятно, небедными. Я уверен, что их можно убедить поделиться своими средствами. Одна монета, правильно вложенная в дело, может стать двумя монетами, а две монеты — четырьмя, и так далее. На колени.

Последнее, разумеется, касалось меня, поскольку в тот момент я сидела привалившись спиной к стене здания. Я немедленно встала на колени, а мой хозяин скрестил мои лодыжки и связал их плотно вместе, воспользовавшись поводком. Я была бы менее беспомощной, если бы он использовал кандалы с короткой цепью, с которыми я так хорошо познакомилась в его жилище.

Бросив взгляд вдоль канала, я действительно увидела приблизительно в сорока или пятидесяти шагах троих мужчин, шагавших в нашу сторону.

Когда они приблизились, с Бруно из Торкадино произошло неожиданное и радикальное преобразование. Он встал и, казалось, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, прислонился плечом к стене. Его фигура теперь казалась согбенной и дрожащей. Он выглядел слабым и хилым. Затем он, неустойчиво покачиваясь, немного оторвался от стены. Вместо, пусть и калеки, но грозного и

крупного, жестокого, осторожного и внушающего страх, твёрдо стоявшего опираясь на свой большой костыль, Бруно из Торкадино превратился потерянного, нуждающегося и вызывающего жалость инвалида.

— Господа! — выкрикнул он, подобострастно согнувшись и протягивая открытую руку к приблизившимся почти вплотную к нам трём мужчинам. — Милосердия! Жалости! Бит-тарск для голодного человека.

— Не подходи к нам, отвратительное, жалкое существо, — прорычал один из них, — я не хочу, чтобы Ты испортил мне аппетит на весь день.

— Продай свою рабыню, — посоветовал другой.

— Она дорога мне, — отозвался Бруно из Торкадино. — К тому же, если я её продам, кто будет заботиться обо мне?

— А ну с дороги, — угрожающе потребовал первый, — и держись от нас подальше.

— Жалость, милосердие, доброта, — воззвал одноногий и, покачнувшись, как бы невзначай сделал ещё шаг вперёд.

— Стой, где стоишь! — снова предупредил его первый товарищ. — Я не обрадуюсь, если Ты прикоснёшься ко мне или даже будешь стоять рядом со мной.

— Будьте милосердны, будьте добры, — взмолился Бруно из Торкадино. — Я голоден.

— Обманщик, — возмутился третий мужчина. — Что-то я не вижу отвисшей плоти. Твои кости не выпирают через кожу.

— Ты — грязный мошенник, получеловек, — констатировал тот из них, который казался старшим.

— Мне не нравятся калеки, — заявил второй. — Они не вызывают у меня ничего кроме отвращения и тошноты. Каждый раз, когда я их вижу, я боюсь, что меня вырвет.

— А я ненавижу обманщиков и мошенников, — проворчал третий.

— Им не понять меня, — патетично вздохнул Бруно из Торкадино, — у меня нет друзей.

— А ведь у него могут быть монеты, — заметил второй мужчина.

— Давайте попросим его поделиться с нами, — предложил третий.

— Кажется, на его поясе висит кошелек, — продолжил второй. — Будем надеяться, что он не пустой.

— А почему бы нам не развлечься с его рабыней? — поинтересовался третий. — Она смазливая.

— По-моему туника на ней чрезмерно закрытая, — заявил первый мужчина.

— Ну это легко исправить, — усмехнулся второй.

— Оставьте её в покое! — закричал Бруно из Торкадино.

— Сейчас, только попробуем её губы, — рассмеялся третий мужчина.

Я отпрянула к стене, словно надеялась продавить её.

— И как же тебя зовут, смазливая кейджера? — спросил первый мужчина.

— Она немая! — сообщил им Бруно из Торкадино.

— Вот так редкость, — хмыкнул второй мужчина, — что за невероятная нам попалась парочка, лживый назойливый нищий, прикидывающийся голодающим, притом, что на его поясе висит кошелек, и немая рабыня.

— Стойте! — взмолился Бруно из Торкадино.

Но первый мужчина уже схватил меня за плечи и вздёргнул на ноги, а второй разорвал мой тунику от ворота до талии.

— Пожалуйста, не делайте этого, добрые благородные господа, — воскликнул Бруно из Торкадино, протягивая к ним руку. — Отпустите её! Она всего лишь бедная беспомощная рабыня! Она даже не может говорить!

Он заковылял ко мне, как будто его вмешательство могло бы мне помочь, но первый мужчина с издевательским смехом ударом ноги выбил из-под него его опору. Бруно Торкадино неловко завалился на бок, и потянулся, пытаясь достать свой, валявшийся на мостовой костыль, но мужчина пинком отбросил его на несколько футов дальше.

Небритое лицо прижалось к моему, царапая кожу щёк, прижимая мои губы к зубами. Мой рот наполнился вкусом крови. Мои плечи и руки, закованные в наручники сзади, были прижаты к шершавому камню стены. По моей коже заскользили грубые мужские ладони, ощупывая меня. Моё тело, время от времени, вздрагивало в их руках. Я дико мотала головой. «Нет, нет!». Я ничего не могла с собой поделать. Десятки мужчин за последнее время отточили моё тело живо откликаться на их прикосновения. Я знала, кем я была. А была я не больше чем рабыней в ошейнике.

— Перережь поводок на её лодыжках, — велел первый из трёх мужчин.

— Когда закончим с ней, сбросим её в канал, — сказал третий.

Я продолжала мотать головой. «Нет, нет!». Но моё тело и мои потребности выдавали меня с головой.

Нож словно масло рассёк петли поводка, стягивавшего мои лодыжки, и я почувствовала, как на них сомкнулись чьи-то руки и потянули в стороны, разводя широко, до боли в промежности. Я опустилась вниз, проскоблив спиной и руками по стене.

— Эта уже горит, — заметил второй мужчина.

— Так же, как они все, — усмехнулся третий.

— Они ничего не могут с этим поделать, — констатировал первый.

Мужчины расхохотались. Меня потянули за щиколотки вперёд, стягивая на мостовую. Наконец, я оказалась на спине, на камнях набережной, с широко

разведёнными ногами. Я снова и снова мотала головой. «Нет, нет!». И всё же я хотела их прикосновений, хотела почувствовать их грубую силу.

— Её голова говорит — «нет», — рассмеялся первый мужчина, — но её тело, кричит — «да».

— Её тело умоляет, — заметил третий.

— Подождите-ка, — остановил их первый. — А не слишком ли она симпатична для того, чтобы быть рабыней нищего?

— В каком смысле? — не понял второй.

— Она не выглядит достаточно жалко, — пояснил первый. — Не вызывает достаточной жалости, чтобы выпрашивать подаяний.

— Это точно, — согласился третий. — С точки зрения нищенства ей было бы намного лучше, быть искалеченной, травмированной, возможно, безносой и безухой.

— Давайте поскорее используем рабыню надлежащим образом, — предложил второй, — и затем уделим внимание этому вопросу.

— Э нет, — с недоброй ухмылкой протянул первый мужчина, вытаскивая нож из висевших на поясе ножен, — давайте уделим этому внимание в первую очередь.

— Хорошо, — не стал спорить второй.

— Ладно, — пожал плечами третий.

Я ещё активнее замотала головой. «Нет!». Слезы беспомощности брызнули из моих глаз. Я хотела закричать, но ни единого звука не слетело с моих губ. Мои волосы были зажаты в кулак, удерживавший мою голову неподвижно.

Я с ужасом смотрела на медленно приближающийся к моему лицу нож.

Не в силах видеть это, я зажмурила глаза.

А потом раздался звук тупого удара. Мои глаза были закрыты, и что произошло, я не видела, но удар явно был жестоким, быстрым и тяжёлым. Я открыла глаза, но лишь затем, чтобы закрыть их снова, немедленно, в ужасе, мельком увидев забрызганную кровью половину головы. Второй мужчина, тот, который держал меня за щиколотки, вскочил на ноги и обернулся, но едва он оказаться на ногах, как конец толстого, тяжёлого, окровавленного костыля, как таран, как деревянная молния, воткнулась в его грудь. Бруно из Торкадино выдернул свою опору из груди второго мужчины, но третьему хватило этой заминки, чтобы вскочить на ноги, отпрыгнуть в сторону, остановиться и обнажить меч. Бруно из Торкадино больше не выглядел раблепным и слабым, беспомощным и хилым. Теперь он стоял лицом к третьему мужчине, опираясь на свой окровавленный костыль, глядя на своего противника с негодованием и угрозой. Мужчина выглядел неуверенным, даже несмотря на выставленный перед собой меч. По-видимому, он подумывал о том, чтобы покинуть место происшествия, сомневаясь, что ему стоит принимать вызов, даже при вроде бы явном его преимуществе.

— Ты можешь купить свою жизнь, — заметил Бруно из Торкадино. — Оставь кошелек и убирайся.

— Ты безумец, — отозвался его противник. — Чего стоит твоя палка против моей стали? У тебя одна нога, у меня две. Мне всего лишь надо уклониться от твоего первого удара, а зайти тебе за спину мне хватит ина. Я могу обойти тебя дюжину раз, заставив крутиться, сомневаться и ждать моего удара. Когда я нападу? Откуда тебе знать? Я могу оказаться позади тебя так быстро, что Ты не сможешь повернуться, а если попытаешься, то просто потеряешь равновесие и упадёшь, оказавшись полностью в моей власти.

— Если тебе дорога жизнь, оставь свой кошелек и беги — повторил Бруно из Торкадино.

— Ты что, думаешь, я боюсь калеки, полумужчины, предмета насмешек и оскорблений? — возмущённо спросил его противник.

— Тебе решать, — пожал плечами мой хозяин.

— Возможно, я оставлю тебе твою жизнь, — хмыкнул мужчина, поводя мечом из стороны в сторону.

— Тогда, — ответил Бруно из Торкадино, — я не оставлю тебе твою.

— Ты — дурак, несчастный, жалкий калека, подходящий объект для шуток и презрения. Если я не захочу убивать тебя сейчас, мне достаточно всего лишь развернуться и уйти. Ты что, последуешь за мной? Ты поймаешь меня? Ты побежишь за мной?

— Зачем мне бежать за тобой? — хмыкнул Бруно из Торкадино. — Эла, я не могу так поступить, даже если я сильно захочу. Но я буду преследовать тебя, и однажды, однажды ночью, где-нибудь, когда-нибудь, когда Ты не будешь ожидать, я найду тебя. И тогда я тебя убью.

Левая рука мужчины потянулась к кошельку, но затем он отдернул её.

— Нет! — крикнул он.

— Как пожелаешь, — сказал Бруно из Торкадино и повернулся спиной к своему противнику.

Я хотела выкрикнуть, предупредить своего хозяина, но моё горло по-прежнему не могло издать ни единого звука. Но и без моих предупреждений правая рука Бруно из Торкадино скользнула под плащ, который он носил на левом плече, прикрывая им свой, висевший на перевязи, короткий страшный клинок. То, что случилось далее, было трудно отследить, настолько быстро всё произошло, лишь когда это закончилось, стало ясно, как именно это было сделано. Только потом, по памяти, я смогла восстановить очерёдность событий. Это сопровождалось всего одним звуком, коротким и быстрым, ярким и звонким, когда Бруно из Торкадино, опираясь на костыль, резко обернулся, отбил клинок нападавшего и ударил своим.

Теперь одноногий стоял и невозмутимо смотрел вниз, где у его ноги на мостовой лежал его ещё живой, но уже не представлявший опасности противник, зажимавший руками своё горло. Кровь толчками, по чашке за раз, вытекала между его пальцев.

Я потянулась в сторону, выбираясь из-под распростёртого, окровавленного тела того, кто был старшим среди незнакомцев. Его наполовину разбитая, наполовину оторванная голова безвольно скатилась с моего живота.

Наконец, тело у ноги Бруно из Торкадино перестало дёргаться. Кровь прекратила вытекать.

Мой хозяин вытер свой меч о тунику убитого и вернул его на прежнее место, на ремень под своей левой рукой.

Мне было дурно. Голова кружилась. Я даже не пыталась подняться на ноги. Я была с ног до головы залита кровью мужчины, который тянулся ко мне своим ножом. Мои ноги были свободны, но я даже не помышляла о том, чтобы ускользнуть, сбегать от одноногого и попытаться вернуться в Золотую Цепь. Я ведь не могла говорить. Я понятия не имела, как добраться до нужной таверны от того места, где я находилась. На моём ошейника было написано: «Я принадлежу Бруно из Торкадино».

И я была благодарна ему, что осталась в живых, и даже не была изуродована.

Внезапно я осознала, что Бруно из Торкадино подошёл и стоит надо мной. Я немедленно поднялась и встала на колени.

— А ведь Ты, и правда, была возбуждена, — заметил он.

Я пристыженно опустила голову.

— Какая же Ты рабыня, — усмехнулся мужчина.

Я не смела поднять головы.

— Неплохое начало дня, — сказал он, отвернувшись от меня. — Удачно они вышли на меня, и что ещё более удачно, как раз в тот момент, когда никого больше на набережной не оказалось.

Я подняла голову и осмотрелась.

— Патрули стражников редко забредают в эти места, — добавил Бруно из Торкадино. — Я заранее навёл справки. Это слишком опасное место.

Я перевела взгляд на Бруно из Торкадино, который, становясь на одно колено по очереди около каждого из трёх убитых им мужчин, забирал содержимое их кошельков. Затем он, схватив костыль, с напряжением на лице принял вертикальное положение.

— Я приумножу эти монеты, — заявил мой хозяин, — сделав ставки на тёмных состязаниях, на Играх клинков.

Затем Бруно из Торкадино, ногой и костылём, откатил все три трупа к краю набережной и один за другим столкнул их в канал.

— Они были грабителями, — прокомментировал он. — У честных людей кошельки были бы куда легче.

Я предположила, что это его утверждение могло быть верным, но я не думала, что это соображение было тем, которое он мог бы реально принимать в расчёт.

— Встань, — велел мне Бруно из Торкадино.

Как только я поднялась на ноги, он натянул мою разорванную тунику и закрепил клочки узлом на моём левом плече.

— Возвращаясь в наше жилище, — сказал он, — нам, несомненно, придётся столкнуться с одной или несколькими свободными женщинами. Не стоит их смущать и раздражать.

Я бросила взгляд на канал. Приблизительно в тридцати или сорока футах от того мест, где мы стояли, вода бурлила.

— Урты не медлят, — хмыкнул мой хозяин, проследив за моим взглядом. — Они уже оттащили туда одно или несколько тел. Присмотрись к воде. Там сейчас настоящее пиршество. Правда, если появится акула, им придётся отступить, ждать и довольствоваться её объедками.

Я задрожала.

— Ты вымазалась как тарск, — констатировал он, — вся в грязи и крови. И тебе понадобится новая туника. Вернёмся домой, первым делом помоешься.

Я подняла глаза на него, и испугалась, что он прочитал в них мою неловкость.

— Да, — кивнул Бруно из Торкадино, — Ты была возбуждена и осталась неудовлетворённой. Неприятно. Это пройдёт, но эти ощущения вскоре вернутся снова, причём они будут гораздо сильнее.

Насколько беспомощны мы в наших ошейниках. Нас сделали такими. Нам не оставили выбора. Они делают с нами всё, что пожелают. Они разжигают наши рабские огни. Они думают, что это забавно? Какая разница, нас они всё равно не спрашивают. Они просто делают это с нами. Они делают нас беспомощными пленницами и жертвами наших собственных потребностей. Как жестоко и неудержимо пылают в нас наши рабские огни, превращая в их беспомощных невольниц. Как, в таком случае, можем мы, превращённые в цельных, полных и истинных женщин, быть чем-то иным, кроме их презренных рабынь? Мы беспомощны. И всё же я знала, что не желала быть никакой другой, чем той, кем я была.

Глава 28

Что произошло после случая на канале

Я

находилась в комнате, в жилище Бруно из Торкадино. Моё тело и волосы были отмыты до хруста. Я была одета в свежую тунику. Мне была выдана расческа, которой я теперь с рвением и наслаждением пользовалась. Такие вещи, какими бы простыми и тривиальными они не казались кому-то, могут быть очень значимыми для нас. Около меня на полу лежало маленькое, свёрнутое вчетверо одеяло. За это я тоже была страшно благодарна. Что интересно, в этот раз я не была закована тесные кандалы. Всем, что ограничивало мою свободу, была одна довольно длинная, приблизительно пяти футов длиной, цепь, прикреплявшая мою лодыжку к рабскому кольцу в полу.

Был вечер того дня, когда Бруно из Торкадино в безлюдном месте Канала Морского Слина поправил свои финансы.

Оставленные для меня миска с едой и кастрюля с водой стояли в стороне.

— Я должен всё распланировать, — сказал Бруно из Торкадино, стоявший у двери в просторном длинном плаще. — Я должен многому уделить внимание. Прежде всего, следует заняться финансами. Количество монет надо преумножить. Потом я смогу двигаться дальше.

Надо заметить, что Бруно из Торкадино крайне редко оставлял меня одну.

В те редкие случаи, когда я оставалась одна и думала, что его нет поблизости, я делала отчаянные попытки закричать, я изо всех сил напрягала горло, в надежде, что у меня получится привлечь к себе внимание и упросить кого-нибудь вернуть меня в безопасность Золотой Цепи. Но я была не в состоянии издать хотя бы самый тихий звук.

На пороге, перед тем, как покинуть комнату, одноногий обернулся и сказал:

— Я принял меры, чтобы успокоить твои мучения.

Я не поняла, что он имел в виду.

Но Бруно из Торкадино и не собирался что-либо мне объяснять, он шагнул за порог и закрыл за собой дверь. Я слышала, как он спустился по лестнице, а потом стук его тяжёлого костыля постепенно стих.

Прошло что-то около четверти ана, и внезапно дверь открылась.

Но фигура, появившаяся в дверном проёме, не принадлежала Бруно из Торкадино.

— Сними тунику, — приказал гость. — Повернись, встань на колени, опусти голову на пол, руки сожми на затылке.

Я немедленно и покорно приняла указанную позу.

— Сойдёт для начала, — сказал мужчина.

В тот момент, когда фигура появилось на пороге, я была поражена настолько, что чуть не потеряла сознание. Я закричала бы, если бы не то, что было сделано со мной несколько дней назад. Лишь мои губы смогли изобразить слово «Господин». Конечно, если бы я была в состоянии говорить, я выкрикнула бы: «Господин!». Я давно изучила, что рабская девка не обращается к свободному мужчине по имени. Она использует обращение «Господин». Разве смеет она пачкать имя свободного мужчины своими грязными рабскими губами?

— В этот раз, — усмехнулся Аддисон Стил, — мне не придётся впустую тратить бит-тарск на твою бесполезную шкуру. На этот раз Ты мне ничего не стоишь. На этот раз Ты досталась мне даром.

Глава 29

Шхера Ларса

— Г

оворят, — сказал мужчина, — он — с Самых Дальних Островов, вроде с Хиоса или Теры.

— Скорее он с Тельнуса, с Коса, — предположил другой.

— Я слышал про Турию, — заявил третий.

Какое мне было дело до происхождения некого молодого таинственного фехтовальщика? Такой может подняться на пьедестал, словно яркое солнце над горизонтом, и так же быстро исчезнуть, подобно падающей звезде. Герои клинков приходят и уходят, и ищут встречи друг с другом. И может ли вообще даже самый титулованный фехтовальщик, владеть своим клинком быстрее и хитрее, чем все остальные? Разве это не столь же странно, как ранги и известность в клетчатой касте, в касте Игроков. Кому может быть интересно, что Центий с Коса или Скормус из Ара могут передвигать крошечные кусочки дерева по расчерченной на сто клеток красно-жёлтой доске лучше, чем любой из миллиона других любителей этой игры? Действительно ли это важнее окучивания сулов или сбора урожая тур-пахы, ловли угрей или путины парсита, строгания и полировки досок или труда ткачей и портных? Кто самый великий из певцов или лучше других владеет кистью, линией и цветом? А кто же будет это решать? Все же в некоторых играх вопрос не столь субъективен. В каиссе партия может быть выиграна, проиграна или сведена вничью, и здесь всё ясно. Это не вопрос утверждений, это — вопрос очевидности. И, боюсь, для тех, кто вовлечён в игры стали, результат столь же ясен. В каждом городе найдётся тот, кого считают первым фехтовальщиком. Некоторые, неприкаянные юнцы или странствующие убийцы, пускаются в рискованные авантюры, путешествуя от города к городу, от деревни к деревне, в попытках заработать такую репутацию, которую они жаждут, которой они были бы счастливы обладать. Всего-то и нужно, симулировать оскорблённое достоинство, и вот уже клинки выпрыгивают из ножен. Получается, один мужчина может убить другого? Неужели, им это настолько важно? Это что, настолько высокое достижение, настолько ценный приз, чтобы его так искренне добиваться? Почему просто не повернуться спиной к столь абсурдной игре, выказав презрение её безумию? И всё же среди гореан найдётся немного тех, кто спокойно отнёсся бы к тому, что его назовут трусом. Возможно, многое было бы иначе, но у каждого фехтовальщика есть свои фанаты, а фанатам требуются свои чемпионы. Как

глупы мужчины. Разве имеет какое-то значение, что кто-то может доказать, что он бесспорно лучше всех остальных в том или ином роде деятельности, в городе, на континенте или в мире? Насколько бессмысленны, не подвергаемы сомнению и жестоки императивы тщеславия! Что такое тщеславие женщин, хоть свободных, хоть рабынь, по сравнению с тщеславием мужчин. Ведь мы смотрим, и для мужчин не секрет, что мы смотрим.

Этим утром у Южных Ворот Бруно из Торкадино, вместе со мной следовавшей за ним по пятам на поводке с руками, закованными в наручники спереди, сели на корабль, отправлявшийся к Шхере Ларса. В действительности, это не шхера, а небольшой островок в Заливе Тамбер, в пяти пасангах от Порт-Кара, фактически, в пяти пасангах от его законов. Билеты недороги, по-видимому, их частично субсидируют владельцы Шхеры Ларса. Животные, вроде меня, в ошейнике и с клеймом на бедре, пускались на борт за полцены. На дальнем севере, в водах близ Торвальдсленда, да и в самом Торвальдсленде тоже, есть небольшие, изолированные, необитаемые шхеры, которые часто используются в качестве мест для дуэлей. Утром, обычно на маленькой лодке, соперников, участников дуэли привозят в шхеру с запасом мяса и напитков. Вечером лодка возвращается в шхеру, чтобы забрать оставшегося в живых. Несомненно, этот северный обычай послужил прообразом не только названия этого небольшого островка в заливе Тамбер, столь близкого к Порт-Кару, но, по-видимому, и предприятия, благодаря которому это место получило свою известность, Игры Клинков, иногда называемые «тёмными состязаниями». Название «Шхера Ларса», очевидно, было выбрано ради подобных ассоциаций. Насколько я знаю, никого из предпринимателей, имеющих отношение к этому бизнесу, не звали Ларсом. Зато это имя довольно распространено в Торвальдсленде. Фактически, некоторые утверждают, что Шхера Ларса действительно существует недалеко от берегов Торвальдсленда. Если это так, то название было просто одолжено.

На корабле, пока он держал свой курс через холодные, изменчивые воды к островку, называемому «Шхерой Ларса», я стояла на коленях у ноги сидящего Бруно из Торкадино. Я была не единственной кейджерой на корабле. Я насчитала семь девушек, тоже стоявших на коленях среди скамей, на которых сидели их хозяева. Руки у них у всех, как и у меня самой, были закованы в наручники спереди. С другой стороны, я была единственной, кого держали на поводке. Две невольницы казались заметно взволнованными, в то время как остальные выглядели спокойными или даже любопытными. Некоторые, по-видимому, совершали это короткое путешествие впервые, другие были, если можно так выразиться, завсегдатаями. На борту конкретно этого корабля, одного из нескольких, курсировавших между Южными Воротами и Шхерой Ларса было около сорока мужчин, не считая гребцов, по двое на весло, рулевых и того, кого я для

себя определила как капитана. Пассажиры отличались друг от друга внешностью и поведением, и, очевидно богатством и статусом. И всё же они сидели рядом, общались друг с другом, обмениваясь мнениями. Ранги, социальная дистанция и иерархия, характерные для гореанского общества, казалось, в этом переполненном месте были снижены или отброшены. Это не редкость, когда на спортивных мероприятиях возникает такое сглаживание различий, основанное на заключённых пари, общности неуверенности и ожиданий, товариществе и демократии азарта. Большинство пассажиров, я имею в виду мужчин, выглядели довольно непринужденными, и я заподозрила, что они это была не первая их поездка, возможно, и не вторая. Другие с любопытством озирались, казались, оживлёнными и нетерпеливыми. Возможно, это был их первый раз. Некоторые, хотя и немногие, показались мне напряжёнными и сосредоточенными, как будто в этот момент их мысли могли бы быть в другом месте, словно на кону стояли прибыль или потеря, а возможно даже крушение или торжество. Одни беседовали о пустяках, другие обсуждали серьёзные дела. Некоторые с интересом рассматривали стоявших на коленях рабынь. Немногие из мужчин могли бы не заметить присутствия среди них очевидной красоты, которую они могли бы при определённых обстоятельствах приобрести. Я, делая вид, что не замечаю их оценивающих взглядов, выправила тело. Их внимание меня порадовало.

— Рабыня, — вполголоса проворчал Бруно из Торкадино.

У некоторых мужчин имелись при себе небольшие доски-планшеты с прикреплёнными к ним листами бумаги, на которых были какие-то списки, или что-то записанное плотными колонками. Иногда они, глядя в списки, перекидывались друг с другом парой фраз и подчеркивали или обводили стилусом ту или иную запись. Среди пассажиров присутствовали двое Игроков, представителей клетчатой касты. Они играли так называемую «словесную каиссу», или «каиссу без доски», сообщая друг другу о своих ходах и ответах.

«Когда-то я тоже была свободна!» — подумала я.

Как я ненавидела Аддисона Стила, рабыней которого я так хотела быть!

Каким высокомерным, бескомпромиссным монстром и рабовладельцем он был. Чем для такого мужчины могла быть женщина, кроме как рабыней? Что такие мужчины делают с нами! Как они обращаются с нами! Как они владеют нами! Как же я когда-то мечтала о таких мужчинах, и вот теперь я была на Горе, где они были в изобилии, беспомощная перед ними в своём ошейнике!

Но как вышло, что он оказался в жилище Бруно из Торкадино? Мог ли мой одноногий хозяин, чтобы успокоить мои потребности, подобно тому, как можно было бы позаботиться о том, чтобы накормить и напоить мучимое голодом и жаждой животное, но не желая утруждать себя этим вопросом, просто обратился к первому встреченному на улице незнакомцу и направил его в свой

дом? Конечно, верилось в это с трудом. И ещё менее вероятным казалось, что таким незнакомцем мог бы оказаться Аддисон Стил, который ещё на Земле, насколько я поняла из его объяснений, высокомерный и разгневанный на меня, сначала привлёк ко мне внимание гореанских работорговцев, как к возможному подходящему лоту для сцены аукциона. Поскольку, для чего ещё я могла бы с его точки зрения годиться? Итак, каковы в таком случае могли быть связи или отношения между Бруно из Торкадино и Аддисоном Стилом? Мне не казалось вероятным, что такие связи или отношения имели право на существование, тем не менее, они так или иначе должны были существовать. Мне вспомнились мучения и пытки, которым подверг меня Аддисон Стил, ожигавшей огнём тунике и ядовитым испарениям тлеющих порошков. Почему он так со мной поступил? Неужели я для него совсем ничто? Но как же рада я была, что не рассказала моим похитителям ничего о бывшей Леди Джулии Леты! Насколько стыдно должно ему быть, что он подверг ни в чём неповинную, беспомощную рабыню столь ужасному и болезненному допросу. И как была разочарована в нём я, как стыдилась нашего с ним прежнего знакомства, когда обнаружила, что он связался с ненавистной Дорной из Тарны, и возможно не только с ней, ради тайных планов схватить бывшую Леди Джулию Лету из Ара, чтобы вернуть её, несомненно, за некоторое вознаграждение, для мстительного правосудия и последующего сурового наказания, выходящего далеко за рамки её вины. Это казалось слишком жестоким и несопоставимым совершённом ею проступку. Мне совершенно не нравилась надменная Адрасте, но у меня не было никакого желания, чтобы её посадили голой в клетку, вывешенную на улице Монет Ара, возможно, на многие годы, как свидетельство неотвратимой и неумолимой справедливости, как предупреждение любому, кто мог бы испытать желание последовать её примеру и присвоить чужие средства. Как Аддисон Стил мог позволить вовлечь себя в столь ужасный, недостойный и, возможно, позорный проект? Как я в нём ошибалась! И как, тем не менее, я жаждала прикосновений его рук, его объятий! Я должна была выкинуть его от своей головы! Я обязана сделать это! Я должна! Но Бруно из Торкадино тоже, и я была в этом уверена, несмотря на его разглагольствования о вымышленной Фелиции Талиане из Беснита, хотел заполучить Адрасте, предположительно бывшую Леди Джулию Лету из Ара, несомненно, ради некоторой премии, вероятно, назначенной за её доставку в Ар. Но теперь передо мной вставал вопрос, не оставил ли Аддисон Стил партию Леди Дорны из Тарны и её возможного соучастника, и не присоединился ли он к Бруно из Торкадино, или, не притворялся ли, что служит и тем и другим, таким образом предавая обе стороны. Мне казалось маловероятным, что Леди Дорна из Тарны вместе со своим таинственным коллегой могли бы объединить усилия с Бруно из Торкадино. Я подозревала, что каждый из них будет смотреть на другого с таким подозрением

и враждебностью, что дело легко дойдёт до ножей и яда. И, в любом случае, я боялась, что Аддисон Стил служа одним и предавая других, подвергает свою жизнь страшной опасности.

Но затем я напомнила себе, что он был для меня ничем, и что я ненавидела его.

Но с другой стороны, судя по всему, он спас мне жизнь, не став сбрасывать меня от стены дельты на съедение тарларионам.

«Но ведь такое милосердие, — подумала я, — если это вообще можно назвать милосердием, было бы типично для любого из гореанских мужчин». Это было совершенно бессмысленно. Гореанские мужчины не бросают рабынь на корм тарларионам, не больше, чем любое другое, обладающее ценностью, домашнее животное, вроде тарска и верра.

Тогда ненависть к нему всколыхнулась во мне с новой силой.

«Таким образом, я свободна от каких-либо обязательств! — решила я. — Свободна! Разве у меня, принимая во внимание всё это, мало причин для гнева! Значит, я для Бруно из Торкадино значу так мало, что он даже не стал брать бит-тарск за моё использование! И Аддисон Стил принял это условие как само собой разумеющееся!»

Я ненавидела мужчин. Но я хотела стоять перед ними на коленях, нагой, в их цепях, и с благодарностью прижимать свои губы к их ногам.

Наконец, корабль пристал к причалу.

Мы прибыли в Шхеру Ларса.

Глава 30

Красно-жёлтое строение

Б

руно из Торкадино ковылял по проходу, а я семенила за ним на коротком поводке.

— Смотри, куда костылём тыкаешь, калека, — процедил какой-то мужчина.

— Нашёл бы Ты для попрошайничества более подходящее место, — буркнул другой, обгоняя нас.

Но я боялась, что Бруно из Торкадино приехал в это место не для того, чтобы попрошайничать.

Островок, называемый Шхерой Ларса, оказался местом шумным и оживлённым. Здесь преобладала атмосфера праздника или карнавала.

Я негромко вскрикнула, больше от неожиданности, чем, будучи оскорблённой, оказанным мне вниманием. Рабыня должна ожидать и терпеть подобные знаки внимания.

Эта улица, довольно грязная, что для Гора было не характерно, была сформирована несколькими строениями, большинство из которых представляли собой не более чем небольшие хижины, фактически ярко окрашенные сараи, с односкатными крышами, наклонёнными назад, чтобы дождевая вода не стекала на улицу. Окна, по сути, узкие щели, прорезанные в стенах, по большей части в данный момент были закрыты. Двери этих маленьких строений, утопленные в дверные проемы, были раскрашены. Некоторые из двери были опечатаны замысловатыми узлами — «узлами подписи». Я предположила, что большинство из этих хижин было арендовано посетителям островка, некоторые из которых могли бы захотеть снять в личное пользование апартаменты, на ан или, возможно, даже чтобы переночевать.

Дальше на улице, примерно в четверти пасанга, виднелось красно-жёлтые стены какого-то строения. Похоже, именно к тому строению мы и пробирались. Чем ближе мы к нему подходили, тем заметнее становились изменения обстановки. Они касались не цветов и яркости оформления построек, а их основательности и размеров. Большинство теперь стали больше и выше. Несколько, возможно, служили гостиницами. Некоторые были с открытыми фасадами и с высокими, высотой по пояс, плоскими прилавками, на которых были выставлены различные напитки и закуски. Имелись также рестораны, в которых более неторопливые

клиенты могли перекусить за столами. Был даже магазин, специализировавшийся и на скупке и на продаже предметов одежды и обуви. Его присутствие здесь меня несколько озадачило, поскольку я не видела в нём никакого смысла. Также нам попались две пага-таверны и магазинчик, в котором разливали кал-да.

Наибольший интерес для большинства собравшихся на острове, насколько я могла судить, представляли многочисленные выставленные на платформе доски, покрытые строчками букв. Надписи периодически изменялись писцом, прохаживавшимся взад и вперёд по платформе, с губкой и мелом. Из подслушанных мною разговоров, комментариев и замечаний, я заключила, что это были списки соперников и расписание поединков. Бруно из Торкадино переходил от одной доски к другой, изучая написанное.

— Хорошо, — наконец, сказал он, намного дольше задержавшись у одной из них, а затем повернулся и снова направился к красно-жёлтому строению в конце улицы.

Около досок стояли длинные столы, к которым выстроились очереди из мужчин, отдававших деньги в обмен на листки бумаги. Бруно из Торкадино пройдя мимо столов, пробормотал:

— Мы подождём до стадиона. Многое может поменяться в течение дня, а то и ана. Готовность и концентрация, учёт результатов, новости, сюрпризы, страх, уверенность и прочее, могут измениться в любой ен. Тот, кто знает, на что надо обращать внимание, может многое предсказать. Это дороже, но можно воспользоваться услугами наёмных курьеров почти перед самым осмотром клинков.

Я мало что поняла из того, что он сказал.

Что меня удивило, так это полное отсутствие свободных женщин. Я не заметила ни одной, ни на корабле, ни на самом острове. Само собой, я не была этим разочарована, поскольку, будучи кейджерой, ничего кроме страха к ним не испытывала. Фактически, я боялась их до дрожи в коленях. Они ненавидели нас всеми фибрами своей души, рискну предположить, что причина этого — наша привлекательность для мужчин, и то, что мы, полуголые, в наших ошейниках, слабые, беспомощные и уязвимые, неспособные сопротивляться, находились полностью в их власти. Как же мне хотелось, чтобы мужчины взяли их в свои руки, раздели, отметили клеймом, надели на них ошейники и сделали их всех рабынями, ничем не отличающимися от нас, как это, по-видимому, сделали мужчины Тарны, где, как я, возможно, уже упоминала, осталась только одна свободная женщина, Лара, её Татрикс.

Для того чтобы войти в красно-жёлтое строение, никаких билетов покупать не требовалось. Фактически, билет на корабль, который, я полагаю, частично был оплачен предпринимателями Шхеры Ларса, являлся входной платой за посещение

не только острова, но и стадиона. С другой стороны, местные предприниматели неплохо зарабатывают во множестве иных путей. Они сдают в аренду хижины и комнаты в гостиницах, взимают плату с магазинов и увеселительных заведений, облагают таксой предлагаемые здесь товары, в частности, взимают пошлину за обработку пари и поддержание информационных досок. Безусловно, многие посетители острова, как нетрудно догадаться, заключают пари между собой, минуя официальные столы ставок.

Стены строения, как выяснилось, когда мы к нему подошли, были не каменными или деревянными. Это был просто холст, раскрашенный яркими красными и жёлтыми полосами, натянутый на высоких шестах. Внутри я увидела ряды деревянных скамей, расставленных концентрическими кругами. На них могли разместиться, по крайней мере, две-три тысячи человек. В центре строения, в центре рядов скамей, располагалась посыпанная песком, огороженная деревянными стенами яма, диаметром около сорока ярдов. Ряды скамей были разделены проходами с деревянными ступенями, ведущими вниз к яме. В самих деревянных стенах ямы также имелось несколько дверей, к которым, по-видимому, вели тоннели, через которые могли приходить и уходить мужчины. Когда мы вошли, трибуны были заполнены лишь частично. Бруно из Торкадино сел на самой низкой скамье около одного из проходов. Таким образом, у него был удобный доступ к лестнице, ведущей к посыпанной песком площадке. Места здесь не были зарезервированы. Я встала на колени у его ноги.

Даже в столь раннее время на стадионе присутствовали два торговца вразнос, правда, в данный момент они просто беседовали, а не ходили по трибунам и не предлагали свой товар. У одного из них были маленькие чашки, нанизанные на шнур и надутый бурдюк на лямке, лежавший около него на скамье, у другого — поднос со сладостями, кусочками сушёной лармы, орехами, финиками, тастами и так далее. Его поднос тоже пока покоился на скамье.

— Вон там, — сказал Бруно из Торкадино, жестом указывая назад, — лежа дикторов и чиновников.

— Пари, Господин? — предложил мужчина в куртке и кепке красно-жёлтой расцветки и с пачкой листов бумаги подмышкой и с дощечкой для записей.

— Не сейчас, — отмахнулся от него мой хозяин и, повернувшись ко мне, пояснил:

— Это и есть курьер. Видишь того товарища справа от прохода?

Я кивнула: «Да, вижу».

— Присмотрись к его кепке, — сказал он. — На ней два красных разреза. Это значит, что он, выходя с клинком на арену, победил дважды.

Я снова кивнула, в очередной раз, пожалев, что не была оставлена дома, пусть даже и закованной в кандалы и прикованной к кольцу. Но Бруно из Торкадино редко позволял себе потерять меня из поля своего зрения.

— А теперь посмотри туда, — указал Бруно из Торкадино на посыпанную песком арену.

Там прохаживался мужчина, молодой человек, несомненно, вышедший в круглую яму через одну из дверей в деревянной стене. Он осматривался, то прикрывая глаза ладонью и поднимая голову, то глядя под ноги, как будто изучая грунт. Иногда, в том или ином месте он, казалось, водил ногой по песку или топал по нему.

— Это — Алан их дома Хесиуса, — прокомментировал Бруно из Торкадино. — Он проверяет песок и отмечает положение и яркость солнца. Желательно держать солнце за спиной. Под песком доски, лежащие на лагах. Опора в разных местах может значительно отличаться. Местами песок может быть слишком глубок, там перемещаться будет труднее. Соответственно, боец теряет скорость. Если песка слишком мало, можно поскользнуться.

Разумеется, я ничего не знала ни о каком Алане из дома Хесиуса. Я проводила взглядом молодого человека, покинувшего арену через одну из дверей в деревянной стене. Что мне больше всего бросилось в глаза, так это его очень необычные волосы. Во-первых, они были длинные, зачёсанные назад и собранные в хвост. А во-вторых, они были красные как пламя, которое слева разделяла широкая полоса светлых волос. Я предположила, что такой мужчина, с такими необычными волосами, должен был бы постараться скрыть эту причуду от взглядов посторонних. На мой взгляд, лучше всего для этого бы подошла краска для волос, но мужчине можно было бы и просто обрить голову. По крайней мере, он мог бы воспользоваться к капюшоном или морской кепкой.

— Ты улыбаешься, — констатировал Бруно из Торкадино. — А вот я бы этого не делал. Он — один из самых быстрых, самых острых мечей, которые я видел в десятках городов материка или на островах.

Прежде чем продолжить повествование, я думаю, что будет разумно сделать кое-какие замечания, которые могли бы пролить свет на последующие события и помочь лучше разобраться в некоторых вопросах.

Многие гореане, как и многие представители моей прежней планеты не чужды азартным играм, и эта склонность к риску и лёгкой прибыли, с её волнениями и неуверенностью, может принимать множество форм. Немного найдётся событий и явлений, на которые нельзя было бы заключить пари, масть вытащенной карты и комбинация, выпавшая на маленьких, отмеченных игральных костях, струйка дождя, падающая на полированный щит, и количество лепестков на дине или талендере. Гореане охотно делают ставки на результаты партий в каиссу, причём не только на больших ярмарках или городских турнирах, но и в переулках, на площадях, в тавернах и на улицах. Чьей игре, чьему выступлению, чьему танцу, чьей песне присудят главный приз города, какая драма заслужит золотую треногу

и мешок монет? Кто окажется самым квалифицированным в состязаниях стрелков, с крестьянским луком или подобным винтовке арбалетом, или в метании дротиков или копий? Не менее популярны соревнования в беге среди рабов, мужчин и женщин, скачки на высокий кайилах, на различных видах тарларионов, четвероногих и двуногих, тяжёлых и стремительных, а также полёты на жестоких, могучих, ширококрылых тарнах. В таких вопросах немалую роль играет родословная животного. Цена за семя чемпиона может быть непомерной. Так что, вполне ожидаемо, что это касается и единоборств, такие как борьба и бокс, в последнем на кулаки часто надевают не перчатки, а ужасные цесты. И конечно, особое место здесь занимают бои с оружием, получившие название Игры Клинков. Увлечение азартными играми среди гореан, как и среди жителей моего прежнего мира, может колебаться от досуга и удовольствия, приятного и ни к чему не обязывающего, до навязчивой страсти и пытки, необоримой разрушительной силы, сродни пристрастию к канде, опасному, сильнодействующему, вызывающему зависимость препарату.

Игры Клинков, как нетрудно догадаться, являются формой единоборств с использованием оружия. Шхера Ларса является одним из мест проведения таких боёв. Хотя, насколько я понимаю, среди таких мест и их функционирования никаких стандартов нет, я предположила бы, что то, что происходило тем днем на острове, не было чем-то нетипичным. Рискну предположить, что всё так и было. Имелся один единственный ринг, если можно так выразиться, события на котором делились на три фазы. Поединки первой и второй фазы были опубликованы на досках и разделялись перерывами. Первая фаза, самая длительная и наиболее ожидаемая, включает в себя «Состязания по фехтованию». В них принимают участие признанные мастера меча, профессиональные фехтовальщики, зарегистрированные бойцы, обычно, но не всегда, связанные с определёнными «Домами», о которых будет сказано позже. Вторая фаза состоит из «Поединков Крови», которые, по сути, являются частными дуэлями. Некоторые из этих поединков, действительно, законные дуэли, следствие чьей-то предположительно задетой чести, неосторожных взглядов или замечаний, имеющих отношение к свободной женщине, оскорблений и тому подобных нюансов. Другие дуэли, скорее, подстроенные поединки, проводимые ради победы, улучшения репутации и так далее. Третья фаза — «Поединки вызова», в основном отданные на усмотрение судей, в которых арена, если можно так выразиться, открыта для всех желающих. «Состязания по фехтованию» — это бои до «первой крови». Профессиональных фехтовальщиков не интересует убийство друг друга. Им вполне достаточно одержать верх над соперником, превзойти противника, особенно стилем и изяществом. Победителем признаётся тот, кто первым поранит соперника, прольёт его кровь, что должны засвидетельствовать судьи на арене.

Нанесение смертного ранения — редкость, и если такое происходит, то, учитывая негласные договорённости, почти наверняка является случайностью. «Поединки Крови» и «Поединки вызова» могут быть как до «Первой Крови», так и до «Последней Крови». «Последняя Кровь» — эвфемизм, означающий бой до смерти.

Цвета Игр Клинков, красный и жёлтый, выбраны не случайно, красный символизирует кровь, жёлтый — золото.

Упомянутые «Дома», часто участвующие в Играх Клинков, а зачастую даже выступающие в роли своего рода гвоздя программы, по сути, являются независимыми организациями, не привязанными к какому-то конкретному Домашнему Камню, городу, региону или району. Это, по сути, странствующие команды фехтовальщиков, путешествующие от города к городу и участвующие в поединках то на одной арене или амфитеатре, то на другой. Организаторы таких выступлений соперничают друг с другом, предлагая цену, за возможность привлечь тот или иной Дом, особенно известный и успешный, к участию в их играх. Дома обычно проводят в месте проведения игр несколько дней, получая и деля прибыль от проведения акции.

Я упомянула о «зарегистрированных» фехтовальщиках.

«Дома» регистрируют своих бойцов, сертифицируя их согласно навыкам. Немногим претендентам удаётся пройти строгий отбор. Любой полноправный член дома — зарегистрированный фехтовальщик, но не все зарегистрированные фехтовальщики — члены дома.

Некоторые из этих домов, в том числе и Дом Хесиуса, существуют уже несколько поколений. Они не только открыты для вступления в них, но иногда рекрутирую мальчиков, порой даже младенцев, чтобы, так сказать, вырастить их для меча.

Я окинула взглядом трибуны, которые к этому моменту уже почти заполнились.

Резкий, оглушительный рёв горна заставил меня вздрогнуть.

— Начинается, — прокомментировал Бруно из Торкадино.

Глава 31

Как Бруно из Торкадино завершил этот день

— П

рисмотри за этой рабыней, — попросил Бруно из Торкадино.

— С удовольствием, — отозвался его сосед.

Я вздрогнула, потому что мужчина погрузил свою руку в мои волосы и сжал их в кулаке.

— Ты могла бы попросить, чтобы я не делал тебе больно, — заметил он.

— Она немая, — сообщил ему Бруно из Торкадино, — но она просит.

— Очень хорошо, — хмыкнул мужчина, ослабив хватку, но, не выпустив мои волосы. — А что Ты собираешься делать?

Последний его вопрос был обращён к Бруно из Торкадино, поскольку тот, опираясь на свой костыль, поднялся со скамьи.

— Время «Поединков вызова» почти закончилось, — ответил Бруно из Торкадино.

— Если я хочу поучаствовать, мне стоит поспешить.

— Эй, не делай этого, — воскликнул его сосед. — Вернись на место.

Но Бруно из Торкадино уже выбрался на ведущий вниз проход и начал неловко спускаться по ступеням к арене.

— Вернись, — крикнул ему вслед мужчина, державший меня за волосы.

Казалось, каждый шаг вниз по лестнице давался ему с заметным трудом.

— Вернись, — повторил товарищ, а потом добавил: — Ты безумец!

Лично я не боялась, что Бруно из Торкадино мог бы быть безумным. Я знала его, как человека холодного и расчётливо здравомыслящего. Также мне уже доводилось на набережной Канала Морского Слины, видеть стремительность его меча. У меня не было никаких сомнений в том, что он, когда не был калекой, был одним из самых опасных фехтовальщиков, как не сомневалась я и в том, что у него по-прежнему сохранились некоторые остатки его внушающих страх навыков. Однако в тот момент, неловко ковыляя вниз по лестнице, он выглядел жалким, возможно, даже сумасшедшим.

Потребовалось не так много времени, чтобы один из зрителей заметил и привлёк к спускающейся по проходу фигуре внимание других. А затем по толпе на трибунах пробежала волна самых разных эмоций. Страх и недоверие, удивление и даже тревога, были первыми реакциями толпы. Большинство присутствующих, несомненно, приняло его за заблудившегося или за безумца.

Выйдя на арену, он похромал к столу судей, стоявшему под будкой чиновников, в которой располагались комментаторы и наблюдатели.

Добравшись до стола, Бруно из Торкадино повернулся к толпе и выкрикнул:

— Вызов!

После момента полной скептицизма тишины раздался чей-то растерянный смешок, а потом, мгновение спустя, трибуны взорвались хохотом.

Судей за столом было трое. Один из них выглядел сердитым, очень сердитым. Возможно, с его точки зрения присутствие Бруно из Торкадино было оскорбительно для Игр. Второй судья раздражённым жестом дал понять моему хозяину, что тот должен покинуть арену. Третий судья, тоже жестом, почти тайным, просигналил двоим дежурным, чтобы те приблизились и, по-видимому, сопроводили одноногого назад на его место, если не прочь из построенного из холста и шестов амфитеатра.

Бруно из Торкадино достал серебряный тарск, блеснувший на солнце, продемонстрировал его собравшимся, а затем положил монету на судейский стол. Потом он поднял голову и обвёл взглядом удивлённую толпу.

— Вызов! — крикнул он ещё раз.

Судьи склонились друг к другу, явно совещаясь. Похоже, они были в замешательстве, но вариант изгнания Бруно из Торкадино больше не рассматривался. Перед ними на столе лежала монета.

— Ставка — одна монета, серебряный тарск, — наконец, объявил один из судей.

— Кто примет вызов?

Ответом ему было молчание трибун.

Я знала, что после вчерашнего грабежа кошелёк Бруно из Торкадино потяжелел на несколько монет, многие из которых были сопоставимого достоинства. Кроме того, я знала, что его ставки, сделанные посредством курьеров, во время «Состязаний фехтовальщиков» и «Поединков Крови», были необычайно успешными. Казалось, он обладал необычным чутьём в том, что касалось степени мастерства того или иного бойца, причём даже до того, как их сталь вступит в первый контакт. Также, как я узнала позднее, ещё до моей покупки, он часто посещал Игры и ознакомился с приёмами некоторых бойцов, хотя в те разы он воздерживался от пари, возможно, чтобы не привлекать к себе внимание. На данный момент, несмотря на его удивительно успешные ставки, он ещё не обратил свои выигрышные билеты в монеты. Это можно было сделать позже за охраняемыми денежными столами, если быть в состоянии сделать это, если остаться в живых. Я подозревала, что он выложил на стол только один тарск, чтобы заставить предположить ограниченность его средств или некоторую неуверенность в своих навыках. С другой стороны, серебряный тарск — монета

весьма значительного достоинства. Для многих гореан серебряный тарск мог бы составлять оплату из труда за несколько месяцев.

Спустя некоторое время с трибун донёлся голос:

— Принимаю.

Бруно из Торкадино, казалось, на мгновение потерял равновесие, но затем вернул баланс. Он словно сжался, и теперь казался слабым и хилым.

Я бы даже почувствовала к нему жалость, если бы не знала, что представляет собой Бруно из Торкадино. Противный холодок пробежал по моей спине.

— Бросивший вызов — калека, — напомнил судья, обращаясь к трибунам. — Откажитесь от поединка!

— Поздно, вызов принят, — заявил мужчина.

Его объявление было встречено ироничными комментариями некоторых из сидящих на трибунах. Также, кое-кто из собравшихся издал какое-то шипение и звуки, напоминающие блеяние верров и хрюканье тарсков.

— Вызов принят, — воинственно повторил всё тот же голос. — Отзывать его я не собираюсь

— Это будут лёгкие деньги, — засмеялся кто-то из зрителей.

Тогда судья снова обратился к принявшему вызов мужчине:

— Удовлетворитесь ли Вы первой кровью?

— Да, — кивнул товарищ.

Это условие было встречено одобрительным гулом на трибунах.

Затем судья, продолжая ритуал, повернулся к Бруно из Торкадино и уточнил:

— Находите ли Вы Первую Кровь приемлемой?

— Конечно, — заверил его мой хозяин, как будто бы даже с благодарностью.

Его согласие трибуны встретили смешками, и, я думаю, с некоторым облегчением. Бруно и Торкадино и его соперник, теперь уже спустившийся с трибуны и положивший на судейский стол второй тарск рядом с первым, стянули туники до талии, обнажив торс.

Один из судей, нахмурившись, предостерег принявшего вызов мужчину:

— Никаких серьёзных ран или глубоких шрамов. Царапины достаточно.

— Постараюсь, но не обещаю, — ответил тот. — Иногда клинок может соскользнуть.

А вот второй судья меж тем с интересом и тревогой посматривал на оружие Бруно из Торкадино. Тот был вооружён коротким обоюдоострым мечом, лёгким и обильно смазанным. В том, чтобы держать клинок слегка смазанным маслом для защиты от ржавчины, нет ничего необычного. Но если оружие смазано маслом обильно, то очевидно, что это может быть сделано с целью, выходящей за рамки простого ухода за металлом. Смазанный клинок легче входит в плоть и покидает её. Это — преимущество в поединках до первой крови, где мягкого касания может

быть достаточно для победы. Кроме того, смазка также облегчает вытаскивание меча, зажатого между ребрами, что уже является преимуществом в боях до последней крови, особенно если в эти бои вовлечено больше одного противника.

Третий судья поднял гонг на шнуре и взял со стола лёгкий молоток.

Противники встали друг к другу лицом. Их разделяло каких-то три шага.

Едва начал звучать звон, выбитый лёгким молотком из гонга, как Бруно из Торкадино, неловко покачнувшись, потерял равновесие и рухнул прямо под ноги принявшего его вызов мужчины.

— Первая кровь, — тут же сообщил мой хозяин.

Его соперник отступил на шаг.

— Что он мелет? — спросил он, выглядевший явно озадаченным. — Он упал. Этот болван даже стоять не может. Оба тарска мои.

— Он говорит вот об этом, — хмыкнул старший судья, проведя пальцем по его животу и демонстрируя красную полосу на кончике своего пальца.

Мужичин, явно не веря своим глазам, уставился на кровь, а потом вскрикнул в гневе.

— Это — случайность, — возмутился он. — Я даже ничего не почувствовал! Это — случайность, удача, шанс, неудача!

— Ты даже не заметил его удар, — заключил судья.

Двое дежурных вежливо сопроводили с арены проигравшего товарища, пребывавшего в неистовом возмущении, воющего от гнева, выкрикивавшего возражения и проклятия, отрицавшего победу своего противника.

А Бруно из Торкадино, покачиваясь, доковылял до судейского стола и положил одни серебряный тарск на другой, а затем, откашлявшись, словно ему было трудно говорить, поднял правую руку с зажатым в ней мечом и выкрикнул:

— Вызов!

После этого его тело задрожало в кашле.

Если говорить вкратце, то на вызовы Бруно из Торкадино отзывались один за другим четыре человека. Сначала они были уверенные и нетерпеливые, жаждавшие рискнуть одним тарском, выиграть несколько, столь щедро предоставленными. После поражения второго из этих четырёх мужчин толпа на трибунах притихла и насторожилась. Даже до самых недогадливых дошло, что на арене происходило нечто выбивавшееся за рамки нормального хода событий. Бруно из Торкадино больше не казался шуткой. Больше ни у кого не возникало желания назвать его дураком или безумцем. Каждый раз, проливая кровь, он наносил рану шире и глубже, чем предшествующая. Наконец, не нашлось никого, кто согласился бы принять его вызов, или бросить ему свой.

Бруно из Торкадино подошёл к судейскому столу и смёл выигранные им монеты в свой кошелёк.

— Вызов, — вдруг раздался вопль с трибуны, — до последней крови! Последняя Кровь!

По проходу к воротам быстро приближалась мужская фигура, взъерошенная и возбуждённая, с мечом в руке.

— Стой! — крикнул один из судей.

— Прочь от арены! — потребовал второй.

— Последняя Кровь! — надрывал голос мужчина.

Бруно из Торкадино повернулся лицом к вновь прибывшему. Это был именно тот, кто первым принял его вызов, и кого затем увели дежурные, неудовлетворённого, воющего от гнева и ярости, кричащего о несправедливости, бранящегося и плюющего от ненависти, не желающего смириться с поражением, оскорблённого потерей капли крови, символа океана позора, убеждённого в обмане и придирках. Бруно из Торкадино некоторое время невозмутимо смотрел на выскочившего на арену мужчину, а затем заговорил:

— Ты, правда, хочешь, чтобы я принял твой вызов? — осведомился он.

На несколько долгих мгновений повисло напряжённое молчание.

Кто мог знать, что происходило между этими двумя мужчинами в тот момент?

Затем внезапно, противник моего хозяина повернулся, выскочил с арены, взбежал вверх по лестнице и исчез в толпе, которая почти сразу начала рассеиваться.

— Кто он такой? — поинтересовался Бруно из Торкадино у одного из судей.

— Выбросьте его из головы, — посоветовал тот. — Он — плут, убийца, беглец из пяти городов и трус.

— Как его зовут? — спросил Бруно из Торкадино.

— Вас с Ананго, — ответил судья.

— Пожалуй, я мог бы его использовать, — сказал Бруно из Торкадино.

— Держитесь от него подальше, — предупредил старший из судей.

— Как я могу держаться от него подальше, если я собираюсь его убить? — осведомился Бруно из Торкадино.

Судьи на некоторое время замолчали, по-видимому, переваривая это заявление моего хозяина.

— Вы можете носить кепку с пятью красными разрезами, — наконец, нарушил тишину один из судей.

— Я не собираюсь это делать, — сообщил Бруно из Торкадино.

— Дело ваше, — пожал плечами другой судья, — но Вы наделены правом на ношение такой кепки.

— Я не люблю выставлять напоказ своё мастерство, — отмахнулся он.

— Это — ваш первый выход на арену? — уточнил старший из судей.

— Да, — кивнул Бруно из Торкадино, повернулся и направился на трибуну, к своему прежнему месту.

Лишь когда он добрался до скамьи, мужчина, под опеку которого я была поручена, отпустил мои волосы. Иногда, наблюдая за событиями на арене, он то сжимал руку сильнее, то расслаблял, что сообщало мне о его интересе и волнении.

Теперь, когда Бруно из Торкадино проходил мимо, зрители на трибуне расходились в стороны. Некоторые улыбались. Никто больше не рисковал бранить, а тем более толкать его. Некоторые отступали в страхе.

Добравшись до столов ставок, он обменял свои билеты на монеты и наполнил кошелёк.

— Теперь, — сказал Бруно из Торкадино, — наши финансы восстановлены, и я могу нанять людей, готовых рискнуть за хорошую плату.

Дальше наша дорога лежала к переполненному причалу, где предстояло занять очередь, в ожидании одного из кораблей, курсировавших между островом и Южными Воротами.

— Мечник, — вдруг окликнул Бруно чей-то голос.

Мы обернулись, и я немедленно опустилась на колени.

Это оказался тот самый молодой человек со странными волосами, Алан из Дома Хесиуса.

— Разрешите поздравить вас, — сказал Алан. — Я хотел выразить вам своё уважение.

Бруно из Торкадино кивнул, принимая похвалу.

— Я всё видел, — продолжил Алан. — Ваши навыки потрясающи. Я мог бы многому научиться у вас.

— Я не даю уроков, — отрезал Бруно из Торкадино.

— Храните свои секреты? — улыбнулся Алан.

— Как и Вы свои, — пожал плечами Бруно из Торкадино.

— Вы не стали убивать, — сказал Алан. — Вы не изменили условий вызова.

Изменение условий вызова позволяет сопернику уходить без штрафных санкций.

— Когда-то я убивал ради развлечения, — объяснил Бруно из Торкадино. — Больше я этого не делаю.

— Ваше увечье? — уточнил Алан.

— Конечно, — подтвердил Бруно.

— Могу ли я взглянуть на ваш меч? — поинтересовался Алан.

— Если желаете, — не стал отказывать мой хозяин.

Просьба одного и согласие другого, признаться, меня удивило, но, с другой стороны, между ними не было никаких разногласий, вокруг было много людей. Кроме того, между этими двумя присутствовал своего рода дух товарищества, родство или понимание. Оба они были, насколько я понимала, мастерами меча, как говорится, согражданами города клинков.

— Превосходное оружие, — прокомментировал Алан. — И обильно смазанное.

— Нужно быть готовым к любому развитию событий, — усмехнулся Бруно из Торкадино. — Читать умеете?

— Ого, — повернув меч к свету, выдохнул Алан, негромко и, как мне показалось, со страхом. — Я подозревал что-то подобное.

Я заключила, что на клинке имелась некая крошечная надпись.

— Таурентианец, — прошептал Алан.

— Был когда-то, — вздохнул Бруно из Торкадино.

— Дворцовая гвардия Центральной Башни Ара, личная охрана Убаров и Убар, — добавил Алан, возвращая меч Бруно из Торкадино почти с почтением.

Очевидно, молодой человек был впечатлён.

— Я несколько раз видел ваши выступления, — сказал Бруно из Торкадино. — Ваш клинок достоин таурентианской гвардии.

— Уверен, что нет, — прошептал Алан.

— Предложите свой меч Ару, — посоветовал мой хозяин.

— Посадка на корабль, — объявил глашатай. — Корабль до Южных Ворот.

— Желаю удачи, — попрощался Алан.

— И я вам, — ответил Бруно из Торкадино.

Как только гребцы ударили вёслами, и корабль начал разрезать волны, взяв курс к Южным Воротам, Бруно из Торкадино заговорил:

— Я собираюсь нанять несколько мужчин, — заявил он. — Я найду их в тавернах, некоторые из которых тебе хорошо известны. Я имею в виду Золотую Цепь и Шёлковую Верёвку.

Я поспешно опустила голову, чтобы он не прочитал радость, вспыхнувшую на моём лице. Я была взволнована и ободрена. Но мне не стоило демонстрировать свои эмоции.

Я предположила, что он, как обычно, возьмёт меня с собой, не позволив себе потерять меня из виду. Как жаждала я снова оказаться в Золотой Цепи! Разумеется, ему было известно, что я принадлежала той таверне. Несомненно, он считал, что моего ошейника и моего молчания будет достаточно, чтобы удержать меня в его собственности.

Я надеялась, что в этом он ошибался. Я была уверена, что, если бы мне удалось достичь Золотой Цепи, все встало бы на свои места. Я избавилась бы от Бруно из Торкадино. Я была бы в безопасности.

Глава 32

Что произошло в апартаментах Бруно из Торкадино в его отсутствие

В

разочаровании и ярости, я перекатывалась с боку на бок на одеяле, расстеленном на полу апартаментов Бруно из Торкадино. Мои глаза горели от слёз. Мои обнажённые плечи и бёдра саднили. Короткая цепь оставляла мне немного места для движения. Мои ноги были закованы в кандалы, чья цепь была присоединена к рабскому кольцу, вмурованному в пол. Мои запястья удерживались за спиной рабскими браслетами.

Это было вечером того же дня, в который мы посетили Шхеру Ларса, где Бруно из Торкадино столь удачно восстановил свои ресурсы.

Все мои надежды были разбиты, все мои планы рухнули.

— Я отправляюсь на поиски мужчин, готовых продать свои услуги, — сообщил мне он, придержав дверь, прежде чем покинуть жилище, — мужчин, которых можно купить. Ты останешься здесь.

А я-то тешила себя надеждой, что он, как он делал это обычно, будет держать меня при себе, не желая рисковать моей утратой. Я носила его ошейник, и я не могла говорить. Он мог бы приковать меня к стене в вестибюле таверны, или к рабскому кольцу около таверны, как поступали некоторые рабовладельцы со своими девушками, прежде чем войти в заведение. Он мог бы даже спрятать моё лицо под капюшоном. Чего ему было бояться? Но, конечно, если бы всё пошло так, как я хотела, в Золотой Цепи и её окрестностях меня могли бы узнать, разумеется, если бы он решил заняться поиском наёмников в тех местах. Моё появление там, несомненно, привлекло бы внимание, вызвало бы интерес, достаточный, чтобы кое у кого возникло желание задать вопросы. И тогда Бруно из Торкадино, скорее всего, был бы задержан и допрошен, а я в ожидании результатов расследования, возможно, была бы схвачена и возвращена в безопасность моей клетки. Я была уверена, что притязания таверны на меня было бы поддержано писцами-законниками. Но теперь эти шансы, хотя и незначительные, и сомнительные, но столь желанные, что заставляли меня дрожать от нетерпения, раскрыли свои крылья и улетели в неизвестном направлении.

Я снова перекатилась на спину, и некоторое время лежала так, сердито уставившись в потолок. Чуть позже мои придавленные телом руки затекли, и я уже собиралась ещё раз повернуться на бок, как вдруг я замерла, боясь пошевелить даже мускулом. Надо мной по-прежнему нависал белый, плохо окрашенный, покрытый трещинами потолок, на котором плясали отсветы мерцающей крошечной масляной лампы, наполненной тарларионовым жиром, единственного источника света в комнате. Я снова, теперь отчётливо, услышала звук, долетевший с лестницы. Там, снаружи, кто-то был. Казалось, для возвращения Бруно из Торкадино из его предприятия по поиску мужчин, готовых рискнуть за его деньги, было слишком рано. Кроме того, я не слышала ничего подобного уже ставшему привычным стуку или скрежету его крепкого костыля. Можно было бы предположить, что кто-то, заблудившись или ошибившись адресом, случайно вошёл в здание, но звуки на лестнице намекали на то, что незваный гость крадётся осторожно, стараясь не производить лишнего шума. Повернувшись на левое плечо, я сжала ноги и подтянула колени к груди, постаравшись стать как можно меньше. Мне было страшно. Я слышала, как кто-то дважды потянул дверь, попробовав ей на прочность. Если бы только я была в состоянии говорить, я крикнула бы, спросила: «Кто там?», чтобы сообщить нарушителю, что жилище не пустует, или закричала бы, чтобы предупредить или поднять тревогу, чтобы так или иначе избавиться от нежеланного гостя, незримо присутствовавшего за дверью, в общем, сделать что-нибудь, чтобы воспрепятствовать вторжению. Некоторое время по ту сторону двери было тихо. Как вдруг, внезапно, тишину разорвал резкий грохот. Дверь, распахнутая ударом ноги, открылась настежь, врезавшись в стену.

Я дёрнулась от неожиданности и испуга. Я не могла хорошо рассмотреть фигуру, появившуюся в дверном проёме.

А затем в комнату вошёл Аддисон Стил собственной персоной. Да, это был именно он.

— Насколько я понимаю, мне нет никакой нужды предупреждать тебя сохранять тишину, — усмехнулся он, а потом так же насмешливо осведомился: — А разве Ты не в присутствии свободного мужчины?

Я задёргалась, пытаюсь подняться на колени.

Наконец, поняв, что у меня это получится нескоро, он наклонился, и поставил меня перед собой на колени. Он был рядом, и это не могло меня не беспокоить.

Я поспешно опустила голову.

— Смотри на меня, — потребовал мужчина. — Я могу читать самые тонкие выражения на твоём лице, самые незаметные движения твоего тела.

Мой прежний мир никак не подготовил меня к тщательности и вниманию, с которыми гореанский мужчина может рассматривать женщину. Сколь немногие

женщины на моей прежней планете, подумала я, действительно знали, что значит быть объектом оценивающего взгляда мужчины. Я не думала, что мужчины моего прежнего мира, в большинстве своём, неважно, как они могли бы смотреть на женщину, действительно, могли видеть женщину.

Я подняла голову, но не осмеливалась встречаться с ним взглядом. Потом я почувствовала прикосновение его пальцев к моему горлу. Он легонько провёл по моей шее чуть выше ошейника, а затем убрал руку, выпрямился и отступил на шаг назад.

А я по-прежнему была не в состоянии издать даже самый тихий звук.

Его прикосновение, каким бы лёгким оно ни было, заставило меня задрожать.

— Ты стала кейджерой, — констатировал Аддисон Стил. — Это — невероятное, чудесное превращение женщины, причём в лучшую сторону. Рискну предположить, что это приходит вместе с клеймом и ошейником, плетью и цепями, а также изучением того, что Ты — женщина.

Я снова опустила голову.

— Ты на том самом месте, которому принадлежишь, — заявил он.

Я всё не осмеливалась поднять головы.

— Смотри на меня, — опять потребовал Аддисон Стил, и мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться. — Я присутствовал, когда на тебя было наложено молчание. Ты была в обмороке, но при этом, в некотором смысле, оставалась в сознании. Казалось, Ты воспринимаешь происходящее, некоторым отрешённым, абстрактным образом. У меня есть некоторое понимание того, как это было сделано, однако я всё же слабо разбираюсь в вовлечённых в это механизмах. Другие, несомненно, знали больше. Честно говоря, у меня есть кое-какие соображения относительно того, как к тебе могла бы вернуться способность говорить, то есть, при каких условиях это могло бы произойти, но, опять же, у меня нет полного понимания вовлечённой в это механики.

Признаться, у меня у самой было очень мало понимания того, что он говорил.

И всё же я была глубоко счастлива слышать о том, что у меня есть шанс снова быть в состоянии говорить. Я помнила порошки и испарения в апартаментах Дорны из Тарны. Возможно, существовали другие порошки и снадобья, пузырьки с химикатами, восстанавливающие препараты или что-то в этом роде?

— Полагаю, что Ты отметила, — продолжил Аддисон Стил, — что я вошёл сюда без приглашения, уведомления и, я подозреваю, неожиданно. Я повредил дверь. Она расколота и висит криво. Я нахожу это подходящим. У меня есть причина для столь необычного появления. Несомненно, тебе любопытно. Я расскажу тебе, немного, но недостаточно, чтобы Ты что-то поняла. Для тебя самой будет лучше оставалась в неведении. Если бы Ты начала понимать суть происходящего, я не поставил бы на твою жизнь и крошечного бит-тарска. Интересно, понимаешь ли

Ты, что даже сейчас твоя жизнь находится в смертельной опасности? Уверен, Ты в курсе, что мне приказали сбросить тебя со стены дельты на съедение тарларионам, как и о том, что я не стал это делать. Просто я не понимаю, почему нужно терять рабыню, даже такую, столь же жалкую и никчёмную как Ты, мелочное существо, извлечённое из осквернённого мира, нелюбимого даже его собственными жителями? Итак, я грубо ворвался сюда, оставив явные свидетельства взлома, чтобы создать у Бруно из Торкадино впечатление, что его жилище посетил грабитель, по-видимому, позарившийся на его рабыню, или профессиональные вор рабынь, поскольку я не буду обыскивать или крушить помещение. Уверен, многие, должны были заметить Вас в его собственности, тут и там, на набережных, мостах и улицах. Что может быть проще, чем ограбить калеку, есть ли более лёгкий способ обеспечить себя добычей, даже если качество такой добычи может оказаться ниже, чем было бы желательно? Вор, пришедший непосредственно за рабыней, конечно, принёс бы с собой инструменты, подходящие для того, чтобы открыть замок и освободить девку от кольца. Итак, почему в таком случае, вернувшись, он найдёт тебя всё ещё здесь? Возможно, вор был из разряда любителей, понадеявшийся, что найдёт тебя здесь не прикованной, как это часто бывает с рабынями, или что ключи где-то недалеко, в помещении, возможно, в сундуке или комоде, или даже висят на виду, вне пределов твоей досягаемости? Пожалуй, более вероятно, что вору просто помешали, например, кто-то спугнул его, проходя мимо, или остановился рядом на улице, так что грабитель не рискнул выносить тебя, связанную и с кляпом во рту. Таким образом, Бруно из Торкадино, вернувшись домой, найдёт тебя в том же виде, в каком он тебя оставил, прикованной цепью к кольцу, в кандалах и наручниках. По возвращении у него, несомненно, будет к тебе много вопросов, на которые Ты можешь отвечать только «Да» или «Нет», кивая или мотая головой. Такими ответами сомнительно, чтобы Ты смогла бы дать сколь-нибудь полезное описание моей личности или объяснение характера моего вторжения. Я бы предположил, что для тебя было бы самым разумным, симулировать невежество и в своих ответах придерживаться предложенной мною линии, относительно вторжения грабителя, позарившегося на рабыню, но вынужденного отказаться от своих намерений. Тем самым Ты защитишь мою жизнь и, в конечном итоге, можешь мне поверить, повысишь свои собственные шансы уцелеть. Пожалуй, теперь я могу сообщить тебе причину моего вторжения. Я хочу смутить Бруно из Торкадино, заставить его бояться, что он может лишиться тебя, и даже не столько этого, сколько того, что в твоём приобретении могут быть заинтересованы другие, для получения информации, или, как в случае Леди Дорны из Тарны, устранения свидетеля. Если мой план сработает, он должен захотеть постоянно держать тебя в поле зрения.

Я озадаченно смотрела на Аддисона Стила, стоявшего в комнате напротив меня. — Бруно из Торкадино — человек чрезвычайно умный и опасный, — продолжил он. — Он отлично понимает, что, то необычное увечье, которым тебя наградили, означает, что есть другие, не Деций из Венны, а влиятельная и информированная партия, очевидно, не стеснённая в ресурсах и обладающая средствами, чтобы вызвать такой результат, преследующая ту же цель, что и он сам. И цель эта — рабыня Адрасте. Она — желанная добыча для многих.

Признаться, я пока плохо понимала, к чему он ведёт.

— Бруно из Торкадино, — сказал Аддисон Стил, — исходя из твоего исчезновения, и последовавшего за этим онемения, пришёл к совершенно верному выводу, что его собственная охота на Адрасте превратилась в соревнование, причём, очень вероятно, его соперники будут, искушёнными и опасными. А ещё он понимает, что Ты можешь их опознать. Это — благо для него и угроза для тебя. Я посвящён в некоторые планы Бруно из Торкадино, о чём Ты, я уверен, подозревала после моего предыдущего визита к тебе.

Я, действительно, подозревала о чём-то подобном. Разве Аддисон Стил не был недостойным уважения предателем, человеком без чести и стыда, не знающим что такое преданность? Если ты играешь сразу за все стороны, что нужно сделать, чтобы оказаться в стане победителя, и на что нужно пойти, чтобы не оказаться в лагере проигравших? Всё же играть такую роль, было делом опасным. Немногие из тех, я была уверена, кто знал Бруно из Торкадино, решился бы его предать.

— Завтра вечером Бруно из Торкадино, — сообщил Аддисон Стил, — а может на следующую ночь, или когда-либо в ближайшем будущем, в зависимости от его успешности в найме помощников, планирует прогуляться за город. Я хочу, чтобы Ты сопровождала его на этой прогулке. Если мой план сработает, он возьмёт тебя с собой. Он не захочет оставить тебя без присмотра. Я хочу, чтобы Ты была на той прогулке. Ты будешь моей шпионкой.

Я дико замотала головой. Я не хотела участвовать в таких играх, в играх, которых я не понимала, от которых веяло смертельной опасностью.

— У тебя в этом вопросе нет выбора, — усмехнулся Аддисон Стил. — Ты — кейджера.

Я со страданием и мольбой посмотрела на него.

— Ты неплохо выглядишь, — заметил он, — стоя передо мной на коленях голой, с клеймом на бедре и ошейником на шее, и рабскими браслетами на твоих тонких запястьях.

И он приблизился ко мне, встав почти вплотную ко мне. Я буквально кожей ощущала его присутствие. Я слабо потянула в стороны свои, заключённые в тюрму наручников запястья, удерживаемые за спиной.

— Ты, как я помню, — сказал мужчина, — когда-то была мисс Маргарет Хендерсон с Земли.

Я опустила голову.

— Разве я не прав? — осведомился он.

Я кивнула.

— Смотри на меня, — приказал Аддисон Стил, и я снова подняла голову. — А теперь, бывшая мисс Маргарет Хендерсон с Земли, ублажи меня.

И я принялась делать то, что от меня потребовал, отчаянно надеясь, что ему это понравится.

Глава 33

Страшная ночь на болотах

Н

а этот раз, чтобы пройти под цепью у Ворот Дельты, мне и даже Бруно из Торкадино не пришлось пригибать головы. Мой хозяин решил больше не нанимать одну из тех одновесельных лодок, что бороздят городские каналы.

— Такие челноки, — пояснил Бруно из Торкадино, — если хорошо сплетены, достаточно крепки. К тому же они лёгкие, две рабыни запросто могут поднять любой из них. Конечно, не стоит рисковать, выходить на них в открытое море, для этого они не годятся, зато отлично подходят для плавания по болотам.

Этот ренсовый челнок Бруно из Торкадино приобрёл на причале около рынка, раскинувшегося у Ворот Дельты внутри городских стен.

— Главное держать равновесие, — предупредил меня он. — Они легко опрокидываются.

От Ворот Дельты я смогла бы найти дорогу к Золотой Цепи, но сделать это у меня не было возможности. Как часто я тешила себя надеждой, что смогу сбежать от него! Вот только сделать это было непросто. И дело было даже не в поводке, на котором он меня держал постоянно. Вокруг всегда хватало прохожих, и простого крика Бруно из Торкадино: «задержите её», «рабыня сбежала» или чего-то в этом роде, хватило бы, чтобы дюжина мужчин, быстрых и длинноногих монстров, бросились бы за мной в погоню. И ена бы не прошло, как меня избитую и растрёпанную, вернули бы и бросили к его ногам. И даже если бы мне удалось ускользнуть в первый момент, стражники на улицах обязательно заинтересовались бы одинокой рабыней и подозревали бы меня, как это часто делается, для проверки ошейника, после чего мои шансы достичь Золотой Цепи упали бы до нуля.

И вот теперь я стояла на коленях на носу маленького ренсового челнока и гребла одним из двух лёгких вёсел. На этот раз Бруно из Торкадино не стал связывать мне руки и ноги.

Ренсовым чёлном можно править как с помощью вёсел, так и шестами. Например, ренсеры обычно предпочитают шест, стоя в челноке и упираясь им в дно водоёма. Однако для Бруно из Торкадино этот способ был непрактичен.

Ремень поводка теперь был обмотан вокруг моей шеи.

Предыдущие несколько ночей Бруно из Торкадино отправлялся на болота, как и в первый раз, на лодке. Однако в этот раз он, немного поторговавшись, получил этот ренсовый челнок.

— После моей первой неудачи, я слишком быстро разочаровался, — признался он мне, — в моих поисках в дельте. Тайна Ворот Дельты по-прежнему не разрешена, и я уверен, что её решение может быть найдено только посреди болот. Городская лодка слишком большая. Ренсовый чёлн меньше и является почти что частью самого болота. Ренсеры приходят и уходят как тени. Почему бы нам не поступить так же? Городская лодка слишком заметна, а потому её стараются сторониться. С ренсовым челноком всё по-другому. Если с нами не хотят связываться, почему бы нам попытаться обнаружить того, с кем связались? А вдруг нам повезёт? Я подозреваю, что такие контакты уже происходят, возможно, даже не единичные. Разве не было бы интересно заглянуть на такую встречу?

Конечно, Дельта огромна, здесь могли бы бесследно раствориться целые армии. Но Бруно из Торкадино, исходя из того ущерба, что был нанесён Воротам Дельты, полагал, что это была демонстрация силы и приглашение вступить в переговоры, и следовательно, предположительное место randevu должно быть где-то недалеко от города. Более того, с его точки зрения, учитывая, что вопрос не был оговорен заранее, наиболее вероятным местом, в котором могла бы пройти встреча, должна быть некая точка на перпендикуляре к линии соединяющей две стороны портала Ворот Дельты. Такое решение казалось самым простым и очевидным. Наконец, окружённая стеной ренса круглая заводь, подобная озеру посреди болот, обнаруженная несколько дней назад во время нашего самого первого выхода, укромная и изолированная, лежавшая именно на этой линии, казалась идеальным местом для проведения тайной встречи.

Наконец, мы добрались до обширного, окружённого ренсом пространства, где, насколько я поняла, нам предстояло, как и в прошлые несколько ночей, ожидать некого сигнала.

— До настоящего времени наши усилия успехом не оканчивались, — сказал Бруно из Торкадино, — но не будем отчаиваться. Корона достаётся достойному. На охоте надо быть терпеливым. Болота умеют скрывать свои чудеса.

Несомненно, кто-то или что-то, разрушившее Ворот Дельты, было так или иначе связано с болотами.

В наш первый выход на болота я ни жестом, ни выражением лица не дала понять Бруно из Торкадино о том, что увидела я незадолго до того, как мы покинули укромную заводь. Я хорошо запомнила те два ярких, светящихся раскалённой медью диска, вспыхнувших в темноте позади нас, поднявшись над водой, почти не нарушив её спокойной поверхности. Я понятия не имела, чем это могло быть. Но чем бы оно ни было, ничего кроме страха оно у меня не вызывало. У меня не

было ни малейшего желания видеть эту вещь снова, независимо от того, чем это могло бы быть. И конечно, я не горела желанием заинтриговывать Бруно из Торкадино, разжигать его любопытство, и тем более подтверждать его предположения. Всё чего я хотела, это сбежать от него.

— Нам нужно набраться терпения, — прошептал Бруно.

Я заключила, что за несколько прошедших дней он, посетив различные таверны, нанял себе помощников, скорее всего, головорезов и бандитов, людей, не видевших никаких причин в выяснении характера работы, для которой их наняли, если за это им хорошо заплатили. Разумеется, меня он ставить в известность относительно того, для чего ему были нужны эти мужчины, не собирался. Ни одного из них, в своё жилище он не приводил, и сколько их он нанял, я не знала. В команде Деция из Венны, как я помнила, было что-то около десятка мужчин. Я не думала, что наёмники Бруно из Торкадино в этот момент были чем-либо заняты. Я предположила, что они были, если можно так выразиться, «в режиме ожидания» и, в некотором роде, были готовы, возможно, в течении ана или двух приступить к исполнению обязанностей. Среди нанятых им мужчин, я была уверена, должен был быть кто-то, владеющий каким-нибудь судном, ведь ему требовалось некоторым способом доставить Адрасте, или Луту, или бывшую Леди Джулию Лету в некоторую точку на побережье континента, чтобы потом переправить её по суше в Ар.

— Терпение, терпение, — шёпотом повторял Бруно из Торкадино.

Я подозревала, что он больше говорил сам с собой, чем со мной. В действительности, его вряд ли можно было бы назвать терпеливым человеком. Но при этом он был мужчиной волевым и целеустремлённым. Я несколько не сомневалась, что он сможет обуздать свой собственный характер.

Узкий ренсовый челнок слегка покачивался на воде, окружённой стеной ренса. Мы отложили наши весла. В небе неторопливо плыли луны, Белая и Жёлтая. С нашего первого выхода на болота я больше не замечала никаких признаков ула, этого гигантского крылатого тарлариона. Каким пугающе ужасным было зрелище той чудовищной безмолвной фигуры, на мгновение затенившей свет Белой Луны. Вообще этой ночью я не заметила особого внимания к нам со стороны тарларионов любого вида. Причина этого, я подозреваю, крылась в нашем плавсредстве, в ренсовом челноке. В прошлые разы, когда мы пользовались городской лодкой, мы замечали вокруг себя гораздо больше тарларионов. Рептилии крутились поблизости, то появляясь из воды, то исчезая под её поверхностью, иногда окружая лодку, и даже задевая или подталкивая её. Один даже вынырнул прямо под лодкой, подбросив и едва не опрокинув её. Я не была уверена, в причинах различий в поведении местной живности, но предположила, что это имело отношение к ренсу. Ведь с ренсом они были знакомы, это была

неотъемлемая часть этих болот. Здесь он рос, плавал, тонул и гнил. Я думаю, что ренс не ассоциировался у тарларионов с перспективой возможной еды. Впрочем, вне зависимости от того, каким могло быть объяснение этого феномена, я была благодарна ему за это.

К настоящему времени запахи и звуки болота стали для меня привычным фоном. Мы уже достаточно долго пробыли в этом укромном месте, и я ожидала, что вскоре Бруно из Торкадино решит, что нам пора возвращаться в город.

Я вспоминала Аддисона Стила. Он приказал мне ублажить его.

И я его ублажила. А разве я могла поступить как-то иначе? Ведь я была кейджерой.

Но при этом я сама не хотела чего-то иного. Я была кейджерой.

Скажу больше, я была счастлива и глубоко благодарна ему за то, что он позволил мне доставить ему удовольствие, он свободный мужчина, мне всего лишь никчёмной кейджере.

— Замри, — шёпотом приказал Бруно из Торкадино, — не шевелись.

Я замерла, причём даже и без его команды. Страх сковал мои мускулы. Я боялась, что не смогла бы пошевелиться, даже если бы очень захотела.

В нескольких ярдах слева от нас, сквозь заросли светились два огня.

Я услышала хруст и шорох ломаемого и раздвигаемого ренса.

А затем я увидела, благодаря свету её собственных фонарей, одного на носу и второго на корме, большую лодку, вроде тех, что используются в городе для перевозки грузов и большого количества пассажиров. В этой лодке было примерно семь или восемь мужчин, большинство из которых сидели на скамьях. Ни одной женщины, рабыни или свободной, среди них я не заметила. Разве разумно было, подумала я, плыть с зажжёнными фонарями, да ещё и с двумя? На носу лодки стоял крупный мужчина, чью фигуру скрывал длинный плащ. Что-то в его осанке показалось мне знакомым, и я задалась вопросом, не доводилось ли мне видеть его раньше? На корме лодки расположились двое мужчин. Один из них стоял, приводя лодку в движение и направляя её своим большим веслом. Другой сидел рядом с ним. Его фигура была скрыта под плащом. Только двое мужчин стояли в лодке, гребец и тот, что на носу. Одежда всех мужчин, за исключением гребца и сидевшего рядом с ним пассажира, была чёрной, и у меня возник вопрос, не была ли ночь причиной этого? Но тогда почему гребец и человек около него были одеты иначе? Затем тот из мужчин, что сидел около гребца, чью фигуру скрывал плащ, а голову капюшон, встал, держась рукой за подпорку, одну из четырёх, служивших для натягивания тента, и откинул свой капюшон за спину. Я думаю, что смогла бы узнать его при любом освещении и на любом расстоянии. Это был Аддисон Стил!

— Не шевелись, — прошептал Бруно из Торкадино.

Человек на носу, не оборачиваясь назад, поднял руку, и гребец прекратил налегать на своё весло. Лодка, проплыв по инерции ещё несколько ярдов, остановилась на границе подобной озеру заводи, окружённой со всех сторон стеной ренса.

Над заводью стояла тишина, нарушаемая лишь ставшими уже привычными болотными шумами.

Заросли хорошо нас скрывали, и я была уверена, что нас не должны были заметить.

Спустя некоторое время мужчина на носу лодки, по-видимому, удовлетворённый осмотром, жестом дал понять гребцу, что можно продолжать движение.

Миновав примерно четверть пути по окружённой ренсом заводи, мужчина на носу коротким жестом дал понять гребцу, что тот должен прекратить грести.

Около ена лодка покачивалась на месте. Свет двух фонарей отражался в воде, дробился на множество бликов, мерцавших на её поверхности.

Затем мужчина на носу поднёс руку ко рту и издал три негромких, похожих птичий крик, звука.

— Это — крик гнездящегося болотного кайта, — шёпотом объяснил мне Бруно из Торкадино.

Я слышала об этой птице, но мне пока ни разу не доводилось её видеть или слышать её крик. Я знала, что она использует ренс для строительства своего гнезда, которое плавает на поверхности воды. Некоторые полагают, что те люди, которые в давние времена переселились в обширные пугающие болота дельты, возможно, убежав от некой, грозившей им опасности, начали создавать свои ренсовые острова, скорее всего, скопировав эту идею с гнезда болотного кайта. Конечно, огромные пространства болот, в которых нет никаких дорог, а предательство — их второе имя, препятствует вторжению или преследованию. Разве они не представляют собой барьер, крепче и неприступнее тысячи каменных стен?

Спустя несколько мгновений три птичьих крика повторились.

Однако я не видела, чтобы мужчина на носу лодки поднимал руку ко рту.

— На сигнал ответили, — с удовлетворением прокомментировал Бруно из Торкадино.

Волосы на моих предплечьях и на шее встали дыбом.

В нескольких ярдах от носа лодки, поверхность воды вспухла, надулась, а потом разошлась, выпуская наружу чудовищную голову, плавно поднимающуюся над болотом. Это выглядело как гигантская металлическая рептилия. Два светящихся диска, расположенные на голове спереди, как это распространено у хищников, казались её глазами. Широкие металлические челюсти на мгновение распахнулись и снова сомкнулись. Силы таких челюстей хватило бы, чтобы

оторвать борт от большой лодки или перекусить ренсовый челнок. Свет носового фонаря лодки блеснул на металлических зубах и клыках монстра.

К своему ужасу я почувствовала, как наш ренсовый чёлн начал двигаться.

— Нам нужно подобраться поближе, — чуть слышно пробормотал Бруно из Торкадино, — я должен всё слышать. Я должен знать.

«Неужели он сошёл с ума?» — подумала я.

Ренсовый челнок лёгок и быстр, им несложно управлять и маневрировать. На нём несложно уклониться или обогнать большую лодку. Но как быть с той чудовищной вещью, что скрывается в воде, кораблём, подводной лодкой, военным механизмом, или чем оно ещё могло бы быть? У меня не было ни малейшего представления о его скорости, силе и возможностях. И я понятия не имела о природе интеллекта, который управлял этим металлическим монстром сейчас, или что он мог заложить в него на стадии создания, как и о том, что могло бы быть ценностями, приоритетами и целями такого интеллекта. Я боялась, что он мог бы быть глубоко чуждым и далеким для человеческих понятий о добре и зле. Сомнительно, чтобы оно могло бы чувствовать, любить, думать или действовать, как свойственно людям. Тем не менее, оно ответило на сигнал мужчины, стоявшего на носу большой лодки. Конечно, это указывало на договорённости и предварительную подготовку. Однако было маловероятно, что кто-то ожидал, что Бруно из Торкадино будет свидетелем randevu, и ещё менее вероятно было то, что его присутствие было бы одобрено. Тёмные, тайные и опасные дела творились этой ночью на болотах. Сомнительно, чтобы те, кто такими делами занимается, могли бы с терпимостью или хладнокровием отнестись к попытке вмешательства и вторжения.

Очень осторожно Бруно из Торкадино повернул наш челнок и, направив его носом чуть правее кормы лодки, плавно двинул его вперёд. Я замерла, боясь даже дышать. На лодке, насколько я могла рассмотреть, никто не знал о нашем присутствии. Однако меня не оставляло жуткое ощущение, что монстр или кто-то, кто мог находиться внутри монстра, или кто-то, кто мог так или иначе быть на связи с ним, возможно, заметил наше присутствие.

Я задавалась вопросом, какой могла быть глубина болот в этом месте? Я не могла похвастать, что плавание было моей сильной стороной. В бытность мою на Земле я часто посещала пляжи и бассейны, но не столько ради получения удовольствия от купания, сколько чтобы насладиться вниманием окружающих. Во многих местах болота можно пересекать вброд, даже не замочив колен, в других глубина может быть по пояс. Причём таких отмелей гораздо больше, чем мест, где глубины позволяют судоходство. Зачастую речные лодки садятся на мель, и их приходится разгружать и сталкивать на глубину. Ренсовый челнок, благодаря своей небольшой осадке, позволяет избегать таких неудобств. Опаснее всего

здесь трясины и зыбучие пески, хотя и редко, но встречающиеся в этих болотах. Ренсеры, кстати, иногда отмечают такие участки вешками с жёлтыми лентами. Учитывая свойства зыбучих песков, различия в плотности грунта и прочие особенности, опасность утонуть в них невелика. Безусловно, гораздо большую опасность представляет собой возможность застрять в них. Если человек, путешествующий в одиночку, попадает в такую ловушку, выбраться из неё самостоятельно очень сложно, а это грозит стать жертвой тарлариона, утонуть во время прилива или, в конечном итоге, умереть от перегрева или голода.

— Я приветствую великого лорда, не желающего называть своего имени, законного представителя своего народа, противоправно высланного из далёкого мира, стратега, составившего далеко идущие планы, покорителя молний и огня, способного разрывать железо, словно тонкую бумагу, наводящего ужас на всю дельту, правящего болотами, известного своей щедростью, — провозгласил тот из мужчин, который стоял на носу лодки.

— Вы опоздали, — услышала я то, что сначала приняла за какие-то механические звуки, набор шумов или щелчков, шедший из головы машины.

Лишь мгновение спустя до меня дошло, что эти звуки были суррогатами, копированием гореанских фонов. Это понимание, казалось, наполовину заморозило кровь в моём теле.

— Вы опоздали, — интерпретировала я услышанное.

Эти слова, казалось, исходили из большого, монструозного металлического объекта, торчащего из тёмной воды всего в нескольких ярдах перед нами, часть корабля или механизма, сделанная такой, чтобы выглядеть как голова и шея внушающего страх водяного тарлариона. Учитывая тот факт, что я могла видеть только эти части, у меня не было никакого представления относительно его истинных размеров.

— Многое находится вне нашего контроля, великий Лорд, — развёл руками мужчина, стоявший на носу большой лодки. — Сообщения не приходят мгновенно. Мы зависим от скорости птиц, выносливости кайилы, частоты ударов длинных вёсел, направления и силы ветра. На всё нужно время. Операция идёт своим чередом.

Я отметила, что, несмотря на очевидные мощь и ужас объекта, к которому он обращался, в тоне мужчины, стоявшего на носу лодки, не было ни извинений, ни раболепия, ни страха. Он говорил так, как мог бы говорить Убар с Убаром. У меня было такое ощущение, что он мог бы быть правителем некоего региона, государства или области, возможно, тонкой, тёмной и скрытой в тени. А ещё меня не оставляло ощущение, что я уже видела его прежде, возможно, не напрямую, мельком, краем глаза.

И снова я услышала звуки, очевидно, исходящие из большого, навевающего ужас, торчащего из воды артефакта, замаскированного под водяного хищника. На этот раз, зная чего ожидать, у меня не возникло трудностей с пониманием его гореанского.

— Мне не нужны оправдания, — пришло сообщение из чрева монстра. — Ресурсы ограничены. В данный момент я не могу использовать вещи моего мира. Задержки не приветствуются.

— Я не собираюсь оправдываться, — ответил его оппонент на носу лодки. — Я всего лишь разъясняю, как обстоят дела. Задержки, какими бы они ни были не желательными, неизбежны. Я не в состоянии контролировать скорость тарнов, темп кайилы, силу мужчин, прихоти ветров.

Свет двух лодочных фонарей, установленных на носу и корме лодки, мерцая множеством бликов, отражался в воде, а также и от металлических пластин или чешуи, ужасного монстра, замершего в каких-то ярдах от нас. Разумно ли было, задавалась я вопросом, зажигать фонари в такой момент. Кто мог знать, кого могли бы привлечь такие огни, что могло бы скрываться в болотах? Я помнила, что Бруно из Торкадино, отправляясь в свои поиски, никогда так не поступал. Возможно, имел значение размер плавсредства, количество мужчин на борту, или их даже уверенность в своих силах. По-видимому, они считали, что их численности было более чем достаточно, чтобы дать отпор любому любопытному, или даже агрессивному тарлариону.

— Я полагал, что в тёмной касте не принято предавать своих нанимателей, — сказал монстр.

— Если бы мы не придерживались этого правила, — отозвался мужчина, — нам не платили бы вперёд.

— Я могу убить вас прямо сейчас, — заявил его оппонент.

Механические звуки шли равномерно и бесстрастно. В них не было никаких признаков эмоций, и из-за отсутствия изменений тона, громкости и темпа этих звуков, потребовалось мгновение, чтобы до меня дошло, что при мне только что была произнесена страшная угроза. Никогда прежде я так явно не ощущала, какую огромную роль в общении и понимании сказанного играет интонация, когда то, как это было произнесено, важнее того, что было сказано. Зачастую значение фразы, далеко превышает значение заключённых в неё слов.

— Уверен, Вы слишком мудры, чтобы сделать это, — невозмутимо парировал мужчина.

— Доказательства были оценены, вероятности вычислены, — продолжил механический тарларион. — Я уверен, что добыча почти загнана.

— Я тоже так думаю, — кивнул мужчина в чёрном плаще.

— Но время дорого, — сказал зверь. — Оно не ждёт, его не остановить и его всегда не хватает. Драгоценен каждый ан. Мы не единственные, кто ищет нашу добычу. Люди в сотнях городов обыскивают особняки и высокие замки, прочёсывают дороги и тихие тропинки, проверяют любые намёки и слухи. Тот, кто осложнил наши усилия, сделал это блестяще. Кому могло бы прийти в голову скрыть самый желанный из бриллиантов в оправе стального ошейника? И кто, пока тысячи искали её в самых секретных местах, догадался поместить её туда, где меньше всего ожидалось бы, на виду, в общественной таверне, почти под носом, среди обычных рабынь?

— Немногие знали её в лицо, — пожал плечами мужчина в лодке.

— Некоторые всё-таки знали, — заметил монстр.

— У меня к нему есть древний счёт, который до сих пор остаётся неоплаченным, — процедил мужчина, стоявший на носу лодки.

— Не с помощью меча, я уверен, — предположил монстр.

— У вас хорошие информаторы, — усмехнулся мужчина.

— Предполагается, что он является самым лучшим мечом на Горе, — сказал монстр.

— Несомненно, он квалифицирован, — согласился мужчина в чёрном плаще.

— Кто может это знать лучше вас? — осведомился его монструозный собеседник.

— Даже самый быстрый, самый острый и самый хитрый из мечей безвреден, пока он в ножнах, — отмахнулся мужчина. — Разве он сможет защитить от стрелы, прилетевшей из темноты, от ножа в спину, от яда в напитке?

— Чего я не понимаю, — признался монстр, — так это почему он, тот, кто мешает нашей воле, имея такую добычу в своих руках, не воспользовался ситуацией и не доставил её в Ар, забрав вознаграждение себе?

— В этом мире, — ответил ему мужчина, стоявший на носу лодки, — есть странный социальный артефакт, к которому некоторые относятся слишком серьёзно. Возможно, в этом случае мы имеем дело именно с ним. Это называется честью.

— Интересно, — сказал монстр. — Я надеюсь, Вы не отягощены таким бессмысленным, приземленным препятствием.

— В нашей среде это преодолевается на третьей из девяти Ступеней Крови, — заявил мужчина в лодке. — На этом шаге надо предать своего товарища.

— Я понял, — отозвался монстр.

— Это делается лишь один раз, — пояснил мужчина в чёрном. — В противном случае тёмная каста не смогла процветать. Сделать это во второй раз означает смерть.

— В таком случае у вас всё же есть честь, — заключил монстр.

— В некотором смысле, — согласился его собеседник, — по отношению к своей касте.

— Более узкая, более тёмная честь? — уточнил монстр.

— Если вам так будет угодно, — пожал плечами мужчина.

— Тот, кто стоит на нашем пути, — предупредил монстр, — противник опасный, быстрый в мысли и проницательный в суждениях.

— Но склонный ошибаться, — заявил мужчина в лодке. — Он допустил одну, печальную ошибку.

— К счастью, для нас, — добавил монстр, — будучи на Конце Мира он оставил в живых Рутилия из Ара, представлявшегося наёмником, который мог опознать добычу. На самом деле Рутилий из Ара не единственный, кто знает её в лицо, но один из немногих. Почти наверняка он — Серемидий из Ара, бывший капитан таурентианской гвардии.

— За которого, кстати, тоже объявлено вознаграждение, как за изменника Ара, предавшего его Домашний Камень, включённого в проскрипционные списки, успевшего скрыться от возмездия, — прокомментировал мужчина в лодке. — Его узнали в Брундизиуме, когда он попытался, наняв шайку проходимцев, выкрасть рабыню.

— Несомненно, нашу добычу, — констатировал монстр. — К счастью его попытка была неудачной. Ему помешали.

— Нам оставалось только не выпускать его из виду, — сказал мужчина в лодке. — Так что именно он и привёл нас в Порт-Кар.

Я ощутила волнение позади меня. Бруно из Торкадино, я пока продолжу называть его так, явно с трудом сдерживал ярость.

— Я думаю, что теперь есть только одно место, в котором может находиться наша добыча, — заключил чудовищный металлический монстр, на голове которого в темноте светились два диска, то ли служившие ему глазами, то ли имитировавшие их.

— Чтобы в то место проникнуть, его придётся штурмовать, — предупредил его мужчина в лодке. — Потребуются люди. Много людей.

— Вы обладаете средствами, чтобы получить искомое, — заявил монстр.

— Мы можем набрать мужчин в четырёх городах и трёх полисах, — ответил мужчина, — привлечь головорезов из тёмных лесов и горных пещер, из мрачных переулков и переполненных инсул, из разбойничьих лагерей и пиратских притонов.

— Если тот, кто стоит на пути нашей цели, получит информацию об этих приготовлениях, он может переместить добычу, — сказал монстр.

— Куда? — пожал плечами его собеседник. — Гавань под наблюдением, как и все ворота порта. Наблюдают даже за небом, на случай, если они выпустят почтового вуло, или воспользуются могучим тарном.

Эта информация меня совсем не обрадовала, поскольку это предполагало, что все визиты Бруно из Торкадино в дельту, во время которых я по необходимости вынуждена была его сопровождать, скорее всего, не остались незамеченными.

— На Горе множество охотников за головами, — подсказал монстр. — Они раздосадованы неудачами своих отчаянных поисков. Это слины в человеческом облики, идущие на запах добычи. Наймите на работу их.

— Их всех объединяет общая цель, и они очень быстро заподозрят, что она совпадает с нашей, а это станет крушением всех наших планов, — парировал мужчина в лодке. — Это всё равно, что жить рядом с гнездом остов, или среди предателей, каждый из которых будет полон решимости, рано или поздно, забрать добычу себе. Лучше нанять на такое дело людей понаивнее, не ожидающих и не интересующихся ничем большим, чем добыча от обычного грабежа.

Я была прикована страхом к носу крошечного ренсового челнока, так близко подобравшегося к большой лодке и ужасному монстру, освещённому светом двух фонарей. До сего момента я не понимала, насколько важным, причём для столь многих партий, могло быть приобретение или поимка одной единственной рабыни. Неужели высокомерная Адрасте, действительно, раньше была Леди Джулией Летой из Ара? Неужели она заслуживала того, чтобы для её поимки были потрачены столь широкие и настойчивые, сложные и дорогостоящие усилия? Я не могла взять в толк, неужели мелкое мошенничество нечистого на руку клерка, незначительного и тщеславного, могло стать причиной такого беспокойства и внимания? Неужели гореане настолько принципиальны? Оставалось предположить, что здесь имело место дело принципа, удовлетворить который требовалось любой ценой, в противном случае такая непропорциональность между расходами и успехом, между вложенными средствами и прибылью, казалась необъяснимой. Если бы я не знала, что столь страстно разыскиваемая, отвратительная предательница, дочь Марленуса из Ара, Талена, пребывала в безопасности в Джаде, под защитой Луриуса, Убара Коса, для продвижения планов которого она так много сделала, возможно, я осмелилась бы предположить, что это именно она, а не Леди Джулия Лета из Ара, подразумевалась под обтекаемым определением «добыча».

«Бедная Адрасте, — подумала я, — каким удовольствием бы Ты теперь, глядя в прошлое, вернулась бы к своему прежнему скромному статусу, с каким отчаянием Ты проклинаешь своё мелочное тщеславие и жадность, которые могут привести тебя в клетку, вывешенную на Улице Монет.»

— Сколько времени вам потребуется, чтобы набрать необходимое количество? — поинтересовался монстр.

— Нам не подойдёт первый попавшийся головорез, — пояснил мужчина в лодке.

— Мы должны разослать инструкции своим агентам, установить контакты с людьми внутри дома, внедрить своих шпионов, узнать расписание патрулей и выяснить места наблюдателей. Далее, среди тех, кого предстоит нанять, должны быть несколько человек, знакомых с тарном, а также специалисты осадным работам, подведению подкопов, подъёму на стены, использованию лестниц и планированию атакующих волн. Нам также понадобятся мелко сидящие баркасы, одни достаточно широкие, чтобы взять на борт по несколько бойцов, другие — относительно небольшие и быстроходные, вооружённые спрингалами, чтобы метать зажигательные копья, а ещё нужны достаточно прочные, чтобы выдержать катапульты, для валунов и котлов с горящим маслом.

Для меня это выглядело так, словно, речь шла о боевых действиях значительных сил, и даже немногочисленной армии, действующей при поддержке военно-морских сил.

— Сколько времени это займёт? — поинтересовался монстр.

— Многое уже устроено, — заверил его мужчина в лодке.

— Тот, кто стоит на нашем пути, — продолжил монстр, — уже забрал нашу добычу из Золотой Цепи. Это указывает на то, что у него есть подозрения и опасения. Сотню раз и сотней способов, несмотря на нашу предельную осторожность, он мог переместить и спрятать добычу ещё эффективнее.

— Я не думаю, что он стал бы перемещать её слишком далеко, — не согласился с ним мужчина в лодке. — Каждый пасанг увеличивает риск её потери.

— Надеюсь, — сказал монстр, — он не подозревает о наших планах.

— Уверен, совершенно не подозревает, — успокоил его мужчина. — Для него это будет сюрприз. Он узнает о нём в тот ан, когда начнётся вторжения и стрельба. Прежде чем он успеет опомниться, послать за помощью и организовать сопротивление, дом уже будет взят штурмом, а добыча захвачена.

— Мне не нравится задержка, — сказал монстр. — Опасность возрастает.

— На то, чтобы произвести арбалет требуется время, — пожал плечами мужчина в чёрном плаще. — Надо выстругать ложе, выковать спусковой механизм и дуги, собрать всё воедино и натянуть тетиву. Но, когда всё готово, стрела может быть выпущена мгновенно.

— Мои ресурсы, с которыми я прибыл в этот мир, — сообщил монстр, — практически исчерпаны.

— Как только добыча окажется в наших руках, — сказал мужчина в лодке, — очень многое может быть восстановлено.

— И когда же Вы сможете выпустить свою стрелу? — осведомился монстр.

— Ещё несколько дней, — ответил мужчина в лодке.

— Меня не отпускает беспокойство, — сказал зверь.

— На всё требуется время, — развёл руками мужчина в лодке. — Операция началась.

— Хо! — внезапно крикнул Бруно из Торкадино, заставив меня сжаться от страха. Его голос звонко разнёсся над водой.

Мужчина, стоявший на носу лодки, резко обернулся. Его товарищи, сидевшие на скамьях, вздрогнули от неожиданности, некоторые даже вскрикнули, а потом схватились за оружие. В тот момент, когда мужчина на носу лодки обернулся, свет фонаря упал на его лицо, и я поняла, где видела его прежде. Это именно он скрывался за ширмой в апартаментах Дорны из Тарны, ещё известной как Дорна Гордая.

— Всё это время я задавался вопросом, когда же Вы решитесь присоединиться к нашему разговору, — донеслись всё те же механические звуки откуда-то из чрева металлической фигуры, неподвижно торчавшей из воды.

Я не заметила никаких изменений ни в звуках, ни в поведении машины.

— Вне зависимости от того, живёт ли обширный разум внутри внушающего ужас жилища передо мной или говорит через него, пусть он знает, что я долго искал знакомства с ним, — заявил Бруно из Торкадино. — Я понял, что разрушение могучих Ворот Дельты, было приглашением на переговоры. Я отозвался на это приглашение. Не доверяйте другим. Я единственный, кто заслуживает доверия.

— Арбалеты к бою, — скомандовал мужчина на носу лодки, и товарищи, отложив клинки, взялись за самострелы, натянули тетивы и уложили болты на их направляющие.

— Не стреляйте, — крикнул Аддисон Стил, вцепившись в поручень лодки. — Очевидно, что тот, кто принял решение скрываться в облике металлического монстра, хорошо знал о присутствии здесь других, этого свободного мужчины и его рабыни.

У меня были вполне обоснованные подозрения, что Аддисон Стил тоже хорошо знал о нашем присутствии. Я помнила, что у него были некие отношения с Бруно из Торкадино. Я не исключала, что он просто боялся потерять один из источников своего заработка.

— Я обращаюсь к могущественному существу, — продолжил Бруно из Торкадино, — ни в коем случае не доверяйте чёрной касте. Они — не держащие своего слова, жадные для золота предатели. Они — воры и убийцы, которых ненавидят и презирают даже на островах Конца Мира. Их обещания пусты, направлены только на то, чтобы вытянуть ваши ресурсы. Нет никакого набора мужчин, никаких поисков кораблей, никаких приготовлений осадных орудий.

— Приготовиться, — приказал мужчина, стоявший на носу лодки.

— Подождите стрелять! — снова попытался остановить их Аддисон Стил.

— У нас с вами, таинственный разум, много общего, — не унимался Бруно из Торкадино. — Я ищу ту же самую добычу, заполучить которую стремитесь Вы. Я не считаю вас глупыми, и я не собираюсь множеством оправданий навязывать вам задержку, чтобы выторговать больше золота. Вам нужны люди. Они есть у меня. Готовые, способные, ожидающие только команды, чтобы ударить в тот ан, который Вы укажете.

— Цельтесь! — скомандовал мужчина на носу большой лодки, и я увидела, как арбалеты его товарищей поднялись и нацелились, в большинстве своём на Бруно из Торкадино, но два на меня. Я с трудом сопротивлялась импульсу швырнуть меня в болото. Если бы могла, я закричала бы от ужаса.

— Кто они, что им известно, кто их послал? — выкрикнул Аддисон Стил. — Слишком много тайн. Наши самые тайные и тщательные планы могут находиться под угрозой краха!

— Нам не будет нужды бояться того, что они знают, — отмахнулся от него мужчина на носу лодки, — если это исчезнет в болотах.

— А как тогда мы сможем узнать, что известно другим? — спросил Аддисон Стил.

— Уберите оружие, — потребовал голос, пришедший из глубины торчавшего из воды механизма.

— Опустите арбалеты, — продублировал его приказ мужчина на носу лодки, в голосе которого отчётливо звучал гнев.

— Кто Вы, и чего Вы хотите? — снова заговорила машина.

Я подняла взгляд вверх и увидела мелькнувший там, в вышине, на этот раз на фоне Жёлтой Луны, внушающий страх силуэт, который мне уже доводилось видеть однажды, во время нашего первого ночного выхода на болота, когда он затенил Белую Луну. Именно тогда мы случайно натолкнулись на эту тихую, изолированную, окружённую ренсом заводь, столь идеально подходящую для тайных randevu.

— Я называю себя Бруно из Торкадино, — сообщил мой хозяин. — Я предпочитаю скрывать своё настоящее имя, и на то есть личные причины. Я из Великолепного Ара. Я хочу вернуться в город моего Домашнего Камня в чести и славе. Если бы я смог поспособствовать, даже неким незначительным образом возвращению в Ар нашей общей добычи, я был бы реабилитирован в глазах моего Убара, Великого Марленуса. Путаница с моим прошлым была бы рассеяна. Ложные обвинения были бы с меня сняты. Я снова получил бы заслуженное уважение и почёт.

— На кого Вы работаете, кто ваши товарищи? — продолжил допрос металлический монстр.

— Я работаю на себя, у меня нет никаких товарищей, — ответил Бруно из Торкадино.

Я задалась вопросом, насколько правдивым было это его утверждение.

В любом случае, я боялась, что Бруно из Торкадино поступил опрометчиво. Разве иногда не бывает так, что даже самый мудрый человек оказывается простофилей, когда дело касается его тщеславия?

— Вы утверждаете, что у вас есть люди? — уточнила машина.

— Им неизвестна конечная цель их найма, — сказал Бруно из Торкадино.

— Что Вы хотите за свою помощь? — осведомился механический монстр.

— Ничего, конечно, — ответил одноногий, — за исключением восстановления моего доброго имени и славы, и вашего содействия в столь благородном деле.

— И Вы готовы служить мне без материальной компенсации? — уточнил монстр.

— Да, — кивнул Бруно из Торкадино.

— Нет причин для беспокойства, благородный Па-Кур, — заключил монстр. — Он — лгун и дурак. Вы можете убить его.

— Пощадите хотя бы рабыню, — попросил Аддисон Стил, — её формы небезынтересны. Не выбрасывайте на ветер бит-тарски, пусть и немногие.

— Цельтесь! — обрадованно крикнул мужчина на носу лодки, к которому механический тарларион обращался как к Па-Куру.

Я успела услышать команду: «Выстрел!», почти одновременно с которой, Бруно из Торкадино рывком опрокинул наш крошечный ренсовый челнок, сбросив нас обоих в воду. Одно безумное, непостижимое мгновение, когда холодная болотная вода циркулировала вокруг меня, я ещё видела Бруно из Торкадино, а потом он исчез. Вынырнув и выплюнув воду изо рта, я ещё некоторое время ничего не могла видеть, ослеплённая водой. Я слышала крики мужчин и шорох чего-то прошедшего через ренс опрокинутого челнока. Миг спустя ещё что-то просвистело мимо меня и с бульканьем вошло в воду, не далее одного ярда в стороне.

— Зажгите факелы! — потребовал Па-Кур.

К своему изумлению я почувствовала под своими ногами опору. Скользкую и илистую, но опору! Я стояла! Глубина в этом месте была всего лишь мне по пояс! Проморгавшись, я не увидела никаких признаков Бруно из Торкадино. Также, что меня удивило, я не заметила и металлического монстра, выглядевшего как водный тарларион.

— Ищите его, найдите его, убейте его! — слышала я крики Па-Кура.

Несколько мужчин с факелами и обнажёнными мечами в руках спрыгнули за борт большой лодки и побрели в мою сторону. Двое других, оставшихся в лодке, контролировали водную поверхность вокруг, нацелив на неё взведённые арбалеты. Па-Кур по-прежнему стоял на носу. На корме остались гребец и Аддисон Стил. Один из мужчин с факелом, приблизившийся первым, толкнул перевёрнутый, полузатонувший челнок, а затем несколько раз пронзил его своим мечом. Остальные разбрелись и рыскали по округе.

— Найдите его, убейте его! — кричал Па-Кур.

Я, сколько ни вглядывалась, не видела ни Бруно из Торкадино, ни металлического чудовища, которое всего несколько моментов назад торчало из воды около лодки. Я протёрла глаза и рот. Вода в этом месте болота, благодаря Воску, большой реке, питавшей дельту, была почти пресной.

— Тащите сюда рабыню! — услышала я голос Па-Кура, и увидела, как один из арбалетчиков отложил своё оружие и прыгнул в воду.

В диком ужасе я повернулась прочь от большой лодки, в надежде добежать до зарослей ренса, окружавших открытую заводь, чтобы попытаться скрыться там. Однако между мной и стеной ренса стоял мужчина с факелом, и я вынуждена была повернуть в другую сторону. Но уже в следующее мгновение я увидела яркое пятно факела и там, и снова повернула. Я поняла, что меня загоняли к большой лодке. Я бросила дикий взгляд на заросли ренса. За моей спиной совсем близко ко мне слышался плеск, кто-то, разбрызгивая воду, быстро приближался ко мне. Я обернулась. Это был тот самый мужчина, который покинул лодку последним. Он был уже почти рядом со мной. Я была в отчаянии. И тогда я решила нырнуть и попытаться уплыть. Я снова повернулась прочь от моего преследователя, но всё что я успела сделать, это окунуться головой в воду, после чего большая мужская рука схватила меня за лодыжку. Я была поймана!

Меня резко, так, что вода забурлила вокруг меня, потянуло назад, а затем мои мокрые волосы были намотаны на широкую и тяжёлую руку. Мужчина стоял за моей спиной, держа меня перед собой. Я подняла руки, схватившись за его запястье. Каким беспомощным и бесполезным был этот мой рефлекторный порыв. Я, насколько это было возможно, оглянулась назад, на него, и задрожала. Он был гореанином, а я всего лишь женщиной Земли, здесь кейджерой. Он потянул меня за волосы вверх, отрывая мои ноги от дна. Я хотела умолять о милосердии, но не могла выдать из себя ни звука. Наконец, я снова почувствовала илистое дно болота под своими ногами. Вдруг мужчина тогда потянул мои волосы вниз и назад, вынуждая выгнуть спину. Я поняла, что он рассматривает меня, удерживая в «рабском луке». Я была оценена как рабыня, как та, кем я была, как товар, как самка, рабское мясо, пригодное для того, чтобы показать его на сцене аукциона. Сколь уязвимой это заставляет чувствовать женщину, и при этом, каким бы поразительным это кому-то ни показалось, насколько её, униженную до состояния сырой, глубинной женщины, волнует осознание своей желанности и ценности, того, насколько она возбуждает и искушает мужчин, настолько, что они будут готовы купить её, украсть или даже убить ради неё, лишь бы обладать ею, числить её среди своего имущества.

— Да, — констатировал он, — формы, действительно, небезынтересные.

Тогда мужчина выпрямил меня и, несколько раз грубо и безжалостно тряхнув рукой, отчего кожа на моей голове вспыхнула обжигающей болью, окунул меня с головой в воду. Я не знаю, как долго он держал мою голову под водой, уверена, это было очень короткое время, но достаточно долгое, чтобы меня охватил страх, что я могу захлебнуться. Наконец, он поднял мою голову над водой, и я смогла вдохнуть воздух.

— Ну что, никчёмная, заклеймённая шлюха в ошейнике, Ты ведь будешь хорошо себя вести, не так ли? — спросил мужчина.

Что, а точнее как, я могла бы ему ответить? И он снова покачал мою голову из стороны в сторону, вызвав новый взрыв боли. Мои глаза горели от слёз. Меня душили рыдания.

— Не так ли? — потребовал он ответа.

Я была в ужасе о того, что вызвала недовольство у свободного мужчины, но я не могла говорить! В отчаянии я, насколько это позволяла сжимавшая мои волосы рука, утвердительно покачала головой. Даже это самое крошечное движение причиняло жуткую боль.

— Говори! — рявкнул мой мучитель.

— Она не может говорить! — крикнул ему Аддисон Стил.

— Тащи её сюда! — приказал Па-Кур.

— Благородный Па-Кур, — услышала я голос Аддисона Стила, — она не может говорить.

Поймавший меня мужчина потащил меня к лодке, наполовину неся, наполовину таща за волосы. Добравшись до места назначения, он передал меня остававшимся там мужчинам, которые подхватили меня и перевалили через борт. Я немедленно встала на колени, согнувшись в поклоне и опустив голову до палубы. При этом я постаралась, чтобы промокшие насквозь волосы прикрыли лицо. Я боялась, что тот, к кому обращались как к Па-Куру, мог узнать во мне ту самую девушку, которую он видел в апартаментах Дорны из Тарны.

— Что насчёт того, кто называл себя Бруно из Торкадино? — спросил Па-Кур своих мужчин, большинство из которых теперь собрались вокруг большой лодки.

— Никаких следов, — ответил один из них.

— Наверное, он утонул, — предположил другой.

— Тогда принесите мне его тело, — потребовал Па-Кур.

— Тело мы не нашли, — развёл руками первый.

— Скорее всего, он утонул, — настаивал второй.

— Я хочу видеть его тело, — повторил Па-Кур.

— Тарларионы, болотные акулы, зубастые рыбы избавятся от его тела, — предположил первый.

— Он убежал, — заключил Па-Кур.

— Конечно, нет, — попытался перечить ему второй.

— Мы найдём его через рабыню, — заявил Па-Кур.

— У неё есть дефект, — напомнил Аддисон Стил, — она не может говорить.

— Любую женщину легко можно разговорить, — усмехнулся Па-Кур, — надо только раздеть её, приковать цепью и показать плеть. К сожалению, цепей у нас нет с собой. Мы же не ожидали повстречать здесь кейджеру, особенно столь прекрасную, которая замечательно выглядела бы в цепях.

Я задрожала, ещё плотнее прижавшись лбом к палубе.

Мужчины один за другим потушили свои факелы.

— Женщины цепями наслаждаются, — заявил один из мужчин. — Они знают, что принадлежат им.

— Что касается плети, — сказал Па-Кур, — то перевязь меча, широкая и упругая, послужит не хуже.

— Она не может говорить, — снова напомнил Аддисон Стил.

— Разденьте её, поставьте на колени передо мной и подержите ей голову, — приказал Па-Кур.

Тунику с меня просто сорвали. Даже такие несчастные, постыдные обноски, как рабская туника, столь откровенные и унижительные, являются чем-то. Лишь став рабыней, понимаешь насколько драгоценным может быть столь малое. Меня подняли и поставили на колени перед Па-Куrom. Один из его товарищей погрузил руку в мои волосы и повернул мою голову лицом к мужчине в чёрном плаще. Слезы бежали по моим щекам. Я уже знала достаточно, чтобы не пытаться прикрывать тело руками или сжимать колени. «Какой же кейджерой я стала!» — подумала я. Краем глаза я видела, как один из мужчин снял перевязь своего меча и отстегнул ножны. Теперь ремень, сложенный вдвое, покачивался, свисая к его руки. У меня не было ни малейшего желания почувствовать его удар.

— Благородный вождь, великий Па-Кур, союзник монстров, Лорд Чёрной Касты, — заговорил Аддисон Стил, — от этой рабыни будет мало толку, поскольку говорить она не может.

— Она должна знать привычки и место жительства Бруно из Торкадино, — сказал Па-Кур. — Она должна знать более чем достаточно, чтобы это позволило нам найти его.

Меня удерживали так, что не оставляли мне иного выбора, кроме как смотреть в лицо Па-Кура, лидера этих мужчин. Он стоял спиной к фонарю, установленному на носу. Кормовой фонарь находился в нескольких футах позади меня. Ночь была в самом разгаре, и освещение оставляло желать лучшего. Да ещё и как раз к этому моменту небо затянуло облаками, закрывшими луны.

Мне было страшно смотреть в такое лицо, холодное как лёд и бесстрастное как камень. Его глаза светились почти, как если бы свет горел за стеклом. При таком

освещении трудно было судить относительно оттенка его кожи. Цвет лица не казался ни светлым, ни тёмным. Я не думала, что он мог быть таким, каким он мне казался в этот момент, при таком освещении. Он как будто был серым. Это был не тот оттенок или цвет, который можно было бы ожидать от человеческой кожи. Скорее такой оттенок и цвет можно было бы ожидать от меха животного, или от шкуры акулы. Я задавалась вопросом, был ли тот, перед кем я так беспомощно стояла на коленях, полностью человеческим существом.

— Отпусти её волосы, — приказал Па-Кур. — не надо, чтобы она чувствовала дискомфорт.

Мои волосы выпустили, и я тут же опустила голову, сделав это резко, чтобы мокрые волосы упал на лицо.

— Не будь глупой, — усмехнулся Па-Кур. — Ты думаешь, что я могу не узнать тебя после того как видел тебя в доме Дорны однажды из Тарны? Подними голову.

Мне ничего не оставалось кроме как поднять голову. Мои надежды, что он меня не вспомнит меня, рухнули. Чего я не понимала, так это почему он упомянул о Леди Дорне, как «однажды из Тарны».

— А Ты привлекательная, — отметил Па-Кур.

— Она — варварка, — пояснил Аддисон Стил, — из мира, называемого Земля.

— Я слышал о таком мире, — кивнул Па-Кур. — Превосходный источник рабынь.

— Тамошних женщин учат предавать и отрицать свою природу. Они живут без хозяев, которых они могли бы желать, без которых они не могут быть цельными. Они оголодали в плане секса. Некоторых, самых красивых, умных и переполненных потребностями, отбирают и привозят сюда к ошейникам, цепям и плетям Гора.

Я боялась за Бруно из Торкадино. Я была уверена, что он погиб в болоте.

— Ты вряд ли знаешь, кто я такой, кейджера, — сказал мужчина, у ног которого я стояла на коленях. — Не бери в голову. На Горе не так много тех, кто знает меня. Большинство если и слышали обо мне, то только короткие, передаваемые шёпотом слухи. Я — Па-Кур из Чёрной Касты, Касты Ассасинов, Повелитель ста Чёрных Дворов. Чёрная Каста — самая благородная и самой важная из каст. Она не признаёт границ и отрицает Домашние Камни. Она не считает ни один город как собственный, таким образом, рассматривает своими все города. Как без неё, могла бы восторжествовать справедливость, и могли бы быть исправлены ошибки правосудия? Что, как не клинок и стрела скажет своё веское слово там, где закон терпит неудачу? Оскорбление не должно остаться без ответа, а клевета без возмездия. В таких случаях только вердикт стали является достаточным и окончательным.

Я слишком мало знала о Горе, чтобы понять это. Конечно, я слышала о тёмной касте, о чёрной касте, но до этой ночи мне ни разу не доводилось встречать её

представителей. По крайней мере, я об этом не знала. В конце концов, разве они не стараются оставаться незамеченными, смешиваясь с толпой вплоть до того момента, когда их охота не приблизится к завершению, когда придёт время нанести на лоб чёрный кинжал? Конечно, мужчина, представившийся Па-Куром, высоко отозвался о своей касте. Но тогда почему, если их цели были столь благородны, а их идеалы столь высоки, их так боялись, сторонились и избегали?

— Бруно из Торкадино, — сказал Па — Кур, — влез в вопросы, лежащие далеко вне его компетенции. Его вмешательство могло стоить нам дорого. Он поставил под угрозу проект большой значимости. Мы должны обсудить с ним кое-какие важные моменты.

Я заметила при этом его замечании, на лице одного из мужчин промелькнула кривая ухмылка.

— Ты сможешь нам найти его, чтобы мы смогли побеседовать с ним, — подытожил Па-Кур. — Конечно, в своём жилище он теперь вряд ли появится, но это и не имеет особого значения. Ты знаешь его, Ты в курсе его последних событий и передвижений, тебе знакомы его привычки, вкусы и предпочтения, его любимые таверны, маршруты и места, которые он часто посещает, и так далее.

Один фонарь горел на корме большой лодки, другой на её носу. Широкая и высокая стена ренса, окружающего подобную озеру маленькую заводь, отрезала нас от внешнего мира. Мы здесь были совершенно изолированы. Я сомневалась, что с другой стороны густых зарослей ренса, можно было бы разглядеть свет фонарей. Было, конечно, ещё одно направление, то, о котором редко вспоминают, которое не отмечено ни на одном компасе, и которое не рисуют ни на одной карте.

— Ну а теперь, смазливая кейджера, — сказал Па-Кур, — Ты расскажешь нам всё, что Ты знаешь о Бруно из Торкадино, его истинной личности, его прошлом и его окружении, о его Домашнем Камне и касте, о его планах и делах в Порт-Каре, а также о том, зачем он этой ночью отправился на болота, что он искал, и что ему может быть известно о нас, наших намерениях, приготовлениях и планах.

Сказать, что я была напугана, это ничего не сказать.

Мало того, что я не знала почти ничего из того, что он хотел знать, так я ещё была не в состоянии объяснить это.

— Ты нам всё расскажешь, — заявил Па-Кур. — Возможно, было бы неплохо для начала, отрезать тебе уши и нос.

— Но она же не может говорить, благородный Па-Кур, — опять вмешался Аддисон Стил. — Её лишили дара речи.

— Она заговорит, — заверил его Па-Кур.

— Но она не может, — настаивал Аддисон Стил.

— Сможет, — отрезал Па-Кур.

— Благородный Па-Кур! — воскликнул Аддисон Стил.

— Благородный Аддисон, — процедил Па-Кур, — заткни рот. Ты не знаешь и сотой доли того, что здесь происходит.

И тогда Па-Кур наклонился, схватил меня за волосы обеими руками и, повернув мою голову к своему пугающему лицу, потребовал:

— Смотри мне в глаза, глубоко, не отрываясь.

Зафиксированная его руками, я не могла отвернуть голову.

— Комната над каналом, — нараспев заговорил он. — Вспомни комнату. Ты помнишь тунику, горячую тунику, тунику, обжигающую огнём, Ты помнишь пакеты, порошки и испарения.

Я пыталась выкинуть эти ужасные воспоминания из своей головы, но оказалась не в силах это сделать.

— Ты уже слышала мой голос прежде, — продолжил Па-Кур. — Ты вспоминаешь его. Это было давно, не так ли?

Я чувствовала, что по моим щекам покатились слёзы.

— Это именно я запретил тебе говорить, — сообщил он. — А теперь я отменяю свою команду, ту команду, которую только я мог отменить. Она отменена. Теперь Ты можешь говорить.

Мои глаза широко открылись. Я задрожала. У меня появились странное ощущение, наверняка, ошибочное, что я снова могла говорить.

В этот момент, казалось, кто-то выпустил на свободу хаос и опустошение. Откуда-то сверху, из темноты, вынырнула и нанесла удар гигантская фигура. Это было воплощение ужаса и жестокости. Сброшенный с носа лодки фонарь, утонул в болоте. Затрещали раскалываемые доски. Мужчины кричали и изрыгали проклятия. Широкие кожистые крылья ударили, подняв ветер. Две длинных узких челюсти сомкнулись настолько быстро, что я едва успела их заметить. Вопль боли и ужаса разнёсся над водой. Ему вторил женский крик. Только позднее я поняла, что это был мой собственный крик. Защёлкали тетивы, стрелы с шипением устремились вверх. Ул снова взмахнул крыльями, порыв ветра качнул лодку, ужасная фигура унеслась ввысь, и растворилась бы в темноте, если бы в это мгновение Жёлтая Луна не выглянула бы из-за облаков. В её мертвенном свете я увидела корчащуюся в челюстях крылатого монстра мужскую фигуру. Ул, размашистыми ударами крыльев, посылал себя всё выше и выше в небо. Кровь из ран хлестала струями, разбивалась на капли порывами поднятого крыльями ветра и осыпалась вниз страшным дождём. Вслед монстру летели оперённые металлические арбалетные болты, с чавканьем втыкаясь в его огромную тушу. По-видимому, один из этих снарядов поразил зажатого в ужасных челюстях мужчину, и тот затих, повиснув неподвижно. Ул зашипел, резко нырнул вниз, и на бреющем полёте вместе со своим страшным трофеем скрылся за ренсовыми зарослями.

Вдруг до меня дошло, что я стою на коленях по пояс в воде.

Пользуясь всеобщей неразберихой, я перевалилась через раздробленный, расколотый борт, покинув всё сильнее кренящуюся лодку. Едва оказавшись в воде и почувствовав под ногами дно, я устремилась к стене ренса.

Большая лодка осталась позади.

Я должна была выбраться отсюда, вброд или вплавь.

Я должна была добраться до ворот дельты.

Наконец, я достигла зарослей ренса.

Я продиралась сквозь густо стоявшие стебли.

Меня охватила дикая радость. Там где я шла, глубина болота была всего по щиколотки. Если так пойдёт и дальше, то я смогу добраться до ворот за четверть ана.

Безусловно, я не помнила, чтобы во время наших прежних выходов на болота нам попадались участки с такой глубиной.

Тем временем луны снова спрятались за облаками. Я могла только приветствовать наступившую темноту, поскольку полагала, что это повышает мои шансы избежать нового пленения. Кроме того, такие глубины уменьшали, я была уверена, возможность нападения рыб и тарларионов. Я должна была попытаться добраться до Золотой Цепи. У меня даже тени мысли не возникло о получении свободы. Как это было бы абсурдно! Не было здесь ни единого места, куда я могла бы убежать. Без одежды, с ошейником на шее и с клеймом на бедре, я была слишком очевидно кейджерой. Также, я знала себя. Я знала, что принадлежала ошейнику. Каким потрясающим, драгоценным и желанным было это понимание! С какой благодарностью я должна была принять это признание, кардинально противоречащее всему, что мне преподавали выражать, утверждать и повторять! Мне нужна была не свобода, но бескомпромиссный, сильный господин, которого я могла бы беспомощно любить, которому я могла бы покорно служить, всем своим естеством, от всего своего сердца. Я жаждала такого хозяина, который стал бы моим владельцем навсегда, настолько строгим и суровым, что я никогда не смогла бы забыть о том, что была рабыней, только этим и ничем кроме этого, рабыней, которой я была и хотела быть.

Я была вне себя от радости.

Я помнила крик, который я услышала.

Это был мой крик.

Насколько поражена я была, услышав его, и спустя несколько мгновений после того, как я услышала его, поняв, что это был мой крик.

Я не понимала, как это произошло, но это был мой крик!

Это был первый звук, который я произнесла за многие дни.

Как вышло, как случилось так, что я смогла закричать?

Внезапно моя правая нога по колено провалилась в какую-то яму. Я едва смогла устоять. Я попыталась вытянуть застрявшую ногу, но и моя левая нога погрузилась по середину бедра. Я с трудом смогла удержаться вертикально. Когда я ушла в болото по пояс, меня охватила паника. Чем сильнее я боролась, тем глубже я тонула. Я застряла накрепко. Освободиться не получалось.

В этот момент облака разошлись, и свет лун снова залил болото, усыпанное тут и там островками ренса. Справа, в нескольких футах от себя, я увидела торчащую из воду обмотанную лентой палочку. Я знала значение этого символа. При свете лун трудно было судить о цвете ленты, но я была уверена, что она жёлтая. Ренсеры часто устанавливают такие вешки, чтобы предупредить о скрытом в болоте пловуне.

Я была одна.

Вокруг я не заметила ничего, за что можно было бы схватиться.

По крайней мере, я больше не погружалась, и мои руки и ладони оставались свободными.

Учитывая физику перемещения слоёв различной плотности и другие особенности пловунов, мне не грозила сколь-нибудь серьёзная опасность провалиться ниже поверхности. Поначалу, конечно, я не была настолько уверена в этом, понимание пришло позже. Конечно, чем дольше ты остаёшься застрявшим в такой ловушке, тем больше опасность. Болота кишат хищными тарларионами, и это вопрос времени, когда жертву найдёт какой-нибудь из них, например, длинный тарларион, форма тела которого такова, что распределяет вес таким способом, что у него нет причин бояться пловуна. Второй опасностью является подъём уровня воды во время прилива. В моей ситуации прилив в Тассе и Заливе Тамбер только начинался, вода с моря покатила назад в болота. Мне оставалось только гадать, насколько поднимется её уровень, и будет ли у меня шанс не утонуть. В более удаленной перспективе, но которую тоже не стоило игнорировать, мне грозила смерть от воздействия окружающей среды или просто от голода и жажды.

Вскоре облака снова сомкнулись, закрыв собою луны.

После первого приступа паники я немного успокоилась, и теперь меня переполняла не столько тревога, сколько разочарование и безнадёжность. Я была сердита на саму себя и на болото. Я чувствовала себя беспомощно и глупо. Мне удалось избежать, я была уверена, ужасной опасности. Какой счастливой я себя чувствовала. Как я ликовала! И вот теперь я была всё равно что в публичной клетке, которую могли открыть другие, но в которой я была беспомощной пленницей, которую я ни открыть, ни покинуть была не в состоянии. А затем меня, впервые с того момента, как я была поймана в ловушку, снова охватил страх. Что, если никто не пройдёт мимо этого места?

Кричать я боялась, опасаясь, что меня мог услышать Па-Кур и его мужчины.

Я не сомневалась, что они могли быть где-то недалеко.

Песок вокруг меня стал гладким и мокрым. Струйки воды журчали мимо меня. Зачерпнув пригоршню воды и попробовав на вкус, я определила, что она была морской. Прилив гнал воды Тамбера в дельту. Я понятия не имела, как высоко мог повыситься уровень, на фут, на ярд, на несколько футов? Даже в одном и том же месте высота прилива значительно варьироваться в зависимости от времени суток. На них влияет множество вещей, таких как светило системы, размер планеты, её периода вращения вокруг светила и вокруг своей оси, от размера и количества спутников планеты, ветров и штормов, конфигурации береговой линий и приливных бассейнов. Я чувствовала озноб, в темноте этого видно не было, но я была уверена, что вода прибывала. В какой-то момент Жёлтая Луна снова выглянула в прореху в облаках, и её свет залил округу, подтвердив мои опасения относительно повышения уровня воды. Я попыталась лечь на живот, чтобы получить дополнительную опору, распределить вес и вытянуть ноги. Затем я попыталась откинуться на спину, но и это оказалось бесполезно. Я не могла вытянуть ноги. Я не могла освободиться!

Я чувствовала, что вода неуклонно поднимается.

Внезапно я осознала, что кричу, истерично, во весь голос, не заботясь о том, кто мог бы меня услышать.

Не знаю, сколько времени я кричала.

Возможно, четверть ана.

Вода поднималась, медленно, но непреклонно.

Я прекратила кричать, пытаюсь отдышаться.

Горло саднило.

Вода была холодной, я дрожала от озноба.

Я дико озиралась. Мой взгляд метался по залитой лунным светом поверхности воды, с пучков ренса, торчащих повсюду на воткнутую в болото палочку с жёлтой лентой, изрядная часть которой теперь была под водой.

Я должна была попытаться позвать на помощь. Мне нужно было кричать снова и снова, чтобы привлечь к себе внимание.

— Пожалуйста, помогите!

Но моё горло издало лишь хриплый шёпот, едва слышимый мною самой.

— Пожалуйста, помогите!

В этот момент я почувствовала, как что-то ткнулось мне в спину. Первой моей мыслью было, что это было исследовательский тычок акулы, болотной или морской, заплывшей в дельту из залива Тамбер. Я вскрикнула от страха, решив, что это был первый из двух или трех таких тычков, за которыми последует переворот и атака. Но в этом месте было слишком мелко для акул. И тогда я закричала снова, предположив, что это меня коснулась морда длинного

тарлариона, для которого перемещение по мелководью проблемы не представляло. Но это было сомнительно, поскольку такой хищник хватается свою добычу сразу, а затем тянет под воду, чтобы сначала утопить её, а потом пировать. Обернувшись, я обнаружила, что то, что ударило меня в спину, было деревянным, толстым, широким и изогнутым, принесённым сюда течением. Это был какой-то обломок, который уже огибал меня, чтобы дрейфовать дальше. Я извернулась всем телом и потянулась к уже собиравшемуся проплыть мимо куску дерева. Но он выскользнул из-под моей руки, и я принялась подгребать к себе воду, чтобы создать течение к себе и заставить обломок плыть в мою сторону. Наконец мне удалось ухватить и подтянуть его ко мне. В моей руке было то, что выглядело как часть борта с куском поручня. Судя по всему, он был оторван от большой лодки, от правого её борта, унесён в сторону моря течением Воска, а потом, подхваченный водами Тамбера, несомыми приливом в болота, вернулся и оказался у меня за спиной. Я была вне себя от радости, что он не продрейфовал мимо меня где-то в стороне. Боюсь, что я плохо соображала в тот момент. Я поместила обломок перед собой, одной рукой вцепившись в поручень, другой, как могла, придерживая край доски. Это был довольно крупный обломок, примерно три на четыре фута, изогнутый, состоящий из узких досок, прибитых к кривому шпангоуту. Я изо всех сил навалилась на него, прижав к песку, затянувшему меня по пояс. Благодаря своей площади, он углубился в песок не больше чем на дюйм, и я получила точку опоры, что-то на что я могла перенести свой вес, чтобы дюйм за дюймом, вытащить ноги и освободиться от власти песка. После нескольких енов отчаянных усилий, большая часть моего тела оказалась на досках, а затем обломок, подхваченный приливом, всплыл, увлекая меня за собой. Я рыдала от радости. Мне удалось вырваться из плена. Течение медленно оттащило меня в сторону, в заросли ренса, где обломок застрял и прекратил движение. Не знаю, был ли это обморок, или я, обессиленная свалившимися на меня испытанием, просто заснула. Очнулась я рано утром, под звуки болотных птиц, наполовину лёжа на моём импровизированном плавсредстве. В результате нападения ула, произошедшего накануне ночью, большая лодка Ассасина Па-Кура, была сильно повреждена. От неё, вследствие ударов крыльями и борьбы, были оторваны целые куски. Именно благодаря одному из таких обломков, мне и удалось освободиться из песчаной ловушки. С того места, где я пришла в себя, я могла видеть отмеченную жёлтой лентой предупреждающую вешку. Лента была мятой и промокшей. Вода, теперь я могла это определить, поднялась примерно на четыре или пять футов, так что, если бы мне не удалось освободиться, я, наверняка, я утонула. Часть обломков большой лодки, принимая во внимание течения и прочие особенности болот, очевидно, дрейфовали почти по тому же маршруту, которым я следовала во время своего бегства.

Вдали я видела стены Порт-Кара.

Я предположила, что Бруно из Торкадино погиб в болоте.

Что до судьбы других, то она оставалась загадкой, но я подозревала, что они, вооружённые и многочисленные, скорее всего, должны были выжить и выбраться. Я думала об Аддисоне Стиле.

Я надеялась, отчаянно, пылко, без какой-либо понятной мне причины, что он пережил эту ночь. Почему я должна была это делать? Он был проходимцем и злодеем, нечистым на руку, безнравственным и ненадёжным, фактически, предателем. Как я его ненавидела! Он посмел рассматривать меня, как рабыню, меня, некогда гордую и свободную Маргарет Хендерсон с Земли, как рабыню, которой я теперь была! Он рассматривал меня с презрением и пренебрежением, хотя презрение и пренебрежение, как рабыня, и это мне было хорошо известно, я более чем заслужила. Он рассматривал меня как бессмысленное животное, аппетитный товар, достойный только служить и ублажать своего хозяина. Как осмелился он рассматривать меня так? Как отважился он рассматривать меня как животное! Но затем я напонила себе, что как рабыня, я и была животным, всего лишь ничего не значащим животным. Я ненавидела его! Я жаждала носить его наручники, его ошейник, его цепи, чувствовать его плеть, если он захочет наказать меня ею!

Я снова перевела взгляд на стены Порт-Кара.

У меня было мало шансов на то, что я смогу выжить в дельте, по крайней мере, в течение долгого времени, да я и не испытывала ни малейшего желания пытаться сделать что-то подобное. Всё на что я надеялась, это вернуться в Золотую Цепь.

И при этом мне следовало постараться избежать встречи с ренсерами.

Рабыня, найденная вне городских стен без сопровождения, достаточно обоснованно, считается беглой.

Обычно, у беглянки в дельте, если ей повезёт дожить до поимки ренсерами, есть две альтернативы тому, чтобы быть скормленной тарларионам или выставленной на съедение улу. Её могут вернуть владельцу или оставить себе.

Если её оставят в качестве ренсовой рабыни, на лбу у неё будет выжжено соответствующее клеймо. Если ренсерам она не понадобится, её свяжут так, что её почти не будет видно под верёвками, бросят в ренсовый челнок и отвезут в Порт-Кар для наказания. Кому в таком случае передали бы меня? Ренсеры ожидают, как я уже как-то упоминала, что им заплатят бит-тарск за возвращение обычной рабыни и два — за возврат рабыни покрасивее. Я не знала, сколько они потребуют за меня, будет ли это один или два бит-тарска. Решать такие вопросы — прерогатива мужчин. Если хозяин беглянки не пожелает платить, девушку увезут обратно в дельту, выжгут ей клеймо на лбу и сделают ренсовой рабыней. С другой стороны, если свободные женщины ренсеров потребуют, она может быть

брошена тарларионам или привязана к столбу для ула. Такая же судьба может ожидать рабыню, если она посмеет вызвать недовольство у своего хозяина. Наконец, окончательно придя в себя, я начала медленно, тщательно выбирая путь и настороженно озираясь, пробираться назад к городу.

Глава 34

Снова в Золотой Цепи

О

тмытая и отдохнувшая, причёсанная и ухоженная, напоенная и накормленная, одетая в свежую тунику, я стояла на коленях перед Хо-Тоском, моим хозяином и владельцем Золотой Цепи, в его кабинете.

В какой ещё позе рабская девка может находиться перед свободным мужчиной?

— Ты рассказала весьма интересную историю, — констатировал он.

Насколько отличалась я теперь от той грязной, взъерошенной, изнурённой, голой, голодной рабыни, которую вчера стражники на поводке привели к дверям Золотой Цепи!

— Было очень много событий, — сказала я. — Я передала их настолько точно, насколько смогла.

— Значит, оставляя Золотую Цепь, — заключил Хо-Тоск, — Ты была уверена, что делаешь это с моего разрешения?

— Это недвусмысленно было указано в записке, — объяснила я.

— Ты должна была согласовать это со мной, — заметил мой хозяин.

— Но Вы в тот день отсутствовали, — напомнила я.

— Этот момент, несомненно, был учтён при выборе времени доставки записки, — кивнул он.

— Подозреваю, что так, — согласилась я.

Я не видела никакой нужды в том, чтобы ставить его в известность, что сообщение было подписано инициалами А и С, которые перевела как «Аддисон Стил».

— Итак, Ты была похищена, допрошена и выброшена, — подытожил Хо-Тоск.

— Я ничего им не рассказала, — поспешила заверить его я.

Я была уверена, что сохранила тайну Адрасте, тот факт, что прежде она, предположительно, была Леди Джулией Летой. Я была уверена, что Хо-Тоск был участником этого маленького заговора.

— Ты была очень разговорчивой и рассказала всё, что знала с превеликой охотой, — заявил он. — Ты выложила всё, что, как тебе кажется, держала в секрете.

— Нет, Господин! — вспыхнула я.

— Ты просто не помнишь этого, — сказал Хо-Тоск, — но, можешь мне поверить, Ты рассказывала подробно и информативно, в меру твоих способностей.

— Конечно, нет, Господин! — мотнула я головой, не на шутку встревоженная его словами.

— Я тебя ни в коем случае не обвиняю, — успокоил меня он. — Пары, химикаты, внушение и приказания. Кто смог бы этому сопротивляться? Ты ничего не могла с этим поделать.

— То есть, я рассказала всё, будучи в бессознательном состоянии? — уточнила я, чувствуя себя совершенно несчастной.

— Ты рассказала то, что Ты считала правдой, — пояснил мой хозяин, — как изначально и предполагалось, если возникнут определённые обстоятельства.

— Я не понимаю, — растерялась я.

— А тебе это и не нужно, — хмыкнул мужчина.

— Да, Господин, — вздохнула я.

— А вот то, что Ты слышала в дельте, действительно, важно и очень интересно, — признал Хо-Тоск.

— Я рассказала всё, что смогла запомнить, — сказала я.

У меня не возникло особых затруднений с возвращением с болот в Золотую Цепь. Я сообщила охранникам у ворот, что была вернувшейся из дельты рабыней, сбежавшей из Золотой Цепи, убедившейся в ужасе и невозможности выжить в дельте, просящей вернуть её к соответствующим цепям.

— Знатная же тебя ждёт порка, — покачал головой один из охранников, — если повезёт, и тебе не перережут сухожилия.

— Да, Господин, — испуганно пробормотала я.

— Многие, убедившись в том, насколько страшна дельта, предпочитают вернуться, — усмехнулся второй охранник.

— Те, кого не съели, кому повезло не утонуть или не попасть в руки ренсеров, — добавил третий.

— Но Ты — ничего, смазливая, — заметил четвёртый. — Возможно, они не станут отрезать тебе ногу.

Руки мне тогда закрепили за спиной, сковав их рабскими браслетами, и, размотав поводок Бруно из Торкадино, который был обёрнут вокруг моей шеи, повели меня к Золотой Цепи. У меня были обоснованные опасения, что они прочитают надпись на ошейнике, которая идентифицировала меня как собственность Бруно из Торкадино, а не Золотой Цепи, но они не стали этого делать.

— После того, как тебя оставили на улице неспособной говорить, — продолжил Хо-Тоск, — Ты была подобрана стражниками, доставлена в дом Самоса, Первого Работоторговца Порт-Кара, и впоследствии была продана на одной из его точек.

— Да, Господин, — подтвердила я, — одноногому мужчине, который называет себя Бруно из Торкадино.

— Он нам известен, — кивнул мой хозяин.

Мою шею больше не окружал ошейник Бруно из Торкадино. Вскоре после того, как меня привели в Золотую Цепь, на меня надели ошейник таверны, после чего избавились от ошейника Бруно из Торкадино. Таким образом, я даже мгновения не провела без ошейника. Так зачастую поступают с рабынями.

— Бруно из Торкадино купил меня, — сказала я, — и теперь он может заявить, что у него есть права на меня.

— Мое право приоритетнее, — отмахнулся Хо-Тоск. — С точки зрения закона вопрос ясен.

— Я не могла говорить, — объяснила я. — Я была не в состоянии рассказать о произошедшем со мной.

— Я понимаю, — успокоил меня он.

— Он заплатил за меня пятнадцать медных тарсков.

— Ты стоишь дороже, — заверил меня мой хозяин.

— В тот момент я была немой, — напомнила я.

— Даже несмотря на это, — сказал мужчина.

— Девушка рада, — улыбнулась я.

— Ты понимаешь, почему Ты не могла говорить? — спросил он.

— Нет, Господин, — призналась я.

— Признаться, я тоже не до конца понимаю механизм этого, — сказал Хо-Тоск, — но это было сделано посредством воздействия на мозг. Человеку говорят, что он не может говорить, и это убеждает его, что говорить нельзя, после чего он перестаёт говорить. При этом в это действие обычно включено условие, что снять это состояние можно, но сделать это может только тот, кто его навёл. Это полезно, поскольку может возникнуть ситуация, чтобы объект был в состоянии заговорить снова, возможно, чтобы ответить на вопросы или для чего-то ещё.

— Но как же химикаты, испарения? — спросила я.

— Несомненно, они тоже играют свою роль, — сказал Хо-Тоск, — возможно, они должны ослабить сопротивление, вызвать большую восприимчивость к внушению, или что-то в этом роде.

— В дельте я подверглась большой опасности, — пожаловалась я, — особенно, когда застряла в пливуне.

— Тебе удалось ухватиться за проплывавшие мимо обломки, — припомнил мужчина, — которые позволили тебе выбраться.

— Да, Господин.

— Кажется, тебе очень повезло, — заключил он.

— Да, Господин, — не могла не согласиться я.

— Такая случайность кажется очень маловероятной, — покачал головой Хо-Тоск.

— Мне очень повезло, — сказала я.

— Всё выглядит именно так, — задумчиво проговорил он.

Я стояла на коленях перед своим владельцем, смущённая и озадаченная. Я полагала, что во время моего нахождения в апартаментах Дорны из Тарны я ничего не рассказала, но Хо-Тоск, очевидно, был уверен в обратном, что я полностью удовлетворила допрашивавших меня, но, что удивительно, казалось, его это нисколько не беспокоило. Оставалось только предположить, что информация, имевшая отношение к бывшей Леди Джулии Лете из Ара, учитывая недавнее удаление Адрасте из таверны, теперь не имела особой важности, или, что более вероятно, что мне дали ложные сведения, и что прежняя идентичность Адрасте не имела никакого отношения к Леди Джулии Лете из Ара. Кем же она тогда могла бы быть в прошлой жизни? На основании того, что я слышала в дельте, можно было заключить, что «добыча», как они говорили о ней, должна была представлять значительно большую ценность. Если бы я не знала, что легендарная Талена из Ара, столь презируемая и ненавидимая, столь рьяно разыскиваемая, самозваная Убара, коварная предательница своего города и его Домашнего Камня, пособница заклятых врагов Ара, в данный момент находилась в безопасности на Косе, в гостях у Луриуса из Джада, возможно, я осмелилась бы заподозрить, что под эвфемизмом «добыча», какой бы сомнительной ни была такая перспектива, могла подразумеваться именно она.

— Где теперь может находиться Бруно из Торкадино? — поинтересовался Хо-Тоск.

— Я не знаю, — пожала я плечами. — Рискну предположить, что он погиб в болоте.

— А что насчёт Ассасинов, Па-Кура и его людей?

— Я не знаю, — ответила я. — Их было несколько, и они были вооружены. Я подозреваю, что, по крайней мере, некоторым из них удалось благополучно вернуться в город.

— Так и есть, — подтвердил моё предположение Хо-Тоск.

Я была рад слышать это, поскольку одним их членом их партии был и Аддисон Стил.

— И теперь они растворились в городе, — добавил мой хозяин.

— Собираются ли меня вернуть в зал? — полюбопытствовала я.

— Пока нет ясности относительно того, что Бруно из Торкадино погиб в болоте, — не обращая внимания на мой вопрос, сказал Хо-Тоск. — А вот то, что Па-Кур и его люди там выжили и вернулись, известно достоверно.

— Господин? — не поняла, к чему он ведёт, я.

— Думаю, что Ты знаешь больше, чем это было бы мудро для кейджеры, — сказал он.

— Я уже всё рассказала, — поспешила заверить его я.

— И скольким ещё Ты можешь об этом рассказать? — осведомился Хо-Тоск.

— Конечно, никому, Господин! — воскликнула я.

— Было бы несложно заставить тебя молчать, — задумчиво проговорил мужчина, — достаточно перерезать тебе горло.

— Господин! — содрогнулась я.

— Но это не наш путь, — заявил он.

— Девушка рада, — облегчённо выдохнула я.

— Ты ничем не отличаешься от тысяч других, — констатировал мой хозяин, — такое же, как и все прочие, темноволосое, аппетитное рабское мясо, живой товар, выпрашивающее ласки, стонущее животное, текущее по щелчку пальцев, тающее и готовое в тот же момент, когда хозяин соизволит взглянуть на тебя. Ты хорошо изучила свой ошейник, свои цепи и чего Ты в них стоишь.

Я знала, что это было так. А разве могло быть иначе на Горе, в руках гореанских мужчин?

Во мне не было ни капли недовольства.

Я знала, чем я была теперь, какому месту я принадлежала. Моё место было на коленях у ног мужчины, в его ошейнике.

— Мы могли бы сменить тебе имя и сбыть тебя с рук на любом из сотни рынков от далёкого южного Шенди, до столь же далёкого северного Торвальдсленда.

— Да, Господин, — пролепетала я.

Я могла принадлежать любому!

Насколько глубоко я прочувствовала в этот момент уязвимость рабыни, имущества, с которым могло быть сделано всё, что захотят другие.

— Однако Ты всё ещё можешь быть полезна, — заявил Хо-Тоск и, сунув руку в коробку, стоявшую рядом с его столом, вытащил какой-то свёрток, опоясанный кожаным ремешком.

Он швырнул его в меня и велел:

— Натяни капюшон сама и ползи ко мне. Я застегну пряжку ремня.

— Да, Господин, — прошептала я, разворачивая предмет и надевая его себе на голову.

Я встала на четвереньки и, опустив голову, подползла к нему. Через мгновение капюшон был закреплён на мне затянутым вокруг шеи ремнём, застёгнутым пряжкой.

— Могу ли я спросить, куда меня должны отвести и что со мной будет сделано? — поинтересовалась я.

— Нет, — отрезал Хо-Тоск.

Глава 35

Флориан

— С

той, — раздался мужской голос рядом со мной, — я сниму капюшон.

Я почувствовала, как чьи-то руки принялись возиться с пряжкой на тыльной стороне моей шеи.

Мои собственные руки в этот момент удерживались за спиной наручниками. Я немного натянула звенья цепи, соединявшей рабские браслеты. Никакой надежды избавиться от них у меня не было. Такие браслеты, легкие, простые и удобные, эффективны до совершенства. Рабыни хорошо знают, как превосходно они их удерживают. Нечего даже думать, что можно вытянуть руки из таких браслетов. Девушка тянет запястья, слушая металлический перезвон звеньев, и эта простая проверка напоминает ей, как надёжно закреплены её руки. Она сознаёт себя беспомощной, каковой факт не может не возбуждать её.

— Интересно, насколько привлекательны черты твоего лица и волосы, — пробормотал мужчина. — Надеюсь, не уступают твоей фигуре.

Несомненно, он вскоре выяснил бы это, неторопливо и тщательно оценив меня.

Этим утром меня забрали из Золотой Цепи, с капюшоном на голове, но не став заковывать мои конечности. Один из работников таверны придерживая за руку, отвёл меня к одному из ближайших каналов, где передал кому-то из рук в руки.

— Можешь держаться за леер, — услышала я незнакомый мужской голос, и мои руки были подтянуты к поручню.

Мгновение спустя весло с плеском вошло в воду, и лодка, качнувшись, отошла от причала. Слыша голоса разных мужчин, очевидно, на набережных и мостах, а возможно и на других лодках, проплывающих мимо, я быстро поняла, почему мне разрешили стоять. Я всё ещё была одета в тунику с логотипом Золотой Цепи, и Хо-Тоск был совсем не против, выставить меня напоказ, как одну из своих девушек, пусть моё лицо и было скрыто. Точно так же, как уже было упомянуто ранее, он иногда позволял нам гулять по городу, одетыми в соответствующие туники, в качестве живых рекламных объявлений, если можно так выразиться.

— О, девку на ан повезли, — услышала я крик и смех.

Вообще-то, «девкой на ан» я не была, и Золотая Цепь не занималась поставкой таких девушек. «Девушка на ан» — обычно пага-рабыня, отправляемая по тому или иному адресу приблизительно на один ан, реже на вечер, на утро или даже на всю ночь, а потом, по окончании оговоренного времени, возвращается её

владельцу, таверне или тому подобному заведению. Хо-Тоск, как и другие владельцы лучших таверн, редко предоставляли своих девушек на ан. Основной причиной этого, насколько я понимаю, является «проблема отсутствия контроля». Рабыня, оставленная без присмотра, это всегда риск того, что она может сбежать или быть похищена.

Учитывая капюшон, а также множество поворотов и пересечений каналов, уже через несколько енов я потерялась в пространстве, и не имела понятия, где находилась и куда могла плыть лодка. Правда, спустя примерно ан, перестав чувствовать тепло солнца и морской бриз на своих руках, я предположила, что мы заплыли в более узкие и редко посещаемые каналы, более тёмные, зажатые между стенами близко расположенных зданий. Воздух здесь был спёртым и затхлым, холодным и влажным. Я больше не слышала вокруг никаких признаков жизнедеятельности.

— Вниз, кейджера, — услышала я резкий окрик, — на живот.

Едва я успела лечь на живот, как руки мне оттянули за спину, и через мгновение я почувствовала, как изогнутый металл быстро и умело окружил мои запястья. Я услышала два резких сухих щелчка. Теперь я носила рабские браслеты. На меня набросили простыню или кусок ткани. Больше меня не могли рассмотреть. Немногие, если таковые вообще были, видели, откуда меня забрали. Вскоре после этого я ощутила, что мы выбрались из лабиринта узких шхер и снова поплыли по более крупным и чаще посещаемым каналам Порт-Кара. Спустя нескольких енов лодка остановилась, по-видимому, перед некими воротами, которые, открылись перед нами со скрежетом петель и лязгом цепей. Движение возобновилось, а затем снова послышался лязг и скрежет, но уже позади нас. Очевидно, ворота были закрыты. Я предположила, что мы находились внутри водных стен некого холдинга, внутри некой небольшой, частной гавани, по-видимому, около пристани или причала.

Меня подняли из лодки и поставили на ноги. Я почувствовала, что стою на каменных плитах.

— Впереди ступеньки, — предупредил меня мужской голос. — Я понесу тебя.

И я оказалась на сильных мужских руках, пронёсших меня несколько шагов. Пока незнакомец меня нёс, я задавалась вопросом, каково это было бы, если бы меня вот так нёс Аддисон Стил. Какой слабой почувствовала бы я себя, какими надеждами была бы переполнена, какой готовностью. Как надеялась бы я, что он будет настолько добр, что дотронется до меня. С какой радостью завязала бы я узел неволи в волосах, как жалобно бы хныкала, как бросилась бы к его ногам. А потом мне оставалось бы только ждать, чтобы увидеть, что, если вообще что-то, будет сделано со мной. Господин — всё, только его желания имеют ценность. Но затем я напредила себе, насколько презренным он был, и насколько я его

ненавидела. Наконец меня снова поставили на ноги, чья-то рука сомкнулась на моём плече, и меня повели вперёд. Судя по всему, мы миновали несколько дверей и прошли через несколько коридоров. Четыре раза меня брали на руки и несли по лестничным пролётам. Если предположить, что первые ступени на пристани вели на первый этаж самого холдинга, то в конечном итоге я должна была находиться на пятом этаже здания. Это, вместе с длиной коридоров, свидетельствовало о немалых размерах холдинга. Владелец такого здания должен был быть весьма важной персоной, возможно, даже членом Совета Капитанов, фактического правительства Порт-Кара. Позже я узнала, что одна из высоких стен этого здания, была буквально, как это имело место с несколькими другими большими холдингами и замками, небольшой частью городской стены. Этот холдинг, как я выяснила позднее, примыкал в стене дельты.

— Стой, — велел мне мой провожатый, — я сниму капюшон.

И я почувствовал его руки, возившиеся с пряжкой ремня на тыльной стороне моей шеи.

Капюшон был снят, и я покачала головой, пытаюсь стряхнуть с лица мои промокшие от пота волосы. Мужчина сам разделил и убрал волосы с моего лица, откинул за плечи и пригладил их. Я постаралась не встречаться с ним взглядом. Иногда взгляд в глаза свободного человека может быть истолкован как дерзость, вызов, высокомерие или даже неповиновение. Многое, конечно, зависит от того, как это сделано, ну и, разумеется, от каждого конкретного рабовладельца. Какому мужчине не понравится, время от времени, заглянуть в глаза прекрасной рабыни, долгим изучающим взглядом?

Коридор, в котором я оказалась, был хорошо освещён. Свет проникал через высокие узкие окна.

— Да, — задумчиво, пробормотал он, — девка Золотой Цепи.

Я решила, что это был комплимент. Когда я впервые на этой свежей, странной, красивой планете повстречала Аддисона Стила на южной набережной Канала Воров, он скептически отнёсся к моему утверждению, что я была девушкой из Золотой Цепи. Я предположила, что теперь он больше не будет удивляться.

Крошечный ключик был вставлен в замки рабских браслетов, и их сняли с моих запястий.

— Не становись на колени, — остановил он мой порыв.

Ключ и наручники мой провожатый убрал в свой кошель, свисавший с его пояса.

— Сними тунику, — приказал он.

Я выскользнула из туники, которую мужчина забрал, свернул и отправил в кошель, вслед за ключом и браслетами.

Когда рабыня слышит требование снять одежду, она не колеблется, не протестует, не ставит условий. Она повинуетя без нежелания или отговорок. Она повинуетя без сомнений и промедлений.

— Вот теперь можешь встать на колени, — сообщил мне мой провожатый.

Я опустилась на колени, держа их вместе, выпрямив спину, положив ладони на бёдра, глядя прямо вперёд, вдоль коридора. Он задержался на мгновение, стоя у меня за спиной, а затем ушёл. Я осталась стоять на коленях, даже не пошевелившись, чтобы бросить взгляд ему вслед.

Так я простояла ещё около четверти ана.

Поскольку на моей шее всё ещё оставался ошейник Золотой Цепи, я заключила, что я не была продана или передана.

Впрочем, если это было сделано, девушка зачастую узнаёт об этом последней.

Наконец в нескольких футах впереди по коридору, с левой стороны от меня открылась дверь, и оттуда появился молодой человек, светловолосый, с коротко стриженной бородкой, среднего роста, одетый в домашнюю тунику и сандалии. Блондин остановился и окинул меня оценивающим взглядом.

Я смотрела прямо перед собой.

Очевидно, это был свободный мужчина.

Кроме того, с его пояса свисала плеть.

Он приблизился и встал приблизительно в семи-восьми футах от меня.

— Как тебя зовут? — поинтересовался мужчина.

— Как понравится Господину, — ответила я, самым распространённым ответом на такой вопрос.

— Как тебя звали в последний раз? — уточнил он свой вопрос.

— Зия, если Господину это понравится, — сказала я.

— Чья плеть наказывает тебя? — спросил блондин.

— Я — рабыня Хо-Тоска и Порт-Кара, владельца Золотой Цепи, — сообщила я.

«Чья плеть наказывает тебя?» — это один из распространённых способов узнать у кейджеры имя её владельца. Рабынь, в целом, редко, если вообще когда-либо, наказывают плетью. Причина этого понятна, они из всех сил стараются, чтобы ими были довольны, так что избивать их нет никаких причин. Иногда они даже сами просят выпороть их, чтобы получить наглядное доказательство того, что они — рабыни и только это. Хо-Тоск, например, ни разу не ударил меня плетью, и даже не приказывал кому-нибудь из своих помощников, чтобы тот меня наказал. Возможно, такой вопрос правильнее звучал бы как: «Чья плеть может тебя наказать?». Рабыня, действительно, должна ожидать, что она будет наказана, если она вызовет недовольство, конечно. Кто будет уважать рабовладельца, который не держит нас на нашем месте у своих ног? Рабыня быстро учится не пытаться проверять границы дисциплины, поскольку они слишком реальны, так же

реальны как шипение кожи и лязг тяжёлых цепей. Рабыня никогда, даже на мгновение, не забывает о том, что она — рабыня.

— В этом доме, — объявил мужчина, — твоё использование принадлежит нам. Ты будешь думать о нашей дисциплине, как о своей дисциплине, о своём ошейнике, как о нашем ошейнике. Всё понятно?

— Да, Господин, — отозвалась я.

Это значило, заключила я, что в этом доме мне предстояло быть полной рабыней, без каких-либо условий или оговорок.

Однако я по-прежнему даже не знала, в каком доме я находилась.

Что-то в его голосе показалось мне знакомым, но у меня никак не получалось вспомнить, где я могла его слышать.

И тогда молодой человек вытащил из своей сумки небольшой лоскут ткани.

— Просишь ли Ты об одежде? — спросил меня он.

— Очень прошу, — ответила я.

Для рабыни её туника дороже, чем для самодовольных, высокомерных свободных женщин высоких городов их вуали, капюшоны и одежды.

— Это — туника, — сообщил блондин, развернув и встряхнув ткань, которую держал в руке.

Это было очевидно.

— Довольно обычная туника, — добавил он. — Цвету, текстуре и качеству далеко до туник Золотой Цепи.

Я молча ждала продолжения. Теперь я была уверена, что уже слышала этот голос прежде.

Но где?

— Говорят, — хмыкнул блондин, — что девки в Золотой Цепи слишком высокого о себе мнения, что они гордые, что они надменные, что они свысока смотрят на других рабынь, самих себя рассматривая как особенных.

— Мы — всего лишь рабыни, — сказала я.

Безусловно, далеко не любая девушка может быть сочтена подходящей для того, чтобы выйти в зал Золотой Цепи, или некоторых других таверн Порт-Кара.

— Возможно, Ты снисходительно смотрела на обслуживаемую тобой чернь, — глубокомысленно предположил он.

— Если бы нами были недовольны, надсмотрщик сломал бы хлыст о наши спины, — напредила я.

— У меня было много рабынь, которые были ничем не хуже тех, что служат в Золотой Цепи, — заявил мужчина.

— Да, Господин, — поддакнула я, несколько не сомневаясь в правдивости его слов.

Но ведь в том, что я служила в Золотой Цепи, не было ни капли моей вины.

— Может, Ты думаешь, что Ты особенная? — поинтересовался он.

— Нет, Господин, — поспешила заверить его я.

«У него что, какое-то за предубеждение, — задалась я вопросом, — против Золотой Цепи?»

— Эта туника невзрачного серого цвета, — продолжил блондин, демонстрируя свисавший с его правой руки предмет одежды. — Она свободного кроя, лёгкая, тонкая и короткая. Ей далеко до качества, цвета и блеска превосходных туник Золотой Цепи. Это — обычная туника для обычной рабыни. Каково у тебя клеймо?

— Кеф, — ответила я.

— Обычное клеймо для обычной рабыни, — прокомментировал он.

— Да, Господин, — согласилась я.

Кеф — первая буква гореанского слова «Кейджера», наиболее распространённого определения для рабыни.

— Таким образом, Ты — обычная рабыня, — заключил мой собеседник.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Как многие другие, — сердито бросил он, — в Золотой Цепи.

Я благоразумно промолчала.

— Но ведь Ты же служила именно в Золотой Цепи, — заметил блондин.

— Да, Господин, — кивнула я.

— В таком случае, возможно, — продолжил он, — эта туника недостойна тебя. Пожалуй, я уберу её обратно в свою сумку.

— Нет, Господин, — испугалась я. — Я прошу её!

— Ты хотела бы получить одежду? — уточнил мужчина.

— Да, Господин, — прошептала я.

— Ты, такая роскошная женщина, просишь тунику, простую тунику? — осведомился он.

— Да, Господин, — ответила я.

— Так попроси как следует, — потребовал блондин.

— Я прошу у вас привилегии ношения туники, простой туники, — попросила я.

— О какой именно простой тунике идёт речь? — уточнил он.

— О простой рабской тунике, — ответила я.

— Почему? — не отставал мужчина.

— Потому, что я — рабыня.

И тогда он швырнул в меня крошечный предмет одежды, а я, поймав его на лету, торопливо, с благодарностью, нырнула в него. Туника была разрезана по бокам на бёдрах.

— Не туника красит женщину, — процитировал блондин, — а женщина тунику.

Я предпочла промолчать.

— Наду, — бросил он.

Не медля ни мгновения, я приняла наду, широко расставив колени, выпрямив спину, подняв голову, прижав ладони к бёдрам.

— Возможно, теперь Ты понимаешь, какого сорта рабыней тебе предстоит быть в этом доме, — усмехнулся он.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Теперь Ты не кажешься гордой и высокомерной, как девки из Золотой Цепи, — констатировал блондин.

— Я вовсе не гордая и не высокомерная, Господин, — постаралась объяснить ему я. — Я — рабыня.

Я заключила, что у него мог быть печальный опыт посещения Золотой Цепи. Если это имело место, мне оставалось только удивляться. Разве это была наша вина, если в Золотой Цепи он проиграл партию в каиссу или от него отвернулась удача во время игры в кости. Могло ли быть так, что одна из девушек выказала ему недостаточное уважение или посмела оказаться менее чем удовлетворительной? В это трудно было поверить. В каждом алькове имелось множество устройств, которые можно было использовать для наказания нерадивой рабыни. Он что, по каким-то, одному ему известным причинам, отказался ими воспользоваться?

— Вот теперь Ты там, где женщина должна быть, на коленях перед мужчиной, — констатировал он.

Я и сама прекрасно знала, что это было именно то место, которому я принадлежала, впрочем, как и другие женщины, которые в сердце своём знали, что были и должны были быть рабынями.

— Я не собираюсь допускать с тобой ту же ошибку, какую я допустил с другой, — пробормотал блондин.

Я не поняла этих его слов.

— В этом доме, — сообщил мне он, — Ты доступна любому свободному мужчине, который тебя захочет, немедленно и без сомнений, без отговорок и без колебаний, когда, где и как он мог бы тебя захотеть. Ты поняла меня, девка из Золотой Цепи?

— Да, Господин, — заверила его я.

— И за твоё использование не будет заплачено ни одного бит-тарска, — добавил мой собеседник.

— Я понимаю, Господин.

Я ощущала, что его враждебность, не имела никакого отношения ко мне лично.

Сначала я была уверена, что уже слышала его голос прежде. Но не могла вспомнить, когда и где? Сейчас же, стоя перед ним на коленях в наду, смущённая под его угрюмым взглядом, видя его плеть, я больше не была уверена, что слышала его когда-либо. Действительно, как я могла быть в этом уверена? Разве я не могла ошибиться? Возможно, слышанный мною когда-то голос был просто очень похож на его? Возможно, я просто перепутала его с кем-то ещё? Разве

сложно принять за реальность фантазию, притворяющуюся воспоминаниями, особенно правдоподобными и даже яркими? Наша память, с её пробелами, подменами и искажениями, часто является не самым надёжным советчиком. Сколь болезненными могут быть её проявления и движения, её игры, уловки и шутки! Как можно отличать подлинные воспоминания от вымышленных? Разве ошибка не была бы очевидной, если бы она не скрывалась под личиной правды?

— И даже не думай, что при этом Ты будешь меньше занята на других работах, — предупредил мужчина.

— Я приложу все силы, чтобы хозяева остались мною довольны во всех смыслах, — поспешила заверить его я.

— Нужно ли мне познакомить тебя с моей плетью? — осведомился он.

— Это решать господину? — осторожно ответила я.

— Возможно, позже, — решил он. — Не хочу, чтобы туника смягчала удары плети.

— Могу ли я спросить, как зовут Господина? — поинтересовалась я.

— Флориан, — ответил блондин.

— Кажется, у Господина есть какое-то предубеждение по отношению к таверне, к Золотой Цепи, — заметила я. — Могу ли я спросить в связи с чем?

— Нет, — нахмурился блондин.

«Ну, конечно, — внезапно осенила меня дикая мысль, и всё сразу резко прояснилось, — Золотая Цепь!»

— Что с тобой? — спросил мужчина, очевидно, прочитавший на моём лице бурю эмоций.

— Ничего, Господин, — попыталась увильнуть от ответа я.

— Говори, — потребовал он, положив руку на плетть и не оставляя мне выбора.

— Это ведь были Вы тем, кто разговаривал со мной в алькове Золотой Цепи, когда я стояла перед вами на коленях, прикованная цепью и с мешком на голове!

— Ткань мешка может затруднить восприятие звуков, — заметил Флориан.

— Я уверена, что это были Вы, — настаивала я.

— А Евфросиния всё ещё служит в Золотой Цепи? — вдруг, уходя от темы, поинтересовался он.

Признаться, этот вопрос меня поразил.

— Насколько я знаю, да, — ответила я.

— Девочек из Золотой Цепи, — процедил блондин, — следует раздеть, заковать в цепи и гнать хлыстами до ступеней дворца Совета Капитанов, а уже там публично выпороть, чтобы они смогли лучше узнать, что значит, быть рабынями.

Я не сочла для себя разумным, оспаривать такое его утверждение.

— И Ты, — ткнул он в меня пальцем, — одна из девочек Золотой Цепи.

— Меня купил агент Золотой Цепи, — объяснила я.

— Только три рабыни в этом доме, — сообщил мне блондин, — зарезервированы для владельца Холдинга. Их зовут Велла, Сесилия и Адрасте. С последней Ты знакома.

— Бывшая Леди Джулия Лета из Ара, — улыбнулась я.

— Ты последуешь за мной, — сказал Флориан. — Я отведу тебя к твоей клетке и внесу твоё имя в списки.

— «Списки»? — переспросила я.

— Список работ и список девушек, — пояснил он.

— Могу ли я узнать, — поинтересовалась я, — в каком доме я ношу свой ошейник?

— Конечно, — кивнул блондин, — это — дом Боска, одного из членов Совета Капитанов.

Затем мужчина повернулся и зашагал по коридору, а я вскочила на ноги и поспешила вслед за ним.

Глава 36

Холдинг, в котором я ношу свой ошейник

— П

ага! — крикнул мужчина, и я поспешила к нему, чтобы наполнить его кубок.

— Задержись, — велел он, и я замерла на месте.

Мужчина поднял подол моей туники к талии.

— Кефовая девка, — прокомментировал он.

— Да, Господин, — улыбнулась я.

— А я-то думал, что Ты из Золотой Цепи, — разочарованно сказал он.

— Я принадлежу Хо-Тоску, владельцу Золотой Цепи, — сообщила я.

— Кефовая девка, обычная рабыня? — не поверил мужчина.

— Я была куплена специально для Золотой Цепи, — заявила я, боюсь, сделав это немного высокомерно.

Вообще-то, большинство девушек в Золотой Цепи были именно «кефовыми девушками». Кеф, может быть, и самое обычное клеймо, но это вовсе не означает, что девушка, его носящая, обязательно будет обычной рабыней. Многие из самых желанных и высоких рабынь носят Кеф. Насколько мне было известно, Кеф, курсивный Кеф, был наиболее распространенным из рабских клейм на этой планете. Скажу честно, я была рассержена. Разумеется, я постаралась подавить своё раздражение. Я предположила, что, в некотором смысле, была обычной рабыней. Однако это не делало этот вопрос для меня менее раздражающим. Скорее, это только сделало этот вопрос более раздражающим.

Его рука продолжала удерживать подол моей туники.

— И что же Ты делаешь здесь? — спросил он.

— Подаю пагу, — ответила я.

— Не слишком ли Ты высокомерна? — нахмурился мужчина.

Кое-кто из присутствующих за столом повернулись в нашу сторону.

— Нет, Господин, — поспешила заверить его я, внезапно испугавшись, что мой язык может довести меня до плети. У меня не было ни малейшего желания возобновлять с ней знакомство. Вообще никакого. И я думаю, найдётся немного тех, кто хотел бы получить такой опыт. Одно дело знать, что Ты являешься объектом для плети, быть взволнованной и возбуждённой этим знанием, и совсем другое быть подвергнутой её явному вниманию.

— Я не знаю, почему я здесь, — постаралась объяснить я. — Меня просто зачем-то привели сюда. Хозяева поступают с нами, как они сочтут

целесообразным. Любопытство не подобает кейджеру. Пожалуйста, простите меня, Господин.

— Мы проверим, будешь ли Ты высокомерной в цепях, — пообещал он.

— Поверьте, Господин, во мне нет ни капли высокомерия, — взмолилась я. — Я прошу прощения Господина.

— Она внесена в список девок, — сообщил Флориан, сидевший на стуле недалеко от головы стола. — Её зовут Зия.

Стул собственно во главе стола, большой, крепкий, с подлокотниками, в данный момент пустовал. Глава холдинга, насколько я понимала, отсутствовал. Это была столовая для экипажей, и далеко не все моряки были на берегу.

Мужчина, наконец, выпустил мою тунику.

— Тебя пришлют ко мне в комнату позже, когда мне будет удобно, — пообещал он.

— И ко мне! — крикнул другой мужчина.

— И ко мне! — вторил ему третий.

— И она не будет стоять вам ни бит-тарска! — крикнул Флориан.

— Я должна пополнить кувшин, Господин, — пискнула я, и поспешила выскочить из зала.

Вслед мне летел мужской хохот.

Я мало что знала о Боске из Порт-Кара. Конечно, я не видела его, а если и видела, то не знала, что это был он. Впрочем, как мне показалось, прошлое многих из жителей этого города было загадкой. Я задавалась вопросом, не было ли это наследием тех дней, когда у Порт-Кара не было Домашнего Камня, когда он был широко известен как «Бич Тассы», логово воров, пиратов и головорезов. Сейчас его жители чаще говорят о своём городе не иначе как о «Бриллианте Мерцающей Тассы». Боск, насколько я поняла, прибыл в Порт-Кар из болот дельты. Он был здесь никем, чужаком. Но, благодаря своему мечу он выиграл корабль с экипажем, и с этого всё и началось. Кто мог знать, какие имена он носил ранее, и какие дела могли привести такого как он в город без Домашнего Камня. Он, как говорили, делил пагу с самим Самосом из Порт-Кара, Первым Работоторговцем Порт-Кара и Первым или Верховным Капитаном в Совете Капитанов, каковой, как уже было отмечено ранее, являлся фактическим органом управления Порт-Кара. Холдинг Боска представлял собой огромное пятиэтажное здание, одна из стен которого, широкая морская стена с высоким парапетом, являлась крошечным участком, приблизительно в пятьдесят ярдов, самой длинной, неправильной формы, обширной стены дельты. Я не знала, сколькими кораблями владел Боск, сколько экипажей было у него на службе. По моим прикидкам, на него должно было работать примерно три-четыре сотни мужчин, составлявших команды семи или восьми кораблей. Мои осторожные расспросы на эту тему либо игнорировались, либо отклонялись. Вскоре я перестала приставать с подобными вопросами, чтобы,

чего доброго, во мне не заподозрили шпионку. Города зачастую относятся друг к другу с опаской и подозрением, даже если они не находятся в состоянии войны, а по сему склонны содержать штат агентов, многочисленный и разнообразный. И даже внутри одного города, может иметь место конкуренция и соперничество между холдингами и домами. Кто может знать, до чьих ушей может дойти неосторожно оброненное слово, пусть даже услышанное рабыней? Кроме того, известно, что случайные слова, бессмысленные или не имеющие большого значения каждое в отдельности, соединившись с другими словами, могут сложиться в последовательности, являющиеся осмысленными предложениями. Иногда мелочи, несущественные вещи, скажем, части головоломки, могут быть собраны в значимое целое, скажем, картины или другие вещи, которые при всём желании не смогут остаться незамеченными или непонятыми. Из обрывков беседы можно соткать гобелены информации. У меня не было ни малейшего желания, быть принятой за шпионку. Любопытство может не только быть «неподобающим кейджере», но и, я подозреваю, особенно, если удовлетворено, быть чреватым смертельной опасностью. Один из кораблей Боска из Порт-Кара, кстати, назывался «Дорна». Это была та самая галера, которая протаранила и сокрушила косианский рейдер, во время моего путешествия на север, где-то между Брундизиумом и Порт-Каром. Разумеется, я понятия не имела, могла ли быть какая-либо связь между названием корабля и Леди Дорной, с которой мне не посчастливилось столкнуться несколько недель тому назад. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть причинявшую мне ужасную боль тунику и ядовитые испарения, которым она подвергла меня в своём жилище. Лично мне казалось маловероятным, что между двумя именами, женщины и галеры, могла существовать какая-либо связь. Корабли часто называют женскими именами, и, исходя из того, что я знала о Горе, «Дорна» могло быть довольно распространённым женским именем на этой планете. Самым маленьким кораблём Боска из Порт-Кара была быстрая «Тесефона», тоже носившая женское имя, правда, довольно косианского звучания.

— Лучше бы тебе поскорее вернуться к столам, — посоветовала Портия. — Если мужчинам придётся ждать тебя, Ты можешь быть избита.

— А что представляет собой этот господин Боск из Порт-Кара? — полюбопытствовала я.

— Ты что, никогда его не видела? — спросила она.

— Нет, — покачал я головой.

— Ты же девушка из Золотой Цепи? — уточнила Портия.

— Да, — подтвердила я.

— И что Ты здесь делаешь? — поинтересовалась девушка.

— Не знаю, — вздохнула я. — Но думаю, что меня сюда отправили, чтобы защитить, или чтобы использовать тем или иным способом. Я была свидетельницей странных событий в дельте.

— Каких? — тут же загорелась любопытством Портия.

— Никаких, — замкнулась я.

— Не хочешь рассказывать? — обиженно надулась девушка.

— Да там не было ничего интересного, — отмахнулась я, действительно не хотевшая продолжать эту тему, но подозревавшая, что уже и так сказала слишком много.

— Сейчас происходит много странных вещей, — сказала она. — Одни уничтоженные Ворота Дельты чего стоят. Как можно было их так повредить, так перекрутить и разорвать? Притом, что никакой осады, никакого нападения не было? И почему их не восстанавливают?

— Ходят слухи, что за стенами города наблюдаются странные передвижения, — присоединилась к разговору Рената. — А по ночам странные люди путешествуют на болота.

— Мне кажется, господа в последнее время изменились, — заявила Ина. — Я боюсь, что вскоре что-то может произойти. При нас стараются не разговаривать. Они ничего нам не говорят.

— Но сейчас они кажутся достаточно шумными, — заметила я, приглаживая кромку своей туники. — Вы бы рассказали мне о владельце этого дома.

— Ты ведь не принадлежишь этому дому, а что насчёт внимания его мужчин? — поинтересовалась София.

— Насколько я понимаю, это не запрещено, — пожала я плечами.

— Она внесена в список девушек, — сообщила Портия.

— Он — мужчина крупный, — сказала Рената, — но есть немало и покрупнее. У него острый глаз и тонкий слух. Он обладает смелостью ларла и гибкостью, упорством и хитростью слина.

Я никогда не видела ни ларла, ни слина, но кое-какое представление об этих животных, как и о другие, характерных для Гора, я получила от своих сестёр по цепям и из подслушанных разговоров в таверне и на улицах.

— Возможно, он из алой касты, — предположила Ина. — Я слышала, что он очень искусен в каиссе мечей.

— Говорят, — сказала Рената, — что острие его клинка скрывает свои намерения в обманных движениях, пока, подобно осту, не примет решение нанести удар.

Ост, как я слышала, был змеей, укус которой обычно заканчивается смертью укушенного.

— А я была уверена, что он моряк, — призналась я.

— Да, он владеет несколькими кораблями, — подтвердила Ина.

— Насколько я поняла, у него есть фаворитки среди рабынь, — закинула я удочку.

— Сесилия, — ответила Рената, — и иногда он зовёт Веллу.

— А ещё Адрасте, — добавила я.

— Насколько я знаю, он не то что не вызывает Адрасте к себе, но даже не смотрит в её сторону, — поделилась своими наблюдениями Портия.

— Её не внесли в список девушек, — напомнила Ина.

— Значит, у неё есть какая-то другая ценность, особенная, — заключила София, — но какая именно никто не знает.

Теперь я уже ни в чём не была так уверена в том, что касалось Адрасте.

— Но работой её нагружают по полной программе, — заметила Портия.

В том, что её замечание было верно, у меня не было причин сомневаться. Например, вчера, когда я относила бумаги Флориана, касавшиеся инвентаризации запасов ка-ла-на производства Рынка Семриса из одного из винных погребов наверх в кабинет Лумы, насколько я знала, единственной на весь дом свободной женщины, которая, по-видимому, исполняла обязанности бухгалтера и управляющего делами холдинга, я столкнулась с Адрасте. Это было в коридоре третьего этажа. Адрасте, голая, стоя на четвереньках, с кандалами на руках и ногах, натирала пол под присмотром охранника. Она бросила на меня полный еле сдерживаемой ярости взгляд. Насколько оскорбительно, должно быть, было для высокомерной Адрасте, найти себя приставленной к столь унижительной рабской работе. Разве это не было бы намного более подходящей задачей для кого-нибудь вроде меня? Тем более что я была ещё и варваркой. И всё же, с какой стати она должна была возражать? Она что, полагала, что всё ещё оставалась свободной женщиной? Так нет, она была рабыней. Я не стала останавливаться, чтобы перекинуться с нею парой слов. Я стояла на ногах, а она на четвереньках. К тому же, сомнительно, чтобы она, явно кипевшая от позора и гнева, была в настроении говорить со мной. С нею было трудно общаться и при более благоприятных условиях. Также, я спешила с поручением, а в коридоре ещё и присутствовал охранник. В общем, я предпочла прошмыгнуть мимо.

— А рабынь здесь выпускают на прогулку в город? — спросила я Портию.

Это было достаточно распространённой практикой в Золотой Цепи, правда, стоит отметить, что зачастую это делалось в целях рекламы и привлечения в заведение новых клиентов.

— Конечно, — кивнула она, — часто.

— А что насчёт Адрасте? — полюбопытствовала я.

— Нет, — ответила Портия. — Адрасте из холдинга не выпускают.

— Подозреваю, — вздохнула я, — что тоже буду заперта в стенах холдинга.

— Не будь в этом слишком уверена, — отмахнулась моя собеседница.

— Пага, пага! — послышались крики из столовой.

— Твой кувшин полон, — напомнила мне Портия.

— Бегу, Господа! — крикнула я и, схватив кувшин обеими руками, поспешила вернуться в обеденный зал.

Глава 37

Я доказываю свою полезность для хозяев

Г

ладкие плиты набережной, одной из великого множества набережных Порт Кара, затерянной где-то в городе, грели стопы моих ног.

Одета я была в короткую серую тунику, выданную в доме Боска. Мою шею по-прежнему окружал ошейник Золотой Цепи.

— Я не понимаю, Господа, — развела я руками.

— Тебе следует ходить по этой набережной, — снова объяснил Флориан, — мимо вон в того входа здание, как будто Ты идёшь с поручением, а затем точно так же возвращаться. Ты будешь делать это, взад-вперёд, снова и снова, пока мы не позовём тебя к нашим ногам или пока Ты сама не посчитаешь мудрым бежать к нам. Что здесь непонятного?

— Да это-то я поняла, — вздохнула я — Но я не понимаю, почему я должна это делать. Какой в этом смысл?

— Ты что, требуешь у рабовладельца объяснений его приказа? — уточнил он.

— Нет, Господин, — поспешила заверить его я. — Простите меня, Господин.

— Ты ведь хотела выйти за пределы холдинга, иметь возможность поглазеть на достопримечательности города, насладиться свежим ветром и солнечным светом, не так ли? — осведомился Мил, коллега Флориана, один из охранников холдинга.

— Да, Господин, — ответила я. — Простите меня, Господин.

Я редко видела Мила, этого коллегу Флориана, в холдинге Боска из Порт-Кара. Правда, иногда у меня возникало ощущение, что прежде я его уже где-то видела, или, возможно, видела не его, а кого-то во многом на него похожего.

В этот момент городской колокол начал отбивать десятый ан, гореанский полдень. Оба они, и Флориан, и Мил, были одеты в уличные одежды, по-видимому, чтобы выглядеть как два товарища, скрашивавших досуг неспешной прогулкой.

— Ты ведь даже не знаешь, где мы находимся, не так ли? — спросил Флориан.

Мимо нас прошел рабочий в униформе арсенала.

— Нет, Господин! — ответила я, вынужденная повысить голос, чтобы перекричать звон колокола, всё равно не уверенная мужчины могли меня услышать.

— Похоже, для Золотой Цепи отбирают самых тупых девок, — буркнул Флориан.

— Я так не думаю, Господин, — позволила я себе не согласиться с ним, да ещё и, мудро это или нет, пытаюсь говорить громче, чтобы он меня услышал.

— От них от всех никакого толку, — добавил он.

— Но некоторые, я слышал, — усмехнулся Мил, — могут стать проблемой.

— Бывает, — пожал плечами Флориан.

В гулком звоне большого колокола было непросто говорить и слышать собеседника.

— Ты уже была здесь прежде, — заявил Флориан.

— Но я не узнаю это место, — удивилась я.

— Чего ещё можно ожидать от девки из Золотой Цепи, — проворчал Флориан, — да ещё от такой глупой.

— Разумеется, — поддержал его Мил.

Точнее, я подумала, что он сказал именно это, поскольку из-за колокольного звона разобрать что-либо было сложно. Конечно, он мог говорить яснее, или повысить голос, или, по крайней мере, дожждаться интервала между ударами.

Откуда мне было знать, где мы были? В конце концов, они привезли меня сюда на лодке в рабском капюшоне, который сняли уже здесь, на набережной. Насколько я могла судить, мне не доводилось бывать здесь прежде. Место было мне совершенно незнакомо. Это могла быть любая из сотен набережных, ограждавших каналы, в любом из множества районов города.

Меня не стали заковывать ни в наручники, ни в кандалы. Мне оставалось только гадать, что они имели в виду, говоря: «пока я не сочту мудрым бежать к ним?».

Мы стояли и ждали, пока не прекратит звонить колокол.

Наконец раздался последний удар, но звон, казалось, продолжал словно эхо звучать в моей памяти, не желая исчезать.

— Если наши данные точны, — сказал Флориан, — до нужного момента осталось совсем немного.

— По-разному бывает, — пожал плечами Мил. — Иногда вообще ничего не происходит.

— Если будет необходимо, — насупился Флориан, — мы вернёмся сюда завтра, и послезавтра, и так день за днём.

— Господа? — напомнила я о своём присутствии.

— Начинай ходить, — буркнул Флориан.

И я зашагала по указанному мне маршруту, сначала вперёд, потом назад, и так несколько раз. Вскоре мне это надоело и, я с радостью бы услышала известие об окончании этой не слишком обременительной, но скучной и совершенно бессмысленной задачи, но две мужчин, стоявших неподалёку, казалось, про меня позабыли. Только иногда они уделяли мне толику внимания. Порой, проходя мимо них, мне приходилось сопротивляться искушению обратиться к ним. Я

чувствовала, что с моей стороны это было бы крайне неблагоприятным поступком. Поначалу я шагала достаточно энергично, но постепенно, по мере того, как накапливалась усталость, мой темп начал замедляться. Даже высокая кайила или крепкий верховой тарларион не могут скакать без усталости неопределённо долго.

— Не видела ли я тебя здесь раньше? — спросила свободная женщина.

— Я уверена, что нет, благородная прекрасная Госпожа, — ответила я, опустившись перед ней на колени.

— Возможно, Ты права, — пробормотала она, отвернувшись и продолжила свой путь.

Со вздохом облегчения я поднялась на ноги и вернулась к исполнению порученной мне задачи.

Я была рада, что носила неприметную серую тунику. Будь я в нарядной тунике Золотой Цепи, и, думаю, это задело бы её любопытство, и она могла захотеть изучить вопрос глубже. Кейджеры редко заинтересованы в том, чтобы привлекать к себе внимание свободных женщин. Хлыст — штука крайне болезненная.

Что мне показалось странным, так это отсутствие здесь оживлённого движения. Возможно, это имело отношение ко времени суток и к данному конкретному району. Известно, что время пика движения в разных районах может меняться в зависимости от деловой активности и интересов места действия, например, с окончанием смены в большом арсенале, доставкой товаров на рынки, прибытием и отходом кораблей, что в свою очередь связано с приливами и отливами, и так далее. С другой стороны, сам этот район, конечно, мог быть не слишком густонаселённым, хотя я видела несколько трёх и даже четырёхэтажных жилых зданий с общей стеной, что было типичным для Порт-Кара. Фактически, из-за назначенного мне маршрута, я вынуждена была регулярно приходить мимо порталов, одного из этих зданий. Среди них был и тот самый «вход», на который указал Флориан. В Порт-Каре, кстати, немало таких зданий, стены которых выходили прямо в канал, без каких-либо набережных, и попасть в них можно было только по воде. У таких домов обычно имеется узкая пристань со швартовными кнехтами, но встречаются и такие, около которых прямо из канала торчат один или два вертикальных, раскрашенных, толстых, металлических столба, к которым можно привязать лодку. Человек, фактически, из лодки попадает прямо в дом. Иногда к одному столбу может быть привязано несколько лодок. У некоторых зданий, особенно у крупных холдингов, имеются большие ворота, ведущие за стену, во внутреннюю гавань с причалом, как это имело место в холдинге Боска из Порт-Кара. Я не видела в Порт-Каре ни одной инсулы, но не исключала, что они могли быть где-то в тех районах города, в которых мне не доводилось бывать. Инсулы, по сути, это большие, часто в семь или восемь этажей, доходные дома,

разделённые на крошечные, с низкими потолками, узкие, часто без освещения, комнаты, сдаваемые в аренду.

Мимо меня прошёл торговец, толкавший двухколесную тележку, наполненную рулонами каких-то тканей. Позже, мне повстречался писец, неторопливо шагавший по набережной с комплектом его писчих принадлежностей на ремне через плечо и нараспев скрипучим голосом, зазывал всех желающих что-нибудь прочитать или написать.

В очередной раз, уже давно сбившись со счёта в который, я миновала портал, дошла до конца набережной, развернулась и снова пошла обратно в ту сторону, где бездельничали Флориан и Мил. Они даже не смотрели в мою сторону. Вот что б им самим не погулять по набережной, с раздражением думала я, проходя мимо портала, а я бы тем временем постояла там или присела в тенёчке, прислонившись спиной к стене. Уверена, проводить время, ничего не делая как они, у меня получилось бы не хуже.

На мгновение я остановилась, окинув канал и набережные настороженным взглядом.

Конечно, это был не самый оживлённый район, по крайней мере, не в это время суток, но при этом он не выглядел заброшенным, пустынным или опасным. У меня это место навевало ассоциации со щёголем, немного потасканным и постаревшим, но всё ещё не забывшем о своих лучших временах. На мой взгляд, если бы кому-то нужно было место, где можно было бы удобно устроиться, оставаясь относительно незаметным, ему трудно было бы сделать лучший выбор. Само нахождение здесь, вероятно, не предполагало значимого и выдающегося статуса и богатства, и, следовательно, вмешательства и пристального внимания любопытных, подозрительных и, возможно, враждебно настроенных соседей. Я предположила, что здесь можно было легко затеряться. И кто же, в таком случае, спросила я себя, наиболее вероятно, может быть заинтересован в таком месте жительства? И почему, задалась я вопросом, мне приказали находиться здесь, делая то, что я делала? Внезапно мне стало очень страшно.

— А ну стой, рабыня! — внезапно услышала резкий, повелительный женский голос.

Конечно, это был голос свободной женщины! Какая рабыня посмела бы говорить подобным образом?

— Стоять! — крикнула она.

Я узнала этот голос! Я не могла его не узнать!

Скачать, что я была напугана, это не сказать ничего!

— Стой! Не двигайся! — требовала она.

Мгновение я, действительно, не могла сдвинуться с места, парализованная страхом. Это был голос именно той женщины, которая без всякой жалости

подвергла меня пытке обжигающей огнём туникой, которая травила меня удушливыми, резко пахнущими испарениями, которая хотела, чтобы меня сбросили от стены дельты на съедение тарларионам, а потом пыталась купить меня на Малом Рынке Аль-Ка, несомненно, чтобы довести до логичного завершения своё убийственное намерение, разрушенное Аддисоном Стилом, отказавшимся «без пользы терять рабыню».

Наконец, преодолев первый ступор, я сорвалась с места в безумной, отчаянной попытке убежать, оказаться как можно дальше от женщины, известной мне как Дорна из Тарны. У меня не было никакого желания, быть сброшенной с парапета стены дельты в жадные челюсти с нетерпением ожидающих угощения тарларионов.

— А ну остановись! — вопила мне в след Леди Дорна.

У меня не должно было возникнуть сложности с тем, чтобы убежать от Дорны, обременённой тяжёлыми, широкими, декорированными одеждами сокрытия. Такие предметы одежды являются свидетельством важности, достоинства, статуса, чести и хвастовства. Также, они могут заинтриговать любопытного, оценивающего мужчину, заставить его размышлять о чудесах и сокровищах, которые под ними могут скрываться. Но в такой одежде нечего и мечтать о какой-то свободе передвижения, например, в случаях, когда было бы желательно как можно быстрее оторваться от преследования. По тавернам, там, где шансы встретить хотя бы одну свободную женщину стремятся к нулю, даже ходит довольно грубоватая шутка о том, что назначение одежд сокрытия состоит в том, чтобы не столько задеть мужское любопытство, сколько чтобы их носительницу было легче изловить. Не знаю, насколько велика в этой шутке доля истины, но если она есть, возникает интересный скрытый параллелизм между укрывательством свободной женщины и открытостью рабыни.

— Беглая рабыня! — вдруг выкрикнула Дорна. — Беглая рабыня! Рабыня сбежала! Остановите её! Держите её!

Я как раз пробежала мимо Флориана и Мила, когда первый резко шагнул вперёд, преградил мне дорогу и схватил меня. Я беспомощно задёргалась в его руках. При моих размерах, силе и весе, столь незначительных по сравнению с его, мои попытки вырваться из его захвата были абсолютно бесполезным занятием.

— Отпустите меня, Господин! — зарыдала я. — Вы не понимаете! Она хочет убить меня!

Но он, продолжая удерживать в руках, повернул меня лицом к ней. Я почувствовала себя совершенно несчастной, когда увидела спешащую к нам Дорну.

— Отпустите меня! — взмолилась я. — Защитите меня! Пожалуйста! Она хочет меня убить!

— Помалкивай, — прошипел мне на ухо Флориан.

— Благодарю вас, благородные господа, — тяжело дыша, поблагодарила женщина.

Её уличная вуаль, то прилипала ко рту, то надувалась парусом, реагируя на её дыхание.

— Безнравственная Мира, — обругала меня она. — Как Ты посмела исчезнуть на целых два дня. Я так из-за тебя переволновалась. Ах Ты, негодница! Боюсь, что за твои выходы я вынуждена буду дать тебе пять ударов хлыстом.

— Маловато как-то, — заметил Флориан. — Серьезная порка, потом тугие цепи и на хлеб и воду на пять дней, было бы в самый раз.

— Боюсь, что я слишком добрая и снисходительная хозяйка, — вздохнула Дорна.

— Я так понимаю, это — ваша рабыня? — уточнил Мил.

— Вы что, благородные джентльмены, не умеете читать? — спросила Дорна.

— Нет, — ответил Флориан.

— Уж не приняли ли Вы нас за писцов? — осведомился Мил, с видом оскорблённого достоинства.

— Нет, нет, что Вы, — поспешила заверить его Дорна, — простите меня.

Вероятно, стоит упомянуть, чтобы этот обмен был понятнее, что среди гореан немало неграмотных, особенно среди низших каст, а также, что интересно, в алой касте, касте Воинов, являющейся одной из высших. Действительно, кто осмелился бы отказать Воинам, быть в числе высших каст? Это также помогло бы понять, что, в отличие от моей прежней планеты, неумение читать и писать не рассматривается в качестве особенно прискорбного или постыдного недостатка. Никто ведь не ожидает, что кузнец, всю жизнь работавший с металлами, будет квалифицирован в кулинарии, а повар будет владеть ремеслом обработки металла. И точно так же, почему мы должны ожидать, что пекари и кузнецы, будут обладать знаниями или владеть мастерством чтения и письма, являющихся прерогативой касты Писцов? В действительности, представители некоторых каст смотрят на писцов скорее свысока. Что писцы могут знать о приготовлении пищи или о работе с металлом? Фактически, некоторые гореане, умеющие читать, особенно среди Воинов, симулируют неграмотность, считая это смущающим или даже непристойным для членов их касты.

— Взгляните на ошейник! — воскликнула Дорна. — Там написано: «Я — Мира, собственность Дорны из Тарны».

— Нет, там написано не это! — забилась я в руках Флориана.

— Может, Ты умеешь читать? — спросил Мил.

— Нет, — сникла я.

— Тогда, откуда Ты можешь знать, что там написано? — поинтересовался он.

— Тебе не позволено говорить неправду, Мира, — с укоризной сказала Дорна. — За это я буду вынуждена добавить один дополнительный удар хлыстом к твоему наказанию.

— Я не Мира! — крикнула я.

— А ну замолкни, Мира! — рявкнул Флориан, встряхнув меня руками.

Моя голова мотнулась так, что я испугалась, что у меня сломается шея. Я снова безвольно обвисла в его руках, беспомощная, испуганная, лишившаяся надежды. Мои глаза заполнили слёзы.

— Пожалуйста, придержите её для меня, благородные джентльмены, — попросила Леди Дорна. — Я отлучусь на мгновение за мужчинами, чтобы забрать её из ваших рук.

— Вообще-то у нас дела, — буркнул Флориан.

— Это займёт всего лишь мгновение, — сказала Дорна.

— Ничего страшного, — успокоил её Флориан. — Мы передадим её стражникам, а Вы можете требовать её позже.

— Нет, нет! — отшатнулась она.

— Надеюсь, Вы не боитесь, что мы её присвоим? — осведомился Флориан. — Кто мог бы захотеть столь невзрачную и жалкую рабыню?

На мой взгляд, последнее замечание Флориана было излишним или, по крайней мере, оно было далеко от истины.

— Сначала нас принимают за писцов, а теперь за воров, — проворчал Мил, осуждающе и с очевидной обидой.

— Нет, нет, что Вы! — воскликнула Леди Дорна.

— Я уверен, что поблизости найдётся лодка городской стражи, — заметил Флориан. — Если я не ошибаюсь, я видел одну неподалёку по пути сюда.

— Восточнее, — подсказал Мил.

— Точно, — кивнул Флориан.

Лично я не помнила, чтобы за время моей вынужденной прогулки мне на глаза попадалась такая лодка. К тому же, стражники обычно, там, где это возможно с практической точки зрения, как, например, на этом канале, находятся в движении.

— Пожалуйста, подержите её и подождите, — снова попросила Дорна. — Я смогу вернуться почти немедленно.

— У нас есть свои дела, которые не могут быть отложены, — заявил Флориан.

— Подождите! — вдруг обрадованно воскликнул Мил. — Как удачно! Прямо сюда приближается лодка стражи.

— Ну вот и замечательно, — поддержал его Флориан.

— Теперь мы сможем легко уладить этот вопрос, просто и без проблем, — улыбнулся Мил.

— Возможно, у них найдётся хотя бы один грамотный стражник, — сказал Флориан и, отпустив на мгновение мои руки, схватил меня за волосы левой рукой и согнул меня в поясе, опустив мою голову к своему бедру.

Я была поставлена в распространённое на Горе вedomое положение. В таком положении малейшее сопротивление или упорство со стороны рабыни, или даже неумышленная попытка отклониться от идеальной покорности, могут стать причиной мучительной боли. Рабыне остаётся только постараться максимально приспособиться, чтобы реагировать на малейшие изменения в захвате держащей её руки, на самые минимальные прихоти, капризы и желания ведущего её мужчины. Также, в таком положении девушка не только уязвима и беспомощна, но и смущена и унижена, что может только позабавить свободного, и хорошо напоминает ей самой о её рабстве.

Мил поднял руку и, помахав, подзвал лодку со стражниками к краю канала.

— Закончим с опознанием, — сказал Флориан, — и я уверен, что как минимум один из стражников с радостью доставит рабыню к вашему месту жительства.

— Думаю, мне пора, — вдруг заторопилась Дорна.

— Стражники часто перегружены обязанностями, и обычно они не особенно довольны, когда их отвлекают ненужными, пусть и необременительными просьбами, — пояснил Флориан. — Но, насколько я понимаю, иногда они к подобным делам относятся с пониманием, особенно если речь идёт о некой, справедливой компенсации.

— Я поняла, — донёсся краткий ответ откуда-то из-под вуали Дорны, предлагавший заинтересованность и обдумывание.

Лодка подплыла и мягко ткнулась в берег канала.

— Чем мы можем быть полезными? — услышала я недовольный голос.

— Найдётся ли среди вас кто-нибудь, умеющий читать? — осведомился Флориан.

— Публион, — ответил кто-то, очевидно, старший из стражников.

— Благородные гвардейцы, — обратилась к вновь прибывшим Дорна, — эти два благородных джентльмена оказали мне большую услугу. С их стороны было очень любезно поймать мою сбежавшую рабыню, Миру. Я — Леди Дорна из Тарны. Я надеюсь, мне не нужно будет удостоверять свою личность?

— Ваши одежды свидетельствуют о вашей свободе, — отозвался мужчина из лодки, — было бы оскорбительно и невоспитанно подвергать сомнению слова свободной женщины.

— Ошейник моей рабыни указывает на её принадлежность мне, — заявила Дорна.

— Там написано: «Я — Мира, собственность Дорны из Тарны».

— Уверен, всё так и есть, — кивнул стражник.

— Мне будет нужен мужчина, чтобы отвести её к моему дому, — объяснила Дорна.

— Понятно, — сказал старший стражник.

— Это по соседству, — добавила Дорна.

— Хорошо, — откликнулся он. — Но сначала мы должны проверить ошейник.

— Это так необходимо? — уточнила Дорна.

— Простая формальность, — заверил её мужчина.

— Я — свободная женщина, — напомнила Дорна.

— Тем не менее, — сказал её оппонент. — Установленный порядок в такой ситуации требует некоторого подтверждения, хотя бы минимального. Пожалуйста, не сердитесь на нас.

Флориан подвёл меня, согнутую в поясе, цепляющуюся руками за его запястье, к краю канала. Двое стражников уже вышли на берег и ждали.

Внезапно я узнала одного из тех мужчин, что оставались в лодке. Как-то раз я подавала ему пагу, но не в Золотой Цепи, а в доме Боска!

— Публион, это — Ты? — уточнил Флориан у одного из тех парней, что уже стояли на набережной, того, что был ближе к нему.

— Я, — кивнул тот.

— У нас тут беглая девка, — сообщил Флориан, а потом, указав на Леди Дорну, добавил: — А вот она утверждает, что является её хозяйкой. Будь добр, прочитай, что на ошейнике написано и проследи, чтобы она была возвращена к надлежащим цепям.

— Конечно, — с готовностью откликнулся Публион.

— Вероятно, вам следовало бы держать её в кандалах, а на улицу выводить только на поводке, — посоветовал Мил Леди Дорне.

— Превосходное предложение, — согласилась Леди Дорна, но в голосе её слышалась тревога.

Затем Флориан потянул левую руку вверх так, что не только поднял и выправил моё тело, но и вынудил меня встать на кончики пальцев ног, чтобы ослабить жуткую боль в коже головы.

— Запрокинь голову, — потребовал он, — и скрести запястья за спиной.

В таком положении легче читать надпись на ошейнике девушки.

Публион вышел вперед.

— Подождите, — вмешалась Леди Дорна, — я думаю, что мы могли бы обойтись без формальностей.

— Леди? — удивлённо посмотрел на неё второй из вышедших из лодки на набережную охранников, выглядевший старшим из них.

— Я дала вам своё слово, что она принадлежит мне, — сказала Леди Дорна. — Возможно, мы могли бы опустить определённые несущественные детали этого вопроса...

— Леди? — взгляд мужчины стал выжидающим.

— ... за небольшое вознаграждение, — продолжила она.

— Вы пытаетесь подкупить гвардейцев Порт-Кара? — нахмурился бородатой мужчина в лодке, шлем которого был отмечен серебряной полосой.

— Нет, нет, что Вы, офицер, — тут же сдала назад Леди Дорна. — Я лишь имела в виду небольшую премию, чтобы выразить мою признательность.

— Это другое дело, — хмыкнул мужчина.

— Я подумала, что это могло бы быть..., — заговорила Леди Дорна и многозначительно замолчала.

— Подойдите ближе, — подозвал её офицер, а когда женщина приблизилась к краю набережной, негромко спросил: — Сколько?

— Бит-тарска хватит? — поинтересовалась Леди Дорна.

— Это несерьёзно, — возмутился офицер.

Флориан, между тем, вернул меня в вedomое положение. Я не думаю, что Леди Дорна понимала это, но Мил сместился и теперь стоял у неё за спиной.

— Два, — потребовал офицер, показав два пальца.

— Очень хорошо, — облегчённо вздохнула Леди Дорна.

— Два тарска серебром, — добавил офицер.

— Но это же абсурд, — возмутилась женщина. — Это — намного больше, чем эта рабыня стоит.

— Два серебряных тарска, — офицер был непреклонен.

— Ну ладно, — раздражённо процедила Леди Дорна, в ярости схватив свой кошелёк, висевший у её бедра.

По-видимому, Леди Дорна теперь носила с собой монеты в количестве как минимум двух серебряных тарсков. Я помнила, что ранее на Малом Рынке Аль-ка, когда она хотела купить меня, у неё не оказалось средств, чтобы реализовать своё намерение. Похоже, она учла прошлую неудачу и постаралась сделать так, чтобы то осложнение больше повторилось. В настоящий момент она, казалось, была снабжена значительными ресурсами.

— Передайте их мне, — потребовал офицер, — по одной монете в ладони каждой руки.

— Не беспокойтесь, — проворчала Леди Дорна. — Их две.

Мужчина, стоявший в лодке, поднял руки, а она наклонилась, протянув свои руки, чтобы вручить ему монеты.

Однако вместо того, чтобы взять монеты, офицер схватил её запястья.

— Возьми монеты, — велел он своему подчинённому, который забрал оба серебряных кругляша с её ладоней.

— Теперь Вы можете отпустить мои руки, — съязвила она.

— А Ты обратил внимание, какие миниатюрные, мягкие у неё ладони? — спросил офицер у своего подчинённого, рассматривая удерживаемые им руки женщины.

— Такие ладони хорошо смотрятся в наду, — прокомментировал его подчинённый, — когда нагая рабыня осмеливается прижимать руки тыльной стороной к своим расставленным бёдрам, безмолвно умоляя хозяина использовать её для своего удовольствия.

Обычно, в позе наду руки рабыни лежат на бёдрах ладонями вниз. Рабыню могут даже избить за то, что она посмеет просить об использовании таким способом, выставив напоказ перед господином деликатную нежность своих ладоней. Даже столь невинный сигнал, как завязывание девушкой узла неволи в её волосах, может стать причиной для наказания. Среди рабовладельцев хватает таких, кому не нравится такое явное, жалобное поведение, такая нахальная смелость, кого приводят в негодование попытки рабынь обратиться к ним, чтобы умолять об удовлетворении их потребностей. Кого волнуют потребности рабыни? Интересно, знают ли эти монстры, эти животные, что они с нами сделали? Ведь это именно они, возможно, к своему развлечению, проследили за тем, чтобы разгорелись наши рабские огни, это они превратили нас в беспомощных пленниц наших собственных потребностей. Понимают ли они, каково это, носить ошейник? Понимают ли они наши мучения, их глубину и безотлагательность, их ярость, жар и широту? И до какой степени это помещает нас к их ногам! Разве они не понимают, что именно наши потребности являются самыми сильными из тех уз, что держат нас в неволе, суровее грубых верёвок, прочнее тяжёлых цепей?

— Отпустите мои запястья, — раздражённо потребовала Леди Дорна.

Едва она успела это договорить, как помощник офицера схватил её вуаль, скомкал и затолкнул глубоко в её рот, а затем закрепил импровизированный кляп узлом на сзади на шее женщины. Офицер по-прежнему крепко удерживал запястья Леди Дорны, не давая ей помешать действиям стражника. Её глаза, поражённые и дикие, казалось, были готовы выпасть из глазниц. Мгновение, и Мил, стоявший за её спиной, натянул ей на голову рабский капюшон, затянул ремень на шее женщины и застегнул пряжку. Тем временем помощник офицера защёлкнул на её удерживаемых запястьях рабские браслеты, после чего его начальник рывком сбросил Леди Дорну на дно лодки, перевернув её на живот. Стражник тут поставил ногу ей на спину, удерживая женщину на месте.

— Думаю, что нам пора, — сказал офицер.

Двое его подчинённых тут же спрыгнули с набережной, занимая места в лодке. Мил последовал за ними. Флориан, окинув берега канала быстрым взглядом, выпустил мои волосы. Мгновение я стояла лицом к лодке, а затем почувствовала обутую в сандалию ногу Флориана на своих ягодицах, энергичный толчок, и я, стимулированная таким грубым способом, наполовину спрыгнула, наполовину упала в лодку. Флориан последовал за мной и, едва его ноги коснулись дна, лодка отвалила от берега.

Глава 38

Лишение свободы Дорны Гордой

— Э

то вскоре начнётся, — сообщил мне Флориан. — Я думаю, что тебе будет небезынтересно понаблюдать.

Что-то в его голосе или в выражении лица заставило меня почувствовать беспокойство.

Кроме того, мне была поручена работа в прачечной, доложить об окончании которой я должна была не позднее чем через ан. Никакого желания опаздывать и попадать под хлыст нашей первой девки у меня не было.

— Я так не думаю, Господин, — осторожно сказала я. — Я прошу меня извинить.

— Леша! — бросил он отрывистую команду.

Автоматически, мгновенно, не задумываясь, на одних рефлексах, я выпрямилась, отвела от него взгляд, подняла голову и скрестила запястья за спиной. Я сначала сделала всё это, и только мгновение спустя осознала, что это было сделано. Я отреагировала на команду без сомнений и промедлений. Нас так выдрессировали. Рабские браслеты клацнули, сомкнувшись на моих запястьях, закрепив их сзади. Спустя ещё мгновение ошейник поводка окружил мою шею и был скреплён пряжкой.

— Ты полагаешь, у тебя есть выбор? — осведомился мужчина. — Может, Ты думаешь, что Ты — свободная женщина?

— Нет, Господин, — поспешила заверить его я.

— Ты — домашнее животное, — напомнил мне он, — бесполезное и бестолковое, товар, вещь, собственность, не больше, чем рабское мясо, пригодное только для ошейника.

— Да, Господин! — вынуждена была согласиться я.

— Кто Ты? — спросил Флориан.

— Ла кейджера! Ла кейджера! — ответила я. — Я — рабыня! Я — рабская девка!

— Может быть, что-нибудь ещё? — уточнил он.

— Нет, Господин! — отозвалась я. — Только это! Только это!

— Вот и не забывай об этом, — посоветовал Флориан.

— Не забуду, Господин, — заверила его я.

— Возможно, плеть могла бы помочь твоей памяти, — предположил он.

— Пожалуйста, не нужно плети, Господин, — взмолилась я.

Затем он вышел из-за моей спины и, встав передо мной, взял поводок и, медленно намотав его на руку, подтянул мою голову почти вплотную к себе так, что я почувствовала его дыхание на своих губах. Я скривила рот в «губы рабыни» и попыталась потянуться вперёд, но это он остановил меня, не позволив мне завершить начатое. Мои губы были всего лишь в дюйме от его, но я, удерживаемая на месте, не могла преодолеть это небольшое расстояние.

— Нет, — покачал головой Флориан. — Тебя хочет другой. Вот только я не могу понять почему.

Стоя так близко к нему, с руками скованными за спиной, одетая в такую тонкую и короткую тунику, я чувствовала себя ужасно взволнованной.

— Ты готова умиротворить меня, не так ли? — спросил он.

— Да, Господин, — признала я.

— А в Золотой Цепи, — продолжил Флориан, — если бы я заплатил монету, Ты хорошо бы ублажила меня, не правда ли?

— Я — кейджера, — прошептала я. — Я должна. У меня не было бы никакого иного выбора.

— И Ты делала бы это в меру своих способности, и наслаждалась бы этим, не так ли? — уточнил он.

— Да, — подтвердила я, — да, Господин.

— И при этом Ты беспомощно просила бы о большем, и хотела бы большего, — сердито подытожил он.

— Да, Господин, — не стала отрицать я.

— Рабыня, — зло процедил Флориан.

— Я та, кто я есть, — напомнила я ему, — и это — то, чем я хочу быть.

— И что, все рабыни в Золотой Цепи такие же как Ты? — полюбопытствовал он.

— Да, Господин, — заверила его я. — Мы — рабыни.

Флориан поднял руку, и я съёжилась в ожидании пощёчины, но, к моему облегчению, он, явно обуздав своё раздражение, опустил руку, ослабил поводок, повернулся и зашагал вперёд по коридору. Я поспешила за ним, следуя за натяжением поводка.

Почему, не могла я понять, его так беспокоили девушки Золотой Цепи?

— Господин, — позвала я. — Вы сказали, что меня хотел кто-то другой. Вы ведь знаете, насколько уязвима и беспомощна рабыня! Неужели Вы не скажете, кто хочет меня?

— Любопытство не подобает кейджере, — буркнул он, даже не замедлив шаг.

— Господин, — снова позвала я. — Куда Вы меня ведёте?

Мужчина резко остановился, так что я чуть не налетела на его спину, и обернулся, сердито сверкнув глазами.

— Простите меня, Господин, — испуганно пролепетала я, опуская голову. — Любопытство кейджере не подобает.

И он продолжил свой путь, а я засемила следом.

Вскоре после этого мы свернули из коридора, и начали спускаться вниз по крутой, плохо освещённой, узкой лестнице. Мужчина замедлил свой темп, по-видимому, чтобы я не оступилась. В таинственных, непривлекательных, лабиринтообразных подземельях, расположенных под холдингом, я нигде кроме винных погребов не бывала и мало что о них знала. Это было не то место, которое привлекает или поощряет желание его исследовать.

Это было на четвёртый день после того, как мужчины из дома Боска похитили ту, кого я знала, как Леди Дорну из Тарны, коллегу ужасного Па-Кура, занимавшего высокое положение среди Ассасинов.

Для меня стало большим сюрпризом обнаружить, когда капюшон и вуаль с той, кого я считала Леди Дорной из Тарны, были отброшены, а её великолепные одежды стянуты на плечи, что красота её прекрасной шеи была подчёркнута и усилена запертым, плотно облегающим кольцом неволи. Дорна носила ошейник!

Я думаю, что было бы полезно, и даже желательно, в этом месте, прервать мой рассказ и прояснить определённые детали, исторические и иные, в свете которых можно было бы лучше понять последующие события. Они в частности касаются истории, шпионских игр и бездействия.

Во-первых, я хотела бы упомянуть о городе Тарна, в котором когда-то процветала гениократия. Традиции и образование, культура и законы, по-видимому, впитываемые с самой колыбели, всё было направлено на то, чтобы феминизировать мужчин, заставить их бояться своей природы, предавать свою кровь, подозревать и стыдиться своих самых естественных интересов и желаний, порывов и убеждений. Это была пародия на биологию, показушный, разбитый мир без любви и счастья. Подавление импульсов и желаний вело к лицемерию и агрессии, нетерпению и жестокости, и, в конечном счёте, к конфликту. Но и женщины тоже были жертвами, ибо они также были оторваны от своей собственной природы. Их приучали быть теми, кем они не были. Им приказывали радоваться их собственному страданию, видеть богатство в собственном самоотречении и бедности. На публике женщины носили маски, предположительно, чтобы изображать однородность, удовлетворенность, спокойствие, отстранённость и красоту. Единообразие поощрялось, различие и индивидуализм отрицалось. Все должны были быть похожими, не выделяющимися из общей массы и прекрасными. И кто посмел бы заглянуть, что прячется позади маски? Маски в Тарне были серебряными, за исключением одной, маски Татрикс, которая была золотой. Дорна, известная так же, как Дорна Гордая, была самой высокопоставленной среди «Серебряных Масок» Тарны, но

при этом она жаждала заполучить Золотую Маску, которую носила Лара, Татрикс Тарны. Как мог бы предположить, что под слоем бесчувственного, несчастного, стерильного спокойствия Тарны кипело недовольство? В результате некоторого стечения исторических обстоятельств, которые не имеют прямого отношения к данному повествованию, неожиданно, словно буря или пожар, вспыхнуло восстание, которое привело к радикальному преобразованию общественного устройства Тарны. Маски были сорваны, переплавлены и запрещены. На сегодня в Тарне есть только одна свободная женщина, Лара, её Татрикс. Логично предположить, что во время восстания, некоторые из «Серебряных Масок», не схваченные и не оказавшиеся в законных ошейниках, бежали из города, но, по-видимому, оставшись без защиты и покровительства, лишь затем, чтобы вскоре оказаться в цепях других регионов. Одной из них, я полагаю, была и Дорна Гордая. Теперь она являлась рабыней Па-Кура, высокопоставленного Ассасина. Я не знала, как она оказалась в его собственности, где и как он мог захватить или купить её. Но теперь, и это очевидно, именно его ошейник она носила на своей шее. Я не сомневалась, что он, как говорят гореане, «нашёл её формы достойными интереса», но я подозревала, что её ценность для него выходила далеко за рамки её отчаянных попыток угодить ему на мехтах. Такие как она, красивые, блестящие и беспринципные, лучше всего подходили для тайных схем и подлых планов. А она, к тому же, была ещё и находчива и по-своему талантлива. Например, она могла легко принять личину свободной женщины, с самоуверенностью недоступной большинству рабынь, были ли они ранее свободны или нет. Рабыни были бы просто в ужасе, чтобы сделать это. Что до меня, то я не только побоялась бы выдать себя за свободную женщину, но у меня просто ничего бы не получилось, даже если бы я сильно захотела, по крайней мере, без посторонней помощи. Я слабо себе представляла, как надевать и носить одежды, как правильно закреплять вуали, не говоря уже о таинственных крючках и застёжках, которыми каким-то образом следовало крепить и обеспечивать часто роскошные ансамбли гореанской свободной женщины. В некоторых, более крайних случаях, свободная женщина даже не может сама одеться без помощи квалифицированной рабыни-служанки, специализирующейся на рабстве у свободной женщины. Такие рабыни, кстати, имеют тенденцию быть дорогостоящими.

Во-вторых, в контексте этих замечаний, я думаю, что будет полезно сделать небольшую ссылку на шпионские игры. Шпионаж — понятие древнее, вероятно, появившиеся даже до появления человека разумного. Какой хищник упустит возможность изучить привычки и места сбора своей добычи? Разве остроглазые, едва начинающие подниматься на задние лапы существа не могли, задолго до того, как начали превращаться в людей, тайно наблюдать друг за другом, отмечая

прибытия и убытия, передвижения, количество, оружие и обороноспособность? Разве не мог приятного вида зверь, симулируя дружелюбие, иметь в виду больше чем торговля раковинами и когтями? На Горе, насколько я знала, не было никаких скрытых камер, никаких электронных подслушивающих устройств, никаких разведывательных спутников или чего-то в этом роде, но, как и в древние времена, шпионские игры, своим тихим способом, был всепроникающими и необузданными. У фараонов и императоров, королей и калифов, были свои секретные службы, свои сети шпионов и осведомителей. Знание зачастую драгоценнее золота, информация ценнее драгоценностей. Кто желает тебе хорошего, а кто плохого? Каковы параметры времени и пространства? Как быстро войска могут быть перемещены, и на какое расстояние? Где в пустыне находятся источники воды? Когда, учитывая лёд и ветра, можно преодолеть горные перевалы? Нужно нападать или занимать оборону, наступать или отступить? Темнота опасна, и каждый старается купить свет. Гамбиты шпионских игр — многочисленны и стары как мир. Среди них, часто остающиеся незамеченными окружающими, демонстративные диверсии и ложные следы, расчетливый обман и посе́вы лжи. Указатели могут быть повёрнуты или переставлены, карты могут лгать. Доверие обману может стоить пролитой крови и ужасных бедствий. Роль шпиона или осведомителя, вольного или невольного, не всегда ограничивается добыванием информации, она может простира́ться также и на распространение дезинформации.

И наконец, в-третьих, стоит поговорить о бездействии, по-видимому, в данном случае, являющимся результатом неуместного удовлетворения или самодовольства. Я думаю, что уже упоминала ранее, что таинственный Боск из Порт-Кара, высокопоставленный член Совета Капитанов, в доме которого я теперь носила свой ошейник, в данный момент холдинге отсутствовал. По-видимому, он был где-то в море, причём находился там в течение некоторого времени. Я не знала причин его отсутствия, характера его путешествия. Я слышала несколько догадок, но это только убедило меня, что в действительности никто не знал об этом больше меня. Кроме того, я не хотела совать нос в эти дела. Хватало уже некоторых моих ранних расспросов, главным образом имевших отношение к другим вопросам, из-за которых, я боялась, что меня могли принять за шпионку. Конечно, я не была бы первой рабыней, которую пытались внедрить в чьё-то хозяйство, чтобы получить информацию о нём. У меня не было никаких заблуждений относительно того, что могло бы и что не могло бы пододбать кейджере. Одним из предположений было то, что Боск из Порт-Кара отправился в Брунди́зиум по торговым делам, имеющим отношение к янтарю. Другим было то, что его курс лежал в Торвальдсленд, на север, для покупки мехов. Другие догадки касались ревизии запасов арсенала в больших северных лесах, налаживания

торговых отношений со Скьерном, и даже составления карт береговой линии и глубин к югу от Кассау. Также одни предполагали, что он мог отправиться «на рыбалку», как здесь завуалированно называли пиратский рейд, поиск в море чужих кораблей с целью их захвата и ограбления. Другие высказывали версии, что в его планы входил набег и разорение городов на Самых Дальних Островах, лежащих где-то к западу от Коса и Тироса. Судя по этим предположениям, к хозяина холдинга была устрашающая репутация. Разумеется, я не могла знать его настоящего характера. В некоторых мужчинах, если можно так выразиться живёт много мужчин. Лично я его пока ни разу не видела, по крайней мере, я об этом не знала. Его люди отзывались о нём высоко, а иногда в их голосах слышалось благоговение и страх. «Дорна», его корабль, что интересно, покинул город через морские ворота арсенала несколько дней назад, незадолго до того, как меня перевели в его холдинг. Конечно, мне трудно судить, что было бы, и как закончилось бы то, что произошло вскоре, если бы Боск из Порт-Кара, владелец этого холдинга, был бы здесь. Что, если бы он присутствовал во время этих событий? Сложилось бы всё по-другому? Кто может сказать? Некоторые мужчины глубже других вникают в окружающую обстановку. Некоторые осторожнее, подозрительнее, чем другие. Некоторые усерднее других сосредотачиваются и готовятся. А ещё некоторые мужчины более внимательны, чем другие, к шелесту листьев, треску ветки под ногой, к неожиданно взлетевшей из травы птице, к крику болотного кайта или к исчезновению чаек Воска. Что мог бы предвещать незнакомый запах или след? Когда невидимая рука бросит игральные кости, кто первым прочитает их? Все люди разные. Как следует вести себя, когда вспыхивает огонь, когда дрожит земля, когда появляется хищник? Все мужчины разные. Возможно, те события, что произошли вскоре, могли бы пойти по другому сценарию, присутствуй Боск в Порт-Каре. Я не знаю. Да и кто мог бы это знать? Как бы то ни было, он отсутствовал.

Как я уже упомянула, для меня было большим сюрпризом обнаружить, что та, которую я считала Леди Дорной из Тарны, когда с неё были сдёрнуты капюшон и вуаль, а одежды стянуты с плеч, носила ошейник. Она, стоя среди мужчин и яростно сверкая глазами, не теряя времени, вернула на место свои одежды, прикрыв ими горло, снова накинула капюшон и закрепила вуаль.

— Отпустите меня, немедленно верните меня в мой дом, — потребовала она. — Вы что, не знаете, кто я такая? Я — Дорна, Дорна Гордая, первая из Серебряных Масок Тарны! Вы будете заживо зажарены на вертеле, вашу плоть скормят слинам! Вас бросят в кусты-пиявки! Вы будете пищей для тарларионов, вас обмажут мёдом и бросят в клетку к голодным уртам!

— Уведите её в камеру, — приказал Флориан.

Я была одной из трёх рабынь, которым поручили сопроводить пленницу.

Камера Дорны оказалась довольно удобным, если не сказать просторным, хорошо освещённым и проветриваемым помещением на пятом этаже холдинга. Она даже была снабжена определёнными удобствами, включая кровать и постельные принадлежности. Это, очевидно, была камера лишения свободы того вида, в которой можно было бы держать свободную женщину, а не рабыню. Несмотря на её ошейник, она не была закована в цепи, заключена в конуру или в клетку. Полагаю, что не только мне, но и остальным рабыням, не было ясно, как с ней обращаться. Она говорила и вела себя как свободная женщина. Кроме того, вначале ей разрешили одевание, в котором она была захвачена, капюшон, вуаль и одежды сокрытия. В первый раз, когда я оказалась в её присутствии, я встала на колени, за что позже получила пощёчину от Флориана.

— Она для тебя не первая девка, — прокомментировал он. — Почему Ты опустилась на колени?

— Она выглядит и держится как свободная женщина, — объяснила я, глядя на него с колен, прижимая руку к горящей огнём щеке.

— Она — рабыня, — объявил Флориан.

— Я присутствовала при её захвате, — сказала я. — Мне показалось, что ней обращались не совсем так, как ожидалось бы с пленённой свободной женщиной. Выходит, Вы подозревали, что она была несвободна?

Я не могла представить себе гореанского мужчину, обращающегося со свободной женщиной столь грубым и эффективным способом, с каким была обработана и подчинена Дорна.

— Уверен, Ты немедленно отметила, что её руки были обнажены, — предположил Флориан.

— Я даже не подумала о таких вещах, — призналась я.

— Глупая варварка, — презрительно бросил мужчина.

— Но я видела, что многие свободные женщины, — заметила я, — не носят перчаток.

— Особенно среди небогатых, — согласился Флориан. — Но она была в уличных одеждах, причём, думаю, Ты заметила, в каких роскошных. Выйти на улицу в таких регалиях и не одеть на руки перчатки, это почти то же самое, как если выйти из дома босой. Её хозяин не хотел, чтобы она забыла о том, что она — рабыня.

— Я поняла, — вздохнула я, узнав ещё один нюанс Гореанской реальности.

Я забыла упомянуть одна особенность камеры, в которую заключили Дорну. Это — удерживающий шест, который, в случае Дорны, служил в качестве шеста для кормления. Хотя, такие шесты могут быть самых разных конструкций в зависимости от снаряжения вроде цепей для живота, ошейников и браслетов, устройство в камере Дорны было довольно типично. Это был шест приблизительно пять футов высотой и четыре дюйма диаметром, вмурованный

вертикально в каменный пол камеры. Ошейника на нём предусмотрено не было, зато имелась цепь для живота и регулируемые браслеты. В ситуации Дорны шест служил, прежде всего, для её кормления. Для этого рабыня становится на колени спиной к шесту, к которому крепится цепью вокруг живота. Затем её запястья поднимают высоко над головой и заковывают в браслеты. В таком положении она, удерживаемая на месте, не может питаться самостоятельно. Такой шест, по-своему, довольно прозрачный намёк на один из аспектов распространённого в Гореанской культуре понимания зависимости рабыни. Для лучшего понимания, можно просто рассмотреть три аспекта зависимости рабыни. Во-первых, рабыня не может говорить без разрешения хозяина, и хотя у многих рабынь постоянное разрешение говорить есть, такое разрешение может быть отменено в любой момент. Во-вторых, рабыня не имеет никакого контроля над своей одеждой. Во что она будет одета, и будет ли она одета вообще, решать будет рабовладелец. И в-третьих, у рабыни нет никакого контроля над её едой. Хотя она обычно готовит и подает пищу, она должна дожидаться, пока её господин не разрешит ей приступить к еде. Конечно, первый кусочек пищи и первый глоток питья принадлежит владельцу. Само собой разумеется, пища, приготовленная рабыней должна быть обильной, питательной и вкусной. Как правило, рабыня питается вместе со своим хозяином, ест ту же пищу, что и он, но при этом он сидит, а она стоит на коленях. Иногда ей приходится довольствоваться рабской кашей, или хлебом и водой, помещёнными в миски, поставленные на пол, есть из которых она должна на четвереньках и не пользуясь руками.

Когда какой-либо из рабынь поручалось позаботиться о Дорне, всегда присутствовал кто-то из мужчин, обычно Флориан или Мил, причём, даже когда они не приковывали её к шесту или освобождали от его уз. Причину этого я осознала позднее.

— Я отказываюсь есть! — выкрикнула Дорна, стоявшая на коленях спиной к шесту, прикованная к нему цепью, в ярости дёргая руками, закреплёнными в браслетах высоко над её головой.

— Как будет угодно, — невозмутимо пожал плечами Флориан.

Это был третий раз, когда я пришла, чтобы накормить её.

— Дайте мне воды! — потребовала она.

— Нет, — отрезал Флориан.

— Нет? — возмутилась женщина.

Своими планами и намерениями хозяева, разумеется, со мной делиться не собирались, но я подозревала, что какие-то планы у них на неё были и они явно не собирались держать у себя Дорну неопределённо долго.

— Не будешь есть, не получишь воды, — развёл руками Флориан.

— Что Вы имеете в виду? — не поняла она.

— Смерть от жажды наступает очень быстро, — пояснил Флориан. — Каких-то трёх или четырёх дней будет достаточно. Ты сможешь насладиться неопишуемыми ужасами и мучениями жажды, такими как высыхание тела и агония сводимых судорогой мышц.

— Я передумала, — заявила она, — монстр.

— Ну вот и замечательно, — усмехнулся Флориан.

— Что Вы делаете? — возмутилась Дорна.

— Убираю твой капюшон и вуаль, — прокомментировал он.

— Вуаль достаточно было всего лишь немного припустить, скромно и изящно, чтобы рабыня могла накормить и напоить меня, — сказала Дорна.

— Тем не менее, — отмахнулся мужчина.

Она дрожала и сердито дёргалась в своих узах.

Гореанские свободные женщины не появляются на публике без вуалей. Снятие вуали или вуалей без согласия её владелицы упоминается как «раздевание лица». В некоторых городах это — преступление, караемое смертью, особенно если у женщины один с этим городом Домашний Камень. Тела зачастую подобны, а вот черты лица имеют тенденцию быть индивидуальными, личными и уникальными. Многие свободные гореанки, что интересно, если бы перед ними встал выбор, обнажить тело и раздеться лицом, предпочли бы первое. Они, в некотором смысле, более равнодушны к обнажению тела, чем лица. Для них показать тело проще и не так позорно, как открыть лицо. Несомненно, это — вопрос культуры. Вероятно, одной из причин того, что гореанские мужчины склонны думать о женщинах моего прежнего мира как, в лучшем случае, о рабынях без ошейников, является откровенная и нахальная непосредственность, с которой столь многие из них позволяют рассматривать их лица. Разве лицо, с его деликатностью и тонкостью, с его бесчисленными выражениями и нюансами, не является в тысячу раз более откровенным, чем тело?

— Ты была невежлива, — усмехнулся Флориан.

— Слин! — обозвала его она.

— Ну вот, опять, — вздохнул мужчина и вытащил нож из ножен, заткнутых за его пояс.

— Что Вы собираетесь делать? — отпрянула Дорна.

— Раз уж Ты всё равно носишь ошейник, — пожал он плечами, — почему бы не рассмотреть тебя со всех ракурсов.

— Остановитесь! Прекратите! — закричала рабыня.

У меня, застывшей в ожидании в стороне, с подносом питья и еды для Дорны, перехватило дыхание.

Флориан, несколькими движениям ножа, срезал её уличные одежды, и намотал обрезки на левую руку.

Дорна кипела от гнева, но ей хватало мудрости больше не провоцировать Флориана, по крайней мере, в тот момент. Теперь на ней осталась пара лёгких, подобных комбинации предметов одежды. Я увидела достаточно, чтобы не сомневаться, что она может уйти с молотка за высокую цену.

— Теперь можешь покормить узницу, — сказал мне Флориан.

— А ну встань на колени, рабыня! — процедила Дорна.

— Только попробуй, — пригрозил мне Флориан.

— Я не могу, — объяснила я пленнице и начала её кормить.

Принесённая еда, кстати, была одной из самых лучших в холдинге, приготовленной для столов самих хозяев. Присутствовал даже белый ка-ла-на. Пробовать еду и питьё мне разрешения не давали, так что, как бы у меня не бежали слюнки, я нашла в себе силы воздержаться от этого, даже когда была уверена, что ни Флориан, ни кто-либо другой, меня не видел. И дело было даже не столько в том, что Дорна могла заметить и привлечь к этому внимание тюремщика, кем бы он не мог бы быть, сколько в том, что я наслаждалась своим повиновением. Я сама хотела повиноваться. Я была рабыней. Мне нравилось повиноваться, это доставляло мне удовольствие.

На третий день после захвата Дорны, я думаю, что поняла, почему рабынь не оставляли наедине с Дорной, почему в помещении всегда присутствовал кто-то из мужчин холдинга. Флориана, насколько я поняла, кто-то позвал, и я осталась наедине с Дорной. Я уже поставила на поднос тарелку, с которой кормила узницу, и чашку, в которой я подавала ей вино, и собиралась покинуть камеру, как вдруг она заговорила со мной.

— Эй, рабыня, — позвала меня она, — разыщи человека по имени Па-Кур. Он из Чёрной Касты. Ты знаешь это место. Большое здание рядом с тем местом, где они меня схватили. Сообщи ему о моём похищении, что меня держат в холдинге Боска из Порт-Кара. Они захватят заложников или выкупят меня на свободу. Тогда я буду в безопасности!

Я удивлённо уставилась на неё.

— Сделай это, — продолжила Дорна, — и тебя ждёт богатое вознаграждение. Я лично прослежу за этим. Ты получишь свободу и золотой тарн двойного веса, чеканки Ара! Немногие из мужчин видели такую монету, и ещё меньше среди них тех, кто мог бы заработать столько, даже работая целый год не разгибая спины. Ты будешь свободна, и сможешь купить себе дом, бизнес и рабынь.

— Не советую тебе слушать её бредни, — услышала я голос Флориана, вернувшегося в камеру. — Тем более что в них нет никакого смысла.

Я заключила, что он подслушивал, стоя где-то неподалёку, например, за стеной, справа от решётки.

Дорна вздрогнула и отпрянула к шесту, к которому была прикована.

— Думаю, для тебя самой было бы лучше, наша милая, аппетитная пленница, — сказал Флориан, обращаясь к Дорне, — если для благородного Па-Кура твоё местонахождение останется тайной. Пусть лучше он думает, что Ты стала жертвой похищения где-нибудь на улице по пути к рынку. Чего будет стоить твоя жизнь, если бы узнает, что Ты оказалась в руках его врагов? В таком случае, я постарался бы не подходить к окнам, чтобы оттуда, проскользнув между прутьями решётки, не прилетела стрела, выпущенная с седла грациозного могучего тарна. Также, Ты могла бы получить конверт с ядом и инструкцию относительно того, как его использовать. А разве не могло случиться так, что однажды ночью, привлечённый теплом твоего тела, когда Ты будешь спать, в твою постель заползёт ост, такой маленький и такой смертоносный?

— Я необходима Па-Куру! — заявила Дорна.

— Ты? — насмешливо переспросил Флориан.

— Он любит меня! — воскликнула Дорна.

— Он любит кровь, сталь и власть, — сообщил ей Флориан, — а Ты, хотя, признаю, красивая, но всего лишь рабыня.

Дорна удивлённо уставилась на Флориана. В её глазах читалось сомнение и страх.

Затем Флориан повернулся ко мне и сказал:

— У тебя есть разрешение передать Па-Куру сообщение, о котором попросила заключённая.

— Нет, нет! — вскрикнула Дорна. — Не делай этого. Я должна подумать! Я должна всё обдумать!

— Можешь унести поднос, тарелку и чашку, — разрешил Флориан.

— Да, Господин, — пролепетала я, склонив голову и подняв поднос, — Спасибо, Господин.

— Ты выполнила бы просьбу заключённой? — поинтересовался он.

— Нет, Господин, — ответила я.

— Я так и подумал, — кивнул он. — К тому же, довольно неприятно, я думаю, когда твою грудь разрезают и льют золото расплавленного двойного тарна на ещё живое сердце.

Я поспешила покинуть камеру.

И без его предупреждения я не собиралась выполнять просьбы Дорны. Она хотела меня убить. Я боялась её. Я ей не доверяла. Чего стоила бы моя жизнь, если бы я выполнил её просьбу? К тому же, даже если бы мне удалось незаметно покинуть дом, разве это действие не грозило мне ужасными опасностями? И даже если бы я была успешна, разве меня не ждала бы жизнь полная страха? Меня могли бы выследить, похитить и подвергнуть ужасной мести. Кроме того, я вовсе не жаждала получить свободу. Я уже знала свободу, её одиночество и пустоту. Нет,

свободы я не хотела. Я хотела господина, хозяина, которого я могла бы любить, которому могла бы служить, полностью и преданно, кто подчинит меня своей власти, своему огню, страсти, силе и доминированию, которых я, как рабыня, так хотела, так жаждала.

Бросив украдкой один взгляд назад, я поспешила спуститься в кухню.

По окончании кормления Дорны, Флориан, Мил или кто-то другой, освобождали её от цепей. По-видимому, Дорне было трудно сдерживать себя перед мужчинами и, тем более, имея дело с рабынями. Слишком часто её слова были резким, а поведение вызывающим. В результате к четвертому дню её плена она лишилась ещё и туфель, чулок и одной рубашки. В конечном итоге из одежды у неё осталась только подобная комбинации нижняя рубашка, которую легко можно было принять за рабскую тунику. По мере того, как она постепенно лишалась своих предметов одежды, становилось все более очевидно, что работорговцы, наверняка, найдут её очень интересной особой, если не для себя лично, то как товар, за который они могли выручить неплохие деньги.

— Это вскоре начнётся, — сообщил мне Флориан. — Я думаю, что тебе будет небезынтересно понаблюдать.

Что-то в его голосе или в выражении лица заставило меня почувствовать беспокойство.

Кроме того, мне была поручена работа в прачечной, доложить об окончании которой я должна была не позднее чем через ан. Никакого желания опаздывать и попадать под хлыст нашей кейджероны у меня не было.

— Я так не думаю, Господин, — осторожно сказала я. — Я прошу меня извинить.

Вскоре я, взятая на поводок и с закованными в наручники руками, семенила за ним вниз по плохо освещённой, узкой лестнице. За исключением винных погребов, я мало что знала о помещениях и коридорах под домом. Они как я уже отмечала ранее, были не тем местом, которое располагало или поощряло к исследованию.

Глава 39

Панель для наблюдения

М

ои руки по-прежнему оставались скованными за спиной, но поводок был выпущен, и теперь свисал передо мной, иногда касаясь груди или бедра.

Флориан шагал впереди, примерно в двух ярдах передо мной.

Теперь он шёл медленнее, вероятно, из-за неровного, неудобного для ходьбы пола.

Я не смогла удержаться от сдавленного крика, потому что что-то маленькое и почти невидимое в темноте, царапая когтями по камням, промелькнуло прямо перед моей ногой.

— Не бери в голову, — буркнул Флориан. — Это — всего лишь крошечный урт. Тебе нечего бояться такого хотя и быстрого и мерзкого, но очень маленького существа, если только тебя не оставили их вниманию беспомощно связанной.

Под моими ногами были влажные камни коридора. Иногда я отступала к стене, чтобы обойти лужу. Коридор, по которому мы шли, находился значительно ниже уровня улицы, освещение в нём было не лучше, чем на лестнице. Тусклые масляные лампы, висевшие каждые несколько ярдов, едва рассеивали мрак подземелья. Воздух здесь был влажным и затхлым.

Наконец, Флориан остановился перед крепкой, деревянной дверью.

— Мы будем наблюдать из этой комнаты, — сообщил мне он, и вошёл внутрь.

Как только я проследовала за ним, он закрыл и запер дверь. Комната, как и коридор, была освещена маленькой масляной лампой, но всего одной, в которой потрескивал тарларионовый жир.

Когда он запер дверь, меня охватило беспокойство. А какая женщина, а тем более рабыня, осталась бы абсолютно спокойной? Будучи служащим холдинга, для меня он был всё равно что хозяин, хотя, конечно, юридическим моим владельцем он не был. С юридической точки зрения я принадлежала Хо-Тоску из Порт-Кара, владельцу Золотой Цепи.

Я понятия не имела, зачем Флориан привёл меня в эту маленькую, сырую, закрытую комнату. Он упомянул о чём-то, что должно было скоро начаться, о чём-то, понаблюдать за чем мне могло бы быть интересно.

У меня ещё была куча работы в прачечной.

Мужчина запер дверь. Можно было заключить, что он не хотел, чтобы его беспокоили.

Флориан повернулся лицом ко мне. Не были ли его слова предлогом, чтобы заманить меня в это место? Это казалось маловероятным. В конце концов, я была в «списке девушек».

Было ли на самом деле что-то, что должно было вскоре начаться?

Вполне возможно, что так и есть.

Не мог ли он захотеть развлечься, пока длилось ожидание?

Не собирался ли он использовать для этого меня?

Я не знала.

Иногда хозяевам нравится сделать так, чтобы мы сами просили об использовании. Конечно, если бы мне было приказано просить об этом, я сделала бы это без сомнений и отговорок. У меня не было бы никакого иного выбора.

Как отличался этот мир от моей прежней планеты! Как часто в моём прежнем мире мне случалось, тонко намекая на перспективы благосклонности, не иметь никаких намерений её даровать. Таким нехитрым способом я получала приглашение на свидание в дорогие клубы, где обедала и танцевала, после чего, возвращаясь домой, я, в ответ на надежды или ожидания моего сопровождающего, симулировала удивление, шок и даже возмущение. Приятный вечер я уже провела. Почему я должна платить за это? Позже, оставшись одна в своей квартире, я чувствовала удовлетворение. Я поздравляла себя со своим умом. Я получала удовольствие, много удовольствия от такого поведения. Насколько глупы и недалёки были эти мужчины! Как легко было делать из них дураков! Но теперь я была во власти других мужчин. Теперь я была на Горе и носила ошейник!

По большому счёту рабыне даже нет нужды приказывать, чтобы она просила об использовании. Чаше нам приказывают не докучать с подобными просьбами, поскольку у хозяев может не быть времени на нас. Интересно, понимают ли они насколько мучительны наши потребности?

— Мы понаблюдаем кое за чем вместе, — сказал Флориан. — Тебе, в частности, это должно показаться интересным.

— Я должна быть в прачечной, — напомнила я.

Мужчина подошёл к одной из стен комнаты и сдвинул в сторону маленькую узкую прямоугольную металлическую пластину.

— Подойди сюда, — приказал он. — Просмотри в щель и скажи, что Ты видишь.

Я подошла к смотровой щели и, заглянув туда, сообщила:

— По-видимому, мы выше уровня того помещения. Там внизу другая комната, освещённая намного лучше этой.

— Опиши ту комнату, — велел Флориан.

— Большая, но пустая, — прокомментировала я. — У одной из стен что-то вроде глубокой ванны. Сбоку от ванны есть металлическая клеть, на которой горит огонь, на которой стоит поднос с деревянной ручкой. Около клетки стоит коробка, в которой что-то есть, возможно, конверты или бумаги. Отсюда трудно понять. В центре комнаты металлический столб с цепью для живота и кольцами для запястий.

Перечислив всё увиденное, я повернулась, чтобы стоять к нему лицом.

— Открой рот, — приказал он, — широко.

Я тут же упала перед ним на колени и широко распахнула рот.

— Встань, — скомандовал мужчина. — Тебе что, кто-то говорил становиться на колени?

Я озадаченно посмотрела на него. Как я могла ответить ему, держа рот широко открытым? Он же не давал мне разрешения закрыть его. В растерянности я покрутила запястьями, закованными в наручники за моей спиной.

— Встань, — повторил Флориан. — Насколько же Ты тщеславна. Ты что, полагаешь, что оказалась в алькове в Золотой Цепи? Ты действительно думаешь, что у меня мог бы быть интерес быть обслуженным столь низкой рабыней и шлюхой как Ты? Одной из никчёмных девок Золотой Цепи?

Под его насмешливым взглядом я поднялась на ноги, не закрывая широко открытый рот. Я получила очередное свидетельство его, кажущейся мне необъяснимой враждебности к Золотой Цепи и её рабыням. Я была уверена, что девушки Золотой Цепи были одними из самых красивых и наиболее беспомощно отзывчивых рабынь в Порт-Каре. Такая у нас была репутация, и, во всяком случае, я нисколько не сомневалась, что она была вполне заслужена. Таверна была заведением популярным в городе и зачастую переполненным посетителями. наших девушек часто связывали и отправляли в альков, в том числе, конечно, и меня, рыдавшую и попросившую о большем, множество раз в моих цепях в том или ином из альковов таверны. Я помнила, что он утверждал, что меня хотел кто-то другой, но кто именно он не сказал. Не в этом ли была причина, по которой он никогда не использовал меня для своего удовольствия? Не поэтому ли он отказывал себе воспользоваться мной в своё удовольствие теперь? Но, если всё было именно так, кем же был тот таинственный другой, кто хотел меня? Знала ли я его? Видела ли я его когда-либо прежде? Был ли это кто-то, кто просто когда-то увидел меня, но кого я сама никогда не видела? Насколько уязвимы и беспомощны рабыни!

В мой рот была втиснут комок ткани и закреплён ремешком, застёгнутым на моём затылке. Должно быть, тревога слишком явно читалась в моих глазах, и мужчина снизошёл до пояснений:

— Ты должны только наблюдать, девка из Золотой Цепи, и делать Ты это должна в абсолютной тишине. Ты не должна вскрикивать или как-то комментировать увиденное.

Затем он, взявшись за поводок, подтянул меня к открытой панели наблюдения, под которой, справа и слева имелось два вмурованных в каменную стену кольца. Флориан, пропустив поводок сквозь левое кольцо, сильно его натянул и закрепил так, что моя голова удерживалась перед открытым узким окошком. Таким образом, я не могла отстраниться от смотровой щели, даже если бы я захотела это сделать.

— Скоро начнется, — пообещал Флориан, обойдя меня и встав справа.

В этот момент, откуда-то снизу, по-видимому, из некоего коридора, донёсся долгий стенающий дикий женский крик. Несколькими мгновениями спустя дверь в комнате ниже распахнулась настежь.

— Нет! Нет! — услышала я, голос женщины. — Что всё это значит? Отпустите меня! Освободите меня! Что Вы собираетесь делать? Остановитесь! Прекратите!

Внутри вошёл один из охранников, тот самый, которого я узнала на лодке. Он нёс на руках Дорну, чьё тело было плотно, от лодыжек до горла, завёрнуто в несколько слоёв серой ткани. Укутанная таким образом она едва могла шевелиться. Ткань была закреплена на ней чем-то, что выглядело как бесчисленные петли грубой веревки. Я обратила внимание на лёгкое поблёскивание ткани, одеяла, или простыни, или не знаю, чем это могло бы быть. Такое впечатление, что этот материал отражал свет огня, некоторым, незнакомым мне способом, не так, как обычная реповая ткань, дешёвая, распространённая материя, часто используемая для предметов одежды рабынь. Пусть не немедленно, возможно, мгновение спустя, сопоставив ужас Дорны и обстановку внизу, огонь, столб, ванну и так далее, я догадалась, что именно должно было произойти. В этот момент мне отчаянно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, подальше от кольца, к которому я была прикреплена. Я присмотрелась к материалу, в который была завёрнута Дорна. Должно быть, он был каким-то образом обработан, возможно, пропитан некоторым количеством некоего необычного вещества или веществ. При свете дня, я подозревала, вероятно, он казался бы неотличимым от обычной реповой ткани. А ещё я была уверена, что тот, кому пришлось бы носить одежду из такой ткани, испытывал бы странные ощущения. Как бы то ни было, ужас Дорны трудно было с чем-то перепутать. Сомнительно, что ей когда-либо доводилось чувствовать это на своей коже, но, несомненно, она подозревала его природу и цель. Я попыталась отстраниться от кольца, но у меня ничего не получилось.

— Успокойся, шлюха, — прошептал мне на ухо Флориан.

Тем временем в комнату ниже вошли ещё двое мужчин. Одним из них был Мил, которого я хорошо знала по холдингу, вторым тот, кто изображал офицера на лодке во время похищения Дорны. Для простоты я буду называть его офицером.

— Поставь её на колени, — приказал офицер.

Ей, закутанной в несколько слоёв ткани, стоять на коленях было тяжело. Её руки были скрыты внутри обёрток. Дорна не смогла бы расставить колени, даже если бы ей приказали это сделать. Рабыни башни, так же как и свободные женщины, обычно стоят на коленях, держа их вместе. Рабыни же для удовольствий обычно стоят на широко расставленных коленях. Таким образом, они глубже ощущают природу своего рабства.

Мне вспомнилось утверждение, что женщина более вероятно будет говорить правду, когда она стоит на коленях. Возможно, это было следствием большего понимания своей уязвимости, каковое понимание увеличивает её страх перед наказанием. Конечно, стояние на коленях само по себе вызывает чувство беспомощности. Также, это — поза покорности и подчинения, столь подходящая для рабынь. Я, как прирождённая рабыня, которой, как я теперь знала, я была, прекрасно себя чувствовала в такой позе, и чувствовала, что это самая подходящая для меня поза. Мне нравилось стоять на коленях. Я знала, что это моё место, на коленях перед рабовладельцем. Рискну предположить, что многие женщины чувствуют, что это и их место, что они должны стоять на коленях у ног мужчины. Если они — рабыни, то разве их место не там? Как ещё они могут быть собой и исполнять своё предназначение? Как жаль мне было бедную рабыню, у которой нет хозяина.

Дорна дико озиралась.

— Во всём этом нет никакой необходимости, благородные хозяева, — дрожащим голосом сказала она. — Я всё расскажу, подробно и честно. Я расскажу вам всё, что Вы хотите знать, свободно и правдиво. Безусловно, после этого моя жизнь будет в смертной опасности. В связи с этим, только не подумайте, что я пытаюсь заключить с вами сделку, я прошу вас, проявить ко мне милосердие и тайно продать меня подальше от Порт-Кара, чтобы я могла избежать мести тех, кого я готова предать.

— Ты, — перебил её Мил, — несмотря на то, что твою шею окружает ошейник, являешься информированной коллегой и доверенным лицом Па-Кура из Касты Ассасинов.

— Да, Господин, — подтвердила Дорна.

— Следовательно, Ты посвящена в самые секретные планы, проекты и намерения Па-Кура и его партнеров, в том числе и те из них, которые, возможно, имеют отношение к этому дому?

— Да, Господин, — признала Дорна.

— Говори, — потребовал офицер.

— Па-Кур..., - начала она.

— Твой хозяин, — поправил её мужчина.

— Да, — кивнула она, — у моего хозяина, Па-Кура, имеются планы на этот дом. Я боюсь говорить, но должна. Он полагает, что где-то в этом доме спрятана золотая чаша, ценностью, возможно, два золотых тарна двойного веса. Он надеется добыть чашу и доставить её в Чёрный Двор Брундизиума в качестве трофея, чтобы доказать своё безрассудство и умение. Он взял с собой двух мужчин, чтобы они помогали ему в тайном проникновении в этот дом и последующих поисках и отхода с чашей.

— Ты что, думаешь, что Ты всё ещё свободная женщина? — осведомился офицер.

— Господин? — напряглась Дорна.

— Свободным женщинам позволено лгать, — сказал офицер. — Рабыни этого делать не могут.

— Я не понимаю, — пролепетала она.

— Ты лгала достаточно долго, — заключил мужчина и, повернувшись к охраннику, бросил: — Окуни её.

— Нет! — закричала Дорна, но охранник, который принёс её в комнату, снова подхватил женщину на руки и опустил её в ванну.

Он три или четыре раза ненадолго погрузил её в воду с головой, после чего вытащил её укутанную в промокшую насквозь ткань фигуру из ванны и положил около огня. Было странно видеть, что вокруг женской фигуры не появилось даже небольшой лужицы воды. Казалось, что тугие слои материи всосали всю воду в свои волокна.

— Разрежьте верёвки! — взмолилась Дорна. — Освободите меня! Скорее! Скорее! Уберите ткань!

— Но Ты же под этой тканью голая, — усмехнулся Мил.

— Нет, пожалуйста! — рыдала она.

В её глазах плескался ужас. Она извивалась в своих путах, пытаясь подкатиться к ногам офицера, несомненно, чтобы умоляюще прижать свои прекрасные губы к его высоким, закрытым спереди сандалиям, но охранник, выставив на её пути ногу, не позволил ей этого.

— Пощадите, пощадите! — вопила женщина. — Сжальтесь над простой рабыней!

— «Простой рабыней», — хмыкнул Мил. — Интересно.

— Скоро начнётся, — прокомментировал офицер.

— Пощадите, Господа! — умоляла Дорна.

Вдруг она завывала в ужасе. Даже в нескольких ярдах выше пола комнаты, где стояли перед смотровой щелью замерли мы с Флорианом, можно было услышать треск и страшный шорох, взаимодействующих химикатов.

Я удерживалась перед узким окошком поводком, прикреплённым к кольцу. Я не могла отстраниться или отойти. Мне хотелось кричать в страдании и протесте, но я, пленница гореанского кляпа, была не в состоянии издать более или менее членораздельный звук. Я дергала руками, удерживаемыми браслетами за моей спиной.

— Успокойся, бесполезная тарскоматка, — прошипел Флориан.

Я повернула голову к нему, постаравшись разжалобить его умоляющим взглядом, но он, взяв за волосы, толкнул меня назад смотровой щели.

— Не сомневаюсь, у тебя есть некоторое понимание её мучений, — спокойно сказал Флориан. — Ты ведь однажды сама прошла через боль огненной туники, не так ли? Огненная ткань даёт весьма интересный эффект. Я не отказался бы нарядить в такой привлекательный наряд одну из твоих сестёр по ошейнику из Золотой Цепи. Возможно, это могло бы научить её лучше ублажать заплатившего за её услуги клиента. Было бы приятно видеть её у моих ног, скулящую и умоляющую позволить ей ублажить меня, всеми способами, которые ей, бесполезной, никчёмной рабыне доступны.

Флориан всё же убрал руку от моих волос.

— Смотри внимательно, — потребовал он.

Внизу извивалась и кричала Дорна.

— Как только это закончится, — пояснил мне Флориан, — она будет готова к воздействию порошков.

— Это обжигает, Господа! — рыдала Дорна. — Пощадите! Избейте меня! Подвергните меня плети! Но избавьте меня от верёвок! Срежьте ткань! Я умоляю вас! Мне больно! Мне очень больно! Я горю! Я горю!

— Возможно, теперь Ты будешь послушна, — заметил Мил и поинтересовался: — Готова ли Ты к сотрудничеству?

— Да, Господин! — выкрикнула она. — Да, Господин!

— Потерпи ещё немного, — бросил ей Мил. — Несколько ен, и реакции пойдут на спад, а затем прекратятся.

— Хотя боль будет держаться ещё в течение некоторого времени, — добавил офицер.

Я по-прежнему слышала треск ткани, хотя теперь он был тише и не таким пугающим.

Вдруг крики Дорны прекратились, думаю, она лишилась чувств.

— Избавь её от ткани, — велел офицер, — поставь её к столбу и прикрепи цепью вокруг живота. Кандалы надень на запястья.

Охранник развязал верёвки, державшие пропитанную химикатами ткань, удалил их, а за ними удалил и саму ткань, после чего он вместе с Милом поставил Дорну на коленях спиной к столбу. Пока Мил придерживал безвольное тело рабыни,

охранник опоясал её живот цепью и плотно притянул к столбу, а затем поднял её запястья высоко над головой и защёлкнул на них браслеты кандалов.

— Полагаю, она спала достаточно долго, — заявил офицер. — Приведи её в сознание.

Охранник подошёл к ванне, набрал из неё кастрюлю воды и, вернувшись, выплеснул на Дорну.

Женщина немедленно, с криком: «Не вода! Только не вода!», пришла в себя и задёргалась в цепях. Металлические звенья заскрежетали по железу столба. Закреплённая таким образом, встать она не могла.

— Тебе больше не нужно бояться воды, — успокоил её офицер.

— Какая она маленькая смазливая рабыня, — прокомментировал Мил.

— Пожалуйста, не говорите обо мне так оскорбительно, — попросила Дорна.

Я вспомнила, что когда-то она занимала высокое положение в Тарне, была Первой или Высшей Серебряной Маской во времена Гениократии.

— Как Ты чувствуешь себя теперь? — осведомился офицер.

— Всё ещё жжётся, — пожаловалась Дорна.

— Но уже не так, — констатировал мужчина.

— Да, — признала она. — Пожалуйста, дайте мне одежду.

— Ты — рабыня, животное, домашнее животное, — заявил офицер. — Ты не наделены правом на одежду. Уверен, тебе это хорошо известно.

— Да, Господин, — не стала спорить Дорна.

— Возможно, тебе будет интересно узнать, что будет сделано с тобой? — полюбопытствовал офицер.

— Вы продадите меня тайно подальше от Порт-Кара? — предположила Дорна.

— После того, как мы закончим с тобой здесь, — заговорил офицер, — Ты будешь усыплена и проспишь несколько анов. Проснёшься Ты в трущобном районе города. Вскоре после этого Ты узнаешь, что твою шею теперь окружает не ошейник Па-Кура, а ошейник одной известной, популярной таверны. Она называется «Золотая Цепь». Также тебе предстоит обнаружить, что на тебе надета туника Золотой Цепи. Естественно, тебя примут за сбежавшую рабыню, вернут в Золотую Цепь для наказания и продолжения обслуживания клиентов.

— Обслуживания? — не поняла она.

— В качестве обычной паговой девки.

— Нет! — вскрикнула Дорна.

— Там Ты лучше узнаешь о том, что Ты — рабыня, — усмехнулся офицер, — ожидая команды хозяевах, принося клиентам еду и напитки, ублажая их, если они найдут тебя интересной, в альковах.

У меня было мало сомнений в том, что многие найдут её интересной.

— Нет, нет! — замотала она головой. — Меня же, одетую в тунику и с выставленным напоказ лицом, все будут видеть. Рано или поздно меня узнают. Моя жизнь будет в опасности. Я побывала во власти врагов Па-Кура. Он найдёт и убьёт меня!

— Мы предполагаем, что он попробует, — кивнул офицер.

— Ты будешь приманкой, — пояснил Мил.

— Мы ожидали, что после твоего похищения Па-Кур и его подельники исчезнут, — сказал офицер. — И мы не ошиблись.

— Он не причинял вам вреда, — напомнила Дорна. — Было бы незаконно нападать на него.

— Зато его можно будет арестовать на полностью законных основаниях в случае, если он предпримет попытку уничтожения имущества, — заявил офицер.

— Или уничтожит его, — добавил Мил.

— Уничтожения какого имущества? — насторожилась Дорна.

— Тебя, — ткнул в неё пальцем Мил.

— А теперь, моя дорогая, — подытожил офицер, подходя к коробке, в которой лежали какие-то конверты или пакеты, — пора тебе рассказать нам всё, что тебе известно о тайных планах Па-Кура.

— Вы не сможете заставить меня говорить, — прошипела женщина.

— Конечно, мы не сможем, — не стал спорить с ней офицер. — Зато порошки вот в этих пакетах, в правильных пропорциях смешанные легко сделают это.

— Никогда! — воскликнула Дорна.

Но офицер уже встряхивал порошки в различных пакетиках, высыпая из них некоторое количество на листок бумаги. Затем он свернул бумагу и, подойдя к металлической клетки, в которой светились угли, ссыпал содержимое на поднос, стоявший над огнём. Вскоре после этого крошечные струйки дыма начали подниматься над нагретым подносом и завиваться в замысловатые узоры.

— Я ничего вам не скажу! — выкрикнула Дорна.

Ен или два офицер держал нагретый поднос перед заключённой, лёгкими движениями направляя испарения в её сторону.

— Никогда! — процедила женщина, отворачивая голову, но она не могла не дышать.

— Ты видела достаточно, — заключил Флориан, отвязав поводок от кольца, вмурованного в камень под смотровой щелью.

Затем он оттянул меня за поводок от стены и, аккуратно и бесшумно, задвинул на место панель, после чего избавил меня от кляпа, отпер, открыл дверь и вывел меня на поводке из комнаты.

Глава 40

Банкет

В

столовой холдинга стоял гул голосов, мужчины разговаривали и пели.

Экипажи холдинга, те из них, что были в порту, собрались вокруг длинного, широкого стола, и пребывали в приподнятом, на грани неистовства настроении.

Пага текла рекой, подносы сгибались под тяжестью кусков жареного мяса. Загребущие руки тянули к себе миски с орехами и фруктами. Слышался шорох ножей, вонзающихся в плоские, круглые караваи хлеба.

— Пага! — то и дело раздавались мужские крики.

Происходившее было своего рода праздничным банкетом.

Это было результатом, насколько я поняла, информации, полученной вчера во время допроса Дорны Гордой, хотя столь высокое звание едва ли подходило для девушки в ошейнике. Теперь она была просто «Дорной», причём «Дорна» в данном случае, конечно, было простой рабской кличкой, данной находящемуся в собственности животному по усмотрению или прихоти хозяев. Этим утром она должна была очнуться на холодных камнях, цепляясь за ускользающее, путающееся сознание, где-то в не самом престижном районе Порт-Кара, в тунике и ошейнике Золотой Цепи. Поскольку сейчас уже был вечер, скорее всего, к этому времени она уже должна была быть подобрана и возвращена своему «владельцу», Хо-Тоску, вероятно, для наказания, как беглая рабыня и, несомненно, для «возвращения» к её обязанностям в таверне в качестве неприязнительной, доступной паговой девки.

— Пага, пага! — надрывался один из мужчин.

В этот раз я в обслуживании участия не принимала.

Я, вместе с тремя другими девушками, Целлой, Коринной и Янзе, другой Янзе, не той, которую я хорошо знала по таверне, стояли на четвереньках под столом. Мы были раздеты, если не считать наших ошейников. Мужчинам, как известно, нравится держать так женщин, неважно пленницы они или рабыни. В случае пленённой свободной женщины она полностью одета во все её регалии, за исключением вуали. Её лицо должно быть раздето. Это должно дать ей понять, что она, хотя и свободная, обладает намного меньшей ценностью, статусом и стоимостью, чем свободные женщины города её похитителей. Если свободная

женщина голодна, она должна попросить еду, после чего её могут покормить с руки, или поставят миску под стол, из которой она должна питаться на четвереньках, не пользуясь руками. Тем самым ей снова дают понять, что у неё, несмотря на то, что она остаётся свободной, нет статуса свободных женщин из города её похитителей. Позже, она может быть раздета, заклеимена и заключена в ошейник. В случае рабынь, мужчины, конечно, предпочитают держать их под столом голыми, как это подходяще для них, как животных, которыми они являются. Также, такое расположение хорошо напоминает рабьям об их статусе, о том, что они — животные, имущество, товар. Их также обычно кормят с руки, но они не могут попросить о еде членораздельно. Они должны издавать тихое, просительное поскуливание, характерное для животных, и надеяться, что хозяева дадут им что-нибудь. Иногда хозяин может потребовать, чтобы его сначала ублажили. Что бы ни думали некоторые на моей прежней планете, большинство рабынь искренне и глубоко хочет, чтобы их хозяева были довольны ими, абсолютно довольны, в домашних делах, в социальном отношении и, в том числе, и в плане секса. Многие рабыни, это следует понимать и учитывать, любят своих хозяев, и любовь их такова, что с ней могли бы сравниться очень немногие из свободных женщин, с их беспокойством о своём статусе, заботой о собственном имидже, поддержанию баланса, соразмерности и пропорций. Рабыня отдаётся господину целиком и полностью, она — принадлежит ему, а не себе. Возможно, нам самим, даже больше, чем нашим хозяевам, нравится находить себя голыми под их столами. Ведь в этом случае мы находимся рядом с нашими господами. И почему мы должны быть в каком-нибудь другом месте, или ином виде? Мы — рабыни. В действительности, это своего рода привилегия, быть под столом своего господина. Вообще-то, это был всего лишь второй раз, когда мне разрешили стоять под столом. Мне вспомнилось, как после того, как Аддисон Стил использовал меня для своего удовольствия в дешёвой, тёмной таверне, известной как Плеть и Цепь, он упомянул о том, что видел меня на Земле, время от времени, обедающей за счёт «того или иного слабака», и думал, что из меня могла бы получиться приемлемая рабыня, ползающая под столом у ног мужчин, голая, в ошейнике, выпрашивающая и надеющаяся получить кусочек пищи. Я думала об Аддисоне Стиле, вероломном и двуличном. Как я его презирала! И как я жаждала оказаться под его столом!

Как я уже упоминала ранее, этот ужин или банкет, по крайней мере, в том, что касалось его атмосферы и характера, казалось, имел некоторое отношение к тому, что было выяснено в результате допроса рабыни Дорны. Разумеется, я понятия не имела, какими именно сведениями она могла поделиться, поскольку Флориан увёл меня из комнаты наблюдения, до того, как её допрос начался всерьёз. И, естественно, нетрудно предположить, что никто не делился содержанием её

ответов на любые заданные ей вопросы с кем-либо из рабынь. Кто стал бы обсуждать такие вопросы с верром или кайилой? Но что, если верр или кайила, или, скажем, слин, могли бы оказаться в том или ином месте, или поблизости от него, и услышать такие вопросы? Можно ли их винить в том, что они могли бы что-то услышать случайно? В таком случае, животному, если оно вдруг интересуется такими вопросами, пусть это и неправильно, остаётся только оказаться в том месте, где можно что-то услышать, конечно, совершенно случайно. Соответственно, я начала потихоньку подползать к голове стола. Стул капитана, как раз во главе стола и стоявший, был пуст, поскольку Боск из Порт-Кара, хозяин холдинга, был в море. С другой стороны, рядом с его стулом были места занятые Флорианом и Милом, которые, я предположила, исходя из их положения за столом и по другим признакам, были весьма высокопоставленными персонами в холдинге.

Ещё одним мотивом моего желания подползти к голове стола, было то, что я слышала, что «Алексия», один из кораблей Боска из Порт-Кара, недавно бросил якорь в гавани арсенала. Корабль прибыл сегодня из далёкого Бази с грузом чая. Похоже, предприятия Боска из Порт-Кара были различны и разбросаны широко по планете. Вновь прибывший, незнакомый мне мужчина, в кепке без околыша, характерной для моряков, был запросто допущен в зал и приглашён во главу стола. Я предположила, что, скорее всего, это был капитан или старший помощник капитана с «Алексии». Если я угадала правильно, разве он не был тем человеком, которого следовало поскорее проинформировать о самых последних и наиболее важных событиях, имеющих отношение к холдингу?

— Как рейс прошёл, благородный Астрон? — поинтересовался Флориан.

— В целом неплохо, — ответил вновь прибывший. — Наш трюм заполнен по самую палубу. Также мы привезли кое-какие новинки и среди них коробки с шестью новыми сортами чая, неизвестными, я думаю, даже в Брундизиуме или Джаде. Думаю, они даже могут конкурировать по ценности с чёрным вином, взяв планку в четверть его стоимости.

— Это может означать войну с Тентисом, — заметил Мил.

— Капитан сейчас всё ещё сдаёт отчёты Луме, — сообщил вновь прибывший. — Как дела в холдинге?

— Всё в порядке, — ответил Флориан. — А почему Ты спрашиваешь об этом?

— Просто так, — ушёл от ответа Астрон. — Без всякой причины.

— Не было бы какой-нибудь, — хмыкнул Флориан, — Ты не стал бы спрашивать.

— Люди многое слышат, — сказал Астрон, — что-то может быть безвредным или не имеющим значения, что-то может вызвать удивление или озадачить, а что-то и показаться мрачным предзнаменованием.

— Слухи, — усмехнулся Флориан.

— У слухов есть крылья, — сказал вновь прибывший, — даже в море. Они быстро добираются до самых далёких портов.

— И что же это за слухи? — полюбопытствовал Флориан.

— Говорят, — поделился Астрон, — что местонахождение Талены, самозванной Убары-предательницы, разыскиваемой судом Ара и тысячей охотников за головами, была определено.

— И где она? — спросил Флориан, явно напряжённый.

— В безопасности в Джаде, — ответил моряк, — почетная гостя её бывшего союзника, Убара Коса Луриуса.

— У слухов, конечно, могут быть крылья и в море, — согласился Флориан, в голосе которого слышалось облегчение, — но, похоже, летают они медленно. Это — старый слух.

Я и сама слышала такие сплетни, и даже не раз, ещё в Золотой Цепи.

— Некоторые слухи, кажется, — невозмутимо продолжил вновь прибывший, — расправляют свои крылья ближе к дому, прямо в арсенале.

— О чём, например? — осведомился Мил.

— О том, что Ворота Дельты были разрушены и их всё ещё не восстановили.

— Так это — не слухи, а факты, — отмахнулся Флориан. — Не ясно, что и как повредило ворота. Предполагается, что это мог сделать большой тарларион.

— Железный? — хмыкнул моряк. — Размером с корабль?

— Причина по-прежнему не ясна, — буркнул Флориан. — Пока вопрос не прояснится, мало толку восстанавливать ворота. Что было сделано один раз, может быть сделано снова.

— Порт-Кар под угрозой, — заявил вновь прибывший. — Распахнутые настежь ворота — приглашение к нападению.

— Ворота под охраной, да и не может ни один флот подойти со стороны дельты, — успокоил его Флориан.

— Для того чтобы напасть со стороны дельты флот не нужен, — заметил Астрон.

— Зато оттуда можно подойти незаметно и внезапно атаковать.

— Несомненно, — согласился Флориан.

— А ещё говорят, что в дельте видели странные огни, слышали странные звуки, рассказывают о таинственных событиях, — добавил моряк.

— Такие слухи ходят постоянно, — сказал Мил. — Ренсеры часто распускают их, чтобы отбить желание соваться в дельту.

— Бдительность надо повысить, — заявил Астрон.

— Пока нет причин для беспокойства, — успокоил его Флориан.

— Не понял, — удивился его собеседник.

— Не бери в голову, — отмахнулся Флориан, — наслаждайся праздником.

— Какой же это праздник? — хмыкнул Астрон. — Если это и праздник, то, как минимум, какой-то необычный. То, что я здесь вижу, ненамного больше обычного ужина моряка: хлеб, мясо, каша, лармы и пага. Разве что в тех графинах уж не ка-ла-на ли, рубиново-красная и желтовато-коричневая, как влажная кожа новорождённой кайилы? А вон те фляги и сосуды характерны для ликеров и сиропов Турии. Содержимое тех чаш может быть тоспитами, с коротким и с длинным стеблем из земель Народа Фургонов. И запахи с кухни намекают на аромат горячего, парящего чёрного вина. Этот ужин, должно быть, влетел холдингу в звонкий бит-тарск. В обычный день, конечно, столы у нас не нагружены так щедро. К тому же вы голых девок под стол загнали.

— Всегда приятно смотреть на миловидных рабынь, — усмехнулся Флориан.

— Они — прекрасное дополнение к декорациям, — заметил Мил.

— Особенно, если они нагие, — добавил Флориан.

— Их присутствие значительно улучшает аппетит, — сказал Мил.

Услышав эти ремарки, я отползла немного назад.

— Конечно, это не совсем обычный ужин, — признал Астрон.

— Хорошо, дорогой друг, — сказал Флориан. — В холдинге это ни для кого не секрет, А Ты всё-таки наш товарищ по холдингу.

— Слушаю тебя с большим интересом, — проворчал Астрон.

— Учитывая тот факт, что мы предоставили кров одной неуловимой персоне, чьё приобретение могло бы принести значительную прибыль определённым сторонам, мы долгое время опасались нападения на холдинг. Причём мы подозревали, что эту атаку мог возглавить наш самый сильный и опасный враг, Ассасин Па-Кур, проявлявший интерес к захвату укрывающейся у нас персоны. Однако не так давно мы захватили кое-кого, кто был посвящён, хотя это всего лишь рабыня, в самые секретные детали его самых заветных планов. Мы провели её допрос посредством огненной ткани и паров правды.

— Не завидую я объекту такого допроса, — сказал Астрон. — Его сознание и воля подавлены. Подчинённый химией и послушный, он беспомощен и не способен сопротивляться, вне зависимости от его прежних самых серьёзных намерений и самых мучительных страхов. Они отвечают на вопросы ясно, полно и честно. Они ничего не могут с собой поделать. Их сотрудничество гарантировано. Это так же неизбежно, как тепло огня или холод льда.

— А ещё у них не остаётся никаких воспоминаний о том, что они говорили и делали, — добавил Флориан. — Обычно они уверены, что успешно сопротивлялись допросу и ничего не рассказали.

Надо ли говорить, насколько меня не порадовало это замечание.

— Учитывая этот праздник, ка-ла-на, чёрное вино и всё такой, — предположил Астрон, — я заключаю, что результат допроса оказался благоприятным для интересов холдинга.

— Конечно, — подтвердил Флориан, но добавил: — На настоящий момент.

— Иными словами, запланированное нападение не неизбежно, — подытожил Астрон.

— Отнюдь нет, — не поддержал его оптимизма Флориан. — Просто наш противник столкнулся с трудностями вербовки и снабжения. В настоящий момент атака предварительно намечена на десятый день десятого месяца Се-Вара.

Се-Вар или Се-Вар-Лар-Торвис, следует за Девятой Рукой Перехода, в последний день которой происходит зимнее солнцестояние. Се-Вар-Лар-Торвис можно перевести как Второй Отдых Центрального Огня, Солнца, Тор-ту-Гора, Света над Домашним Камнем.

— Это больше шести месяцев, — прикинул Астрон.

— Что намного больше, — сказал Флориан, — чем даже предположения нашего человека в лагере Па-Кура относительно двух месяцев.

Я даже представить себе не могла, что холдингу удалось внедрить своего шпиона в окружение Па-Кура. Было бы трудно найти более рискованное место службы. Само собой, сама я не жаждала бы оказаться в такой роли. Внезапно меня, прятавшуюся под столом, охватил страх. Это было похоже на ощущение холодного сквозняка. Возможно, было не слишком мудро для меня знать о таких вещах. Разве я не знала о том, что любопытство не подобает кейджере? Возможно, я услышала гораздо больше, чем я, как предполагалось, могла знать. Мне вспомнилось, что Флориан увёл меня из комнаты наблюдения, незадолго до того как началась основная часть допроса Дорны. Внезапно я пожалела о том, что поддалась искушению своего любопытства. И всё же, как мы можем сопротивляться ему? Общеизвестно, насколько беспомощны кейджеры. Я решила, что самым разумным в моей ситуации будет потихоньку уползти подальше от головы стола. Хорошо ещё, подумала я, что на меня не надели колокольчики.

— За шесть месяцев, — меж тем продолжал Мил, — если всё пойдёт хорошо, Боск, лорд холдинга, вернётся домой.

— Теперь я вижу причину для чёрного вина и прочих излишеств, — заметил Астрон.

— А также Ты видишь, что пока можно отложить беспокойство, — сказал Флориан.

— Да, — подтвердил Астрон.

— Так что присоединяйся к нам, благородный Астрон, — предложил Флориан.

— С удовольствием, — отозвался тот. — И всё же я чувствовал бы себя лучше, если бы Боск был рядом.

— Он, как и большинство из нас, больше времени проводит в море, чем на берегу,
— сказал Мил.

— Когда Боск ушёл в море? — поинтересовался Астрон.

— Где-то двенадцать дней назад, — ответил Мил.

— И с какой же целью? — полюбопытствовал Астрон. — Он собирается наполнить свои трюма золотом и рабынями?

— Тут ситуация довольно странная, — сказал Мил. — До его ушей дошли слухи, что Боск из Порт-Кара наводит ужас к западу от Коса и Тироса, беспощадно нападая на города и посёлки Самых Дальних Островов, Хиоса, Дафны и Теры.

— Но это же абсурд, — удивился Астрон.

— Какие-то самозванцы подняли на своих кораблях фальшивые флаги, — проворчал Мил.

— С какой стати кому-то делать это? — спросил Астрон.

— Например, чтобы скрыть свою истинную идентичность, — предположил Мил.

— Боск был в ярости, — сообщил Флориан.

— Гнев Боска — штука пугающая, — сказал Мил.

— Немногие рискнули бы стать его мишенью, — хмыкнул Флориан.

— То есть, Боск отправился в море, чтобы заняться расследованиями? — уточнил Астрон.

— В холодной ярости на трёх кораблях, — сообщил Флориан.

— Мне остаётся только пожелать ему удачи, — сказал Астрон.

— Так же, как нам всем, — добавил Флориан.

Я решила, что мне пора осторожно уползать отсюда. Я и так уже услышала достаточно. Я боялась, что услышала даже слишком много.

— Так что, давай теперь воздадим должное ужину, дорогой Астрон, — предложил Флориан. — Столы ломаются от еды и напитков. Будем есть и пить допоздна.

— Поддерживаю, — откликнулся Астрон.

Я начала пятиться назад.

— Неуклюжая рабыня! — услышала я недовольный мужской голос.

— Простите меня, Господин! — пролепетала я.

— Не бей её, — попросил другой мужчина. — Она всего лишь хочет прижаться щекой к твоему колену, жалобно посмотреть на тебя и получить крошку еды.

— Девки под столом питаются только тем, что им дают, — пояснил третий мужчина.

— Пусть она просит в другом месте, — буркнул тот из них, которому я, очевидно, помешала наслаждаться ужином.

— А ну-ка ползи сюда, рабыня, — приказал Флориан.

Мне ничего не оставалось, кроме как подползти и встать перед ним на четвереньках.

— Ну и? — спросил он, строго глядя на меня.

— Простите меня, Господин, — прошептала я.

— Похоже, Ты услышала слишком много, — констатировал он.

— Я не подслушивала, — попыталась оправдаться я, — просто там, где я была, я ничего не могла поделать с тем, что я вас слышала. Но я услышала совсем немного. Совсем чуть-чуть.

— А почему Ты была там, где была? — поинтересовался Флориан.

— Простите меня, Господин, — пролепетала я.

Я испугалась, что разозлила его, и что мой проступок можно было бы счесть серьёзным нарушением. Разозлить господина — что может быть хуже для такой как я? Какая рабская девка не знает этого? Также, разве я не услышала того, что не могло предназначаться для ушей кейджеры?

Я растянулась на животе, в страдании прижав губы к ногам Флориана, и принялась снова и снова целовать их со всей возможной страстью. Это было самым распространённым способом, которым рабыни пытаются умиротворить рабовладельца.

— Ну что, Мил, — немного погодя с иронией заговорил Флориан, — что будем с ней делать? Сварим её в масле?

— Не стоит, — ответил Мил, явно принимая его игру. — Лучше в воде. Это дешевле.

— Можно бросить её в кусты-пиявки, — предложил Флориан.

— А что если они выбросят её обратно? — засмеялся Мил.

— Что насчёт скормить её слинам? — осведомился Флориан.

— И рискнуть здоровьем этих прекрасных животных? — хмыкнул Мил. — Я уже не говорю о гневе хранителей слинов?

— Господа не сердятся? — с надеждой спросила я, подняв голову.

— Я подозреваю, что длительной, основательной порки было бы достаточно, — сказал Флориан.

— Возможно, — согласился Мил.

— Я надеюсь, что нет, — встревоженно прошептала я.

Разумеется, они знали характер кейджер, и на что мы похожи. О нашем любопытстве сложены легенды, возможно, частично, потому что оно так часто остаётся неудовлетворённым. Иногда мне кажется, что хозяевам просто нравится мучить нас подобным образом. Мы ничего не можем поделать с этим. Наши шеи окружают ошейники.

— Ты, действительно, думала, маленькая идиотка, — осведомился Флориан, — что мы не узнаем о том, что Ты, голая рабыня, была рядом?

— Ну и как, удалось тебе ухватить крошки фактов, побаловать себя какими-нибудь новостями? — поинтересовался Мил.

— Простите меня, Господа, — пролепетала я.

— Всё, что Ты здесь слышала, больше не является секретом, — сообщил Флориан. — Это известно всем в холдинге. Даже рабыням.

— Я не знала, — растерялась я.

— Потому, что Ты — варварка, — усмехнулся Флориан.

— Но как же информация о вашем шпионе? — напомнила я.

— Шпион отозван, — объяснил Флориан.

— Рабыня не лишена привлекательности, — заметил Астрон, окинув меня оценивающим взглядом.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я. — Рабыня рада, если она понравилась Господину.

— Она не только бесполезна, но и чрезмерно проста, — проворчал Флориан.

— То, что бесполезная, не спорю, — согласился Астрон, — но оцени тонкость и деликатность черт лица, тёмно-каштановые волосы, мягкость губ, жаждущих быть изнасилованными поцелуем господина, сладость плеч и уязвимость живота, аккуратность лодыжек, которые будут прекрасно выглядеть в кандалах. Присмотрись к её глазам. Подозреваю, не составит труда вызвать слезы в этих прекрасных глазах.

— Женщины чудесны, когда на них нет ничего кроме ошейника, — заявил один из мужчин.

— Женщины — источник неприятностей, — буркнул другой.

— Но не тогда, когда они раздеты и их шею окружает ошейник, — сказал третий, — и особенно, когда они на коленях в тени плети.

— Истина, — подытожил первый.

— Именно так они и должны быть, — поддержал первый.

— Это — то место, которому они принадлежат, — проворчал второй.

— Тем не менее, — не сдавался Флориан, — она совершенная простушка. Она — девка из Золотой Цепи.

— Девушка из Золотой Цепи? — переспросил Астрон.

— Да, — подтвердил Флориан.

— Могу в это поверить, — кивнул Астрон.

— Спасибо, Господин, — улыбнулась я, а потом, повернувшись к Флориану, поинтересовалась: — Могу ли я говорить, Господин?

— Можешь, — не стал запрещать мне он.

— Боюсь, я не так проста, как Евфросиния, — сказала я.

Взрыв смеха Мила был таким громким, что я вздрогнула.

— Вовсе нет, — поспешила заверить его я.

— По сравнению с Евфросинией, — прорычал он, — Ты — не больше, чем пятнистая тарскоматка, результат ошибочной селекции!

Я сочла за благо промолчать, но это молчание, уверяю вас, не означало согласия. Однако с тем, что Евфросиния была одной из самых популярных девушек в таверне, спорить было трудно.

— Я так понимаю, — улыбнулся Астрон, — Хо-Тоск остался непреклонным.

Я вспомнила, что Астрон был долго в море.

— Я не взял бы Евфросинию, даже если бы её отдали мне даром, — сердито бросил Флориан.

— Конечно, конечно, — хмыкнул Астрон.

— Это всем известно, — закашлялся Мил, явно пытаясь подавить смех.

Я давно подозревала, что воинственная враждебность Флориана к Золотой Цепи, и всем, что могло касаться этого заведения, имело некоторое отношение к красоте Евфросинии.

— Господин, — обратилась я к Флориану, — я голодна. Нельзя ли меня покормить?

Я надеялась, что он покормит меня с руки, но была бы рада и кусочку еды, брошенному на пол под стол, который я должна была бы взять, стоя на четвереньках и не пользуясь руками.

— Не сейчас, — буркнул Флориан. — Возможно, позже. Если тебе повезёт. Ты была излишне любопытна. Нам придётся найти способ отслеживать твой местоположение. Мне не нравится то, что Ты подкрадываешься и суёшь нос, куда не следует. Может статься, что в другой раз мы можем не узнать о твоём присутствии. Ползи на кухню. Я передам инструкции кухонному надсмотрщику.

— Да, Господин, — вздохнула я.

Я была очень голодна. Мне стоило бы держаться подальше от головы стола. Не приползи я сюда и, я уверена, к настоящему времени мне перепало бы несколько кусочков. Также, к своему раздражению, я узнала, что моё присутствие, по-видимому, оказалось не столь незаметно, как я полагала, да ещё и информация, которую я получила, поздравив себя со своей хитростью и умом, была общеизвестным фактом, по крайней мере, в холдинге. Просто никто со мною ей не поделился. Безусловно, для девушек холдинга я пока не стала своей, и я думаю, что именно в этом, а не в том, что я была варваркой, крылась причина того, что до меня не доходила никакая информация. Мой гореанский к этому времени улучшился настолько, что многие рабыни в холдинге, насколько я могла судить, хотя не были уверены в моём акценте, принимали меня за носительницу языка. Разумеется, я не видела большого смысла в том, чтобы рассеивать их заблуждение. Вот если бы мне, возможно, в качестве насмешки или прихоти, хозяева оставили мне моё прежнее земное имя «Маргарет», хотя, конечно, в этом случае оно было бы не больше чем простая рабская кличка, многое, скорее всего, выглядело бы по-другому. Девушкам, гореанкам по рождению, кстати, иногда дают

земные женские имена, возможно, чтобы наказать их, унижить, оскорбить, обидеть и так далее. Конечно, они должны отзываться на любое, данное им имя, быстро, без возражений и сомнений.

Пошевелившись, я проснулась, с раздражением услышав надоедливый звон колокольчиков. Я сменила позу, поправила одеяло, в которое куталась, после чего постаралась лежать настолько неподвижно, насколько могла, чтобы не бренчать колокольчиками. На этот раз мне удалось проспать несколько анов. Я предположила, что было что-то между вторым и третьим аном. Вообще-то я не была уверена, что именно стало причиной моего пробуждения. Возможно, это были колокольчики. Одна из девушек, посмеиваясь над моим замешательством, от того, что я теперь их носила, успокоила меня, сказав, что после второй ночи я перестану их замечать и буду спать, словно их нет. И всё же, я не была уверена, что именно меня разбудило. Я была в своей клетке, голая, как большинство из нас, по крайней мере, в этом холдинге, обычно проводят ночь. Одеяло, большое и тёплое, служило одновременно матрасом и постельными принадлежностями. Иногда, в качестве наказания, девушку могут лишиться одеяла. Во многих заведениях девушек на ночь приковывают цепью к кольцам. Если рабыня принадлежит частному владельцу, чаще всего она спит у подножия его ложа, прикованная цепью на шею или лодыжку, обычно левую. Таким образом, она всегда под рукой у хозяина, на случай, если пробудившись, он пожелает воспользоваться ею. Лёгкое натяжение цепи предупреждает девушку, что ей пора просыпаться, становиться на колени и, опустив голову, ожидать команды доставить удовольствие господину. Некоторым рабыням частных владельцев позволено делить постель господина. Это — признак большой благосклонности, и часто, чтобы заслужить такую привилегию и честь, рабыня должна очень постараться и потратить немало времени. Кроме того, прежде чем подниматься на кровать своего господина, она встаёт перед нею на колени, кротко поднимает и два или три раза целует постельные принадлежности, и затем и само ложе. Но чаще всего рабыням, как и другим животным, не позволяют спать на кровати. Снова, к моему раздражению, звякнули колокольчики. Они были в три ряда обёрнуты вокруг моей левой лодыжки и заперты. Снять их я не могла. Как смеялись надо мной другие рабыни! Как оскорбительно было для меня их веселье. Это не были те чувственные колокольчики, звон которых может возбудить мужчин до такой степени, что они теряют контроль над собой, или те, которые надевают многие танцовщицы, прежде чем выйти на танцевальную площадку, или те, которые иногда закрепляют на лодыжке рабыни перед её использованием, чтобы они могли своим звуком записать каждую её реакцию от малейшей дрожи до самой дикой страсти. Нет, это были маленькие звонкие колокольчики, того вида, которые могли бы быть навешены на пасущихся тарсков или верров, чтобы

пастухам легче было определять их местонахождение. Похоже, хозяева решили, что я была слишком любопытна.

— Мы должны будем найти способ отслеживать твои перемещения, — заявил Флориан.

Очевидно, его не обрадовала моя попытка незаметно подкрасться к ним. Ах, как ужасно, если они не могут немедленно узнавать о моём присутствии! Как это может быть смущающе! Ну что ж, теперь у них не было особых причин волноваться по этому поводу! Я не могла даже пошевелиться без того, чтобы это не было отмечено надоедливым звоном! Как и было мне приказано, я так и не получив ни крошки еды, поползла на кухню, где, прикованная за шею к кольцу, ждала, слушая шум пира, песни и вопли мужчин, и радостные крики рабынь, делящих с ними банкет. Наконец, на кухне появился кухонный надсмотрщик, по-видимому, получивший соответствующие инструкции. Мне было выдано две ложки рабской каши, после чего на мою лодыжку закрепили колокольчики и, под конвоем охранника отправили спать. Весь путь до моей клетки я проделала на четвереньках под раздражающее брнчание колокольчиков. Некоторое время позади меня ещё слышались звуки банкета. Организаторы праздника, как сообщил Флориан, планировали «есть и пить допоздна». Наконец дверь клетки захлопнулась позади меня.

Для меня было загадкой, почему я проснулась именно в этот момент. Возможно, меня разбудил звон колокольчиков. Я не знала.

Я лежала на полу клетки, закутавшись в тёплое одеяло, стараясь не шевелиться, и пыталась разобраться в своих запутанных мыслях и чувствах. Я вспоминала свою прежнюю жизнь на Земле. Так ли уж свободна я была тогда, без господина, перед которым я могла бы, наконец, стать собой? Была ли я, да и многие другие тоже, по-настоящему свободны там? Разве я не подвергалась тысяче ограничений, давлений и сил, не направлялась тысячей условий и соглашений, не соблюдать которые не имела права? Разве мне не диктовали, как я должна была говорить, вести себя и даже думать? И как рискованно было бы не соответствовать этим правилам и предписаниям! Сколько обмана и лжи было наложено на меня от имени правды и честности? Были ли мы действительно свободны, подобно насекомым роясь среди тех огромных, сверкающих на солнце стен из стали и стекла? Неужели природа, с её ветрами и солнечным светом, дождём и снегом, травой и горами была ниже этих переполненных, шумных улиц извивающихся на дне тесных, узких каньонов, разделяющих искусственные утёсы? Неужели кому-то показалось настолько замечательным делом, бороться и карабкаться, готовить и планировать подъем по лестнице, ведущей в никуда? Неужели жизнь, проведённая на вечеринках и в ресторанах, в театрах и ночных клубах — это лучшая из возможных перспектив? Целесообразно ли по своей воле

лезть в ловушку, пусть и привлекательно блестящую? Станет ли имеющее мозги животное осознано позволять опутать себя цепями, даже если эти цепи золотые? На Земле моя жизнь была мелкой и ветреной, претенциозной, лишённой покоя и смысла. Какой я была тщеславной! С каким удовлетворением и гордостью смотрела я на свои проделки! Как ярко я блистала среди таких же бесполезных безделушек! А затем на меня обратили внимание и переправили на Гор, сделав рабыней. Но разве это не было для меня подходяще и заслуженно? Какую ещё судьбу могла бы заслуживать, такая как я, настолько дешёвая и бесполезная, настолько корыстная и мелочная, как не быть рабыней, чей удел принадлежать и подчиняться? Для чего ещё могла сгодиться такая как я? И вот я нашла себя раздетой и проданной с торгов в Брундизиуме. Теперь у меня появилась некоторая ценность, какой маленькой бы она ни была, ценность рабыни. Как одиноко мне было в клетке и ошейнике. Как жаждала я господина, принадлежа которому я могла бы реализовать свою бесполезную женственность!

Я не знала, почему я проснулась именно в этот момент.

Мне вспомнилась Дорна.

Она должна была прийти в сознание где-то в одном из районов Порт-Кара и найти себя в тунике Золотой Цепи и с новым ошейником на шее, несомненно, тоже принадлежащим той же таверне. Конечно, она могла бы попытаться скрыться с того места, но куда было идти и где прятаться рабыне, одетой в тунику, отмеченной клеймом и носящей ошейник? Возможно, стражники уже выбрали её и препроводили в Золотую Цепь, где она, как планировалось, должна была послужить приманкой для её хозяина, Па-Кура из касты Ассасинов. Я предположила, что Хо-Тоск не станет поступать в неё, как с беглой рабыней, всё же фактически она таковой не являлась. Удар плетью — штука очень болезненная. Однако я думала, что ради поддержания игры, что она совершила попытку побега из таверны, наказание могло бы быть в порядке вещей, чтобы развеять все подозрения. В свете этих умозаключений, особенно, учитывая то, как она обращалась со мной, я была готова с полным хладнокровием смотреть на избиение Дорны.

Я не забыла, как Флориан, когда мы шли к комнате наблюдения, мимоходом обмолвился, что есть кто-то, кто хотел меня. Разумеется, это не могло не задеть моё любопытство, разжечь моих предчувствий, но, как это часто бывает с хозяевами, мой провожатый не стал уточнять этот вопрос. Я понятия не имела, кем мог бы быть этот таинственный кто-то, но я рискнула предположить, что это был один из мужчин холдинга, один из тех нескольких, которые посматривали в мою сторону с интересом, или тот или иной из тех, кто видел и, возможно, даже попробовал меня в Золотой Цепи. Я задавалась вопросом, согласится ли Хо-Тоск продать меня? Я предположила, что это будет зависеть от предложенной цены.

Также мои мысли периодически возвращались к Адрасте. Я иногда видела её в холдинге, приставленную к той или иной рабской работе. Похоже, её красота не помогла ей выторговать себе избавление от работ по дому, которые поручались всем рабыням. Выглядело так, что к ней относились точно так же, как и ко всем остальным рабыням, не лучше, но и не хуже. Я подозревала, что именно такое небрежное, обыденное, безразличное отношение, если ничто иное, приводило высокомерную красотку в бешенство. Теперь мои сомнения в том, что Адрасте раньше могла быть Леди Джулией Летой из Ара, практически превратились в убеждённость, чему в немалой степени поспособствовало моё приключение в дельте, в бытность мою рабыней того, кто называл себя Бруно из Торкадино. Металлический монстр, разговор о найме бойцов, закупке оборудования и накоплении ресурсов, а также присутствие здесь Па-Кура из касты Ассасинов, намекало на предприятие и проекты, намного более важные и весомые, чем просто захват красотки, промышлявшей присвоением фондов на улице Монет Ара. Фактически, я не была уверена, что Леди Джулия Лета из Ара вообще существовала, не говоря уже о том, она могла бы быть одним лицом с Адрасте, которая раньше должна была быть персоной намного более важной. Хотя меня это сильно тревожило и пугало, но у меня появились мысли, что она, действительно могла бы быть бывшей Таленой из Ара, самозваной Убарой, предавшей свой город, и теперь разыскиваемой по всему Горы. Возможность этого, конечно, была крайне мала, если не исключена вовсе, поскольку всем было известно, что Талена в данный момент находилась на Косе, в безопасности, под защитой своего бывшего союзника Луриуса из Джада.

В моих блуждающих мыслях также то и дело всплывал Флориан, и в такие моменты во мне вспыхивало раздражение, причины которого выходили за рамки его молчания относительно имени того, кто предположительно проявлял интерес ко мне, и даже его радикального и необъяснимого пренебрежительного отношения ко мне в частности и Золотой Цепи в целом. Казалось более чем очевидным, это именно он сделал меня невольной участницей политических интриг, сути которых я не понимала, хотя, по-видимому, делал он это согласно распоряжениям кого-то более важного. Но это ведь именно он, сообщил мне, прикованной цепью в алькове Золотой Цепи, что Адрасте была мошенницей, известной как Леди Джулия Лета из Ара, объявленной в розыск судом Ара, и потребовал от меня шпионить за нею и предупреждать Хо-Тоска о любых необычных или подозрительных действиях, расспросах, контактах и так далее, которые могли бы иметь к ней отношение. Я давно подозревала, а теперь была практически уверена, что мне лгали, давали ложную информацию, причём не столько, чтобы ввести в заблуждение меня лично, сколько чтобы я, скажем, под пыткой или иным способом допроса, могла бы дезинформировать врагов, что ввести в заблуждение

и их тоже. Я до сих пор не могла вспоминать допрос с огненной туникой и парами правды без содрогания. Я была уверена, что ничего не рассказала, но позже Аддисон Стил заверил меня, что я была очень разговорчива, выложив всё, что знала честно и без утайки. Тогда меня это напугало, но теперь, стало ясно, что я передала лишь ложную информацию, чья ценность, если таковая вообще имелась, состояла в том, чтобы ввести в заблуждение врагов.

В холдинге стояла тишина. Банкет, затянувшийся до самой ночи, к этому моменту закончился. Я старалась не шевелить левой ногой, лодыжку которой опоясывал ремешок с унижительными колокольчиками того вида, который мог бы украсить тарска или верра. Вот удивятся-то этим утром другие рабыни! Хорошо ещё, что немногие, если таковые вообще имелись, знали о том, что я — варварка. Это было бы уже слишком.

Не знала, почему я проснулась именно в этот момент.

Я мало что знала о политике и интригах Гора в целом, и Порт-Кара в частности. Подслушанный разговор позволял заключить, что вчерашний день был важен для холдинга. Собственно, разве сам банкет свидетельствовал не об этом? По-видимому, допрос Дорны дал немало интересной информации, например, о том, что никакого штурма или нападения на холдинг в ближайшее время ожидать не стоило. Огненной тунике и парам правды сопротивляться невозможно. Это я изучила на собственном опыте. Даже некоего шпиона, внедрённого в лагерь Па-Кура, решили отозвать, несомненно, чтобы избежать грозящей этому агенту опасности, которая с течением времени могла бы возрасти в разы, если не по экспоненте.

Удивительно, какая стояла тишина.

Я боялась шевелить ногой, чтобы звоном колокольчиков не нарушить её.

Я заметила, что после допроса Дорны в холдинге заметно спала напряжённость и тревога, появившиеся, по-видимому, после отбытия Боска из Порт-Кара, владельца холдинга. Насколько я знала, мне ещё ни разу не доводилось видеть или встречать его. Судя по тому, что мне удалось подслушать, он был в море, покинув холдинг, чтобы провести расследование относительно слухов о том, что он собственной персоной напал, грабил и разорял города Самых Дальних Островов.

Я пыталась заснуть снова, но навязчивые мысли мешали мне это сделать.

Я сама подверглась пытке огненной туникой и допросу под парами правды почти так же, как и Дорна. Но Дорна, как и её союзники, не могла не знать, что такому способу допроса сопротивляться невозможно. Насколько я понимаю, я выложила всё, что знала, полностью и без утайки. Но что именно я могла рассказать? Только то, что мне рассказали. Только то, что я считала правдой.

Я не знала, по какой причине я проснулась именно в этот момент.

Боск из Порт-Кара вышел в море, и был далеко отсюда. Его можно было понять. Кто бы на его месте не пришёл бы в ярость и не бросился бы расследовать ограбления и непотребства, совершаемые от его имени?

Его не было в холдинге.

Внезапно я с ужасом поняла, почему я проснулась именно сейчас. Не мешкая ни мгновения, не обращая внимания на звон колокольчиков, я поднялась на колени и, схватившись за прутья своей тесной крепкой клетки, принялась дико трясти их, но быстро осознав бесполезность этого занятия, закричала:

— Господа, Господа!

И почти одновременно с этим, я услышала крики и вопли, долетавшие снаружи, из коридора, а также топот бегущих ног и звон оружия.

Глава 41

События в холдинге Боска из Порт-Кара

Б

ыло уже позднее утро, около девятого ана, когда дверь комнаты, в которой находилась моя клетка, распахнулась от удара ноги, и в помещение вошёл бородатый незнакомец в алом шарфе и с обнажённым мечом в руке. Он быстро осмотрелся, оценив обстановку в комнате, а затем шагнул к моей клетке. Я немедленно встала на колени и согнулась в поклоне, опустив голову на пол клетки.

— Почему Ты одна? — спросил мужчина. — Ты что, наказана?

— Меня держат одну, — ответила я. — Я не знаю почему, но думаю, что это как-то связано с тем, что я нахожусь под опекой холдинга, но самому холдингу не принадлежу. Я не думаю, что я наказана.

Он поднял лампу.

— Убери одеяло, — потребовал незнакомец, и я, не мешкая ни мгновения, выполнила его приказ.

Рабыни должны повиноваться без сомнений и без промедлений.

— Я вижу на тебе колокольчики, — констатировал он, — хотя и грубые.

Колокольчики звенели при каждом моём движении, и я ничего не могла с этим поделать.

— Выпрямись, — приказал мужчина, — подними голову.

Разумеется, я тут же сделала, как он требовал.

— Ты — девка для удовольствий, не так ли? — уточнил он.

— Да, Господин, — подтвердила я.

— Тогда почему, — спросил он, — на тебя не навесили колокольчики рабыни для удовольствий?

— Я не знаю, — пожала я плечами.

— Расставь колени, — велел бородатый незнакомец. — Шире!

Естественно, я немедленно приняла требуемую от меня позу, а затем, повинуясь его окрику, развела колени максимально широко.

— А у тебя неплохая фигура, маленькое животное, — прокомментировал он.

— Спасибо, Господин, — поблагодарила я.

— Я правильно понял, что Ты — имущество частного владельца? — уточнил мужчина.

— Нет, Господин, — покачала я головой.

— И кто же тогда твой хозяин, чей ошейник Ты носишь? — осведомился он.

— Я принадлежу Хо-Тоску из Порт-Кара, — ответила я, — на мне ошейник Золотой Цепи.

— Это — таверна? — спросил незнакомец.

— Да, Господин, — кивнула я, заключив, он был не из Порт-Кара.

— Где ключ от твоей клетки? — поинтересовался бородач, вложив свой меч в ножны.

— На стене справа, — указала я.

Уже через пару мгновений я была выпущена из клетки и стояла перед незнакомцем.

— Повернись, — приказал он, — и скрести запястья за спиной.

Едва я это сделала, мужчина быстрыми движениями дважды обмотал мои запястья узким ремешком и рывком затянул узел, закрепив мои руки за спиной.

Закончив с этим, мужчина снова обнажил свой клинок.

— Могу ли я говорить? — спросила я.

— Да, — не стал запрещать он, однако счёл нужным предупредить: — Но если мне не понравится, Ты будешь избита.

— Холдинг захвачен? — полюбопытствовала я.

— Скорее пока осаждён, — хмыкнул незнакомец. — Бой ещё идёт.

— Что происходит? — осведомилась я.

— Рейд за рабынями, — объяснил он. — Прошёл слух, что в этом доме собрали и приготовили для отправки на рынки хороший урожай сочных фруктов. Судя по тому, что я видел, слухи не лгут.

«Он не в курсе, — подумала я. — Он не понимает, что происходит». Я была уверена, что происходящее не имело ничего общего с обычным набегом за рабынями. Главной целью этого нападения, я не сомневалась, было приобретение одной единственной, конкретной рабыни, а именно — Адрасте, а не обычный сбор урожая рабынь. И, похоже, что этот мужчина об этом не знал.

— Да и Ты сама, — усмехнулся бородач, — более чем приемлема.

— Спасибо, Господин, — улыбнулась я.

— Ведомое положение, — скомандовал он, и я наклонилась, тут же почувствовав его левую руку, сжавшую мои волосы.

Удерживая мою голову у своего бедра, мужчина вывел меня из комнаты.

Вскоре я была добавлена к каравану из десятка связанных верёвкой за шею рабынь. Меня поставили последней. Караванная верёвка была дважды обернута вокруг моей шеи и завязана на узел, а её свободный конец спускался позади меня,

в ожидании следующих узниц. Не знаю, были ли на моих сёстрах по каравану раньше туники, но теперь они все были раздеты. Сама я была нагой изначально, поскольку именно в таком виде была забрана из клетки. Рабынь, прежде чем прикрепить к каравану, обычно раздевают. Руки всех девушек, как и мои собственные, были связаны за спиной. Мы были одни в коридоре четвёртого этажа.

Некоторое время откуда-то, явно издалека, да нас доносились крики мужчин и звон оружия. Затем стало тихо.

— Расскажите мне, — попросил я Целлу и Янзе, ближайших ко мне девушек каравана.

— Незадолго до рассвета, — сказала Целла. — Пять могучих грузовых тарнов, каждый с верёвкой, за которую держались десять мужчин, зависли над парапетом. Эти налетчики спрыгнули вниз и быстро захватили парапет, сбросив вниз верёвочные лестницы, где уже ждали баржи, с которых на парапет забралось ещё больше нападавших. Если охранники на стене и были, то их было очень мало, и они расслабились. С ними было покончено очень быстро.

Я мало что знала о тарнах и ещё ни разу не видела ни одного из них. Я заключила, что это были гигантские опасные крылатые монстры. Немногие осмеливались приближаться к ним. Тех немногих, самых опрометчивых или достаточно безумных, чтобы рискнуть подняться на их спину и занять место в седле, называли «Тарнсмэнами». Они — необычные, страшные мужчины.

Однако эти ширококрылые, быстрые, ужасные монстры были довольно редки в окрестностях Порт-Кара.

— Наверное, это нападение на Порт-Кар, — предположила Янзе.

— Вряд ли, — усомнилась Целла. — Чтобы реально угрожать городу, потребовался бы целый флот и сотни тарнов.

— Значит, удар нанесён именно по холдингу, — заключила Янзе.

— Хозяева были не готовы, — сказала Целла. — Очевидно, они ничего не подозревали.

Мне вспомнился оптимизм и чувство ложной уверенности, которым были полны наши хозяева. Как неблагоразумно они поглощали еду и напитки, и намеревались «гулять допоздна»! Какое несчастное их ждало пробуждение. Как тяжело им было, похмельным и смущённым, проснуться и обнаружить в коридорах их цитадели врагов. Я задавалась вопросом, могло ли произойти что-то подобное, если бы Боск из Порт-Кара присутствовал в холдинге? Можно было представить, как он был бы разъярён, если бы узнал о столь вопиющем, хотя и понятном, отсутствии готовности.

— Сколько всего нападающих? — поинтересовалась я.

— Много, — ответила Целла, — боюсь, не меньше шестисот.

— Нам никто ничего не говорит, — вздохнула Янзе, — но некоторые из нас видели дерущихся мужчин, и все слышали крики врагов, их переговоры и приказы.

— Похоже, злоумышленники заняли парапет и три верхних этажа холдинга, а также подошли к воротам канала, — предположила Целла.

Если это имело место, то сопротивление вторжению должно было возрасти, поскольку к этому времени защитники холдинга должны были прийти в себя, сплотиться и организовать отпор. Злоумышленникам не удалось захватить холдинг одним ударом, даже несмотря на подавляющее численное превосходство и внезапность нападения. Я предположила, что некоторые коридоры были забаррикадированы. Мы находились на четвёртом этаже холдинга. По моим прикидкам, в холдинге, с учётом экипажей галер, стоявших у причала, было что-то около ста мужчин. На мой взгляд, злоумышленники поступили логично, блокировав ворота, соединявшие холдинг с каналами. Тем самым они лишили обороняющихся возможности вывезти Адрасте из холдинга. Нападающие, по-видимому, попали в гавань к воротам с крыши, спустившись по веревочным лестницам, подобным тем, которые были использованы, чтобы взобраться на парапет. Я не слышала никаких признаков набата или звона городских сигнальных колоколов, таким образом, можно было заключить, что в городе, по крайней мере, пока, никому о набеге ничего известно не было.

Верёвка за моей спиной пустовала недолго, и спустя всего несколько енов после того, как меня добавили к каравану, к ней привязали ещё четырёх рабынь. Это были Мира, Лана и две Литы. Последних в холдинге, чтобы не путать, упоминали, как Лита-блондинка и Лита-брюнетка. «Лита» вообще одна из самых распространённых рабских кличек на Горе.

— Слышишь? — прошептала Целла.

— Слышу, — кивнула я. — Мечи звенят.

Затем несколько енов было тихо, а немного погодя до нас снова некоторое время долетали звуки соударяющейся стали. Наконец, опять наступила тишина. Звуки боя, насколько я могла судить, доносились снизу, из-под пола, что указывало на то, что мужчины холдинга попытались атаковать налётчиков на третьем этаже, но, похоже, неудачно. Учитывая, что враги превосходили мужчин холдинга численно, с большой долей вероятности, шесть к одному, казалось неизбежным, что они, то есть злоумышленники, только за счёт своего количества смогут не только легко удерживать захваченный третий этаж, но вскоре захватят второй и начнут штурмовать первый. Защитники холдинга в этом случае окажутся зажатыми между ними и теми, что стояли снаружи у ворот канала.

— Господа! — внезапно предупреждающе крикнула Рената, стоявшая второй в караване.

Мы все немедленно упали на колени.

В коридор быстрым шагом вошли четверо мужчин в красных шарфах. Я предположила, что они спустились с пятого этажа, с которого можно было попасть на парапет.

Увидев вошедших, я тут же отвернула голову в сторону.

Я знала того из них, кто шёл первым! Это был Па-Кур из касты Ассасинов!

— Поднимите головы! — рявкнул он и, прошагав вдоль каравана, закричал: — Её здесь нет! Её здесь нет!

— Кого здесь нет? — поинтересовался один из сопровождавших его мужчин.

— Эти рабыни очень даже ничего, — прокомментировал другой. — Смазливые. Давайте отведём их на стену и спустим к баржам.

— Мне нужна она! — выкрикнул Па-Кур, поворачиваясь к говорившему и вперивая в него дикий взгляд.

— Кто именно? — спросило тот.

— Мы продолжим поиски! — заявил Па-Кур, игнорируя его вопрос.

— Одумайтесь! — попытался урезонить его один из мужчин с красным шарфом. — Город недолго будет оставаться в неведении. Опасность растёт с каждым еном. Нам нельзя задерживаться. Похоже, нас ввели в заблуждение. Это не похоже на работорговый дом с переполненными загонами! Сомневаюсь, что в этом холдинге наберётся больше двадцати рабынь. Очевидно и то, что вас не интересуют рабыни! Если вас что-то и интересует, то одна единственная рабыня или акт мести!

Внезапно он замолчал, что было очень мудро с его стороны, поскольку меч Па-Кура замер перед его грудью, прямо напротив сердца.

— Ну что, будем продолжать поиски? — осведомился Па-Кур.

— Любой ценой, — прошептал его оппонент.

— Кого мы ищем? — спросил другой мужчина, с бледным лицом отступая назад.

— Вы сможете опознать её? — уточнил третий.

— Да, — заверил его Па-Кур. — Когда-то она была моей пленницей, и её лицо было столь же открыто как рыло тарскоматки.

И он направился дальше по коридору.

Па-Кур не стал углубляться в этот вопрос, где, когда и при каких обстоятельствах она была его пленницей, и что за этим последовало.

Четырнадцать девушек, в том числе и я, снова остались одни.

— Я слышу звуки боя, — шёпотом сообщила Целла.

На этот раз звук был слабым, едва слышимым.

Чуть позже мы услышали звон, городской колокол пробил десять раз, возвещая о наступлении полдня. Вскоре после этого к каравану была добавлена Портя, и мы снова остались в коридоре одни. Теперь, хотя никого из мужчин с нами не было, мы стояли на коленях. Кто мог знать, когда кто-то из хозяев появится в коридоре?

Насколько правильным казалось мне то, что я должна была стоять на коленях, с верёвкой на шее и со связанными за спиной запястьями.

Я, как и другие рабыни, должна была ждать и принять результат действий мужчин, как домашние животные, которыми мы были.

Нападавшие носили красные шарфы. Это указывало на то, что они не были давними партнерами. Фактически они не знали друг друга. Похоже, они были собраны недавно для одной единственной задачи, одной единственной миссии. С другой стороны мужчины холдинга хорошо знали друг друга и легко узнавали своих товарищей в лицо.

Сама я была плохо знакома с холдингом Боска из Порт-Кара. В конце концов, я ведь не была членом его домашнего хозяйства. Вероятно, это не имело большого значения, когда ты — рабыня. Тебя просто продают на том или ином рынке, ты просто находишься в той или иной клетке, на той или иной цепи, в том или ином ошейнике. И всё же, насколько важен для нас господин! Сколь многое зависит от него! Какое, в конечном итоге, если господин хороший, имеет значение, живёт ли он в Аре или Брундиизиуме, в далёкой Турии или даже в Порт-Каре? Имеет ли значение, родился он на острове вроде Коса или Тироса, или на материке? Я знала, что в животном мире послушание и подчинение были повсеместно распространённым и практически универсальным явлением. Но разве люди не были частью природы, её порождениями, столь же реальными и честными, как любая другая форма жизни, появившаяся в ходе эволюции и жёсткого естественного отбора, сформировавшаяся в свете тех же тенденций, привычек и сил, которые управляли всей жизнью и смыслами? Можем ли мы быть довольны жизнью, пока не окажемся на коленях у ног наших хозяев? По своей природе мы — их собственность. Я жаждала господина, который был бы настоящим хозяином для моей рабыни, был бы добр ко мне, но при этом держал под рукой плеть и без малейшего сомнения использовал бы её, если бы я посмела вызвать его недовольство. Я жаждала господина, которому я не только должна была бы повиноваться, но я хотела бы повиноваться. Как я хотела принадлежать Аддисону Стиллу!

Как он стал бы обращаться со мной?

Я знала, что он презирал меня, презирал до отвращения, и имел на это полное право.

Но я постаралась бы быть ему хорошей рабыней.

Я приложила бы все силы и способности, чтобы не быть наказанной слишком часто.

Наш караван разместили у самого конца длинного коридора, шедшего вдоль стены дельты. Свет попадал в коридор через узкие бойницы, прорезанные в стене.

Последнее время я не встречала Адрасте, но предположила, что она всё ещё находилась в холдинге.

Я задавалась вопросом, каковы могли бы быть отношения, если таковые имелись, между нею и таинственным Боском из Порт-Кара?

Возможно, подумала я, Па-Кур и его союзники уже определили её местонахождение.

Не похоже, чтобы Па-Кура заинтересовал наш караван, за исключением его беглого осмотра на предмет нахождения в нём той, кого он искал, несомненно, Адрасте.

Один из сопровождавших его мужчин, как я помнила, предложил спустить нас со стены и погрузить на баржу. А вот у Па-Кур, очевидно, не было интереса к простому приобретению небольшого количества соблазнительных животных, которых можно было бы с выгодой сбыть с рук на том или ином рынке. Он упорно следовал своей основной цели, поискам одной единственной рабыни. Лично меня это только радовало. У меня не вызывала никакого энтузиазма перспектива рискованного, головокружительного спуска со стены на раскачивающейся верёвке в лапы подобранных со стороны дельты разбойников или, того хуже, быть просто сброшенной со стены, в надежде, что меня подберут из воды раньше, чем до меня доберётся голодный тарларион!

Вскоре после того, как пробил одиннадцатый ан, в коридор ввалилось что-то около трёх или четырёх десятков носивших красные шарфы злоумышленников. Некоторые из них были нагружены сосудами и подносами, другие тащили на плечах скатанные в рулоны ковры или гобелены. Многие были закутаны в дорогие одежды и плащи.

— О, ещё трофеи, — усмехнулся один из вновь прибывших, окинув взглядом караван.

— Забудь о них, — буркнул другой.

— Мы искали везде, где только можно, — сказал третий, — ни одна из рабынь не удовлетворяет капитана.

— Пора убраться отсюда, — намекнул четвёртый. — Не может быть, чтобы в городе так долго оставались в неведении относительно нашего присутствия.

— Да никто там ничего не знает, — отмахнулся пятый.

— Тревогу пока не объявили, — заметил шестой.

— Это всего лишь вопрос времени, — проворчал второй.

— Давайте поторопимся, — настаивал четвёртый.

— Ну уж нет, — сказал первый. — Давайте сначала позаботимся об этих рабынях. Мы отпрянули и сжались в наших верёвках. Мы тоже были добычей, тоже имели свою рыночную стоимость, и в этом отношении мало чем отличались от сосудов, подносов, ковров и и других ценностей.

Двое мужчин, не тратя время на развязывание узлов, принялись ножами срезать верёвки с наших шей. Делали они это столь поспешно и энергично, что заставили нас опасаться, как бы они не перерезали кому-нибудь из нас горло.

Вдруг из одного из порталов в стене, появился другой мужчина, одетый в короткую тунику, с мечом в руке и красным шарфом на плече.

У меня перехватило дыхание.

Это был Аддисон Стил!

Почему я была поражена? Разве это не было ожидаемо? Разве он не был подручным Па-Кура? Разве он не присутствовал в свите Па-Кура во время randevu с металлическим монстром на болотах? Или, может это не он был в апартаментах Дорны Гордой, союзницы Па-Кура, когда меня пытали и мучили, когда я страдала в огненной тунике, когда меня вынудили вдыхать вредные, ядовитые пары правды? И при этом всё выглядело так, что он был ещё и союзником того, кто называл себя Бруно из Торкадино, конкурента Па-Кура и его коллег. Разве его сердце не было сердцем наёмника?

Разве я не знала его как двуличного и неверного, продажного и ненадёжного субъекта? Как легко он мог поменять свои убеждения! Как я его ненавидела! Как я его презирала! И как я хотела быть закованной в цепи у его ног!

Один из тех мужчин, что вошли в коридор нагруженные добычей, возможно, старший среди них, оторвал взгляд от верёвки, которую он только что разрезал, избавив от её петель шею Янзе, и воскликнул:

— Добро пожаловать. Но берегитесь бросать нам вызов. Это наша добыча. Поищите себе трофеев в другом месте!

Сказать, что я была озадачена, это ничего не сказать. Дело в том, что вслед за Аддисоном Стилом в коридоре появились Флориан, Мил и четыре или пять других мужчин холдинга. Каждый из них нёс красный шарф. Неужели все они оказались столь же недобросовестными и лживыми, столь же неверными и беспринципными, как Аддисон Стил?

— Защищайтесь! — вдруг прорычал Аддисон Стил.

В то же мгновение награбленное, под испуганные крики рабынь и проклятия, полетело на пол. Сверкнули обнажённые мечи. Мужчины, пришедшие вместе с Аддисоном Стилом, включая Флориана и Мила, словно хищники набросились на столпившихся злоумышленников, которые сталкивались друг с другом, спотыкались, пихались и мешали друг другу. Конечно, наёмники Па-Кура значительно превосходили вновь прибывших численно, но они не были готовы к нападению, да и не ожидали его. Преимущество внезапности было на стороне вновь прибывших. Кроме того, кто мог знать, сколько бойцов могло быть позади тех, что только что вошли в коридор? Большинство злоумышленников, смущённые и испуганные, побросав добычу, повернулись и сбежали, ища спасения в

ближайших порталах. Некоторые настолько торопились, что даже застряли в этих порталах и вынуждены были бороться и даже нападать на своих же товарищей, чтобы пробиться в безопасность. Некоторые умерли на пороге, даже не успев повернуться, чтобы защититься. Тонкая линия тех из злоумышленников, которые попытались оказать сопротивление вновь прибывшим, пала практически мгновенно.

— Они разделены, — крикнул Аддисон Стил, окидывая взглядом мёртвых злоумышленников. — Они не могут общаться друг с другом, не знают нашей численности. Сейчас они спускаются к нижним этажам. У них нет единого командования.

— Это справедливо, но только на данный момент времени, — поправил его Флориан. — Скоро они перегруппируются, и у них появится руководство.

— Возможно, к настоящему времени они уже достаточно разочаровались в этом холдинге, — предположил Мил. — Они ожидали найти здесь рабынь. Кажется, их обманули, сказав, что это работорговый дом.

— Они захотят выбраться из холдинга, — сказал Флориан. — Их много, намного больше, чем нас. И они опасные парни. К тому же мужчины борются куда отчаяннее, когда на кону стоят не монеты, а их собственные жизни.

— Освободите рабынь, — приказал Аддисон Стил. — Пусть девки воспользуются задними лестницами и пробираются к первому этажу, к внутреннему коридору, ведущему к воротам канала.

Я вспомнила, что слышала, как злоумышленники упоминали о том, что их товарищи уже были около ворот канала, по-видимому, чтобы пресечь возможность вывезти Адрасте из холдинга и спрятать в безопасном месте.

Рабыни встали.

Тем из нас, что всё ещё оставались связанными в караван, как, например, была я, верёвку перерезали.

Затем один из мужчин начал аккуратно, быстро переходя от одной девушки к другой, своим ножом разрезать шнуры, которыми были связаны наши запястья.

— Нет, — остановил его Аддисон Стил, когда он подошёл ко мне. — Эту не надо. Пусть остаётся связанной.

И мужчина шагнул к следующей рабыне.

— Мне нравится видеть её в таком виде, — заявил Аддисон Стил. — Также это поможет ей не упускать из виду, что она — рабыня.

Я, с трудом сдерживая раздражение, посмотрела в сторону Аддисона Стила. Можно подумать, что мне было нужно каким-либо образом напоминать о том, что я была рабыней! Разве недостаточно было того, что я была нагой и заклеимённой, а мою шею окружал ошейник? Я сердито дёрнула своими запястьями, удерживаемыми петлями шнура за моей спиной. Разумеется, это было

совершенно бесполезное усилие. Я была беспомощна, абсолютно беспомощна. Да, перед ним, как и перед любым другим мужчиной Гора, и мне это было хорошо известно, я была рабыней. Насколько отличался он от столь многих мужчин Земли! Кем ещё могла быть такая как я, перед такими как он, кроме как всего лишь рабыней? И всё же, я подозревала, что он тоже мог бы быть мужчиной Земли. Конечно, люди Гора были такими же человеческими существами, потомками людей Земли. И осознание того, какими могли бы быть мужчины Земли, потрясло и испугало меня.

— Идём к парапету, — решил Аддисон Стил. — Там мы сможем превзойти их численно пусть и не сто к одному.

— К тому же, там мы можем поднять город, — добавил Мил.

— Зажжём дымовой маяк, — кивнул Аддисон Стил. — и будем бить в сигнальный колокол.

— А мы сможем до них добраться? — осведомился один из других мужчин.

— Следуйте за мной, — велел Аддисон Стил.

— Да, Капитан, — улыбнулся Мил.

Глава 42

Большая лодка отчаливает

— Я

слышу его! — воскликнула Целла. — Слушайте!

— Это — сигнальный колокол холдинга на парапете! — обрадовалась Портия.

— У наших хозяева получилось! — заключила Янзе.

— Наверняка, над стеной дельты сейчас поднимается дым, — добавила Целла, — сигнал об опасности.

— Теперь у врагов совсем не осталось времени, — захлопала в ладоши Коринна.

— И нам не надо волноваться по поводу новых ошейников, — подытожила Лита-блондинка.

— А как же враги смогут покинуть здание, если парапет удерживают наши хозяева? — спросила Лита-брюнетка.

— Врагов много, — покачала головой Целла. — Более чем достаточно, чтобы отбить парапет и добраться до барж.

Её слова меня не на шутку встревожили. Я испугалась, что Аддисон Стил, Флориан, Мил и остальные могут быть просто сметены со стены напором разбитых врагов, в безумном усилии пытающихся достичь спасительных барж.

Но, я не исключала и того, что Па-Кур, благодаря своему авторитету, воинским умениям и силе воли, так или иначе, мог бы объединить врагов и задержать их отступление до тех пор, пока его миссия не будет закончена. Разве не за этим он сюда пришёл? Разве не после этого было бы самое время объединить усилия, достичь парапета и, грубой силой сломив сопротивление защитников, прорваться к ожидающим внизу баржам?

Мы все, я и другие рабыни, по узкой тёмной лестнице, очень отличающейся от открытых широких лестничных пролётов, обычных для холдинга, по которым мужчины могли бы подниматься шеренгой по несколько человек, добрались до внутреннего вестибюля холдинга, соседствующего с внешним вестибюлем, самым ближайшим к воротам, выходящим в канал. Я дошла до конца лестницы последней, поскольку, будучи связанной, вынуждена была двигаться по крутым, узким пролётам соблюдая предельную осторожность, соответственно, последней я была пропущена через на скорую руку возведённую баррикаду, которая, фактически, отсекала лестничную шахту от остального холдинга.

— Ступай к остальным рабыням, — буркнул мужчина, махнув рукой в сторону стены внутреннего вестибюля, и я, звеня колокольчиками, поспешила присоединиться к другим девушкам, стоявшим там на коленях.

Некоторые из них были в туниках. Им, заключила я, повезло не побывать в руках злоумышленников. Также, я отметила, что здесь были не все рабыни. Некоторые отсутствовали. Я предположила, что они либо спрятались, либо попались на пути нападавших и теперь оставались под их опекой. Возможно, их уже могли спустить или сбросить вниз со стену дельты, и теперь они, связанные и беспомощные ожидали своей участи в одной из барж злоумышленников. Среди одетых в туники рабынь, стоявших на коленях у стены внутреннего вестибюля, особенно выделялась одна, в скромной тунике белого шёлка, темноволосая, зеленоглазая, оливковокожая. Адрасте! Какой же она была красивой! Уверена, мужчины ради обладания такой женщиной запросто могли убить, даже и без некоего загадочного приза, прилагавшегося к обладанию ею. Из всех рабынь во внутреннем вестибюле связана была только я. Аддисон Стил, этот монстр, проследил за этим!

— Что это за звук? — шёпотом спросила я.

— Удары тарана в ворота внешнего вестибюля, — объяснила Целла. — Они раздобыли бревно и теперь хотят разбить их.

«Итак, — подумала я про себя, — нападающие у ворот канала больше не намерены ждать и следить, чтобы этот портал не был использован для эвакуации Адрасте в безопасное место в городе. Теперь они полны решимости пробить себе ход внутрь. Похоже, время их теперь сильно поджигает!»

Вдруг я поняла, что больше не слышу звона сигнального колокола. Означало ли это, что враги вернули себе контроль над парашютом? Означало ли это, что Аддисон Стил, Флориан, Мил и другие мужчины были мертвы? Внешность злоумышленников не располагала надеяться, что они были склонны брать пленных. Также, я подозревала, что они, в своём разочаровании и безумстве, а теперь ещё и страхе, вероятно, вряд ли стали бы оставлять за своей спиной даже раненых противников.

Удары в ворота вестибюля продолжались с прежней частотой.

Мимо нас пробежали несколько мужчин.

— Они хотят укрепить ворота, — прокомментировала Целла.

Я прикинула, что внутри вестибюля было примерно два десятка мужчин, охранявших баррикаду и, по-видимому, ещё несколько человек, несомненно, меньше, контролировали внешний портал, который вёл к воротам канала, который, к этому моменту враги оставили в покое.

— Слышите, слышите! — привлекла наше внимание Целла.

— Это звон городских колоколов! — воскликнула Портя.

Да, до нас, действительно, долетал звон. Похоже, в набат били повсюду в городе.

— Порт-Кар поднимается! — обрадовалась Мира.

— Факелы приближаются, — сообщил один из мужчин, дежуривших у баррикады.

— Зелёный флаг переговоров!

К нему немедленно присоединились ещё около десятка защитников. Учитывая размер, тяжесть и высоту баррикады, препятствовавшие её быстрому устранению, а также ненадёжность опоры на ней, небольшого количества мужчин было достаточно, чтобы обороняться на ней от намного больших сил нападавших, по крайней мере, некоторое время.

— Переговоры, переговоры! — услышали мы голос из коридора по ту сторону баррикады.

— Пусть подойдут три человека! — потребовал один из защитников, наполовину высываясь над баррикадой. — Не больше. Один несёт флаг, второй — факел, а третий будет говорить!

На несколько мгновений повисла напряжённая тишина, а потом защитник снова заговорил:

— Достаточно, — сказал он. Стойте там! Говорите.

— Цените ли вы свои жизни? — раздался голос, громкий, высокомерный и воинственный, с той стороны баррикады.

Сказать, что я была напугана, это ничего не сказать. Я узнала этот голос. Это был голос Па-Кура!

— Намного больше, чем ваши! — насмешливо отозвался один из защитников.

— У нас нет намерения, причинить вам вред, — заявил Па-Кур. — Давайте прекратим никому ненужную резню. Нас интересует сушая мелочь. Мы не ищем ничего, что могло бы стоить дорого. Имеет место всего лишь что-то вроде личного интереса к бесполезной, украденной рабыне. Её зовут Адрасте.

Услышав своё имя Адрасте встала, но сразу вернулась на колени, повинувшись жесту одного из защитников вестибюля.

— Отдайте нам рабыню, — потребовал Па-Кур, — и мы тут же уйдем, не держа обид и пожелав вам удачи.

— Я плохо тебя слышу, — крикнул защитник баррикады.

— Вот смотрите, — продолжил Па-Кур, — я бросаю на вашу сторону этой кучи дерева, ковров и мусора кошелек. В нём три серебряных тарска. Это намного больше, чем стоит эта рабыня. Отдайте её нам. Будем считать это просто перепродажей. Хорошая сделка, нам рабыня, вам жизнь и незапятнанная честь!

Маленький мешочек, судя по звону, содержащий что-то металлическое, несомненно, три серебряных тарска, шлёпнулся на пол, в каких-то нескольких футах от того места, где мы стояли на коленях.

Я и глазом не успела моргнуть, как один из мужчин подхватил кошелек с пола и швырнул его назад на ту сторону баррикады.

— Тебя плохо слышно, — повторил защитник на баррикаде. — Ты можешь говорить громче или разборчивее?

А тем временем всё больше сигнальных колоколов всюду по городу присоединялись к тем, которые первыми подхватили тревогу, переданную с парাপета. Их звук, конечно, был приглушён массивными стенами холдинга.

— Мы подожжём вашу баррикаду! — предупредил Па-Кур.

— С удовольствием посмотрю, как вы будете атаковать сквозь огонь, — усмехнулся его оппонент.

— За моей спиной больше четырёх сотен бойцов, готовых разметать вашу хлипкую баррикаду, — пригрозил Па-Кур.

— Это капля в море по сравнению с тысячами мужчин города, — парировал защитник холдинга. — Город поднимается! Горожане вооружаются! Или, может, ты оглох и не можешь слышать набат? А что если они подумают, что вы угрожаете Домашнему Камню? Ну и какова тогда будет ваша судьба?

— Надо уходить! — донёсся чей-то крик с противоположной стороны баррикады, перешедший в вопль боли, а затем резко оборвавшийся.

— Я заканчиваю эти переговоры, — сообщил Па-Кур. — Вы свой выбор сделали, и теперь с ним умрёте!

В помещении повисла тишина, нарушаемая только звонами городских колоколов.

— К бою! — рявкнул один из мужчин холдинга со своего места на баррикаде.

В этот момент со стороны внешнего вестибюля снова послышались удары тарана и треск дерева.

— Мы не сможем удержать портал! — крикнул кто-то из стоявших там мужчин.

— Нам конец! — простонал другой.

Затем с другой стороны баррикады донёсся крик Па-Кура:

— Вперёд. Разделайтесь с ним! Быстрее! Порвите их как вуло, растопчите их как уртов! Убейте их всех! В живых никого не оставлять!

Потом началась драка, топот ног, звуки падающих тел, треск ломающегося дерева, проклятия и брань, крики ярости и хрипы смерти.

Однако казалось, что на штурм баррикады пошли немногие, и ещё меньше их, если таковые вообще были, смогли добраться до её вершины. Завал был высоким и широким, а опора с той стороны — предательской и ненадежной. А вот у обороняющихся с этим проблем не было. Опора под их ногами была надёжной, они были хорошо защищены. Баррикаду строили, помня о таких вещах. Нападающие с трудом карабкались вверх, постоянно рискуя напороться на стремительные копья и падающие на их головы топоры. На стороне защитников было преимущество высоты и безопасности их положения.

— Мы их отбили! Они отступают! Отходят! Бегут! — ликовали обороняющиеся.

Однако я не разделяла их радости. Врагов было слишком много. Мне казалось сомнительным, что столь малыми силами можно было бы долго противостоять напору столь большого по численности противника, не говоря уже о том, чтобы победить.

Внезапно со стороны внешнего вестибюля послышались крики мужчин, треск раскалываемых досок, грохот рухнувших створок ворот и звон клинков.

— Поджигайте баррикаду! — услышала я крик Па-Кура.

— У нас нет времени! — ответил ему кто-то из его мужчин. — Вы что, не слышите набат!

А затем к своему изумлению я услышал ещё один голос с другой стороны баррикады.

— Стойте, остановитесь! Стойте! Уходим, парни! Надо спастись! Времени мало. Парапет чист. Путь свободен. Все назад к парапету и вниз к баржам. Они наша единственная надежда. Время на исходе. Их скоро разрушат и подожгут! Уже сейчас галеры покидают арсенал!

Что меня так поразило и обрадовало, так это то, что это был голосом Аддисона Стила! Он жив! А затем, откуда-то с другой стороны баррикады на перебой посыпались крики.

— Спасаемся, пока ещё можно!

— Нас предали!

— Здесь нет никаких переполненных рабских загонов!

— Нас обманули!

— Нас привели умирать за чьи-то прихоти!

— Бежим! Спасаемся, пока ещё есть время!

— Путь к парапету свободен!

— Путь к спасению скоро отрежут!

— Слышите набат!

— Мужчины Порт-Кара в ярости! Они никого не пощадят. Это не в их характере. Бежим! Бежим, пока ещё можно!

— Не позволим им выставить наши тела на кольях, чтобы они гнили на стенах Порт-Кара!

Среди криков я различила голоса Флориана, Мила и, возможно, других мужчин холдинга.

— Куда! Стоять! Назад! — заорал Па-Кур. — Вперёд! На штурм! В атаку!

Но я заключила, что попытка Па-Кура остановить панику провалилась. Толпа полностью его игнорировала. Он внезапно нашёл себя окружённым обезумевшими, отчаявшимися мужчинами, думающими только о бегстве. Похоже, вскоре он остался в коридоре один.

Аддисон Стил, Флориан, Мил и другие их товарищи, повязав красные шарфы, такие же как и у злоумышленников, смешались с толпой, и умело посеяли в ней беспорядок и разногласия, панику и ужас, превратив отряд могущественного Па-Кура в отару испуганных верров. Его люди убежали в поисках лестниц, ведущих наверх. Они со всех ног драпали к парапету, задыхаясь и не встречая сопротивления. Они думали только о том, как бы поскорее добраться до верёвочных лестниц и спуститься на баржи, надеясь только на то, что они всё ещё там.

— Слины! Слины! — сначала кричал им вслед Па-Кур, а затем, вероятно, и сам последовал их примеру.

Пару мгновений спустя путь через баррикаду был открыт, и во внутренний вестибюль вошли Аддисон Стил, Флориан, Мил и некоторые другие.

Они даже не взглянули в сторону рабынь.

— Наружный вестибюль захвачен, — сообщил им один из мужчин. — Мы забаррикадировались во внутреннем вестибюле, но нас слишком мало, чтобы держать внутренние ворота. Боюсь, у нас мало надежды.

Как раз в тот момент, когда он выдал эту трезвую оценку ситуации, мы все вздрогнули, услышав, гулкий удар бревна в ворота, разделявшие внутренний и внешний вестибюли.

— Сколько там врагов? — спросил Аддисон Стил.

— Примерно ан назад я выглядывал со второго этажа холдинга и насчитал что-то около пяти-шести десятков бойцов, капитан, — доложил мужчина.

— Слишком много, — покачал головой Аддисон Стил. — Мы перейдём на другую сторону баррикады и будем оборонять лестницу. Нам нужно всего лишь продержаться, пока сотни граждан Порт-Кара не подойдут к холдингу и не снимут осаду.

— Время на нашей стороне, — кивнул Флориан.

— Давайте будем надеяться, что мы сможем дожить до их прибытия, — сказал Мил.

— Уведите рабынь в безопасное место, — приказал Аддисон Стил. — Не хотелось бы потерять их во время боя, или чтобы их случайно поранили.

— Слушаюсь, капитан, — кивнул мужчина и, повернувшись к нам, бросил: — Эй, рабыни, встать!

Мы немедленно поднялись на ноги.

Едва мы успели это сделать, как одна из досок внутренних ворот треснула и с грохотом рухнула внутрь. Бревно ударило ещё раз, и ещё одна доска захрустела и осыпалась внутрь, но сами створки ворот устояли.

Я ожидала, что следующий удар снесёт ворота окончательно, и в помещение ворвутся жаждущие крови враги, но вместо этого, к своему удивлению, я

услышала крики отчаяния, страха и боли, донёсшиеся с той стороны. Бревно больше не било в ворота. Сквозь пробитую прореху мы видели, что злоумышленники повернулись, чтобы встать лицом к другой опасности, появившейся со стороны сломанных ворот внешнего вестибюля. После короткой стычки сопровождавшейся звоном мечей и криками страдания, оружие полетело на землю, и злоумышленники начали опускаться на колени. Они опустили головы, подставляя свои шеи ударам мечей. Они сдались, безмолвно прося о милосердии. А потом раздался крик:

— Раздевайтесь, разбойники. На живот все! Руки за спину! Ждите свои цепи!

— Открывайте, открывайте ворота, именем Совета Капитанов Порт-Кара! — потребовали из внешнего вестибюля.

— Гвардейцы! — воскликнул Флориан.

Мил подбежал к полуразрушенным воротам внутреннего вестибюля, чтобы отпереть их.

— Мы спасены, — выдохнул один из мужчин.

— Вниз, рабыни, — скомандовал нам другой, и мы снова встали на колени.

Во внутренний вестибюль начали входить мужчины снаружи. Их встречали радостными криками. Оружие было вложено в ножны. Красные шарфы отброшены, их миссия была завершена. Теперь щеголять с таким символом стало опасно. Воины обнимались. Радость, возбуждение и шум наполнили вестибюль. Вдруг я почувствовала чью-то руку в моих волосах. Рука сжалась, потянула меня в сторону. И это не была рука Аддисона Стила! Я была поставлена на ноги, и в следующее мгновение к моему горлу прижалось лезвие ножа.

— Ни звука! — прошипел этот жестокий грубиян.

Первое мгновение я не узнала его, но затем у меня в памяти всплыло наше посещение Шхеры Ларса, и я поняла, кто стоял за моей спиной. Это был Вас с Ананго. А ещё я вспомнила, что Бруно из Торкадино говорил, что он мог бы быть использовать его, а также и то, что он намеревался нанять себе помощников в Порт-Каре. Мгновение спустя я с изумлением увидела и самого Бруно из Торкадино, стоявшего, опустив голову в поклоне рядом в Адрасте, которая тоже стояла, хотя и находилась в присутствии свободного мужчины. Меч Бруно из Торкадино был покрыт кровью. Я подозревала, что он прорубал себе дорогу от внутренних ворот. А потом он заговорил с нею, негромко, почти почтительно и благоговейно.

— Благородная, великолепная Убара, — сказал Бруно из Торкадино, — надежда Ара, свет мира, самая прекрасная из всех женщин, мы в большой опасности. Прошу вас пойти со мной. Снаружи ждут плащ и капюшон. Уверен, Вы узнали меня. Я — Серемидий, когда-то первый меч Таурентианцев, ваш покорный слуга, всегда преданно стоявший у подножия вашего трона. По собственной инициативе

и по поручению Убара Коса, благородного Луриуса из Джада, я должен доставить вас на Кос, к вашему союзнику и гаранту вашей безопасности, чтобы впоследствии избавить Ар от тирании Марленуса.

— Действительно ли Вы мой друг? — спросила Адрасте, или кем бы она ни была на самом деле.

— Как ужасно, что прекрасная Талена из Ара, самая свободная из всех свободных женщин, самая благородная и великолепная из всех свободных женщин, законная Убара Ара, вынуждена носить простую тунику, да ещё и ту, что носят рабыни, что её изящная, величественная шея окружена ошейником, этим тесным, непреклонным, позорным, унижительным символом рабства. Я не могу на это смотреть без содрогания. Я с трудом держусь, чтобы не упасть в обморок от неуместности и неуважительности всего этого.

— Вы собирались предать меня в Аре, — сказала она, — в надежде заслужить прощение за свои собственные преступления против государства.

— Нет, я ни за что не предал бы вас, — поспешил заверить её одноногий. — Это была уловка. Моим настоящим намерением было обмануть врагов и найти способ спасти вас, переправив к благородному Луриусу из Джада, вашему другу и союзнику.

— Я скорее поверю урту, — прошептала она.

Как смеет она, так говорить со свободным мужчиной?

Но всё же она говорила с ним вполголоса, что намекало на то, что она не была уверена относительно того, что происходило.

— Если Вы не доверяете мне, поверьте великому Луриусу из Джада, — попытался убедить её Бруно. — При мне печать Джада, взгляните, и Вы узнаете её. Я мог получить её только из рук Луриуса лично. Это подтверждение порученной мне миссии.

— Даже несмотря на это, Вы можете передать меня в Ар, чтобы сберечь свою несчастную шкуру, — не сдавалась Адрасте.

— Не забывайте, — настаивал мужчина, — что моё имя тоже находится в списках проскрипций, и что я боюсь и ненавижу Ар. Для меня было бы безопаснее войти клетку голодного бешеного слина, чем в Ар. Кроме того, если это сможет успокоить ваши опасения, то залогом моей верности делу Луриуса является моя собственная жизнь. Если я предам его, меня выследят и убьют после долгих и мучительных пыток. Моя жизнь зависит от успешности моей миссии, порученной мне Луриусом из Джада, вашим верным другом и коллегой. Вы видели печать. Вы знаете её. Как ещё можно было бы получить её, кроме как из рук самого Луриуса? Спокойно идите со мной. Плащ и капюшон ждут снаружи, а также быстроходный корабль, готовый доставить вас на Кос к заслуженным почестям.

— Ходят слухи, — усмехнулась женщина, — что я уже и так нахожусь на Косе, в безопасности и почестях.

— Мы превратим этот слух в реальность, благородная Леди, прекрасная Убара, — заявил он.

Затем, под прикрытием хромавшего Серемидия, как я теперь буду его называть, пользуясь тем, что в радостной суматохе, царившей в вестибюле, на неё никто не обращал внимания, вдоль стены внутреннего вестибюля, Талена, как я теперь могу её называть, пробралась к portalу, ведущему во внешний вестибюль. Миновав разбитые ворота, они пошли дальше, к пристани внутренней гавани холдинга. Я не сомневалась, что внешние ворота гавани, ведущие в канал, были давно разрушены. Вас с Ананго повернул меня и убрал нож от моего горла. Я уже открыла рот, собираясь закричать, хотя и понимала, что в посреди всеобщего гвалта и веселья, меня могут просто не услышать. Однако я не успела даже начать издавать звуки. Широкая ладонь накрыла мой рот и прижала меня к торсу мужчины. В следующее мгновение я в ужасе почувствовала острие его ножа, кольнувшее мой бок.

— Пикнешь, — процедил он, — сдохнешь.

Я кивнула, насколько могла, передав слабое давление на его руку, демонстрируя своё понимание. Какой беспомощной чувствовала я себя, нагая и связанная!

— Двигайся, — велел мужчина и, убрав руку от моего рта, толкнул меня вперёд.

Ещё одна пара, снова рабыня и хозяин, выбралась из внутреннего вестибюля. Я заключила, что Вас с Ананго не хотел рисковать, убивая меня среди празднующих победу мужчин. Звон колокольчиков, закреплённых на моей левой лодыжке, может кто-то и слышал, но внимания на него никто не обратил. Это был всего лишь звук колокольчиков рабыни. Наконец, мы миновали портал и вышли во внешний вестибюль, продолжив путь с сквозь толпу веселящихся мужчин, некоторые из которых всё ещё держали оружие обнажённым. Мы шли среди валявшихся тут и там тел, отмеченных красными шарфами злоумышленников и без оных, несомненно, принадлежавших гражданам Порт-Кара. Я старалась не наступать в коричнево-красные лужи крови, во многих местах сохшие на полу. Те их злоумышленников, что остались в живых, лежали на животах. Их руки уже были закованы в цепи. В конце концов, мы добрались до проёма, в котором только обломки досок напоминали о том, что здесь раньше были ворота, и вышли на пристань небольшой гавани холдинга. Ворота канала криво свисали со своих петель, по-видимому, взломанные мужчинами Порт-Кара, спешившими на помощь защитникам холдинга. Сама гавань холдинга и канал вне ворот были усыпаны лодками. Некоторые стояли борт к борту, образуя своего рода понтонный мост, предоставивший проход причалам.

— Эта рабыня голая, — подозрительно прищурившись, заметил мужчина, преградив Васу с Ананго путь к лодке.

— Рабыням это подходит, — усмехнулся Вас с Ананго.

— На ней колокольчики, — указал мужчина.

— Она — временная рабыня, арендованная холдингом Боска для кухонных работ, — объяснил мой похититель. — Мне поручили вернуть её в Шёлковую Верёвку. Мы всех наших кухонных рабынь помечаем таким образом.

И Вас с Ананго, убрав нож в ножны, обхватил меня руками, оторвал от мостовой и обошёл товарища, мешавшего ему пройти.

— Молчи, не вздумай попытаться подать сигнал тревоги, — шёпотом предостерег он меня, — или я сверну тебе шею.

Он был крупным мужчиной, и можно было не сомневаться, что он мог легко свернуть мне шею, или сломать спину, или сдавить меня так, что я задохнулась бы, лишь бы не дать мне привлечь внимание к происходящему. Я совершенно случайно оказалась рядом с Таленой, когда к ней приблизился Серемидий, который, очевидно, понимая, что я могла стать невольной свидетельницей их встречи, и даже подслушать их разговор, дабы избежать огласки, приказал Васу с Ананго, своему товарищу, заняться мною, лишив возможности вмешаться, подать сигнал или поднять тревогу. Я понимала, что услышала слишком много того, что для моих ушей не предназначалось, и была в отчаянии от страха. Разве я теперь не была нежелательной свидетельницей тайны, делить которую у меня не было ни малейшего желания? Разве от таких свидетелей не следовало бы избавляться при первой возможности? Обычно рабыню защищает её ошейник, её статус или, точнее, отсутствие статуса, как у какого-нибудь домашнего животного, её стоимость и так далее. Она не свободный человек. Фактически, по закону, она даже не является человеком. Кто будет столь глупым, чтобы отказаться от захваченного трофея или убить попавшее в ловушку домашнее животное, которое можно продать, в особенности, если оно ещё и привлекательное? Однако теперь у меня, по причине того, что мне довелось услышать, были веские основания опасаться, что эти обычные гарантии, на которые мы так часто рассчитываем, могли больше не сработать.

Вас с Ананго, держа меня в своих руках, шагнул на настил, уложенный на пришвартованные друг к дружке лодки, достаточно широкий, чтобы на нём могли разойтись два человека. Этим же путём прошли городские силы, мужчины, снявшие осаду, приблизившись к пристани холдинга Боска из Порт-Кара почти строем, вместо того, чтобы толпиться на лодках. Мы переходили по настилу с одной лодки на другую, дважды повернув за угол, и, наконец, добрались до набережной, на которой среди небольшой толпы мужчин и женщин, вероятно, ожидавших новостей из холдинга, я увидела Серемидия, Талену и рабыню в

униформе Золотой Цепи, державшую нечто, выглядевшее плоским, мягким свёртком. «Евфросиния!» — с удивлением констатировала я. Немного в стороне к набережной была пришвартована большая наполовину прикрытая тентом лодка, в которой я насчитала десять мужчин. Вас с Ананго опустил меня на мостовую и тут же, схватив за волосы, придавил мою голову к своему бедру, согнув в вedomое положение. Тем временем Серемидий, опираясь на свой костыль подмышкой, забрал у Евфросинии свёрток и, встряхнув его, развернул длинный непрозрачный плащ с капюшоном. Этот предмет одежды он аккуратно накинуд на голову и плечи Талены и тщательно, почтительно, почти с церемониальным достоинством, расправил. Затем Серемидий кивнул мужчинам в лодке, и двое из них выскочили на набережную и помогли Талене спуститься в лодку и занять место под навесом. Когда я приблизилась, ведомая Васом с Ананго, я увидела, как Серемидий что-то передал Евфросинии. Я предположила, что это была некоторая компенсация за её службу. Девушка тут же сунула подачку себе в рот. Вероятно, это была карамелька. Такие безделушки часто используются, когда хотят вознаградить рабскую девку. Конфеты — настоящая драгоценность для рабыни. Мы жаждем их. Мы надеемся получить их. Мы будем трудиться, с упорством и рвением, ради того, чтобы заработать хотя бы одну. Свободным женщинам это кажется забавным, но они не рабыни, они не носят ошейники! И тут Евфросиния, немного повернувшись, увидела меня. Судя по выражению её лица, она явно была удивлена и смущена, увидев меня здесь, на этой набережной. Её губы сложились в едва слышный вопрос:

— Зия?

Меж тем Серемидий, по-видимому, что-то сказал одному из мужчин в лодке, потому что тот поднялся на набережную.

— Господин! — воскликнула Евфросиния.

— Заткнись, — буркнул Серемидий, и в следующее мгновение Евфросиния, к её очевидному удивлению и испугу, была схвачена и буквально сброшена в лодку, где её поймали двое мужчин.

Мгновение, и её связали и, заткнув рот кляпом, сунули под тент лодки.

Вас с Ананго рывком моих волос, вынудил меня опуститься на колени перед Серемидием.

— Что с этой, — поинтересовался наёмник, окидывая набережную настороженным взглядом. — Убьём её сейчас?

— Не говори глупости, — сказал Серемидий. — Она, как и другая, довольно привлекательна. Если бы вопрос был закрыт, мы могли бы продать их. Я мог бы даже отдать тебе любую на твой выбор.

— А что, разве вопрос не закрыт? — осведомился Вас с Ананго, подозрительно прищурившись.

— Нет, — ответил Серемидий. — Пленница, спасённая нами, высокорожденная с Коса, хочет иметь их личными рабынями-служанками.

— Это потому что они служили в Золотой Цепи? — уточнил Вас с Ананго.

— Да, — кивнул Серемидий. — Они были свидетельницами унижения и позора нашей благородной пленницы, и возможно, даже имели наглость, считать себя равными ей. Так что ей будет приятно видеть их у своих ног. Они должны страдать в искупление прошлого замешательства спасённой нами пленницы. Несомненно, они будут лишены мужских прикосновений, страдая от потребностей кейджеры, они будут работать много и упорно, а питаться скудно, зато часто наказываться.

Насколько смешанными были мои чувства! С одной стороны, я ликовала, почти плакала от счастья, узнав, что меня не собираются убивать, и почти настолько же я была наполнена тревогой от того, что я могла очень скоро стать жертвой гордой, мстительной женщины, ещё недавно бывшей рабыней Адрасте. Я хорошо помнила тот ужас, который появлялся на лицах наших женщин-наставниц в Брундиизиуме, когда кто-то из надсмотрщиков мужчин угрожал отдать их свободной женщине. И у меня не было причин сомневаться, что бывшая Адрасте, при всей её злобной натуре и негодовании на её прежний статус и болезненные воспоминания о вынужденной деградации, будет самой что ни на есть требовательной и суровой госпожой. Особенно я боялась за тщеславную, несдержанную на язык Евфросинию, которая была довольно надменной и нетерпеливой со всеми рабынями, а к Адрасте относилась без всякого уважения. В действительности, поговаривали, что она даже иногда отваживалась быть менее чем полностью приятной в альковах. Кроме того, меня поразило услышать, что Талена, которую я знала как Адрасте, предположительно, на Косе была высокорожденной. Таким образом, заключила я, нанятые Серемидием мужчины, включая Вас с Ананго, не понимали ценности спасённой ими пленницы, не понимали, что в их руках находилась легендарная, разыскиваемая тысячами охотников за головами Талена, некогда бывшая Убарой Ара.

По жесту Серемидия Вас с Ананго поднял меня и сбросил на руки человека на лодке. Колокольчики на моей щиколотке отметили мой короткий полёт своим перезвоном.

— Свяжите ей лодыжки, заткните рот и выставьте её напоказ, — велел Серемидий. — Те, кто обратит на нас внимание, прежде всего, будут смотреть на неё, радоваться и мало думать о том, что не должно быть замечено.

На мои лодыжки накинули тонкий ремешок и затянули узел. Рабыню легко можно удерживать даже такими лёгкими узами. Затем меня поставили на колени перед банкой около рулевого весла. Тугой комок ткани был втиснут мне в рот и закреплён на месте повязкой. Я больше не могла говорить членораздельно. Всё на что я была способна, это издавать еле слышные, беспомощные звуки. Им

можно было не бояться, что я вдруг закричу, привлеку внимание и помешаю их планам.

— Помогите мне спуститься в лодку, — потребовал Серемидий, — и отчаливайте.

Глава 43

Трудности по дороге в Шхеру Ларса

— Г

ребите спокойно, парни, — сказал Серемидий. — Неторопливо и размеренно. Не тратя время впустую, но и не выказывая явной поспешности. Не привлекайте внимание. Мы никуда не торопимся, мы просто серьёзные мужчины, мы не спеша направляемся по делам своего бизнеса. Никто не должен подозревать нашей занятости. Но не бездельничайте. Наши жизни зависят от неприметности нашей экспедиции.

Вас с Ананго стоял у рулевого весла.

Спустя какое-то время нам встретилась маленькая, одновесельная лодка, того вида, который типичен для каналов Порт-Кара.

— Сигналы тревоги больше не звонят! — сообщил правивший лодкой мужчина.

— Стена под контролем, — благожелательно ответил Серемидий.

Мужчина, проплывая мимо, окинул меня взглядом и, очевидно нашёл меня интересной. Рабыни не должны возражать против такого исследования. Притом, что мы и не хотим против этого возражать, ведь нам самим это приятно. Чьё сердце не забьётся быстрее, почувствовав на себе такой взгляд? Я стояла на коленях, связанная по рукам и ногам, раздетая и не способная говорить. Незнакомец одобрительно усмехнулся. Большинство хозяев держит своих рабынь на коротком поводке. Какая рабыня хотела бы иного?

Один из мужчин, сидевший на носу нашей лодки, встал, обошёл вокруг низкой, закрытой тентом области, и встал перед Серемидием, который сидел примерно посередине лодки, несколько позади закрытой области. Мужчина был одет в куртку с коротким рукавом, пошитую из слиновой кожи и морскую кепку из того же материала. Я заключила, что он был лидером этой немногочисленной команды.

— Я полагаю, что Вы хорошо всё спланировали, — сказал он.

— Я планировал это ещё во времена борьбы за Ар, — отозвался Серемидий, — я не забывал об этом даже во время страшного побега оттуда, после реставрации Марленуса, даже во время экспедиции к Концу Мира и обратно.

— Это ваш день, — сказал мужчина.

— Наконец, — кивнул Серемидий.

— Вы были терпеливы, — заметил его собеседник.

— Нужно быть таковым, — пожал плечами Серемидий, — чтобы достичь своей цели.

— Вы выжидали и готовились воспользоваться неизбежной атакой на холдинг Боска из Порт-Кара, — констатировал мужчина.

— А какой у нас был выбор? — поинтересовался Серемидий. — наших сил было явно недостаточно для нападения на холдинг.

— Пусть другие сражаются за крохи, оставшиеся от того, что захватили Вы, — усмехнулся мужчина.

— Верно, — согласился Серемидий.

— Нам всё ещё нужно опасаться преследования, — предупредил его мужчина.

— Мы в пути, — сказал Серемидий. — Преследование, которое не способно достичь своей цели, эквивалентно отсутствию преследования.

— Каналы по большей части пустуют, — прокомментировал его собеседник.

— Ближе к стене движение усилится, — заметил Серемидий.

Иногда я видела женщин, сидевших у окон, выходивших на канал. Обычно они провожали нас праздными взглядами. Иногда Серемидий, улыбаясь, махал той или иной из них.

— Дайте мне вон ту, — крикнула одна из них, указав на меня. — Я быстро научу её, чем должна быть рабыня!

Как и любая рабыня, я до дрожи в коленях боялась свободных женщин. Какими они были жестокими! Как они нас ненавидят! И я боялась, что мы с надменной Евфросинией очень скоро можем быть переданы освобождённой Талене. Я не думала, что после этого Евфросиния останется столь же надменной.

Ещё одна лодка проскользнула мимо нас по каналу. По-видимому, она двигалась к стене дельты, возможно, на рынок, раскинувшийся у ворот дельты.

— Скоро парни, — сказал Серемидий, обращаясь к гребцам, — мы будем у Южных Ворот, а от них рукой подать до Шхеры Ларса, рядом с которой ожидает быстрый корабль, готовый к отплытию.

— До Южных Ворот осталось всего несколько енов, — сообщил мужчина, которого я сочла лидером команды.

— Слышали, парни? — крикнул Серемидий. — Мы почти у Южных Ворот. Как только Южные Ворота останутся позади, нам останется всего лишь пять пасангов до безопасности, всего пять пасангов до богатства и успеха!

— Небо темнеет, — предупредил один из гребцов, — ветер поднимается. Боюсь, что на открытой воде будет опасно. За стенами нас ждут высокие волны.

— Это в той же мере касается и других, — сказал Серемидий. — Гребём парни! И раз! И раз!

— Вон, — указал вперёд мужчина, которого я приняла за лидером этой команды, — Южные Ворота!

Длинная лодка, во многом похожая на нашу, стояла у причала около Южных Ворот, с правой стороны от них.

— Табань, — скомандовал лидером команды. — Суши вёсла.

— Не теряйте времени! — возмутился Серемидий. — Слин мести плывёт по нашему следу. Вперёд!

— Сначала взгляните туда, — предложил мужчина.

— Что там? — насторожился Серемидий.

— Та лодка, — ответил мужчина, указав.

Серемидий с трудом встал, оперевшись на свой тяжёлый костыль.

— Она пришвартована, — отмахнулся он. — Полный вперёд!

— Но присмотритесь, — попросил мужчина. — Они отдают швартовы!

— Только сейчас? — уточнил Серемидий.

— Они явно ждали, — заключил его собеседник.

— Откуда тебе знать? — спросил Серемидий.

— Эта лодка не вооружена, — напомнил мужчина. — Среди нас нет наёмников.

— И что? — осведомился Серемидий.

— Они явно нас ждали, — настаивал мужчина.

— Кто ждал? — спросил Серемидий.

— Кто может знать это? — пожал плечами его собеседник.

И я боялась, что знала, кто это мог быть.

— Я не потерплю ничьего вмешательства, — процедил Серемидий.

— Если они направлятся к нам, мы должны либо вести переговоры, либо возвращаться, — заявил мужчина.

— Сделай так и умрёшь, — предупредил Серемидий, вытащив свой ужасный короткий меч, до настоящего времени скрытый под его плащом.

— Может, они не собираются причинять нам какой-либо вред, — предположил мужчина, — может, они просто отчалят и направятся своей дорогой по некому своему бизнесу.

— Я боюсь, что их бизнес — это мы, — прорычал Серемидий, приставляя свой меч к горлу мужчины.

— Я не нанимался, чтобы драться, — прошептал мужчина. — Я — моряк, а не головорез из алой касты.

— Мне ударить? — осведомился Серемидий.

— Нет, — прохрипел мужчина, отступив.

— Если всё пойдёт как надо, тебе, робкий Ты мой, не придётся драться, — успокоил его Серемидий. — Когда я нанимал эту лодку, я учитывал вероятность такого развития ситуации. Эта лодка, может, не вооружена, но она из прочного дерева, а форштевень укреплён железом.

— Лодка направляется в нашу сторону, — сообщил один из гребцов, обернувшись.

— Эй, тарск с Ананго, — позвал Серемидий, обращаясь к Васу с Ананго, стоявшему у рулевого весла, — следуй моим командам, точно и немедленно.

Вас с Ананго что-то прорычал в ответ Серемидию, что я сочла скупым знаком понимания и согласия.

— Я уверен, что у нас нет причин для опасений, — снова заговорил лидер команды гребцов.

— Вперёд, — потребовал Серемидий. — Каждый ен на счету. Уверен, к этому времени несколько лодок, настойчивыми слинами, жаждущими крови, мчатся по нашему следу.

Однако ни одно весло не опустилось в воду.

— Вёсла на воду, гребите! — крикнул Серемидий.

Почти одновременно лодка справа от нас изменила курс, явно намереваясь приблизиться и встать борт к борту.

— Посмотрите, другая лодка, другая лодка, ещё одна! — предупредил гребец, указывая вперёд.

Он был прав, ещё одна большая лодка, по-видимому, до сего момента скрывавшаяся по ту сторону Южных Ворот, теперь показалась и забирала левее.

— Спокойно, парни, — сказал мужчина, которого я принимала за лидера команды гребцов.

— Вперёд! — приказал Серемидий.

— Суши вёсла, — не дал выполнить его команду его оппонент.

— Ты что, с ума сошёл? — возмутился Серемидий.

— Я так понимаю, что спасённая пленница чрезвычайно ценна, — заявил мужчина. — Почему она должна быть вашей? Мы можем продать её прежним владельцам и получить много золота.

— Ты договорился с моими врагами, — заключил Серемидий. — Ты предал меня!

— Тебя, но не золото, — усмехнулся он. — И убери свой меч, калека. Через мгновение нас возьмут на abordаж. Ты беспомощен. Если Ты окажешь хотя бы малейшее сопротивление, тебя просто зарежут. Не исключено, что Деций из Венны будет снисходителен и выделит тебе два или три серебряных тарска за твою помощь в доставке ему рабыни.

Возможно, это было хорошо, что его последние слова были так горды. Таким образом, он умер счастливым, в момент своего триумфа. Мгновение спустя его тело свалилось в канал. Произошедшее не осталось незамеченным гребцами, которые, естественно, все сидели лицом к корме лодки.

— Теперь я капитан, — заявил Серемидий. — Когда-то в Аре я был первым мечом таурентианцев. Вы безоружны, если не считать моряцких ножей. Мой меч мучит жажда. Мне не потребуется и двух енов, чтобы перебить вас всех или, по крайней мере, большинство из вас, тех, кто не рискнёт выпрыгнуть за борт в надежде, что канальные урты и акулы Тамбера ещё не учуяли кровь в воде. Вёсла на воду!

Сейчас мы пострижём весла той лодке, которая, ничего не подозревая, приближается к нам. Сейчас, гребите!

Лодка буквально прыгнула вперёд. Меня прижало спиной к банке, перед которой я стояла на коленях.

— Руби их! — выкрикнул Серемидий мгновение спустя, обернувшись к Васу с Ананго.

Меня бросило на борт, и я сжалась насколько могла. Я видела, как наши гребцы сняли с уключин весла правого борта и втянули их внутрь лодки. Почти одновременно с этим раздался противный скрип трущейся древесины и треск ломающихся вёсел, сопровождаемые криками пораженных, встревоженных, разгневанных мужчин. Через мгновение мы оторвались от беспомощно разворачивающейся, повреждённой лодки, жалкой, как птица с перебитым крылом.

Наши же гребцы приветствовали случившееся радостными воплями.

— Что бы Вы без меня делали! — крикнул довольный Вас с Ананго.

— Как и без других тоже, — хмыкнул Серемидий.

Оглянувшись, я увидела Деция из Венны, стоявшего цепляясь за поручень и грозившего нам вслед кулаком. Но его фигура быстро уменьшалась позади.

— Вперёд, к Южным Воротам! — воскликнул Серемидий.

— Другая лодка поворачивает! — сообщил Вас с Ананго. — Он блокируют ворота!

— Навались на весла, парни! — крикнул Серемидий. — И раз! И раз!

— Вы что, не видите? — спросил Вас с Ананго. — Ворота заблокированы!

— Держи курс или умрёшь, — прорычал Серемидий. — И раз, парни, и раз!

— Что, если они не отойдут? — осведомился удивлённый Вас с Ананго.

— Они могут поступать, как им вздумается, — отмахнулся Серемидий. — Если они отойдут, мы пройдем свободно. Если не отойдут, мы пройдем всё равно.

— Табань! — испуганно крикнул Вас с Ананго.

— Вперёд! Навались! — настаивал Серемидий.

— Вы — безумец! — возмутился Вас с Ананго. — Посмотрите, они не верят вам. Они не позволяют вам себя обмануть! Они не отходят в сторону! Они стоят на месте! Надо останавливаться!

— Вперёд! — не унимался Серемидий. — Полный вперёд!

— Нам конец! — простонал Вас с Ананго. — Обе лодки развалятся. Мы все окажемся в воде, на радость голодным акулам!

— Навались сильнее! — требовал Серемидий.

Гребцы, сидевшие спиной в нос, вспотевшие от натуги, напряглись из последних сил, ворочая вёслами. Удары глубокие и сильные, следовали один за другим.

Я не могла кричать, гореанский кляп душил все звуки в зародыше. Я отчаянно дёргала руками и ногами, но всё было бесполезно, верёвки крепко держали моя

запаястья и щиколотки. Все мои потуги были бессмысленны. Я была абсолютно беспомощна, рабыня, связанная гореанским рабовладельцем.

Внезапно раздался треск ломающегося дерева. Окованный железом нос нашей лодки поднялся из воды, навис над планширем другой лодки, а затем, спустя недолгое, ужасное мгновение, рухнул вниз. Поверхность воды обе стороны от нашей лодки усеяли обломки настил и досок.

— Хорошо сделано, парни, — крикнул Серемидий. — А теперь, вперёд, вперёд, через ворота, к победе, к безопасности, к богатству, к Шхере Ларса! И раз, парни, и раз! Навались!

Выглянув через борт и посмотрев назад, я увидела обломки досок и вёсел, плавающие в воде, и мужчин за них цепляющихся. Затем в поле моего зрения появились, проплыли мимо и начали быстро удаляться высокие зарешеченные створки распахнутых Южных Ворот. Вдруг лодка вздрогнула и покачнулась. Мы вышли в открытые, беспокойные, бурные воды Залива Тамбер, встретившие нас холодным ветром, гнавшим тёмные тучи по серому небу.

— Сзади! — сообщил Вас с Ананго. — Первая лодка нас преследует!

Я снова оглянулась назад. Касательный удар сломал вёсла лодки Деция из Венны, но не повредил бортовые доски. Наши преследователи переставили половину вёсел с непострадавшего борта, чтобы обеспечить лодке симметрию рычагов.

— Нет причин для беспокойства, — успокоил своего товарища Серемидий. — Крылья этой птички подрезаны. Она способна передвигаться, но не может лететь. Они не смогут настичь нас. Они не смогут развить нашу скорость. Надо бояться других лодок и кораблей, тех, которых не видно, узких, быстро и многовесельных, уже сейчас бегущих по нашему следу.

Волна ударила нашу лодку в борт и отбросила её немного назад. Затем, снова и снова, лодка начала подниматься вверх гребень, а потом проваливаться между волнами. Сердитый ветер срывал брызги с гребней и стегал ими гребцов и нас, меня, Серемидия и Васа с Ананго, находившихся позади закрытой области. Я позавидовала тем, кто остался под навесом, высокомерной Талене из Ара и красоте Евфросинии, которые были хоть немного, но всё же более защищены, чем мы. Если бы не кляп, не знаю, сколько раз кричала бы я от страха, видя, как по обе стороны волны поднимались выше планширей нашей лодки, когда она проваливалась во впадины между ними, а затем, мгновение спустя, взлетала вверх, и я снова видела только небо и штормовой горизонт.

— Не нравится мне такое море, — проворчал Вас с Ананго. — Наша лодка не для такой погоды. Она начерпает воды, и мы утонем.

— Возвращаться назад столь же опасно, как и продолжать двигаться вперёд, — сказал Серемидий.

— Спросите мужчин! — потребовал Вас с Ананго.

— Спроси мой меч и взвесь его ответ, — предложил Серемидий.

— Вы — безумец, — буркнул Вас с Ананго.

— Ну тогда поворачивай, если хочешь украсить своим трупом кол на стене города, — усмехнулся Серемидий.

Вас с Ананго обеими рукам удерживал рулевое весло, наваливаясь на него всем своим весом, чтобы удерживать лодку на курсе.

— Да, — сказал Серемидий. — Ты думаешь, что мы убегаем с пустяком, безделушкой, скрытой в нашем кошельке, вуло, зажатой в нашей руке? Ты даже представить себе не можешь всей серьёзности предприятия, в которое мы ввязались. Ты не понимаешь, о каком деле идёт речь. Всё гораздо серьёзнее, чем Ты подозреваешь.

— Так расскажите мне! — потребовал Вас с Ананго.

Серемидий помолчал несколько мгновений, словно не будучи уверенным, стоит ли ему делиться информацией, о потом быстро заговорил:

— Мы спасаем косианку, девушку знатного происхождения, приходящуюся кузиной самому великому Луриусу из Джада.

— Она носит ошейник, её можно только продать, — прорычал Вас с Ананго.

— Великий Луриус хорошо заплатит за её безопасное возвращение, — сообщил Серемидий.

— На ней ошейник, — напомнил Вас с Ананго. — Они бесполезны для свободы после этого. Рабыня раз — рабыня навсегда.

Это было известное гореанское высказывание. И я знала, что в отношении меня это было верно. Я знала, что родилась для ошейника, и теперь я носила его на Горе. Больше всего на свете я хотела любить и служить господину, беспомощно и бесправно, тому, кто будет владеть мною и обращаться со мной, как с рабыней, которой я была.

— Мы предоставим решать это великому Луриусу, — сказал Серемидий.

А затем к мгле и ветру добавился ливень.

Но за мгновение до того, как на нас обрушились струи воды, я успела заметить напугавшую меня вспышку зловещей радости, промелькнувшую на грубом лице Васа с Ананго, которая тут же исчезла, словно кто-то закрыл сундук, задвинул панель, захлопнул ставни, закрыл двери, опустил занавес.

«Вас с Ананго что-то подозревает», — подумала я. И у меня не было сомнений, что это заметил и Серемидий.

— Конечно, некоторые куски рабского мяса продаются дороже других, — бесцеремонно сказал Вас с Ананго.

— Верно, — согласился Серемидий, внешне остававшийся беззаботным и прикрыв глаза ладонью от дождя всматривавшийся в темноту. Свой меч он вернул в скрытые под плащом ножны.

— Но мне не нравятся темнота, штормовое море и дождь, — проворчал Вас с Ананго.

— Радуйся им, — посоветовал Серемидий. — Они снижают видимость и препятствуют преследованию.

Я предположила, что где-то позади повреждённая лодка Деция из Венны боролась с волнами, пытаясь двигаться вслед за нами. Задержались ли они, задавалась я вопросом, чтобы поднять из воды мужчин, команду той лодки, которая попыталась заблокировать нам проход через Южные Ворота. Это потребовало бы потратить времени, но увеличило бы количество бойцов, которые позже могли бы оказаться очень необходимыми. Также, я была уверена, что к настоящему времени к Южным Воротам приближались лодки из Порт-Кара, а возможно даже корабли из гавани арсенала, с единственным намерением догнать и перехватить нас.

— Ты вся дрожишь, — сказал Серемидий, посмотрев на меня.

Я не могла ничего поделать со своим дрожащим телом. Меня бил озноб. Капли дождя и брызги морской воды обжигали холодом. Я едва могла видеть сквозь мокрые волосы, спутанные и мокрые, упавшие на лицо и закрывавшие глаза. Вода бежала по моим щекам и лицу. Кляп промок насквозь. Такими же мокрыми были шнуры, стягивавшие мои запястья и лодыжки. Дождь, брызги, а порой и волны, постепенно наполняли лодку холодной водой, так что мои колени уже были наполовину в воде.

— Давай, я подержу весло, — предложил Серемидий, — а Ты, негодяй с Ананго, унеси её под навес к кухне великого Луриуса. Пусть лежит там, рядом рабыней Евфросинией.

— Уверен, — отозвался Вас с Ананго с насмешливым скептицизмом, — Вы не хотите, чтобы рабыни делили жильё с кухней великого Луриуса из Джада.

— Не бери в голову, — отмахнулся Серемидий. — Как Ты сам отметил, благородная кухня великого Луриуса носит ошейник.

«Ага, — подумала я, — мужчины этого мира надевают на нас ошейники, потому что им нравится это делать. Они окружают наши шеи своими ошейниками, потому что мы нравимся им такими. И у нас нет ни малейшей возможности, что-либо сказать против этого. Они хватают нас и просто надевают на нас ошейники, от которых мы не можем избавиться. Разве это не говорит нам о том, кто мы есть? Мы должны носить их, поскольку таково желание наших хозяев. Они надевают на нас ошейники, помещая нас на то место, которому мы принадлежим. С этого момента мы находимся на нашем месте у их ног. Нас волнует и возбуждает быть такими, принадлежащими, бесправными, беспомощными в их узах. Мы послушны,

довольны, удовлетворены и счастливы, и нам остаётся только надеяться на их нежность. Если бы они не были мужчинами, как мы смогли бы быть женщинами? Не будь они господами, разве мы могли бы быть рабынями?»

Серемидий подтянул себя к месту рулевого.

— Там под навесом, — сказал он, — есть одеяла. Проследи, чтобы она была укрыта и согрета.

— Забота? — удивился Вас с Ананго. — О рабыне?

— Точно так же я позаботился бы о слине или кайиле, — пожал плечами Серемидий.

Я сомневалась, что навес был хорошей защитой от разгулявшейся стихии. Его промокшие бока трепетали и хлопали на ветру, а вода, скорее всего, легко просочилась под занавески. Тем не менее, я была благодарна за любое внимание. И особенно я была бы благодарна за одеяло, даже если оно было промокшим, каковым оно должно было быть в такую погоду.

Вас с Ананго поднял меня и, покачиваясь, чуть не падая на неустойчивой опоре, перенёс меня под навес. Талена, естественно, несвязанная, сидела в углу, закутавшись в одеяло, подтянув к подбородку и обхватив руками, плотно сжатые колени. Укрытая одеялом Евфросиния, связанная по рукам и ногам, и с заткнутым кляпом ртом, полулежала, прислонившись спиной к борту справа от меня. Вас с Ананго грубо, небрежно накинул на меня одеяло, и вышел, откинув промокшие пол дождём занавески. Я перекатилась на бок и осмотрелась. Подо мной была толстая плоская циновка, служившая полом накрытой холстиной области. Талена не сказала мне ни слова, а Евфросиния, в глазах которой плескалось страдание и страх, поспешно отвела взгляд. Я тоже, хотя и была благодарна за тепло одеяла и пусть и слабое, но всё же укрытие от непогоды, как и Евфросиния, чувствовала себя несчастной. Я была опустошена от страха и горя. Мне предстояло отправиться на далёкий Кос, где меня ждала участь рабыни женщины, гордой Талены, которая когда-то была Убарой, и которую я, живя в Порт-Каре, имела глупое безрассудство, каким бы невольным оно ни было, рассматривать как равную. Как боятся рабыни свободных женщин! Как они нас ненавидят! Как им нравится заставлять нас страдать! Что нас может ожидать? Снаружи шумел шторм, струи дождя хлестали по тенту, ветер трепал занавески закрытой области. Дважды, сквозь завывания ветра до меня доносились команды Серемидия:

— Стоп! Ждём! Приготовиться, парни! Сейчас, вместе, начали!

Я предположила, что он вмешивался в те моменты, когда гребцы сбивались с ритма, и вёсла начинали бить нерегулярно.

Один раз я слышала, как Серемидий поинтересовался относительно преследования.

— Никого не вижу, — ответил Вас с Ананго.

— Смотри вперёд, — велел Серемидий, сообщи, как увидишь фонарь пирса Шхеры Ларса.

Подозреваю, что спустя некоторое время я, беспомощная и связанная, обессиленная и несчастная, испуганная и измученная усталостью и холодом, заснула.

Очнулась я, услышав радостные крики, а спустя ещё примерно половину ана борт нашей лодки проскрежетал по дереву причала.

Я слышала, как вёсла уложили внутрь лодки, и несколько гребцов перебрались на берег, чтобы закрепить швартовы на причальных кнехтах.

— Шхера Ларса, — прошептала Талена.

Снаружи и сверху, по-видимому, с пирса донёсся голос Серемидия, очевидно, разговаривавшего с союзником, ожидавшим нашего прибытия.

— Подними синий и жёлтый фонари на флагштоке пирса.

Ветер явно стихал, и шторм шёл на убыль, хотя всё ещё было холодно и облачно.

— Не вижу преследователей, — заметил Вас с Ананго.

— Они обязательно появятся, — заверил его Серемидий.

— Разве нас не должны были встречать? — спросил Вас с Ананго.

— Нас встретили, — ответил Серемидий.

— Но я не вижу никакого корабля, — сказал Вас с Ананго.

— Он там, — указал Серемидий. — Просто он зелёный, и его трудно разглядеть. Это низко сидящая, длинно-весельная, быстрая галера, с двумя мачтами, которые сейчас убраны, но будут подняты и вооружены парусами, если ветер будет попутным.

— На флагшток пирса поднимаются фонари, — доложил кто-то, — один синий и один жёлтый.

— Я не вижу корабля, — повторил Вас с Ананго.

— У них есть стекло Строителей, — пояснил Серемидий. — Они заметят фонари издалека. Уже сейчас их весла пенят воду.

— Я не слышу барабана келеуста, — не унимался Вас с Ананго.

— Они не афишируют своё присутствие, — сказал Серемидий, — они приближаются столь же безмолвно, как морской слин.

— Может, вознаградим ваших парней? — спросил мужчина, встречавший Серемидия на пирсе, вероятно, его союзник. — Я организовал пагу в одной из ближайших таверн. Всё уже оплачено.

— Я не возражаю, — отозвался Серемидий. — Идите парни, теперь можно промочить горло, если, конечно, хотите, но не задерживайтесь долго. Тем временем, я заберу причитающиеся вам деньги, что ожидают вас в Доме Монет, хорошие деньги, золото, по одному статерию Брундизиумской чеканки на каждого. Послышался топот, и я заключила, что мужчины покинули пирс.

— А Ты что же, не пойдёшь? — спросил Серемидий.

— Не думаю, — хмыкнул Вас с Ананго. — Есть у меня подозрения, что в пагу будет что-то подмешано.

— Конечно, — не стал отрицать Серемидий. — Но каждый из них проснется с золотым брундизиумским статерием в кошельке.

— Стоит ли разбрасываться золотом? — ворчливо осведомился Вас с Ананго.

— Когда-то я был гражданином Ара, более того, я был капитаном Таурентианской гвардии, — не без гордости сказал Серемидий.

— Кроме того, — усмехнулся Вас с Ананго, — нельзя исключать вероятность того, что однажды, рано или поздно, ваши пути могут пересечься с кем-нибудь из этих парней снова.

— Взгляни в море, в противоположную сторону от той, откуда мы прибыли, — предложил Серемидий. — Присмотрись к горизонту.

— Хо! — воскликнул тот из мужчин, который ждал Серемидия в Шхере Ларса, и которого я считала его союзником. — Галера! Она приближается с запада. Принадлежность не определить. Они не подняли ни флага, ни выпелов.

— Это — косианский корабль-нож, объяснил Серемидий, — построенный с прицелом на то, чтобы развивать максимальную скорость. Такие используют в качестве разведчиков и курьеров.

— Они поворачивают, — удивился мужчина. — Они не приближаются к берегу.

— Капитан — парень мудрый и осторожный, — похвалил Серемидий. — Они спустят баркас.

И почти одновременно Вас с Ананго предупреждающе крикнул:

— Лодки! Городские лодки! Шесть! И позади них, мне кажется, есть ещё. Точно! Я вижу их! Много! Они пока далеко! Но быстро приближаются!

Я услышала, как костыль Серемидия четырежды стукнул по настилу пирса, и заключила, что он, скорее всего, развернулся, чтобы оценить ситуацию.

— Корабль спускает баркас! — сообщил его союзник.

— Превосходно, — прокомментировал Серемидий. — У нас есть, по крайней мере, десять, енов.

— Достойный офицер, благородный Серемидий, — позвала Талена, отложив своё одеяло и раздвинув занавески укрытой области.

— Великолепная, уважаемая Убара, — отозвался Серемидий.

— Дайте мне нож, — попросила она. — Я хочу преподать моим жалким рабыням, имевшим наглость вызвать моё недовольство, что это далеко не пустяк разочаровывать свою госпожу.

— Нож, Убара? — переспросил Серемидий.

— У меня есть счёт, который следует оплатить, так сказать, уладить разногласия между мной с этими бесполезными шлюхами, — заявила она. — В Золотой Цепи

они обе выказывали мне слишком мало уважения. И даже посмели думать, что равны мне.

— Действительно, назойливые высокомерные тарскоматки, — согласился Серемидий. — Но разве для них не будет достаточным наказанием, что Вы владеете ими?

— Нет, — отрезала Талена.

— Может, чтобы дать им понять их глупую ошибку, было бы достаточно вербального упрёка или внушения?

— Нож, — потребовала она. — Об упрёке они могут забыть. А я хочу чего-то, что они не забудут никогда, что они будут вспоминать каждый раз, когда будут смотреть в зеркало.

— Что Вы собираетесь сделать? — поинтересовался Серемидий. — Шрамы, чтобы понизить их стоимость?

— Я не удовлетворюсь так легко, — процедила Талена.

— А-а! — протянул Серемидий. — Вы собираетесь отрезать им уши и носы. Ну что ж, наказание, достойное свободной женщины высшей касты.

Раздался резкий смех Васа с Ананго.

Мы с Евфросинией отпрянули к бортам и в ужасе попытались бороться, но, разумеется, освободиться у нас не было ни единого шанса.

Серемидий вытащил из-за пояса свой нож и, наклонившись, вручил его Талене, которая, получив требуемое, вернулась в укрытую область и задёрнула занавески.

— Поднимайтесь на колени, бесполезные шлюхи, — приказала она, но, поняв, что сами мы не справимся, схватив нас одну за другой левой рукой за волосы, помогла нам встать на колени.

Мы замерли перед ней на коленях, дрожа от страха. Мы были совершенно беспомощны, связаны по рукам и ногам, способные только чуть слышно стонать сквозь гасившие все звуки кляпы. Кожа у меня на голове горела. Талена тоже опустилась рядом с нами на колени.

— Баркас подходит! — крикнул союзник Серемидия.

— То же самое делают и лодки из Порт-Кара, — предупредил Вас с Ананго.

— У нас есть как минимум пять енов, — констатировал Серемидий. — Наши преследователи не знают о баркасе. Время есть.

Талена стояла напротив нас на коленях и держала перед собой нож.

— Я довольна вами меньше, чем полностью, — сообщила она.

Ответить мы, естественно, не могли. Всё, что нам оставалось, это в отчаянии отрицательно мотать головами. Если бы мы могли, мы умоляли бы о милосердии. Наши щёки были мокрыми от слёз.

Талена подняла нож.

Глава 44

Как Талена использовала нож Серемидия

— В

ы же не думаете, я надеюсь, что я могла бы оставить себе в качестве рабынь, таких простых тарскоматок, как вы? — поинтересовалась Талена и, насладившись нашими ошеломлёнными взглядами, добавила: — Я вообще не понимаю, как вас обеих взяли в паговые девки, да ещё и в Золотую Цепь.

Подозреваю, что ни одна из нас не решилась бы ответить ей, даже если бы наши рты не были заткнуты.

— К тому же вы обе непроходимо глупы, — продолжила женщина. — Я иногда не могла заснуть, когда Евфросиния во сне звала Флориана, умоляя о его прикосновении. Ты что, Евфросиния, так боялась своей потребности в хозяине, что решила демонстрировать ему своё презрения, относясь к нему высокомерно, холодно и даже грубо? А знаешь ли Ты, что он хотел купить тебя, чтобы, владея тобой, примерно тебя наказать, но Хо-Тоск, видя его безумное увлечение, потребовал непомерно высокой цены? Как Ты думаешь, каково бы тебе жилось тогда на его поводке, у его ног? Ну а Ты, Зия, невежественная варварка, необученная и неграмотная. Если бы Ты вышла танцевать, тебя прогнали бы с танцевальной площадки мокрыми тряпками. Ты не умеешь играть на калике. С твоим голосом и слухом лучше даже не пытаться начинать петь. Что ещё можно сказать о тебе, кроме того что Ты, как и Евфросиния, хорошо выглядишь в ошейнике и, очевидно, ему принадлежишь?

Мы с Евфросинией обменялись озадаченными взглядами.

— Скоро здесь будут мужчины из Порт-Кара, — сказала Талена, — возможно, через считанные ены, но прежде чем они доберутся до причала, я уже буду в косианском баркасе, который отвезёт меня к свободе и почёту, ожидающим меня на Косе, в гостях у благородного Луриуса из Джада, прежде бывшего моим союзником, а теперь моего благодетеля. Наконец-то я буду в безопасности, и займу приличное для меня высокое положение. Ну а вы обе, конечно, как вам и надлежит, останетесь теми, кто вы есть, бесполезными, никчёмными рабынями. Сейчас я разрежу ваши путы и избавлю вас от кляпов. Не вздумайте сделать какую-нибудь глупость. Не надо, чтобы мужчины на пирсе заподозрили что-то неладное. Как только вам представится возможность, бегите внутрь Шхеры Ларса. Серемидий — калека, и он не сможет поймать вас. А у других не будет времени

вас преследовать. Время не ждёт. Мужчины Порт-Кара рядом. Рандеву не должно сорваться. Когда я закончу, сидите тихо и ждите своего шанса.

Затем Талена несколькими движениями ножа, оказавшегося необычайно острым, освободила наши руки и ноги, и даже избавила от кляпов. И мы в изумлённом ожидании присели в закрытой области, испуганные, потрясённый, пытающиеся понять то, что только что произошло.

Глава 45

События в Шхере Ларса

— С

обираются зеваки, — встревоженно сообщил союзник Серемидия, — дежурные, сотрудники Шхеры, странствующие лицензированные фехтовальщики.

— Возвращайтесь, — крикнул Вас с Ананго. — Здесь нет ничего, что касалось бы вас.

— Нам следует поторопиться, великолепная Убара, — позвал Серемидий. — Выходите вместе с вашими наказанными рабынями. Баркас подходит.

— Оставьте их здесь, — предложил Вас с Ананго. — Кто может захотеть их теперь, безносых и безухих? Не удивлюсь, если они им уже и головы обрила.

— Зато из них выйдут превосходные рабыни женщины, — сказал Серемидий. — Их уродство послужит предупреждением другим женским рабыням, поощряя их быть более прилежными в исполнении своих обязанностей. Кроме того, их ужасная внешность, не будет представлять угрозы красоте их госпожи, и даже подчеркнёт её. К тому же, столь уродливые, они не будут привлекательны для мужчин, что всегда создаёт неудобства для госпожи. И наконец, они не будут задирать нос, как это свойственно красивым шлюхам в ошейниках. У них не останется ничего, для чего стоило бы жить, кроме как кротко и прилежно служить своей госпоже.

— Момент! — крикнула Талена из укрытой области, а затем шёпотом обратилась к нам. — Я попытаюсь отвлечь мужчин в сторону. Ждите и смотрите через щель между занавесками в задней части накрытой области. Как только я подам сигнал, бегите.

— Благородная Леди, — настоятельно позвал Серемидий.

— Уже иду, — откликнулись женщина.

Проводив взглядами вышедшую из закрытой области Талену, мы подползли к задней занавеске. Я взялась за один сгиб, а Евфросиния за другой. Мы обе были напряжены и готовы выскочить, сначала наружу, а потом на пирс.

— Дайте мне что-нибудь, протереть этот нож, — попросила Талена.

— Мы почистим его позже, — отмахнулся Вас с Ананго.

Я заключила, что она, скорее всего, держала нож так, чтобы его нельзя было хорошо рассмотреть.

— Нет, — упёрлась Талена. — Он испачкан кровью рабынь. Его следует протереть немедленно.

— Я вытру его твоими волосами! — вдруг прорычал Вас с Ананго и, вероятно, метнулся к ней.

— Поспешите! — крикнул союзник Серемидия.

— На этом ноже нет ни капли крови! — сообщил Вас с Ананго.

— Бегите, бегите! — закричала Талена.

Мы с Евфросинией в едином порыве выскочили из-за занавесок закрытой области, пробежали, перепрыгивая с одной банки на другую, и перелезли через борт, оказавшись на причале. Нам вслед летел полный гнева крик Васа с Ананго. Хитрость Талены сработала. Ей удалось отвлечь союзников Серемидия. Но, эла, путь к бегству был перекрыт! Мы едва успели миновать три или четыре безумных, диких, отчаянных ярда, как упёрлись в толпу собравшихся мужчин. Нас схватили и повернули лицом к пришвартованной лодке. Я попыталась вырваться, но всё было бесполезно. Как хорошо напомнили мне о различии между моей незначительностью и размерами мужчин, о драматическом контрасте между моей и их силой. Гореанские мужчины иногда, когда рядом нет гореанских свободных женщин, говорят, что есть два пола, пол господ и пол рабынь. Когда твою шею окружает ошейник, когда ты стоишь на коленях, ты хорошо понимаешь истинность этого утверждения. Возможно, свободные женщины тоже это понимают. Природа давно решила, какой пол должен был стать полом господ, а какому будет предписано быть полом рабынь. Разве господин не должен быть господином, а рабыня — рабыней? Можно ли быть счастливой, если не следовать законам природы?

— Держите их! — крикнул Вас с Ананго. — Я перережу им горло.

— У нас нет времени! — попытался остановить его союзник Серемидий. — Посмотри на горизонт! Сюда приближаются лодки, много, очевидно, с серьёзными намерениями! Не меньше дюжины лодок будет здесь через ен! Баркас вот-вот отчалит!

Вас с Ананго даже зарычал от переполнявшей его ярости, но было заметно, что он колеблется, сомневается, и не решается подойти к нам ближе.

— На этой, — заметил тот из мужчин, который держал Евфросинию, — ошейник Золотой Цепи.

— На мне тоже! — заплакала я.

— Нас похитили! — выкрикнула Евфросиния. — Пожалуйста, верните нас нашему хозяину!

— Да, — поддержала её я, — Хо-Тоску из Порт-Кара!

— Знаю такого, — кивнул один из мужчин.

— Не отдавайте нас рабителям! — попросила Евфросиния.

— Пожалуйста, Господа, — вторила я.

— Они наши, — прорычал Вас с Ананго, — мы купили их должным образом.

— Следует провести расследование, — заключил кто-то в толпе.

— Похоже, вы не в состоянии предоставить тунику, зато о колокольчиках позаботились, — насмешливо заметил другой мужчина.

Колокольчики я носила с того самого банкета, что был устроен в ночь перед нападением на холдинг Боска из Порт-Кара. А тунику у меня забрали ещё до начала банкета, и даже если бы этого не произошло, мне приказали бы раздеться перед тем, как запереть меня в клетку на ночь. А когда рано утром меня нашёл один из нападавших, отмеченный красным шарфом, ему даже в голову не пришло разрешить мне одежду. Захваченную рабыню обычно держат раздетой. В действительности, вполне вероятно, что и пленные свободные женщины тоже очень скоро могут найти себя полностью обнажёнными. Учитывая опасность случайно наткнуться на скрытую в складках одежды отравленную булавку или кинжал, их обычно лишают одежды с помощью меча или ножа, или приказывают раздеться самим, и предстать голой в положении подчинения перед своим похитителем. Обычно это действие совершается несчастной пленницей в состоянии близком к безумству, поскольку ей на это предоставляется очень мало времени, которое похититель отмеряет крошечными песочными часами, или просто считая до десяти. Это помогает ей понять, что команде нужно подчиняться без промедлений и без сомнений. Такое раздевание, от которого она, как бы ей ни хотелось, не может уклониться, помогает свободной женщине лучше понять и прочувствовать свою неизбежную судьбу, что её очень скоро ждёт раскалённая сталь и ошейник. У меня, как у рабыни, было очень мало сочувствия по отношению к свободным женщинам. Я была даже рада видеть их, некогда столь надменных, высоких и высокомерных, стоящими на коленях, раздетыми и в ошейниках, покорных хлысту или плети. Как резко изменилась их жизнь! Дадут ли им разрешение говорить? Позволят ли им хотя бы тряпкой прикрыть наготу? Накормят ли их? Могли ли они ожидать, когда они были свободны, что однажды им предстоит ползти к своему хозяину с хлыстом в зубах? Они быстро учатся, впрочем, как и все мы, разводить ноги по щелчку пальцев.

— Уходим, — позвал союзник Серемидий, обращаясь к Васу с Ананго.

— Вы не стали калечить рабынь, — констатировал Серемидий.

— Верно, — не стала отрицать очевидное Талена.

— Убара, — почтительно сказал Серемидий, протягивая руку, и женщина вернула ему его нож, который он тут же убрал в ножны.

— Поспешите! — снова напомнил о себе союзник Серемидия. — Преследователям осталось до причала несколько мгновений!

С того места, где я была, удерживаемая поймавшим меня мужчиной, я видела несколько лодок приближавшихся со стороны Порт-Кара. Баркас, спущенный с косианской галеры, находился от них по другую сторону пирса, и я не думала, что

его было видно преследователям. Я не сомневалась, что баркас отойдёт от причала, с пассажирами или без, незадолго до того, как преследователи доберутся до пирса, или же сразу после этого.

— Поспешим, Убара, — обратился Серемидий к Талене.

— Стойте! — потребовал Вас с Ананго и, как только Серемидий обернулся, поинтересовался: — Что насчёт моего вознаграждения.

— Тебе заплатили, — ответил Серемидий. — Этим утром, как и было оговорено, два золотых статерия чеканки Брундициума.

Услышав сумму, я заключила, что Вас с Ананго был, так или иначе, более значимой фигурой по сравнению с другими. Возможно, он помогал в их вербовке.

Ропот удивления пробежало по рядам собравшихся мужчин. Я плохо разбиралась в нюансах гореанской чеканки, но по реакции поняла, что золотой статерий Брундициума был монетой значительного достоинства.

— Я поднимаю свою оплату, — заявил Вас с Ананго.

— Хорошо, — быстро согласился Серемидий, с тревогой обводя взглядом море.

— Третий статерий?

— Рабыню, — потребовал Вас с Ананго, обнажая свой меч.

— Подходи, — пожал плечами Серемидий.

— Я более чем удовлетворён тем местом, где я стою, — хмыкнул Вас с Ананго. — У меня нет ни малейшего желания оказаться в пределах досягаемости твоего клинка.

— Ты сошёл с ума? — осведомился Серемидий. — Посмотри на море!

Теперь я уже слышала крики мужчин, находившихся в приближающихся к берегу лодках. Большинство из них столпились на носсах. Периодически раздавался рёв горнов стражников.

— Благородный Вас! — воскликнул союзник Серемидия, спеша к Васу с Ананго. — Прошу вас, одумайтесь!

— Не прикасайся ко мне, — предупредил его тот, а потом снова повернулся к Серемидию: — Я сам доставлю рабыню на Кос. Будем считать, что Ты делегировал мне право действовать от твоего имени. Кто будет противоречить этому? Что такое два или три золотых статерия, даже отчеканенных в Брундициуме, по сравнению с богатством, которого, я подозреваю, Ты добиваешься, ради которого Ты рискуешь столь многим, за которое Ты дерёшься и рискуешь?

— Великая Леди, — обратился Серемидий к Талене, — ступайте к баркасу! Немедленно!

— Ни в коем случае, Капитан, — вскинулась Талена. — Это — Вы, а не он, сделал всё возможное и невозможное для моего спасения.

— К баркасу благородная леди, — велел Серемидий, — спешите, спешите к безопасности, чести, привилегиям и положению!

Я видела, что Талена колеблется, её взгляд метался от баркаса к Серемидию, от Серемидия к Васу с Ананго, от него к толпе, от толпы к приближающимся лодкам, которым до причала оставались считанные ярды.

— Живо, бесполезная рабыня! — рявкнул Серемидий. — Ты что, забыла о тунике, надетой под плащом? Или Ты не помнишь об одной характерной отметине на твоём бедре, сообщающей всему миру о том, что Ты домашнее животное? А может, Ты не знаешь об ошейнике на твоей шее, который указывает, что Ты — простая собственность? Бегом к баркасу, быстро, или, как Ты и заслуживаешь, тебя разденут и публично высекут!

— Стой, рабыня! — приказал Вас с Ананго. — Мы ещё не закончили здесь!

Талена вздрогнула и замерла в растерянности. На её щеках блестели слёзы.

— Пусть она идёт! — возмущённо крикнул Серемидий.

— Бросай свой костыль, — потребовал Вас с Ананго, — нож и меч тоже.

— Не делайте этого, благородный друг, — попросила Талена.

Серемидий сердито отпихнул костыль в сторону, и тот с грохотом рухнул на настил пирса, следом за ним полетели нож и меч, упав вне его досягаемости.

— Теперь, беги! — приказал Серемидий.

— Да, беги, рабыня, — рассмеялся Вас с Ананго.

Плачущая Талена поспешила к ожидавшему её баркасу.

— Ты победил, — признал Серемидий. — Теперь поторопись отбыть!

Но Вас с Ананго не двигался.

— Уходи! — крикнул союзник Серемидия.

— А как же оскорбление на поединках? — спросил Вас с Ананго. — Я был оскорблён публично.

— Ты получил плату за свои услуги, — напомнил союзник Серемидия.

— Я в своём праве, — заявил Вас с Ананго.

— Честь! — воскликнул союзник Серемидия.

— Неужели Ты думаешь, что я оставил бы за своей спиной такого врага? — поинтересовался Вас с Ананго.

— Я понял, — кивнул Серемидий.

— Последняя кровь, — усмехнулся Вас с Ананго.

— Только сделай это быстро, — попросил Серемидий.

— Нет! — выкрикнул союзник Серемидия, повиснув на руке Васа с Ананго.

Но тот, раздражённо высвободив руку, повернулся и воткнул своё оружие в сердце мужчины. Из толпы собравшихся послышались крики протеста.

— Он попытался вмешаться, — развёл руками Вас с Ананго, а потом рассмеялся и снова встал лицом к Серемидию.

Однако путь ему преграждала мужская фигура.

— Пожалуй, я вмешаюсь, — заявил мужчина.

— Убирайся с моей дороги, — процедил Вас с Ананго.

— Смотри, — сказал Серемидий вмешавшемуся, — чтобы твой клинок не коснулся его стали больше трёх раз.

— С дороги! — прорычал Вас с Ананго.

— Последняя кровь, — невозмутимо отозвался его противник.

Вас с Ананго, кипя от ярости, бросился вперёд.

Не было ни одного звука соударения стали. Вас с Ананго просто споткнулся и рухнул на доски пирса.

А мужчина, вставший между Серемидием и Васом с Ананго, наклонился и вытер клинок и тунику своей жертвы, а затем убрал меч в ножны.

— Превосходный удар, — похвалил Серемидий.

— Мастер, — поклонился мечник.

В то же мгновение я услышала крики, рёв горна стражников и скрип бортов двух или трёх лодок, притёршихся к сваям пирса, а затем увидела выбирающихся на причал мужчин, вооруженных кто чем. Среди них я заметила Деция из Венны, покидающего одну из лодок, в сопровождении его подельников. Из другой лодки показались Аддисон Стил, Флориан, Мил и другие мужчины из холдинга Боска из Порт-Кара. Следом к причалу приставали другие лодки.

Мужчина, вставший между Серемидием и Васом с Ананго, заговорил резко, авторитетно:

— Парни из красной компании, — сказал он, — прикройте нас.

Затем он аккуратно, почти нежно, поднял тело Серемидия на руки и шагнул к краю пирса, у которого всё ещё ожидал баркас. Далее я ничего не видела, потому что «парни из красной компании», очевидно, одной из компаний странствующих лицензированных фехтовальщиков, в настоящее время выступающих в Шхере Ларса, выбежали из толпы, чтобы поприветствовать вновь прибывших.

Мужчины толпились, крутились, толкались, пихались, улыбаясь и смеясь, придерживая друг друга и хлопая по плечам.

— Добро пожаловать! — услышала я.

— Что случилось?

— Что вы ищете?

— Давайте мы расскажем вам, что мы видели!

Вновь прибывшие, должно быть, были сильно расстроены.

— Где рабыня, Адрасте! — услышала я крик Флориана. — Мы ищем рабыню, похищенную рабыню, её зовут Адрасте, Адрасте!

Ен или два спустя я снова увидела знакомую фигуру того молодого человека, который встал между Васом с Ананго и Серемидием. Теперь он возвращался. Это

был молодой фехтовальщик, Алан из красной компании, обладатель необычных волос, рыжих с прядью белых, к чьим выдающимся навыкам владения клинком, привлёк моё внимание Серемидий несколько недель назад. Вновь прибывшие, освободившись от внимания толпы, начали обыскивать ближайшие строения, жилые и хозяйственные, бараки, склады и магазины Шхеры Ларса. Я не заметила никаких следов костыля или оружия Серемидия. Я не знала, что случилось с ними. Тем, для кого это могло бы представлять интерес, было дано объяснение, что Вас с Ананго убил мужчину, чей труп лежал на причале, а потом напал на члена красной компании, который, защищаясь, убил убийцу. Кошелек Васа с Ананго был срезан с его пояса и отдан молодому фехтовальщику, но тот отказался от приза, на том основании, что этот выигрыш был покрыт позором. Позже монеты были распределены среди чернорабочих Шхеры Ларса.

— Однако, у меня теперь есть золотой статерий Брундизиума, — сказал Алан своему товарищу по компании, демонстрируя монету.

— Где Ты его взял? — спросил его тот.

— Мне его дали, — улыбнулся Алан. — Теперь у меня есть, чем оплатить дорогу до Ара.

Когда толпа на пирсе немного рассосалась, многие из мужчин, некоторые рука об руку с вновь прибывшими, направились в таверны шхеры, и у меня появилась возможность осмотреть море по ту сторону причала. Я не видела никаких признаков ни баркаса, ни ожидавшей вдали, низкосидящей, почти незаметной на фоне воды галеры, которую с трудом разглядела ранее. Также я отметила, что синий и жёлтый фонари были убраны с флагштока шхеры. Нас с Евфросинией отпустили вскоре после прибытия контингента из Порт-Кара, и как только это произошло, мы тут же опустились на колени на том же месте пирса, где были, ожидая команды.

— Как ветер? — поинтересовался один из мужчин.

— Отличный, стабильный ветер, — ответил ему другой.

— И куда он дует? — уточнил первый.

— На запад, — сообщили ему.

— Тогда они направляются к берегам Коса, — заключил первый мужчина.

— Точно, — согласился второй.

Глава 46

Отвлекающие факторы

П

осетители Золотой Цепи в этот раз были особенно беспокойными, громкими и шумными. Кубки стучали по низким столам. Мужчины кричали. Некоторые столы были опрокинуты. Четырёх моряков охранники уже выбросили на улицу.

— Слышите посетителей? — проворчал Хо-Тоск. — Дела идут просто ужасно.

Я торопливо проскочила мимо него, держа в руках кубок только что наполненный свежей пагой. Я была босой и одетой в короткую тунику, как это распространено с паговыми девками. К счастью я больше не носила три ряда крошечных, надоедливо звенящих колокольчиков, больше подходящих для тарска или верра, которые были надеты на меня несколько дней назад в холдинге Боска из Порт-Кара по приказу Флориана, предположительно, чтобы было легче отслеживать меня. Фактически, это колокольчики были скорее способом наказания, наложенного на меня для развлечения хозяев, чтобы проучить меня за моё любопытство, черту, которая, как известно, несмотря на её повсеместность, предположительно, была крайне неподобающей для кейджеры. Как нетерпеливо стремимся мы получить хотя бы крохи информации, понимать и знать! Насколько жестоки наши хозяева, держа нас так далеко от этого! Как забавляет их, рассматривать нас как простых рабынь, каковыми мы и являемся! Мы — ничто, всего лишь кейджеры, принадлежащее им имущество, задача которого служить для их удобства и удовольствия. Стал бы кто-нибудь обсуждать планы с тарсками? Придёт ли кому-нибудь в голову ставить в известность кайилу или верра относительно того, что должно быть сделано с ними? Как беспомощны рабыни!

— Пага, пага! — потребовал один из клиентов, к которому тут же поспешила Евфросиния.

Это был десятый день после того как на холдинг Боска из Порт-Кара было совершено нападение, отражённое с помощью горожан. Сам хозяин холдинга, по-видимому, всё ещё был в море, предположительно, около Самых Дальних Островов, занимаясь расследованием налётов, грабежей и резни, приписываемых его имени. Правда, судя по тому, что мне было известно, он и сам был пиратом и мародером. Разве не было бы умно, изобразить самого себя самозванцем,

грабить и жечь от своего собственного имени, но так, чтобы это выглядело слишком нарочито? Как было бы хитро, захватить добычу для себя и при этом симулировать возмущение воображаемыми деяниями других, замаскированных под него!

Я опустилась на колени, чтобы обслужить закреплённый за мной стол, склоняя голову и протягивая вперёд руки с кубком.

Был поздний вечер, и веселье в переполненном, освещённом масляными лампами, свисавшими с низкого потолка, главном зале Золотой Цепи было в самом разгаре. Такое столпотворение в таверне было обычным делом в конце недели или в конце руки перехода, и имело отношение к выплате заработной платы. В гореанском календаре год делится на двенадцать месяцев, по пять пятидневных недель каждый, разделяемых пятидневной рукой перехода. Единственное исключение — пятидневная «Рука Ожидания», которая следует за Двенадцатой Рукой Перехода и предшествует первому дню месяца Ен-Кара или Ен-Кар-Лар-Торвиса, который является днём весеннего равноденствия и первым днём гореанского Нового года. Кроме того, сегодня в гавани арсенала пришвартовался целый караван, пять торговых кораблей с грузом зерна из Брундиизума, и их охрана — три длинных корабля.

— Прочь, — сопровождая команду взмахом своего кубка, отослал меня мужчина, сидевший за столом, скрестив ноги, похоже, очень занятый разговором с товарищами.

Я поднялась на ноги и вернулась к чану с пагой и замерла в ожидании команды виночерпия или кого-нибудь из гостей.

Моя туника была разорвана на левом бедре, результат неудачной попытки схватить меня пьяным посетителем.

Сегодня никто не спешил связывать мне руки за спиной и отправлять в альков, ожидать, пока он не придёт использовать меня для своего удовольствия. Вообще-то в настоящее время все альковы были заняты, их входные портьеры были задёрнуты и завязаны изнутри. Гореанские мужчины не торопятся со своими удовольствиями. Частный владелец часто выделяет для своей рабыни несколько анов. В конце концов, она — его, он ею владеет и может делать ней всё, что ему нравится. Иногда подобным образом могут быть проведены весь день и вся ночь. Однако чаще этому времяпрепровождению жертвуют утро, день или вечер. Гореанский рабовладелец не спешит. Рабыня, если не связана, не прикована цепью, прислуживает ему, готовит для него, подаёт еду и питье. Часто она должна позировать и танцевать перед ним, зачастую обнажённой. Насколько прекрасна она! Насколько она возбуждающа и желанна! Как горд он, владея таким достоянием! Какой мужчина не хотел бы владеть таким сокровищем? Иногда, беспощадно подведённая к тонкому краю напряжённого, дикого,

катастрофического, глобального рабского оргазма, неизвестного свободным женщинам, озабоченным своим целомудрием и индивидуальностью, она вынуждена ждать и умолять своего господина позволить ей кончить. Такая ситуация может быть отчаянно, мучительно и невыносимо печальной, особенно, когда малейшего прикосновение пальца или языка достаточно, чтобы вызвать взрыв, который ясно даёт ей понять и подтверждает её безошибочную неволю. Как хорошо она в такие моменты понимает себя рабыней, и насколько драгоценным становится для неё облегчение, когда ей его позволяют! Но, к счастью, такое мучение скорее редкость, чем правило. Обычно, на её теле играют как на музыкальном инструменте, доводя её до последовательности постепенно усиливающихся экстазов. Несколько раз, это как её хозяину понравится, она может быть вынуждена вынести такие неординарные, непередаваемые удовольствия. Не жалеете её. Она не свободная женщина. У неё нет права голоса в этом вопросе, как и в любом другом. Она — рабыня.

Все альковы были заняты. А в моём животе уже давно поселилось беспокойство.

— Сегодня вечером у нас аншлаг, — констатировала я, обращаясь к виночерпию.

— У тебя туника порвана, — буркнул тот.

— Да, Господин, — вздохнула я.

После случая в Шхере Ларса нас с Евфросинией вернули в Золотую Цепь.

По неким причинам мы обе теперь носили новые ошейники. Они были типичными, ничем не примечательными, плоскими, лёгкими, удобными, плотно охватывающими шею и запертыми на замок. Насколько красивы гореанские ошейники. Как хорошо они смотрятся на нас. Порой я задавалась вопросом, не завидовали ли свободные женщины нам из-за наших ошейников. Кроме того, они, конечно, чрезвычайно эффективные устройства. Девушке нечего даже начинать думать о том, чтобы выскользнуть из него. Я узнала это в самый первый день моего пребывания на Горе. Они на нас навсегда.

В тавернах паговые девки много чего слышат. И с этим ничего нельзя поделать. Посетители могут не замечать этого, но факты, намёки, неосторожно оброненные слова, слухи и сплетни в огромном количестве циркулируют среди столов. И как следствие, я подозреваю, в большинстве городов любая паговая девка, вероятно, будет более информирована, или наоборот дезинформирована, это как повезёт, чем среднестатистический горожанин.

Нападавшие, которые ворвались в холдинг Боска из Порт-Кара, в большинстве своём смогли беспрепятственно уйти в дельту. Безусловно, не было ясно, как они будут выживать в этих безбрежных болотах, где нет дорог, зато полно ренсеров, довольно враждебно относящихся к тем, кто посягает на их территорию. Несомненно, они оплатили возможность беспрепятственно подобраться к Порт-Кару. Но вот касалось ли это такого же беспрепятственного отступления к

Воску, оставалось загадкой. Ворота Дельты, как я слышала, восстановили. Никто больше не слышал, до настоящего времени, о металлическом монстре, который, как известно по слухам, часто появлялся на болотах. Деций из Венны и его люди покинули Порт-Кар. Насколько я знала, их никто не стал задерживать. Они, что интересно, точно так же как и сотни других, вполне естественно были приняты за добровольцев, вызвавшихся оказать помощь в возвращении похищенной рабыни, известной как Адрасте. По-видимому, не было понято, по крайней мере, большинством, что он сам планировал заполучить рабыню, кем бы она не могла бы быть, и какой бы ценностью она бы не обладала сама по себе. Было общепринятым, что рабыня, Адрасте, была похищена. Её ценность, если таковая действительно имела место, для большинства осталась загадкой. Разве что все признавали, что она действительно представляла некоторый интерес для холдинга Боска из Порт-Кара. Мало что, во всяком случае, для большинства, было известно о судьбе калеки, известного как Серемидий. Похоже, что очень немногие, конечно, из вновь прибывших, заметили, как от одного из причалов Шхеры Ларса отчалил баркас, и ещё меньше было тех, кто рассмотрел его корабль-носитель, безмолвно, на одних вёслах, не поднимая мачты, быстро удалявшийся на запад.

— Не нравится мне это, — проворчал Хо-Тоск. — Все альковы заняты. Раздражение нарастает. Паги становятся всё меньше. На берег сошли моряки, долго пробывшие в море. Они жаждут хорошей еды, выпивки и смазливых рабынь. Зал переполнен, за столами нет мест. За порогом очередь из желающих попасть внутрь. Где мы их всех рассадим? Осмелимся ли мы их прогнать? Мы, конечно, не делим с ними Домашний Камень, тем более что они могут оказаться бузотёрами и буянами. Но как они к этому отнесутся?

— Может, порекомендовать им Шёлковую Верёвку? — предложил один из его помощников.

— Многие из тех, кто столпился у дверей, — буркнул Хо-Тоск, — уже ходили в Шёлковую Верёвку и не смогли туда попасть.

— Пага, пага! — летели мужские крики со всех концов зала.

— Туда, — указал виночерпий на посетителя и, зачерпнув кубком пагу из чана и, вручив кубок мне, потребовал: — Осторожно иди среди столов. Но не мешкай. И не вздумай пролить хоть каплю, варварская шлюха, иначе я распишу твою задницу хлыстом так, что Ты неделю сидеть не сможешь.

— Да, Господин, — пролепетала я, и направилась к указанному столу.

Вскоре, закончив с поручением и удачно увернувшись от загребущих лап одного выпивохи, я вернулась в распоряжение господина виночерпия.

Мгновение спустя следом за мной у чана появилась Дафна. Девушка была потрясена. Её глаза покраснели от слёз. Туника рабыни была наполовину

разорвана. Она бросилась на колени перед господином виночерпием и, облобызав его ноги, взмолилась:

— Господин, позвольте мне уйти из зала!

— Ты полуголая, — прокомментировал он.

Я с трудом удержалась, чтобы не хихикнуть и вообще не выказать признаков какой-либо реакции. Просто его замечание показалось мне довольно пикантным. Разве женщина не выглядит наполовину голой в рабской тунике, даже когда она цела? Разве предназначение рабской туники не в том, чтобы оставить мало сомнений относительно прелестей её носительницы?

— Он бросил меня животом на стол и использовал! — пожаловалась Дафна.

— Он заплатил за это монету? — спросил виночерпий.

— Да, Господин, — растерянно ответила она.

— Тогда неважно, — отмахнулся мужчина.

— Что случилось? — поинтересовался подошедший Хо-Тоск.

— Третий случай за этот вечер, — объяснил виночерпий.

— У нас такого быть не должно, — заявил хозяин таверны.

— Альковы заняты, — развёл руками его служащий.

— Всё ещё только начинается, — пробормотал Хо-Тоск и, окинув зал взглядом, повернулся и ушёл.

— Господин, — напомнила о себе Дафни.

— Ладно, — буркнул виночерпий. — Иди отсюда. Ополоснись, смени тунику, и возвращайся как можно скорее. Если не уложишься в десять енов, жди плетё.

Дафна вскочила и исчезла за густой, красочной кисеей отделявшей зал от служебных помещений.

Не успел успокоиться потревоженный занавес, как откуда-то из полутьмы зала донёсся отчаянный женский крик.

— Ещё одна, — прокомментировал виночерпий и, вздохнув, добавил: — И паги становится всё меньше.

У дальней стены вспыхнула драка. Двое посетителей сцепились в пьяной драке.

— Разве нам не следует вызвать стражников? — спросила я.

— У них сейчас полно работы на улицах, — отмахнулся мужчина.

Когда после Шхеры Ларса меня вернули в клетки Золотой Цепи, я, конечно, сразу вспомнила о Дорне, красивой рабыне, однажды, в бытность её свободной, известной как Дорна Гордая, самой высокопоставленной из Серебряных Масок Тарны, уступавшей по положению только Ларе, Золотой Маске. Насколько я понимала, её должны были отправить в Золотую Цепь, не столько, чтобы дать ей понять, что она была рабыней, сколько, чтобы она послужила приманкой для Па-Кура, главы Ассасинов. Однако Дорну я не встретила. Похоже, в таверне её не было. Кажется, что никто не приложил усилий, чтобы заставить её замолчать или

захватить, чтобы она не смогла послужить для захвата Па-Кура. Если поразмыслить, то ничего удивительного в этом не было. Она, хотя и невольно, свою роль сыграла, причём очень хорошо, введя в заблуждение и Флориана, и всех остальных, передав им ложные сведения относительно вероятного времени нападения на холдинг Боска из Порт-Кара. И какую пользу она могла принести теперь Па-Куру и его проектам? Разве теперь она не была для него бесполезным грузом, за исключением, возможно, её ценности с точки зрения рабского мяса, пригодного для ошейника? Уверена, он мог сходить на любой рынок и купить себе кейджеру, у которой получилось бы делать всё то же, на что была способна Дорна, подмахивать, стенать, пищать, задыхаться и извиваться в его руках. С какой стати ему было рисковать собой или своим агентом ради её приобретения? Разумеется, любой мужчина, а тем более такой проницательный, каким был лидер Ассасинов, не мог не заподозрить ловушку. К тому же, он всегда мог подождать и, если у него будет желание, забрать её позже. Также, я подозревала, что после неудачного нападения на холдинг Боска из Порт-Кара у него было немало других вещей, о которых следовало позаботиться. Интересно, удалось ли ему выжить и выбраться из болот? В любом случае, Дорна больше не была собственностью Золотой Цепи, и что с нею случилось далее, я не знала. Поговаривали, что её кому-то продали, заковали в цепи и увели, после чего её никто больше не видел. Мы — рабыни, и должны ожидать таких вещей. Кстати, насколько я поняла, в Тарне больше не разрешают носить маски, ни серебряные, ни золотые.

Среди столов возникло движение, и, обернувшись, я отметила, что занавеска одного из альковов открылась. Помощник тавернера назвал номер, и один из посетителей поднял руку, демонстрируя кусочек керамики. Таким образом, поскольку здесь неявно была замешана честь, вероятность раздоров была устранена.

Признаться, мне самой было жаль, что свободных альковов больше не осталось. А ещё мне было жаль, что в зале не присутствовал Аддисон Стил. Конечно, я знала, что он меня презирал. Но неужели он не мог бы при этом хотя бы немного хотеть меня? Разве он не мог бы связать мне руки за спиной и отправить в альков, где я ожидала бы его, стоя на коленях, покорно склонив голову? Я знала, что каждая частица меня принадлежала ему. Ещё на Земле, во время того памятного приёма, я ощутила, что моё место у его ног! Как я боролась с этим, с самой собой, с такой тупой, глупой, упрямой, своенравной девицей! Могла ли я признать, что была рабыней, да ещё и его рабыней! Как глубоко сидела во мне биология, как глубоко прятала я свою тайну! Как чужда я была всему, что мне преподавали! Как отчаянно пыталась я сопротивляться своей сущности на Земле и даже на Горе! Но у меня не было ни единого шанса на победу в этой борьбе. Я сама хотела носить его ошейник на своей шее! Сколько усилий я приложила, чтобы ненавидеть его,

чтобы презирать его! Но я любила его, полностью, беспомощно, безнадежно. Конечно, я знала, что была бесполезной неграмотной варварской рабыней. Как правильно было с его стороны в бытность нашу на Земле, смотреть на меня сверху вниз, на меня, такую тщеславную, мелочную, неглубокую и надменную. Для чего ещё я могла бы годиться, с его точки зрения, кроме как быть рабыней? В его присутствии, мой тело начинало дрожать, слабость в коленях была такой, что я едва могла стоять. Какой слабой я была перед ним. Я жаждала его доминирования. Я хотела стоять перед ним на коленях, с обожанием смотреть на него снизу вверх, просить позволить мне покорно и с благодарностью прижаться губами к его плети. Он был хозяином моего сердца и моего живота. Насколько неописуемо он был выше меня, он — свободный мужчина, выше меня — всего лишь рабыни! И всё же я не хотела бы быть свободной женщиной. Для меня это было бы слишком мало. Я хотела любить его в тысячу раз больше, чем могла свободная женщина. Я хотела любить его самоотверженной, чудесной, презренной и восхитительной любовью рабыни. Эла, я даже не была высокой рабыней, моя участь — быть дешёвой, обычной девкой, легкодоступной, купить которую могли позволить себе даже мужчины скромного достатка. Я знала, что была для него ничем. Но я любила каждой клеточкой моего не принадлежащего мне самой, отмеченного клеймом и заключённого в ошейник тела, каждой клеточкой моего сердца и порабощённого живота.

— Хо-Тоск! — с тревогой позвал виночерпий.

Владелец таверны отвлёкся от своего дела, и вскоре был рядом.

— Взгляните, — сказал виночерпий, подняв из чана кубок и демонстрируя, что пага едва покрыла его дно.

— Я послал запрос на склад, — развёл руками Хо-Тоск. — Я же не ожидал столь раннего прохода кораблей из Брундизиума.

— Этого никто не ожидал, — вздохнул Господин виночерпий.

— Мы не можем повелевать ветрами и волнами, — проворчал Хо-Тоск, а затем, торопливым жестом, подозвал к себе одного из своих помощников, из тех, что ходили по залу коробками на поясе, в которых бренчали монеты, и сказал: — Пага заканчивается. Заказ отправлен, но никто не знает, когда она будет доставлена. Посетителей нужно развлечь. Мы должны дать им что-нибудь, чтобы они на время позабыли о своих пустых кубках.

— Мы же не хотим, чтобы они разнесли таверну, — с опаской глядя в зал, заметил виночерпий.

И я могла понять его опасения. Именно ему, если не считать нескольких рабынь, кому, несомненно, досталась бы своя порция оплеух и пощёчин, предстояло стать наиболее вероятной мишенью всеобщего возмущения и недовольства.

— Давайте, я позову музыкантов, — предложил помощник тавернера.

— И они будут подыгрывать пустой площадке? — съязвил виночерпий.

— Что верно — то верно, — нахмурился Хо-Тоск. — Наши посетители, и так уже достаточно расстроены, чтобы стерпеть это.

— Так мне звать музыкантов или не стоит? — уточнил помощник тавернера.

— Да, — подумав немного, кивнул Хо-Тоск.

Мужчина тут же удалился за кисейный занавес.

— И кого же мы пошлём танцевать? — поинтересовался виночерпий. — Как нам быть с танцовщицами? Адрасте больше нет. Янзе нездоровится, у Аглаи вывихнута лодыжка. Кого ещё Вы рискнёте выставить перед такой толпой?

По-видимому, ощутив важность обсуждаемого вопроса, к ним присоединился ещё один помощник тавернера. Это был тот самый мужчина, который однажды приковал меня цепью и натянул мне на голову мешок перед моим интервью с незнакомцем, позже оказавшимся Флорианом. Вопрос касался предполагаемой Луты, предположительно, бывшей Леди Джулии Леты из Ара.

— Вам нужна танцовщица, — констатировал присоединившийся к группе товарищ.

— У нас нет ни одной, — буркнул Хо-Тоск.

— Но Вы же внесли танцовщицу в список заказа, недавно переданный Самосу, Первому Работоторговцу, — напомнил тот из них, что недавно присоединился к группе.

— А разве она уже сидит в клетке в нашем подвале? — хмыкнул виночерпий.

— Её ещё не доставили, — вздохнул Хо-Тоск, в голосе которого слышалось отчаяние.

— Одной из самых лучших танцовщиц Порт-Кара, — сказал недавно присоединившийся к группе помощник тавернера, — считается Сандра, рабыня Боска из Порт-Кара. Она сейчас должна быть в холдинге.

— Пошлите за ней, — велел Хо-Тоск. — В конце концов, с холдингом Боска у нас неплохие отношения.

Его помощник поспешил с его поручением.

— Он не успеет вовремя, — констатировал виночерпий.

— Нам конец, — покачал головой Хо-Тоск. — Давай надеяться, что они не сожгут таверну.

Портьера ещё одного алькова была сдвинута в сторону, и помощник тавернера, отвечавший за остраки, назвал номер, после чего другой мужчина, сжимая кусочек керамики, выскочил из-за стола и, не теряя времени на то, чтобы вернуть остраку, устремился к ближайшей к нему рабыне.

— Ты! — крикнул он на бегу, поражённо замершей девушке, — повернись!

Через мгновение её руки были связаны за спиной.

— Туда! — ткнул мужчина пальцем в сторону открытого альков, и кейджера поспешила туда.

Нырнув в альков, она опустилась на колени и низко склонила голову. Несколько мгновение мы могли видеть её тёмный контур, подсвеченный крошечной масляной лампой, стоявшей в глубине комнатки, а потом внутрь ворвался клиент и задёнул за собой кожаную портьеру.

— Пага! Пага! — потребовали двое других мужчин.

— Нам остаётся только просить Царствующих Жрецов, чтобы они пожелали скорейшей доставки паги к нашим дверям, — проворчал виночерпий.

— Всё же, давай не терять надежды, — отозвался Хо-Тоск.

Наконец, в зал вошли музыканты, цехарист, два флейтиста и барабанщик с маленьким барабаном, и заняли свои места около края танцевальной площадки. Их сопровождал помощник тавернера, уходившего, чтобы позвать их.

— Что-то я не вижу никаких танцовщиц, — заметил цехарист, являвшийся лидером этого небольшого оркестра.

— Янзе и Аглайя сегодня выступать не смогут, — пояснил виночерпий.

— Мы послали за другой девушкой, — сообщил Хо-Тоск, — в холдинг Боска.

— Так парни, убираемся отсюда, — позвал цехарист.

— Сыграйте пока что-нибудь, — попросил Хо-Тоск и, увидев возвращающуюся в зал, переодевшуюся в свежую тунику Дафна, осведомился у девушки: — Ты танцевать умеешь?

— Нет, — мотнула головой Дафна и поспешила уйти подальше от чана.

— Она боится плети, — с усмешкой прокомментировал виночерпий.

Часто, когда девушка выходит танцевать, и её навыки неизвестны, не признаны или небесспорны, неподалёку маячит помощник тавернера с плетью наготове. Если ему или посетителям, обычно аудитории искушённой и требовательной, ценящей провокационную тонкость и красоту танца рабыни, выступление не понравится, на коже рабыни останутся следы злобно шипящих ремней этого инструмента. Понятно, что при таких обстоятельствах, для рабыни будет благом, приложить все возможные усилия, чтобы максимально понравиться зрителям. В конце концов, она — рабыня. В некотором смысле, это во многом типично для гореанской неволи. Рабыня, будучи рабыней, а не свободной женщиной, в отличие от последней, живёт под постоянной угрозой применения плети. Однако, среднестатистическая рабыня редко, если вообще когда-либо, испытывает на себе её обжигающие поцелуи, поскольку обычно она рьяно старается, чтобы не вызвать неудовольствия хозяина, поскольку отлично знает, что в противном случае её обязательно накажут. Безусловно, случайный удар плети — превосходное напоминание о том, что она — рабыня, а не свободная женщина. В действительности, время от времени, она может даже сама попросить об ударе или двух, чтобы получить заверения относительно своего рабства. Мимоходом можно было бы упомянуть, что клеймо и ошейник, рабская одежда или её

отсутствие, повиновение, необходимость стоять на коленях и спрашивать разрешения, прежде чем заговорить, верёвки и цепи, поцелуи ног господина и его плети, да и в целом тот факт, что ты принадлежишь и являешься чьей-то собственностью, невероятно возбуждает рабыню. Даже выполнение небольших, повседневных работ может стать для рабыни волнующим моментом, поскольку всё это постоянно напоминает ей о том, что она принадлежит. Она — особый товар, собственность, имущество. Неволя для неё, это — не только образ жизни, но и удовольствие. Она сама не хочет ничего иного. Она находится именно там, где она сама хочет быть, у ног своего господина.

Музыканты начали играть.

К чану подошла Евфросиния и, с тревогой заглянув внутрь, испуганно пролепетала:

— Я не могу вернуться с полупустым кубком.

— Пага! — требовал один мужчина.

— Пага! — вторил ему другой.

— Они же от меня мокрого места не оставят! — ужаснулась Евфросиния.

— Ты танцевать умеешь? — спросил Хо-Тоск.

— Нет, — поспешила заверить его Евфросиния.

— Вот пага, — буркнул виночерпий. — Четверть кубка. Всё, что мы можем. Ступай!

— Они же избыют меня, — простонала Евфросиния.

— Возможно, они просто повалят тебя на стол и сделают то, что уже сделали с другими, — обнадежил её виночерпий.

Хныкающая от страха Евфросиния взяла кубок, сунутый ей прямо в руки, и побежала назад, петляя среди столов.

— Что насчёт Сучи, Тамиры и Фины? — спросил Хо-Тоск.

— Ни разу не танцовщицы, — вынес вердикт виночерпий.

— Несколько девок обслуживают клиентов в альковах, — напомнил его помощник, ходивший за музыкантами.

— Ни одна из них даже не начинала быть танцовщицей, — отмахнулся виночерпий.

— Нам конец, — сокрушался Хо-Тоск.

В этот момент к чану паги приблизился крупный мужчина, нетвёрдо державшийся на ногах, судя по коричнево-жёлтой кофте плотника, по-видимому, работник Арсенала. В правой руке он держал кубок, а его левая рука сжимала накрученные на кулак волосы Евфросинии, согнутой в вedomое положение, касавшейся щекой его бедра.

— Это что? — пьяно покачиваясь, возмущённо осведомился он, демонстрируя свой кубок. — Дно этого кубка едва смочено.

— Эла, — развёл руками Хо-Тоск. — Там изначально было всего четверть. Сожалею, мы не можем налить больше. Рабыня не виновата. Взгляните.

Посетитель, с трудом сфокусировав пьяный взгляд, уставился в чан паги.

— Паги нет, — медленно, словно пытаюсь осознать то, что, несомненно, ему самому казалось неожиданной, необъяснимой аномалией, констатировал он.

— Не то, чтобы совсем нет, — возразил Хо-Тоск, — просто очень мало.

— Значит, у вас, и вправду, проблемы с пагой? — уточнил мужчина.

— Верно, — подтвердил Хо-Тоск. — Девка сказала правду. Она не настолько неблагоразумна, чтобы обманывать. Нет необходимости бить её.

Посетитель разжал свой кулак, выпустив волосы Евфросинии, и девушка метнулась от него, спрятавшись позади виночерпия и его чана.

— Неполный кубок, конечно, бесплатно, — заверил его Хо-Тоск.

— Пага заказана, — поспешил объяснить виночерпий. — Несомненно, она будет доставлена в ближайшее время.

— Хо! — воскликнул плотник. — Берегитесь, братья! Чан пустой! Пага кончилась! Кто-то утащил пагу! Где её прячут? Кто её прячет? Мы знаем такие фокусы, не так ли, парни? Какую цену они запросят теперь? Серебряный тарск за кубок? Обыщите таверну! Найдите её! Вскрывайте полы, крушите стены!

К счастью, несвязные вопли, предположения и призывы пьяно шатающегося, воинственно настроенного плотника не были восприняты всерьёз, к тому же он почти немедленно потерял сознание и завалился на бок. С другой стороны, его беспокойный, сбивчивый анализ сослужил свою службу, проинформировав сидевших за ближайшим столами о проблеме, которая до настоящего времени вообще не принималась в расчёт, но которая очень скоро могла бы оказаться острой, особенно в свете того, что в планы многих посетителей не входило преждевременно заканчивать веселье, наоборот, для них всё только начиналось, или продолжалось, это с какой точки зрения посмотреть.

— Потерпите, благородные друзья, — призвал Хо-Тоск. — Дорогие сограждане по Домашнему Камню и уважаемые гости Порт-Кара это верно, что в данный момент мы испытываем некоторый недостаток паге, за что я беру на себя всю ответственность, но уже сейчас мои люди спешат доставить заказ к нашим дверям. Подождите немного, скоро они придут. Обещаю компенсировать неудобства бесплатным кубком паги каждому из присутствующих!

Это заявление во многом успокоило гостей, и некоторые из них, сидевшие за четырьмя соседними столами, запели что-то, восхвалявшее большую гавань Брундициума. Почти одновременно с ними свою песню затянули местные моряки и работяги из арсенала, причём чтобы не ударить в грязь лицом, постарались петь громче, внося в атмосферу таверны элемент песенного конкурса. Правда, продлилось это недолго, поскольку почти сразу вспыхнули споры, имевшие

отношение к сравнению достоинств Брундизиума и Порт-Кара, их кораблей, таверн и кейджер. Возможно, эта дискуссия могла дойти до ужасного конца, если бы один из посетителей, не начал настаивать на большей красоте рабынь далёкого Ара. Для него это кончилось сокрушительным ударом, отправившим мужчину в глубокий нокаут, что, казалось, удовлетворило обе стороны, и тех, кто прибыл из Брундизиума, и горожан Порт-Кара.

— Где пага? — шёпотом осведомился виночерпий обеспокоенно глядя на Хо-Тоска.

— Возможно, мошенники из Шёлковой Верёвки подстерегли и перехватили наш заказ, — предположил Хо-Тоск. — Подозреваю, у них сейчас такой же ажиотаж, полный зал и нехватка продуктов и выпивки.

— Кажется, нам пора уходить, — пробормотал цехарист.

— Оставайтесь на месте, — потребовал Хо-Тоск.

— Я боюсь, дело идёт к бунту, — заметил помощник тавернера, тот из них, который привёл музыкантов. — Будь дело на улице, мы могли бы заколотить двери и не пустить их, а что нам делать теперь?

— Возможно, — предположил цехарист, — вам стоит подумать о том, чтобы приложить все силы и не дать этому бунту выплеснуться на улицы?

Двери теперь были распахнуты настежь, и зайти в таверну мог любой желающий, однако, большинство из желающих войти, узнав о недостатке паги уходили, по-видимому, намереваясь удовлетворить свои потребности в каком-нибудь другом месте.

Несомненно, всё это не добавляло Хо-Тоску оптимизма.

В этот момент на пороге таверны появились Аддисон Стил и Флориан, одетые в повседневные уличные туники.

Казались, судя по выражению, промелькнувшему на их лицах, оба были удивлены увиденным. И было от чего. Паговые девки, вместо того, чтобы торопливо снова среди столов, собрались около чана паги, и выглядели явно испуганными. Помощники тавернера со своими коробками для монет на поясах, бездействовали, стоя у одной из стен и делая вид, что они часть этой стены. Не было заметно привычной суеты, не слышался смех, радостные крики и даже обычный гул разговоров отсутствовал. Хо-Тоск был в зале, но держался в стороне от посетителей. Любому вошедшему сразу становилось очевидно напряжение, повисшее над столами, молчаливое, хрупкое, неестественное, угрюмое, которое, казалось, можно было потрогать руками. Не было ли оно своего рода затишьем перед бурей, готовой разразиться в любой момент? Это спокойствие, было подобно неподвижности присевшего перед броском слина.

Хо-Тоск, который, очевидно, хорошо знал и сразу узнал обоих вновь прибывших гостей, и тут же, с тревогой оглядывая зал, осторожным жестом подозвал их к себе.

— Где Сандра? — прошипел он, взяв Флориана за рукав.

— Танцовщица? — уточнил Флориан.

— Да, — закивал Хо-Тоск, — собственность благородного Боска из Совета Капитанов.

— Я полагаю, — кивнул Флориан, — она в холдинге, возможно, её сейчас используют, как рабыню.

— Вы не привели её с собой? — ужаснулся Хо-Тоск.

— Нет, — признал Флориан, — а должны были?

— Нас никто об этом не просил, — пожал плечами Аддисон Стил.

— Я посылал за нею, — объяснил Хо-Тоск.

— Тогда она, несомненно, на пути, — успокоил его Флориан. — А для чего она вам понадобилась?

— Пага почти кончилась, — вздохнул Хо-Тоск. — Я боюсь, что дело идёт к дебошу и разрушению. Мы хотим развлечь, отвлечь и умиротворить клиентов.

— Объявите, что девки и альковы доступны бесплатно, — предложил Флориан. — Кто не предпочел бы кубок в руке рабыне в объятиях?

— Ты что, не видишь, какое у нас тут столпотворение? — ворчливо осведомился Хо-Тоск. — Нет ни одного свободного алькова!

Флориан окинул взглядом широкий, освещённый лампами, свисавшими с низкого потолка, зал таверны.

— Все портьеры закрыты, — прокомментировал Аддисон Стил.

— Все, — развёл руками Хо-Тоск.

— Но Вы же послали за пагой? — уточнил Флориан.

— Конечно, — подтвердил Хо-Тоск, несколько раздражённо.

— Пага, пага! — требовательно выкрикнул мужчина за одним из столов, ударив пустым кубком по столешнице.

Его крик был тут же подхвачен другими столами. Мужчины, сидевшие со скрещенными ногами, нетерпеливо забарабанили своими кубками по низким прямоугольным столам.

— Где Сандра? — процедил Хо-Тоск.

— Несомненно, уже в пути, — заверил его Флориан, — в сопровождении кого-нибудь из наших парней.

— Пага! — крикнул другой мужчина.

— Да, Пага, пага! — завопил другой.

— У вас же тут полно рабынь, — заметил Аддисон Стил, — слоняются без дела, позорно спрятались за чаном паги, ничем не заняты, ни для чего не используются.

— Они не танцовщицы, — буркнул Хо-Тоск.

— Ну и что, — пожал плечами Аддисон Стил. — Отправьте их танцевальную площадку. Посмотрите, какую из них будут принимать благосклонно, а какую прогонят, какая заслужит аплодисменты, а какая брань и свист. Пусть ваш помощник использует плеть на основе своего собственного суждения, или настроения толпы, или того и другого. А гости пускай делают ставки на то, будет ли та или иная девка выпорота, или как долго та или иная девка продержится, перед тем как надсмотрщик возьмётся за плеть. Пусть заключают пари. Это будет азартная игра. Когда ставки сделаны, и судьба монет висит на волоске, кто будет думать о паге? Смелее, благородный Хо-Тоск. Прочь сомнения и нерешительность. Искомое развлечение, коего Вы так желали, в ваших руках. Безопасность, к которой Вы так стремились, в ваших руках. Радуйтесь, вашей собственности, мебели и стенам более ничего не грозит.

— Благородные гости, — привлёк к себе внимание Хо-Тоск. — Ждать пагу осталось совсем недолго, скоро она будет здесь. Однако, чтобы не терять время даром, позвольте нам обратиться к тем из вас, чья кровь кипит, кто не боится испытать своего счастья, кто смакует риск и опасность, кто не побоится поставить бит-тарск, чтобы выигрывать медный тарск.

Судя по тишине, повисшей над столами, его речь смогла разжечь любопытство.

— Есть ли среди вас те, — после непродолжительной паузы продолжил Хо-Тоск, — кто не был бы истинным ценителем рабских форм, опрятности лодыжек, стройности икр и бёдер, узости талии и сладости груди, мягкости плеч и красоты черт лица, глаз и волос, привлекательности прекрасного горла, плотно окружённого ошейником рабовладельца? Нет? Я так и подумал! Да, экспертов и авторитетов в достатке. Мы будем отправлять наших девок, одну за другой, в танцевальный квадрат, чтобы они извивались, позировали и танцевали для вас. Вначале, конечно, они встанут перед вами, чтобы Вы могли их хорошенько рассмотреть, оценить и решить, на кого можно заключить пари, а потом, когда все ставки будут сделаны, они начнут выступать. Все они, естественно, красавицы, в противном случае они не оказались бы в Золотой Цепи, но ни одна из них не является квалифицированной, обученной танцовщицей. Каждая, по-своему, неопытна и невежественна. Можно только пожалеть бедняжек за такую их неполноценность. Несомненно, нам придётся часто слышать удары плети. Будут ли гости удовлетворены той или иной из них или нет? Будут ли зрители терпеть неуклюжесть той или иной соискательницы или нет? Будет ли она немедленно изгнана из танцевального квадрата, или сможет продержаться чуть дольше, прежде чем плеть упадёт на её спину, или она сможет закончить своё выступление приемлемо, или даже заслужит аплодисменты, и её спина, ноги и руки останутся нетронутыми языками плети?

— Начинайте, начинайте! — слышались мужские крики.

— А выставьте-ка перед нами для начала вот эту, — предложил Флориан, ткнув пальцев в сторону Евфросинии.

— Пожалуйста, нет, Господин! — взмолилась та, испуганно глядя на Хо-Тоска. — Он знает, что я не умею танцевать.

— Ерунда, — отмахнулся Флориан. — Несмотря на неё многочисленные недостатки, изъяны, дефекты и пороки, она — женщина. Уж в этом-то ни у кого не возникнет сомнений. Так что умение танцевать как рабыня живёт в её генах. Это в ягодицах и бёдрах, в сердце и крови, в животе и лоне каждой женщины.

— Он ненавидит меня, — всхлипнула Евфросиния. — Он хочет, чтобы меня наказали!

— Почему? — спросил Хо-Тоск.

— Я не слишком старалась, чтобы ублажить его, — призналась Евфросиния.

— Что-о-о? — грозно нахмурился Хо-Тоск.

— Он нашёл меня недостаточно усердной, — Евфросиния мудро изменила формулировку.

— Твоя задача — сделать так, чтобы гость был намного больше, чем просто удовлетворённым, — напомнил ей Хо-Тоск. — Твоя задача — быть совершенством удовольствия, подмахивающей и умоляющей о большем, мечтой об удовольствии.

— Я одета в простую тунику, — всхлипнула Евфросиния. — У меня нет ни шелков, ни браслетов, ни колокольчиков, ни монист или вуалей!

— Вперёд! — рявкнул Хо-Тоск.

Евфросинии ничего не оставалось, как выйти на танцевальную площадку и встать перед мужчинами, но прежде чем сделать это, она укоризненно, обвиняюще посмотрела на Флориана и сказала:

— Это — Вы сделали это со мной.

Я видела, как мужчины в зале передают монеты из рук в руки, заключая пари и делая ставки.

Музыканты удивлённо переглянулись.

— Играйте, — бросил им Хо-Тоск.

— Танцуй, рабыня, — усмехнулся Флориан.

— Он не может командовать мною! — вспыхнула Евфросиния.

— Ты ошибаешься, — сообщил ей Хо-Тоск. — Он — твой хозяин. Я продал тебя ему.

Евфросиния ошеломлённо, не веря своим ушам, уставилась на Флориана.

— Эй парень, — обратился Флориан к помощнику тавернера, — встань рядом с ней, размотай свою плетёнку и будь готов применить её.

Евфросиния задрожала.

Музыканты взяли в руки свои инструменты, и водоворот музыки закружился в зале таверны.

— Девка, — окликнул Хо-Тоск рабыню, — команда должна быть повторена?

И Евфросиния начала танцевать перед мужчинами и своим новым владельцем. Помощник тавернера дважды поднимал плеть, глядя на Флориана, но тот каждый раз давал понять, чтобы мужчина воздержался от использования своего упругого инструмента. Евфросиния вначале отчаянно старалась понравиться. Однако вскоре, заподозрив, что она могла бы быть неуязвима для внимания кожаных ремней плети, возможно, по причине слабости или снисходительности Флориана, она начала тонко проверять его. Это меня встревожило, поскольку я подозревала, что, благодаря времени проведённому мною в холдинге Боска из Порт-Кара, я знала характер Флориана несколько лучше, чем она. Это началось с лёгкого намёка на самонадеянность, с едва заметной демонстрации непочтительности. Но, чем дольше она танцевала, тем больше в её танце прорывалось наглое высокомерие, даже превосходство и откровенный вызов.

Мужчины уже озадаченно переглядывались.

Наконец Евфросиния, послушная музыке, завершила свой танец и, утомлённая и вспотевшая, но довольная и торжествующая, опустилась на поверхность танцевальной площадки.

— Плеть, десять ударов, — вынес вердикт Флориан.

— Нет! — вскрикнула девушка, и тут же рухнула на пол, оглушённая первым ударом.

— Пожалуйста, нет, Господин! — простонала она, когда к ней вернулась способность говорить. — Простите меня, Господин!

— Ещё девять, — невозмутимо сказал Флориан. — Когда закончите, разденьте её, свяжите по рукам и ногам, и отнесите в ожидающую у причала лодку с логотипом холдинга Боска. Сегодня вечером я займусь её воспитанием лично.

Двое или трое мужчин оказались в значительном прибытке, благодаря изменению ставок во время танца. Дело в то, что немногие, пока Евфросиния танцевала, ожидали, что Флориан выкажет своё неодобрение. Евфросиния проверила своего нового владельца и не нашла в нём слабости. Впрочем, мне было хорошо известно, что она сама хотела принадлежать сильному, бескомпромиссному владельцу, и теперь она в этом убедилась. Она нашла именно то, чего хотела. Флориан был внешне мягким, и никогда не повышал голоса. Это был его путь. Но он отнюдь не был слабаком. Он был гореанином. Теперь у Евфросинии не останется никаких сомнений в том, что она принадлежит, теперь она быстро осознает, что у неё есть хозяин. В тот момент, когда её начал связывать помощник тавернера, я ощутила, что она была рада, даже несмотря на дискомфорт, была несказанно рада. Я подозревала, что она станет для него превосходной рабыней,

возможно, даже любимой рабыней. Я задавалась вопросом, как давно он тайно владел её сердцем.

— Следующая! — крикнул Хо-Тоск. — Дафна!

— Эти девки — не танцовщицы, — буркнул виночерпий. — И как бы они не старались, скоро закончатся и они.

— Пагу должны скоро доставить, — прошептал Хо-Тоск, в голосе которого слышалась нешуточная тревога. — Но Ты прав, так мы их надолго не отвлечём. Когда они снова начнут требовать пагу — всего лишь вопрос времени.

Дафна начала танцевать.

Я вздрагивала каждый раз, слыша хлопок плети.

В таверне было не так много девушек, которых можно было отправить танцевать перед посетителями. Самос так и не прислал заказанную ранее танцовщицу, Янзе и Аглайя — две квалифицированных танцовщицы, как уже было отмечено, выступать не могли. Часть паговых девок обслуживали клиентов в альковах. И даже если бы они не были заняты, ни одна из них не была танцовщицей. Знаменитая Сандра из холдинга Боска, заказанная Хо-Тоском, тоже пока не прибыла.

— Могу ли я говорить? — спросила я у тавернера.

— Да, — кивнул тот.

— Я не танцовщица, — предупредила я.

— Мне это известно, — буркнул мужчина.

— Я — простая, никчёмная варварка, — сказала я.

— И это мне известно, — хмыкнул он.

— Мне не хотелось, чтобы по моей неуклюжести судили о качестве Золотой Цепи, — добавила я.

— Ты просто не хочешь, чтобы тебя выпороли, — пожал плечами Хо-Тоск.

— И это тоже, — не стала отрицать я.

— Не волнуйся, изворотливая самка слина, — отмахнулся он. — Я уже решил поставить тебя в конец очереди. Мало того, что Ты не танцовщица, но и, что ещё хуже, невежественная варварка. Это в первую очередь не в моих интересах, выставлять таверну в невыгодном свете, да ещё и рисковать повредить своё миловидное имущество, порой слишком умное, когда его плетью погонят с танцевальной площадки.

— Спасибо, Господин, — облегчённо выдохнула я.

Таким образом, после того как меня сдвинули в конец очереди, передо мной должно было выступать, если не считать уже начавшей танец Дафны, всего лишь семь паговых девок: Суча, Лиса, Тамира, Фина, Релия, Рената и Фирна. Мне оставалось только надеяться, что пагу доставят прежде, чем все они пройдут через конкурс.

Внезапно Дафни вскрикнула от боли. Второй удар плети сбил её с ног.

— Долой её! Прочь её! — слышались со всех сторон мужские крики.

Я была крайне озадачена и напугана. На мой взгляд, у Дафны всё получалось вполне неплохо. Тем более что она была красива. Неужели это ничего не значит? Безусловно, танцовщицей она была никакой, точно так же, как и все остальные, столпившиеся за чаном паги. А уж гореанские мужчины были большими знатоками в таких вопросах, хорошо знакомыми с тем, что должна уметь квалифицированная танцовщица. Могли ли такие зрители принять что-либо меньшее, чем самое лучшее выступление?

Плеть ещё раз упала на спину Дафны, торопливо уползавшей с площадки.

Монеты снова перешли из рук в руки, при этом было какое-то затаенное чувство недовольства. Я испугалась, что зрители были рассержены.

— Где пага? — выкрикнул кто-то из-за дальних столов.

— Следующая, — потребовал другой. — Следующая!

— Мне жаль, благородные посетители, — развёл руками Хо-Тоск. — Дафна, хотя и красива, но до танцовщицы ей далеко. Признаю, это вина дома. Мы не озаботились оплатить её обучение танцам. Зато её навыки в алькове выше всяческих похвал, о чём, несомненно, некоторым из вас хорошо известно.

— Следующая! Следующая! — принялись скандировать несколько мужчин.

Я верила, что пагу доставят перед началом выступления следующей танцовщицы, или жертвы, это как посмотреть. Ну, может быть, после неё.

— Взгляните, — обратился к зрителям Хо-Тоск, — на прекрасную Лису, изящную, гибкую, с глазами, столь же синими, как небеса в Ен-Кар, с губами, столь же красными, как алая дина, с волосами, цвета зрелой Са-тарны. Уверен, она вам понравится!

Лиса, отметила я, не выглядела столь же уверенной в этом, как Хо-Тоск. Я нисколько не сомневалась, что она предпочла бы сейчас оказаться где-нибудь подальше отсюда, внизу, на кухне, а ещё лучше в своей клетке.

— Один момент! — раздался громкий властный голос.

Такой голос мог принадлежать какому-нибудь привилегированному клиенту, к мнению которого нельзя было не прислушаться, требование которого нельзя было противоречить.

Все внимание сосредоточилось на фигуре, поднявшейся из-за соседнего стола.

— Мы всегда рады слышать, — улыбнулся Хо-Тоск, — голос благородного Аддисона Стила.

— Со всем должным уважением, — сказал Аддисон Стил, — к талантам прекрасной Лисы, выступления которой мы все ждём с нетерпением, но давайте позволим нашему аппетиту немного разгореться небольшой задержкой.

Я услышала недовольное ворчание, пробежавшее среди столов.

— Вы предпочли бы вначале посмотреть другую? — предположил Хо-Тоск.

— Да, — кивнул Аддисон Стил. — Вот эту!

Я попыталась сместиться в сторону и незаметно просочиться через кисейный занавес, но внезапно почувствовала руку виночерпия, сжавшую моё плечо и удержавшую меня на месте.

— Надеюсь, Господин передумает, — проворчал Хо-Тоск. — Гости и так рассержены.

— Лиса! Лиса! — начали скандировать за столами.

— Нет, дорогой друг, — покачал головой Аддисон Стил и, указав на меня, повторил: — Эту.

— Она — варварка, — напомнил Хо-Тоск. — Она невежественна и глупа. Она неграмотна. Она мало что знает. Она даже не сможет назвать все четыре Народа Фургонов. Она, не задумываясь, подняла бы с земли извивающегося оста. Она не сможет сказать, где находится Турия, а где Кассау. Давайте найдём для неё время попозже, а то и вовсе отменим.

Я не думала, что утверждения Хо-Тоска были справедливы в том, что касалось меня, хотя я, действительно, не смогла бы перечислить четыре Народа Фургонов.

— Эта! — настаивал Аддисон Стил.

Не держи меня виночерпий, я упала бы на колени, неспособная стоять на ослабевших ногах.

— Вот, — поднял руку Аддисон Стил, демонстрируя металлический диск, — монета.

Хо-Тоск ловко поймал брошенную ему монету и, мазнув взглядом, усмехнулся и прокомментировал:

— Медный бит-тарск. Очень обильное вознаграждение.

Среди столов прокатились смешки.

— Вы принимаете его, дорогой друг? — осведомился Аддисон Стил.

— Да, — кивнул Хо-Тоск, а потом посмотрел на меня и бросил: — В квадрат.

— Пожалуйста, нет, Господин, — простонала я.

— Живо, — нахмурился тавернер.

Лиса, избежавшая выступления, была благодарна временной отсрочке, но из зала ускользнуть не осмелилась.

На ватных ногах я вышла на танцевальную площадку, рухнула на колени и склонила голову. Я не знала, получится ли у меня снова подняться на ноги. Оставалось только надеяться на милосердие помощника тавернера, и на то, я смогу выдержать те несколько ударов плети, которыми он наградит меня, пристыженную, уползающую из танцевального квадрата. Мне вспомнились слова Талены, сказанные в Шхере Ларса: «Если бы Ты вышла танцевать, тебя прогнали бы с танцевальной площадки мокрыми тряпками».

— Ну что, готовы? — спросил Хо-Тоск у музыкантов.

— Ещё немного, — ответил цехарист.

Подняв голову, я посмотрела на Аддисона Стила, вальяжно сидевшего со скрещенными ногами в нескольких шагах от квадрата за одним столом с Флорианом. Евфросиния, несомненно, уже лежала на дне лодки, пришвартованной где-то поблизости, раздетая и связанная по рукам и ногам. Флориан оставил её ждать, как положено рабыне, которой она была.

На мгновение наши с Аддисоном Стилом глаза встретились, а затем я, опасаясь, что это могло быть расценено высокомерностью или смелостью, опустила голову.

Как он улыбался!

Как далеко, подумала я, оказались мы от приёмов, ресторанов, от берегов Земли. Теперь я была на Горе, собственностью, одетым в короткую тунику заклеянным животным в рабском ошейнике.

Как он улыбался!

Он всегда меня презирал, даже на Земле. Он знал меня лучше, чем я знала себя сама. Он разглядел, насколько мелочной, тщеславной, надменной, поверхностной и никчёмной я была. Как он презирал меня за мои небольшие хитрости и злоупотребления. Как он презирал меня за то, как я пользовалась преимуществами своего пола, как я исподволь использовала своё тело, меняя обещание его на благосклонность и приобретения, намекая на многое, пожиная прибыль, и ничего не даруя, тело, которое не теперь больше мне не принадлежало, но было собственностью других. Женщины вроде меня, перенесённые на Гор, больше не могли, обменивать свои тела на личную выгоду. Теперь другие продавали нас ради их выгоды. Эти другие были нашими хозяевами. Насколько глупыми были мужчины Земли, как легко их было обвести вокруг пальца и обмануть. Насколько умной и успешной была я. И вдруг я оказалась в ошейнике, на Горе, у ног мужчин, таких, существования каких, я даже представить себе не могла.

Как он улыбался!

За что он так меня ненавидел? Неужели ему было недостаточно того, что теперь я была бесправной, беспомощной, заклеянной рабыней в ошейнике? Неужели такая месть была недостаточной для него? Разве он не знал, что я беспомощно и безнадежно любила его, что я жаждала его цепей? Разве он не знал, что это именно он был тем, перед кем я хотела вставать на колени, прижимаясь губами к его ногам? Разве он не знал, что это именно его плеть я отчаянно хотела целовать, что это именно он был тем, к чьим ногам я хотел ползти, неся его хлыст, зажатый в своих зубах?

Не думаю, что смогу когда-нибудь забыть ту улыбку.

Разве она не означала его триумф, его победу? Разве она не напоминала мне, на контрасте, о моём бездонном унижении и абсолютном покорении, моей полной никчёмности, о том, что теперь я была меньше, чем пыль под сандалиями свободного мужчины, о том, что я была рабыней?

Как он улыбался!

Он знал, что я не умела танцевать. Разумеется, он должен был знать, что многих кейджер, намного более красивых и талантливых, чем я, которых время от времени по капризу и требованию хозяев отправляли танцевать, плетями гнали с танцевальной площадки. Каким он был умным! Как ловко и беспощадно он воспользовался ситуацией, чтобы вставить меня на посмешище, опозорить и наказать. Он специально сделал так, чтобы я вышла танцевать, прежде чем доставят пагу. Он даже перенёс танец Лисы, чтобы разочаровать и возмутить столы. Как нетерпеливы они будут в отношении меня, как они должны были негодовать на меня. Каким он был умным! Я пыталась его ненавидеть, я хотела его ненавидеть, но я оказалась не в состоянии это сделать.

— Готовы? — нахмурившись, спросил музыкантов Хо-Тоск.

— Да, — за всех ответил цехарист.

— Тогда играйте, — велел Хо-Тоск.

Собравшись с силами, я встала на ноги и, подняв над головой руки, сложенные тыльными сторонами ладоней.

Каким бы кратким ни было обучение рабским премудростям, которому я была подвергнута в доме Анесидема, но за его время кое-какие основы рабских танцев мне преподали. Что интересно, в том коротком введении, наибольший упор делался на эмоции, чувства и внутренний мир, на понимание того, что ты — рабыня, что это твоя сущность, чем на освоение различных восхитительной тонкости движений. Нам ясно давали понять, что рабские танцы — это танцы рабынь, и мы должны понять, что это означает. Когда, во время моего обучения, я начала двигаться как рабыня, которой я была внутри, я испугалась. Виной тому, конечно, было моё земное воспитание. «Она, рабыня, там, — сказала мне наставница, тыкая пальцем мне в грудь. — Высвободи её». «Я не понимаю», — пролепетала я, хотя боялась, что поняла её слишком хорошо. «Высвободи свою рабыню!» — настаивала она. «Я не могу!» — всхлипнула я, и вскрикнула, обожжённая ударом её хлыста. «Но здесь же мужчины!» — попыталась объяснить я, и снова закричала от боли. «Пожалуйста, не бейте меня!» — взмолилась я, видя, как она опять замахивается на меня своим хлыстом. Внезапно я осознала, что мой живот был животом рабыни. Но если я была рабыней, почему я не должна вести себя как рабыня? Почему я должна маскировать или отрицать свою сущность? Почему я должна скрывать то, чем я была? Почему мы должны бояться честности? Неужели правда настолько ужасна? Теперь я больше не стыдилась,

поскольку я хотела своего рабства. Я любила своё рабство. «Превосходно, превосходно», — похвалила наставница. «Кейджера! Кейджера!» — скандировали мужчины, хлопая по своим левым плечам ладонями правых рук. «Следующая», — скомандовала наставница.

Я плохо помню, что происходило танцевальном квадрате Золотой Цепи, одной из лучших таверн Порт-Кара. Рискну предположить, что я танцевала или позировала, или это была некая смесь того и другого. Я знаю, что двигалась и извивалась как рабыня. Насколько кардинально отличаются движения рабыни от движений свободной женщины. Как они свободны и раскованы, как бесстыдно и извилисто нагло, как радикально и глубоко женственны. Свободная женщина танцует свою красоту, рабыня во всей своей красоте танцует её клеймо и ошейник. Свободная женщина прекрасна. Рабыня не просто прекрасна, но очевидно переполнена потребностями. Свободная женщина в своей свободе должна сдерживаться, потому что она свободна. Рабыня, в своём рабстве, сдерживаться не имеет права, да она и не может это сделать. Танец свободной женщины указывает на её достоинство и ценность. Танец рабыни — это нечто совершенно другое. Он демонстрирует невероятно желанное домашнее животное, которое может быть куплено и продано.

Спустя несколько первых мгновений, возможно, пятнадцать или двадцать инов, моего то ли танца, то ли позирования, до меня вдруг дошло, что я всё ещё не почувствовала удара плети. Я продолжала, в любой момент ожидая укуса кожи. По периметру квадрата на тонких цепях свисали масляные лампы, заполненные тарларионовым жиром. Их мерцающий свет отбрасывал вокруг меня колеблющиеся тени. Когда же заговорит кожа?

Я продолжала двигаться.

Над столами повисла тишина. Никто не кричал в гнев. Никто не требовал выгнать меня прочь. Я не слышала ни нетерпеливых криков, ни резких сердитых ударов кубками по столам.

Внезапно я осознала, что игра музыкантов больше не казалась небрежной, апатичной или скептической. Скорее теперь они играли взволнованно, стройно, с огоньком и даже воодушевлённо, настороженно и страстно. Насколько страстны, чувственны, возбуждающе и провокационны танцевальные мелодии Гора! Как они зажигают и волнуют!

Плеть по-прежнему не падала на мою спину.

Мужчины в зале замерли, склонившись вперёд. В свете лампы я видела влагу, блестящую на лбах некоторых из них. Рты их были приоткрыты. Множество напряжённых глаз неотрывно следили за мной.

Я заметила, что кулаки Аддисона Стила крепко стиснуты.

Разве это не он сделал это со мной? Разве это не он постарался опозорить меня, сделать объектом насмешек и издевательств? Разве в его намерения не входило, подставить меня под плеть?

Но удар плети всё ещё чего-то ждал.

Я толкнула тело к нему, сердито, вызываяще. Но затем, внезапно, жутко, хорошо зная о глупости моего поведения и опасности, которая грозила мне, рабыне, найди свободный мужчина моё поведение вызывающим недовольство, я продолжила танцевать или скорее признавать, как я могла, свою беспомощность, уязвимость и полное отсутствие у меня выбора, что теперь я носила ошейник, была на том месте, которому я принадлежала, и на котором сама хотела быть, и то, что я теперь сознавала себя ничем, всего лишь объектом, домашним животным, бесполезной рабыней, зато переполненной потребностями и готовой умолять о ласке. Может ли женщина понять это, если только она, в действительности или в её мыслях, не была прикована цепью у ног господина?

А затем я стала танцевать не только своё рабство, но и обращаться к Аддисону Стилу, как если бы я могла бы быть его рабыней, той, которая жаждала носить его ошейник, той, которая жаждала почувствовать тяжесть его цепей на своих конечностях.

Музыка начала ускоряться, приближаясь к финалу.

Я повалилась на пол, извиваясь в своих потребностях.

Наконец музыка резко оборвалась.

Я перекатилась на живот.

Я не могла шевелиться.

Я слышала одобрительные, пожалуй, даже приветственные крики, а затем раздались хлопки ладоней, бьющих по левым плечам, и грохот кубков, стучащих по столам.

С любопытством обводя взглядом зал, я вдруг поняла, что ни одного удара не упало на мою спину.

Я почувствовала чьё-то присутствие рядом с собой, с меня сдёрнули тунику, и мужская рука сжалась в моих волосах, потянув меня вверх, поднимая на ноги.

— Леша! — бросил мужчина позади меня.

Это был голос Аддисона Стила!

Я немедленно вскинула голову, поворачивая её влево, одновременно выправляя тело и заводя руки за спину. Моя реакция была автоматической, немедленной и бездумной. Моё тело само приняло указанное положение, прежде чем я полностью осознала, что сделала это. На моих руках, сведённых вместе, с металлическими щелчками сомкнулись рабские браслеты.

— Голову выше, рабыня, — бросил Аддисон Стил, и я запрокинула голову так, что хрустнула шея, и в то же мгновение почувствовала ошейник поводка, застёгнутый

вокруг мой шеи. — На колени, рабыня. Сядь на пятки. Расставь колени широко. Шире!

Я покорно выполнила его команды, после чего он начал медленно наматывать поводок на кулак, до тех пор, пока расстояние между его правой рукой и моим горлом не сократилось до нескольких дюймов. Затем мужчина натяжением поводка потянул мою голову высоко вверх, вынуждая смотреть на него снизу вверх. Насколько беспомощной чувствует себя женщина в таком положении.

— Уж не думаешь ли Ты, что Ты — танцовщица? — поинтересовался он.

— Нет, Господин, — поспешила заверить его я.

— И правильно делаешь, — усмехнулся Аддисон Стил, — но твои бока небезынтересны. На Земле я предположил, что они могли бы представлять интерес, и на Горе моя догадка полностью подтвердилась.

— Да, Господин, — поддакнула я.

— У тебя аппетитная фигура, — сказал он. — Твоё тело — однозначно тело рабыни.

— Рабыня рада, что её нашли приемлемой, — пролепетала я в замешательстве, не в силах взять в толк, что происходило.

Как вышло, что я стояла перед ним на коленях, голая, с закованными в наручники руками и широко расставленными ногами, как положено рабыне для удовольствий, взятая на поводок, которым моя голова удерживалась высоко понятой, и у меня не оставалось иного выбора, кроме как смотреть в глаза Аддисона Стила? Почему не возражает Хо-Тоск? Почему молчит виночерпий? Куда подевались помощники тавернера?

— Теперь, — сказал Аддисон Стил, повернувшись к входной двери, — можно заносить пагу.

Хо-Тоск от радости даже захлопал в ладоши, увидев четырёх мужчин один за другим входивших в таверну. Каждый из них держал в руках бочонок паги. Они сразу направились к чану паги. Виночерпий сиял, как только что отчеканенная золотая монета.

— Пага! Пага! — звучали со всех сторон мужские крики, полные удовольствия и нетерпеливого ожидания.

Рабыни выскочили из-за чана и помчались к столам, чтобы забрать пустые кубки, и вернуть их наполненными до краёв.

— Я думаю, что пора посмотреть, как там поживает Евфросиния, — сказал Флориан, поднимаясь из-за стола.

— Не думаю, что она будет очень рада тебя видеть, — хмыкнул Аддисон Стил.

— Если она выкажет хотя бы малейшие признаки нетерпения, раздражения, упорства или неудовольствия, придётся её избить, — пожал плечами Флориан.

— И это правильно, — поддержал его Аддисон Стил.

В этот момент в дверном проёме показался Мил из холдинга Боска из Порт-Кара, толкнувший в зал закутанную в длинный плащ стройную фигуру. Я услышала перестук браслетов и звон колокольчиков. Мил сдёрнул плащ, и я увидела блестящие пояса, переплетение монист, нить ожерелий, яркие браслеты и переливы и мерцающие трепещущих прозрачных шелков.

— Это же Сандра! Сандра! Сандра! — раздались восхищённые крики мужчин.

— Это имущество Боска из Порт-Кара, — сообщил Мил, — одно из многих.

— Я думаю, что в Порт-Каре нет танцовщицы лучше неё, — заявил Флориан.

— Несомненно, товар не из дешёвых, — улыбнулся Аддисон Стил.

— Я бы сказал, очень дорогой, — поддержал Флориан.

Аддисон Стил потянул поводок, заставив меня подняться на ноги, и увёл меня из танцевального квадрата. Мы направлялись к входной двери таверны.

Я была смущена, и даже напугана. Я не знала, что должна делать. Не следовало ли мне закричать и позвать на помощь Хо-Тоска? Конечно, не могло быть, чтобы никто не заметил, что меня ведут к выходу из таверны. Но при этом я боялась, что, если я привлеку к этому внимание Хо-Тоска, то он запросто может натравить на Аддисона Стила своих людей. Ведь нельзя же вот так взять и просто увести из таверны паговую девку. Это не разрешено. Это могли даже истолковать как попытку кражи рабыни. Я попыталась замедлить шаг, и ошейник поводка надавил на тыльную часть моей шеи. Аддисон Стил обернулся, но не потянул меня вперёд, не сбил меня с ног, не пнул и не ударил.

— Могу ли я говорить, Господин? — спросила я.

— Говори, — разрешил мне он.

— Вы не можете увести меня из таверны, — напомнила я.

— Ты ошибаешься, — усмехнулся мужчина.

— Я не девушка на ан! — сказала я.

Девушка на ан — это та, которая может быть забрана из таверны и использована в другом месте в течение ана или больше, или даже в течение всей ночи. Разумеется, прежде чем её заберут, следовало договориться с владельцем таверны и сделать определённые приготовления.

— Я надеюсь, что нет, — хмыкнул Аддисон Стил.

— Вы подвергаете себя опасности, — предупредила я. — Вы многим рискуете.

— И чем же это может мне грозить в данный момент? — осведомился он.

— Я могу закричать, — объяснила я.

— С какой стати тебе это делать? — поинтересовался мужчина.

— Хотя бы для того, чтобы защитить вас, — ответила я.

— Что-то я тебя не понимаю, — удивился он.

— Чтобы помешать вам увести рабыню из таверны без разрешения, — объяснила я, — и даже защитить вас от возможных обвинений в попытке украсть рабыню.

— И ты, правда, закричала бы? — уточнил Аддисон Стил.

— Да, — кивнула я.

— Не стоит этого делать, — покачал он головой, а потом потянул меня вперёд, и я, спотыкаясь, покинула таверну, выйдя в ночь.

Позади слышались звуки музыки. Музыканты аккомпанировали вошедшей в квадрат Сандре, и гости, ликующие и довольные, да ещё и пропустившие по бесплатному кубку паги, не обратили на наш уход никакого внимания.

Шли мы недолго, мужчина впереди, а я семенила следом, повинуюсь натяжению поводка. Наша прогулка закончилась на берегу канала. Меня переполнял страх за Аддисона Стила. Казалось, его совершенно не беспокоила его собственная безопасность. Я боялась, что уже сейчас помощники тавернера, вооружённые палицами и верёвками, могли броситься в погоню за нами. Конечно, теперь я не стала бы кричать. Я не боялась за себя, а бояться за гореанских мужчин с моей стороны было бы смешно. Гореане, и такие мужчины как они, очень любят женщин. Например, им доставляет удовольствие, покупать и продавать нас, владеть и доминировать над нами. Какой настоящий мужчина не хочет иметь рабыню, и какая настоящая женщина не хочет своего господина? В действительности, я знала, что Аддисон Стил, несмотря на его крайне низкое мнение обо мне, его понятное презрение ко мне и моей никчёмности, находил меня желанной. Честно говоря, я ожидала, что он, найдя некое тихое, удобное местечко, возможно, присмотренное заранее, вскоре использует меня для своего удовольствия, чтобы обладать мною, как это принято у рабовладельцев, подчёркивая мой позор и деградацию, напоминая мне о моём клейме и ошейнике, подвергая меня властному использованию, достойному рабыни, вынуждая меня вынести ритмы, потрясения, штормы, приливы и восторженные падения, коих свободной женщине никогда не познать. Как я могла бы подмахивать, извиваться, стонать, плакать и умолять о большем в его руках!

Как только мы остановились, я немедленно опустилась на колени около ноги мужчины, покорно склонив голову. Я сделала это не задумываясь, осознав, что именно я сделала лишь несколько мгновений спустя. Сделано это было естественно и подходяще для такой, как я. Как далеко мы были от Земли! Я приняла это положение покорности и подчинения, соответствующего мне, автоматически, без всякой мысли. Это было правильно для меня. Я была на том месте, которому я принадлежала, и которому хотела принадлежать.

Чуть позже Аддисон Стил махнул рукой проплывающей мимо лодке.

— Вы не можете увести меня без разрешения моего хозяина, — напомнила я.

— Не бери в голову, — отмахнулся он.

— Я не понимаю, — вздохнула я.

— Я купил тебя, — наконец снизошёл Аддисон Стил до объяснений. — Теперь я
— твой хозяин.

Глава 47

Талена теперь в безопасности на Косе

М

ы остановились перед порталом, освещённым маленькой масляной лампой, свисавшей со стены.

— За дверью лестница, — сообщил Аддисон Стил. — Она ведёт в моё жилище.

— Вы ведь с Земли, не так ли? — спросила я.

Я давно задумывалась над этим вопросом. Конечно, впервые я столкнулась с ним на Земле, и там он чувствовал себя непринужденно, явно хорошо знакомый с её привычками и обычаями, а на английском говорил без малейшего акцента. Но уверенности у меня не было. На мой взгляд, он ничем не отличался от гореанских мужчин. Исходя из всего того, что я знала, он запросто мог быть гореанином по рождению.

— Когда-то был, — подтвердил он мои подозрения. — Я не делаю из этого тайны.

— Но ведь я тоже, как вам известно, с Земли, — напомнила я.

— С Земли, — кивнул он. — Но это в прошлом, теперь Ты с Гора.

— Конечно же, Вы, как мужчина Земли, пусть и в прошлом, не собираетесь держать меня в качестве рабыни, — намекнула я.

— Конечно же, — усмехнулся мужчина, — если решу продать или как-либо ещё от тебя избавиться.

— Как Вы, землянин, можете держать меня в качестве рабыни? — удивилась я.

— Да легко, — пожал он плечами, — полностью, и на полностью на законных основаниях. Ты — рабыня по своей природе, а теперь и согласно закону.

— Но я же с Земли, — напомнила я.

— А это для меня дополнительный стимул, — хмыкнул Аддисон Стил, — восхитительная пикантность владения тобой.

— Разве Вы не должны немедленно освободить меня, утешить и спасти меня? — поинтересовалась я.

— Рискну предположить, что тебе вряд ли понравится чувствовать хлыст и плеть на своём голом теле, — с насмешкой заметил он.

— Нет, — вздрогнула я, — мне это не понравится.

— В таком случае, возможно, тебе стоило бы уделить больше внимания тому, как сделать так, чтобы твой хозяин был полностью доволен тобою?

— Надеюсь, Вы понимаете, что женщине, рождённой на Земле, многие вещи трудны для понимания, — сказала я.

— Какие такие вещи? — удивлённо посмотрел на меня Аддисон Стил.

— Что это? — снова не понял он.

— То, что Вы, однажды мужчина Земли, можете вести себя со мной подобным образом, беззаботно стоять рядом со мной, совершенно не обращая внимания тому, что я, женщина вашего прежнего мира, раздета догола, да ещё и на открытой улице, на виду у всех, под лампой, что я заклеимена, что мои запястья закованы за спиной в стальные браслеты, что я ношу ошейник, что я на поводке.

— Что-то я тебя не понимаю, — ответил на это он. — Животные и не должны быть одеты. Их часто держат на привязи, в клетке или в загоне, иногда полностью беспомощными. Клейма полезны для того, чтобы их отслеживать. Ошейники и поводки — очень подходящие для них аксессуары.

— Выходит, я — животное? — уточнила я.

— Конечно, — заверил меня мужчина.

— Значит, Вы будете обращаться со мной, как с животным, — заключила я, — и использовать меня соответственно.

— Конечно, — подтвердил он. — А как же ещё?

Признаюсь, это было именно то, что я хотела услышать. А какая рабыня не хотела бы это услышать? Рабыня жаждет быть животным своего хозяина.

Уверена, рабыни меня поймут. А все остальные пусть озадаченно крутят пальцем у виска.

— Я люблю вас, — призналась я.

— Прикуси язык, — нахмурился Аддисон Стил, — если не хочешь быть избитой.

— Простите меня, Господин, — пролепетала я, действительно, не имевшая ни малейшего желания быть избитой.

Я была полностью удовлетворена ответами на мои маленькие проверки, и теперь я могла быть спокойна.

Жилище Аддисона Стила, как выяснилось, располагалось на южной набережной Дороги Воров, неподалёку от той самой книжной лавки, около которой я впервые повстречала его на этой планете несколько недель назад. Это была довольно милая квартира на втором этаже, небольшая, но светлая, с окрашенными в яркие цвета стенами. Мебели в ней было мало, как и в большинстве гореанских жилищ. Зато здесь имелось курульное кресло, разумеется, для хозяина. Ещё тут были низкий стол, вокруг которого мужчины обычно сидели со скрещенными ногами, а рабыни стояли на коленях, несколько сундуков различных размеров, для хранения вещей, а также небольшие плоские подушки и ложе, оборудованное цепями. Также в комнате тут и там в стены и пол были вмурованы рабские кольца, к которым можно было бы прикрепить девушку. Хотя в квартире имелось кое-какое

оборудование для приготовления лёгкого перекуса и личной гигиены, в другом месте здания можно было найти, и общую кухню, и общественные ванны. В Порт-Каре нет ничего подобного большим термам Ара, но большинство гореан относится к личной гигиене серьёзно, так что в подвале дома было несколько больших ванн, в которых рабыни, стоя на колени, могли омыть своих хозяев.

С тех пор как я была уведена из Золотой Цепи, прошло четыре дня.

— Есть много чего, что мне хотелось бы узнать, Господин, — набравшись смелости, призналась я.

— Я надеюсь, тебя интересует что-то важное? — уточнил Аддисон Стил.

— Сколько Вы заплатили за меня? — спросила я.

— Это не важно, — отмахнулся он.

— Это важно для меня, — попыталась настоять я.

— Ты — рабыня, — напомнил мне Аддисон Стил.

— Даже несмотря на это, — не оставляла своих попыток я.

— Возможно, бит-тарск, — заявил мой хозяин.

— Я подозреваю, что больше, — не поверила я. — В конце концов, я была девушкой в Золотой Цепи.

— Не бери в голову, — буркнул он.

Он был явно раздражён, и это меня чрезвычайно обрадовало. Это означало, что заплатил он за меня больше, чем ему хотелось бы, и, возможно, даже больше, чем я стоила. Но, с другой стороны, чего стоит девушка? Конечно, ровно столько, сколько готов выложить за неё покупатель. В этом смысле цены на рабынь имеют тенденцию быть непредсказуемыми и гибкими.

— За Хо-Тоском, — сказала я, не в силах сдержать улыбки, — закрепилась репутация большого мастера торговаться.

— Достаточно об этом, — отрезал мой хозяин.

— Да, Господин, — вздохнула я.

Конечно, я была рада, раздражению Аддисона Стила, но у меня не было ни малейшего желания раздражать его ещё больше. Из стены справа от меня торчал крюк, с которого свисала пяти-ременная гореанская рабская плеть. Мне уже довелось почувствовать её, причём дважды.

— А когда Вы меня купили? — поинтересовалась я.

— После событий в Шхере Ларса, — ответил он, — и незадолго до того, как поменяли твой ошейник.

— Я даже не знала, — вздохнула я.

— И что же Ты подумала? — полюбопытствовал Аддисон Стил.

— Честно говоря, я не знала, что и думать, — призналась я. — Я ведь по-прежнему оставалась в Золотой Цепи. Я предположила, что это был новый ошейник таверны. Евфросинии, кстати, тоже сменили ошейник.

— Её перекупил Флориан, — прокомментировал Аддисон Стил.

— Теперь-то я это знаю, — улыбнулась я.

— Она тебе нравится? — спросил мой хозяин.

— Да, — кивнула я.

— Что Ты о ней думаешь? — осведомился он.

— Она принадлежит ошейнику, и, если она будет верна ему, она будет жить в радости, — ответила я.

— А что насчёт тебя? — спросил Аддисон Стил.

— Возможно, — игриво уклонилась я от прямого ответа.

— Давай-ка понаблюдаем, как Ты извиваешься под плетью, — предложил мужчина.

— Давайте не будем, — задрожав, попросила я.

— Ты принадлежишь ошейнику, — констатировал мой хозяин.

— Я знаю, — и не подумала отрицать я.

— Мне это было ясно ещё в первую нашу встречу на Земле, — сообщил мне он.

— Я вынуждена была держать это в тайне от всех, — вздохнула я.

— Когда я увидел тебя, — признался Аддисон Стил, — первым, на что я обратил внимание, было твоё горло. Я сразу представил его в ошейнике, представил, как оно смотрелось бы в рабском ошейнике.

— Теперь он находится на своём месте, — сказала я, коснувшись кончиками пальцев стальной полосы.

— Думаю, я тебя продам, — заявил мой хозяин.

— Со мной может быть сделано всё, что пожелают мои владельцы, — вздохнула я.

— А возможно и не продам, — добавил он.

— Со мной может быть сделано всё, — повторила я, — что пожелаете Вы, мой Господин.

— Ползи сюда, — велел Аддисон Стил.

— Да, Господин, — отозвалась я, с готовностью выполняя его команду, и уже через несколько енов, дрожа и задыхаясь, умоляла: — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Господин, позвольте мне!

— Правда ли, что Ты — гордая женщина Земли? — спросил он.

— Нет, нет, — замотала я головой. — Позвольте мне, позвольте мне сделать это, я прошу вас!

— Кто Ты? — спросил мужчина.

— Рабыня, — выкрикнула я, — кейджера!

— А может, что-то ещё? — уточнил он.

— Ничего больше, — простонала я. — Только это!

— Чья Ты рабыня? — осведомился Аддисон Стил.

— Ваша, — всхлипнула я. — Ваша рабыня! Пожалуйста, пожалуйста!

— Отлично, — усмехнулся он, и в следующее мгновение я вскрикнула в экстазе, вне себя восторга, от благодарности и облегчения.

Иногда, к счастью не часто, Аддисон Стил поступал со мной так, делая меня заложницей моих собственных потребностей, заставляя меня ждать так долго.

В конце концов, он был моим хозяином, и мог делать со мной всё, что ему нравилось.

— Ты была излишне шумной в этот раз, — пожурил меня он.

— Простите меня, Господин, — прошептала я.

— А ведь я не делал ничего особенного, — сказал он. — Рабовладельцу приятно видеть то, что он сделал со своей рабыней, какие эмоции он вызвал в своей рабыне. Приятно видеть её в своих руках беспомощно стонущей, рыдающей и умоляющей о большем. Это не Земля, где женщина может гордиться своей сексуальной инертностью, жить жизнью сексуального небытия и соревноваться со своими сёстрами в превосходстве над сексом.

Рабыням, разумеется, не позволяют сдерживаться. От них ожидают естественной женской реакции, характерной для рабыни в руках её господина.

— Знаешь ли Ты, — спросил мой хозяин, — о том, что многие женщины Земли сексуально безразличны, или пытается быть таковыми, что они фригидны, или хотят быть таковыми, или пытаться быть таковыми?

— Им было бы трудно быть фригидными, — ответила на это я, — если бы их раздели и заключили в ошейник.

— Во время твоего обучения, — продолжил он, — я полагаю, тебе рассказали о том, что такое рабские огни.

— Им потребовалось очень немного усилий для их воспламенения, — призналась я.

— И теперь они бушуют, — констатировал мужчина.

— И теперь я, как и многие другие, являюсь их беспомощной пленницей, — подытожила я.

— И это замечательно, — улыбнулся Аддисон Стил.

— Наши хозяева не оставляют нам иного выбора, — пожала я плечами. — Они делают с нами то, что они пожелают. Теперь рабские огни вспыхивают в нас часто и неудержимо.

— Превосходно, — сказал он. — Пожалуй, теперь пришло время выпить немного вина, и, если Ты будешь при этом красиво стоять на коленях, и обслуживать так, что мне понравится, возможно, я подумаю над тем, чтобы поласкать тебя снова.

Я быстро поднялась на ноги и поспешила к стоявшему у стены буфету с четырьмя дверцами и двумя полками, чтобы принести кубки и графин.

Разумеется, я приложила все силы, чтобы ему понравилось. Конечно же, я хотела получить ещё одну порцию ласк. Более того, я надеялась, что он будет ласкать меня снова.

Но решать, делать это или нет, было прерогативой моего владельца.

Если бы он задержался с принятием решения, я завязала бы локон своих волос в узел неволи.

Конечно, он не смог бы не заметить такой сигнал.

С моей стороны было бы опрометчиво, открыто просить его о внимании.

Я хотела принадлежать. Я принадлежала. И мне нравилось принадлежать.

— Господин, — позвала я.

— Что?

— Там, в таверне, — сказала я, — похоже, Вы были слишком уверены во мне, отправляя танцевать меня, простую варварку. Это очень лестно. Вы знали, что я не оплошаю. Вы знали, что мне удастся избежать плети. Вы, так или иначе, знали, что меня не станут наказывать. А вот у меня такой уверенности не было. Скорее наоборот, я была полностью уверена, что меня прогонят из танцевального квадрата плетью.

— Вообще-то, я тоже, — усмехнулся Аддисон Стил.

— Ох, — выдохнула я, и поспешила сменить тему. — Я так понимаю, что рабыня, которую я знала, как Адрасте, на самом деле была Таленой, некогда самозваной Убарой Ара, которую теперь неустанно разыскивают великое множество охотников за головами.

— Верно, — подтвердил он.

— Я думала, что она всё это время была в безопасности на Косе, в гостях у её бывшего союзника, Убара Коса Луриуса из Джада.

— Мы распустили этот слух, чтобы сбить со следа или остановить её поиски, разочаровать и обескуражить сотни охотников за её головой, сохранить её в большей безопасности, перенаправив их усилия с континента на острова. Точно так же, как другие какое-то время назад скрывали её на архипелаге Конце Мира, где её и нашёл Боск из Порт-Кара, приобрел и вернул на континент.

— Насколько я понимаю, между капитаном Боском и Адрасте существует некоторая связь, — предположила я.

— Была раньше, — кивнул Аддисон Стил. — Когда-то она была его компаньонкой, но это было давно, и их компаньонство было расторгнуто автоматически, поскольку не было возобновлено через год. Кроме того, рабство аннулирует такие отношения. Нельзя быть одновременно компаньонкой и рабыней.

— Боск всё ещё любит её? — полюбопытствовала я.

— Не знаю, — пожал плечами мой хозяин. — Она была женщиной жестокой, высокомерной и злой. Однако я уверен, что он не желает, чтобы она оказалась в

руках охотников за головами, а потом и в Аре, где её, несомненно, подвергли бы длительным пыткам и, в конечном итоге, казнили, посадив на кол то, что осталось бы от её живого тела.

— Я знала её только рабыней, — сказала я, — но даже в такой роли она была надменной и неприятной особой.

— Она была рабыней, — заметил Аддисон Стил, — да и по-прежнему остаётся рабыней, если только кто-нибудь не объявил, что она освобождена.

— Как странно, — прошептала я. — Подумать только, из Убары в рабыни.

— Это не беспрецедентно, — заверил меня он. — Войны на Горе — дело обычное. Так что, случается и так, что побежденная Убара находит себя голой и закованной в цепи, заклеимённой и в ошейнике у ног победителей. Их зачастую сначала демонстрируют в качестве трофея на триумфах, гражданских торжествах и прочих мероприятиях, но позже их могут просто бросить в загон вместе с другими рабынями, принадлежащими победителям.

— Всё равно мне всё это кажется удивительным, — призналась я.

— Не думаю, что Боск стал бы её освобождать, — предположил Аддисон Стил. — Скорее, полагая, что, будучи рабыней, она будет в большей безопасности, он оставил бы её таковой. Кому могло бы прийти в голову, что бывшую Убару Ара следует искать среди тех, кто носит тунику и ошейник? Наверняка, большинство охотников искало бы неуловимую свободную женщину, богатую и властную, скрывающуюся в каком-нибудь большом городе. К тому же, как за рабыней, за нею было проще наблюдать, охранять и защищать.

— Но разве таверна — это подходящее место, чтобы её прятать? — удивилась я.

— Это, на мой взгляд, — хмыкнул Аддисон Стил, — было самым блестящим решением. Боск продал её с одного из самых низких рынков Брундизиума. Купил её агент, и рутинно, вместе с другими рабынями, такими как Ты, переправил в Порт-Кар.

— Но в таверне её видело множество мужчин, — напомнила я.

— Верно, — согласился Аддисон Стил, — но кто узнает в ней бывшую Талену из Ара? Подобная идентификация была бы невероятна. Так что, выставленная напоказ, она была лучше всего скрыта. Ты должна помнить, что Порт-Кар отделяет от Ара огромное расстояние, и даже в Аре очень немногие, учитывая вуали, капюшоны и одежды сокрытия, могли знать Убару в лицо. Здесь Гор, а не Земля с её газетами, журналами и телевидением.

— Кроме того, рискну предположить, что здесь, — сказала я, — Капитан Боск мог держать её под наблюдением.

— Конечно, — подтвердил мой хозяин, — и он это делал, причём часто лично, пока не отбыл из Порт-Кара в связи с нападениями, совершаемыми от его имени.

— А что если, эти нападения для того и делали, чтобы выманить его из города? — предположила я.

— Вполне возможно, — согласился со мной Аддисон Стил.

— А почему было бы не спрятать её внутри холдинга, среди других рабынь? — поинтересовалась я.

— Невозможно вычислить какой поверхностью упадут брошенные кости, можно лишь прикинуть вероятность того или иного события, — развёл руками Аддисон Стил. — Считалось, что, если держать её в холдинге, открыто или инкогнито, или, того хуже тайно, принимая во внимание факт прежнего компаньонства, вполне вероятно, что рано или поздно, это вызвало бы подозрения. Где ещё можно было бы искать её?

— К тому же, — вздрогнув, пробормотала я, — быть узницей в холдинге было бы ужасно. Уж лучше таверна, свежий воздух и ветер, свобода города.

— Возможно, подобные соображения, — заметил Аддисон Стил, — принимал в расчёт и Боск. Я не знаю.

— Но, в конечном итоге, её всё же забрали в холдинг, — констатировала я.

— Когда стало ясно, что её опознали, — уточнил он.

— Но ведь когда Па-Кур из касты Ассасинов попытался захватить Адрасте или, точнее, Талену, — сказала я, — вас, находившегося среди злоумышленников и отмеченного красным шарфом, могли принять за них и убить.

— Некоторый риск, конечно, имел место, — признал Аддисон Стил.

— А почему Вы не перекрыли парпет, чтобы перекрыть людям Па-Кура путь к отступлению? — полюбопытствовала я.

— Учитывая количество его людей, мы вряд ли смогли бы удержать его, а вскоре потеряли бы и сам холдинг, — пояснил он. — Всё, что мы хотели, это посеять среди злоумышленников неуверенность, смущение и панику, а затем, пока они были запутаны и напуганы, направить их к незащищенному выходу из холдинга.

— Я поняла, — кивнула я.

— Это — обычная военная хитрость, — добавил Аддисон Стил. — Усыпать дорогу из страны жемчугом.

— Я долгое время думала, что Вы двуличный наёмник, служащий сразу двум противникам, Серемидию, которого я тогда знала как Бруно Торкадино, и Па-Куру, — призналась я. — А Вы, как выяснилось, были агентом дома Боска.

— Ставки были слишком высоки, а опасность более чем реальна, — пожал он плечами.

— В таком деле даже рабыне могла грозить смертельная опасность, — заключила я.

— Несомненно, — не стал отрицать мой хозяин.

— Когда я стояла на Дороге Воров, покинув таверну по поручению, которое, в конечном итоге привело мне в жилище Дорны, где меня ждал допрос, моей жизни угрожали. В меня стреляли. Я могла погибнуть. Стрела ударила в стену не дальше фута от моей головы, обдав меня каменной крошкой.

— Тебе ничего не грозило, — заверил меня Аддисон Стил. — Стрелял Па-Кур из своего арбалета, а он — превосходный стрелок. Задача стояла не в том, чтобы убить тебя, а только смутить, встревожить, сделать более уязвимой и восприимчивой на предстоящем допросе.

— А на болотах? — напомнила я. — Я попала в зыбучий песок и, если бы не смогла выбраться из той ловушки то, скорее всего, утонула бы во время прилива.

— Насколько я могу судить, — улыбнулся он, — Ты не похожа на утопленницу.

— Мне повезло поймать проплывавший мимо обломок лодки Па-Кура, — объяснила я, — и воспользоваться им, чтобы выбраться из трясины.

— Как удачно, что течение принесло тот обломок прямо к тебе, — заметил Аддисон Стил.

— Безусловно, — не могла не согласиться я.

— Признаться, я опасался, — сказал мой хозяин, — что Ты окажешься слишком глупой и неловкой, чтобы поймать его, и тогда мне придётся показаться и спасать тебя уже в открытую.

— Я не понимаю, — озадаченно уставилась на него я.

— Я следовал за тобой, — снизошёл он до объяснений, — что было несложно сделать, учитывая оставленный тобой след из сломанного ренса. Я ожидал, что Ты могла попасть в зыбун, поэтому прихватил с собой обломок, а затем толкнул его так, чтобы он подплыл прямо к твоей спине.

— Я поняла, — буркнула я.

— Твои формы небезынтересны, — пожал плечами мой хозяин.

— А ещё я не глупа, — добавила я.

— Надеюсь, что так и есть, — хмыкнул он, — в противном случае будет мало толку держать тебя в ошейнике. Глупость приемлема в свободной женщине, но не в рабыне. Интеллект, как известно, благотворно влияет на цену девушки.

— Тем не менее, нас тоже продают, — заметила я.

— Конечно, — кивнул Аддисон Стил, — причём с большей выгодой.

— А ещё, насколько я понимаю, мой гореанский очень неплох, — похвасталась я.

— Он превосходен, — согласился он, — и это также поднимает твою цену.

— Мне говорили, что у меня брундизиумское произношение, — добавила я.

— Это — прибрежное произношение, — поправил меня Аддисон Стил, — если подходить к этому вопросу более широко.

— Я начинала изучать гореанский именно в Брундизиуме, — пояснила я.

— Тогда в твоём акценте нет ничего удивительного, — пожал плечами мой хозяин.

— Многие девушки, — добавила я, — даже думают, что я гореанка по рождению.

— Вот об этом я хотел бы с тобой поговорить, — кивнул он.

— Господин? — с готовностью отозвалась я.

— Со слов Флориана мне стало известно, — заговорил мужчина, — что Ты позволяешь себе вводить в заблуждение некоторых своих сестёр по рабству относительно своего происхождения.

— Бывает, — даже не сделав попытки отрицать, признала я, — но только если они меня не спрашивают.

— Рабские девки не могут лгать, — нахмурился он.

— Но я же не лгала, — попыталась оправдаться я.

— Но Ты, вероятно, осознавала ошибочность их выводов и не спешила разуверять их в этом.

— Возможно, — осторожно признала я.

— И разве это не равнозначно лжи? — спросил он.

— Конечно, нет, — ответила я, с трудом удержавшись, чтобы не бросить взгляд на плеть, свисавшую с крюка.

— В принципе тебя никто не обязывает и не принуждает к частому и публичному декларированию своих ошибок и недостатков, или твоего неприятного и смущающего происхождения, — сказал Аддисон Стил, — но, в интересах честности Ты не должна делать тайны того, что Ты — варварка. В действительности, поскольку довольно велика вероятность того, что рано или поздно неким промахом, лингвистическим или каким-либо иным, Ты себя выдашь, разумнее всего для тебя было бы не допускать сомнений относительно этого вопроса, чтобы не быть подвергнутой какому-нибудь, вполне заслуженному наказанию. Ты поняла меня?

— Да, Господин, — вздохнула я.

— К тому же, сам факт твоего варварского происхождения не является чем-то унижительным, скорее это делает тебя более интересной и особенной. Это придаёт тебе, так сказать, определённый аромат. Например, всем известно, насколько сексуально беспомощными становятся варварки, стоит только надеть на них ошейник.

— Ничуть не беспомощнее рождённых на Горе девушек — заверила его я. — Все мы — женщины, все мы — беспомощны в своих ошейниках.

— С этим не поспоришь, — согласился мой собеседник.

— Но ведь если гореанские девушки узнают, что я — варварка, — пожаловалась я, — они могут меня избить.

— Не все, конечно, — пожал он плечами.

— Верно, не все, — вынуждена была согласиться я.

— Это — риск, с которым тебе придётся свыкнуться, — сказал Аддисон Стил.

— Я поняла, — вздохнула я.

— Так что, не будь слишком рьяной в том, чтобы скрывать своё варварское происхождение, — подытожил мой хозяин, — хотя бы из уважения ко мне.

— Да, Господин, — пообещала я.

— В противном случае, будешь выпорота, — предупредил он. — Всё ясно?

— Да, Господин, — поспешила заверить его я.

— Что это у тебя в волосах, — осведомился Аддисон Стил, — уж не узел ли неволи?

— Да, Господин, — улыбнулась я.

— Ну тогда иди сюда, в мои руки, — усмехнулся он.

— Да, Господин, — не скрывая радости, откликнулась я.

— Интересно, — спустя некоторое время заговорил Аддисон Стил, — что случилось с тем жуликом, Децием из Венны.

— Шхеру Ларса он покинул в разочарованный и раздосадованный, — отозвалась я. — Я подозреваю, что он решил вернуться в Венну.

— Не исключено, что нет, — покачал головой он. — По слухам известно, что там его ждёт ордер на его арест.

— Первоначально его нанял Серемидий, которого я знала как Бруно из Торкадино, — припомнила я.

— Ты думаешь, что он знал настоящую личность Адрасте? — поинтересовался моим мнением Аддисон Стил.

— Я так не думаю, — ответила я. — Полагаю, что уже позже он догадался, что она должна была обладать некоторой, весьма значительной ценностью, и он понадеялся, что заполучив её, сможет извлечь из этого дела прибыль.

— Сомневаюсь, что мы увидим его снова, — сказал мой хозяин.

— Я тоже так думаю, — согласилась с его мнением я.

— Деций, кстати, довольно распространённое имя в Аре, Венне и их окрестностях, — поведал мне Аддисон Стил.

— Я этого не знала, — призналась я.

— Например, советника Убара Ара Марленуса по делам торговли зовут Деций Альб, — добавил он.

— Я о таком даже не слышала, — пожала я плечами.

— Судя по тому, что я о нём слышал, — хмыкнул Аддисон Стил, — такой же прохиндей, как и его тёзка.

— В Брундиизиуме мне довелось побывать в руках Деция из Венны, правда, недолго, — рассказала я. — Когда во время большого пожара в доках, рабынь вывели из дома Анесидема, чтобы они не погибли, если бы огонь перекинулся на другие здания.

— Ваши с Адрасте простыни поменяли местами, — кивнул мой хозяин.

— Верно, — подтвердила я, не слишком удивлённая его осведомлённостью.

— Это было сделано, чтобы защитить Адрасте, — пояснил он.

— Позже я сама пришла к такому выводу, — призналась я. — Но ведь меня могли убить.

— Тебе не грозило никакой опасности, — успокоил меня Аддисон Стил. — У тебя аппетитные формы, а ошейник окружает твою шею совершенно законно. Есть много гораздо лучших вещей, которые можно сделать с рабыней, чем просто убить её. Это было бы всё равно что выкинуть деньги на ветер. Кому придёт в голову отказываться от монет?

— Вы были в Брундиизиуме? — любопытствовала я.

— Нет, — ответил он. — Там были Флориан с Милом. Боск из Порт-Кара заранее отправил их в Брундиизиум. Флориан организовал покупку Адрасте, а Мил был внедрён в дом Анесидема, чтобы в случае чего защитить её.

— Ну конечно, это был Мил! — внезапно воскликнула я. — Это он подменил простыню!

— Верно, — подтвердил Аддисон Стил.

— То-то он показался мне так или иначе знакомым, когда я увидела его в Порт-Каре, — сказала я.

— А теперь тебя, значит, осенило, — усмехнулся мой хозяин.

— В том коридоре было темно, — сказала я в своё оправдание. — Мы стояли на четвереньках. Да и видела я его лишь мельком, когда нам меняли простыни.

— Да, это был он, — подтвердил Аддисон Стил.

Я положила в сундук, стоявший у стены комнаты, две выстиранные, отутюженные и аккуратно свёрнутые туники моего хозяина. Прежде чем закрыть крышку, я обернулась и заговорила:

— Меня по-прежнему мучает любопытство, относительно того, сколько Вы за меня заплатили.

— Любопытство, — проворчал Аддисон Стил, — не подобает кейджере.

— И даже несмотря на это, — не отставала я.

— Ну и чему Ты улыбаешься, смазливая, возможно, выпрашивающая удар хлыстом, фигуристая тарскоматка? — нахмурился он.

— Этим утром, на улице, — не в силах согнать с лица довольную улыбку, сказала я, — я повстречала своего бывшего владельца, благородного Хо-Тоска. Я встала перед ним на колени, и мы приятно поболтали о разных пустяках. Он спрашивал о вас.

— Очень благородно с его стороны, — буркнул Аддисон Стил. — Ну и как поживает Хо-Тоск?

— Похоже, у него всё в порядке, — ответила я.

— Хорошо, — кивнул мой хозяин.

— Я осмелилась спросить его о том, сколько Вы отдали ему за меня, — призналась я. — Он сказал мне, что вы сторговались на четыре серебряных тарска.

— Хо-Тоск, — процедил Аддисон Стил, — всегда был склонен позлорадствовать по поводу таких вещей.

— Рискну предположить, — улыбнулась я, — что это, по крайней мере, вдвое больше того, что я стою.

— Тщеславие кейджер просто поразительно, — проворчал он. — На мой взгляд, это раза в четыре больше того, что Ты стоишь.

— Должно быть, Вы очень хотели заполучить меня, — лукаво сверкнула на него глазами я. — Сомневаюсь, что Вы сможете сторговать столько же, если захотите продать меня.

— За Евфросинию Флориан заплатил ещё больше, — сообщил мой хозяин.

— Больше? — сразу заинтересовалась я.

— В конце концов, она — гореанка, — пожал он плечами.

— Разумеется, — недовольно буркнула я, закрывая крышку сундука с одеждой.

— Четыре серебряных тарска, — задумчиво проговорила я.

— И я планирую получить из твоей гладкой шкуры удовольствие, которое перекроет эту суммы в несколько раз, — заявил он.

— Я должна доделать порученную мне работу, — напомнила я.

— Это может пождать, — усмехнулся мужчина.

— Могу ли я говорить? — уточнила я.

— Нет, — отрезал он.

Некоторое время нам было не до разговоров.

— Есть много вещей, о которых Ты мало что знаешь, — заговорил Аддисон Стил, немного передохнув.

Я лежала у него с ног, усталая и довольная.

— Па-Кур, — сказал мой хозяин, — человек опасный. А ещё он старинный враг Боска из Порт-Кара. И пытается раздобыть ресурсы. Большие ресурсы.

— Большие ресурсы? — переспросила я.

— Огромные ресурсы, — добавил Аддисон Стил.

— Но для какой цели? — полюбопытствовала я.

— Не знаю, — вздохнул он.

— То есть, между Па-Куrom и Борском из Порт-Кара имеет место застарелая вражда? — уточнила я.

— Это дела давно минувших дней, — кивнул мой хозяин. — Это началось даже задолго до войны между Аром и альянсом Коса и Тироса, могущественных островных Убаратов.

Я слышала историю о том, что Па-Кур когда-то возглавлял коалицию, собравшуюся против Ара, в которую вошли города, некогда покорённые Аром, подвластные ему или просто ревнующие к его величию. Город был осаждён, долго оборонялся, но в конечном итоге был взят. Однако, когда враги уже были на улицах, его жители так или иначе сплотились и разгромили захватчиков. В песнях упоминается некий герой, Тэрл из Бристоля, предположительно, тем или иным образом способствовавший этому разгрому.

— Попытка Па-Кура напасть на холдинг Боска из Порт-Кара, провалилась, — заметила я.

— Это была его якобы попытка захватить рабыню Адрасте, — кивнул Аддисон Стил.

— Талену, — добавила я, — бывшую Убару Ара.

— Изменницу, предавшую свой Домашний Камень, ограбившую свой родной город, открывшую врагам его ворота, марионетку Луриуса из Джада, Убара Коса, и Ченбара из Касры, Убара Тироса.

— В Золотой Цепи я знала её, как не больше чем рабыню в ошейнике, — сказала я.

— Марленус, Убар Ара, чтобы свершить возмездие, назначил за её голову огромную премию, — сообщил мне Аддисон Стил. — Вознаграждение за её поимку составляет десять тысяч золотых тарнов двойного веса.

— Это очень значительная сумма, насколько я понимаю, — предположила я.

— С таким богатством можно купить города, армии, построить флоты, — пояснил мой хозяин.

— Возможно, Па-Кур и его подельники погибли в дельте, когда они бежали из Порт-Кара, — сказала я.

— Возможно, — пожал плечами Аддисон Стил.

Конечно, дельта — место опасное, предательское, где на каждом шагу можно попасть в трясину и в зубы голодных хищников, а из густых зарослей в любой момент могут вылететь стрелы ренсеров.

— А что насчёт того монстра, прячущегося в дельте, с которым общался Па-Кур?

— Поинтересовалась я. — Очевидно, что он — не живое существо. Его шкура покрыта не чешуёй, а широкими прочными металлическими пластинами.

— Я помню его, — кивнул мужчина. — Затрудняюсь сказать, что им управляет, существо или машина. Но технология, конечно, не гореанская. Я подозреваю, что здесь речь идёт о чём-то большем, чем просто о благополучии и судьбах городов. Временами мне кажется, что здесь решаются судьбы миров.

— Конечно, нет, — испуганно прошептала я.

— Давай, будем надеяться на это, — вздохнул мой хозяин.

— Вы служите дому Боска? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — Я служу дому Самоса, Первого Работоторговца Порт-Кара, Первого Капитана в Совете Капитанов.

— Но разве эти два дома не едины? — поинтересовалась я.

— Иногда они их объединяют общие интересы, — уклончиво ответил Аддисон Стил.

— Капитан Боск всё ещё в море, — констатировала я.

— Он был в ярости, — сказал Аддисон, — когда отправлялся, чтобы узнать, кто занялся пиратством от его имени.

— Значит, он, скорее всего, ничего не знает об открытии личности Адрасте, налете на его холдинг, о похищении её Серемидием и об отбытии на Кос.

— Скорее всего, — согласился мой хозяин.

— По крайней мере, — сказала я, — Адрасте или, скорее, Талена, теперь будет в безопасности.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— Конечно, — заявила я. — Теперь она в безопасности, теперь она под защитой её союзника Луриуса из Джада. Ей больше не надо бояться, что её узнают и схватят охотники за головами и в цепях доставят на суд Ара, где её ждёт гнев Марленуса, пытки и смерть на колу.

— Десять тысяч тарнов золотом, да ещё и двойного веса, — покачал головой Аддисон Стил, — сумма значительная.

— К чему Вы ведёте? — не поняла я.

— Ты, действительно, полагаешь, что Серемидий — её друг и его заботят её интересы?

— Всё выглядит именно так, — ответила я.

— А Ты не думаешь, что ему хотелось бы избавиться от объявленной за голову премии? — осведомился Аддисон Стил.

— Несомненно, он хотел бы этого, — вынуждена была согласиться я.

Я знала, что за его голову в Аре также была объявлена награда. Он был капитаном дворцовой стражи, гвардии таурентианцев, и сторонником Талены.

— Но как он мог бы добиться этого? — задал он следующий вопрос.

— Не знаю, — пожала я плечами.

— Ты не находишь, что для одного единственного человека или даже для небольшой группы, было бы чрезвычайно опасно везти в Ар, через весь континент, столь ценный приз как пленённая Талена?

— Рискну предположить, что Вы правы, — признала его правоту я.

— А разве у Луриуса из Джада нет веских причин бояться снова возвысившегося, мощного Ара, возглавляемого разъярённым Убаром, да ещё таким, как Марленус?

— спросил Аддисон Стил.

— Думаю, он должен был бы быть обеспокоен, — кивнула я.

— А как он мог бы одновременно, и подлизаться к столь опасному врагу, и получить богатство для себя и своего Убарата?

— Но он же был её другом и союзником, — напомнила я.

— Когда она окажется в пределах досягаемости его власти, — сказал Аддисон Стил, — она будет уязвимой, беспомощной и беззащитной.

— Уверена, он не станет предавать её, — предположила я.

— За Серемидием прочно закрепилась слава убийцы и предателя, — напомнил мне мой хозяин. — А ведь он прибыл сюда как агент Луриуса, не так ли?

— Чтобы спасти её, — настаивала я.

— Чтобы доставить её на Кос, — поправил меня Аддисон Стил.

— Уверена, на Косе она будет в безопасности, — сказала я.

— Давай, будем надеяться, что всё так и будет.

— Уверена, Убар Коса, благородный Луриус из Джада, её друг и союзник, будет её защищать и честковать, заботиться о ней.

— Давай, будем надеяться, что всё так и будет, — повторил мой хозяин.

— Я боюсь, — прошептала я.

— Я тоже, — признался он.

— Что же будет? — спросила я.

— Поживём — увидим, — ответил Аддисон Стил.

* * *

Эта книга — фантастика. Все имена, характеры, места, события и инциденты — вымышлены и являются плодом воображения автора. Любое совпадения с фактическими людьми, живыми или мёртвым, компаниями, событиями или местами действия — совершенно случайны.

FB2 document info

Document ID: 99ea9e02-593a-4ab2-a1c4-1baad95ccb5d

Document version: 1

Document creation date: 15.2.2023

Created using: FictionBook Editor Release 2.6 software

Document authors :

- Dadriel1987

Document history:

v 1.0 — Создание fb2 — Dadriel1987

About

This file was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.7.0.

(This book might contain copyrighted material, author of the converter bears no responsibility for it's usage)

Этот файл создан при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.7.0 написанного Lord KiRon.

(Эта книга может содержать материал который защищен авторским правом, автор конвертера не несет ответственности за его использование)

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>